

ФАМИЛЬНЫЕ
БУМАГИ
ПУШКИНЫХ – ГАННИБАЛОВ

Том 1

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ПИСЬМА

Сергея Львовича
и Надежды Осиповны
Пушкиных
к их дочери
Ольге Сергеевне Павлицевой

1828-1835

Санкт-Петербург
«Пушкинский фонд»
1993

Пушкинский кабинет ИРЛИ

*Перевод, подготовка текста, предисловие и комментарий
ЛИДИИ СЛОНИМСКОЙ*

Редактор тома Елена Щербатова
Научный редактор Вадим Старк
Оформление Сергея Богородского, концовки Ольги Маркиной
Технические редакторы Вера Молоткова и Лидия Куприянова
Корректор Елена Лапинь

Выпуск издания осуществлен
при содействии РИА «Ферт» и ТОО «Деан»

М63 «Мир Пушкина», том 1, серия «Фамильные
бумаги». Издательство «Пушкинский фонд»,
Санкт-Петербург, 1993 г.

В первом томе «Мира Пушкина» публикуются письма родителей поэта к его сестре Ольге Сергеевне Павлишевой. Большинство этих писем, являющихся дневниками в эпистолярной форме, подробной и увлекательной хроникой жизни пушкинского семейства, до сих пор никогда полностью не публиковалось и было известно лишь узкому кругу специалистов. Особую ценность придает им обширный комментарий, позволяющий читателю свободно ориентироваться среди множества лиц, дат и событий, в этих письмах упоминаемых.

Издание иллюстрированное.

© Состав и комментарий — «Пушкинский фонд» (Санкт-Петербург), 1993

ISBN 5-7183-0039-9 (Т. 1.)
ISBN 5-7183-0038-0

*Посвящаю свой труд светлой памяти моего сына
Владимира Александровича Слонимского,
погибшего 3 июля 1944 года жертвой блокады Ленинграда,
последнего в роде
Ольги Сергеевны Пушкиной-Павлищевой*

Публикуемые письма родителей Пушкина Надежды Осиповны и Сергея Львовича к их дочери Ольге Сергеевне Павлищевой хранятся в архиве Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом, фонд 244, опись 20, № 169) и принадлежат к так называемому «Собранию П. Я. Дашкова», который получил их в дар от сына О. С. Павлищевой — Льва Николаевича Павлищева. Эти сто девятнадцать писем, написанные за период с 1828 по 1835 г. включительно, не вполне исчерпывают — как видно из их содержания — письменные сношения стариков Пушкиных с дочерью: имеется несколько пробелов; однако число утраченных писем очень невелико, и сохранившиеся дают вполне связную картину жизни, обстоятельств, интеллектуальных интересов и отношений писавших к своим детям: Ольге, Александру и Льву, а также целой галерее друзей и знакомых. Внешне — это толстая сшитая пачка листочков почтовой бумаги разного формата, исписанных бисерными буквами Надежды Осиповны и довольно размашистым, но изящнейшим почерком Сергея Львовича, очень напоминающим почерк Пушкина. Листочки эти значительно тронуты временем — пожелтели и местами прорваны, чернила выцвели, но написанное все же довольно легко поддается прочтению — и прочитано полностью, без «белых» или сомнительных мест.

Все письма написаны на французском языке, в который изредка вкраплены отдельные русские фразы и слова, главным образом имена собственные (в переводе эти фразы и слова даны в разрядку). Французская орфография — старинная (глагольные окончания -oit, -oient), причем Сергей Львович пишет грамматически правильно, Надежда Осиповна — довольно небрежно: не ставит accents там, где они необходимы, но зато часто там, где они не нужны (например, в infinitif — formér); забывает s во множественном числе существительных, ent — глаголов, но при этом пишет: «ont dinés»; во втором лице множественного числа вместо ez ставит es и т. д. Особенности ее письма составляют заглавные буквы, которыми она среди фразы украшает самые неожиданные слова: Eau, Police, Dinde, Espionage, Manteau, Pharmacie, Tillenil, Elégante, Paysan, Promenade, Roman, Истерика *, Кисель и пр. Новую же фразу она часто начинает со строчной буквы (в нашем тексте орфография дана современная с сохранением указанной оригинальности). Пунктуация Надежды Осиповны — произвольная. Излюбленный ее знак — запятая, и нередко целая страница ее письма, заключающая самые разнородные сообщения и мысли, держится на одних запятых. Сергей Львович часто (как и Пушкин) точку заменяет тире — в подражание модному тогда Карамзину.

---

* Вода, Полиция, Индюшка, Шпионство, Плащ, Аптека, Тополь, Франтиха, Крестьянин, Прогулка, Роман.

Стиль писем (что отмечено уже Л. Н. Павлищевым в «Семейной хронике». М., 1890. С. 8) напоминает «безукоризненный стиль какой-нибудь Севинье»: сходство это усугубляется аналогичностью положения М^{ме} de Sévigné и стариков Пушкиных — разлукой с единственной дочерью, что вызывает те же постоянно повторяемые сетования, пожелания и мысли. Некоторые фразы из писем М^{ме} de Sévigné (например, от 9 февр., 18 февр., 29 апр., 21 июня, 16 сент. 1671 г.) нашли себе почти дословную параллель в ряде писем Пушкиных. Наконец, в письме № 87 Сергей Львович (прямо ссылаясь на нее) цитирует по памяти пассаж из письма М^{ме} de Sévigné от 15 ноября 1671 г. Некоторые шуточные обороты в письмах Надежды Осиповны: [Natali et Alexandre] — (Л. С.) «logent à deux pas de l'hôtel de Paris. Aujourd'hui j'y passé la journée (non à l'hôtel, mais chez ton frère)»*; далее: «(...)J'ai repris ma belle humeur avec laquelle je me suis rendue chez les Chelgoune — qui m'a fait paraître tout en beau (non pas les Chelgoune, mais ma belle humeur) (...)»** — напоминают подобные же обороты у Пушкина: «(...)je vous supplie (...)de vouloir bien faire demander à vos gens de s'il n'y a pas encore un coffre'envoyé à la campagne (...) je soupçonne qu' Архип ou d'autres en retiennent un à la prière de Nikita (...)il doit contenir (j'entends le coffre et non Nikita) (...)»*** (XV, 1). Для Сергея Львовича характерно употребление ходячих в пушкинском кругу словечек. «Il faut avouer qu'il est houroux, comme disait feu Mazarin»**** — говорит он 23 июля 1834 г. по поводу женитьбы В. В. Погодина (письмо № 91). П. А. Катенин 16 мая 1835 г. писал Пушкину: «Напиши-ко ты кантату, разумеется, сыскав sujet houroux, как говорил Мазарин» (XVI, 27).

Интеллектуальные интересы Пушкиных составляет чтение классиков и писателей-современников — Карамзина, Байрона, Сервантеса, Мольера, Жермены де Сталь, Лафатера, Сведенборга, а также самых модных авторов: Вальтера Скотта, Жюлья Жанена, Базиля Холла, Поля де Кока, Дю Кана, Эжена Сю, Томаса Мура. Биографию Байрона, написанную Муром, читает Сергей Львович, причем интересно отметить совпадение оценки личности Байрона Сергеем Львовичем с пометками Пушкина на экземпляре первого тома сочинений Мура из его библиотеки (см. описание Б. Л. Модзалевского// Пушкин и его современники. Вып. IX—X. С. 182). Из сочинений Пушкина Сергей Львович называет «Цыган», «Евгения Онегина», «Историю Пугачевского бунта», и из писем его выясняется, что в псковской глуши не только он с Надеждой Осиповной и их ближайшие друзья — обитательницы Тригорского, но и окрестные помещики с их дворовыми знали стихи Пушкина и заучивали их наизусть (см. наст. изд., письма 1 и 15).

В письмах Пушкиных представлен довольно обширный круг современников — всего свыше пятисот имен; часть их составляют лица известные (в комментарии мы даем о них лишь самые необходимые сведения), но большинство — малоизвестны или неизвестны вовсе. О них мы старались собрать воедино скудные сведения, разбросанные по журналам и мемуарам той эпохи, выбирая наиболее характерные и яркие черты, чтобы дополнить таким образом портретную галерею людей пушкинской поры, составлявших его окружение или непосредственно к этому окружению примыкавших. Значительным подспорьем в этом оказались неопубликованные материалы из архива Павлищевых, хранящегося в Пушкинском Доме Академии наук СССР — письма 1840—1860 гг. Ольги Сергеевны, Николая Ивановича, Льва Николаевича, С. А. Соболевского и других лиц; письма старосты Михайловского Петра Павлова к Николаю Ивановичу Павлищеву и Н. И. Павлищеву к П. Павлову; неопубликованные письма Ольги Сергеевны

* [Натали и Александр] — (Л. С.) «живут в двух шагах от Отель де Пари. Сегодня я там проведу день (не в отеле, а у твоего брата)». Письмо от 8 мая 1833 г.

** «(...) Ко мне вернулась моя веселость, и с нею я поехала к Шелгунам, она представила все в лучшем свете (не Шелгуны, а веселость (...))». Письмо от 24 июля 1834 г.

*** «(...) умоляю вас, (...) соблаговолите приказать спросить у наших людей (...) нет ли еще одного сундука, посланного в деревню (...) я подозреваю, что Архип или другие задерживают один по просьбе Никиты (...) Он должен содержать (подразумеваю сундук, а не Никиту) (...)». Письмо к П. А. Осиповой от начала января 1832 г.

**** Надо признаться, «qu'il est houroux» вместо «qu'il est heureux» — что он счастлив.

к А. П. Керн и Надежды Осиповны к ней же и к баронессе Е. Н. Вревской (последние лишь частично использованы М. И. Семевским). Благодаря этому материалу удалось проследить дальнейшую судьбу многих лиц — знакомых или друзей Ольги Сергеевны и ее родителей, а также некоторых крестьян, дворовых Михайловского, попавших в раздел после смерти Пушкина (в частности, знаменитого «дядьки» Пушкина Н. Т. Козлова), что расширяет тему П. Е. Щеголева «Пушкин и мужики». В орбиту писем Пушкиных вошли (с их бытом и увеселениями) многочисленные соседи по Михайловскому, в которых узнаешь героев ларинской деревни; сосед по Захарову — де Бэсс; обширная родня и знакомые по Москве и Петербургу; обитатели Царского Села и Павловска; варшавские сослуживцы и приятели Н. И. Павлищева и Льва Сергеевича Пушкина; его боевые товарищи и кавказские друзья (например, Н. А. Грибоедова), а также эпизодические персонажи его биографии (в том числе — варшавский ресторатор Гут, история долга которому Льва Сергеевича, в свое время так заботившего Пушкина, прослежена нами до конца); декабристы — З. Г. Чернышев, А. Г. Муравьева и семья барона А. Е. Розена; знаменитый русский путешественник барон Ф. П. Врангель; поэт А. А. Шишков (история его убийства Черновым); представители тогдашней высшей военной и гражданской администрации; наконец, друзья и знакомые Пушкина: П. А. Осипова и ее дочери, Вревские, Дельвиги, Соболевский, Всеволожские, Мансуровы, Васильчиковы, Архарова, Соллогубы, В. Д. Корнильев, Трубецкие, Вяземские, Соловьевы, П. Д. Соломирский, А. П. Керн, Баратынские, Сомов, Жуковский, Мейндорфы, Комаровские, Веневитиновы, Шиповы, Е. Ф. Фикельмон, Д. Н. Блудов, Е. М. Хитрово, Малиновские, В. Д. Вольховский, Д. П. Бакунина, И. Ф. Паскевич, Ивеличи, И. М. Рокотов, Назимовы, Философовы, няня Арина Родионовна и др. Далеко за пределы периода написания этих писем прослежена судьба и отношения с Ольгой Сергеевной А. Л. Баратынской, А. П. Керн, С. А. Соболевского, Е. Н. Вревской, семьи Языковых, Т. С. Вейдемейер (воейковской Темиры) и многих других лиц. Из письма 1860-х годов Ольги Сергеевны к сыну извлечен ее рассказ о сожжении ею — «по приказу столов»* — ее «Записок». Выставлена первая (и, как мы считаем, довольно убедительная) кандидатура для раскрытия таинственного инициала «Ан. Ив.» из автобиографических записок Пушкина (это — А. И. Рудольф). Все эти мелкие в отдельности, но в совокупности дающие интересную и новую картину черточки и составляя основание для полного опубликования писем С. Л. и Н. О. Пушкиных и вместе с тем оправдывая несколько расширенный комментарий к ним в отношении лиц, впервые являющихся в пушкинском окружении, или дальнейшей судьбы лиц уже известных. Невьясненными (или лишь намечающимися) остались 33 персонажа (в письмах обозначенных большею частью лишь уменьшительными или собственными именами), носящих проходной характер и не играющих роли в жизни корреспондентов и адресата.

Наконец, основной интерес этих писем составляет личность их авторов и отношение их к детям. Установившееся в литературе представление о равнодушии Сергея Львовича к Пушкину значительно колеблется: не равнодушием, а любовью и непрестанной тревогой за него проникнуты эти письма. Обида на редкие весточки, на невнимание (внешнее, потому что Пушкин любил родителей и озабочен был их судьбой, — вспомним хотя бы письмо его к Нащокину от начала марта 1834 г.) — вот лейтмотив писем Сергея Львовича и Надежды Осиповны, в которых (скажем кстати) имя Пушкина поминается 197 раз. И это не «фразы» и не «поза» — Сергей Львович заболел от горя, когда ему казалось, что Alexandre его забывает, — см. письмо № 98 и письмо П. А. Осиповой к Пушкину от 1 ноября 1834 г. (XV, 193). Наконец, после трагической гибели Пушкина горе Сергея Львовича было беспредельно: он, «как безумный, долго не хотел верить». «Мне остается одно: молить Бога не отнять у меня памяти, чтоб я его не забыл», — сказал он Баратынскому, и «это было произнесено с раздирающей ласковостью» (письмо Баратынского к Вяземскому от 5 февр. 1837 г., «Старина и Новизна», кн. 3). Увидав внезапно у В. Д. Корнильева его бюст, он «встал, подошел к нему, обнял и зарыдал... Это не была

* спиритический сеанс — столоверчение.

аффектация, это было искреннее чувство его», — рассказывает племянница Корнильева, Капустина (Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929). Сам Сергей Львович писал Вяземскому: «〈...〉 насильственная смерть сына, подобного моему, не принадлежит к категории несчастий, присущих нашему существованию: оно превосходит все, что я мог ожидать. После смерти моей прекрасной жены, которая была моим ангелом-хранителем, мне казалось, что я должен, укрывшись своим плащом, лишь ожидать конца моей грустной жизни, и вдруг это несчастное событие довершает меру моих страданий и исчерпывает все мои моральные силы...» (Русский архив. 1868. С. 454).

Льва Сергеевича Сергей Львович любил, по-видимому, не меньше Пушкина — волновался его судьбой, хлопотал о нем и посылал на его содержание громадные суммы, но когда Лев Сергеевич легкомысленным отношением к службе вредил своей карьере, или проигрывал, или пропивал последнее, Сергей Львович хоть и смирялся перед фактом, но в письмах к Ольге Сергеевне не скрывал серьезного раздражения.

Ольгу Сергеевну он обожал: восхищался ее слогом и литературным вкусом, возил с собой и развешивал в михайловской гостиной ее рисунки, разлуку с ней переносил как тяжелое горе, но мужа ее — как не влюбил сначала (возможно, под влиянием Надежды Осиповны), так и не любил до конца своей жизни, и нелюбовь эта после смерти Пушкина обострилась до настоящей вражды. Свидетельством тому являются четыре письма С. А. Соболевского к О. С. и Н. И. Павлищевым 1840-х годов (ПД, ф. 244, оп. 20, № 85), а также письмо самого Сергея Львовича Н. И. Павлищеву от 17 ноября 1837 г. (ПД, ф. 244, оп. 20, № 24), которое иначе как ругательным назвать нельзя. И хотя в 1846 г. он ездил в Варшаву и гостил у дочери, но отношения с зятем, по-видимому, не наладились. Враждой к Павлищеву, думаем, объясняется факт лишения Ольги Сергеевны наследства. «Мой отец лишил меня наследства в своем завещании, — с горечью писала она Николаю Ивановичу 26 сент. 1848 г. из Петербурга, — но Леон первый сказал *какой вздор*. Моя невестка была удивлена настолько, что о лишении не может быть и речи, но тем не менее меня это опечалило. Что я сделала, чтобы меня обойти, — я всегда была самая нежная, если не самая покорная из всех. — Эта несчастная 14-я часть, которой он хотел лишить моих детей, у которых ничего нет, тогда как у Александровых полтора миллиона...» И 4 окт. 1848 г.: «Мой отец, нечего говорить, очень был несправедлив со своим пристрастием к Александру в ущерб Леону и мне. Бог с ним». (ПД, ф. 244, оп. 20, № 94). Отметим, что Сергей Львович и Надежда Осиповна в большинстве писем к дочери даже не передают привета ее мужу и только один раз, по случаю рождения внука, удостоили его кратким личным обращением — правда, довольно теплым.

Обаятельным встает в этих письмах образ Надежды Осиповны. Если африканский ее темперамент и увлекал ее в молодости до резких поступков по отношению к той же Ольге Сергеевне (вспомним рассказы Л. Н. Павлищева в «Семейной хронике»), если, может быть, и была она скуповата (чего из писем не видно), то где та «суровость», которой наделили ее биографы Пушкина? Трудно представить себе более любящую жену и мать. Вся ее жизнь — в любви и тревоге за Сергея Львовича и детей, которых она любила всех равно, а Льва Сергеевича — со страстностью. Трогательно видеть, как она, уже смертельно больная, скрывает или преуменьшает свои страдания, чтобы не беспокоить мужа и дочь, и в то же время трепещет за жизнь болеющего кашлем Сергея Львовича, который не только пережил ее, но и увлекался после ее смерти молоденькими девушками. Она жалуется, что не умеет уже так веселиться «от всей души», как во время оно, но письма ее дышат интересом к жизни и людям, она шутит и подтрунивает над знакомыми и подчас забавляется, как дитя (см. письмо № 76). Надежда Осиповна и под старость — душа общества. Соседи по Михайловскому, московские и петербургские друзья и знакомые наперебой зазывают ее с Сергеем Львовичем к себе, Е. А. Архарова не может без нее дня прожить, и Надежда Осиповна даже тяготится необходимыми разъездами с визитами. «Я люблю их принимать, да не люблю отдавать», — говорит она дочери. М. Н. Сердобин так характеризует эту пару: «Эта пара напоминает Филемона и Бавкиду, и это люди весьма почтенные. Если когда-нибудь я буду вашим соседом, мне приятно будет их посещать, потому что они люди хорошего общества» (письмо Б. А. Вревскому

от 3 авг. 1835 г. // Пушкин и его современники. Вып. XXI—XXII). Перед смертью Надежда Осиповна заочно примирилась с зятем, тосковала о нем и с нетерпением ждала его приезда, но он поспел в Петербург лишь через несколько часов после ее кончины.

Судьба Ольги Сергеевны известна, скажем лишь несколько слов о ее старости. Разойдясь с мужем, Ольга Сергеевна последние годы жизни жила одна в Петербурге. Сын ее Лев Николаевич служил в Варшаве, дочь Надежда Николаевна, выйдя замуж за итальянца, певца и композитора Иосифа Рафаиловича Панэ (впоследствии профессора Варшавской консерватории), переселилась на родину мужа, в Неаполь, где родились старшие внуки Ольги Сергеевны — Умберто и Ольга (младшие — Елена и Анна — родились в Варшаве *). Эта экспатриация дочери добавляла много горьких переживаний к и без того горькой разлуке. Католическая семья, в которой, окруженная аббатами и монахами, жила Надежда Николаевна, старалась оторвать ее не только от любимого искусства — живописи (Надежда Николаевна — ученица Айвазовского, получила за свои картины Большую академическую серебряную медаль), но и от России, от родного языка, и это очень мучило Ольгу Сергеевну: «Надя со своим воспитательным талантом не должна была бы выходить замуж — ее произведения дали бы ей гораздо больше удовлетворения, чем муж и ребенок...» (письмо сыну от 7 ноября 1866 г.). «Надя много плачет, она в зависимости у сестры Пепино (И. Р. Панэ.— Л. С.) до того, что не смеет воспитывать ребенка, как ей хочется... Прежде чем заговорить при ней, Надя должна последовать совету Магомета: семь раз повернуть во рту свой язык — из боязни ее рассердить и вызвать ее гнев. Надя больше не смеет говорить с ребенком по-русски из страха, что его, бедняжку, ругать будут. Пепино делает все, чего ни пожелает его сестра, и не становится на сторону Нади...» (сентябрь 1866 г.); «Надя верит лганным журналов итальянских <...> жаль, что тебе времени нет ей написать и убедить ее, что все, что ни говорится о России, все вздор и клевета, — она, мне кажется, не верит, когда я ей стараюсь то доказывать <...> Просто досада берет, вырастет Гумберт, то-то дичь станет пороть о России, и как подумаю, мой внучек — куда приятно.— Да и в ксендзы поступит — я до этого не доживу, но с этой мыслью умирать невесело придется» (5 окт. 1866 г., ПД, ф. 221, оп. 2, № 6). В этом пункте опасения Ольги Сергеевны не оправдались. В 1850-х годах Ольгу Сергеевну постигла тяжелая болезнь — слепота; ни лечение по Фрейвальдау, ни операция, сделанная Юнгом, не помогли: Ольга Сергеевна лишилась единственного утешения — чтения. При ней завелась постоянная чтица, и, кроме того, роль чтецов при ней исполняли: Ф. Ф. Вигель, С. Д. Комовский — лицейский товарищ Пушкина, и Катенька Черткова — дочь подруги и родственницы ее, Е. Г. Чертковой. В августе 1865 г. она писала сыну: «В горестном моем положении моя одна отрада <...> получать письма ваши. Здоровье мое все то же, но глаза мои по временам бывают хуже, так что иногда дверей не различаю, ноги крепки, хоть без палочки не могу ходить по комнате <...> я раскладываю пасьянс, чтоб убить кое-как время, которое для меня длится ужасно, но я карты еще различаю немного, также и цифры, которые пишу сама и делаю всякий день счет моего дневного расхода...» ** В сентябре: «Я ничего не вижу, что пишу тебе, но, к счастью, могу еще различать строки, которые начертываю; белый цвет утомляет мое зрение, но на бумаге другого цвета я не увидела бы черного цвета чернил». И 28 мая 1866 г. (с дачи в Павловске): «Ах, друг мой, я и зелени не вижу, кроме травы под ногами». В конце 1865 г. Лев Николаевич посетил Ольгу Сергеевну. Он сообщил отцу: «Папа! Я застал мамá очень слабою, и нервы у ней так раздражены, что малейшего стука пугается, даже когда ложкой стукнут о тарелку. Глаза так же, как и были, то есть почти ничего не видит, с трудом различает предметы у окошка. Лица не распознает. Если посторонний не может на ее несчастье смотреть равнодушно, то легко можете вообразить,

* Умберто (Николай) Иосифович Панэ умер в 1919 г. в Херсоне; Ольга Иосифовна (по первому браку — Денисова, по второму — Бертрэн) — в конце 1930-х гг. в Страсбурге; Елена Иосифовна — вдова полковника Генерального штаба Леонида Карловича Куна, мать составительницы данной работы — погибла 16 июля 1942 г. во время блокады Ленинграда; Анна (Нина) Иосифовна Панэ — учительница в Лихославле, скончалась 6 окт. 1948 г.

** Эта расчетная книга сохранилась в моем архиве.— Прим. Л. С.

как мне тяжело это!!! (...> Вы можете вообразить ужасное состояние, в котором находится моя бедная мама, одинокая и слепая, не имеющая сил без палочки пройти по комнате и вся сгорбленная. Приходится водить ее за руку и считать ей ступеньки лестницы, которых она не видит. На улице она уже не различает ни одного строения, а в парке видит только дорожки и окружающую траву. Деревья кажутся ей все черные, а из цветов она различает только красный, белый и черный. Она, которая так была деятельна, большую часть дня проводит, растянувшись на своем диване...» (там же).

Ольга Сергеевна скончалась 2 мая 1868 г. и погребена в Петербурге, на кладбище Новодевичьего монастыря, рядом с Николаем Ивановичем и первой женой Льва Николаевича (урожд. А. А. Полянской). В 1930-х годах обществом «Старый Петербург», без ведома родных, останки ее были извлечены из ею самой выбранного места и перенесены в Александро-Невскую лавру, в так называемый «Некрополь».

Относительно писем С. Л. и Н. О. Пушкиных остается добавить, что к письму от 27 сентября 1829 г. имеется приписка П. А. Осиповой. К письмам от 9 февраля и 17 мая 1835 г. — приписки Анны Николаевны Вульф. Обращения к Льву Сергеевичу содержатся в письмах от 28 октября и 20 декабря 1832 г., 23 января, 1 февраля, 20 февраля, 17 апреля, 8 мая, 7 июня и 24 августа 1833 г. По годам письма Пушкиных распределяются следующим образом: 1828 г. — одно письмо; 1829 — девятнадцать; 1830 — три; 1831 — тринадцать; 1832 — семь; 1833 — тридцать три; 1834 — двадцать семь; 1835 г. — шестнадцать.

Из публикуемых ста девятнадцати писем Б. Л. Модзалевским напечатаны были полностью пять: от 24 августа 1833 г., 20 октября 1834 г., 7 ноября 1834 г., 14 ноября 1834 г., 4 января 1836 г. (Пушкин и его современники. Вып. XIV. С. 13—28). Н. В. Измайловым в его работе «Пушкин и Е. М. Хитрово» (в кн.: Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. 1827—1832. Л., 1927) приведены цитаты, касающиеся Е. М. Хитрово, из писем от 22 июля 1830 г., 25 июля 1830 г., июля—августа 1831 г. и 9 мая 1834 г. (Письма Пушкина к Хитрово. Л., 1927. С. 178 и далее). В. В. Враской — цитаты, касающиеся Пушкина (из 197 упоминаний Пушкина взято 54 — см.: Пушкин в переписке родственников. Публикация В. Враской // «Литературное наследство». Т. 16—18. М., 1934. С. 771). Кроме того, письма эти положены Л. Н. Павлищевым в основу его «Семейной хроники» (Исторический вестник. 1888. Вып. I—XII; отдельное издание: М., 1890). Всего из ста девятнадцати публикуемых писем названными авторами использованы были в той или иной степени шестьдесят четыре; пятьдесят пять писем ни в извлечениях, ни полностью никогда не появлялись в печати. Относительно «Семейной хроники» Л. Н. Павлищева нужно сказать, что, не преследуя научной цели, он строил свою книгу беллетристически; отсюда — свободное пользование материалом: произвольные датировки, монтаж цитат из разных писем, авторские добавления, переделка повествовательных отрывков из писем в форму диалога, приписывание перу Сергея Львовича строк Надежды Осиповны и обратно и другие приемы. В указаниях на публикацию отмечены лишь подлинные цитаты или точный перевод и опущены пересказы и монтаж.

Л. Слонимская

* * *

Со времени подготовки Л. Л. Слонимской рукописи «Переписка родителей Пушкина» к изданию прошло так много лет, что само время должно было внести коррективы в ее комментарий. Достижения пушкиноведения за двадцать пять лет, прошедших после смерти Лидии Леонидовны, позволили сделать необходимые исправления.

Прежде всего эта работа коснулась уточнения родственных уз семьи Пушкиных, выяснить которые до конца не удалось в свое время Слонимской. Так, часто упоминаемые в письмах по именам Екатерина Семеновна Ганнибал и Екатерина Семеновна Неелова — две двоюродные сестры Надежды Осиповны по ее отцу Осипу Абрамовичу — слились

у нее в одно лицо. Пришлось, пользуясь контекстом, размежевать их. Во многих случаях, когда речь в письмах шла о родственниках, Слонимской приходилось ограничиваться фразой «степень родства установить не удалось» или же допустить предположение, которое на поверку оказывалось ошибочным. Это касалось прежде всего родственников по линии Ганнибалов и Ржевских, то есть Нееловых, Чернышевых, Свистуновых, Хрущовых, Батуриных, Римских-Корсаковых и других. Вышедшая в 1981 г. книга Н. К. Телетовой «Забывшие родственные связи А. С. Пушкина», а также любезно предоставленная ею рукопись «Род Ганнибалов» помогли установить родство Пушкиных со знаменитыми русскими фамилиями, семьями декабристов.

В работе над рукописью Л. Л. Слонимской нам удалось атрибутировать ряд прежде неизвестных лиц, упоминаемых родителями, датировать несколько писем, уточнить и подправить комментарий. Все подобные дополнения, перестановка писем в тексте оговариваются особо — как «Примечания составителя».

Большую помощь при подготовке I тома к изданию оказала Н. М. Сперанская, сотрудник отдела пушкиноведения ИРЛИ РАН (Пушкинского Дома), сотрудники его Литературного музея, прежде всего главный хранитель Т. А. Комарова, а также хранители изобразительных материалов Всесоюзного музея А. С. Пушкина Е. Н. Иванова и Л. П. Февчук. Всем им приношу искреннюю признательность и благодарность.

В. Старк

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Анненков* — Анненков П. В. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. СПб., 1874.
- Барсуков* — Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888—1901. Кн. I—XXII.
- Бутурлин* — Бутурлин М. Д. Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина // РА. 1897—1901. ВЕ — Вестник Европы (журнал).
- Вигель* — Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1928, Ч. I, II.
- Власьев* — Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. СПб., 1906—1908. Т. I, II.
- Вяземский* — Вяземский П. А. Старая записная книжка // Собр. соч.: В 12-ти тт. СПб., 1878—1896.
- Гастфрейнд* — Гастфрейнд Николай. Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицей. Материалы для словаря лицейств 1-го курса 1811—1817 гг. СПб., 1912—1913. Т. I—III.
- Греч* — Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930.
- Грот* — Грот Я. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Статьи и материалы. 2-е изд. СПб., 1899.
- Декабристы* — Декабристы. Биографический справочник. М., 1988.
- Дельвиг* — Дельвиг А. И. Полвека русской жизни. М.; Л., 1930. Т. I.
- Дневник М.* — Пушкин А. С. Дневник. 1833—1835. Под ред. и с объяснительными примечаниями Б. Л. Модзалевского и со статьей П. Е. Щеголева. М.; Пг., 1923.
- Дневник С.* — Пушкин А. С. Дневник (1833—1835). Под ред. В. Ф. Саводника. М.; Пг., 1923.
- Ениколопов* — Ениколопов И. К. Пушкин на Кавказе. Тбилиси, 1938.
- Затворницкий I, II* — Затворницкий Н. М. Столетие военного министерства. I. Имп. Главная квартира. Царствование Александра I. СПб., 1904; II. Имп. Главная квартира. Царствование Николая I. СПб., 1908.
- Звенья* — Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX в. М., 1932—1951. Т. I—VI, VIII—IX.
- ИВ* — Исторический вестник (журнал).
- КМ* — Картотека Модзалевского.
- Лернер* — Лернер Н. О. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПб., 1910.
- Лернер. Рассказы* — Лернер Н. О. Рассказы о Пушкине. Л., 1929.
- Летописи ГЛМ* — Летописи Государственного литературного музея. 1936. I.
- ЛН* — Литературное наследство.

- Лобанов-Ростовский* — Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. 2-е изд. СПб., 1895. Т. I, II.
- Лорер* — Лорер Н. И. Записки декабриста. М., 1931.
- Майков* — Майков Л. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899.
- МН* — Московский некрополь. СПб., 1907—1908. Т. I—III.
- Модзалевский* — Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929.
- Модзалевский Б. Л. Родословная Ганнибалов* — Модзалевский Б. Л. Родословная Ганнибалов // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1907. Вып. 11.
- Никитенко* — Никитенко А. В. Дневник: В 3-х тт. Л., 1955.
- ОА* — Остафьевский архив кн. Вяземских. СПб., 1899—1909. Т. I—V.
- Окулич-Казарин* — Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову. Псков, 1911.
- Павлищев* — Павлищев Л. Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890.
- ПД* — Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом).
- Письма* — Пушкин. Письма. 1815—1833. Под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского. М.; Л. 1926—1928. Т. I, II; Под ред. и с прим. Л. Б. Модзалевского. М.; Л., 1935. Т. III.
- ПН* — Петербургский некрополь. СПб., 1912—1913. Т. I—IV.
- ПрН* — Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. I.
- Псв* — Пушкин и его современники. Материалы и исследования. СПб., Л., 1903—1930. Вып. I—XXXIX.
- Псковские дворяне* — Псковские дворяне в войнах 1806, 1812, 1813 и 1814 гг. Псков, 1912.
- РА* — Русский архив (журнал).
- Рассказы о Пушкине* — Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 гг./Вступ. статья и прим. М. Цявловского. М., 1925.
- РВ* — Русский вестник (журнал).
- РС* — Русская старина (журнал).
- Розен* — Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 1907.
- Руммель* — Руммель В. В. Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886—1887.
- Русские портреты* — Русские портреты XVIII—XIX столетий. Изд. вел. кн. Николая Михайловича. СПб., 1905—1909. Т. I—V.
- Спк* — Сборник псковской ученой археографической комиссии. Псков, 1917. Вып. 1.
- Свербеев* — Свербеев Д. Н. Записки. М., 1899. Т. I, II.
- Смиречанский* — Смиречанский В. Д. Дворовые и соседи А. С. Пушкина в Михайловском в 1825 г. // Из Псковской старины. Псков, 1916. Т. I.
- Смирнова* — Смирнова А. О. Автобиография. (Неизданные материалы). М., 1931.
- Софийский* — Софийский Л. И. Город Опочка и его прошлое и настоящее. Опочка. 1912.
- Телетова* — Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., 1981.
- Ульянский* — Ульяновский А. И. Няня Пушкина. М.; Л., 1940.
- Философов* — Философов Д. В. Старое и новое. Сборник статей по вопросам искусства и литературы. М., 1912.
- Щеголев* — Щеголев П. Е. Пушкин и мужики. М., 1928.

Все цитаты из Пушкина приводятся по изданию: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. I—XVI. М.; Л., Изд. АН СССР, 1937—1949; т. XVII («Справочный»), 1959. При цитатах указываются том (римской цифрой) и страница (арабской цифрой).

1828

сентябрь

5

Лето 1828 г. для семей Пушкиных и Павлищевых сложилось так: в мае месяце С. Л. и Н. О. Пушкины уехали в Михайловское, О. С. и Н. И. Павлищевы жили в Петербурге. Отношения между родителями Ольги Сергеевны и ее мужем были внешне приличные, но по существу натянутые: Надежда Осиповна продолжала сердиться на негодный ей брак. Вот письмо Николая Ивановича к его матери (Луизе Матвеевне Павлищевой, урожд. Зейдфельд), относящееся к этому времени: «По-прежнему служу я в иностранной коллегии переводчиком с разных языков и получаю 1000 р. жалованья <...> А вот что теперь скажу вам, любезнейшая матушка: теща Надежда Осиповна Пушкина не любит меня, и я даже с ней не вижусь. Шурин Александр Сергеевич, правда, потащил меня к ней на Пасху, думал мировую устроить, но дело вышло дрянь. Похристосовались и шабаш, а об ином прочем ни гугу. Александру Сергеевичу это не по нутру: оный со мной в отношениях вполне хороших, но ничего с упрямой тещей не поделал. Тесть добрый малый, но у жены под п а н т у ф л е й. Ничего в нашу пользу не сделал, разумея насчет денег. Тесть скуп до крайности, вдобавок по хозяйству не сведущ <...> Старики уехали теперь в деревню, а шурин Александр еще здесь. Заглядывает к нам, но или сидит букою, или на жизнь жалуется; Петербург проклиняет, хочет то за границу, то к брату на Кавказ. Больше почти никого и не видим» (Павлищев. С. 96).

Лев Сергеевич Пушкин, определившись 14 марта 1827 г. юнкером в Нижегородский драгунский полк под начальство Н. Н. Раевского Младшего, с 12 мая 1827 г. числился в походе и находился на Кавказе, в армии Паскевича (см.: Майков. С. 37).

Надежда Осиповна второй год была в разлуке с любимым сыном.

Александр Сергеевич лето 1828 г. провел в Петербурге. В это время шло следствие по делу о «Гавриилиаде», и над ним установлен был секретный надзор. В конце августа им было послано письмо царю о «Гавриилиаде». В ночь на 20 октября 1828 г. Пушкин уехал в тверское имение А. Н. Вульфа Малинники (см.: Лернер. С. 174).

5 сентября [1828, Михайловское]

Твое последнее письмо мы получили в Новоржеве¹. — Мы были там с г-жой и г-ном Шушериными² проездом к г-же Креницыной³, у которой ночевали две ночи, и оттуда на один день съездили к г-же Темировой⁴. — Вчера только после обеда воротились и находимся в величайшем затруднении. — Все это общество, числом 12 человек, напросилось завтра, в четверг, приехать в Михайловское. Можешь вообразить, что у нас голова кругом идет от забот об их размещении и пропитании. Они все будут вповалку, а мы — в бане, которая разваливается. Но что поделатъ. Так они пожелали, и мы предупредили их обо всех неудобствах. — Я очень огорчен неприятностями, которые этот негодный Кувшин⁵ (и вправду негодный) доставил тебе, но по нашем возвращении мы постараемся исправить зло наилучшим образом. Я очень благодарен Николаю Ивановичу⁶ за его письмо. Ты должна была, добрый друг мой, получить наше. Леон спрашивает вестей о тебе. На сей момент мы снова в неизвестности относительно его настоящего местопребывания⁷. — Судя по письму Александра⁸, война эта становится весьма серьезной. Прощай, моя дорогая Олинька. Пишу тебе сегодня, будучи уверен, что завтра, коль скоро они будут здесь, я не улучу для того момента, а управитель посылает в Опочку⁹ лишь по понедельникам и пятницам. Поцелуй от меня Александра, на этот раз я ему не отвечаю, но не замедлю того сделать. Скажи ему, что у нас будет завтра некая маленькая баронесса Н.¹⁰, сестра г-жи Темировой, которая восхитительно поет его цыганский романс *Жги меня* и т. д.¹¹, все это семейство в восторге от его таланта, все знают его вещи наизусть, вплоть до четырехлетнего мальчугана, который пришел ко мне — просить его стихов. Целую тебя еще раз. Воротились ли Дельвиги¹²? — Если да, обними за меня барона и вручи меня памяти баронессы.

С. Л. Пушкин.
Рисунок О. Сент-Обена. 1807 г.

Надежда Осиповна:

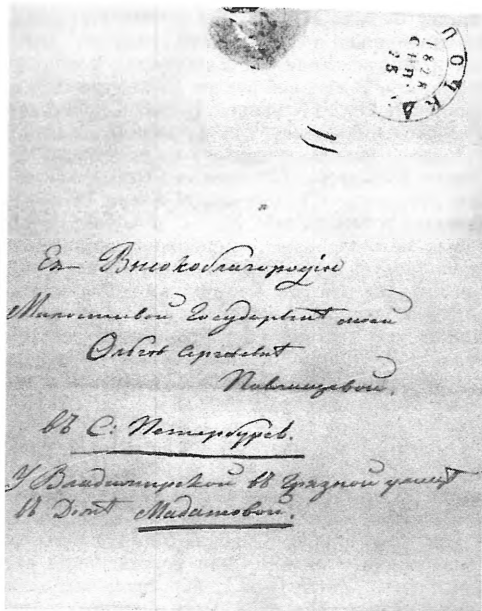
Надеюсь, мой добрый друг, что ты уже получила наше письмо; с радостью узнала, что ты хорошо себя чувствуешь; не знаю, какой такой Назимов¹³ видел будто бы, как я приехала; я встретила одного из них у г-жи Шушериной в день именин ее дочери 26 августа, но ты пишешь мне 24-го. Надеюсь, это письмо застанет тебя в полном здравии. Я жду Александра с нетерпением¹⁴;

не имею времени написать побольше — готовлю на завтра, что могу, к приему всего этого общества; послезавтра мы совершим паломничество в Святые Горы¹⁵; с нашими гостями нас будет 14 человек, мы пойдем пешком, если погода будет такая же хорошая, как нынче. Софья Владимировна¹⁶ меня много о тебе расспрашивала, она была у своей матери 26-го, и этот раз у г-жи Креницыной, но не может приехать в Михайловское. Прощай, целую тебя от всего сердца, как и Крестина Семеновна¹⁷. Благодарю Николая Ивановича за память.

Адрес рукою Надежды Осиповны:

Ея Высокоблагородию Милостивой Государыне Моей Ольге Сергеевне Павлицевой в С. Петербурге, у Владимирской в Грязной улице, в доме Мадатовой¹⁸.

Штемпель: Опочка 1828 Сен. 13.
Врс., 774 *.

Н. О. Пушкина.
Рисунок Ксавье де Местра.
1810-е гг.

Автограф Н. О. Пушкиной —
надпись на конверте письма к дочери
с указанием адреса от 5 сентября 1828 г.

* Врс. — В. В. Враская (Пушкин в переписке родственников и друзей. Публикация В. Враской // ЛН. 16—18. М., 1934. С. 771).

¹ Новоржев — ближайший к Михайловскому уездный городок Псковской губ., дорога к которому от Михайловского проходит мимо Святых Гор, у самой монастырской ограды. «По этой дороге не раз приходилось ездить Пушкину и останавливаться здесь на почтовой станции» (Гордин А. Пушкин в Михайловском. Л., 1939. С. 141). Пушкин в эпиграмме на город Лугу так отозвался о Новоржеве:

Есть в России город Луга
Петербургского округа —
Хуже б не было сего
Городишки на примете...
Если б не было на свете
Новоржева моего.

(1817)

² Шушерины — Николай Михайлович и Наталья Николаевна, новоржевские помещики. Имение их Ругодиво находилось в 20-ти верстах от Новоржева. Н. Н. (урожд. Бутурлина?) была подругой молодости Н. О. (см. письмо 14). Философов (с. 128) дает такую характеристику Шушериных, основываясь на записи в дневнике своего отца, В. Д. Философова, 12 июля 1838 г.: Н. М. Шушерины «с огромными ногтями и еще огромнейшей семьей собак, из коих одна слепа. Нат[алья] Ник[олаевна] — жена его, устаревшая кокетка, со множеством портретов». Н. М. был новоржевский уездный предводитель дворянства в 1823—1831 гг. (Спк. С. 152).

³ Креницына Пелагея Николаевна, урожд. Философова, жена Николая Саввича Креницына, помещика села Цевло Новоржевского у., уездного предводителя дворянства в 1814—1816 гг. (Спк. С. 152). У Креницыных было много детей, из которых известны: Павел, лейб-гвардеец, театрал, бывший в близких отношениях с А. Е. Асенковой, матерью известной артистки (ЛД, КМ), и Александр (5 III 1801—28 VIII 1865) — воспитанник 1-й петербургской гимназии, где учился вместе с будущим товарищем Пушкина по Лицею князем А. М. Горчаковым, до поступления последнего в Лицей (см.: *Гастфрейд*. Т. I. С. 290), прапорщик Егерского полка, холмский предводитель дворянства в 1850—1852 гг. (Спк. С. 154), поэт, приятель Е. А. Баратынского и А. А. Бестужева, знакомый Пушкина, который бывал у него в его имении Мишнево Великолуцкого у. А. Н. Креницын был в Петербурге, когда умер Пушкин, «прикладывался к его телу, а в полночь на 4 февр. смотрел, как тайком увезли прах Пушкина в Святогорский монастырь. 10 февр. он по просьбе сестры вписал ей в альбом длинное стихотворение, посвященное памяти погибшего». Стихотворение это было напечатано в «Отечественных записках» в 1865 г. с пропусками по цензурным соображениям. О самой К. имеются следующие скудные известия. М. А. Бестужев в своих «Записках» (РС. 1881. XI. С. 616), рассказывая о своем брате А. А. Бестужеве (Марлинском), говорит: «Алекс[андр] Бестужев (...) в первых годах офицерства был близок с Креницыным (...) помню, как брат мне говорил, что старуха — мать Креницына была недовольна сыном за знакомство „с таким вольно-

думцем“». Философов (С. 138) сообщает, что у К. была сестра, старая дева, воспитывавшая ее детей; эта сестра влюбилась в крепостного капельмейстера и повенчалась с ним, за что была пострижена в монастырь. Овдовев, «старуха Креницына, Пелаг[ея] Никола[евна], переселилась к брату, Д. Н. Философову, у которого и умерла. Когда лежала на смертном одре, он принес ей великолепный персик и требовал, чтоб она его съела немедленно: ешь, ешь, там не дадут!» (Там же.)

⁴ Темирова, Н. Казимировна, дочь барона К. Н. Аша, смоленского губернатора (1818), псковского помещика, генерала, и жены его, побочной дочери Я. И. Булгакова (ЛД, КМ). Муж Т., новоржевский помещик и псковский почтмейстер Илья Иванович Темиров, впоследствии был переведен на ту же должность в Могилев, на Днепре (Псв. VI. С. 114).

⁵ *Кувшин*. Если данное имя не шуточное прозвище, а может быть прочитано как фамилия *Кувшин*, то, возможно, это Иван Кувшин, фигурирующий в пушкинских «Шетах по части управления Болдина и Кистенева 1834»: «Ноябрь (...) 21-ое от Ив. Кувшина получено 30 р.» (Шеголев. С. 217). Какие «неприятности» причинил К. Ольге Сергеевне — неизвестно.

⁶ Павлищев Николай Иванович (6 V 1802—8 XII 1879) — сын боевого генерала 1812 г. И. В. Павлищева и жены его Луизы Матвеевны, урожд. Зейдфельд, — окончил Лицейский пансион в мае 1819 г., товарищ по пансиону Л. С. Пушкина, С. А. Соболевского, М. И. Глинки, П. В. Нащокина. Музыкант, с М. И. Глинкой издавал альманах «Лирический альбом на 1829 г.». Переводчик — первый русский перевод романа Манцони «Обрученные» (1831) и Фан-дер-Фельда «Патриции» (1830). Писатель, сотрудничавший в «Литературной газете» Дельвига и впоследствии, из Варшавы, — «Москвитянин» и «Северной пчеле». 25 января 1828 г. женился на О. С. Пушкиной. В 1831 г. перевелся на службу в Варшаву, где, оставшись на сорок лет, сделал солидную карьеру — до тайного советника и сенатора. Научные его труды: «Польская история», «Исторический атлас России», «Поездка в Червонную Русь», «Учебное руководство по географии», «Гербовник дворянских родов Царства Польского» в двух томах, «Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину». В Варшаве он основал газеты «Русский Варшавский вестник» и «Польский всеобщий дневник». О П. см.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Дети О. С. и Н. И. Павлищевых: Лев Николаевич (8 X 1834—7 VII 1915), автор «Семейной хроники» и нескольких статей о Пушкине, и дочь Надежда Николаевна (23 V 1837—11 II 1909) — художница, пейзажистка и портретистка, заслужившая за свои картины Большую академическую серебряную медаль. См. о ней: Соколова А. И. Встречи и знакомства. Оригинальная родственница великого поэта // *ИВ*. 1914. С. 498. Была замужем за итальянцем Giuseppe Rapa, композитором и профессором Варшавской консерватории, автором романса на слова Пушкина «Я пережил свои желанья» (изд. Юргенсона, 1884). После

смерти Ольги Сергеевны 2 V 1868 г. Н. И. Павлищев женился вторично, на Софье Викентьевне Демарской (ум. 26 V 1890). Дочь Н. И. Павлищева от нее, Наталья Николаевна, дожила до блокады Ленинграда, когда, вероятно, и погибла.

⁷ Пушкин Лев Сергеевич (17 IV 1805—19 VII 1852) — младший сын Н. О. и С. Л. Пушкиных. Не лишен был поэтического дарования, но не печатал своих стихов, за исключением стихотворения «Петр Великий», помещенного в июльской книжке «Отечественных записок» за 1842 г., очень понравившегося В. Г. Белинскому (*Майков*. С. 31). Написанное Л. С. «Биографическое известие об А. С. Пушкине до 26 года», впервые появившееся в «Москвитянине» в 1853 г., включено Л. Майковым в его статью «Молодость А. С. Пушкина по рассказам его брата» (*Майков*. С. 1). Характеристику Л. С. см. в «Старой записной книжке» князя П. А. Вяземского (Соч., т. VIII. С. 236); письма Л. С. к С. А. Соболевскому // *РА*, 1878. № 11. С. 395; статьи о нем: Н. О. Лернера в «Русском биографическом словаре» и Е. Сказина в одесском сборнике «Пушкин» (Одесса, 1925); сообщения о нем: Записки Имп. Новороссийского университета. Одесса. Т. XXXI, 1880. С. 47; Маркович А. П. Н. В. Гоголь в Одессе. Одесса, 1902. С. 28; *РС*, 1901, 11. С. 324; Одесский вестник. 1869. № 67.

⁸ Письмо А. С. Пушкина к родителям не сохранилось.

⁹ Опочка — уездный город в Псковской губ. на реке Великой. «Равнина, песок, болото, изведенный лес, кустарник сменялись по очереди. В хорошую и дурную погоду такие места навоят тоску на путешественника» — так описывал окрестности Опочки декабрист барон А. Е. Розен в своих «Записках» (С. 274).

¹⁰ Н — латинская буква. Так в шутку С. Л. пишет фамилию Аш. Аш Надежда Казимировна, баронесса, сестра Темировой (см. прим. 4), вышедшая в 1829 г. замуж за сына П. Н. и Н. С. Креницыных (см. прим. 3) Владимира Николаевича (*ЛД*, *КМ*).

¹¹ Песнь Земфиры из «Цыган» Пушкина:

Старый муж, грозный муж!
Режь меня, жги меня...—

была положена на музыку графом М. Ю. Виельгорским в 1825 г. Л. Н. Павлищев (с. 125) указывает, что музыка на эти слова была написана также Венямином Петровичем Ганнибалом, двоюродным братом Н. О., тоже псковским помещиком. Очень возможно, что баронесса Аш пела романс именно В. П. Ганнибала.

¹² Дельвиги — Антон Антонович, барон, поэт, друг Пушкина, товарищ его по Лицею (6 VIII 1798—14 I 1831) и жена его Софья Михайловна (20 X 1806—4 III 1888), урожд. Салтыкова, дочь старого московского друга С. Л. Пушкина, сенатора и арзамасца М. А. Салтыкова, женатого на француженке Елизавете

Францевне Ришар. Дружба между стариками Пушкиными и четой Д. (они венчались 30 окт. 1825 г.) началась в 1826 г. и стала особенно тесной после лета 1827 г., проведенного вместе в Ревеле. 4 мая 1826 г. С. М. Д. писала своей подруге А. Н. Семеново-Карелиной: «Я познакомилась с Пушкиными, они недавно приехали из Москвы. Прекрасное семейство. Какая достойная женщина эта госпожа Пушкина, и Ольга, ее дочь, превосходная личность, которая любит своего брата Александра со страстью...» (*Модзалевский*. С. 193). С. М. Д. вторым браком была за С. А. Баратынским, братом поэта (овдовела в 1866 г.). «La veuve de la grande aigle»* — так называл ее поэт Баратынский (см.: Чичерин Б. Н. Воспоминания // *РА*. 1890. IV. С. 510). О С. М. Д. см.: Вульф А. Н. Дневник // *Псв*. XXI—XXII; *Модзалевский*. По указ.; Модзалевский Б. Л. Роман декабриста Каховского. Л., 1926; *Письма*. III. С. 193). Лето 1828 г. Дельвиги проводили на даче «близ Крестовского перевоза» (см.: *Дельвиг*. С. 111). Городская их квартира находилась в 1828 г. по соседству с О. С. «на Владимирской, в доме жены купца Алферовского» (*Модзалевский*. С. 225). Речь идет о возвращении Дельвигов с дачи в город.

¹³ Назимов. Обширное семейство Назимовых, находившихся через Ганнибалов в дальнем родстве с Пушкиным, образовало в Псковской губ. несколько гнезд. В описываемое время была семья Ивана Владимировича Назимова, псковского прокурора и порховского предводителя дворянства, и его жены, урожд. Путятинной, у них пять сыновей и четыре дочери; семья Николая Борисовича Назимова, новоржевского исправника, которого в 1828 г. в живых уже не было, но сыновья его, новоржевские помещики, были живы, и один из них упоминается в дальнейших письмах; были, наконец, псковские помещики Назимовы, двоюродные братья предыдущих, и среди них декабрист Михаил Александрович Назимов, — сыновья А. Б. Назимова и жены его Марфы Степановны, урожд. Шишковой (*Руммель*, II. С. 99). С Гавриилом Петровичем Назимовым (13 X 1794—6 XI 1850), псковским уездным предводителем дворянства (1826—1828 и 1832—1837 гг.), знаком был Пушкин: «У самых Сергиевских ворот находится небольшой одноэтажный деревянный дом, на котором прибита доска с надписью, что здесь в 1826 г. останавливался А. С. Пушкин (<...> Дом этот принадлежал в начале XIX столетия псковск[ому] дворянину Гавр[иилу] Петр[овичу] Назимову, владельцу села Преображенского. Пушкин находился с Назимовым в приятельских отношениях, бывал у него в Преображенском и играл там в карты (см.: письмо Пушкина к И. Е. Великопольскому от 3 июня 1826 г.— XIII, 281.— *Л. С.*) (<...> Сын Назимова, Владимир Гаврилович, был крестником вели-

* Вдова великой армии (франц.).

кого поэта» (*Окулич-Казарин*. С. 191). О Назимовых см. также: *Спк.* (С. 150) и «*Псковские дворяне*» (С. 37, 60).

¹⁴ Н. О. так и не дождалась сына: в 1828 г. Пушкин в Михайловском не бывал.

¹⁵ Святые Горы (ныне Пушкинские) — Святогорский Успенский мужской монастырь (в пяти верстах от Михайловского). Там похоронены родители Н. О. — Осип Абрамович и Мария Алексеевна Ганнибалы, а позднее — она сама, Александр Сергеевич и Сергей Львович. О Святогорском монастыре см.: Игумен Иоанн. Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии. Псков, 1899.

¹⁶ Клинберг С. В., дочь Шушериных (см. прим. 2).

¹⁷ Неелова Христина (Крестина) Семенов-

на — двоюродная сестра Н. О., дочь Семена Степановича Неелова (1714—1781) и Анны Абрамовны, урожд. Ганнибал (1741—1788). — *Прим. В. С.*

¹⁸ Современный адрес: ул. Марата, дом 25; угол Кузнечного пер., дом 12. Дом хорошо сохранился с незначительными перестройками. Адрес установлен нами. Семья князей Мадатовых грузинского происхождения. Глава ее — генерал-лейтенант Мадатов Валерьян Григорьевич (1782—1829), герой войны 1812 г., его жена княгиня Софья Александровна, урожденная Муханова (1787—1875). В этом доме поселились Павлищевы после свадьбы, здесь у них бывал Пушкин. В день смерти няни — 10 августа — в 1991 г. на доме была открыта мемориальная доска. — *Прим. В. С.*

1829

июнь — октябрь

Летом 1829 г. Н. О. и С. Л. Пушкины до двадцатых чисел июня живут в Петербурге, откуда пишут дочери в Ораниенбаум, где она на даче; с 29 июня письма идут уже из Михайловского, куда они прибыли 28 июня и оставались до первых чисел октября.

Л. С. с июня 1829 г. был на войне против турок, участвовал во взятии Арзрума и крепости Байбург, за отличие из юнкеров произведен в поручики и награжден орденом Св. Владимира с бантом (*Майков*. С. 38). 14 декабря 1829 г. он получил отпуск на четыре месяца в Петербург (*Письма*. II. С. 475). 20 июня под Арзрумом состоялась встреча его с А. С. Пушкиным, следовавшим за войсками И. Ф. Паскевича.

Александр Сергеевич в конце апреля 1828 г. делал (через гр. Ф. И. Толстого) предложение Н. Н. Гончаровой, но, не добившись от ее матери определенного ответа, 5 мая уезжает в Грузию. 10 июня он выехал из Тифлиса после блестящего праздника, данного ему местным обществом (Рассказ К. И. Севастьянова // *Псв*. XXXVII. С. 114). 11 июня Пушкин встретил в Гергерах тело убитого А. С. Грибоедова, 20-го провел ночь с Нижегородским полком. 27 июня — Пушкин в Арзруме. В Петербург он возвратился около 10 ноября 1829 г. (см.: *Лернер*).

2 Надежда Осиповна:

Вторник вечером [18 июня 1829. Петербург] *.

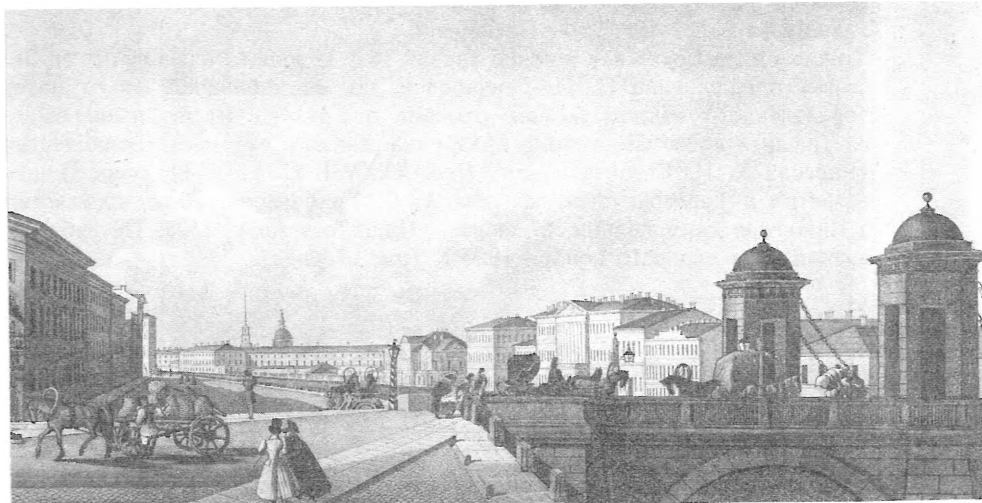
Только что получили твое письмо, мой добрый друг, тороплюсь ответить тебе тотчас же, ибо завтра буду занята приготовлениями к отъезду. Все эти дни думаю о тебе и с большим нетерпением ждала от тебя вестей; спасибо,

* Письмо датируется на основании контекста писем 2, 3, 4.— *Прим. В. С.*

что дала утешительные, это меня успокоило, и я надеюсь, что воздух Ораниенбаума тебе будет полезен. Здесь сегодня душно. В день твоего отъезда мы пошли к Дельвигам: после чая барон и двое неразлучек¹ проводили меня до Невы, где я села в лодку, чтобы отправиться к Мансуровым², у которых провела вечер с княгиней³. Возвращаясь домой, встретила баронессу Врангель Лиз⁴; она так рада была меня видеть, что выскочила из своей коляски, дабы войти в дом прежде, чем я успею ее узнать. Она здесь на восемь дней, уезжает на 5 лет в Америку, ее муж будет ежегодно получать тридцать тысяч рублей с полным содержанием; это очень порядочный человек, на вид ему лет 35⁵; она очень весела, говорит, что сестре ее много лучше. Вчера я провела день на Крестовском, а позавчера была за городом у Фурман⁶, навестила также Корфов⁷, которые совсем под боком; г-жа Ольга⁸ еще не родила, после ее родов Лиз и Ольга Сергеевна⁹ поедут в Бальдон¹⁰ и воротятся сюда в сентябре; все семейство много о тебе расспрашивало, как и Балле¹¹, которые знают г-на Шеринга¹² и поминают его добром,— дай Бог, чтобы тебе-то он сделал добро, мой добрый друг. Вчера ты начала свои ванны, сколько ты их возьмешь? Напиши мне обо всем этом, я уверена, что в скором времени ноги твои будут здоровы, как прежде, только не утомляй себя слишком, это никуда не годится¹³. Посылаю тебе письмо кузины твоей Сонцовой¹⁴, его привез Петр¹⁵. Забыла тебе сказать, что Папа, в день нашей встречи с Лиз, повстречал на Крестовском Клюпфелеву Мари¹⁶; она приехала навестить своих родителей. Вот все, что я могу тебе сейчас сказать. Да дарует тебе Небо здоровье и да ниспошлет тебе свои благословенья.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька, я был в восторге, получив твое письмо. Мы его дожидались со вчерашнего дня. А вот письмецо от кузины Алиши¹⁷, которое с большим достоинством передал мне П е т р П е т р о в и ч. Он горд более, чем когда-либо, и дал мне понять, что он повышен в чине, но что это его весьма стесняет.— М-ль Мари нагнала меня в саду Крестовского острова, где я нашел ее

Петербург. Чернышев мост.
Акварель.
1830-е гг.

сидящей подле господина с Ревельской физиономией. Она меня много о тебе расспрашивала; я ее сначала не узнал из-за флюса, который был у нее на щеке.— Не догадался сказать ей, где мы живем.. Она остается здесь до Июля. Был я у Врангелей, но не застал их.— Новобрачная показалась мне похорошевшей. По-моему, она пополнела.— Они проедут через всю Сибирь до Охотска, направляясь в наши колонии в Америке, и в дороге думают быть месяцев 6.

Надеюсь и молю Бога, чтобы пребывание в Ораниенбауме было тебе благоприятно. В том нет сомнения. Просвещенность г-на Шеринга очень превозносятся.— Судя по твоему описанию, Ораниенбаум понравился бы мне чрезвычайно. Это совсем деревня, и местоположение его должно быть превосходно.— Близость моря, наверно, восхитительна. Была ли у вас вчера гроза, как у нас? В момент, когда мама писала тебе, молния ударила в Чернышев мост. Мы все перепугались, даже Руслан¹⁸.— Говорят, совсем около моста был убит бедный сбитенщик.— Как видишь, это совсем близко от нас.— Прощай, мой добрый друг, да благословит тебя Господь. Полагаюсь на его Благодать, а пребывание в деревне, хороший воздух и ванны восстановят тебя совершенно. Целую тебя тысячу раз и прижимаю к своему сердцу. Пиши нам все время сюда. Мы тебе скажем, когда это надо будет делать прямо в Михайловское, где я очень желал бы жить, не прибегая к Тригорску. Дорогой друг, прощай еще раз.

Сергей П.

Судя по газетам, Леон в Алхалаке. Не думаю, чтоб Александр добрался дотуда, и жду его письма с большим нетерпением¹⁹.

Надежда Осиповна:

Молния натворила вчера много бед: она ударила в угол одного дома на Гороховой, это не сбитенщика она убила на Чернышевском мосту, а слугу, который нес бутылки; подалше было убито двое детей. Это ужасно, быть так близко от смерти в момент, когда менее всего думаешь о ней.

Как новость сообщу тебе, что только что отправила по ее назначению гадкую брехухату Грушку²⁰.

¹ Неразлучки — баронесса С. М. Дельвиг и А. П. Керн (о ней см.: письмо 65, прим. 2), приятельница О. С., недавно познакомившаяся с С. М. Дельвиг. «Из дам вижу более всех Анну Петровну Керн,— пишет С. М. Дельвиг своей подруге А. Н. Семеновой-Карелиной 10 янв. 1829 г.,— (...) она живет в том же самом доме, что и мы...» (*Модзалевский*. С. 231). 23 мая 1829 г. она сообщает той же Карелиной: «В настоящая время мы переселились в деревню — на Петербургской стороне совсем против Крестовского». И в другом письме: «Анна Петровна также переехала ко мне на лето» (там же. С. 236). Сама А. П. Керн рассказывала: «Дельвиг дал мне раз (...) название 2-й жены, которое за мной и осталось (...) У меня была книга (...), кажется, «Стихотворения Баратынского» (...), он мне ее прислал с надписью: «Жене

№ 2 от мужа безномерного» (письмо А. П. Марковой-Виноградской (Керн) к П. В. Анненкову// *Псв*. V. С. 142).

² Мансуровы — семья старинного друга Пушкиных, тайного советника, сенатора Павла Александровича Мансурова (см. письмо 4, прим. 5).

³ Трубецкая Екатерина Александровна, княгиня (ум. 20 X 1831), урод. Мансурова, сестра П. А. Мансурова, вдова князя Ивана Дмитриевича Трубецкого (ум. 1 III 1827, *МН*) — троюродного брата С. Л. Сестра бабки С. Л. Евдокии Ивановны Головиной — Ольга Ивановна — была за дедом И. Д. Т.— князем Ю. Ю. Трубецким (см.: *Летописи ГЛМ*. С. 460). И. Д. являлся в то же время внучатым дядей Л. Н. Толстого — он брат бабушки Толстого, Екатерины Дмитриевны Волконской (жены фельдмаршала князя Н. С. Волконского), т. е.

дядя его матери, урожд. княжны Волконской (см.: Толстой С. Л. Мать и дед Л. Н. Толстого. «Федерация». 1928. С. 51). О князе И. Д. Т. см.: Барсуков. Кн. I. С. 65, 109 и далее. Т., по происхождению «бедная дворянка», в молодости «славилась своей красотой, доставившей ей блистательнейшую фортуна», — сообщает князь И. М. Долгорукий, посвятивший ей главку в «Капище моего сердца». Герцен же (в «Былом и думах». Ч. I, гл. 1) рассказывает, что нанявшийся к Т. повар его дядюшки, И. А. Яковлева, преследуемый ее «мелким скряжничеством», сказал ей в лицо: «Какая непрозрачная душа обитает в вашем светлейшем теле!» — за что был прогнан и спился. Т. устроила брак родителей Л. Н. Толстого — княжны М. Н. Волконской, приходившейся ей через мужа племянницей, и графа Н. И. Толстого — своего внучатного племянника. В дневнике князя Д. М. Волконского (запись 20 мая 1821 г.) читаем: «Поутру была у нас кн. Трубецкая, привезла княжну Марью Никол[аевну] извиняться в глупости ее и привозила жениха рекомендовать и звала 21 на сговор, где мы и были с кн. Варв[арой] Петр[овной]. Обедали у Трубецких, жених и невеста были благословлены образами» (Толстой С. Л. Мать и дед Толстого. «Федерация». 1928. С. 51). О Т. см.: Барсуков. Кн. I. С. 59, 170 и др. Дом Трубецких в Москве на Покровке, так называемый «дом-комод», по которому их, в отличие от других Трубецких, звали «Трубецкие-комод» (*Вяземский*. Т. VIII. С. 468), был средоточием аристократического и литературного мира: В. Л. Пушкин, молодой Ф. И. Тютчев, кн. П. А. Вяземский, И. И. Дмитриев (некогда влюбленный в Т.), Рожалин бывали у Трубецких; музыкант Геиншта жил у них в доме; М. П. Погодин в качестве учителя каждое лето проводил в их имении Знаменском и с «молодым поколением даже связывался чувством нежнейшей дружбы» (Барсуков Н. П. Письма М. П. Погодина к С. П. Шевыреву // *РА*. 1882. V. С. 69). Богатый дом Трубецких с балами и благотворительными спектаклями к концу жизни князя несколько обеднел, и, овдовев, Т. переселилась со своим семейством к брату П. А. Мансурову в Петербург, где и скончалась.

⁴ Врангель Елизавета Васильевна, баронесса (ум. III 1854 в своем имении Руиль Эстляндской губ., где похоронена вместе с мужем, бароном Ф. П. Врангелем) (Шварц К. И. Биографический очерк Ф. П. Врангеля // *РС*. 1872. V), урожд. бар. Россильон, дочь В. В. Россильона, директора училищ Эстляндской губ. С В. (тогда еще Россильон) и ее семейством Пушкины познакомились в Ревеле в 1826 г. Князь П. А. Вяземский в письме жене 14 авг. 1826 г. сообщает: «Вчера опять ездил я в Тишерт с (...) Пушкиной, Rossillon» (*ОА*, V. Вып. 1. С. 76). В 1827 г., 16 авг., Н. О. пишет из Ревеля А. П. Керн: «Дорогая и добрая Аннет, прежде получения вашего письма чрез Россильона...» (*ЛД*, ф. 244, оп. 20, № 48). Встреча Н. О. с В., о которой идет речь в письме, состоялась вскоре после выхода ее замуж за знаменитого уже тогда путешественника барона Фердинанда

Петровича Врангеля. Биограф Ф. П. В., К. И. Шварц, рассказывает, как совершилась эта свадьба. В марте 1829 г. Ф. П. В. был назначен главным правителем русских колоний в Америке. Уехать в Америку он хотел женатым и искал себе пару. И в Ревеле «из окна конторы дилижансов увидел гуляющее семейство, в числе прочих девушку, которая приковала его внимание». Это была баронесса Россильон. Он просил его представить, через две недели просил руки, еще через две они обвенчались, и еще через две — он уехал с молодою супругою в Америку. На шестом месяце странствования в санях, верхом и водой они прибыли в Ситху — Ново-Архангельск, на западном берегу острова Баранова, русской колонии в Америке. Его жена, говорит К. И. Шварц, «достаточно умная женщина (...) оживила сердце коряка для (...) нежных чувств и была его ангелом хранителем». В пути родилась дочь, и она с грудным ребенком проехала 1800 верст до Охотска верхом. На Аляске они жили среди язычников в диком краю, и она пользовалась большой популярностью у местного населения. В Россию Врангели возвратились 8 июля 1836 г. Кроме дочери у них был сын Фердинанд (р. 1844), тоже моряк и известный ученый-гидролог.

⁵ Врангель Фердинанд Петрович (29 XII 1796, Псков — 25 V 1870, Дерпт), барон — знаменитый русский путешественник, генерал-адъютант, член Государственного совета, почетный член Академии наук, член Парижской Академии наук и многих ученых обществ. Окончив Морской кадетский корпус в 1817 г., отправился в кругосветное плавание под начальством Головина, и в судовом списке офицеров впервые соединились имена «прославленных впоследствии трех полярных исследователей: Литке, Врангеля и Матюшкина, лицейского товарища Пушкина» (Полов-Штарк В. «Федор Матюшкин». Л.; М., 1940. С. 4). В 1820 г. Врангель назначается главой экспедиции для исследования берегов Сибири, куда он едет с Матюшкиным; результатом этой экспедиции был труд Врангеля «Путешествие к северным берегам Сибири», переведенный на французский, немецкий и английский языки (перевод на немецкий был сделан директором Царскосельского Лицея Е. А. Энгельгардом — см.: Кобеко Д. Имп. Царскосельский Лицей. СПб., 1911. С. 215). В 1829 г. Врангель — главный правитель Североамериканских колоний. Живя в Ситхе, он посещает русскую колонию Росс в Калифорнии и старается добиться от мексиканского правительства уступки России смежной с колонией плодородной долины. В 1836 г. произведен в контр-адмиралы, в 1855-м — назначен управляющим Морским министерством, в 1856-м — адмирал и генерал-адмирал, в 1864-м — выходит в отставку. Главнейшие соч. Врангеля: «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю» (1841), «Историческое обозрение путешествий по Ледовитому океану» (1835), «Очерк пути из Ситхи в Петербург» (1836).

⁶ Фурман Анна Николаевна (ум. 30 XII 1837, *ЛД*, *КМ*), урожд. Хрушова. Четвероюродная сестра А. С. Пушкина и О. С. по линии матери.

Ее прабабка Прасковья Юрьевна Ржевская приходилась родной сестрой бабушке Н. О., Сарре Юрьевне Ржевской, в замужестве Пушкиной. — *Прим. В. С. Муж Ф.* — Антон Федорович, обер-бергмейстер, один из многочисленных сыновей прибывшего в Россию саксонца, агронома и экономиста, Фридриха Антоновича и его жены, урожд. Н. Ивановны Энгель, сестры статс-секретаря Ф. И. Энгеля (см.: Оом Ф. А. Воспоминания // *РА*. 1896. Кн. 2. № 6. С. 219—225). Этих братьев Ф. так было много (среди них был один дипломат, один декабрист, один финансист, один журналист и еще несколько, не оставивших по себе следа), что их современник А. А. Оленин предлагал называть их во множественном числе не «Фурманы», а «Fuhrleute»* (*Свербеев*. Т. II. С. 353). Брак А. Н. Хрушовой с А. Ф. Фурманом, как будет видно из дальнейших писем, был очень несчастлив. Они жили очень уединенно, и Фурман не только не позволял ей выдаться с друзьями, но даже, по-видимому, переписку ее держал под контролем. «Мои Фурманы в Деревне, — писала Н. О. А. П. Керн 22 дек. 1827 г. из Ревеля, — Анна Николаевна писала мне лишь раз, можно подумать, что она на Камчатке, находясь в 9 верстах от Петербурга» (*ПД*, ф. 224, оп. 20, № 48).

⁷ Корфы — семья лицейского товарища Пушкина барона Модеста Андреевича Корфа (11 IX 1800 — 2 I 1876), впоследствии графа, статс-секретаря, члена Гос. совета. Корф был женат на своей кузине Ольге Федоровне Корф (30 XII 1810 — 12 IV 1884, — оба погребены в Александров-Невской Лавре). Дружба между К. и О. С. продолжалась многие годы после смерти Пушкина. «День я провела у г-жи Баратынской, с которой не выдалась 23 года (...), с ней мы отправились к Корфам (Модесту), которые, разумеется, как родной мне обрадовались», — пишет О. С. мужу 25 сент. 1848 г. (*ПД*, ф. 224, оп. 20, № 94).

⁸ Жена М. А. Корфа — Ольга Федоровна (см. предыдущее прим.). Трогательно описывает эту пару С. М. Загоскин (Воспоминания // *ИВ*. 1900. Т. 81. № 8. С. 416): «Корфы жили в полном согласии и любви, и добрейшая Ольга Фед[оровна] во всем старалась уступить мужу — даже в игре в карты, до которой была большая охотница». К 1834 г. относится следующий рассказ о Корфах Я. К. Грота: «В семействе графа Корфа продолжался тот же патриархальный быт, посреди которого он вырос в доме своих родителей (...) Благочестие, полное согласие между членами семьи, гостеприимство, доброты, ласка ко всем были отличительными чертами этого быта (*Грот*. С. 119). О М. А. см.: *Гастфрейнд*. Т. I. С. 455; *Дневник* С. С. 372.

⁹ Корф Ольга Сергеевна, баронесса (10 VII 1780—29 II 1844, *ПН*), урожд. Смирнова —

мать Модеста Андреевича Корфа, вдова президента юстиц-коллегии и сенатора, курляндского помещика, барона Генриха (Андрея) Ульриха Казимира Корфа (1765—1823). «Мать Модеста Андреевича, Ольга Сергеевна (...) по словам современников, была женщиной замечательной красоты» (Стасов В. В. Барон М. А. Корф // *РС*. 1876. II. С. 405). «К достойнейшей старушке Ольге Сергеевне съезжались раз в неделю все родные и многие друзья» (*Грот*. С. 119). Сам М. А. Корф так рассказывает о своих родителях: «Я вступил в так называемый „большой свет“ уже поздно. Родители мои имели свой особенный ограниченный круг знакомства; здоровье батюшки и наклонности матушки к уединенной жизни удаляли от всяких новых связей» (*Записки* // *РС*. 1904. I. С. 63).

¹⁰ Бальдон — селение в Митавском у. Курляндской губ., славящееся сернокислыми источниками. Бальдон неожиданно сделался модным местом купаний, когда при Павле, в 1798—1799 гг., в Курляндию был сослан ряд видных сановников. В «Записках» барона Гейкинга (Император Павел и его время // *РС*. 1887. XII. С. 810) читаем: «...мы отправились в Бальдон, который на этот раз представился чем-то вроде Элизимуа. Кто бы ожидал найти там такое собрание? Ех-генерал-прокурор Беклешов, ех-президент Академии художеств и ех-посол Шуазель-Гуфье, ех-генерал Энкель, я — ех-сенатор...» По сообщению Саитова (*ОА*. III. С. 612), «Князь Вяземский написал комедию-водевиль в 1 действии „Бальдонские воды“, впервые представленный 10 IX 1825 г.». В 1839 г., когда министр финансов Канкрин купил Бальдон, С. А. Соболевский в своей стихотворной шутке «Канкриниада» поместил следующее четверостишие:

Серно-кисленная влага
Нам полезна, признал он [Канкрин]
И для общего всех блага
Захватил себе Бальдон.

(*РА*. 1897. III. 297).

¹¹ Балле (Н. О., по привычке подтрунивать над людьми, пишет фамилию Балле — «les balais», что по-французски означает: «швабры») — ревельские знакомые Пушкиных, семья капитана III ранга и помещика Новгородского у. Петра Ивановича Балле (см.: Новгородские дворяне и военные поселяне // *РС*. 1873. VIII. С. 411) и его жены Любови Николаевны Балле (ум. 11 V 1864, *ПН*). О самом П. И. Балле и его жене известий нет, но о его отце генерал-лейтенанте и контр-адмирале Иване Петровиче Балле (1741—1811) имеется несколько. С. А. Тучков в своих «Записках 1766—1808 гг.» (СПб., 1908. С. 30) рассказывает: «Мы совсем уже приготовились к сражению [при о. Роченсальме 13 авг. 1789 г.], но за два дня перед этим оным вице-адм[ирал] Крузе сменен был контр-адмиралом Баллэ. Баллэ был родом грек, давно служивший в российском флоте, но находился по большей части при адмиралтействах, членом

* Fuhrleute — мн. число от немецкого Фурман — извозчик.

в морских канцеляриях и даже к сему начальствованию взят был от должности флот-интенданта. Все морские офицеры говорили о нем, что он мало имел опытности в настоящем морском деле». К эпохе наполеоновских войн (1807 г.) относится сообщение С. П. Жихарева о пожертвованиях в пользу милиции: «...адмирал Баллэ — ежемесячно по 200 руб. ...» (Записки современника. М.; Л., 1955. С. 312). Наконец, среди газетных объявлений 1797 г. имеется следующее: «Желающие купить лет двадцати девушку, которая моет белье и готовит кушанье, благоволят о ней спросить супротив Каменного театра в доме генерал-лейтенанта Балле» (Петербургская старина // *РС*. 1874. XII. С. 187).

¹² Шеринг Эрнст Фридрих (3 XI 1789—9 XI 1866, *ПН*) — врач, действительный статский советник. Во время венгерской войны — «гвардейский штаб-доктор (фанатической гомеопат)» (Из воспоминаний А. П. Анненкова // *Былое*. № 18. 1922. С. 11). С ним «советовался иногда и император Николай Павлович» (Записки старой смолянки. СПб., 1898. С. 339). Шеринга, в числе девяти докторов, лечивших умирающего Пушкина, упоминает в «Записках» Данзас (Биографич. очерк А. С. Пушкина/Ред. П. А. Ефремова. Гл. XI//*РС*. 1880. VII. С. 331). Лечил он и М. И. Глинку, который в своих «Записках» говорит: «Наконец, кн. Мих. Дмитр. Волконский привез ко мне доктора Шеринга, который гомеопатическим употреблением серы и золота в две недели меня поправил» (М.; Л., 1930. С. 224). В 1836—1837 гг. Шеринг находился при гвардейских войсках на Кавказе, и Николай I послал его к умирающему генералу Вельяминову, которого «забавлял (...) разговорами о гастрономии и каплунием петухов, в чем очень искусным оказался доктор Шеринг» (Филипсон Г. И. Воспоминания // *РА*. 1883. VI. С. 260).

¹³ Л. Н. Павлищев в «Семейной хронике» говорит, что О. С. страдала в это время головокружениями и болями в печени. «Бедная Ольга Серг[еевна] все больна,— пишет А. А. Дельвиг П. А. Вяземскому 30 авг. 1829 г.,— боюсь — не чахотка ли у нее. Она нынче летом жила в Ораниенбауме, лечилась, но не поправилась» (Старина и новизна. СПб., 1902. V. С. 38).

¹⁴ Сонцова Ольга Матвеевна (ум. 21 I 1880 г., погребена в московском Донском монастыре, *МН*) — дочь сестры С. Л., Елизаветы Львовны Пушкиной, и ее мужа, камергера, зарайского помещика Матвея Михайловича Сонцова,— двоюродная сестра О. С. Е. А. Баратынский с С. А. Соболевским написали шуточное стихотворение «Цапли», в котором высмеиваются Сонцов, его жена и обе их дочери. Пушкин в письме жене 11 мая 1836 г. говорит про С. и сестру ее Катеньку: «Кузинки пишат, как галочки» (XVI, 115). Однако серьезный отзыв о них характеризует С. и ее сестру как «прелестных девушек, которым (...) житье в родительском доме очень плохое» (Раевская Е. В память немногих // *РА*. 1888. II. С. 301). С. до конца жизни О. С. была ее ближайшим другом: она и отец ее в 1840-х гг., во время перипетий раздела с Н. Н. Пушкиной-Ланской, были постоянными

защитниками интересов О. С. (см.: письма О. С. к мужу — *ПД*, ф. 224, оп. 20, № 94). С величайшим уважением, как к судье в семейных делах, относились к С. ее двоюродные племянники, сыновья А. С. и сын Л. С., Анатолий Львович (см.: письма О. С. мужу 1860-х гг. — *ПД*, ф. 221, оп. 2, № 6).

¹⁵ Петр — один из двух крепостных — или кучер Петр Михайлов, который рассказывал впоследствии К. Н. Тимофееву об увозе Пушкина фельдгегерем в Москву в 1826 г. (см.: Тимофеев К. Н. Могила Пушкина и село Михайловское // *РС*. 1899. № 5. С. 272), или «ржаник» Петр Павлов, «малый расторопный и надежный», которого Н. И. Павлищев в 1836 г. поставил в Михайловском старостой вместо уволенного за воровство управителя Рингеля (XVI, 155). В архиве Пушкинского Дома (ф. 244, оп. 20, № 86) имеется письмо Петра Павлова к Н. И. Павлищеву от 27 июня 1837 г.: «Ваше Высочородие милостивый Государь наш Николай Иванович Иольга Сергеевна Поприказанию вашему полученного писма овыслки денег пети Стами рублями которые уже высланы попрежнему приказанию вашему — 113 рублей, ас отправою — к вашей милости — 120—60 ко — Нотеперь высылаем Еще Июня 28 дня назначенные вами 387 рублей Асотправою не можем впреть сказать дорасчитания.— но как Уведомляю явашей Милости одоме что все благополучно издорово и роботы до сего дня производили около села Михайловского — но теперь выступим из предела села Михайловского наснакосную Пустошь в Кривцы: — с Июня с 30 дня: хоца время неочень хорошо насмене месяца Авось разгуляетца хорошая погода. Очем всем писме к вашей Милости расчисленного Счета неказываю что расход и приход там — но изыания, пороботе сенакосной какой урожай окажитца — из выставки сenna урожаи из десятин сколько копен накасим исмечим вскирды: Тогда авось сшет напишем — вашей Милости но старого сenna осташми налице только 120 пудов — да за крестьянами состоит заимно образнаго заимни дапалучения,— 80 пудов которые получим воктебре — когда люди изпунхут из тьяшких робот — но как вами известное теперешное неусыпная робота пришла всему — не нада бремить — Аунас силы мало попахаты и сенакосу — но еще скожу что из всего Михайловского дому срисовали план взявши от Святых Гор и до нас с трех сторон — но мы полагаем что вами небез известно что оное значит — тако пребуду староста: Се: Ми: Петр Павлов».

¹⁶ Клюпфель (Клюпфельд) — ревельские знакомые Пушкиных: Владислав Филиппович (1796—20 VIII 1885, *Русский биографический словарь*), сын советника русского посольства в Вене при графе А. К. Разумовском (см.: Из записок Клостермана // *РА*. 1881. III. С. 299), инспектор военно-учебных заведений, генерал-адъютант, командир 2-й гвардейской бригады (Памятная книжка на 1841 г. СПб., 1840. С. 140), и его семья: мать, сестры. Через отца, «знакомого с А. Тургеневым и его друзьями» (прим. А. Сабурова к «Письмам

А. Тургенева к Булгаковым». М., 1939), В. Ф. К. сошелся с кругом литераторов. «Познакомился с семейством Клюпфельда, которое поселилось в Ревеле, — пишет князь П. А. Вяземский жене 10—11 июля 1825 г. — сестры не хороши, но, кажется, хорошо воспитаны, и одна приятно разговаривает» (ОА. Т. V. Вып. 1. С. 55). 15 июля 1825 г.: «Клюпфельды народ предобрый» (там же. С. 58). И 22 июля: «Девуцы Клюпфельд поют: голос их довольно приятен. Как Клюпфельд переменялся! Помнишь ли его судорожную веселость, вечное движение, по коим предсказывал я, что он с ума сойдет. Все это пропало! Он точно болен и едет в чужие края, кажется, на несколько лет; он отпущен бессрочно великим князем со всеми почестями и выгодами» (там же. С. 64). Через год, 26 июля 1826 г., Вяземский сообщает жене также из Ревеля: «Клюпфельд женится в Италии на англичанке. Мать очень довольна и полагается на благоразумие сына в достоинстве выбора. Вчера ездил я в Вимс с Клюпфельдами, Пушкиными, которые на днях приехали...» (ОА. Т. V. Вып. 1. С. 58). Женильба эта, очевидно, состоялась, ибо граф М. Д. Бутурлин в своих «Записках» (РА. 1897. III. С. 552) говорит, что в Павловске в 1840-х гг. жил «генерал Клюпфель с женой англичанкой». Знакомство О. С. с К. поддерживалось многие годы, чему свидетельствуют упоминания в письмах ее к мужу 1841 г., а также их адрес, записанный Н. И. Павлищевым в 1843 г.: «Клюпфели в Павловском кад. корпусе» (Записная книжка Павлищева. ПД). Упоминаемая в письме Клюпфелева Мари — по всей вероятности, одна из сестер В. Ф. К. О В. Ф. К. см.: *Завороницкий*. По указ.

¹⁷ Сонцова О. М. (см. прим. 14).

¹⁸ Руслан — любимая собака С. Л., изображенная с ним на известном карандашном портрете 1824 г. художника Гампельна.

¹⁹ Крепость Алхалак — правильно Ахалкалаки — была взята в 1828 г., и Л. С. участвовал в этой операции: «С 16-го по 23-е июля был в походе к крепости Ахалкалакам и при взятии ее, 24-го июля, штурмом» (Майков. С. 38). В 1829 г. в Ахалкалаках находилась штаб-

квартира Паскевича (Ениколопов. С. 28). «Не знаю, кем было сделано предположение для начала военных действий сего года (1829) — Паскевичем или Сакеном; но оно состояло в том, чтобы выступавшие войска соединились близ Ахалкалак (Муравьев Н. Н. Записки // РА. 1894. IV. С. 501). Писем Пушкина к родителям за этот период не сохранилось.

²⁰ Грушка — крепостная села Михайловского, отданная родителями О. С. А. И. Ульяновский в книге «Няня Пушкина» (с. 65) говорит, что «в приходе Владимирской церкви в 1828 г. числилась крестьянка г-на Павлищева Параскева Никитина 24 л. и Агриппина Михайлова 21 г.» («Грушка?»). По «ревизской сказке 1816 и 1833 г.» она дочь Михаила Григорьева. В архиве Пушкинского Дома (ф. 244, оп. 20, № 86) имеется черновик письма Н. И. Павлищева из Варшавы от сент. 1837 г. к старосте сельца Михайловского Петру Павлову. Судя по фамилии (и паспорту) упоминаемого в письме лица, речь идет не об этой Аграфене (или же, может быть, Грушка вышла замуж?), но документ этот настолько любопытен, что мы решаемся привести его здесь:

«Старосте сельца Михайловского Петру Павлову.

С. Петербургский Приказ Общественного Призрения отзывает от 26 Генваря с. г. № 801 к здешнему Военному Губернатору требует высылки 18 рублей, следующих за лечение Аграфены Кузнецовой в Обуховской больнице.

Хотя Аграфене Кузнецовой, проживающей в С. Петербурге по паспорту, выданному еще покойным Александром Сергеевичем, следовало давно самой уплатить означенные деньги; но принимая в уважение, что требование Обуховской Больницы не может остаться без удовлетворения, я предписываю тебе выслать немедленно в С. Петербургский Приказ Общественного Призрения 18 рублей ассигнациями за лечение Аграфены Кузнецовой, выведя деньги сии в расход по Экономическим книгам». В другом письме к старосте (29 авг.— 10 сент. 1837 г., шифр тот же) Павлищев приказывает обложить Аграфену Кузнецову obroком в 2 р. 50 к. в месяц.

22 Июня 1829 [Петербург] *

Дорогая Олинька!

Вчера, 21-го, в день рождения мамá¹, мы получили твое второе письмо. Надеюсь, до тебя дошел наш ответ на твое первое.— Твое описание Ораниенбаума очаровательно, и, судя по тому,

О. С. Павлицева.
Акварель Е. А. Плюшара.
Сер. 1830-х гг.

что ты говоришь, я вижу, что он очень бы мне понравился. Что до нас, то мы во всех ужасах отъезда и укладки. У меня голова идет кругом, столько походов надо совершить и столько, перед трехмесячным путешествием, дел покончить.— К вящему несчастью, я только что получил известие о смерти Ермолова², который хоть и очень был стар, но мне кое-чем был полезен, а теперь у меня нет никого. У нас нет вестей ни от Александра, ни от Леона. Мы не преминули бы тебе их сообщить. Прощай, дорогой и добрый друг. Да ниспошлет тебе Господь свои благословенья, и да будет мне дано увидеть тебя совершенно выздоровевшей. Я молю Его лишь о всех вас, друзья мои, ибо ваше счастье и ваше спокойствие мне гораздо ближе, нежели мое собственное. Что до меня самого, то я давно сказал себе — да свершится воля Неба! Прощай, целую тебя очень нежно. Не знаю, смогу ли еще написать тебе отсюда. Во всяком

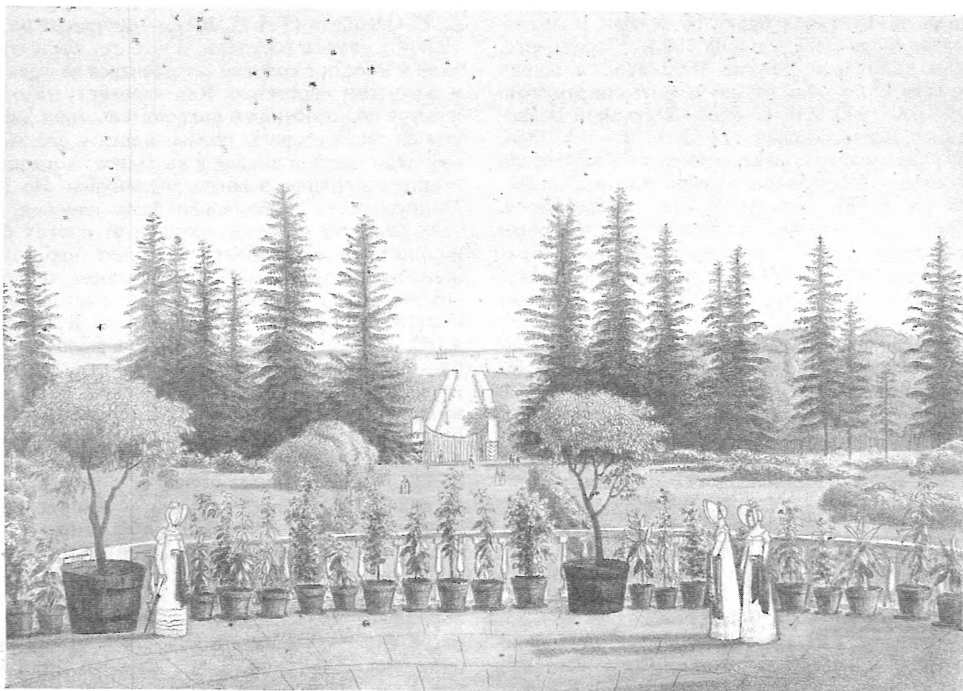
случае, пиши нам прямо в Опочку. Эта проклятая псковская почта лишит меня еще многих утешений.

Весь твой Сергей П.

Надежда Осиповна:

Имею время лишь поцеловать тебя, мой добрый друг, и пожелать тебе восстановления здоровья; я была уверена, что воздух принесет тебе пользу, и если бы ты прошлого года летом не оставалась в Петербурге, то бы так не страдала. У меня очень хорошее мнение об этом Шеринге. Режим, который он тебе предписал, очень разумен, и по возвращении из деревни я надеюсь увидеть тебя совершенно оправившейся. Вчера я провела вечер на Крестовском, обедала дома. Княгиня со своими двумя дочерьми³ пришла меня поздравить и оставалась до пятого часа. К обеду были две мои кузины — Софи Окунева⁴ и Анна Николаевна⁵. Погода была великолепная.

* В рукописи Л. Л. Слонимской это письмо следует под номером 4. Из сопоставления текстов совершенно очевидно, что письма 3 и 4 нужно поменять местами. Вот одно из оснований: письмо от 22 июня начинается словами: «Вчера, 21-го в день рождения мамá, мы получили твое второе письмо». Ср. в предыдущем от 18 июня: «Дорогая Олинька, я был в восторге, получив твое письмо». А в следующем: «Вчера я получила еще одно письмо от тебя...» Произведенная нами передатировка устраняет целый ряд контекстуальных несообразностей.— *Прим. В. С.*

Ораниенбаум.

Вид с балкона дворца.

Акварель А. Е. Мартынова, 1821.

Я по шею в укладке, пойду отдохнуть к Княгине, дабы вечером приняться сызнова. Будь здорова, целую тебя, сделай одолжение — пошли мне твой адрес, я его потеряла. Завтра буду вынуждена отослать тебе Грушкин⁶ паспорт. Его не берут, говорят, что возьмут лишь после ее родов на 9-й день, и я не знаю, кому поручить это дело.

¹ Н. О. родилась 21 июня 1775 г.

² Ермолов Гавриил Петрович (1762—1828) — отставной гвардии подполковник, сын П. М. Ермолова, женатого на Маргарите Аверкиевне Дубенской. Е. в молодости служил при графе П. А. Зубове, в 1792 г. был городничим в Сызрани, в 1799 г. — надворный советник. Выйдя в отставку, проживал вместе с женой (Пелагеей Ивановной, урожд. Ивашкиной) и девятью малолетними детьми в своем имении, селе Черновском Сергачского у. Нижегородской губ. (другое его имение, село Климово, находилось в Веневском у. Тульской губ.). Е. не чужд был литературы: в 1813—1814 гг. он помещал в «Русском вестнике» патриотические статьи и письма; его перу принадлежит памфлет на графа Сперанского под заглавием «Нечто о Сперанском», в котором он подвергает резкой критике деятельность Сперанского, не сомневаясь в его измене. Е. приходился троюродным братом известному генералу А. П. Ермолову. О Е. см.: «Чтения

Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете». 1895 — статья «Памфлет Г. П. Ермолова на гр. М. М. Сперанского»; Ермолов А. Род Ермоловых. М., 1912. С. 89, и др. Когда умерли братья С. Л., владельцы нижегородского имения Пушкиных Кистенева, Петр Львович — в 1821 г. и Николай Львович — в 1825-м и родственников поблизости не оказалось, то имение было взято в опеку, и управлял им в качестве опекуна Е. Наследниками были Василий Львович и Сергей Львович Пушкины. 7 октября 1825 г. они были введены во владение и приняли все имущество от Е. (см.: *Щеголев*. С. 68). По-видимому, Ермолов оставался потом в Кистеневе в качестве управляющего или доверенного лица.

³ Е. А. Трубецкая и ее дочери — четвероюродные сестры А. С. Пушкина: Софья (25 VII 1800—31 VII 1852), по свидетельству М. А. Корфа, красавица (*Записки*//*РС*. 1904. II. С. 284), 12 ноября 1820 г. вышла замуж за А. В. Все-

воложского. «На днях была свадьба молодого Всеволожского, что был у Закревского адъютантом, с меньшей княжной Трубецкой, — сообщил А. Я. Булгаков брату 16 ноября 1820 г. — За нею теперь 1000 душ и на 100 тыс. приданого, а там дадут еще другие 1000 душ, а жених с трудом мог у отца оттянуть материнское имение» (РА. 1900. XII. С. 556). Александр Всеволодович Всеволожский (14 IX 1794—1 V 1864, МН), кавалергард, камер-юнкер, сын камергера Всеволода Андреевича Всеволожского, жена того на Е. Н. Бекетовой (см.: *Декабристы*. С. 46), впоследствии церемониймейстер, член литературного общества «Зеленая лампа». Брату А. В., основателю общества «Зеленая лампа», Н. В. Всеволожскому весной 1820 г. Пушкин проиграл 1000 р. и в уплату за них отдал тетрадь своих стихов, которая в 1825 г. была выкуплена (*Письма*. I. С. 229). В доме А. В. сочинены были в 1836 г. Пушкиным, П. А. Вяземским, В. А. Жуковским и М. Ю. Внелгорским известные куплеты, так называемый «канон» в честь М. И. Глинки, положенный на музыку князем В. Ф. Одоевским (см.: Глинка М. И. Записки. М.; Л., 1930. С. 440). Сын С. И. и А. В. Всеволожских И. А. Всеволожский, впоследствии директор Императорских театров, был женат на светлейшей княжне Е. Д. Волконской (см.: *Власьев*. Т. I. Ч. III. С. 462). О С. И. В. см.: *Барсуков*. Т. I. С. 93 и др. Агрипина (23 VI 1789—26 XI 1861, погребена с мужем на кладбище Монмартр в Париже, Русский Некрополь в чужих краях) — с 12 ноября 1826 г. была замужем за своим двоюродным братом, Александром Павловичем Мансуровым (1788—13 X 1880), военным атташе в Берлине, полномочным министром в Голландии, впоследствии генералом от инфантерии (см.: *Свербеев*. Т. I. С. 301). Прекрасная музыкантша, образованнейшая женщина, А. И. была ученицей Погодина (*Барсуков*. Т. I. С. 57 и др.). Письмо А. И. Мансуровой Погодину из Берлина от 7 июня 1827 г. с просьбой прислать «Цыган» Пушкина — см.: Лит. наследство. 16—18. С. 692. А. П. Мансуров получил образование в Московском университете и занимался литературой. Стихотворения его встречаются в «Вестнике Европы» (1819), «Сыне отечества» (1821 и 1823), «Московском телеграфе» (1825) и других журналах и некоторых альманахах. В 1821 г. Мансуров сделан был флигель-адъютантом и в 1825 г. сопровождал тело императора Александра I из Таганрога (см.: Чичерин Б. Н. Воспоминания. М., 1929. Т. II. С. 135). Жених А. П. Мансурова была встречена властями

неодобрительно. «... Флигель-адъютант Мансуров (...) женился на двоюродной сестре, княжне Трубецкой, — рассказывает в своих «Записках» Д. Н. Свербеев (Т. I. С. 301), — он просил разрешения у самого государя, в чем ему было отказано в России с советом отправиться за границу и жить там постоянно. Как человеку, находившемуся под особенным покровительством двора, чем со своей стороны пользовалась и его жена, ему дали место и видное и выгодное — военного агента в Берлине, а потом посланника. Но (...) Мансурову (...) объявлено было наперед, что если будут от их брака дети, а от других ближайших их наследников поступят просьбы и жалобы против незаконности таких брачных союзов, тогда подобные браки расторгаются и дети признаются незаконными». В Берлине в 1833 г. А. П. Мансурову суждено было сыграть благоприятную роль в судьбе будущей знаменитости — хирурга Н. И. Пирогова, закончившего тогда образование с другими русскими студентами в Берлинском университете под надзором немецкого профессора Кранихфельда, который «за ними шпионил и всячески притеснял их». По жалобе студентов министр Уваров отстранил Кранихфельда и «предложил немцу передать заботы о кандидатах состоящему при русском посольстве в Берлине генералу Мансурову. При последнем Пирогову с товарищами жилось сносно» (Штрайх С. Я. Пирогов. М., 1933. С. 50. ЖЗЛ). Об А. П. М. и его браке см.: *Барсуков*. Т. II. С. 60 и др.; Бобров Е. А. Литература и просвещение в России XIX в. Казань, 1901. Т. I. С. VII—VIII; *Затворницкий*. По указ.). Александра (ум. 1873) — за князем Николаем Ивановичем Мещерским. Любовь и ученица М. П. Погодина. «Моя весна, моя поэзия, героиня моих повестей», — писал он в старости. Ей посвящены его повести «Русая коса», «Адель». В нее влюблен был Д. Веневитинов, Пушкин относился к ней со вниманием, тронутый ее пламенным поклонением. О ней см.: *Барсуков*. Т. I и II. По указ. *Летописи ГЛМ*. С. 460.

⁴ Окунева Софья Александровна — четверюродная сестра О. С. и родная сестра Н. А. Окунева (см. письмо 51, прим. 8). В 1831 г. умерла от холеры. В письме к мужу от 15 ноября 1831 г. из Петербурга О. С. сообщает: «Моя подруга и кузина Окунева — ее я видала за несколько дней перед смертью — рассталась с недолговременной жизнью в ужасных мучениях...» (*Павлицев*. С. 268).

⁵ Фурман А. Н.

⁶ См. письмо 2, прим. 20.

4 *Надежда Осиповна:*[23 июня 1829. Петербург]
Воскресенье в полдень.*

Вчера я получила еще одно письмо от тебя, мой добрый друг, и ежели ты мне доставишь удовольствие и напишешь ответ тотчас же, то надеюсь, что он застанет нас в Петербурге, ибо мы уезжаем во вторник вечером; я скорей хочу узнать, как твоя спина? Хоть опасности нет никакой, меня огорчает, что ты страдаешь; ты достаточно слаба и без новой болезни, которая мешает тебе спать, а это может еще тебя ослабить. Не надо этого приписывать ни пятнице, ни разбитому зеркалу, ни тому злополучному воробью, который явился искать у тебя прибежища¹, а твоей неосторожности, мой добрый друг: будучи уже такой слабой, зачем было перемогать себя? Теперь, когда это случилось, надо относиться к боли терпеливо и не допускать черных мыслей. Надеюсь, все скоро пройдет, ежели ты будешь себя беречь. Возвращаю тебе паспорт м-ль Аграфены², причину я тебе сказала. Прощай, дорогой друг, иду обедать и проведу день на Крестовском с княгиней³, сегодня день рождения Евграфа Ивановича⁴. Трубецкие тоже уезжают на этой неделе. Павел Александрович⁵ чувствует себя то хорошо, то плохо, он очень слаб. Все дамы поручили мне сказать тебе тысячу милых вещей.

Сергей Львович:

Твое письмо, добрейший друг мой, доставило бы мне вчера большое удовольствие, если бы не отравили всего твои боли в спине. Я очень огорчен за тебя. Погода так хороша, и пребывание на воздухе весьма было бы тебе полезно; однако надеюсь, что в момент, когда получишь наше письмо, ты будешь в состоянии продолжать свои прогулки. Не геморроидальное ли это, как у меня, и от чего Винклер⁶ так хорошо вылечил меня своим пластырем? Я получил печальное известие о смерти Ермолова⁷. Хоть и стар, а все же он был подобием начальства, что импонировало крестьянам, а сейчас нет никого. Кроме того, он был ко мне расположен и считал себя мне обязанным. Со всем этим он был мне полезен. Ежели не будет вовсе непредвиденных препятствий, то мы, наверное, уедем во вторник. Мне очень бы хотелось в этот промежуток времени получить от тебя письмецо, дабы уехать с мыслью, что ты более не страдаешь. Прощай, дорогая и еще раз дорогая Олинька. Целую тебя от всего сердца. Сегодня после обеда думаю повидать Баронов⁸, мне надо передать им письмо г-на Салтыкова⁹. Брат¹⁰ пишет мне, что он вовсе нездоров. Прощай, вот адрес Алиши¹¹ в Москве — на Мясницкой, в доме барона Боде. В деревне — в Зарайск, для доставления в село Коровина. Можно писать на имя Матвея Михайловича¹².

* Л. Л. Слонимской не удалось датировать данное письмо. Его дата определена нами из контекста и календаря 1829 г. Например: «Мы уезжаем во вторник вечером» — это 25 июня, значит, речь идет о воскресенье 23 июня, так как 5-е письмо из Михайловского помечено 29 июня.—
Прим. В. С.

¹ Ольга Сергеевна всю жизнь отличалась суеверностью и любовью к «таинственному». В 1850-х гг. это привело ее к увлечению спиритизмом, лишившему нас ценнейших ее записок. В письме к сыну от 13 окт. 1866 г. (ПД, ф. 221, оп. 2, № 6) она пишет: «Раздался звонок (...) пришла Катенька Черткова (...) по ее просьбе продиктовала я ей некоторые мои произведения, между прочим и мое последнее, которое не позже как тому два дня проявилось в голове моей, оно ей очень понравилось, без нее я бы его забыла, как и многие забыла — как жалела я, что сожгла все прежние и записки мои, писанные еще в Варшаве, но я о записках моих не грущу: много было в них семейных историй, которых воспоминание не очень приятно, а другим читать никогда не дала бы, — жаль, однако, мне моих французских стихотворений, они были не хуже, надо сознаться, что и в печать проявлялось, — все это сожгла я по приказу *столов* (подчеркнуто О. С.), когда я в них веровала, не знаю, известно ли это тебе». Вспомним также суеверность Пушкина — см. статью С. А. Соболевского «Таинственные приметы в жизни Пушкина» (РА. 1870. VII. С. 1378).

² См. письмо 2, прим. 20.

³ Трубецкая Е. А.

⁴ Лицо неизвестное.

⁵ Мансуров Павел Александрович (12 V 1756—27 IX 1834, ПН) — брат княгини Е. А. Трубецкой, тайный советник, сенатор, «помещик Твер [ской] губ. Осташк [овского] у. и Калужск [ой] губ., Перем [ышленского] у.» (ПД, КМ). В молодости М., как и С. Л., служил в Измайловском полку (РС. 1873. VIII. С. 395), и, может быть, отсюда идет их дружба. Женат был М. на вдове Екатерине Андреевны, в первом браке Мордвиновой, во втором — Талызиной (ум. 1820) (*Лобанов-Ростовский*. Т. I. С. 356). Отец Мансурова, подполковник (в Уфе) А. П. Мансуров, упоминается, как и его будущая жена А. Н. Булгакова, в записках Г. С. Винского «Мое время» (библ. мемуаров «Огни», СПб., 1914. С. 133). О нем же (тоже в Уфе), но уже как о генерал-майоре, прославившемся потом с Суворовым на Альпийских горах при переправе через «Чортов мост», говорит и С. Т. Аксаков в «Семейной хронике». Среди немногих до нас дошедших известий о М. имеется, между прочим, следующее: М., в числе других сенаторов, подписался в 1828 г. под приговором над Алексеевым, Молчановым и Леопольдовым по делу о распространении списков стихотворения Пушкина «Андрей Шенье» (см.: Шеголев П. Е. А. С. Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг. // *Псв*. XI. С. 45).

⁶ Винклер — ревельский врач. «Доктора Винклера очень хвалят, он имеет здесь 37-летнюю опытность», — пишет П. А. Вяземский жене из Ревеля 25 июля 1825 г. (ОА. Т. V. Вып. I. С. 57). В 1826 г., 14 авг., он вторично говорит о Винклере: «Вчера привезли сюда к доктору Винклеру, у которого она будет жить, бедную Куракину-Голицыну (...) Винклер добрый старик» (ОА. Т. V. Вып. II. С. 76). Сын этого Винклера, тоже врач, Рейнгольд Фридрих

(15 XII 1803—3 I 1861, ПН) упоминается в дневнике М. А. Корфа (РА. 1895. XI. С. 358).

⁷ Ермолов Г. П.

⁸ Дельвигов.

⁹ Салтыков Михаил Александрович (10 VI 1767—6 IV 1851) — отец С. М. Дельвига, старинный друг С. Л. и В. Л. Пушкиных, член литературного общества «Арзамас», камергер, тайный советник и сенатор. В молодости, благодаря своей красоте, попал в «случай» у Екатерины II и в 1794 г. был произведен в подполковники. В 1801 г. причислен к Коллегии иностранных дел, в 1812 г. — попечитель Казанского учебного округа и университета, в 1827 г. — сенатор в Москве (см.: *Дельвиг*. С. 70). *Н. И. Греч* (с. 550) рассказывает: «Михаил Александрович Салтыков, человек умный и хорошо образованный (в Сухопутном кадетском корпусе), был в числе друзей Александра, наследника престола. По воцарении, государь предлагал ему какое-то место, но Салтыков отказался, объявив, что намерен жениться и жить в уединении. Александр пожаловал ему звание камергера. Салтыков женился по страсти на Елизавете Францовне Ришар, родной тетке графа Клейнмихеля, но жил с нею не очень счастливо (...) Причудливостью своею и дурным нравом он заставлял забывать многие свои добрые качества и умер, никем не оплаканный». Любопытную характеристику Салтыкову дает *Свербеев* (Т. I. С. 358): «Не бывав никогда за границей до 60 лет, он превосходно владел французским языком, усвоил себе всех французских классиков, публицистов и философов, сам разделял мнения энциклопедистов и, приехав в первый раз в Париж, по книгам и планам так уже знал все подробности этого города, что изумлял этим французов. Салтыков, одним словом, был типом знатного и просвещенного русского, образовавшегося на французской литературе, с тем только различием, что он превосходно знал и русский язык». Как рассказывает далее *Свербеев*, Салтыков; при всем блеске своего образования, «был скуп до скарденности (...) Извинением такой бережливости Салтыкова, — говорит *Свербеев*, — могло служить то, что он был очень небогат и в то же время хотел жить порядочно...» Отрицательные свойства характера Салтыкова передались ему от матери, бешеный нрав, стяжательство которой подробно описываются ее родственником В. В. Пассеком (см.: Отрывок из жизни Василия Пассека, им самим сочиненный // РА. 1863. С. 632). О С. см.: *Вигель*. Т. I. С. 294; *Письма*. III. С. 175 и *Модзалевский*. По указ.

¹⁰ Пушкин Василий Львович (27 IV 1766—20 VIII 1830) — старший брат С. Л., поэт. Памяткой отношений его к О. С. является его поздравительное письмо по случаю ее бракосочетания, хранящееся в Пушкинском Доме (ф. 244, оп. 20, № 41; *Павлицев*. С. 48). О С. в 1848 г. в письме к мужу из Ковно, где ей долго пришлось ждать подорожной, вспоминала шутку В. Л., который подорожную (по созвучию) назвал «pot de roses»*: «Мы вынуждены

* «Горшок с розами» (франц.), может означать: «тайна, интрига».

были дронуть под затяжным дождем, в ожидании нашего pot de roses, как говаривал мой дядя» (ПД, ф. 244, оп. 20, № 94).

¹¹ Сонцова О. М.

¹² Сонцов Матвей Михайлович (11 VI 1779—10 XI 1847, погребен в Москве в Донском монастыре рядом с В. Л. Пушкиным) — богатый помещик села Коровино, близ Зарайска, Рязанской губ., камергер и кавалер, — душевный друг С. Л. Пушкина, женатый на его сестре Елизавете Львовне. Служа в 1825 г. при министре юстиции князе Юсупове чиновником по особым поручениям, он получил звание камерюнкера, которое, по чьему-то ходатайству и в уважение к его «возрасту и дородству», было заменено камергерским ключом. По этому поводу П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу 9 апр. 1825 г. (ОА. Т. III. С. 110): «Алексей Пушкин, когда сказали ему, что Сонцов дородству своему обязан за ключ, сказал: «Он взял его брюхом», а Неелов положил эту мысль на стихи:

Чрез деда, брата или друга

Иной по службе даст прыжок,

Иного вытает сестра или супруга,

А он так камергер чрез собственный пупок. Я, говоря, что Сонцову ключ очень к лицу, прибавил, что он не только сановит, но и слововит». Много любопытного в своих «Воспоминаниях» рассказывает И. А. Арсеньев. Однажды на обеде у родителей Арсеньева Пушкин попросил князя Волконского прочесть в присутствии С. стихи Баратынского и Соболевского: «Был да жил петух индейский, он цапле руку предложил, при дворе взял чин лакейский...», написанные в насмешку над С. и его семейством. «Следует заметить», — пишет Арсеньев, — что Сонцов был действительно похож на индейского

петуха: толстый, постоянно пыхтевший, чванный и вечно всем недовольный, он спорил, что называется, «до риз положения». Эффект оказался грандиозным: сидящие за столом, в особенности Чаадаев, не могли удержаться от гомерического смеха («...» Сонцов побагровел от злости и встал из-за стола («...» с трудом его успокоили и в другой комнате отпили водой с сахаром и флердоранжем» (Слово живое о неживых: Из моих воспоминаний // ИВ. 1887. Т. 27. № 1. С. 81)). «Сонцов, — говорит далее Арсеньев, — прислуге своей приказывал величать себя не иначе, как ваше превосходительство. Напыщенный и чванный, Сонцов был сверх того очень скуп. Однажды он пригласил к себе обедать князя Волконского, случайно завтракавшего у него накануне. Во время обеда подали какой-то соус из индейки. Волконский встал и начал кланяться блюду, говоря: «Ах, старая вчерашняя знакомая, мое почтение». В другой раз Волконский у того же Сонцова подозвал служащего за обедом слугу, передал ему кусок хлеба и сказал: «Послушай, любезный, подай мне настоящий кусок хлеба по этому образцу». Но Сонцов не смел сердиться на Волконского, потому что тот был очень зубаст». Надо думать, что по отношению к своим родным С. не проявлял этих неприятно-комических черт, потому что Н. О. и С. Л. относились к нему с любовью и уважением. О. С. он опекал, как заботливый дядюшка, и руководил ее действиями во время раздела с Н. Н. Пушкиной-Ланской в 1840-х гг. (письма О. С. к мужу — ПД, ф. 244, оп. 20, № 94). А Соболевский называл С. «дядюшка Лимбургский Сыр» (письмо Соболевского О. С. 14 июля 1838 г. — ПД, ф. 244, оп. 20, № 85). Пушкин поминает С. в письме к П. А. Вяземскому 16 марта 1830 г. (XIV, 70).

5 Надежда Осиповна:

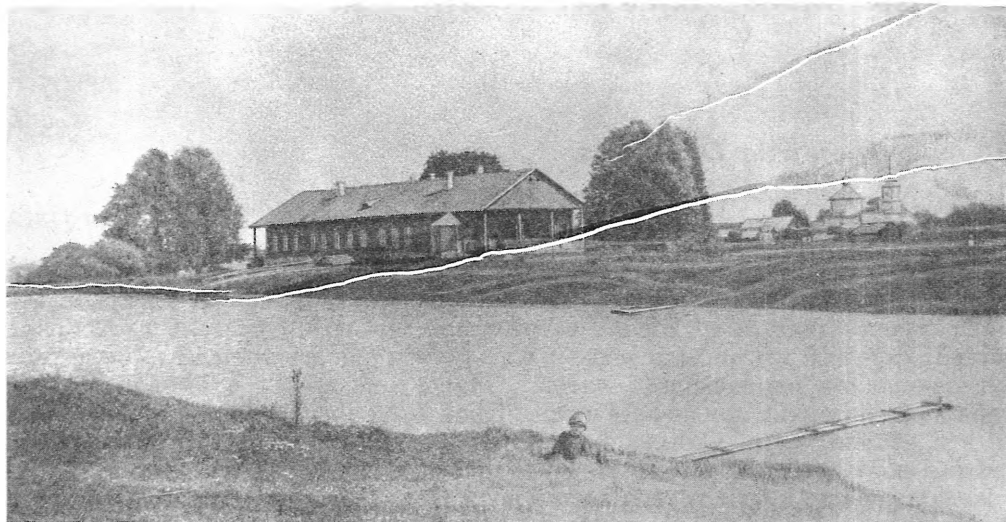
Тригорское¹ 29 сего Июня [1829]

Вот со вчерашнего дня мы и здесь, мой добрый друг; желаю, чтобы это письмо дошло до тебя поскорее, дабы ты ни минуты о нас не беспокоилась. Наше путешествие было довольно счастливо, исключая нескольких неприятностей: сначала мы забыли свою подорожную на третьей станции, что нас задержало на несколько часов²; Маша³ позабыла в Петербурге мои туфли; она потеряла мои ночные чепцы; Папа потерял свой лорнет; но, несмотря на эти неприятности, я была в восторге, что нахожусь за городом и дышу свежим воздухом, и это помогло мне терпеливо перенести все докучи. Теперь я желаю почаще иметь от тебя вестей, — надеюсь, здоровье твое поправляется. Что поделявает твое брюхатое сокровище, заложенное в ломбард, оно несомненно в скором времени удвоится или утроится, что очень хорошо, лишь бы его паспорт не доставил тебе еще хлопот⁴. Я только что погуляла, или вернее

посидела на горе, любуясь прекрасной природой, так как ходить в саду здесь по утрам невозможно,— это не то, что у нас; ты знаешь, что трава здесь по колена, тогда как в Михайловском можно гулять хоть сразу после дождя. Дрейер⁵ уверяет, что чрез три либо четыре недели мы сможем поселиться в своем доме; пока что мне очень хорошо здесь; не так оно с Папá, которому не терпится жить у себя. Сейчас, когда я беседую с тобой, он в Михайловском. Погода великолепна, ты тоже, я уверена, в саду; мысль, что ты в Ораниенбауме дышишь чистым воздухом, утешает меня в том, что я вдали от тебя, мой добрый друг, хотя и в местах, где все напоминает мне время, когда мы были вместе. С нетерпением жду вестей от твоих братьев; вдали от всех вас, мои дети, письма составили бы мое утешение, и вот я лишена и этого счастья. Была бы я хоть уверена, что все вы довольны и наслаждаетесь полным здоровьем,— эту молитву я творю непрестанно. Прощай, мой добрый друг, нежнейше целую тебя, уступаю перо твоему Отцу.

Сергей Львович:

Вот мы со вчерашнего дня и в Тригорском, добрейшая моя Оленька! В первый момент приезда неизбежный беспорядок в деревенском доме, где строятся и где все вверх дном, привел меня в уныние, но сегодня поутру все приняло иной вид. Я нашел сад хорошо содержащимся, а дом чрез некоторое время будет вполне обитаем и даже приятен. Г-н Дрейер старается вовсю, и Михайловское еще украсится.— Если в скором времени я получу от тебя весть и узнаю, что пребывание в Ораниенбауме способствует улучшению твоего здоровья, я буду совершенно спокоен.— За те небольшие неприятности, о коих говорила тебе Мама́, мы имели некоторое вознаграждение.— Нам повсюду были готовы лошади, и в коляске не поломался ни единый гвоздь.— Я только и буду делать, что ездить взад и вперед отсюда и к нам, дабы наблюдать работы, и в этом есть своя приятность.— Мы занимаем новый дом П р а с к о в ь и А л е к с а н д р о в н ы ⁶. Суди сама, насколько нам в нем просторно.— Теперь признаюсь: чтобы совершенно ободриться, мне необходимы и письма твоих

Тригорское. Господский дом и Георгиевская церковь.
Фотогр. 1900-е гг. Собрание А. Н. Великотного. Петербург. Публикуется впервые.

братьев. Отсутствие и отдаленность довольно гадкая вещь.— Прощай, моя дорогая Оленька! Поскорей дай нам весть о себе. Я знаю, что ты нам напишешь сейчас же, но эта проклятая опочечка почта так неповоротлива, а я так нетерпелив, что это отравляет все удовольствие, какое я мог бы здесь получить.— Прощай еще раз, целую тебя очень нежно и в несколько приемов.

Весь твой Сергей П.

¹ Тригорское — имение П. А. Осиповой Опочечкого у. Псковской губ., в двух верстах от Михайловского, — «прихода погоста Вороницы Георгиевской церкви» (*Смиречанский*. С. 16). «Тригорское, или, как его тогда называли, «Егорьевская губа», было пожаловано 29 июля 1762 г. Екатериной II шлисельбургскому коменданту М. Д. Вындомскому за службу в качестве надсмотрщика за заточенными Анною Леопольдовною и юным экс-императором Иоанном Антоновичем. Затем оно перешло к его сыну, А. М. Вындомскому, отцу П. А. Осиповой, а после его смерти, в 1813 г., — к ней» (Гордин А. Пушкин в Михайловском. Л., 1939. С. 98). Тригорское неоднократно воспето Пушкиным и Н. М. Языковым.

² Третья станция по Киевскому тракту располагалась в деревне Выра, где теперь действует музей «Дом станционного смотрителя». Описанное происшествие имело место в день их выезда из Петербурга в Михайловское во вторник 25 июня 1829 г. — *Прим. В. С.*

³ Маша — горничная Н. О.

⁴ См. письма 2 и 3. Крепостная Груша, тогда беременная.

⁵ Дрейер — управляющий имением П. А. Осиповой — Тригорским. А. Н. Вульф в своем дневнике записал 15 февраля 1830 г., что сестра сообщила ему, «будто бы Дрейер в Тригорском украл одними деньгами на 10 тысяч. Положим, — пишет Вульф, — что здесь есть преувеличение, но если и половина тут правды, то довольно, чтобы прогнать такого агронома...» (Вульф А. Н. Дневники. М., 1929. С. 259). 27 дек. 1827 г. он занес в дневник: «Мать пишет, что в Тригорском она нашла все хозяйство в большом беспорядке. Я не ожидал этого от лифляндского хозяина: он мог обманывать и красть, а расстраивать имение ему не было никакой выгоды» (*Псв.* XXI—XXII. С. 104). В 1834 г. 17 июня П. А. Осипова сообщила Пушкину, что она увидела Дрейера, и Дрейер, по рекомендации И. И. Вульфа, поступил управителем имения кн. Щербатовой в Тамбовской губ. Зимой 1834 г. П. А. Осипова встретилась с кн. Щербатовой у Нетти Грувеллер. «...я спрашиваю у нее о Дрейере, — пишет П. А. Осипова Пушкину, — „Ах, Боже мой, сударыня, говорит она мне, представьте, он украл у меня 35 000 руб. — и только с помощью полиции я могла от него отделаться“» (XV, 162). Имя и отчество Дрейера неизвестны. Фамилия «Дрейер» появилась в России в XVIII в. при Анне Иоанновне — это

были выходцы из Германии, гамбургские купцы (Письма Леди Рондо. СПб., 1874. С. 90). В «Родословной книге дворян Московской губернии» (ред. Савелов Л. М. Т. 1. Дворянство выслужное и жалованное. С. 150) проставлен «Дрейер Авг[уст] Ром[анович], из дворян, р. 1805, студент Дерптск[ого] унив[ерситета], в службе с 1828 г., (...) в походе при госпитале в княжестве Молдавии и Валахии 1829—32 гг.». Весьма возможно, что управляющий Тригорским был брат этого Дрейера, вывезенный А. Н. Вульфом из Дерпта, в бытность его там студентом.

⁶ Осипова Прасковья Александровна (23 IX 1781—8 IV 1859, погребена на погосте Ворониц, рядом с Тригорским, ныне входящим в состав Пушкинского заповедника) — владелица имения Тригорское, соседка, свойственница и ближайший друг всей семьи Пушкиных О. была дочерью опочечкого предводителя дворянства А. М. Вындомского и его жены Марии Аристарховны, урожд. Кашкиной. О. породнилась с Н. О. через сестру свою Елизавету, вышедшую замуж за Я. И. Ганнибала, двоюродного брата Н. О. Первым браком О. была за Н. И. Вульфом и имела от него детей: Анну, Алексея, Михаила, Евпраксию и Валериана; вторым — за И. С. Осиновым и от него имела детей Марию и Екатерину, а также падчерицу Александру (дочь Осипова от первого брака). В родстве с ней (ее троюродные братья) были декабристы С. И., М. И. и И. И. Муравьевы-Апостолы, князь Е. П. Оболенский и С. И. Кашкин. Пушкин посвятил О. стихи: «Подражания Корану», «Цветы последние...» и «П. А. Осиповой». Кроме Пушкина, отдала поэтическую дань ей, ее семье и Тригорскому, где они гостили, — Дельвиг и Языков; Жуковский и Гнедич вписали стихи в ее альбом. После смерти Пушкина в Тригорское приехал с ней познакомиться, как с его другом, князь П. А. Вяземский. А. И. Тургенев, отвозивший тело Пушкина для погребения в Святогорский монастырь, заехал с гробом в Тригорское к Пр. Ал., которую он еще тогда не знал. Общее горе сблизило их и послужило началом дружеских отношений. Об О. см.: Кашкин Н. Н. Родословные разведки. СПб., 1912. Т. 1. гл. «Род Вындомских»; *Письма*. 1. По указ.; *Майков*. По указ. Новый дом — бывшее здание полотняной фабрики, ликвидированной в 1813 г. и приспособленной под жилье. В него переехали хозяева в начале 1820-х гг. Сожжен в 1918 г.; восстановлен — в 1962-м.

Тригорск, 5 сего Июля 1829

Вот уже восемь дней, как мы здесь, мой добрый друг; это второе письмо, что я пишу тебе, и ожидаю твоего с нетерпением. Погода великолепная, особенно по вечерам, ибо днем жара несносная; но как тебе никогда не бывает слишком жарко, то я думаю, что ты жарой довольна, и она много способствует поправлению твоего здоровья. По моему расчету, твои ванны должны кончиться; скажи мне, начала ли ты купаться в море и как ты теперь себя чувствуешь? Сегодня день ангела Папа, — г-жа Шушерина у нас три дня и поручает передать тебе от нее тысячу любезностей. Рокотов¹ был позавчера, Семен Павлович² на следующий день после нашего приезда. Я много гуляю, два раза ходила пешком в Михайловское, где мы весь день провели в саду, который все разрастается и украшается, ты прямо не имеешь представления, как он хорош; дом, по словам Дрейера, будет кончен через четыре недели, но я тому не верю, впрочем, я могу потерпеть, мне так хорошо в Тригорске; а если б я почаще имела вести от твоих братьев и от тебя, то могла бы быть спокойна. Бог даст, отец твой будет здоров, но если б нам когда понадобился врач, то есть у нас здесь один такой ученый и очень хорошая аптека в Новоржеве, так что у нас нет теперь недостатка в помощи; нашего доктора зовут Бернар³, он совершил здесь чудесные исцеления, он также и магнетизирует. Довольна ли ты Шерингом, мой добрый друг, была ли ты у г-жи Турчаниновой⁴? Надеюсь, что воздух Ораниенбаума уже принес тебе пользу и что ты не нуждаешься более ни в лекарствах, ни в Турчаниновой. Скоро будет твой день ангела, дорогой друг, поздравляю тебя и желаю тебе какого только можно счастья, восстановления твоего здоровья и душевного покоя; молю Небо даровать тебе это драгоценное благо и ниспослать тебе свои благословения. Много тебе писать мне сегодня некогда, я оставила Наталью Николаевну⁵ одну, иду к ней, будем с ней беседовать о нашем добром старом времени; когда живешь одними воспоминаниями, приятно иногда ими делиться. Прощай, мой добрый друг, мне так жарко, что едва держу перо и, видишь, мои строчки все кривые. Целую тебя от глубины своего сердца. Пиши мне всегда на Опочку.

Л. С. Пушкин.
Рисунок А. О. Орловского.
1-я пол. 1820-х гг.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька, г-н Дрейер уезжает сегодня в Опочку и сам подаст это письмо на почту. Очень хотел бы, чтоб оно не оставалось так долго в дороге

и пришло как раз вовремя, чтобы поздравить тебя с именинами.— Это, так сказать, первый раз, что мы проводим их не вместе, не считая 14-го года, когда я был в отсутствии⁶. Даст Бог, ты будешь совершенно здорова.— Не знаю, так ли вы страдаете от жары, как мы, я полагаю, что на берегу моря воздух посвежее — здесь есть часы невыносимые.— Это не мешает мне два раза в день ездить в Михайловское.— Я никогда так не чувствовал, насколько наша деревня лучше для прогулок, нежели Тригорское, как с тех пор, что живу в последнем.— Ходить нет никакой возможности и ни в какое время дня. Везде солнце и трава, или надо взбираться на горы.— Да я их и люблю, но здесь им нет конца. Надеюсь, что в нашем доме можно будет жить. Он останется почти совсем как был, не считая кое-каких лишних украшений, которые придут ему более приятную внешность. У него была изрядно потрепанная физиономия. Теперь он будет, как Дача на Черной Речке⁷.

Г-н Дрейер одалживает мне лошадку для моих поездок в Михайловское.— У нее только один маленький недостаток — она очень часто падает на колени, впрочем, тут же поднимается, и я еду дальше.— Мою испортили, ту, что, я думаю, подошла бы тебе, если бы ты была здесь.

Г-жа Шущерина говорила нам об одной здешней даме, которая сейчас в Ораниенбауме и которая, как она полагает, захочет познакомиться с тобой.— Позабыл ее фамилию. Ее муж, по ее словам, госпитальный служащий.

Прощай, дорогая и добрая Олинька. Да будет Божье благословенье всегда и везде с тобой.— Я не прошу тебя писать нам — я знаю, ты это будешь делать, и уверен, уже сделала. Если узнаешь что-либо о своих братьях прежде нас, поделись с нами вестью.— Вероятно, до вас больше доходит новостей.— Здесь я не знаю ничего, и у нас нет и обрывка какой-либо газеты.

Целую тебя очень и очень нежно.

Сергей П.

Адрес рукою Сергея Львовича:

Ея Высокоблагородию Ольге Сергеевне Павлищевой в Ораниенбауме в доме Кастевичевой⁸.

Штемпель: Опочка 1829 Июль 7.

¹ Рокотов Иван Матвеевич (1782 — не ранее 1850 г.) — сын псковского губернского предводителя дворянства, богатый новоржевский и опочецкий помещик. Отец его, лейб-гвардии Измайловского полка поручик Матвей Рокотов, в молодости (6 июня 1768 г.) вместе с несколькими другими помещиками участвовал в избиении на Псковской дороге штык-юнкера Ильи Великопольского — дядюшки пушкинского приятеля И. Е. Великопольского (Корсаков Н. А. Дела давно минувших дней // *ИВ*. 1888. X. С. 188). В 1805—1809 гг. Р. состоял при русском посольстве в Дрездене, в 1823 г. вышел в отставку с чином коллежского советника и с тех пор жил безвыездно в своем имении Стехнове (см.: *Письма*. I. С. 347). В 1824 г., во время михайловской ссылки Пушкина, псковский губернатор Б. А. Адеркас предложил Р. взять на себя надзор за Пушкиным, но «опасался ли тот пылкой природы поэта и оттого не хотел становиться в шекотливое положение по отношению к нему, или (...) Пушкин на первом же шагу

не послушал Рокотова, только сосед-помещик, во избежание неприятностей, отказался от возложенной на него должности, отзвываясь расстроенным здоровьем» (Семевский М. К биографии Пушкина // *РВ*. 1869. XI. С. 61). «Рокотов навистил меня на другой день после вашего отъезда,— писал Пушкин П. А. Осиповой из Тригорского 29 июля 1825 г.,— было бы любезнее с его стороны предоставить мне скучать в одиночестве (XIII, 540). Еще во второй половине декабря 1824 г. в письме к брату из Михайловского Пушкин поминает Рокотова: «С Рокотовым я писал к тебе — получи это письмо непременно. Тут я по глупости лет прислал тебе святочную песенку. Ветреный юноша Р[окотов] может письмо затерять — а ничуть не забавно мне попасть в крепость *roug des chapsons*»* (там же. С. 130). Наконец, имеется письмо Пушкина к самому Р. (авг.—сент.

* за песенки (франц.).

1824 г. из Михайловского) о продаже ему коляски (там же. С. 122). Шутки Пушкина по поводу влюбленности Рокотова в А. П. Керн см. в письме его к П. А. Осиповой 28 авг. 1825 г. из Михайловского (там же. С. 215). Глуповатый, влюбчивый и болтливый Р. составлял предмет насмешек всего женского пола; Н. О. не упускала случая над ним подтрунить. А. П. Керн говорит в своих «Воспоминаниях»: «Мы сидели за обедом и смеялись над привычкою одного господина Рокотова, повторявшего беспрестанно: „Простите мою откровенность, я очень дорожу вашим мнением“» (*Майков*. С. 241). По словам Д. В. Философова, «Рокотов приказывал своему лакею будить себя через каждые два часа: „Уже очень приятно опять заснуть“» (Соседи Пушкина по с. Михайловскому // *Старое и новое*. М., 1912. С. 130). О Р. см. также комментарий Б. Л. Модзалевского: *Письма*. I. С. 346. В семье племянника Р., актера и антрепренера В. Д. Рокотова, в 1870-х гг. в Киеве жила с мужем престарелая А. П. Керн, тогда Виноградская (Алтаев Ал. Памятные встречи. М., 1957. По указ.)

² Неелов Семен Павлович — троюродный брат О. С., внук Анны Абрамовны Ганнибал, в замужестве Нееловой. Жил в Петровском или Сафонтьеве, именнях П. А. Ганнибала. — *Прим. В. С.*

³ Бернар, или Бернард, популярный в среде помещиков врач. Имя и отчество его неизвестны, но, по-видимому, он до конца жизни проживал во Пскове, потому что потомство его в 1916 г. было внесено в родословную книгу Псковской губ. под фамилией Бернардовых (*Спк*. С. 34 и 190). «Мне ужасно тоже как совестно против Бернарда, что мы уехали ему не заплативши, — писала А. Н. Вульф сестре, баронессе Е. Н. Вревской, в начале 1833 г. из Тригорского. — Я просила, чтоб она (мать — Л. С.) теперь вам послала деньги, чтоб ему заплатить, но кажется, и этого не будет. Ради Бога, душа моя, скажи ему, что маменька извиняется перед ним и что она ему пришлет. Ежели бы я это предвидела, то ни за что на свете не стала бы лечиться». В сент. 1833 г. она снова пишет сестре: «Еще, мой ангел, попроси у Бернарда той мази для горла, что он давал мне в Пскове» (*Псв*. XXI—XXII. С. 314). В 1834 г. 4 янв. Н. О. писала баронессе Е. Н. Вревской по поводу болезни ее матери: «Лихорадка ее очень упорная, предложите ей посоветоваться с Бернаром» (*ЛД*, ф. 244, оп. 20, № 47).

⁴ Турчанинова Анна Александровна (9 XII 1774—28 VI 1848) — дальняя родственница Пушкиных, магнетизерша, поэтесса и предсказательница, — печатала стихи в «Приятном и полезном препровождении времени» за 1798 г. и в «Чтениях в Беседе любителей русского слова». Отдельно вышли: «Отрывки из сочинений» (стихи, СПб., 1803); «Натуральная этика, или Законы нравственности, от созерцания природы непосредственно проистекавшие», перев. с латинского, стихами (СПб., 1803) и др. сочи-

нения. А. А. Турчанинова, дочь «камердинера полковничьего ранга» Петра III А. А. Турчанинова и его жены, урожд. Сибилевой, была «чиста сердцем, наружность имела примечательную, но неряшлива. Пророчества ее так же мало сбылись, как удалось лечение» (*Вигель*. Т. I. С. 113). По другому свидетельству Турчанинова «производила чудеса своим лечением» (Бартнев Ю. Н. *Дневник* // *РА*. 1897. III. С. 654). Жила она в «дальней Коломне, в деревянном доме, где устроила род лазарета и лечила горбатых, кривоногих и пр.» (Пржецлавский О. А. *Воспоминания* // *РС*. 1874. Т. II. № 12. С. 669). По словам Д. Н. Свербеева, Крюднер, княгиня Мещерская, Турчанинова и Татаринова были «главными представительницами теософии» (*Свербеев*. Т. I. С. 134). Турчаниновой покровительствовали многие влиятельные лица, в том числе знаменитый адмирал, член Гос. совета граф Н. Н. Мордвинов (*Воспоминания* // *РА*. 1883. Т. I. С. 189), несмотря на это, кончила она весьма печально. Вот как рассказывает об этом М. Ф. Каменская: «Втершись в доверие и совершенно овладев воображением больного богатого старика (...) Всеволода Андр[еевича] Всеволожского, она опустошала его карман до тех пор, пока родные его не поймали ее на месте преступления и не предали в руки властей. По окончании над ней суда она была сослана в Сибирь» (*Воспоминания* // *ИВ*. 1894. Т. VIII. С. 316). Умерла Турчанинова в Киеве и похоронена на кладбище Киево-Выдубицкого монастыря. О Турчаниновой см.: письма А. Я. Булгакова к брату // *РА*. 1901. В драме Д. С. Мережковского «Александр I» имеется любопытный разговор о Турчаниновой между двумя князьями Голицыными.

⁵ Шушерина Н. Н.

⁶ В 1814 г. С. Л. служил в Варшаве в качестве начальника Комиссариатской комиссии резервной армии. В Варшаве он вступил в масонскую ложу «Северного Шита», «к которой, пройдя четыре предварительные степени, был «присоединен» 10 октября 1817 года; незадолго перед этим — 12 января — он был уволен вовсе от службы с чином 5 класса. С этих пор С. Л. Пушкин уже никогда не служил, а вел странническую и совершенно праздную жизнь...» (*Модзалевский*. С. 32).

⁷ Черная речка — модное дачное место на Петербургских островах, где нынешняя Новая Деревня. В пушкинское время там были дачи графа С. Г. Строганова, Ланских, Деператовичей и др. После женитьбы Пушкин жил на Черной речке на даче Миллера. В этой же местности находилась комендантская дача, за которой в 1837 г. произошла дуэль Пушкина с Дантесом. Интересное описание Черной речки см.: Соколов П. П. *Воспоминания*. Л., 1930. С. 221.

⁸ Ораниенбаум — дворцовая резиденция под Петербургом, на южном берегу Финского залива (за Петергофом). Дачу Кастевич снял Пушкин сюрпризом для больной сестры, сам съездив заранее в Ораниенбаум (*Павлищев*. С. 113).

7 *Надежда Осиповна:*

16 сего Июля [1829 г. Тригорское]

Отвечаю тебе на два твои письма, мой добрый друг, они дошли до нас очень быстро, в дороге были только 5 или 6 дней; надеюсь, ты теперь получила наши, я их адресовала в Петербург и оттуда в Оран[иенбаум]; это адресую прямо, не знаю, что вернее. Благодарю тебя, мой добрый друг, что подробно пишешь обо всем, тебя касающемся; но ты не говоришь мне, по-прежнему ли ты берешь ванны. Я в восторге, что воздух тебе благоприятен; ты не должна беспокоиться, что все еще худа, ты только один месяц ведешь этот образ жизни, увидишь, что к концу лета ты заметно пополнеешь. Здесь жары почти невыносимые, если у вас так же жарко, не представляю себе, как ты можешь лежать на солнце, мы еще утром говорили об этом с Папá. Хотя я и рано встаю, [всегда] никогда не позже 7 часов, — раз я встала в 4 — но гулять невозможно из-за жары; наши прогулки совершаются всегда по вечерам, а весь день я сижу перед домом, работая по канве. Ты знаешь, я вышиваю для г-жи Шушериной собаку¹, которая по красоте и размеру превосходит ту, что делали Мими-биби², и вызывает восхищение всех соседей. Ты угадала, что у нас нет недостатка в гостях: позавчера были у нас нежданные — это барышни Тимофеевы³; они приехали в первый раз в жизни, хотя живут в 8-ми верстах от Михайловского и я их знаю десять лет, в прежние годы я встречала их у Ланских⁴, потом у Малиновских⁵ — особенно часто прошлый год. Они почувствовали ко мне расположение, и это взаимно; я в восторге от этого соседства. Они совсем без церемоний, визитами не считаются, и это мне очень на руку; я до сих пор не тронулась с места, мои странствия начнутся в августе. Очень хотела бы повидать г-жу Княжнину⁶, но она так далеко, и кроме того, чрез 15 дней уезжает. Г-жа Креницына⁷ возвращается из Петербурга, ее сыну лучше. Если ты не знаешь никакой политической новости, то скажу тебе одну очень интересную — это взятие Силистрии⁸; с нетерпением жду писем от твоих братьев. Бог даст, эта последняя победа принесет нам мир. Прощай, мой добрый друг, мне столько писем надо писать, — потому я тебя покидаю, но сердце мое всегда с тобою, во весь день я только и думаю, что о тебе и твоих братьях, мое воображение переносит меня к вам, мои дети; но мне легче полететь мыслью в Ораниенбаум, благодаря подробностям, которые ты мне сообщаем; возле же Леона я вижу одни лишь опасности, тогда как он, быть может, благодушествует. Что до Александра, то не знаю, где его и искать, так что мысли мои уже более не розового цвета, как во время оно. Прощай, целую тебя очень нежно.

Сергей Львович:

Очень благодарю тебя, дорогая Олинька, что пишешь нам подробно и часто. Делай так и впредь. Вести о тебе мне более чем необходимы. Мама написала тебе обо всем, что мы делаем и как живем. Два раза в день я езжу в Михайловское, и чем больше я сравниваю его с Тригорским, тем более оно мне нравится. Дом подвигается медленно, и хоть нам здесь и хорошо, я нахожу, что ничего нет вернее старой пословицы в гостях хо-

рошо, а дома лучше. Наши победы вам должны быть известны. У меня нет газеты, и это для меня большое лишение. Беспокоюсь о Леоне, не имея теперь возможности точно знать, где они находятся и что теперь делают. Мой брат⁹ пишет мне из Москвы, что ему говорили, будто Александр с ним у Раевского¹⁰. — Очень хотел бы иметь о них вести, и пока их не имею, буду чувствовать себя в шестой части света. Только вас мне недостает, мои дети, во всем же прочем мне здесь очень было бы хорошо. Прощай. Целую тебя миллион раз и кончаю за недостатком бумаги. Да благословит тебя Господь.

¹ Вышивать собачек было тогда модно. В. Ф. Вяземская вышивала Пушкину собачку. «...позвольте повергнуться мне к ножкам Вашего Сиятельства, — писал он ей 24 апр. 1828 г., — и принести всеподданнейшую мою благодарность, за собачку (символ моей к Вам верности), вышитую на канве собственными вашими ручками и присланную мне в мое чухонское уединение» (XIV, 15). Вспомним в «Рославлеве» слова Полины: «Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтобы нас на балах вертели в экосезах, а дома заставляли вышивать по канве собачек?»

² Мими-биби, или Ми-би, или Ми — прозвище, данное Н. О. четырем немкам, сестрам Занден. Это Елизавета, Анастасия (по мужу Ноден), Екатерина (по мужу Лодыженская) и Анна Карловны (по мужу Брок). Они плохо говорили по-русски и слова «мы были» произносили «ми били»; отсюда прозвище — «ми-би» или «мими-биби» (*Псв.* XIV. С. 201). Кто были родители сестер Занден — неизвестно. Единственный Занден, попавший в литературу (возможно, брат их отца), — это врач Иван Федорович Занден (р. 1752), практиковавший в Уфе, которого Г. В. Виноский называет «почтенным, искусным, человеколюбивым» (Мое время. СПб., <1914>. С. 132 и др.), а С. Т. Аксаков — «доктором весьма ученым, бывшим впоследствии штатт-физиком в Москве» («Семейная хроника», изд. «Просвещение». С. 135). О брате сестер Занден, генерале, см.: *Псв.* XXIII—XXIV. С. 217.

³ Тимофеевы — три сестры: Татьяна (девица), Наталья (замужем за Мясновым) и Мария Петровны (*ПД, КМ*) — дочери коллежского советника Петра Ивановича и Анастасии Федоровны (урожд. Юдицкой) Тимофеевых, опочечких помещиков, которые какими-то узами связаны с П. В. Мятлевым, сенатором и богачом, отцом известного стихотворца Ивана Петровича Мятлева (см. письмо 51). Поместье Т.—Чухны расположено в 12—15 км от Михайловского. О. С., по-видимому, не очень жаловала сестер Тимофеевых — см. ее письмо к отцу от 28 авг. 1836 г. (*Псв.* XII. С. 78).

⁴ Ланские — псковские помещики, брат Яков Дмитриевич и пять сестер екатерининского фаворита А. Д. Ланского, которым после смерти последнего была пожалована его псковская вотчина (см.: Александров Г. Н. После смерти А. Д. Ланского // *РА.* 1880. II. С. 151). Вотчина Ланских называлась Велье (*Софийский.* С. 174).

⁵ Малиновские — московские друзья Пушкиных: директор Московского архива Коллегии иностранных дел, историк и археолог, сенатор Алексей Федорович (1762—26 XI 1840), его жена Анна Петровна, урожд. Исленьева (ум. 16 VI 1847. *ПРН*) и их дочь Екатерина Алексеевна (19 II 1811—14 VIII 1872), с 18 января 1833 г. — жена князя Ростислава Алексеевича Долгорукова (1805—1849). Брат Алексея Федоровича Василий Федорович Малиновский — первый директор Царскосельского Лицея. А. Ф. М. был выдающимся ученым. «Архив знал Малиновский, как свой кабинет, и любил без памяти, считая его как будто своей колыбелью и могилой» (Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1891. Т. I. С. 173); «...он издал три фоллианта грамот и договоров, был председателем Общ[ества] Ист[орических] Древностей Российских, почетный член Оружейной палаты» (Бартенев П. И. *РА.* 1882. II. С. 257). Друг Карамзина и Бантыша-Каменского, А. Ф. в то же время был и приятелем Аракчеева, и характеристики его как человека дают не совсем приятный облик. И. М. Снегирев записал в своем дневнике: «На дружбу Малиновского не должно полагаться» (*РА.* 1902. VI. С. 184); А. Я. Булгаков в письме к брату называет его «попович», «незультская харя» (*РА.* 1900); Ф. Ф. Вигель говорит: «...он был, уже без примеси, русского и духовного происхождения, ибо протоиерей, отец его, находился (...) законоучителем в Московском университете (...) Малиновский кислосладкий, как прозвали его, чуждался всего, что напоминало его левитизм, гонялся за ученостью, но еще более имел претензию на светскую любовь» (*Вигель.* Т. I. С. 174). Об А. Ф. см.: *Гастфрейнд.* Т. III. С. 300; *РА.* 1867. С. 653; *Русские портреты.* Т. IV. № 224. Жена А. Ф. Анна Петровна, дочь генерал-лейтенанта П. А. Исленьева (*Псв.* VIII. С. 67), была родственницей и воспитанницей знаменитой княгини Е. Р. Дашковой (*Бутурлин.* 1897. Кн. I. № 3. С. 439). А. П. «принимала участие в сватовстве поэта за Гончарову и была на свадьбе посаженной матерью у невесты» (*Рассказы о Пушкине.* С. 137. См. также: *Письма.* III. С. 210). Единственная их дочь Екатерина, в замужестве Долгорукова, подруга молодости Н. Н. Гончаровой, благоговела перед Пушкиным и после дуэли не отходила от него до самой кончины. Умная и образованная женщина, ученица Погодина, совместно с которым перевела «Всеобщую историю для детей» Шлесера (*Барсуков.* Кн. I. С. 192, 305), она была приятельницей Лермон-

това, служившего в одном полку с ее мужем, князем Р. А. Долгоруковым. Позднейший ее рассказ о Пушкине записан Бартеневым (*Рассказы о Пушкине*. С. 62; о ней — там же. С. 136).

⁶ Княгиня Варвара Алексеевна, урожд. Караулова (9 VIII 1774—23 I 1842) — друг детства Н. О., псковская помещица, владелица с. Иваново Новоржевского у. (*ПД, КМ*). Ее муж — А. Я. Княжнин, приятель А. Я. Булгакова, А. А. Закревского и П. А. Вяземского (*ОА*. II. С. 558), писатель и драматург, автор популярной в свое время оперы «Девушник, или Филаткина свадьба», сын знаменитого драматурга Я. Б. Княжнина и его жены, дочери Сумарокова, Екатерины Александровны, первой русской писательницы.* Осенью 1835 г. Н. О., приехав в Петербург из Павловска искать квартиру, слегла у В. А. Княжнина в первых приступах своей предсмертной болезни. «Бедную мать мою я застал почти при смерти, — писал Пушкин П. А. Осиповой в окт. 1835 г., — она приехала из Павловска искать квартиру и вдруг почувствовала себя дурно у госпожи Княжнинной, где остановилась» (*XVI, 57*). См. об этом также: *Павлицев*. С. 396.

⁷ Креницына П. Н.

⁸ Победоносный бой перед Силистрией произошел 12 мая 1829 г., крепость была взята 18 июня.

⁹ Пушкин В. Л.

¹⁰ Раевский Николай Николаевич (младший) (14 IX 1801—24 VII 1843) — сын героя 1812 г., генерала от кавалерии Н. Н. Раевского и Софьи Алексеевны, урожд. Константиновой, внучки М. В. Ломоносова. В войну 1812 г., в возрасте десяти лет, находился при отце, подвиг которого в сражении под Дашковкой воспел В. А. Жуковский. Участвовал во взятии Парижа. В конце

декабря 1825 г. Р. и брат его Александр привлекались по делу декабристов, но были освобождены (*Декабристы*. С. 152 и др.). На Кавказе, командуя Нижегородским полком в чине генерала, Р. продолжал поддерживать дружеские связи с сосланными декабристами, на что был подан донос, и Р. вышел в отставку. Впоследствии он был начальником Черноморской береговой линии, но в 1841 г. получил увольнение. «Его вечные споры с своими начальниками и в особенности остроты на их счет, наконец, надоели в Петербурге. Раевский вскоре уехал в имение на южный берег Крыма...» (*Дельвиг*. С. 329). Женат был Р. на дочери генерала Бороздина, фрейлине Анне Михайловне. Внешне Р. был «великан», «ломовая сила», «наружность его — маска, и истинная суть его души — горе по отце» (Юзефович М. В. Воспоминания // *РА*. 1880. III. С. 433). С Пушкиным Р. сошелся в 1814 г., когда лейб-гвардии гусарский полк, в котором он служил тринадцатилетним мальчиком, стоял в Царском Селе. Пушкин посвятил ему стихотворение «Андрей Шенье» и поэму «Кавказский пленник». К Пушкину, служившему под его командой, он относился не как начальник, а как друг. Письма Пушкина к Р. см.: XIII, по указ. 20 июня 1829 г. Пушкин встретился с Нижегородским полком, и они, все трое, действительно были вместе. «Еще мы не кончили обеда у Раевского с Пушкиным, его братом Львом и Семичевым, как пришли сказать, что неприятель показался у аванпостов», — вспоминает М. И. Пущин (*Майков*. С. 388). О Р. см.: *Майков*. С. 137; Филипсон Г. И. Воспоминания // *РА*. 1883. Кн. 3. № 6; *Лорер*. С. 202 и др.; Юзефович М. В. Воспоминания // *РА*. 1880. III. С. 432; Муравьев-Карский Н. Н. Записки // *РА*. 1894. Кн. 1. № 4. С. 512; *Летописи ГЛМ*. С. 215.

8 Надежда Осиповна:

Тригорск 23 сего июля [1829 г.]

Я очень исправно получаю твои письма, мой добрый друг, и благодарю тебя за точность, с какой даешь нам вести о себе. Почему ты бросаешь ванны? Признаюсь, опасаюсь ванн морских, это никуда не годится при твоих стеснениях в груди, впрочем полагаюсь на Шеринга¹, который, как говорят, прекрасный врач; надеюсь, он их тебе запретит, и кроме того, остается мало времени, мы уже на исходе июля, жары в Ораниен[бауме] не так велики, как

* Мордовцев Д. Л. Замечательные исторические русские женщины на Руси от княгини Ольги до наших времен. Популярны рассказы из истории русской земли. Описание 120 лиц, их жизни и деятельности: В 4-х томах, 17-ти частях. СПб., 1911. Т. III. С. 58.

здесь; вообрази, у нас в 6 часов пополудни было 29 градусов, были и грозы, но со вчерашнего дня погода переменялась, не так жарко, и дождь льет изрядно; однако сегодня утром я была в Михайловском, прошлась кругом сада, варила варенье, и воротилась в Тригорск до дождя; теперь он мне безразличен, ибо я посвящаю день писанью писем во все концы. Но не знаю, куда адресовать письмо Леону; если напишу в Тифлис, Бог весть когда и как оно до него дойдет, это несносно; не ведаю, где находится Александр, и вот я в вечных беспокойствах. Взятие Силистрии меня несколько ободрило, это дает мне надежду на мир; мы прочли в немецкой газете, что полк Леона тоже был в деле, да защитит его Небо, я с тревогой жду исхода². В Петербурге веселятся, 1-го числа гулянье было великолепно³; я как Василий Львович⁴, который всегда сообщает нам новости из Петербурга,— ты в 40 верстах, а я в 400, и рассказываю тебе о том, что там делается. Ты спрашиваешь, с нами ли Крестина Семеновна⁵, кажется, я тебе говорила, что она не приедет, у нее дела в Луге, которые ее там задерживают. Со дня ангела Папá я не видела г-жи Шушериной, она собиралась совершить небольшое путешествие — съездить повидать сестру свою, у которой вторая дочь тоже невеста, будут две свадьбы зараз. Г-жа Креницына⁶ еще у меня не была; едва воротившись из Петербурга, она поехала к молодоженам — к сыну, женатому на баронессе Аш⁷; визиты у нас начнутся в будущем месяце, я люблю их принимать, да не люблю отдавать, мне хватает моих прогулок в Михайловское. Если б у меня были утешительные известия о твоих братьях, если б я знала, что ты здорова и спокойна, мне здесь было бы совсем хорошо: но ведь с «если» с «но» и Париж поместишь в бутылке!* Что еще сказать тебе, мой добрый друг? Ты знаешь, как я провожу время. наших соседок Дрейер⁸, хоть они и самые ближние из всех, я вижу реже всего, они такие дикарки; они не так любезны, как наши добрые Ревельчанки; однако сестра Дрейера шесть с лишним лет была в Ревеле у графини Буксгевден⁹. Изю всей семьи он самый веселый и на редкость деятельный. Позавчера на Трех Горах было явление Ребетича¹⁰; он много переменялся к лучшему, манеры его гораздо приятнее с тех пор, как он в высшем свете Пскова; он расстался со своими усами и сделался совсем другого склада, он получает 4 тысячи рублей, расходует мало и веселится, видимо, доволен судьбой своей и уж не думает возвращаться к Прасковье Алекс[андровне]; Рейхман¹¹ у нее в Малинниках. Она должна приехать сюда в конце месяца или в начале будущего. Ее маленькая Катинька¹² очаровательна и очень ко мне привязана; когда я сказала ей, что уеду жить в Михайловское, она принялась плакать. Бедное дитя, она такая заброшенная.— Вот все мои новости, продолжай мне сообщать свои, что же более может меня интересовать; зато и понедельник с тех пор, что я здесь,— мой любимый день: это день, когда я получаю твои письма, мой добрый друг. Всегда рассказывай мне о своем здоровье, как помогают порошки и о воздухе Ораниенбаума. Видала ты с тех пор г-жу Окуневу¹³? Княгиня Дондукова¹⁴ мне очень нравится, я говорю о матери, с которой я знакома, но ничего не могу сказать о дочери; не знаю, существует ли еще бабушка. Если б ты хорошо себя чувствовала, я уверена, что тебе понравилась бы это общество. Прощай еще раз, целую тебя от всего сердца.

---

* «Avec des si et des mais on peut mettre Paris dans une bouteille» — французская поговорка. Мирабо в одной из речей сказал про кого-то: «Il a toujours à la bouche un si, un un mais, des si et des mais... je sais tous les si et tous les mais, dont ces petits spéculateurs mettront Paris dans une bouteille» («Я знаю все эти «если» и «но», с помощью которых эти спекулянты засунут Париж в бутылку». — Франц.). (Речь шла о хлебных спекуляциях в Париже).

Сергей Львович:

Пишу, чтобы поцеловать тебя, дорогая Олинька, и поблагодарить за письмо. — Они мне в большое утешение. — От твоих братьев у нас писем нет, и я даже представления не имею, где в настоящий момент может находиться Александр¹⁵. Армейский корпус, в коем числится Леон, надо полагать, совсем близко от Эрзерума, но я не думаю, чтобы Александр отважился захватить так далеко. — Немецкая газета сообщает нам о сражении, которое должен дать граф П а с к е в и ч. — Бог даст, оно кончится счастливо для Леона. — Ты не сомневалась в том, что я и в немецких газетах стану читать известия, — ведь вот что делает необходимость! — Пожалуй, если б была одна только газета на еврейском, я и ту пытался бы разобрать — лишь бы найти там Н и ж е г о р о д с к и й драгунский полк. Прощай, дорогая Олинька, целую тебя очень и очень нежно. — Скажи нам в первом же письме, видела ли ты еще г-жу Окуневу. — Она снилась мне эту ночь, но почти все ночи я вижу тебя и целые вечера провожу с тобою. Позавчера я видел тебя в большом обществе. — Как я два раза в день езжу в М и х а й л о в с к о е, то покидаю тебя, дабы сейчас туда вернуться. — В это лето дом навряд ли будет кончен. Со всех сторон он являет собой одни развалины. — Дрейер уверяет меня, что в скором времени дело пойдет очень быстро и что все будет сделано разом. — Дай-то Бог! Прощай, душенька! Христос с тобою.

С. Л. Пушкин.
Рисунок К. Гампельна. 1824.

Забыл сказать тебе, что Руслан едва не ослеп. У него очень болят глаза и один покрыт катарактой. Это у него всякий раз делается в деревне, не знаю почему.

¹ Шеринг Э.-Ф.

² По «Извлечению из формулярного списка Л. С. Пушкина» (Майков. С. 38) видно, что Л. С. участвовал в следующих сражениях: 16 июня — в занятии высот, окружающих лагерь Гагки-паши; 17-го — в сражении с неприятельской конницей под начальством Осман-паши; 19-го — в поражении неприятельской конницы и разбитии войск эрзерумского сераскира; 20-го — в овладении лагерем Гагки-паши и при разбитии всех войск его, за что награжден чином поручика; с 22 по 27 июня был в походе к городу Эрзеруму и при взятии его.

³ Традиционное гулянье 1 июня, в котором участвовала царская фамилия, двор и все желающие, происходило ежегодно в Петергофе. Об этом гулянье см.: Ленц В. В. Приключения лиф-

ляндца в Петербурге // РА. 1878. Кн. 1. № 4. С. 451; Оже И.-Н.-Ж. Из записок Ипполита Оже // РА. 1877. Кн. 1. № 1. С. 67; Майков. С. 213; Кюстин А., де. Николаевская Россия. Пер. с франц. Я. Гессена и Л. Домгера. М., 1930. Гл. XI; Таффнер В. В. Иностранцы в России // ИВ. 1914. I. С. 259.

⁴ Пушкин В. Л.

⁵ Неелова Х. С.

⁶ Креницына П. Н.

⁷ Креницын Владимир Николаевич, женат на баронессе Надежде Казимировне Аш, дочери барона К. И. Аша (Философов. С. 133).

⁸ Родственники управляющего именем П. А. Осиповой.

⁹ Буксгевден Наталия Александровна (1759(61?)—1808), графиня, — по преданию,

дочь Екатерины II и графа Г. Г. Орлова (см.: *РС. 1872. V. С. 236*; Ратынский Н. Двор и правительство России сто лет назад // *РА. 1886. II. С. 151*; Головина В. Н., гр. Записки, СПб., 1900. С. 13), жена графа Ф. Ф. Буксгевдена (14 IX 1750—23 VIII 1811), в молодости адъютанта графа Г. Г. Орлова, генерала от инфантерии, военного губернатора Петербурга, в 1798 г. подвергнутого опале; в 1808 г., во время финляндской войны, — главнокомандующего русской армией. У Буксгевденов было имение в Эстляндской губ. — замок Лоде и под Ревелем — поместье Вимс. «Вчера ездили в Вимс, деревню Буксгевдена, верст за 12, с Пушкиным с барышнями Дороховыми», — сообщал П. А. Вяземский жене из Ревеля 22 июля 1825 г. (*ОА. V. Вып. 1. С. 64*). О графине Н. А. Буксгевден см.: *Русские портреты. Т. IV. № 172 и 36*.

¹⁰ Ребетич, или Ребетифш (как называет его в своем дневнике А. Н. Вульф), — управляющий тверским имением Вульфов, Малинниками, которого сменил Рейхман. «Мне музыка напоминала то Ребетифша с деревенскою моею жизнью, то удалые наши студенческие квартеты...» — записал 1 ноября 1828 г. в своем дневнике Вульф (*Псв. XXI—XXII. С. 23*). Имя, отчество и дальнейшая судьба Ребетича неизвестны. Со слов Н. О. можно заключить, что Ребетич переменил карьеру, и тогда, быть может, именно его находим мы в «Моих воспоминаниях» К. Головина (СПб., 1908—1910. Т. 1. С. 20), детство которого относится к 1850-м гг.: «Последний (из моих учителей) Эдуард Карлович Ребетифш был самым усовершенствованным воплощением немецкой аккуратности и немецкого педантизма. Недурной латинист, как и все бывшие дерптские студенты, он изяществу форм у классиков не научился. Рыжие бакенбарды обрамляли его кислое лицо, украшенное следами бывших дуэлей. На улице он постоянно носил пальто внакидку и вечно грязные резиновые галоши. Когда он говорил с матушкой, то неизменно выставлял вперед левую ногу и наклонял голову, чтобы потом резко ее приподнять, когда приходилось ответить. Не помню, чтобы он хоть раз в чем-либо с матушкой согласился. Впрочем, он был пречестный и преобрый человек, которому я обязан твердым знанием немецкого языка и столь же твердым умением распределять свое время».

¹¹ Рейхман Карл — агроном, управляющий тверским имением Вульфов — Малинниками. «...А в Малинниках вместо всех Анет, Евпраксий, Саш, Маш etc., живет управитель Парасковии Александровны, Рейхман, который поподчивал меня шнапсом», — писал Пушкин жене 21 авг. 1833 г. из Павловского (*XV, 72*). «С наличными деньгами, благодаря Рейхману которых у меня теперь есть р. 400, мне и до дому невозможно доехать...» — писал Вульф сестре 24 июля 1833 г. (*Псв. I. С. 104*). В 1834 г. Рейхман был послан в Болдино на смену Пеньковскому. Известие об этом крайне взволновало П. А. Осипову. 17 июня 1834 г. она писала Пушкину из Тригорского: «И сегодня я узнаю от Аннеты, что вы наняли г-на Рейхмана приказчиком или управляющим (...), у меня упало серд-

це». Она рассказывает Пушкину, что Р. оставил ее крестьян без пропитания, и советует взять кого угодно, «но только не Рейхмана (...), остерегайтесь Рейхмана, предупреждаю вас...» (*XV, 326*). 29 июня Пушкин ответил ей, что считает Р. честным человеком, но что Р. отказался управлять Болдином ввиду крайнего его разорения. Письмо Р. к Пушкину с отказом — от 22 июня 1834 г. (там же. С. 163). Р. умер в Малинниках в 1835 г. «Вчера получил письмо от Алексея, который сообщает мне о смерти Рейхмана — бедный человек — мне его жаль. Он воскрес в Триг[орском], чтобы поехать умирать в Малинниках», — сообщила из Петербурга А. Н. Вульф матери 14 мая 1835 г. (*Псв. XXI—XXII. С. 324*). 24 мая она писала Е. Н. Вревской: «Кажется, ты знаешь, что Рейхман умер недавно, после короткой болезни, и его брат приходил ко мне и я расплакалась, глядя на его отчаянье. (Он) збирается ехать к Алексею» (там же. С. 327). О Р. см.: *Письма. III. 602*; *Щеголева. С. 113*; Вульф А. Н. Дневники. Ред. П. Е. Щеголева, М., 1929. С. 116.

¹² Осипова Екатерина Ивановна — дочь П. А. Осиповой и И. С. Осипова (17 VI 1823 — после 1908); с 10 ноября 1841 г. замужем за Виктором Александровичем Фоком. Ей принадлежало село Лысая Гора, в двух верстах от Тригорского, где она жила по выходе замуж (*Псв. I. С. 146*). В 1902 г. жила в Севастополе. Ее воспоминания о Пушкине, записанные с ее слов в 1898 г. В. М. Максимовым и В. П. Острогорским, см. в альбоме «Пушкинский уголок» (М., 1899). В детстве О., кажется, действительно была «заброшенная». В 1825 г. мать оставила ее, двухлетнюю, в Тригорском и уехала в Ригу. «...Малютка совсем здорова и встретила меня самым любезным образом», — писал о ней Пушкин П. А. Осиповой 11 авг. 1825 г. из Михайловского (*XIII, 542*).

¹³ Окунева С. А.

¹⁴ Дондукова княгиня — по всей вероятности, Вера Ионовна, жена князя Никиты Ивановича, теща Михаила Александровича Дондукова-Корсакова (1794—29 VIII 1869), впоследствии председателя Цензурного комитета и попечителя Петербургского учебного округа, брата товарища Пушкина по лицу Н. А. Корсакова. Упоминаемая в письме дочь — княжна Мария Никитична (р. 12 IV 1803), 5 ноября 1819 г. вышедшая замуж за М. А. Корсакова, которому были переданы ее титул и фамилия. Бабушка — княгиня Мария Васильевна (1762—1831), урожд. Корсакова, мать В. И., вдова последнего калмыцкого владетельного князя Ионы Дондука-Омбо (1733—1781). В статье А. А. Титова о декабристе А. М. Булатове (*РС. 1887. Т. 53. № 1. С. 206*) рассказывается о «старушке княгине Дондук, вдове кн. Ионы Ионовича», и ее окружении, состоявшем из лиц, близких в то время и к Н. О. Это — Архаровы, Р. М. Кожина (урожд. княжна Волконская, подруга юности Н. О.), В. Д. Кокошкина. Дондуковы-Корсаковы были помещиками Псковской губ., владельцами имения Глубокое (см.: Дондуков-Корсаков А. М., кн. Воспоминания // *Старина и Новизна. V—VI. СПб., 1902*). Сын Михаила

Александровича Алексей Михайлович женился на дочери псковского предводителя дворянства А. Н. Пещурова, Марии Алексеевне (см.: *Лобанов-Ростовский*. Т. II. С. 92). О Корсаковых, Д. и Д.-К. см.: *Гастфрейд*. Т. I. С. 401; *Рассказы о Пушкине*. С. 80; *Русские портреты*. Т. V. № 47. О калмыцких князьях Дондук-Омбо см.: Соловьев С. История России. Т. XIX, XX.

¹⁵ На Кавказе Пушкин продолжал находиться под тайным надзором и избегал писать по почте. До нас дошло только одно его письмо, относящееся к этому периоду, написанное в Россию, — графу Ф. И. Толстому (Американцу), черновое, от конца мая — начала июня 1829 г. из Тифлиса (XIV, 46).

9 Надежда Осиповна:

3 сего Августа [1829 г. Тригорское]

Вчера мы получили твое письмо от 26, мой добрый друг, пока что я могу только хвалить исправность Ораниенбаумской почты, Петербургская отвратительна: боюсь тоже, как бы не затерялись письма твоих братьев; это несносно — я даже не знаю, куда адресовать свои. Вот еще одна большая победа, в которой участвовал Нижегородский¹ полк. Я очень хотела бы знать, кто доставил это известие; тот офицер, быть может, знаком с Леоном и мог бы нам что-нибудь о нем рассказать, но не имею представления, к кому за этим обратиться. Что до Александра, то не получил ли барон Дельвиг известий о нем, и не знаю, чему приписать это молчание, мне кажется, что это вина почты². Послезавтра мы посылаем в Новоржев, быть может, найдем там письмо. Он не знает, что это в Опочку нужно адресовать в нынешнем году.

Благодарю тебя, мой добрый друг, за подробности, которые ты общаешь мне о своем здоровье: дивлюсь разнице между климатом нашим и Ораниенбаума, думаю, что причиной тому соседство с морем; однако в Ревеле жары, как здесь; у нас хорошая погода продолжается, последние дни не так жарко, но воздух очень приятен; сегодня я пешком ходила в Михайловское, что делаю довольно часто, единственно чтобы погулять по нашему саду и варить варенье; плодов множество, я уж и не придумаю, что делать с вишнями; в нынешнем году много тоже будет белых слив³.

С тех пор как я тебе писала, я сделала новое знакомство: это одна монастырка лет тридцати, вышедшая за некоего г-на Суморотского⁴; он вовсе не похож на деревенского жителя, очень хорошо говорит по-французски и по-немецки, видно, что бывал в обществе; ему под шестьдесят лет, он кажется моложе, ему можно дать не более 42; он очень свеж, у него очень красивые зубы, ни единой морщины, словом, невозможно себе представить, что между ним и женой такая большая разница лет. Они у нас провели день, обедали мы в Тригорске, а чай пили в саду Михайловского, который очень им понравился. Я рада была бы этому знакомству, если бы не должна была отдать им визит за 50 верст отсюда; как я подумаю обо всех поездках, которые вынуждена буду совершить, уже самая мысль о них меня утомляет. Я стала такая ленивица, и потом, пока у меня нет известий о твоих братьях, сердце у меня ни к чему не лежит. Прощай, мой добрый друг, продолжай нам писать, говори мне о своем здо-

ровье, ничего от меня не тая; скажи мне правду, как твои стеснения в груди, твоя слабость, словом, все, что ты чувствуешь; что меня успокаивает — так это уверенность, что ты в руках хорошего врача, но мне досадно, что ты не пользуешься такой прекрасной погодой, подобно нам прочим, обитателям деревни. Прощай, да возвратит тебе здоровье и да благословит тебя Бог.

Сергей Львович:

Имею время лишь поцеловать тебя, дорогая Олинька.— Сейчас десять часов вечера, и почтарь уезжает завтра в пять часов утра.— Очень хотел бы знать, навещали ли тебя Дельвиги в Ораниенбауме и не знают они чего о твоих братьях.— Нам известно, что Паскевич одержал большую победу, но пока нет сведений о Леоне, я не смею радоваться.— Дай Бог, чтобы твое здоровье улучшалось день ото дня.— Это станет мне большим утешением, ибо от Александра и Леона я никаких не имею известий. Прощай, целую тебя очень нежно.

¹ Речь идет, по всей вероятности, о «поражении неприятельской конницы и разбитии войск эрзерумского сераскира», состоявшемся 19 июня 1829 г. (Извлечение из формулярного списка Л. С. Пушкина // *Майков*. С. 38). Более поздние известия еще не могли прийти.

² См. письмо 8, прим. 15.

³ 29 сент. 1835 г. Пушкин писал жене из Михайловского: «Скажи Сашке, что у меня здесь белые сливы, не чета тем, которые он у тебя крадет, и что я прошу его их со мною покушать» (XVI, 52).

⁴ Сумороцкий или Суморотский Василий Михайлович, опочечский помещик и предводитель дворянства в 1820—1822 и 1835—1837 гг. (*Софийский*. С. 90, а также *Спк.* С. 151); сын псковского уездного предводителя дворянства

1793—1798 гг. Михаила Петровича Сумороцкого (там же). А. Болотов рассказывает о предках этого Сумороцкого (1752): «Чрез день после того, званы мы на такой же обед к маленькому г. Сумороцкому, живущему от зятя моего версты только четыре <...> ... Приехали звать также от старика г. Сумороцкого. Сей хотел также соседей угостить и, можно сказать, что удовольствовал всех до избытка» (*Жизнь и приключения Андрея Болотова*. СПб., 1871. Т. 2. Стлб. 284). Сестра Болотова сватала за него одну из Сумороцких: «...надоедала ты мне так много своею невестою Сумароцкою! Ах! та-та, на меня беда, подхватила она,— что эта-та враговка у нас ушла и уже замужем...» (Там же). О еще более дальнем предке Сумороцкого, убитом в 1650 г. псковитянами, см.: *Окулич-Казарин*. С. 37.

10 *Надежда Осиповна:*

12 сего Августа [1829 г. Тригорское]

Ты говоришь, что твое здоровье, благодаря Бога, лучше, вот и письмо твое, мой добрый друг, доставило мне много удовольствия. Потом известие Дельвига об Александре и взятии Эрзерума ¹ сперва наполнили меня радостью, однако, момент спустя, эти розовые мысли уступили место другим. У меня совсем нет писем, я не знаю, где мои сыновья, одна лишь надежда на Провидение меня поддерживает, Небо их до сих пор хранило, смею надеяться, что увижу их живыми и здоровыми, может, этой зимой они приедут утереть мои слезы ². Сейчас я нахожусь между надеждой и опасением. Твои письма, мой добрый друг, составляют мое утешение; очень досадую, что ты так мало насладились хорошей погодой, у нас она тоже несколько испортилась, но теперь очень хорошо, и вот два дня кряду я ходила пешком в Михайловское и чай мы пили в саду; у нас мно-

жество плодов, не знаю больше, что с ними делать; дом наш строится медленно, но он будет красивый; не думаю, чтобы мы могли поселиться в нем в этом месяце, очень бы мне хотелось перебраться ко дню моих именин. Сколько времени предполагаешь ты оставаться в Ораниенбауме? Раз погода у вас так плоха, скажи мне, можно ли жить в твоих комнатах, когда сыро? Остерегайся простуды, мой добрый друг. Нам здесь очень хорошо, то есть не надо бояться ни ветра, ни сырости, но дом так велик, и потом вид пруда так печален, когда идет дождь! Какая разница с нашим Михайловским,— с тех пор, что я здесь, я научилась его ценить. Прощай, мой добрый друг; почтарь воротился из Опочки, ни от кого ни единого письма, следующая почта, может быть, будет для нас счастливее. Пока целую тебя от всего сердца.

Забыла сказать тебе, что я видела Олиньку Брылкину³, она у нас обедала; как мы не видались 8 лет, то я ее и не узнала, тем более что она говорит складно, словом за словом, как бывало, не тянет, и я нахожу ее переменившейся к лучшему; беседа ее приятна, она изъявила большое удовольствие, что снова меня видит, могу сказать, что это взаимно; она с таким увлечением о тебе говорила — никогда не бывала она столь пылкой. Позавчера у нас были с визитом два Семена, Ганнибал⁴ и Неелов⁵, они провели у нас весь день, а на другой отправились в Петербург. Г-жа Княжнина⁶ хотела было приехать навестить нас, она уже добралась до г-жи Креницыной⁷, но дороги так ее напугали, что она побоялась ехать далее.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька! Сколько удовольствия доставило нам твое письмо! — Оно на момент отвлекло меня от тревоги о твоих братьях, однако Барон не сказал тебе, какого месяца и числа Александр находился в Тифлисе⁸ и в какую армию поехал он оттуда? Я писал Барону прежде получения твоего письма, не знаю, дошло ли до него мое. Он был бы весьма любезен, если бы мне ответил. — Как это счастливо, что у вас в Ораниенбауме есть «Лейпциг»⁹, иногда весьма хотелось бы мне иметь таковой же в Тригорском, дабы помещать в нем людей, которые приезжают со своими господами. — Это весьма неудобно, когда живешь в чужом доме, и признаюсь тебе, что хоть нам в Тригорском так хорошо, как только может быть, но я предпочел бы находиться у себя. — Дрейер говорит, что г-жа Осипова должна приехать, она не пишет ни ему, ни нам. — Быть может, она в дороге. — Хочешь ты знать последнюю новость Тригорского? Прекрасная, стройная, прелестная Мари¹⁰, немка по национальности и дева по убеждению, только что родила другую деву. — Она негодует на эту новоприбывшую и уверяет, что не знает, как это с ней случилось: она думала лишь сходить в чулан за большой нуждой, как вдруг Природа сыграла над ней эту штуку*. Произошло все это среди бела дня 6 сего месяца, и все живущее в Тригорском было тому свидетелем. — Колынкина¹¹ няня была восприемницей дитяти, а Ольга¹² служила повивальной бабкой. — Причиной сего действия является все тот же маленький Никеша¹³.

* В подлиннике каламбур: «elle a cru simplement aller à la garde-robe pour faire son grand tour, et voilà que la Nature lui a joué ce tour là».

Мама забыла сказать тебе, что г-жа Княжнина еще здесь, она останется до сентября месяца.— Она дала нам знать чрез Рокотова, что приедет к нам 8-го с г-жами Философовой¹⁴ и Креницыной, мы сделали все приготовления к их приезду, но одна из них заболела, и г-жа Княжнина написала нам, что боится дорог. Прощай, дорогая Олинька, мой добрый и нежный друг. Целую тебя миллион раз.— Нельзя ли узнать чего о Леоне? — Все эти победы прекрасны.— Я был преисполнен радостью, но теперь не думаю ни о чем и не желаю ничего, кроме строчки от Леона и Александра, и не успокоюсь, пока их не получу.— Мы не Греки и не Римляне, как говорит где-то г-н Карамзин, кажется, в Илье Муромце¹⁵, и я должен быть уверен в здоровье моих детей. Прощай! Да хранит тебя Господь и да возвратит тебе здоровье.— Хорошая погода к нам вернулась. Сегодня она великолепна: едва одевшись, я сажусь на лошадь, чтобы ехать в Михайловское. Мне здесь не по душе.

Ты очень добра, что думаешь о Руслане. Он оправился и видит прекрасно. На глазах у него до сих пор сохранились маленькие белые пятнышки.— Там-то и образовались, я думаю, нарывы, но чувствует он себя отменно. Прощай, дорогая Олинька! Еще раз целую тебя очень нежно.

Пвл. ИВ. 88. IV. С. 37*.

¹ Арзрум (Эрзерум) был взят 27 июня 1829 г. Письмо Пушкина графу Ф. И. Толстому (Американцу) из Тифлиса (конец мая — начало июня 1829 г., черновое, — см.: XIV, 45).

² Л. С. 14 декабря 1829 г. получил отпуск с Кавказа в Петербург на 4 месяца, в апреле получил продление на два месяца и затем еще на две недели (Письма. II. С. 475). Пушкин вернулся в Петербург около 10 ноября 1829 г. (Лернер).

³ Брылкина Ольга Михайловна — дочь Михаила Никитича Брылкина, коллежского советника и кавалера, бывшего псковского губернского прокурора и вице-губернатора, отстраненного в 1801 г. за взятки, и жены его Екатерины Дмитриевны (ур. Ланской), сестры екатерининского фаворита (ЛД, КМ). Прадед Б., Василий Онуфриевич Брылкин, сенатор, в 1763 г., по предложению графа Бестужева-Рюмина, подписался под «всеподданнейшим прошением от имени духовенства, генералитета и других чинов» о вступлении императрицы Екатерины во второй брак ввиду слабости здоровья Павла Петровича для обеспечения престолонаследия (Бильбасов В. А. История Екатерины II. СПб., 1891. Т. II. С. 256). Семейство Брылкиных, по связи с Ланскими, находилось под особым покровительством Екатерины II, и, когда до нее дошли слухи о взяточничестве М. Н. Брылкина, она приказала уведомить о дошедшем до нее слухе И. И. Кушелева, «свояка тамошнего вице-губернатора Брылкина (...), дабы он послал к Брылкину нарочного и остерег его, чтобы он взял свои меры, когда генерал-губернатор прикажет о том следовать» (Державин Г. Р. Записки // Соч. Т. 6. СПб., 1876, С. 627). В 1750—1760-х гг. с Брылкиным знаком был А. Болотов: «Но никто из гостей так мне в сей

вечер не надоед, как (...) Брылкин. Человек он был самый неуклюжий, но шустрый. Во весь вечер все сватал мне и рекомендовал невест и советовал жениться у них во Псковщине...» (Жизнь и приключения Андрея Болотова. СПб., 1871. Т. I. Стлб. 206). «Есть некто Иван Онуфриевич Брылкин (...) человек почтенный, старый, умный и притом очень богатый. Вот неподалеку отсюда есть у него превеликое село Лаптево (...) И у сего-то господина Брылкина, по неимению детей, воспитывается в доме племянница; и то-то девка-то (...) Какая умница, какого хорошего воспитания, какого поведения и какая охотница до книг и до наук!» (там же. Т. II. Стлб. 481). Матери Б. Екатерине Дмитриевне по рескрипту Екатерины II пожалована была в Псковской губ. вотчина Храпская (см.: Александров Г. Н. После кончины генерал-поручика А. Д. Ланского // РА. 1800. II. С. 151). Брат Б. Александр Михайлович, псковский уездный предводитель дворянства в 1823—1825 гг., в 1812 г. служивший по ополчению в качестве островского старшего уездного начальника (см.: Псковские дворяне. С. 33), был женат на Е. С. Беклешовой (Лобанов-Ростовский. Т. I. С. 45). Об этих Брылкиных-Беклешовых, в семью которых в 1833 г. вошла А. И. Осипова, см.: Хвостова Е. А. Записки. СПб., 1870. С. 24. О предках Б. см.: Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740—1742 годов. СПб., 1862. С. 334 и др.; Барсуков П. И. Осмнадцатый век. Т. III. С. 59; т. IV. С. 214.

⁴ Ганнибал Семен Исаакович — сын Исаака Абрамовича, двоюродный брат Н. О. «В 1830 г.—отставн[ой] арт[иллерии] поруч[ик] в 1833 г.—12 класса, помощник контролера во врем[енном] отдел[ении] комиссариатск[ого] деп[артамента] для решения старых дел, умер в

* Павлишев Л. Н. Семейная хроника // ИВ. 1888. Вып. I—XII.

1853 г. Женат с 1848 г. на Анне Павл[овне] Н.» Дочь — Анна Семеновна (1850—11 IV 1925 в Одессе), девица, в 1899 г.— классная дама в Одессе (*Модзалевский Б. Л. Родословная Ганнибалов. С. 9*); писательница и педагог, автор статьи «Ганнибалы. Новые данные для их биографии» (*Псв. XVII—XX*). Некролог ее помещен в «Одесском Сборнике о Пушкине» (ред. М. П. Алексеев. Одесса. 1925. В. I. С. 76). В 1831 г. Ганнибал влюбился вдруг в О. С., свою племянницу. Его «недостойное поведение» — подкарауливание на улице, внезапное тушение огня, наскакивание с поцелуями и проч.— вынудило О. С. отказать ему от дома; однако от родителей она все это скрыла, чтобы не вспетушить по-пустому отца. Трагикомическое описание поступков влюбленного арапа см. в письмах О. С. к мужу 1831 г. (*Псв. XV. С. 46* и др.). На сохранившемся портрете Г. изображен в «преклонных годах, с заметною лысиной, хотя еще с остатками курчавых волос. Окружное, полное, гладкое лицо его, смуглого цвета, выказывает широкое переносье, несколько приплюснутый нос, толстоватые губы и невыразительные глаза» (Анучин Д. Н. // А. С. Пушкин. Антропологический эскиз. М., 1899. С. 31). 12 сентября 1835 г. О. С. писала мужу: «Сем [ен] Ис[аакович] сделался управителем именьями некоего князя Голицына в Воронезе» (*Псв. XVII—XVIII. С. 172*). В записной книжке Н. И. Павлищева помечен адрес Г. 1843 г.: «На Песках в 3 ул. д. Александра» (*ПД*).

⁵ Неелов — лужский помещик Семен Павлович, внук Семена Степановича, генерал-майора в 1776 г., инженера (*ПД, КМ*), женатого на Анне Абрамовне Ганнибал, дочери Абрама Петровича, таким образом — троюродный брат О. С.— *Прим. В. С.* В 1827 г., когда Пушкины жили в Ревеле, а А. П. Керн прискивала для них квартиру в Петербурге, Н. О. в письме к ней от 22 авг. упомянула, надо думать, того же Н.: «Я очень раздосадована, что та, что во дворе вашего дома, не может нам подойти, я знаю ее, она печальная, как тюрьма, ни одного окна на улицу, солнце никогда туда не проникает, это та, что занимал Неелов этой зимой (...). Нам она показалась печальной, как острог» (*ПД, ф. 244, оп. 20, № 48*). Нееловы и Ганнибалы породнились вторично, когда побочная дочь двоюродного брата Н. О. Якова Исааковича Ганнибала (от крепостной, не носившая его фамилии), Любовь Яковлевна, вышла за мичмана Николая Павловича Неелова (*Модзалевский Б. Л. Родословная Ганнибалов. С. 10*). В литературе известен москвич Сергей Алексеевич Неелов (1779—1852) — «основатель стихотворной школы, последователями которой были Мятлев и Соболевский, но скромнее того и другого. В обществе, в Английском клубе, на балах импровизировал стихи. Русская эолова арфа. От некоторых его стихов Пушкин бывал в восхищении» (*ОА. Т. II. С. 498*). Стихотворение

С. А. Неелова «У всякого свой рай» сообщено А. Т. Ермоловым (*РА, 1875. IX. С. 109*). О С. А. см.: *Письма. I. С. 438*. Нееловы — стариннейшие псковские помещики. Имя их, как владельцев земель в Опочке, упоминается в писцовых книгах XVI в. (*Софийский. С. 181*).

⁶ Княжнина В. А.

⁷ Креницына П. Н.

⁸ Пушкин был в Тифлисе с 27 мая по 10 июня 1829 г. (см.: *Лернер*). Интересное описание почти современного Пушкину Тифлиса (1840-е гг.) см.: Дондуков-Корсаков А. М., кн. Воспоминания // Старина и Новизна. V. С. 205 др.

⁹ Очевидно, трактир или постоялый двор.

¹⁰ Горничная Н. О.

¹¹ Колянька — сын С. Л. и Н. О. Николай (26 III 1801—30 VII 1807, ум. в Захарове Звенигородского у., погребен в селе Вяземах). «У Пушкиных было всего восемь человек детей (...)» В 1801 г. Пушкины возвратились в Москву и наняли себе квартиру в Огородной слободе в приходе Харитония, в доме подпоручика Волкова, что на углу Чистого пруда и Большой Хомутовки (...) В этом доме у Пушкиных родился второй сын — Николай 26 марта 1801 г.» (Белусов И. Писательские гнезда. М., 1930. С. 6). «У Пушкина был еще, кроме Льва, брат, который умер в малолетстве. Пушкин вспоминал, что он перед смертью показал ему язык. Они прежде ссорились, играли; и когда малютка заболел, Пушкину стало его жаль, он пошел к кроватке с участием; больной братец, чтобы подразнить его, показал ему язык и вскоре затем умер» (*Рассказы о Пушкине. С. 38*). «...При старой, построенной еще в до-годуновские времена церкви села Вязем остался памятник о пребывании в этих местах Пушкиных — позади алтарной стены церкви находятся три полуразрушенных надгробных памятника. Средний из них представляет небольшую известковую колонну, перевитую кубом; памятник весь покрыт плесенью. С трудом можно разобрать надпись:

Под . . . . .
камнем . . . . .
Николай Серг . . . . .
Пушкин
родился 1801 г. марта 26
скончался 1807 г. июля 30 дня

Это и есть могила маленького брата Пушкина, умершего в то время, когда самому поэту было еще только 8 лет. Вероятно, няня Арина Родионовна приводила сюда и маленького Сашу» (Белусов И. Писательские гнезда. М., 1930. С. 112). Имена умерших в малолетстве детей Пушкиных: Николай, Павел, Михаил, Платон, Софья (см.: *Павлищев. С. 5*).

¹² Лицо неизвестное.

¹³ *Никеша*, Никита Кудрявый — крепостной Пушкиных, камердинер, отданный впоследствии О. С. Пушкины в письмах зовут его то «Nisuite»,

то «Nicaise». «Когда я поехала в Петербург, — писала О. С. мужу 11 окт. 1835 г. из Павловска, — я взяла с собой св. Никдуй — мама зовет так Никиту Кудрявого» (*Псв.* XVII—XVIII. С. 177).

¹⁴ Философова Мария Матвеевна (1785—10 IV 1840), урожд. Рокотова, по первому мужу Неклюдова, сестра И. М. Рокотова (см. письмо 6, прим. 1) — островская помещица (имение — село Богдановское), замужем за Дмитрием Николаевичем Философовым (16 X 1789—2 IV 1862), новоржевским предводителем дворянства в 1835—1837 гг. (*Слк.* С. 152). И. М. Рокотов возил Пушкина к Философовой, которая как поэта его не знала, но не любила как кутилу и игрока, опасаясь дурного влияния на своего мужа, который тоже был игрок (*Философов.* С. 130, 132). «В семье Философовых сохранился ее портрет, работы Венецианова. Из-за лент, кружев и булавок старинной прически кротко смотрит круглое, пухлое лицо, с неправильными чертами, с невеселыми, тоже круглыми, карими глазами. Бесхарактерные мягкие губы улыбаются приветливо и виновато. Это — лицо женщины, которая все примет, все стерпит, на все смолчит. На ней шелковое платье, дорогие кружева. Дорогой мех накинут на обнаженные плечи, но все эти атрибуты барской женственности плохо вяжутся с тихой робостью общего выражения. Зато лицо ее мужа дышит уверенностью в себе, в жизни, в своих правах и аппетитах. Кипренский нарисовал его в скюртуке, из-под которого вылезает край полосатого красного жилета, в руке его длинный

чубук в бисерном чехле. Черные короткие волосы падают на лоб свободно, как и должно быть у неслуживого помещика. Бритое круглое лицо, широкий упрямый подбородок, маленький рот с красными капризными губами, все полно сытости и баловства. Но глаза умные и живые, глаза человека быстрого на ответ и непривыкшего опускать их перед кем бы то ни было. Внятно и дерзко говорят они: я так хочу, я так сделаю...» (*Сборник памяти Анны Павловны Философовой.* Пг., 1915. Т. I. С. 19). Несмотря на свое «вольтерянство и эстетизм» (там же. С. 17), Д. Н. был типичным крепостником-самодуром. Когда умерла Ф. (она была его второй женой, первая — А. П. Чихачева), он взял себе из крепостного гарема фаворитку Матрешу, портрет которой ставил в киот и, «тщательно рассчитав освещение, рассаживал гостей, заставляя их любоваться, а сам расхваливал и мастерство художника и прелести модели» (там же. С. 83). Освобождение крестьян сильно разгневало Д. Н., и он велел повесить портрет Александра II вверх ногами (см.: там же. С. 90). Имение Философовых находилось в 60-ти верстах от Михайловского. Философовы были в родстве с Креницыными, Хитровыми, Княжнинными, Елагинными, Половцевыми (*Философов.*). Неоднократно упоминаемая в письмах П. Н. Креницына (письмо 1, прим. 3) приходилась Ф. невесткой (сестрой ее мужа).

¹⁵ Мы не Греки и не Римляне,

Нам другие сказки надобны —
стихи из богатырской поэмы Н. М. Карамзина «Илья Муромец» (1794).

11 Надежда Осиповна:

16 сего Августа [1829 г. Тригорское]

На этой неделе мы не имели удовольствия получить от тебя вестей, мой добрый друг; будучи лишены их от твоих братьев, твои составляют единственное наше утешение. Быть может, это задержка почты, я наберусь терпения еще на два дня, надеюсь, что мы будем иметь утешительное письмо от тебя. Вчера мы были в Святых Горах у обедни, и я познакомилась с м-ль Пушиной и ее сестрою¹, которые много рассказывали мне об Александре и о статье в Газете, где говорится о нем; они хотят мне ее прислать². Барышни Тимофеевы вчера у нас обедали, чай мы пили в Михайловском; погода у нас еще хорошая, три дня у нас были дожди, но вот и все; я продолжаю свои каждодневные прогулки в Михайловское, куда прихожу вся в поту; сегодня я собираюсь сделать то же самое. Получила письмо от княгини Трубецкой и ее дочери Всеволожской, теперь у них вся семья в сборе, исключая князя Юрия³. Княгиня все еще думает ехать в Знаменское⁴, хотя время года уже довольно позднее; она располагает остаться там два или три месяца, дочери ее едут с нею. Ребенок Агриппины⁵ очень болен, у него была дизентерия, которая привела его к последней крайности; он так слаб, что опасаются за его дни. Они ничего не говорят мне о Павле Александровиче⁶, я думаю, что он поправился. М-ль Неймич⁷ находится у Софи Всеволожской в ожидании

ответа от Настасьи Павловны⁸, которая хотела ее взять. Мы со дня на день ждем г-жу Осипову, которая и не пишет более и не едет. Послезавтра еду к Тимофеевым. 26-го будем у госпожи Шушериной, которая все еще у своей сестры. Жду письма твоего с нетерпением. На этих <днях> ты, быть может, встретишь Софи Окуневу, которая поехала на несколько дней к Дондуковым, она уже раз там была. Она собиралась съездить еще 7-го. Прощай, мой добрый друг; надеюсь, ты не можешь пожаловаться на нашу лень. Целую тебя очень нежно.

Сергей Львович:

Я воротился, дорогая Олинька, в ту минуту, когда Мама собиралась запечатать письмо.— Ничего особенного я не имел тебе сказать, разве только что очень хотел бы получить от тебя письмо.— У нас нет никаких известий о твоих братьях.— То, что в Газете касательно Александра,— давнишнее и лишь усугубляет беспокойство, которое я испытываю в отношении их обоих.— Эту ночь я видел Леона во сне и, судя по толкованиям, нахожу, что сон сей не из самых утешительных.— Он женился и уехал за границу.— Я пишу тебе, как к Сибилле, дабы ты мне его изъяснила.— Одновременно я видел тебя и Александра.— Леон не хотел со мной попрощаться, и это приводило меня в отчаяние.— Но довольно говорить о снах.— В действитель-

Алексей Васильевич Васильчиков.
Миниатюра. 1830-е гг.

Александра Ивановна Васильчикова.
Миниатюра. 1830-е гг.

ности я получил письмо от Сомова⁹ — он просит меня ходатайствовать пред Бибиковым¹⁰ за одного из его друзей. — Я написал Бибикову и ответил Сомову, не зная его адреса. — Письмо свое я адресовал в типографию Греча¹¹, но, право, не для того, чтобы его тиснуть, ибо, кроме глупостей, я, кажется, ничего в нем не сказал. — Прощай, мой добрый друг, целую тебя от всего сердца и очень нежно.

¹ Пушины — дочери Сергея Ивановича Пушина (1752—1810), псковского губернского прокурора, управляющего театральной дирекцией и обер-прокурора межевого департамента Сената, действительного статского советника, и его жены Авдотьи Ивановны, урожд. Козляниновой (*Письма*. II. С. 130). — Елизавета Сергеевна (фрейлина высочайшего двора, 1816), Александра Сергеевна (девица) и Прасковья Сергеевна — за полковником Тиньковым (*Руммель*. Т. II. С. 310). Речь идет, по всей вероятности, о первых двух — Е. С. и А. С. У них был еще брат — псковский помещик, владеец села Жадрицы, отставной бригадный (в Кишиневе) генерал П. С. Пушин (II 1785—1865), участник Аустерлицкого сражения, член «Союза Благоденствия», впоследствии отошедший от тайных обществ. Женат был П. С. Пушин на дочери полковника Бриммера Генриетте Адольфовне, в первом браке Аркудинской, сестре жены графа А. Ф. Ланжерона (Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // *РА*. 1866. С. 1474; *Вигель*. Т. II. С. 298). В 1824 г., когда Пушкин находился в Михайловской ссылке, П. С. своими рассказами о Пушкине как о вольнодумце способствовал присылке для слежки за ним агента Бошняка. «От него вышли все слухи о Пушкине, сделавшиеся причиной моего отправления, — писал Бошняк о П. С. в своем рапорте фон-Фоку. — Мне повсчастливилось открыть себе путь к знакомству с ним, с женою и с сестрою его. Пробыв в селе его Жадрицах целый день, в общих разговорах узнал я...» (Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором. Л., 1925. С. 25). Пушкин посвятил П. С. ироническое стихотворение «В дыму, в крови...» (1821). О П. С. см.: *Письма*. Т. I. С. 132; *Декабристы*. С. 150. Сестры П., видимо, относились к Пушкину и его семье иначе.

² Вероятно, речь идет о второй из трех статей о Пушкине, помещенных в 1829 г. в газете «Тифлисские новости». Вторая статья была перепечатана в «Северной пчеле» (1829, № 88). В первой статье (№ 17 от 25 апр.) выражалось сожаление, что не осуществилась надежда тифлисцев увидеть у себя Пушкина (Пушкин отложил тогда свою поездку на Кавказ из-за сватовства к Н. Н. Гончаровой) (*Ениколопов*. С. 34). Во второй статье (№ 29 от 28 июня) говорилось: «Надежды наши исполнились. Пушкин посетил Грузию. Он не долго был в Тифлисе; желая видеть войну, он испросил дозволение находиться в лагере при Инжа-Су. Первоклассный поэт наш прибывание свое в разных краях России означил произведениями славного своего пера, с Кавказа дал он нам *Кавказского пленника*, в Крыму написал *Бахчисарайский фонтан*, в Бессарабии — *Цыган*, во внутренних

провинциях писал он прелестные картины *Онегина*. Теперь читающая публика наша соединяет самые приятные надежды с пребыванием А. С. Пушкина в стане кавказских войск и вопрошает: чем любимый поэт наш, свидетель кровавых битв, подарит нас из стана военного? Подобно Горацию, поручающему друга своего опасной стихии моря, мы просим судьбу сохранить нашего поэта среди ужасов брани». Наконец, в № 32 от 9 августа: «6 августа А. Пушкин, возвратившийся из Арзума, выехал из Тифлиса к Кавказским Минеральным Водам. Любители изящного должны теперь ожидать прелестных подарков, коими гений Пушкина, возбудивший воспоминаниями о Закавказском крае, без сомнения, наделит нашу литературу».

³ Трубецкой Юрий Иванович, князь (1792—1848, *ПрН*), — сын Ивана Дмитриевича и Екатерины Александровны Трубецких. Т. — четвероюродный брат Пушкина по линии отца (Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. Пушкина. Л., 1981. С. 11), камергер. О Т. см.: *Барсуков*. Кн. I. С. 92, 299. Т. II. С. 279. «Жорж Трубецкой обедал у меня на днях, — писал В. Л. Пушкин Сергею Львовичу из Москвы 3 дек. 1829 г. — Он меня не забывает, и я люблю его от всего сердца» (*Псв*. XXI—XXII. С. 364).

⁴ Подмосковное село Трубецких, в восьми верстах от Москвы по Серпуховской дороге. М. П. Погодин, будучи студентом и домашним учителем у Трубецких, каждое лето гостил в Знаменском. «Из села Знаменского под Московою по Серпуховской дороге [ходил он] пешком в Троицкое на Калужской, где жил со своим семейством» (Аксаков И. С. Биография Тютчева. М., 1866. С. 14). «В кабинете М. П. Погодина всегда висел на стене, перед письменным столом, рисунок с села Знаменского» (Барсуков Н. П. Письма Погодина к Шевыреву // *РА*. 1882. IV. С. 155).

⁵ Мансурова А. И.

⁶ Мансуров П. А.

⁷ Неймих или Немич, Софья N — постоянно упоминается в публикуемых письмах бедная девушка, она жила на ничтожные средства и, как свой человек, бывала в домах Пушкиных, Карамзиных, Мещерских, Трубецких, Архаровых и Чоглоковых. В 1840-х гг. Н. была еще жива и продолжала бывать у Карамзиных, у которых, по выражению П. А. Плетнева, «обороту в жизни и обществе никакого». А. О. Россет писал А. О. Смирновой 8 февр. 1846 г.: «23-е генв. Утро у Карамзиных; <...> Лисавета Николаевна <...> сидит с М-м Жибер или М-ль Немич» (*РА*. 1896. II. С. 303). Точных данных о Н. собрать не удалось, однако мы не сомневаемся, что именно она фигурирует в виде «эко-

номки» (вернее, компаньонки) — «Софья Ивановна Нейман» (неправильно прочитанная Н. В. Соловьевым фамилия) — в дневнике А. А. Воейковой и письмах ее детей к отцу (Соловьев Н. В. История одной жизни. Пг., 1915—1916. Ч. I. С. 141. Ч. II. С. 22 и 176). В дом Воейковой она могла попасть из родственного дома Карамзиных и у Воейковой жила до отъезда последней за границу в 1827 г., причем А. А. Воейкова перед смертью «велела послать ей денег, думая о ней» (там же. С. 176). Н. по происхождению была немка, и, возможно, предком ее был «премьер-майор Карл Неймич» — командир петербургского пограничного батальона в 1796 г., участвовавший в расследовании дела приверженца Петра III, известного Иосафата Батурина (Барсуков А. Иосафат Батурин // Древняя и Новая Россия. 1875. № 2. С. 181). Еще одну навязчивую черточку, которая может послужить к установлению личности Н., дает вечно лечившийся М. И. Глинка: «Гасовский прописал мне майский бальзам Немича...» (Записки. Л., 1930. С. 93).

⁸ Новосильцева Анастасия Павловна (12 9 1789—21 8 1830), сестра А. П. Мансурова, первая жена Петра Петровича Новосильцева (1797—1869), знакомого Пушкина, тогда адъютанта московского генерал-губернатора кн. Д. В. Голицына. (ПН. С. 347; Лобанов-Ростовский. С. 357.— Прим. В. С.

⁹ Сомов Орест Михайлович (11 XII 1793—27 V 1833) — писатель, элиграмматист, журналист (псевдонимы «Житель Галерной Гавани» и «Семен Осетров») — сотрудник А. А. Дельвига по «Северным цветам» и «Литературной газете», друг К. Ф. Рылеева. Привлекался по делу декабристов, но был освобожден. О С. см.: Майков. С. 259; Вульф. А. Н. Дневник // Псв.

XXI—XXII. С. 239; Браиловский С. Пушкин и О. С. Сомов // Псв. XI. С. 94; Браиловский С. К вопросу о Пушкинской плеяде. Варшава. 1909; Полевой П. Н. Архив «Литературной газеты» // ИВ. 1886. Т. XXVI. С. 371; Греч. С. 699 и далее; Глинка М. И. Записки. М.; Л. 1930. С. 94; Никитенко. Т. I. По указ.; Письма. II. С. 256; Декабристы. С. 169, 320; упоминания — в письмах князя П. А. Вяземского к Пушкину и Погодина к Шевыреву (РА. 1882. VI. С. 130).

¹⁰ Бибилов Петр Иванович — управляющий временной контрольной комиссией по проверочной части с 7 апреля 1829 по 18 сентября 1831; генерал-контролер по военно-счетной экспедиции с 18 сентября 1831 по 29 марта 1833 (ЛД, КМ), был братом псковского вице-губернатора (1807—1809) Михаила Ивановича Бибилова, женатого на М. И. Назимовой (Руммель. Т. II. С. 99), дочь которого Ольга Михайловна была замужем за знаменитым партизаном А. С. Фигнером (Псковские дворяне. С. 41). Б. был порховским уездным предводителем дворянства в 1799—1801 и 1820—1822 гг. (Спк. С. 155). Семейство Бибиловых было с Пушкиными в родстве через Роткирхов (Ганнибал) и дядю С. Л.— Петра Васильевича Чичерина (Анненков. Приложение).

¹¹ Греч Николай Иванович (3 VIII 1878—12 I 1867) — писатель, переводчик, журналист, редактор журнала «Сын отечества» и издатель, совместно с Ф. Булгариным, газеты «Северная пчела». Автор романа «Черная женщина» (1834), «Опыта краткой истории русской литературы» (1822), «Пространной и практической русской грамматики» (1827), «Начальных основ русской грамматики» (1828) и «Записок о моей жизни» (СПб., 1886).

12 Надежда Осиповна:

20 сего Августа [1829 г. Тригорское]

Позавчера мы получили твое письмо от 13-го, мой добрый друг; благодарю тебя, что ты призналась мне, в чем твоя главная болезнь, не знаю, почему ты это до сих пор от меня скрывала. Не смея прописывать тебе лекарства внутренние, имею достаточно опыта, чтобы знать несколько таких, коими пользуются наружно. Например, если бы ты согласилась приготовить род декокта на дубовой коре и обмываться им (...) каждое утро, это принесло бы тебе огромную пользу. Я знала одну даму, которая имела эту болезнь в течение двух лет,— она совершенно от нее излечилась. Потом, утомление никуда не годится, не надо много ходить; скажи Шерингу, о чем я тебе написала, я уверена, что он это одобрит. Если у вас нет дубовых деревьев, шалфей с небольшим количеством водки также может быть очень полезен. Впрочем, я столько доверяю твоему врачу, что уверена, что по прошествии нескольких недель ты поправишься. Я ежедневно молю Бога об этой милости. Очень досадую, что у вас в Ораниенбауме

такая плохая погода, у нас пока и не думают топить в комнатах, погода несколько посвежела, но два последних дня тепло, как в июне месяце. Позавчера я совершила небольшую поездку на ту сторону Святых Гор, мы провели день у барышень *Тимошей*¹, которые вполне приятные особы; фрейлина Пущина с сестрою² тоже там были, они обещали приехать нас проведать. Вчера приезжал г-н Рокотов приглашать нас от лица Натальи Николаевны³ на ее именины; мы едем туда накануне, дабы воротиться 27-го. Ее дочь только что выкинула двойню, она здорова; при ее неуклюжей фигуре, это может быть счастье, что она не родила в срок.

Победы Паскевича⁴ нимало меня не успокаивают, я вздохну тогда лишь, когда буду иметь вести о твоих братьях; они так далеко, быть может, не могут писать, оно не утешительно. В немецкой газете⁵ говорят о мире, это счастье, на которое не смею надеяться. Весьма возможно, что гвардия вернется; раз она ничего там не делает, лучше ей оставаться в Петербурге⁶. Я получила письмо от г-жи Батуриной⁷, ее сын⁸ в Одессе, там чума, она в отчаянии, говорит, однако, что он получил приказ выступить со своей бригадой и что десять тысяч семейств покинули Одессу, это ужасно⁹. Письмо ее от 2 августа. Вот все, что я сейчас имею время тебе сказать. Рокотов оставался весь день и болтовней своей помешал мне писать, я еще от нее не опомнилась. Прощай, мой добрый друг, целую тебя от глубины моего сердца.

Сергей Львович:

Пора передать наши письма Дрейеру, дорогая Олинька,— почтарь, как обычно, уезжает завтра рано поутру.— Мамá не все сказала тебе о заразной болезни, свирепствующей в Одессе.— Б а т у р и н получил приказ не выступить, а расквартироваться вне города, дабы установить военный кордон, который должен наблюдать, чтобы никто не входил и не выходил из города.— Я тревожусь более чем когда-либо отсутствием вестей о твоих братьях.— Правда, они в настоящий момент никак не могут нам написать, но были бы у нас хотя какие-либо косвенные известия.— То, что ты сейчас испытываешь, не слишком успокаивает меня относительно твоего здоровья. Да вдохновит Господь доброго г-на Шеринга. Надеюсь, он тебе поможет, ибо, мне кажется, он правильно берется за дело.

Я очень огорчен, что шутил насчет приключения, случившегося с нашей Немкой¹⁰.— Она так потрясена и так раскаивается в том, что сделала, что впала от этого в черную меланхолию и, так сказать, помешалась, или вроде того.— Поверишь ли, что, увидав ее в этом положении, я не мог удержаться от слез.— Г-н Никеша¹¹, со своей набожностью, весьма плохо поступил, и я жду его возвращения, дабы дать ему нагоняй. Сомов¹² писал мне насчет одного из своих друзей. Я ответил ему, но не знаю получит ли он мое письмо. Если увидишь Барона¹³ прежде меня, спроси его об этом.— Я написал и Бибикову¹⁴ по его просьбе.— Прощай, дорогая Олинька, да ниспошлет тебе Господь свои благословения.— Вы все трое предмет моих молитв. Целую тебя очень нежно. Будь здорова. Береги себя елико возможно и следуй предписаниям Шеринга, прошу тебя. Прощай, дорогая Олинька, еще раз.

Знаешь ли, что я очень часто маленькую Катиньку¹⁵ зову Олинька, [это ее вид], и потом спохватываюсь.— Прошло, однако же, порядочно времени с тех пор, как ты была в ее возрасте...

Надежда Осиповна:

Да, мой добрый друг, бедная Маша достойна сожаления, мне кажется, она совсем помешалась, ей только что ставили шпанскую мушку, она вовсе того не помнит, бледна она так, что смотреть боязно, глуха и худа, и глаза такие страшные, что я опасуюсь оставаться с ней одна.

¹ Прозвище Тимофеевых.

² Е. С. и А. С. Пушкины.

³ Шушерина Н. Н.

⁴ Паскевич-Эриванский Иван Федорович, граф, князь Варшавский (8 V 1782—20 I 1856), фельдмаршал, командующий Отдельным кавказским корпусом в 1827—1829 гг., в 1831 г.— главнокомандующий русскими войсками в войне с поляками. Женат был на дальней родственнице Пушкиных Елизавете Алексеевне Грибоедовой. С 1831 г.— начальник Н. И. Павлищева.

⁵ «Sanktpetersburger Zeitung» (с 1840-х гг.— «Herold»).

⁶ Полки лейб-гвардии выступили из Петербурга 15 апреля 1828 г. Граф Д. И. Хвостов написал стихи о выступлении гвардии (РС. 1902. IX. С. 547).

⁷ Батурина Анна Николаевна (22 XII 1760—4 IX 1839, МН) — вдова генерал-лейтенанта Герасима Алексеевича Батурина, троюродная сестра Н. О.— дочь Т. Ф. Замыцкой, урожд. Квашниной-Самариной, двоюродной сестры М. А. Ганнибал (Анненков. Приложение). В бумагах Пушкина есть запись долга С. Л. А. Н. Батуриной — 350 р. за мебель (Щеголев. С. 130).

⁸ Батурин Сергей Герасимович, артиллерист, генерал-лейтенант, командир 5-й пехотной бригады, сенатор (5 VII 1789—9 X 1856, МН), сын А. Н. Батуриной. О. С. называет его «кузен» (он ее четверюродный брат). «Александр, может быть, очень занят своим Современником, как успокаивает меня муж,— пишет она отцу 22 окт. 1836 г.,— а может быть, выездами на балы и рауты, как уверяют мой кузен Батурин и Аничков, оба у нас вчера обедали» (Павлищев Л. Н. Из семейных воспоминаний//РО. 1890. IX. С. 167). Батурин обладал какой-то странной внешностью, так что когда Н. И. Пав-

лищев сообщил О. С. о «странной физиономии» приехавшего в Варшаву генерала, она тотчас догадалась, что это Батурин (письмо отцу 13 янв. 1837 г.— Псв. XII. С. 97). С. Г. Батурин был женат на княжне Маргарите Ивановне Девлет-Кильдеевой (31 I 1797—2 VIII 1849, МН). Сестра ее Наталья Ивановна была за братом Аракчеева Петром Андреевичем (Псв. XII. С. 96). Свербеев в своих «Записках» рассказывает: «...комендантом крепости (в 1820-х гг.) добрый и пьяный Петр Андреевич Аракчеев, брат трезвого и злого {...}. Аракчеева, урожденная княжна Девлет-Кильдеева {...} У хозяйки гостила в то время родная ее сестра, полковница Батурина, с мужем. Лет через 15 или 20 этот Батурин своими способностями превзошел всех московских сенаторов. Расскажу кстати, чтобы не забыть, что подозревал в нем того именно сенатора, который расспрашивал у своего товарища, просвещенного Михаила Александровича Салтыкова, что такое холера морбуса, в первое время нашего нашествия ее на нас из Персии, и не то же ли она самое, что Nabees cognus* в Англии; как я ни добивался от Салтыкова фамилии любознательного вопросителя, он не назвал его, а мне сдавалось, что это непременно должен быть Батурин» (Т. II. С. 16—18). О Б. см.: Затворницкий. По указ.

⁹ А. Я. Булгаков сообщал брату 8 авг. 1829 г.: «Одесское письмо меня огорчило: Щербинин пишет мне, что в самом городе умерло двое от чумы и что Воронцов взял самые строгие меры; иначе и нельзя» (РА. 1900).

¹⁰ См. письмо 10.

¹¹ Никеша, Никита Кудрявый. См. письмо 10.

¹² Сомов О. М.

¹³ Дельвига А. А.

¹⁴ Бибииков П. И.

¹⁵ Осипова Е. И.

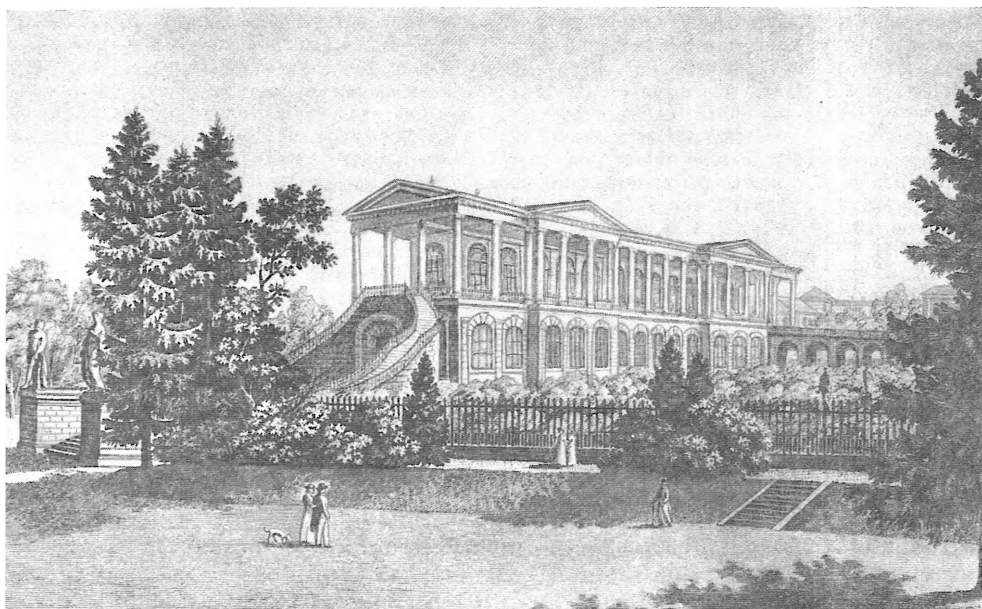
13 Надежда Осиповна:

Тригорск, 22 сего Августа [1829 г.]

Наконец-то кончились мои тревоги о твоих братьях, мой добрый друг; мы только что получили письмо от Александра, список с коего тебе посылаю; я не могу расстаться с оригиналом — слишком счастлива его иметь¹. Если бы Господь возвратил тебе здоровье, кажется, больше мне нечего было бы желать.

* Неприкосновенность личности (лат.).

Это барон Дельвиг переслал нам его письмо — оно преисполнило нас восторгом. Можешь вообразить, каково было наше счастье, когда мы его читали. Думаю, что никто из находившихся под Арзерумом, когда он пал, не мог испытывать большего удовлетворения. Сколько благодарений должна я воздать Небу! Спешу разделить с тобой нашу радость. Пишу тебе на три дня ранее, мой добрый друг, может статься, что в момент отъезда почтаря у меня не будет столько досуга. Мы ежеминутно ожидаем прибытия г-жи Осиповой, которая задержалась в Малинниках лишь из-за болезни Аннет², и как только той станет легче, она пустится в дорогу. Последнее ее письмо, которое я сейчас получила, от 8-го августа. Сегодня жду визита Тимошей³, которые приедут на два дня, а потом я еду к Шушу⁴, к большому удовольствию Рокотова, который не давал нам покоя просьбами туда съездить, — ведь он будет иметь счастье нами завладеть. В канун Св. Натальи он приглашает нас к себе на обед и, несомненно, поспешит выехать навстречу. Теперь он занят исправлением дорог и всеми приготовлениями к этому великому дню. Если погода испортится, он будет в отчаянии. Вчера было хорошо, как в разгаре лета; мы весь день, с 10 утра до 8, провели в саду Михайловского; сегодня ветер, но не холодно; плодов у нас изобилие, зачем не могу разделить я их с тобой, мой добрый друг; вишни полезны, много у нас и белых слив; больше, чем в Тригорске, не знаю, что с ними делать. Надеюсь, что я не заставлю тебя томиться по моим письмам; исправностью, с коей даешь нам вести о себе, я тоже очень довольна, это плохая погода в Ораниенбауме меня бесит; я, которая здорова, охотно поменялась бы с тобой климатом, Барон⁵ рассказывает нам о тебе, он говорит, что они провели два дня в Ораниен[бауме], он собирается в Москву в сентябре месяце; очень хотела бы сама там быть, дабы встретить твоих братьев, это был бы прямой выигрыш, я не хочу терять ни мгновенья счастья, они так коротки в этой жизни⁶. Прощай, мой добрый друг, покидаю тебя, чтобы списывать письмо Александра, и уступаю перо твоему Отцу.

Царское Село. Камеронова галерея. Гравюра. 1810-е гг.

Сергей Львович:

Вот тебе, дорогая Олинька, наилучшие известия, какие мы могли бы дать о себе. Благодаря барону Дельвигу мы на сей момент, как видишь, успокоились относительно твоих братьев. Александр очень весел, и хотя Леон нам не пишет, но из содержания письма Александра ты узнаешь, что он здоров и думает приехать к нам. Итак, все мы соединимся, дорогая Олинька! Дай Бог, чтоб ты совсем была здорова, и мне кажется, что, увидя всех троих разом, я распрыгаюсь от радости.— Александр, видимо, в восторге от своего путешествия. Он пишет Плетневу⁷ и дает ему подробную картину своего образа жизни в лагере. Он ездит на казачьей лошади с нагайкой в руке, а самое лучшее из всего этого — это то, что рассчитывает вскоре возвратиться⁸.— Прощай, дорогая Олинька, целую тебя очень нежно.— Рокотов нам сказывал, что у него обедал Петр Петрович Богданов⁹. Он находится в отеческих пределах, как говорит моя кузина Крестина Семеновна¹⁰, и думает нас навестить, но, признаюсь тебе, это не то, чего я желал бы более всего.— Он достаточно скучен и хулит все, что не из Нижнего и не у графа Татищева¹¹.— Прощай, целую тебя. Обними за меня хорошенько барона Дельвига, если его увидишь.

Сергей П.

Врс., с. 775.

¹ Письмо Пушкина не сохранилось.

² Вульф Анна Николаевна (10 XII 1799 — 2 IX 1857, погребенная в с. Бернове Старицкого у. Тверской губ., *Псв.* I. С. 162) — старшая дочь П. А. Осиповой от Н. И. Вульфа. Умерла девушкой, прожив безрадостную, однообразную, одинокую жизнь. «Долго и безнадежно любила Пушкина. Когда-то романтическая девушка, к среднему возрасту стала она неподвижной, скучающей и апатичной старой барышней...» (*Псв.* XXI—XXII. С. 208, комм. М. Л. Гофмана к днв. Вульфа). «Жалобы ее на жизнь, которую она ведет, справедливы: положение девушки ее лет точно неприятно; существование ее ей кажется бесполезным — она права [...] Тягостно мыслящему существу прозябать бесполезно, без цели...» — записал в 1829 г. Вульф в своем дневнике (там же. С. 92). «Сестра [...] очень печальна. И как не быть такою, живучи без выезда в Тригорском девушке в тридцать лет? — Бедный друг, когда-то увижу тебя под брачным венком? Засветит ли тебе кто факел Гименея?» (там же. 1830. С. 148). В. и сестра ее баронесса Е. Н. Вревская были в Петербурге, когда происходили последние преддальние события, и с ними, единственными из тригорских друзей, виделся Пушкин за несколько дней до смерти. Ее страстная, но неразделенная любовь к Пушкину отразилась в ее письмах к нему, которых (за 1826 г.) известно шесть. Письма Пушкина к ней — см.: XIII, № 174, 186. Имя ее значится в его «донжуанском списке». Пушкин посвятил ей мадригал «Именинице», черновой набросок 1825 г. «Но ты забудь меня, мой друг» (по предположению В. В. Вересаева) и «Я был свидетелем...». Беглые упоминания о ней («Ап-

nette очень смешна...», «С Анеткой бранюсь: надоела!» и пр.) см. в письмах его к брату за 1824—1825 гг. (см.: наст. изд. Т. 2). О В. см.: *Звенья.* Т. IV. С. 179; *Письма.* II. С. 145.

³ Прозвище Тимофеевых.

⁴ Прозвище Шушериных.

⁵ Дельвиг А. А.

⁶ Пушкины в Москву не ездили. В октябре 1829 г. они переехали из Михайловского в Петербург и поселились «у Владимирской улицы в Свечном пер. в доме Касторской» (запись П. А. Осиповой в календаре // *Псв.* I. С. 142). Пушкин вернулся в Петербург около 10 ноября 1829 г. (*Лернер*), Л. С. — в конце декабря 1829 г. — начале января 1830 г. (*Майков*. С. 38).

⁷ Плетнев Петр Александрович (10 IX 1792 — 29 XII 1865 в Париже) — писатель, поэт, критик и профессор, с 1832 по 1849 г. ректор Петербургского университета. Приятель Кюхельбекера, Дельвига, Жуковского и «один из преданнейших друзей Пушкина со времени его переселения в Михайловское и вплоть до его смерти постоянно и с бескорыстной заботливостью помогавший Пушкину в его литературных и денежных делах» (*Письма.* I. С. 258). Плетневу посвящены IV и V гл. «Евгения Онегина» (1827). При полном издании романа в 1837 г. Пушкин целиком посвятил его Плетневу. О П. см.: *Никитенко.* По указ.; *Старина* и *Новизна.* Т. V. С. 11; *РА.* 1867. С. 972; *Майков.* С. 11; *Письма.* III. С. 217 и 365; *Иордан Ф. И.* Записки. М., 1918. С. 304 и др.

⁸ Письмо Пушкина П. А. Плетневу не сохранилось.

⁹ Лицо неизвестное.

¹⁰ Неелова Х. С.

¹¹ Татишев Александр Иванович, граф (1763—1833), генерал-лейтенант, с 1823 по 1827 г.— военный министр, член Следственной комиссии по делу декабристов, приятель А. С. Шишкова (ОА. Т. I. С. 671), женат на Варваре Александровне Буткевич. Ее сестра, знакомая Пушкиных,

графиня Е. А. Стройновская — прототип графини в поэме «Домик в Коломне» (Маевский Н. С. Семейные воспоминания // ИВ. 1881. X. С. 326. *Лернер*. Рассказы. С. 29, 81). Т. получил графский титул в 1826 г. за следствие по делу декабристов.

14 Надежда Осиповна:

Тригорск, 29 сего Августа [1829 г.]

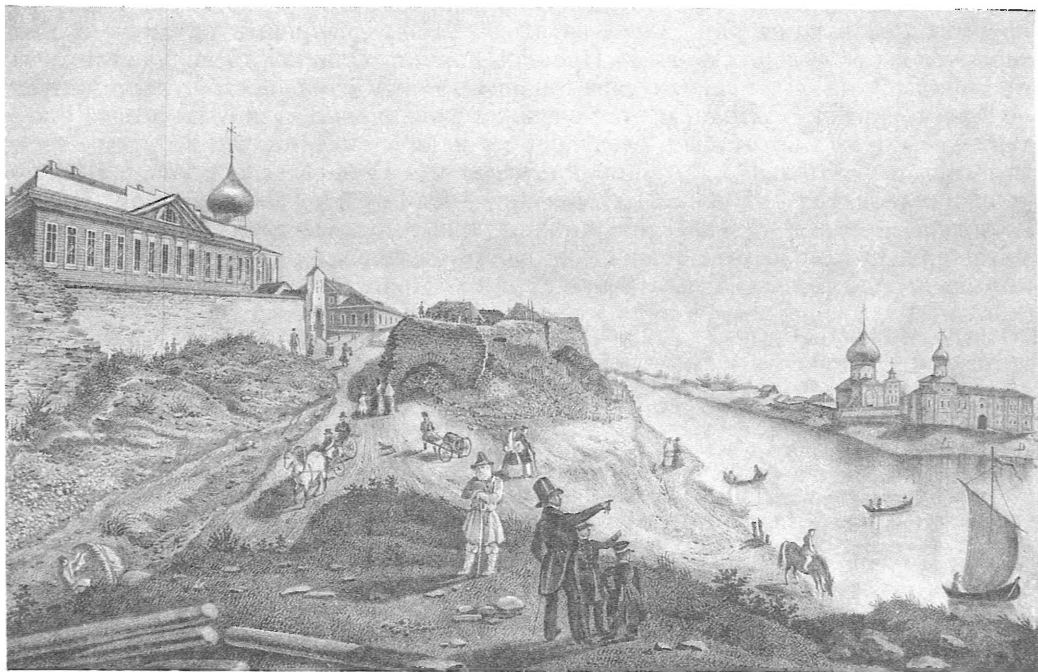
Вот мы и воротились из большого путешествия в Ругодиво ¹, где пробыли всего два дня. Г-жа Шушерина и г-жа Клинберг ², ее дочь, поручили мне передать тебе тысячу милых вещей, мой добрый друг. Еще не прошло пять недель, как сия последняя выкинула, и она имела неосторожность приехать к своей матери, где я ее оставила больной; Бернар, доктор, о коем я тебе уже говорила, прописал ей пьвяки; она думает пробыть еще 15 дней. Я была в восторге, что предлогом к отъезду у меня было скорое возвращение г-жи Осиповой, а так как маленькая Катинька ³ была со мною, то меня и не смели задерживать долее. Накануне именин мы обедали у Рокотова; можешь вообразить всю его суетню и, *простите мою откровенность*, произносимое им каждую минуту; он нас поил, кормил и потчевал мороженым. Дабы совершенно его осчастливить, я поместилась с ним в его коляске, чтобы ехать к Шушериным; в продолжение всего пути он только и говорил, что об Амелии Уваровой ⁴ да г-же Зыбиной ⁵ и так оглушил меня своей болтовней, что я и не чувствовала, что мы сломя голову мчимся по дороге, которая не из лучших, — к великому удивлению Папá, следовавшему за нами в карете. Там я нашла г-жу Е л а г и н у ⁶ с дочерью; на другой день, когда мы садилась за стол, приехали г-жа Ивановская ⁷ с сестрой своей Креницыной, новобрачной; мужья не могли их сопровождать, эти Дамы оставались столько же, сколько и мы; г-жа Ивановская собирается к нам приехать и представить своего мужа. Хотя погода была великолепно, никто и не подумал о прогулке: мужчины в полдень отправились карабкаться по горам с целью добраться до Обсерватории ⁸; а мы, прочие, злополучные, остались целый день играть в вист; хоть я и люблю играть, но не до такой степени игрок, чтобы посвящать все свое время гляденью в карты; на то есть вечера, к тому же и не летом; когда погода хорошая, я люблю ходить. Возвращаясь в Тригорск, я рассчитывала на удовольствие получить твое письмо, мой добрый друг, но Почтарь еще не возвращался; я прочла его только сейчас, отвечаю сразу, ибо мне надо писать много писем. Думаю, что чрез два или три дня ты получишь список письма Александра ⁹, который я тебе послала; из моего письма ты узнаешь, что я спокойна, тревоги мои насчет твоих братьев кончились; это твое здоровье лежит у меня на сердце, надеюсь, что Шеринг тебе поможет; я знаю еще одно средство от твоей болезни, боюсь только, не кончился ли сезон для этих цветов, их надо пить, как чай, две чашки утром и две вечером ¹⁰; в просторечье зовут их кашка, их есть два сорта, белые и красные, которые называются также клевер; надо брать белые, я их искала сама, не найдя ни одного, однако мне обещали сыскать и засушить, я привезу их тебе в Петербург; пока посмотри действие капель. Здесь многие совершенно излечились, употребляя эту кашку, как я тебе сказала. В Петербурге была одна дама, которая страдала этой болезнью более двух лет; она так ее изнурила, что та уж и с постели не вставала, но к концу шести месяцев совершенно оправилась; вот уже годы, как она чувствует себя прекрасно, она теперь толстая, как я; когда вспомню ее имя, я тебе скажу, это женщина

очень известная. В последнем своем письме я говорила тебе о лекарствах наружных, теперь беру смелость прописать тебе для употребления внутреннего, будучи уверена, что это принесет тебе пользу. Ты можешь сказать это Шерингу; хоть и не одобряя (как это делают все врачи), он скажет, что оно не может причинить никакого вреда.

Ты предполагаешь весь сентябрь месяц оставаться в Ораниенбауме, мой добрый друг; и мы столько же останемся в Тригорске; у нас погода переменилась, совсем плохо не стало, но воздух посвежел, три дня идет дождь; у нас волки, которые разгуливают даже по саду, я боюсь их ужасно. Была у нас и собака бешеная, которую Федор¹¹ убил сегодня утром; я очень рада, потому что не решалась ходить в Михайловское из-за этой собаки, а в сад Тригорска не могла ходить из опасения повстречать волка. Это мне досаждало ужасно, к счастью, это длилось только три дня. Вот, мой милый друг, довольно большое письмо. Кончаю его, целуя тебя очень нежно.

Забыла сказать тебе, что г-жа Княжнина¹² уезжает 4 сентября. Она в восторге от деревни и думает приехать на будущий год, я это знаю от г-жи Елагиной, которая ей родственница и соседка. Наверяд ли я поеду к г-же Креницыной¹³, дороги испортятся, она обещала приехать ко мне; я ее еще не видела, она все в разъездах по делам, не могла побывать даже у Натальи Николаевны¹⁴. Ты меня спрашиваешь, что делает Брылкин¹⁵? Он здесь, в Острове¹⁶, но суд его еще не кончился, он должен воротиться в Петербург. Мы только что получили письмо от Василья Львовича¹⁷, который все хворает, теперь ему лучше, но он еще не может ходить, будучи очень слаб. Он сообщает нам, что курьер, приехавший с известием о взятии Арзерума, — князь Дадрианов,

Псков. Мирожский монастырь и дом губернатора.
Литография П. А. Александрова по рис. И. С. Иванова. 1837.

наш родственник¹⁸; его мать очень тебя любила, когда ты была маленькая, не знаю, помнишь ли ты ее. М а т в е й М и х а й л о в и ч¹⁹ чувствует себя гораздо лучше, серные ванны, которые он брал, были ему полезны; сестра моя²⁰ больна, они в деревне. Вообрази, письма наши 16 дней идут в Москву.

Сергей Львович:

Мамá длинное письмо написала тебе, дорогая Олинька! Мне, так сказать, остается лишь поцеловать тебя очень нежно. Все подробности, кои она тебе сообщает о нашем путешествии, отличаются большой точностью. Р о к о т о в все совершенно тот же: так же прямодушен, так же счастлив видеть нас в С т е х н о в е²¹ и так же много дорожит нашим суждением. Г-жа Ш у ш е р и н а не изменилась нисколько, но муж ее очень.— Он сильно исхудал и носит в себе зародыш болезни, которая может унести его гораздо прежде, нежели того ждут.— Право, мне его жаль.— У него ужасные ногти, и длины страшной; это не противно, это пугает в буквальном смысле²². Г-жа Е л а г и н а весьма разговорчива, жестикулирует, кричит во все горло, игру любит неистово, впрочем очень ласкова. Ее падчерица, м-ль Е л а г и н а,— барышня, воспитанная в монастыре, толстая, курносая, говорит очень мало и разодета с 9 часов утра: платье цвета золота, рукава белого муслина, и причесана с большим тщанием.— Доктор Бернар, хороший врач, с физиономией довольно открытой и довольно приятной, волосами очень черными, очень густой бородой и довольно хорошими манерами.— Еврей, которого приятно видеть и иметь в провинции. Он очень весел, и акцент еврейский ему совершенно к лицу.— Жена его, полька, очень хорошо говорит по-русски, знает стихи Мицкевича и все утро читает С е в е р н ы й А л ь б о м²³.— Вот обзор нашего общества в Р у г о д и в о. Старая г-жа Б у т у р л и н а²⁴ не появляется больше в гостиной.— Она пожелала меня видеть, и я ходил к ней.— Она почти совсем впала в детство, однако меня узнала и, кажется, была даже рада меня видеть.— Чтобы довершить картину, скажу тебе, что я там сильно скучал.— Прощай, дорогая Олинька. Я получил письмо от Барона²⁵, но он не говорит мне о напечатанной в тифлисской газете статье об Александре²⁶. Благодарю тебя очень за твое письмо, я жду их всегда с нетерпением. Дай Бог, чтобы в следующем я нашел известие, что ты лучше себя чувствуешь.— Прощай, да будет благословенье Неба всегда с тобой. Целую тебя миллион раз.— Прощай, душинька! — Еду в М и х а й л о в с к о е. Волки и бешеные собаки сделали мои каждодневные путешествия лишь немногим менее приятными, но вот лошадь моя, видимо, слышала о них кое-какие толки, ибо последние дни она стала более пуглива. Прощай.

¹ Ругодиво-Ругодив, Ругодев — имение Шущеринных в Новоржевском у. Псковской губ., древний «погост Ругодев» (Платонов С. Ф. Далекое прошлое пушкинского уголка. Л., 1927).

² Клинберг С. В.

³ Осипова Е. И.

⁴ Лицо неизвестное.

⁵ Зыбина. Подходящих Зыбиных было две. Это жена полковника Сергея Васильевича Зыбина (соседа Пушкиных по Болдину) (*Бутурлин*. XI. С. 407), которому была продана в 1835 г. с аукциона принадлежавшая В. Л. Пушкину часть Болдина за 220 000 р. (см.: *Щеголев*. С. 111; *Летописи ГЛМ*. С. 98; письмо О. С. мужу 27 марта 1841 г.— *ПД*, ф. 244, оп. 20, № 94), Елизавета Александровна, урожд. Полянская, дочь графини Е. Р. Воронцовой (любовницы Петра III) и А. А. Полян-

ского. Е. А. Зыбина-Полянская — свойственница Н. О.: двоюродный брат матери Полянской, граф Артемий Иванович Воронцов, был женат на двоюродной сестре матери Н. О., М. А. Пушкиной.— Прасковье Федоровне Квашниной-Самариной (*Лобанов-Ростовский, Бутурлин, Письма кж. Туркестановой к Кристину // РА*. 1882. II. С. 454). Другая Зыбина — тверская помещица с дочерью, обе «любезные женщины», музыкантши и певицы, бывавшие у Веневитиновых, друзей и родственников Пушкиных (Головин К. Мои воспоминания. Т. I. С. 269. Сухотин С. М. Из памятной тетради // *РА*. 1894. IV. С. 601). Товарищ Л. С. Пушкина Н. П. Беклемишев (см. письмо 45, прим. 1) женился на дочери этой Зыбиной, «прехорошенькой девице Наталье Зыбиной, отличавшейся артистическими талантами» (*Бутурлин*. III. С. 538).

⁶ Елагины — старинные псковские помещики. Их было две ветви: Елагины опочечкине и Елагины великолукские. Если упоминаемая Елагина принадлежит к опочечкой ветви, то это жена Василия Никифоровича Елагина, опочечского предводителя дворянства в 1835—1837 и 1838—1840 гг. (*Софийский*. С. 90 и *Снк.* С. 151), «кавалера ордена Св. Владимира» (*ПД, КМ*). Если к великолукской — то это жена Николая Ивановича Елагина (ум. 13 V 1840, *ПрН*), великолукского уездного предводителя дворянства в 1811—1813 гг. (*Снк.* С. 152). Н. И. Елагин, проставленный в «Списке лиц, начальствовавших в 1812 г. в Псковской губернии» (*Псковские дворяне*. С. 331), был воспреемником дочери А. Я. Ганнибалы, двоюродной племянницы Н. О. (*Модзалевский Б. Л. Родословная Ганнибалов*. С. 11). Сын Н. И. Елагина, Петр Николаевич, был новоржевским уездным предводителем дворянства в 1844—1846 гг. (*Снк.* С. 152). Елагины — родственники Философовых и Княжнинных.

⁷ Ивановская Софья Казимировна (ум. в 1-ой половине 1830-х гг.), урожд. баронесса Аш, дочь барона К. И. Аша, псковского помещика и смоленского губернатора (1812), и его жены, урожд. Булгаковой, сестра Н. Казимировны Темировой и Надежды Казимировны Креницыной, жена новоржевского помещика Андрея Андреевича Ивановского (1791—11 V 1848 в Спа. См.: *Лернер*. С. 417). А. А. был ближайшим сотрудником Бенкендорфа, жившего в 1820-х гг. в Петербурге на Большой Морской в доме барона Аша, где, вероятно, он и познакомился с С. К. Аш, на которой женился в 1829 г. А. А. участвовал в следствии по делу декабристов, что не помешало ему поддерживать с декабристами дружеские отношения и в 1829 г. издать в пользу находившегося в бедственном положении декабриста А. О. Корниловича альманах «Альбом северных муз». А. А. был литератор, член Вольного общества любителей российской словесности и писал в «Северной пчеле» и «Библиотеке для чтения» под псевдонимом «А. И.». В своих повестях и рассказах А. А. подражал слогу А. А. Бестужева-Марлинского. С Пушкиным А. А. столкнулся как чиновник III отделения: 23 апреля 1828 г. «У Пушкина в гостинице Демута был по поручению А. Х. Бенкендорфа его чиновник А. А. Ивановский, сообщивший поэту об отказе на просьбу об отпуске в Париж» (*Лернер*. С. 171). Об этом видите см. статью самого Ивановского «Эпизод из жизни Пушкина 21 и 23 апр. 1828 г.» (*РС.* 1874. Т. IX. С. 584). Лично А. А. производил, по-видимому, приятное впечатление — А. Н. Вульф в письме Е. Н. Вревской от 16 июля 1836 г. из Петергофа отозвалась о нем одобритительно: «Последний раз ехавши отсюда с тетей в дилижансе (sic!), мы познакомились с Ивановским, который был женат на Темировой (неверно! — Л. С.), новоржевским помещиком, с которым я много говорила об Ник[олае] Игн[атьевиче] Шеннге, от которого

он в восхищении. Сам он человек умный и очень любезный; со мной он был очень любезен и сказал мне, что давно хотел познакомиться с нашей семьей, которая давно известна ему по репутации» (*Псв.* XXI. С. 339). Об А. А. упоминает Н. И. Греч (С. 717). Об его архиве см.: *РС.* 1889. IV. С. 239—240. Разговор с ним Пушкина в 1828 г. сообщает также М. К. Лемке в книге «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.» (СПб., 1908. С. 489).

⁸ Обсерватория — имеется в виду обсерватория оптического телеграфа. Оптический телеграф между Петербургом и Варшавой был устроен в 1829 г., и когда Н. О. писала это письмо, он был свежей новостью. Декабрист барон А. Е. Розен в 1839 г., проездом с Кавказа на родину, побывал на этой самой обсерватории оптического телеграфа, находившейся близ Острова: «Недалеко от города видел я первый телеграф в России, — телеграфное сообщение устроено от Петербурга до Варшавы: четыре кантониста охотно показали мне свою опрятную казарму с четырьмя кроватями. Особенный служитель готовил им пищу, а они дежурили по часам по очереди и передавали с башенки сигналы, днем ворочая большой указатель по нумерованному кругу, а ночью выставляя фонари. В совершенно туманную ненастную погоду безмолвствует телеграф. Над казармой в верхнем этаже чистая меблированная комната, а над нею обсерватория с машиною, куда никого не пускают из посторонних. Не прошло десяти лет от учреждения этой телеграфической линии, как начали вводить электромагнитные телеграфы...» (*Розен*. С. 274). Двоюродный племянник Н. О., помещик Псковского у. Алексей Адамович Глаубич был в 1837 г. командиром телеграфической роты (*Псв.* VIII. С. 51).

⁹ См. письмо 13.

¹⁰ Вспомним у Пушкина в «Марии Шонинг»: «Мать нашего пастора советует ему употреблять, вместо чаю, красный бедрениц, цветок очень обыкновенный; я отыскала и латинское его название; всякой аптекарь тебе укажет его».

¹¹ Федор — крепостной Пушкиных. Это — или «Федор Михайлов сын Калашников», которому «по ревизской сказке села Михайловского 1816 г. 16 лет» (*Ульянский*), или — Федор, сын Михаила Иванова: «По росписи церкви погоста Вороницы Воскр[есенской] церкви, Опочечского уезда, священника Илар[иона] Евдокимова с причтом значатся [...] помещицы Над[ежды] Осиповой жены Пушкиной с [ель]ца Михайловского дворовые люди Мих[аил] Иванов 53 л., жена его Васса Лазарина 49 лет, дети их Федор 29 лет, жена его Кс[ения] Егорова 28 лет...» (*Смиречанский*. С. 15).

¹² Княгиня В. А.

¹³ Креницына П. Н.

¹⁴ Шушерина Н. Н.

¹⁵ Брылкин — брат или отец О. М. Брылкиной.

¹⁶ Остров — уездный город Псковской губер-

нии на реке Великой. От Михайловского до Острова 52 версты (Тимофеев К. А. Могила Пушкина и село Михайловское // *РС*. 1899. V. С. 276). «...город Остров застроен хорошими каменными и деревянными домами, с правильными фасадами и вымощенными улицами. Лет двадцать прошло с тех пор, как был в Острове и теперь узнать не мог: причиной скорой перемены к лучшему было продолжение нового шоссе ковенского, доставившего городу различные выгоды от удобства сообщения. Шоссейные работы хороши и прочны; за Островом шоссе проведено через болото» (*Розен*. С. 274).

¹⁷ Пушкин В. Л.

¹⁸ Дадрианов, или Дадриан, князь Александр Леванович (20 VIII 1801 — 10 VI 1865, погребен в московском Донском монастыре рядом с Пушкиными, вместе с женой Лид[ией] Гр[игорьевной], урожд. баронессой Розен). «Друг и «троюродный брат» Пушкина (*Ениколопов*. С. 13; его же — Лермонтов на Кавказе. Тбилиси, 1940. С. 27). Его мать — Мария Дмитриевна Нарышкина родня Пушкиных по линии отца, но точной степени родства установить не удалось. — *Прим. В. С.* — *Павлицев* (с. 123) дает выдержку из письма Н. О. к О. С. о Д.: «Помнишь его матушку, нашу кзину, как она тебя маленькую любила...» Д. родился в «наследственном имении Симбирской губернии Сенгил[ьского] у. и получил отличное по тому времени домашнее воспитание...». «На службу поступил подпрапорщиком лейб-гвардии в Преображенский полк в 1817 г.; в 1821 г. произведен в прапорщики, а в 1825 г. в чине поручика назначен адъют[антом] к ген[ерал]-ад[ъютанту] Паскевичу. Он участвовал в войнах перс[идской], тур[ецкой] и в экспедициях против горцев (...) В 1827 г. гр. Паскевич-Эриванский удостоил его поручением донести Николаю I о взятии Тавриза, за что Дадриан был произв[еден] в капит[аны], а в 1829 г. он был послан к государю с донесением о сражении при Коинлы и взятии тур[ецкого] лагеря и трехбунчуного паши в плен, за что произведен в полк[овники] и назначен фл[игель]-ад[ъютантом] его велич[ества]. В конце того же 1829 г. он получил в командование Эрив[анский] карабин[ерный] полк» (Мартынов П. Кн. Дадриан, флигель-адъютант императора Николая I // *Древняя и Новая Россия*. 1876. № 3. С. 290). Д. и барон Фелькерзам, посланные с донесением о победе при Коинлы, одержанной 19 и 20 июня, прибыли в Петербург 15 июля (см.: *Ениколопов*. С. 110). Блестящая карьера Д. неожиданно оборвалась в 1837 г. из-за злоупотреблений по службе; он был разжалован в солдаты, лишен орденов и сослан в Вобруйск прямо со смотря в Тифлис, причем император лично сорвал с него флигель-адъютантский аксельбант. О Д. см.: Письма Николая I к Паскевичу // *РА*. 1897; Записки баронессы П. Г. Розен, в монашестве Митрофании // *РС*. 1902. I. С. 38; Муравьев-Карский Н. Н. Записки // *РА*. 1895. II. С. 186;

Розен. С. 224; Дондуков-Корсаков А. М., кн. Мои воспоминания. Ч. II // *Старина и Новизна*. Кн. 6. С. 45; Филипсон Г. И. Воспоминания // *РА*. 1883. VI. С. 254; Письма к К. Г. Чиляеву // *РА*. 1904. I. С. 130; *Лорер*. С. 187; Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. 1929. С. 179.

¹⁹ Сонцов М. М.

²⁰ Так Н. О. называет свою золовку Сонцову Е. Л.

²¹ Стехново — имение И. М. Рокотова, Опочецкого у. Псковской губ.

²² «Ник[олай] Мих[айлович] Шушёрин с огромными ногами и еще огромнейшей семьей собак...» (*Философов*. С. 128).

²³ Альманах «Альбом северных муз», изданный в 1829 г. А. А. Ивановским (см. прим. 7) в пользу его друга, декабриста А. О. Корниловича. Состав альманаха: Пушкин («Талисман»), Вяземский, Языков, Подолинский, Туманский, Ф. Глинка, Булгарин, Сенковский, Ранч, Шевырев, граф Хвостов и др. Отпечатан в типографии А. Смирдина, с отличным гравированным портретом Карамзина на фронтисписе и виньеткой на титульном листе.

²⁴ Бутурлина — не мать ли Н. Н. Шушеринной? Н. Н. Шушерину Н. О. в одном из дальних писем называет «подругой молодости». Родство Пушкиных с графом Бутурлиным идет через Квашниных-Самариных и графов Воронцовых: тетка М. А. Ганнибал, Анна Юрьевна Ржевская, была за Федором Петровичем Квашниным-Самариным; их дочь (то есть двоюродная сестра М. А. Ганнибал) Прасковья Федоровна Квашнина-Самарина вышла за графа Артемия Ивановича Воронцова (крестившего впоследствии Пушкина); их дочь графиня Анна Артемьевна Воронцова (троюродная сестра Н. О.) — замужем за графом Дмитрием Петровичем Бутурлиным, директором Эрмитажа и владельцем знаменитой библиотеки, сгоревшей в Москве в 1812 г. О тесной связи между домами Пушкиных и Бутурлиных говорит *Анненков* (С. 7); о том же читаем в статье Макарова «А. С. Пушкин в детстве» («Современник», 1843. Т. XXIX. С. 337). Упоминаемая Бутурлина, возможно, жена дяди графа Дмитрия Петровича, генерал-лейтенанта Николая Александровича Бутурлина. Мать же Дмитрия Петровича была урожд. тоже графиня Воронцова, Мария Романовна — двоюродная сестра графа Артемия Ивановича Воронцова. Таким образом, Н. О. могла встречаться с Бутурлиной еще в доме своей двоюродной тетки графини Прасковьи Федоровны Воронцовой и ее мужа графа Артемия Ивановича, и тогда становится понятным эпитет «подруга молодости», которым Н. О. наделяет Шушерину (*Лобанов-Ростовский; Бутурлин*. 1897. Кн. 1, № 2. С. 233 и др.; его же «Очерк жизни гр. Д. П. Бутурлина // *РА*. 1867. С. 376; *Затворницкий*. III. Отд. 4. С. 230; *Анненков*. Приложение).

²⁵ Дельвига.

²⁶ См. письмо 11.

15 *Надежда Осиповна:**Тригорск, 7 сего Сентября [1829 г.]*

Твое последнее письмо меня очень огорчило, мой добрый друг; ты грустна и нездорова, мне кажется, это дурная погода вызывает в тебе все эти черные мысли и влияет на твое самочувствие. Не надо так отчаиваться, мой добрый друг; ты никогда не бывала серьезно больна, вот тебе и досаждают, что лекарства не производят действия так скоро, как бы ты хотела; наберись терпения, не тревожься, и ты увидишь, что капли (я тоже думаю, что это капли Бестужева ¹) несомненно принесут тебе много пользы, но надо их продолжать, только чрез несколько недель ты почувствуешь их действие. Я отсюда вижу, что Шеринг хороший врач, не бойся его, оставайся весь этот месяц в Ораниенбауме, быть может, погода еще будет хороша, обычно так оно и бывает в сентябре. У нас несколько дней было плохо, но с позавчера погода прекрасная, я пользуюсь ею, сколько могу; завтра еду в Опочку нанести визит Рассихиным ² и, может быть, Суморотским. Это займет у нас, я думаю, два или три дня; я буду счастлива отделаться — и надолго; на свои именины я жду гостей: г-жу Шушерину, трех Тимошей ³ и м-ль Пушину ⁴, которая только что прислала мне статью одной из газет, где говорится об Александре; если ты ее не читала, спешу тебе о ней сообщить, это несомненно доставит тебе удовольствие ⁵ так же, как и письмо из Арзерума, которое послала мне г-жа Соловая ⁶. Вот два очень хороших известия, одно за другим; мы только что узнали, что Адрианополь взят ⁷. Бог даст, будет мир, это все, чего я желаю. Мы думали выехать в начале Октября, я писала мисс Гунтлер ⁸, чтобы она посмотрела дома; мы хотели бы снять помесечно, ежели возможно; если ж нет — пусть на шесть. Я не знаю, в Петербурге ли еще Княгиня ⁹, если она там, то только по причине болезни внука ее Мишеньки ¹⁰ или ее брата ¹¹. Я очень опасаюсь за сего последнего, у меня предчувствие, что ему хуже, верно потому-то она мне давно и не пишет. Прощай, мой добрый друг, да защитит тебя Небо и да возвратит тебе здоровье.

Кающаяся М а ш а ¹² чувствует себя лучше и завтра едет со мной в Опочку.

Сергей Львович:

Очень благодарю тебя за твое письмо, дорогая Оленька, однако оно только встревожило меня в отношении твоего здоровья. Дай Бог, чтобы первое же, которое мы от тебя получим, принесло нам более успокоительные известия. — Я ни о чём не могу думать, кроме как о тебе, и очень хотел бы видеть, так ли ты исхудала, как говоришь. — Это, однако, не должно слишком тебя пугать — худоба не есть признак, что болезнь твоя развилась. — Не отвергай советов и лекарств г-на Шеринга. — Завтра я тоже думаю съездить в Опочку, и сознаюсь тебе, с большой неохотой. — Г-н Р о с и х и н был у нас еще в прошлом году, я ему не отдал визита, а здесь на этот счет так взыскательны, что скажут, что я живу у Семеновского мосту, а он в Гороховой ¹³. Как быть? Ч то п р и к а ж е ш ь с е т и м д е л а т ь? Это мой припев, как тебе известно.

У барышень Т и м о ф е е в ы х есть нечто вроде горничной; она дочь пастуха (не аркадского), но пастуха Опочецкого уезда, который пасет свиней. Ей лет 14 или 15, толстая коротышка, плечи вздернутые, квадратная, а физиономия дикая, как у всех девок, делающих грубую работу. — Она знает наизусть почти весь Бахчисарайский фонтан и читает стихи Александра, жестикулируя

при этом самым комическим образом. Сложенная как я тебе говорю, она производит отрывок из Онегина, где он говорит об Истоминой¹⁴, и бьет ногой об ногу, но ноги в пол-аршина в длину и столько же в ширину.— Можешь вообразить, что это такое. Прощай, добрый и дорогой друг. Целую тебя от всего сердца и молю Бога, чтобы он возвратил тебе твое первоначальное здоровье. Сегодня утром, гуляя по нашему саду, я встретил Александра Яковлевича Ганнибала¹⁵ в повозке, запряженной двумя лошадьми и в полугусарском костюме. Он два года как женился на одной барышне Юреновой¹⁶. Знаешь ты это? Целую тебя еще раз.

¹ Бестужев-Рюмин Алексей Петрович, граф (22 V 1693 — 1766), государственный деятель, канцлер, дипломат. Будучи посланником в Копенгагене (в 20-х гг. XVIII в.), «изобрел «жизненные капли», разнесшие его имя по всей Европе» (Бильбасов В. А. История Екатерины II. СПб., 1891. Т. I. С. 74). В примечании Бильбасов дает выдержку из книги Терещенко «Опыт обозрения жизни сановников, управлявших делами в России». Т. II. С. 95: «Tinktura inervina Vestouschevi. Химик Лембке, работавший у Бестужева в Копенгагене, продал секрет, и капли стали продаваться под названием elixir d'or, elixir de Lamotte». В 1748 г. изобретатель сам передал секрет академику Моделю; Модель в 1779 г. открыл тайну аптекару Дуропу, а Дуроп, умирая, аптекару Винтербергеру. При посредстве лейб-медика Роджерсона Екатерина II купила у вдов Дуроп и Винтербергер секрет приготовления капель за 3000 р. и обнародовала его. Об истории этих капель см. также заметку Шугурова «Ученая степень Екатерины II» (РА. 1867. II. Стлб. 1263). Сомнения Н. О. и О. С., какие именно она принимает капли, объясняются тем, что они продавались под названием «elixir d'or» или «elixir de Lamotte».

² Рассихин — Росихин Клементий Никифорович, действительный статский советник и кавалер, богатый помещик, предводитель дворянства Опочецкого у. в 1811—1814 гг. (Софийский. С. 90) и псковский губернский предводитель дворянства в 1811—1814 гг. (см.: Спк. Вып. I. С. 149 и 151). См. о нем также: «Псковские дворяне». С. 17 и др. Летом 1836 г., после смерти Н. О., возник вопрос о продаже Михайловского и о цене предполагавшихся к продаже Михайловских «душ». Н. И. Павлищев писал Пушкину 11 июля: «Душа душе розь; продается она в Пск[овской] губ. по разной цене; Львов, например, или Росихин не уступит своих и по тысяче» (XVI, 137). Он же писал Пушкину 1 авг. 1836 г.: «Продавайте Михайловское (...) из лучших покушителей Львов на водах, а Росихин в Москве» (там же. С. 146).

³ Сестры Тимофеевы.

⁴ Одна из сестер Пушиных.

⁵ См. письмо II, прим. 2.

⁶ Соловые — Петрово-Соловова, три сестры: Анастасия (впоследствии за кн. К. О. Вреде), Ольга (за А. И. Кошелевым), Наталья Федоровны (за А. П. Ланским), и их братья Николай, Михаил и Григорий Федоровичи — дети (сироты) полковника Федора Николаевича Петрово-Соловова (1763—1826) и Анны Григорьевны,

урожд. княгини Щербатовой (1785—1821), воспитывавшиеся их теткой Скарятинной (Бутурлин. 1897. Кн. I. № 2. С. 206). Соловые — знакомые и друзья графов Чернышевых, князя Вяземского и всего пушкинского круга. У П.-С. бывал и Пушкин (Каменская М. Ф. Воспоминания//ИВ. 1894. X. С. 54). О трагической гибели матери П.-С. (на смерть разбита лошадьми на петербургских Островах) см. в письмах А. Я. Булгакова к брату от 14 и 16 сент. 1821 г. (РА. 1903. I. С. 77) и П. А. Вяземского к жене (ОА. Т. V. и Звенья. VI. С. 268). Об их отце Ф. Н. см.: Вигель. Ч. I. С. 136.

⁷ Русская армия в 1829 г. под командой Дибича перешла через Балканы, и Адрианополь без сопротивления сдался 20 августа. Адрианопольский мирный договор между Россией и Турцией был заключен 14 сентября 1829 г.

⁸ Гунтлер (Huntler) — «англичанка, старая наставница Александра Серг. и Ольги Серг.; обучала их английской словесности» (Псв. XIV. С. 26). Гунтлер — не фамилия ли «Мисс Белли» (сокращение от «Изабелла»), о которой в «Материалах для биографии Пушкина», со слов О. С., рассказывает П. В. Анненков (Соч. Пушкина, 1855. Т. I. С. 12—13).

⁹ Трубецкая Е. А., княгиня.

¹⁰ Сын А. И. и А. П. Мансуровых.

¹¹ Мансуров П. А.

¹² Горничная (см. письмо 10).

¹³ Семеновский мост через Фонтанку в Петербурге по оси Гороховой ул.

¹⁴ Истомина Евдокия Ильинична (14 I 1782 — 22 I 1862) — известная балерина, воспитанная Пушкиным в «Евгении Онегине», гл. I. строфа XX.

¹⁵ Ганнибал Александр Яковлевич (27 IX 1797 — III 1834, погребен в селе Назимово Великолуцкого у.) — двоюродный племянник Н. О., сын Якова Исааковича Ганнибала и Елизаветы Александровны Вындомской (сестры П. А. Осиповой). «В службе юнкером кавалергардского полка 26 III 1815 г.; эстандарт-юнкер 19 I 1816 г.; корнет 1 X 1816 г. с определением в польск[ий] ул[анский] полк; перев[еден] во Влад[имирский] полк 22 июня 1818 г.; уволен со службы 2 XII 1818 г.; помещик (с сестрою) Егор. у., губ. с. Кручи, ум. в им[енни] Турки Великол[уцкого] у. Пск[овской] губ.» (Модзалевский Б. Л. Родословная Ганнибалов. С. 10). В 1827 г. Г. женился на А. Е. Юреновой.

¹⁶ Юренева Александра Егоровна (1801—1869) — дочь Егора Андреевича Юренева

(1774 — 6 XI 1846), великолукского предводителя дворянства (1827), подпоручика, и его жены Александры Яковлевны, урожд. Тыртовой (1768 — 5 IV 1843) (см.: Юреневы Г. Н. и Н. А.

Род Юреневых. СПб., 1903. С. 6 и 221; а также: Чернявский М. Приложение к генеалогии гг. дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии. Тверь. 1869. С. 262).

16 Надежда Осиповна:

Тригорск, 9 сего Сентября [1829 г.]

Мы только что покончили с нашей последней поездкой, несколько часов, как воротились из Опочки, и, к нашему большому удовлетворению, нас ждало здесь твое письмо, мой добрый друг. Ты не права, если расканиваешься, что сказала нам правду, ибо иначе, ежели бы ты скрывала от меня, что ты испытываешь физически и морально, мое беспокойство о твоем здоровье еще было бы большим. В этом письме ты не говоришь мне, начала ли ты уже принимать капли, мне не терпится это знать, я уверена, что они принесут тебе пользу. Погода у нас тоже испортилась, дождь идет всякий день, но зелень по-прежнему хороша, и мы продолжаем есть вишни, сливы и яблоки, коих у нас в М и х а й л о в с к о м изобилие, но в Тригорске в этот год очень мало слив. Ты знаешь, в деревне одно дело: обедаться, и у Рассихиных только этим и заняты; без г-жи Суморотской¹, о которой я тебе однажды говорила, я бы соскучилась до смерти. Путешествие мы совершили с соседкой нашей, молодой г-жой Шелгуновой²; ты подивилась бы ее сходству с Катериной Спафарьевой³, две сестры не могут походить более, это одни черты.

Наше возвращение было очень счастливо. Сегодня, кроме твоего письма, мой добрый друг, у нас были хорошие известия из Газеты, которую нам посылает г-н Малиновский⁴, — говорят о мире; потом Федор получил письмо от своего брата из Арзерума, он сообщает ему, что Леон был представлен к чину, что он здоров⁵; письмо это от 10 Июля; хотя из газет я вижу, что с тех пор было дело и Полк Леона в нем участвовал, но я полагаюсь на милость Божью, Господь сохранит Леона, я буду иметь счастье обнять его этой зимой. Знаешь ли ты, мой добрый друг, что он имеет также крест Св. Анны, кузен Бибииков⁶ пишет об этом Папа, я этого не знала, хотя уже скоро год, как он его получил. Он приедет в Петербург весь разукрашенный. Жду не дождусь его увидеть, как я буду счастлива оказаться со всеми моими детьми, давно уж я не наслаждалась этим блаженством.

Л. С. Пушкин.
Рисунок А. С. Пушкина. 1829 г.

Княгиня Грубецкая ⁷, к своему удовольствию, наконец в Знаменском; надеюсь, она возвратится в Ноябре, как предполагает. Мне будет очень сладостно находиться со всеми, кто мне дорог, лишь бы здоровье твое восстановилось, мой добрый друг; кажется, мне больше нечего будет желать. Прощай, будь спокойна и гони прочь все свои черные мысли. Да благословит тебя Господь. Целую тебя очень нежно.

Сергей Львович:

Если наше письмо, дорогая Олинька, тебя исполнило счастья, то нас твое — исполнило радостью. Из него я узнал, что ты несколько успокоилась и что известия о твоих братьях оказали действие на твое физическое и моральное состояние. — Благодаря Бога, оба они чувствуют себя прекрасно; по крайней мере, так было, и я надеюсь, что Господь в своей благодати сохранил Леона в этом последнем деле здоровым и невредимым. — Как видно, оно не было важным. — Я писал Б и б и к о в у, прося его навести справки насчет Леона в Инспекторском Департаменте ⁸, и он мне пишет, что по прежним рапортам П у ш к и н, адъютант Драгунского Полка, Кавалер орденов Св. Владимира и Св. Анны, помечен во всех полковых рапортах здоровым, но что теперь Департамент не может регулярно получать все бумаги и что их ждут. — Вот, как мы узнали, что у него орден Св. Анны. — Александр также очутился в славном бою, который решил участь Арзерума. — Не видала ли ты где в газетах еще статью о нем, в которой поздравляют себя с его присутствием там ⁹? — Дай-то Бог, чтобы все, в конце концов, так счастливо завершилось. Кажется, в мире больше сомневаться нечего, и Султан, который так был упрям, согласен на все, чего мы требуем ¹⁰. — Это событие великое и которое навсегда утвердит славу нашего оружия. — Теперь у меня два желанья — иметь известия о Леоне и увидеть тебя освобожденной от всех твоих страданий, и я возблагодарю Господа Бога, как я прошу Его благословить тебя. Если ты увидишь Барона ¹¹ прежде нас, скажи ему, дорогая Олинька, чтоб он передал г-ну С о м о в у ¹², что я получил на мое письмо ответ от г-на Б и б и к о в а, в котором он выражает мне свои сожаления, что в настоящий момент ничего не может сделать для г-на Орлицкого ¹³, потому что в Отделении Контроля ¹⁴, который под его началом, нет вакансий. — Я не потерял ни минуты, ибо написал Б и б и к о в у в тот же день, как получил письмо от С о м о в а. — Прощай, целую тебя тысячу раз — я очень хотел бы написать Александру, но не знаю, где его найти. Как говорит г-жа О с и п о в а, он ускользает, когда меньше всего того ожидаешь. — Надеюсь — на этот раз для того, чтобы с нами соединиться. — Однако я, во всяком случае, думаю написать ему на этих днях.

Надежда Осиповна:

Это письмо уйдет лишь 12-го; мы приготовили его заранее. Я боялась, что меня прервет болтун Рокотов, который, со своим рвением гоняться по скверным дорогам, решит, что до моих именин слишком далеко и, наверное, не замедлит приехать.

Врс., с. 775.

¹ Вероятно, жена Сумороцкого В. М. (см. письмо 9).

² Шелгуновы — помещики, ближайшие соседи Пушкиных. Их имение, село Дериглазово, от Тригорского находилось в полуверсте,

а с Михайловским соприкасалось «межа в межу» (черновик письма Н. И. Павлищева князю П. А. Вяземскому 1837 г. — ПД, ф. 224, оп. 20, № 89). Владелицей Дериглазова была Дарья Герасимовна Шелгунова (см.: *Смиречанский*.

С. 16), дочь Герасима Григорьевича Сумороцкого и его жены Гликерии Михайловны, урожд. Михайловой (см.: *Руммель*. Т. 1. С. 594), жена Павла Н Шелгунова. Молодая Шелгунова — жена их сына Никанора Павловича, Надежда Климентьевна, урожд. Россихина (см. письмо 15). Акулина Герасимовна Шелгунова (сестра Дарьи Герасимовны? Но почему она тоже Шелгунова?) упомянута в переписке А. С. Пушкина в связи с предполагавшейся покупкой принадлежавшей ей части деревни Савкино. Письмо его по этому поводу к П. А. Осиповой от 29 июня 1831 г. и ответ ее от 29 сент. (XIV, 184 и 229). Покупка не состоялась. В 1836 г. та же А. Г. Шелгунова выступила как возможная покупательница Михайловского, которое было ей «с руки»; она писала об этом Н. И. Павлищеву (см. письмо его Пушкину 24 дек. 1836 г.— XVI, 205); это дело тоже не сложилось: Михайловское, как известно, продано не было. О Ш. см.: Гордин А. Пушкин в Михайловском. Л., 1939. С. 6.

³ Спафарьева Екатерина Леонтьевна — дочь генерал-лейтенанта, директора маяков Финского залива и командира Ревельского порта Леонтия Васильевича Спафарьева (19 V 1766 — 25 I 1847, *ПН*), женатого на Анне Васильевне Розенберг (Бутенев А. П. Воспоминания//*РА*. 1881. III. С. 35), сестра лиценста второго выпуска Аполлинурия Леонтьевича Спафарьева, краткая запись которого «на память» имеется в «Альбоме директора Царскосельского Лицея Е. А. Энгельгардта» (*Псв*. VII. С. 15). Пушкины познакомились со Спафарьевыми в Ревеле. В сент. 1827 г. О. С. писала А. П. Керн из Ревеля: «Твой брат был у нас и два дня, которые провел, был с нами, мы познакомили его со Спафарьевыми, премилые здешние жители, и были вместе в клубе» (*ПД*, ф. 244, оп. 20, 50). Со Спафарьевыми знаком был князь П. А. Вяземский (см. письма его к жене от 5 авг. 1825 г. и 21 авг. 1825 г.— *ОА*. Т. V. Вып. I. С. 82; вып. II. С. 80) и И. А. Крылов (Кеневич В. Иван Андреевич Крылов//*РА*. 1868. С. 262). Племянник Л. В. А. П. Бутенев тепло отзывался обо

всей семье Спафарьевых в своих «Воспоминаниях» (*РА*. 1881. Кн. 3. № 5. С. 35). Под начальством Л. В. в 1824—1825 гг. служил декабрист Н. А. Бестужев (*Греч*. С. 480). Сестра С. Вера Леонтьевна Спафарьева вышла замуж за В. А. Иванова (*ПН*). Дальнейшая судьба самой С. неизвестна, но в «Российской родословной книге» князя П. Долгорукова (т. III. С. 70) показана «дочь Спафарьева» (без имени), вышедшая за «сына маркиза И. И. Траверсе, Александра Ивановича, флигель-адъютанта, капитана флота в отставке». Может быть, это Е. Л. О Спафарьевых в Ревеле 1823—1825 гг. см.: Ляликов Ф. И. Воспоминания//*РА*. 1878. Кн. 2. № 6. С. 250.

⁴ Малиновский П. Ф.

⁵ За отличие при взятии крепости Байбурт и Арзрума Л. С. был произведен в поручики (*Майков*. С. 38).

⁶ Бибииков П. И.

⁷ Грубецкая Е. А.

⁸ Инспекторский департамент Военного министерства. «Гр. А. А. Закревский, в бытность дежурн[ым] генералом [в 1820-х гг.], устроил архив Инспек[торского] Департ[амента] так, что он справедливо слыл образцовым. Мне сказывали, что напр[имер], для отыскания послужного списка простого рядового, служившего при имп. Екат[ерине], полагалось 10 мин[ут] времени» (Пржецлавский О. А. Воспоминания//*РС*. 1874. Т. II. № 12. С. 689).

⁹ См. письмо 11, прим. 2.

¹⁰ Турецкий султан Махмуд II вследствие победоносного движения русских войск вынужден был вступить в переговоры о мире, который был заключен в Адрианополе 14 сентября 1829 г.

¹¹ Дельвиг А. М.

¹² Сомов О. М.

¹³ Лицо неизвестное.

¹⁴ Отделение контроля Инспекторского департамента Военного министерства. П. И. Бибииков был управляющим временной контрольной комиссией по проверочной части (см. письмо 11).

17 Сергей Львович:

20 Сентября [1829 г. Тригорское]

Дорогая Олинька!

Твое последнее письмо разорвало мне сердце.— Я чувствую, как грустно должно тебе быть пребывание в Ораниенбауме при такой скверной погоде, но что делать, добрый друг.— Судя по всему, что ты нам о том писала, г-н Шеринг, мне кажется, хорошо тебя пользовал, и я советую тебе продолжать его капли.— Я не знаю, получишь ли ты наше письмо со списком с письма Леона.— Он, слава Богу, здоров и побывал еще в нескольких делах, которые, после взятия

Арзерума, он называет славными.— Я не знаю, душинька, где вы будете жить и как адресовать тебе наши письма. Пока что я написал сегодня У с о л ь ц о в у ¹, чтобы он, когда ты пошлешь к нему, передал тебе 500 р. из моих денег. Ты просто пошла Никешу в банк, пусть он скажет ему, где твоя квартира, прося его зайти к тебе по моему письму.— Он уж будет знать, в чем дело.

Мы только что узнали от одного Новоржевского лекаря, за которым я посылал для Федора, будто «Северная Пчела» уведомляет, что Александр выехал в Астрахань через Кавказ ². Он обещал послать мне эту статью.

Это письмо будет адресовано в дом, где стоят наши люди; я очень хотел бы, чтобы тебе передали его возможно ранее.— Прощай, дорогая Олинька. Целую тебя очень нежно и благословляю тебя.— Да защитит тебя Господь и да возвратит тебе здоровье.

Весь твой: Сергей П.

Полагаю, тебе должны быть очень нужны эти деньги, и я хотел бы, чтобы на сей раз Псковская почта шла быстрее. Известие о поступлении этой суммы я получил лишь вчера вечером.

Надежда Осиповна:

Медленность почты бесит меня, как никогда. Я хочу, чтобы это письмо быстро дошло до тебя, мой добрый друг; твои приходят всегда на шестой день, так что письмо от 11-го мы получили накануне моих именин, а вчера то, что от 13-го; оно мне сокрушило сердце, чего бы я ни дала, чтобы быть возле тебя, мой добрый друг, не скоро я буду иметь это сладостное утешение, я надеюсь обнять тебя дней через 20. Не знаю, когда ты получишь список с письма Леона: он может дойти в Ораниенбаум только 28 — это очень нескоро! Это я адресую Н и к и т е. У нас погода тоже испортилась и многим помешала быть у нас 17-го. Сегодня я жду г-жу Шушерину, которую задержала болезнь ее маленькой Наташи; об этом объявил мне Рокотов, он провел у нас два дня. У меня было только немецкое семейство, которое так хорошо описал тебе Папá ³, потом Глаубич ⁴ и Р ж е п и к о в с к и й ⁵.

Несчастный случай, приключившийся с Ф е д о р о м, очень нас напугал. Это ужасно. Вообрази, он неузнаваем, у него вид обгорелого бревна — так он черен; глаза у него закрыты, но благодаря врачу, которого мы вчера вызвали, он сегодня утром открыл один глаз, он чувствует себя немного лучше; излечение пойдет медленно, он не сможет уехать с нами. Прощай, мой добрый друг, да защитит тебя Небо, старайся быть спокойной, надейся на милость Божью, и Господь возвратит тебе здоровье.

Врс., с. 775

¹ Усольцев Андрей Матвеевич (ум. в первой половине 1831 г.) — банковский служащий, доверенный по делам С. Л. Подписал в качестве свидетеля дарственную С. Л. А. С. Пушкину Кистенева 27: июня 1830 г. (см.: Модзалевский Б. Л. Архив опеки//Псв. XIII. С. 99).

² «Северная пчела». 1829. 12 сентября, № 110. Корреспондент «Северной пчелы» писал из крепости Владикавказ 10 авг.: «Сего числа был здесь проездом А. С. Пушкин. Он приехал к нам из Арзерума и на другой день отправился далее с намерением побывать на Кавказских Минеральных водах и потом отправиться, через Моздок и Кизляр, в Астрахань» (примечание

П. О. Морозова к «Путешествию в Арзрум»// Т. VI. С. 669). В Астрахани Пушкин не бывал. В Москву вернулся около 20 сентября (см.: там же, С. 667).

³ Это письмо не сохранилось.

⁴ Глаубич Александр Адамович, «в 1828 г. подполк[овник] л[ейб]-гв[ардии] фуhrштадтской бригады батальонный командир, был женат на Евг[ени] Як[овлевне] Ганнибал, дочери двоюр[одного] брата Н. О. Пушкиной» (сестре А. Я. Ганнибала); «сын их, Валериан Ал[ександрович], впоследствии женился также на Ганнибал — Аглае Петр[овне], двоюр[одной] сестре своей матери, дочери Петра Ис[ааковича] Ган-

нибала и Аполлинарии Михайловны (р. Миклашевской), воспитаннице Екатерининского института (ум. до 1899)» (*Модзалевский Б. Л. Псв. VIII. С. 51* и *Родословная Ганнибалов. С. 10*). А. А. был опочечким помещиком, соседом Вревских по Голубову; отец его Адам Карлович, помещик Псковского у., «имел еще сына Алексея Адамовича, в 1837 г. бывшего командиром Телеграфической роты» (*Псв. VIII. С. 51*). Б. А. Вревский упоминает Глаубичей в своем дневнике (*Псв. XXI—XXII. С. 372*), а также

в письме к С. Л. от 7 янв. 1837 г. (Из бумаг С. Л. Пушкина//*Псв. VIII. С. 51*). Г., кажется, занимались какой-то торговлей. А. Н. Вульф в одном из писем 1834 г. к Е. Н. Вревской спрашивала: «Взяла мама девушку Глаубичей, служащую в лавке, и довольна ли она ею?»

⁵ Ржепиковский Н. Н.— муж младшей дочери Петра Абрамовича Ганнибала Александры Петровны; двоюродной сестры Надежды Осиповны.— *Прим. В. С.*

18 Надежда Осиповна:

27. сего Сентября [1829 г. Тригорское]

Я сию минуту получила твое письмо, мой добрый друг; попытаюсь отправить это через Псков, есть оказия, быть может, оно раньше до тебя дойдет. Твое 10 дней было в дороге. Известие о взятии Константинополя наполнило бы нас радостью¹, если бы ты давала нам хорошие вести о состоянии своего здоровья, но мысль, что ты по-прежнему страдаешь, отравляет все. Надеюсь вскоре тебя увидеть, а пока ты хорошо бы сделала, если б посоветовалась с акушером, это его дело, они лучше всякого другого врача знают эту болезнь, и я могу тебя уверить, что это вовсе не так серьезно, как ты воображаешь, и если недуг этот усилится, причиной тому не что иное будет, как твои черные мысли и непрерывные тревожения; надо стараться быть спокойной, дорогая Олинька, вот лучшее лекарство. Я очень раздосадована, мой добрый друг, что не могла найти тех цветов, было слишком поздно, но я думаю, ты их можешь получить в аптеках Петербурга. У меня есть еще превосходное лекарство, которое я тебе привезу, ты увидишь, что оно тебе поможет; во имя Неба не отчаивайся, наберись терпенья. Г-жа Осипова, которая приехала несколько дней назад, тоже хочет тебе написать, я очень тороплюсь и уступаю перо мое Папá, целую тебя очень нежно.

Сергей Львович:

Я весьма встревожен, дорогая Олинька, известием, что ты так больна, однако надеюсь, пребывание в Петербурге тебя несколько развлечет, что тебе совершенно необходимо.— Я 8 дней как написал У сольце в у², чтоб он передал тебе 500 р.— Я ему повторил это с тех пор еще, и если он до сей поры не передал тебе этих денег, пошли к нему, он в двух шагах от тебя.— Я желал бы полететь к тебе, ду ш и н ь к а, но в настоящий момент это нам невозможно, те небольшие деньги, что у меня есть, находятся у У сольцева, я написал ему, чтоб он послал их нам на дорогу, и теперь мы их ждем.— Прощай, дорогой и добрый друг. Да хранит тебя Бог! Положись целиком на Его бесконечную благодать, и молитвы за тебя, с коими я ежедневно к Нему обращаюсь, будут услышаны. Целую тебя очень нежно.

Прасковья Александровна Осипова:

Очень счастлива очутиться под одной кровлей с вашими родителями, любезнейшая моя Ольга, но мысль, что вы больны и страдаете, намного уменьшила испытываемое мною удовольствие — в особенности слезы Папа́ произвели на меня очень тягостное впечатление. Они хотят меня покинуть, но я попробовала убедить их подождать, пока погода не переменится к лучшему, ибо навряд ли ³.

¹ Н. О. перепутала: Константинополь взят не был. 20 августа был взят Адрианополь, а мир с турками заключен 14 сентября 1829 г.

² Усольцов А. М.

³ Окончание письма отсутствует.

19 Надежда Осиповна:

27 сего Сентября 1829 г. Тригорское

Это сегодня второе письмо, что я пишу тебе, мой добрый друг,— в ответ на твое от 15-го. То я отправляю во Псков, а это в Опочку, единственно чтобы не доставить тебе беспокойства на случай, ежели одна из этих почт задержится по причине скверных дорог, ибо погода ужасна; я все надеюсь, что она переменится к нашему отъезду; мы ждем денег, которые у У с о л ь ц о в а, дабы уехать в начале Октября. Думаю, ты уже получила те, что он должен был тебе передать. Г-жа Осипова наконец приехала 4 дня назад по отвратительной дороге, она пробыла 12 дней в пути. Она с М а ш и н ь к о й ¹ и Р е й х м а н о м; утром она тоже тебе писала. Мы все радуемся взятию Константинополя, У с о л ь ц о в уже сообщил нам весть о мире, который праздновался в Петербурге. Я получила ее 24-го, барышни Т и м о ф е е в ы были с нами, и это привело их в восторг; в тот же день приехала П р а с к о в ь я А л е к с а н д р о в н а, и первое слово, которое я ей сказала,— это была эта добрая весть. С тех пор как она здесь, мы не расстаемся ни на минуту; она хочет проводить нас до Пскова, когда мы поедем; нет возможности выбрать другую дорогу, все мосты снесены. Я очень рада знать, что ты в Петербурге, мой добрый друг; ты хорошо сделала, что взяла эту квартиру, раз она тебе подходит ², не знаю, где будет наша, пока что мы остановимся у Демута ³. На прошлой неделе я адресовала свое письмо в Петербург, тебе передаст его Н и к и т а. Я надеюсь, дорогая Олинька, что ты более спокойна и, следственно, меньше страдаешь; ты, верно, часто выдаешь Дельвигов и других своих знакомых, ты не так одинока, как была в Ораниенбауме, тебе нужно немного развлечься. На случай, ежели ты не читаешь Северной Пчелы, я посылаю тебе статью, касающуюся твоего брата ⁴; скоро все мы соединимся, мой добрый друг, как мне не терпится увидеть Леона. Когда Господь возвратит тебе здоровье, мне нечего будет желать.

Сергей Львович:

Мы писали тебе утром, дорогая Олинька, и из опасенья, что наше письмо запоздает, пишем тебе еще раз обычным путем. Надеюсь, ты уже видала г-на У с о л ь ц о в а, если нет, пошли к нему, он в двух шагах от вас. Он должен передать тебе 500 рублей по моему письму. Целую тебя сегодня второй раз и благословляю тебя, моля Господа Бога, чтобы Он даровал тебе здоровье и спокойствие души и сердца. Мне не терпится соединиться с тобой. Александр скоро будет обратно, также и Леон. В этот день я очень буду счастлив, и минута,

когда я возле нас увижу вас всех троих, утешит меня во многих огорчениях, которые война и разлука мне причинили. Прощай, дорогой и добрый друг, целую тебя от всего сердца.

¹ Осипова Мария Ивановна (27 VII 1820 — 19 VII 1896) — дочь П. А. Осиповой от второго брака, оставшаяся девушкой. О. связана чувством влюбленности с тремя членами семьи Пушкиных. В 1836 г. она ненадолго увлеклась Александром Сергеевичем, но Н. И. Шениг «заменял Пушкина в сердце Маши» (из письма Е. Н. Вревской А. Н. Вульффу 10 сент. 1836 г. // *Псв.* XIX. С. 108). В 1842 г. она глубоко и серьезно полюбила Л. С. Пушкина, и, по-видимому, не без взаимности. «Он (Л. С. Пушкин) не на шутку думает о женитьбе. Его страшит одиночество, и теперь ждет, кажется, только места, чтоб просить Машини руки... — сообщила Вревская Вульффу 17 июня 1842 г. — Чтоб тебе дать мысль о Машиних чувствах к нему, то я тебе скажу, что вырвалось у нее (...) быть за Львом или ни за кем, еще что для ее существования необходимо быть с ним неразлучной, не быв даже его женою, и мысль разлучиться с ним для нее нестерпима...» (там же. С. 112). Через год дошла до О. весть о женитьбе Л. С.,

и затаенная боль и чувство ревности сквозят в ее письме к Вульффу от 15 окт. 1843 г.: «Ты, верно, знаешь, что Лев Серг [еевич] женится в Одессе на Загр [яжской]. У нее ничего нет; говорят, она не хороша, маленького роста, черна и худа...» (там же. С. 115). Спустя месяц, 16 ноября, она снова возвращается к волнующей ее мысли: «Я последний раз ничего не говорила тебе о Льве: признаюсь, не имела духа. Я совершенно твоего мнения, — все равно, где он счастлив, только был бы он счастлив (...) Хотя совестно сознаться, что грустно мне было, когда узнала о его женитьбе. Хотя я давно это ожидала и теперь еще не совсем привыкла к этой мысли. Видно, память о нем глубже запала в сердце, чем я сама думала...» (там же). И в то же время любовная нить связывала ее с третьим Пушкиным — с самим С. Л., который влюбился в нее в 1838 г., и только в 1845 г. эта поздняя страсть наконец в нем угасла. В 1841 г. О. С. была в Петербурге и лично убедилась в отношении отца к М. И. 13 янв. она писала мужу: «Отец

Петербург. Дом Дмитриева в Б. Казачьем пер.
Фотогр. 1899.

мой влюбился в Маш[у] Осипову, говорят, он делает ей предложение, но она только насмеялась в ответ» (*Псв.* XXIII—XXIV. См. также ее письмо от 8 марта). В 1843 г. появился новый мотив: С. Л. параллельно увлекся Е. Е. Керн. Тут встретилась Н. Н. Пушкина-Ланская. М. И. писала А. Н. Вульф 15 окт. 1843 г.: «Нат[алья] Ник[олаевна] уговаривает меня выйти за Сергея Льв[овича] говоря, что не хочет Кат[рин] Керн в belle mène. Я успокоила ее на этот счет тем, что старый селадон возвратился совершенно ко мне» (*Псв.* XIX. С. 115). К 1844 г. роман С. Л. с Е. Е. Керн, видимо, пошел на лад, и хоть это как будто и освобождало М. И., но она явно раздражена. «Сдается мне, что Кат[рин] Керн вовсе непрочь выйти за С. Л.,— писала она Е. Н. Вревской 7 янв. 1844 г.— Она всерьез за ним ухаживает, и чуть только он оказывает мне больше внимания, она усиливает свои любезности. Для Леона это было бы настоящим сюрпризом. Как бы он побледнел от бешенства» (*Псв.* XXI—XXII. С. 410). В библиотеке Тригорского сохранился подарок С. Л.— «Сто русских литераторов» (СПб., 1839) с надписью: «Марье Ив. Осиповой смиренно подносит Пушкин» (Модзалевский Б. Л. Каталог библиотеки села Тригорского//*Псв.* I. С. 39). С. Л. посвятил ей шесть

стихотворений (Семевский М. К биографии Пушкина//*ПВ.* 1869. XI. С. 87). К среднему возрасту, в 1861 г., став владелицей Тригорского и занявшись хозяйством, М. И. сделалась крепостницей (письма ее к псковскому губернатору с просьбами усмирить тригорских крестьян — *Псв.* I). Рассказы О. о Пушкине напечатаны М. И. Семевским в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1866. № 163).

² Речь идет о квартире в доме Дмитриевых в Большом Казачьем переулке, где поселилась О. С. 14 или 15 сентября 1829 г., так как 13-го она пишет еще из Ораниенбаума, а 15-го — уже из Петербурга. Теперь можно с полной определенностью сказать, что она приехала туда вовсе не сразу после свадьбы, как писал ее сын Л. Н. Павлищев, чем ввел позднейших исследователей в ряд последовательных ошибок относительно места жительства Павлищевых и смерти няни Арины Родионовны.— *Прим. В. С.*

³ Демута гостиница на Мойке, д. 40,— «старейшая в Петербурге гостиница, известная еще в начале царствования Екатерины II и просуществовавшая больше ста лет...» (Широкий В. Ф. Пушкин в Петербурге. Л., 1937. С. 96). О Демутовой гостинице см.: *Письма.* III. С. 265.

⁴ См. письмо 17.

20 Надежда Осиповна:

1 сего Октября [1829 г. Тригорское]

Тороплюсь, мой добрый друг, послать тебе список еще с одного письма Александра, которое мы получили вчера¹. Как мне не терпится уехать отсюда, я думаю, твои братья скоро будут в Петербурге². Я так буду счастлива обнять вас всех троих зараз, дорогие мои дети! Полагаюя на милость Господа, Он возвратит тебе здоровье. Г-жа Шушерина, которая провела у нас вчерашний день, дала мне те цветы, но очень немного, я думаю, ты сможешь найти их в Петербурге. Я привезу тебе еще одно лекарство, оно тебе поможет; я в этом уверена. Я в восторге, что ты хочешь, чтоб я тебя лечила, я не дам тебе ничего, что могло бы повредить. Мне очень хочется покинуть Т р и г о р с к о е, погода отвратительна, дороги так испорчены, что одна дама, возвращаясь из Петербурга, несколько дней назад завязла в Долговке³. Не знаю какую мы выберем дорогу, я дрожу заранее и, однако, с живейшим нетерпением жду минуты отъезда. Я получила два твои письма из Петербурга, я никогда не упустила случая ответить тебе тотчас же, мой добрый друг, дабы не доставить тебе ни мгновенья беспокойства. Прощай, целую тебя от всего сердца, да защитит тебя Небо.

Сергей Львович:

Я очень хотел бы, дорогая Олинька, чтоб это было последнее наше письмо, но не надеюсь на это.— Нужно, чтобы г-н У с о л ь ц о в поскорее выслал мне денег на дорогу, без этого мы не сможем двинуться отсюда, и признаюсь тебе,

что Тригорское мне становится невыносимо.— Очень хотел бы оказаться в Петербурге, дабы мы вместе могли ожидать возвращения твоих братьев.— Прощай! Целую тебя.

Врс., с. 775.

¹ Письмо Пушкина к родителям не сохранилось.

² Пушкин вернулся в Петербург около 10 ноября, Л. С.— в конце 1829-го или начале 1830 г.

³ Долговка — станция в Петербургской губ. по Белорусскому тракту, в 116 верстах от Петербурга (РА. 1903. IX. С. 121). На станции Д. всегда обедал Александр I, потом отправлялся на ночлег в деревню Романшино, в 10 верстах

от Луги, — имение бывшего морского министра маркиза И. И. Траверсе (Тарасов Д. К. Император Александр I. Пг., 1915. С. 119 и 152). [Со станцией Д. связано судебное дело 1821 г., рассматривавшееся в Лужском уездном суде о взыскании с Н. О. Пушкиной долга ее отца О. А. Ганнибала в сумме 1551 р. 96¹/₂ к. долговским крестьянам за содержание лошадей.— *Прим. В. С.*]

1830

июль

Зиму 1830 г. Н. О. и С. Л. Пушкины, как и чета Павлищевых, провели в Петербурге, и старики Пушкины были в разлуке с дочерью меньше месяца — поэтому писем за этот год всего три. О. С. жила с Н. И. Павлищевым, но в их отношениях было что-то неладное. А. Н. Вульф (со слов А. П. Керн) записал 10 февр. 1830 г. в своем дневнике: «Слышу, Ольга Серг[еевна] разъехалась со своим мужем» (*Псв.* XXI—XXII. С. 14). На основании этой записи Н. О. Лернер сделал вывод, будто О. С. «вернулась в дом родителей и стала жить с ними, зимой в Петербурге, летом в Михайловском» (*Лернер. Рассказы.* С. 21). Это утверждение опровергается словами С. Л. в поздравительном письме к Пушкину от 16 апр. 1830 г. по поводу его помолвки с Н. Н. Гончаровой: «Олинька оказалась у нас в ту минуту, как письмо твое было нам передано» (XIV, 79). Следовательно — с ними не жила, хотя с мужем, может быть, и был разлад. Л. Н. Павлищев тоже ничего не говорит о том, что О. С. жила с родителями, и объясняет лишь причину ее отъезда в Михайловское: «Мать моя опасалась подобно мужу денежных долгов хуже огня; а потому весной того же года решилась <...> заявить Сергею Львовичу, что коль скоро он не может облегчить положения ее и зятя, то дозволил бы ей провести лето в Михайловском. Дед согласился, и в июне Ольга Сергеевна туда уехала» (*Павлищев.* С. 216). «До начала октября мать оставалась в Михайловском. Отец мой не выезжал из Петербурга. Будучи назначен начальником библиотеки Азиатского департамента, он имел тогда полную возможность изучать греческий и восточные языки, все еще в надежде получить консульское место в Афинах...» (там же. С. 226). Л. С. Пушкин, получив 14 декабря 1829 г. отпуск с Кавказа (*Письма.* II. С. 475), вернулся в Петербург в конце декабря 1829 г. или начале 1830 г. 20 июля 1830 г. он поехал обратно к полку. Пушкин в апреле 1830 г. вторично делал предложение Н. Н. Гончаровой — и предложение было принято. Помолвка состоялась 6 мая. 19 июля, когда старики Пушкины отправили дочери первое письмо в Михайловское, Пушкин приехал в Петербург. В начале августа он на два дня съездил в Михайловское;

10 августа выехал в Москву; 31-го (похоронив дядю, В. Л. Пушкина, и рассорившись с будущей тещей) отправился в Болдино, где холерные карантинные задержали его до декабря. Это была первая Болдинская осень, когда им были написаны тридцать стихотворений, маленькие трагедии, «Повести Белкина» и VIII глава «Евгения Онегина». 5 декабря 1830 г. Пушкин возвратился в Москву.

21 Надежда Осиповна:

С. Петербург 19 сего Июля 1830

Надеюсь, мой добрый друг, что ты счастливо доехала до Михайловского; на другой день после твоего отъезда мы имели о тебе весть от Извозчика, который вез тебя до Гатчины¹. Погода довольно хороша, не считая ветра, который прекратился только сегодня. Вчера приехала г-жа Малиновская², Александра еще здесь нет, она говорит, что он в больших хлопотах, что ожидать его надо всякую минуту, он должен был выехать после отъезда г-жи Гончаровой³ в Ростов. Леон отправляется завтра утром, мы едем проводить его до Царского Села⁴, где находится сейчас Алексей Федорович⁵. Я почти каждый день выдаю М-ль Неймиц, я была с нею у Трубецких. Вчера у нас обедала г-жа Вейдемейер⁶, а также Анна Ивановна⁷ и Анна Петровна Малиновская с дочерью и один офицер полка Леона, которого он очень любит. Я пишу тебе только несколько слов, сейчас 9 часов утра, и мы идем бегать по лавкам с Малиновскими, которые завладели мной на весь день. Свадьба твоего брата, как ты и говорила, совершится только в сентябре месяце⁸, итак я надеюсь в скором времени обнять тебя, как делаю это сейчас мысленно. Тысячу любезностей вашим дорогим соседкам⁹. Будь здорова, да благословит тебя Бог и да возвратит тебе хорошее самочувствие¹⁰; не имею времени сказать тебе больше. Прощай. Твои мебели у нас с понедельника.

Н. О. Пушкина.
Миниатюра Ксавье де Местра.
1810-е гг.

Сергей Львович:

Ты и не подозреваешь, дорогая Олинька, что я видел, как ты уезжала — я поджидал тебя на церковном дворе. Через день, а не на другой, как говорит твоя Мама, мы случайно имели о тебе известие. Прокоп¹¹ встретил Извозчи-

ка, который довез тебя до Гатчины, но ты, наверное, очень была утомлена.— Думаю, что в Михайловское ты могла приехать лишь вчера, в пятницу. Мы ждем от тебя вестей с величайшим нетерпением. Расскажи нам и о наших добрых соседках. Ты ли поднялась в Тригорское при своем проезде, или эти Барышни сошли повидать тебя? Я очень рассчитываю на их дружбу, на то, что они часто будут приходить развлекать твое одиночество. Прошу тебя, когда будешь гулять по саду, принимай насупротив Архипа¹² вид строгой хозяйки (ежели увидишь к тому повод) и наказывай ему, чтоб он заботился о дорожке и цветах. Я очень буду счастлив, когда окажусь там с тобой. Прощай, дорогая Олинька!.. Благословенья Неба да сопутствуют тебе везде. Надеюсь, воздух и покой тебе будут благоприятны.— Почтение мое Тригорскому, то есть его обитателям. Целую тебя очень нежно. Леон уезжает завтра. Прощай. Покойно ли тебе? Все ли у тебя есть, что тебе нужно?

Врс., с. 775.

¹ Гатчина — городок Царскосельского уезда, в 42 верстах от Петербурга.

² Малиновская А. П.

³ Гончарова Наталья Ивановна (22 X 1785 — 2 VII 1848) — будущая теща Пушкина. [Ее родители — генерал-лейтенант И. А. Загряжский и Эуфрозина Ульрика Липхарт (1761—1791), дочь богатого помещика русского ротмистра Карла Липхарта и Маргарет фон Витингофф, в первом браке за бароном Морисом фон Поссе. От этого брака была дочь Жаннет. Супруги развелись 28 января 1782 г. И. А. Загряжский при законной супруге привез из Дерпта Ульрику фон Поссе.— *Прим. В. С.*] С 1807 г.— жена Н. А. Гончарова (20 X 1788 — 8 IX 1861, *МН*). См.: Ободовская И. М., Дементьев М. А. Пушкин в Яропольце. М., 1989. С. 30. О Г. см.: *Рассказы о Пушкине*. С. 62. Бутенев А. И. Воспоминания//*РА*. 1881. Кн. 3. № 5. С. 36 и далее; Комаровский Е. Ф. Записки. СПб., 1914. Ред. П. Е. Шеголева. Б-ка мемуаров изд. «Огни». С. 60; *Письма*. II. С. 337. Пушкин приехал в Петербург до отъезда Г. в Ростов (XIV, 103).

⁴ Л. С. после отпуска возвращалась к полку.

⁵ Малиновский А. Ф. гостил у брата, Павла Федоровича, на его даче Белозерке между Царским Селом и Павловском.

⁶ Вейдемейер Татьяна Семеновна (около 1792 г.— 26 IX 1868, *ПН*), урожд. княжна Херхеулидзева, дочь князя Семена Захаровича Херхеулидзева, участника турецких войн при Екатерине II (см. о нем письмо князя П. Д. Цицианова В. Н. Зинovieву 20 окт. 1786 г.// *РА*. 1872. II. С. 1256), сестра керченского градоначальника князя З. С. Херхеулидзева, фрейлины княжны К. С. Херхеулидзевой и А. С. Мордвиновой (см. письмо 33, прим. 12). Была замужем за действительным статским советником В. И. Вейдемейером (1785—24 III 1828), братом дипломата и историка А. И. Вейдемейера, автора труда «Двор и замечательные люди в России» (СПб., 1846). В., даровитый и образованный человек, была в дружбе с князем Вяземским, Жуковским, Козловым, А. И. Тургеневым, Жихаревым и другими литераторами, и имя ее постоянно мелькает в их письмах. А. Ф. Воейков в своей сатире «Дом сумасшедших» нарисовал такой портрет В.:

Вот Темира: вкруг разбросан
Перьев пук, тряпич, газет...
Ангел дьяволом причесан
И чертовойкою одет.
Карлица и великанша,
Смесь с юродством красоты,
По талантам — генеральша,
По причудам — прачка ты!

Дружба О. С. с В., несмотря на несходство характеров, продолжалась всю жизнь (В. пережила О. С. на четыре месяца). В 1864 г. О. С., тогда уже полуслепая старушка, написала ироническое стихотворение «Утешительница», в котором изобразила В.:

...соседка дородная,
На ней душегрейка алая, модная.
Хоть стара, да румяна, бела, черноброва,
Сурмится, румянится всякий день снова.

(Павлищев. С. 77)

Несколько строк из письма О. С. к сыну от 7 ноября 1866 г. добавляют лишнюю черточку к облику В.: «В среду у меня были гости (...) Г-жа Вейдемейер посидела до середины нашего обеда, потому что она собралась в другое место; это не мешало ей положить несколько жирных пирожков в карман, где она держит табакерку,— это такая же магия, как и всякая другая» (*ЛД*, ф. 221, оп. 2, № 6). В Записной книжке Н. И. Павлищева (*ЛД*) сохранился адрес В. 1843 г.: она жила в Таврическом дворце со своей сестрой, фрейлиной К. Херхеулидзевой. О В. см.: *ОА*. Т. III. С. 554, прим.; Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. Т. V. СПб., 1887. С. 268; Голицын Н. Н. Библиографический словарь русских писательниц// *РС*. 1874. IX. С. 597, 605; *РС*. 1901. VII. С. 105; *РА*. 1867. С. 831; *РА*. 1886. I. С. 182; *РВ*. 1871. № 12. С. 201; Соловьев Н. В. История одной жизни. Пг., 1915—1916. По указ.

⁷ Рудольф Анна Ивановна, старая девушка, в эти годы компаньонка знакомой Пушкиных А. Д. Кушедевой. Если наше предположение верно и Р. действительно, как мы думаем, дочь доктора медицины Иоганна Рудольфа (Чистович Я. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883 С. ССLXXXV—CLXXXVI; *ЛД*, *КМ*), то появление ее у Пушкиных объяс-

няется просто: в 1776 г. И. Рудольф был лекарем в Туле, где в 80-х гг. XVII в. был губернатором князь А. Н. Оболенский, женатый на А. Е. Кашкиной (Бологов А. Т. Записки. СПб., 1873. Т. III. С. 611 и 629), а с семьями Оболенских и Кашкиных (старым и новым поколением) Пушкины были очень близки. Р. молодой девушкой могла появляться у Кашкиных, пользоваться их покровительством и через них войти в дом Пушкиных. Не была ли она у них гувернанткой? Если да, то раскрывается инициал «Ан Ив.» перечня наставников поэта в «Программе автобиографии Пушкина»: «Монфор — Русло — Кат. П. и Ан. Ив.» (XII, 308). В 1831 г. Р. поселилась у Пушкиных (вновь?). О. С. писала из Петербурга мужу 6 окт. 1831 г.: «В качестве новости скажу вам, что М-ль Рудольф живет у нас. Она ушла от вашей г-жи Кушелевой, которая больше не нуждается в ее обществе...» (*Псв.* XV. С. 95); и 23 окт. 1831 г.: «Я говорила вам (...) о переезде М-ль Рудольф к моим родителям» (там же. С. 102). Чем, как не старой домашней связью, может объясняться переселение к Пушкиным чьей-то компаньонки? О. С. записала словечки Р.: «Что бишь я тебе говорила, как говорила М-ль Рудольф...» (письмо к мужу 18 янв. 1836 г. из Петербурга // *Псв.* XXIII — XXIV. С. 205.). Р. была жива в 1843 г., но переселилась в Москву: Н. И. Павлищев пометил в своей записной книжке ее адрес: «На Лубянке, в д. Шиловского, в пансионе Шрейера» (*ПД.*)

⁸ Свадьба Пушкина состоялась 18 февраля 1831 г. в Москве, в церкви Вознесенья на Никитской.

⁹ П. А. Осиповой и ее дочерям.

¹⁰ П. А. Вяземский писал жене 23 мая 1830 г.: «Сегодня обедал я у новорожденного Серг[ея] Льв[овича] и в первый раз с приезда видел Ольгу Серг[еевну]. Она все уверяет и что всего уверена (sic!) в болезни своей, а между тем здорова» (*Звенья.* IV. С. 255).

¹¹ Проккоп: «По росписи церкви погоста Вороничи, Воскресенской церкви, Опочечского уезда, священника Ил[ариона] Евдокимова с причтом за 1825 г. значатся в числе 240 дворов (...) помещицы Над. Осиповой жены Пушкиной, сельца Михайл. дворовые люди (...) Прокопий Терентьев 29 лет, жена его Параскева Кириллова 27 лет...» (*Смиречанский.* С. 15).

¹² Архип — садовник в Михайловском. «По росписи церкви погоста Вороничи, (...) значатся в числе 240 дворов (...) помещицы Над. Осиповой жены Пушкиной, сельца Михайл. дворовые люди (...) Архип Кириллов 43 лет, жена его Аграфена 43 лет...» (*Смиречанский.* С. 15). Пушкин, проживая в Михайловском и прогнав эконому Розу Григ[орьевну], сообщает Л. С. Пушкину в конце февраля: «Я нарядил комитет, составленный из Василья, Архипа и старосты» (XIII, 146); упоминает он Архипа и в письме к П. А. Осиповой от начала янв. 1832 г. из Петербурга (XV, 1). Об Архипе Кириллове см. также письма Н. И. Павлищева Пушкину от 27 июня и 21 авг. 1836 г. из Михайловского (XVI, 130 и 155). В 1837 г., 29 янв., Н. И. Павлищев писал старосте Михайловского Петру Павлову: «Архипу скажи, что мне неизвестно, где сын его Александр; знаю только, что по освобождению от суда велено возвратит господам; вероятно, пришлют в Михайловское» (черновик — *ПД.* ф. 244, оп. 20, № 86).

22 Надежда Осиповна:

Петербург 22 сего Июля 1830.

Надеюсь, мой добрый друг, что ты счастливо приехала в деревню и уже оправилась от усталости дорожной; с нетерпением жду от тебя вестей из Пскова. Александр наконец с нами — с того самого дня, как я писала тебе первое мое письмо; он приехал спустя несколько часов, как оно тебе было отослано¹. Проведя день все вместе, мы распрощались с Леоном, он уехал в воскресенье, мы проводили его до Ц а р с к о г о С е л а, воротились мы этой ночью и начинаем приготавливаться к отъезду, мне не терпится тебя обнять. Свадьба состоится не ранее сентября месяца, я почти не имела времени поговорить об этом с Александром, к обеду у нас были гости², днем я должна была выйти с г-жой Малиновской³, а вечером он пошел к себе отдохнуть. Он очарован своей Натали и говорит о ней как о Божестве⁴. Он думает приехать с ней в Петербург в октябре месяце. Он очень рад, что ты в деревне, он надеется, что это принесет тебе много пользы и что воздух М и х а й л о в с к о г о рассеет твои черные мысли. Вообрази, он совершил этим летом сентиментальное путешествие в З а х а р о в о, совершенно один, единственно чтобы увидеть место, где он провел несколько лет

своего детства⁵. Он рассказывал мне об имени⁶ старого Гончарова⁷, которое великолепно; он дал Натали триста Крестьян в Нижнем, а ее мать двести в Ерапельцах⁸. Малиновские отзываются как нельзя лучше обо всем семействе Гончаровых, и о Натали говорят как об Ангеле. Скажи это П^расковье

Егор Федорович Комаровский.
Акварель В. Гау. 1840-е гг.

Александровне⁹, я уверена в ее участии. Сегодня я ей не пишу, надеюсь скоро ее увидеть. Прощай, дорогая Ольга, мне тебя здесь недостает, поеду обрести тебя в Михайловском. Трубецкие и Талызины вручают тебе твоей памяти, Татьяна¹⁰ хочет тебе писать. Агриппина уедет точно 31-го, ибо на Пироскафе уже взято место¹¹, Княгиня¹² без нее долго не останется, Мансуров¹³ сегодня возвращается из Москвы. На днях были у меня Ивеличи¹⁴ и говорят тебе тысячу милых вещей, как и Татьяна Семеновна¹⁵, которая у нас обедала. Идя к нам, она упала на улице; был страшный ветер, пыль мешала ей видеть, она оступилась и сильно расшибла себе грудь¹⁶; прежде чем запечатать письмо, я пошлю к ней справиться об ее здоровье. Комаровские¹⁷ на шесть недель уехали в деревню повидаться с Графиней Матерью, Алексей¹⁸ в Москве пьет воды¹⁹, и бедная г-жа Веневитинова²⁰ одна-одинешенька в этом большом доме²¹. Однако замечая, что письмо это похоже на письма Василия Львовича²², оно

полно новостей, которые тебя, быть может, интересуют не больше, чем его новости. Кончаю, говоря тебе, что Анна Ивановна²³, Варвара Яковлевна²⁴ и дочь ее свидетельствуют тебе свое почтение. Поклоны, приветы нашим любезным соседкам, которых надеюсь увидеть вскоре. Леон поручил очень нежно тебя поцеловать; он находит, что Татьяна Семеновна упала потому, что она ходит как покойный князь Волконский²⁵ (он ей это сказал); потом он нашел в ней большое сходство с котом, она ему сказала — фи, ненавижу котов; что ж с того, возразил он ей, я их тоже ненавижу. Анна Ивановна хохотала до слез. Прощанье его с Эрмини²⁶ было очень нежно. Александр не хочет к ней идти.

Сего 23-го

Мне не хотелось запечатывать письмо, пока не получу твоего, мой добрый друг, но, по-видимому, буду иметь это удовольствие лишь сегодня вечером или завтра утром. Вчера я посылала к г-же Вейдемейер, ее не было дома, это доказывает, что падение ее не имело досадных последствий. Будь здорова, дорогая Ольга, иду делать покупки для Деревни, и, если Богу угодно, мы уедем чрез несколько дней. Надеюсь, погода у вас так же хороша, как здесь. Это принесет тебе пользу.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька, мне груду писем надо написать и груду дел закончить, но, прежде всего, хочу поцеловать тебя от всего сердца и, Бог даст, получить добрые

вести о твоём путешествии. Как-то ты его совершила? Надеюсь вскоре предпринять наше. — Александр приехал в субботу. Он нашел меня сидящим на скамье на Невской Перспективе близ Библиотеки. — Он только что сошел с коляски и пешком направлялся к нам. — И вот мы, обнимаясь, жестикулируя, беседуя, рука об руку идем к нам. — Мама, воротившись домой, очень была удивлена, вдруг его увидав. — Леон уехал в воскресенье. — Обо всем этом ты прочтешь или уже прочла в письме Мама. — Андрей Малин [овский]²⁷ помешан в точном смысле слова, а, по мне, помешан так, что его связать надо. — Мое почтение Праксковь Александровне и всем барышням. — От всего сердца желаю увидеть их всех в Тригорском. Это сушая правда.

Врс., с. 776.

Изм., с. 178*.

¹ Пушкин выехал из Москвы 16 июля 1830 г., приехал в Петербург 19 июля.

² «Из очень хороших женщин, — писал Пушкин Н. Н. Гончаровой 20 июля 1830 г., — я видел лишь только м-м и м-ль Малиновских, с которыми, к удивлению своему, неожиданно вчера обедал» (XIV, 102). По словам П. И. Бартенева, Е. А. Малиновская обладала «наружностью крайне невзрачной» (РА. 1908. III. С. 295).

³ Малиновская А. П.

⁴ «Пушкин все здесь, — писал М. П. Погодин С. П. Шевыреву 29 апр. 1830 г., — он прикован, очарован и огончарован, как говорит» (РА. 1882. VI. С. 145). А. П. Керн отметила в своих «Воспоминаниях»: «...незадолго до женитьбы Пушкина Софья Михайловна Дельвиг писала мне с дачи в город: «Леон уехал вчера (он приезжал тогда с Кавказа), Александр Сергеевич приехал вчера. Говорят, он влюблен более чем когда-либо, однако он почти не говорит с ней...» Действительно, в этот период, перед женитьбой своею, Пушкин казался совсем другим человеком. Он был серьезен, важен, молчалив...» (Майков. С. 262).

⁵ Захарово, или Захарьино. «На 38 в. от Москвы, по Смоленской дороге, есть поворот от села Вязем, направо, в с-цо Захарово» Берг Н. В. Сельцо Захарово // Московитянин. 1851. № 9 и 10). В 1806 г. бабушка Пушкина М. А. Ганнибал, продав Кобрину, купила сельцо Захарово (Пушкин А. Ю. Для биографии Пушкина // Московитянин. 1852. № 24). «Пушкины постоянно жили в Москве, но на лето уезжали в деревню Захарьино, верстах в сорока от Москвы (...) Здесь Пушкин проводил первое свое детство, до 1811 года. Старый дом, где они жили, срыт; уцелел флигель. Местоположение хорошее (...) В сельце до сих пор живет женщина Марья, дочь знаменитой няни Пушкина, выданная за здешнего крестьянина. Эта Марья с особенным чувством вспоминает о Пушкине, рассказывает о его до-

бrote, о подарках ей, когда она прихаживала к нему в Москву, и, между прочим, об одном замечательном обстоятельстве: пред женитьбой Пушкин приехал в деревню (которая уже была перепродана) на тройке, быстро обежал всю местность и, кончив, заметил Марью, что все теперь здесь идет не по-прежнему. Ему, может быть, хотелось возобновить пред решительным делом жизни впечатления детства. Более следов Пушкина нет в Захарьино. Деревня эта не имеет церкви, и жители ходят в село Вяземы, в двух верстах; здесь положен брат Пушкина (Николай), родившийся 1801 года, умерший в 1807 году. Пушкин ездил сюда к обедне. Село Вяземы принадлежало Годунову; там доселе пруды, ему приписываемые; старая церковь тоже с воспоминаниями о Годунове...» (Воспоминания Шевырева о Пушкине // Майков. С. 324). А вот что теперь осталось от Захарова: «Прошло с тех пор почти целый век с четвертью, и многое изменилось в Захаровском имении — нет прежних построек, где жили Пушкины, нет сада и даже заросло и обмелело «зерцало вод» — речка Захаровка, заросла и прежняя дорога, по которой въезжали в имение; только избы в Захарове все такие же, как были при юности Пушкина, — трехконные, крытые соломой или осиновой дранкой (...) Сохранились остатки старого, теперь запущенного парка (...) Больше ничего не осталось (...) По бокам въезда теперь доживают век только покрытые мохом березы да седые ели, — и больше никаких следов нет о пребывании Пушкина в этих местах (Белоусов И. Писательские гнезда. М., 1930. С. 113). О Захарове см. лицейское «Послание к Юдину» (1815). Пушкин побывал в Захарове в июле (до 15-го) 1830 г.

⁶ Имение Полотняный Завод Калужской губернии Медынского уезда, в 30-ти верстах от Калуги.

⁷ Гончаров Афанасий Николаевич (около 1760 г. — 8 IX 1832 г.) — дед Н. Н. Гончаровой, женат на Н. П. Мусиной-Пушкиной (1765—

* Измайлов Н. В. Пушкин и Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. 1827—1832. Л., 1927.

1835). У Г. были имения в уездах: Нижегородском, Зарайском, Рязанском, Можайском, Медынском (*Письма*. II. С. 425). Н. Н. Гончаровой в приданое «назначена была часть села Катунки, Балахнинского у., Нижегородской губернии, — а именно дер. Верхняя Полянка с 280 душами крестьян» (*Письма*. II. С. 437). Между 20 и 30 июля 1830 г. Пушкин писал невесте: «На этих днях отец по моей просьбе написал Афанасию Николаевичу» (XIV, 103). С. Л. и Н. О. написали Г. 20 июля, на следующий же день после приезда сына (*РА*. 1881. II. С. 502). Письма Пушкина Г. см.: XIV. По указ. О Г. см.: Комаровский Е. Ф. Записки. СПб., 1914. С. 60, 120; *Рассказы о Пушкине*. С. 138. Об отце Г., Н. А. Гончарове, см. «Записки» Державина.

⁸ ... в Ерапольцах — село Ярополец (Ярополье) Волоколамского уезда Московской губ. в 1684 г. было пожаловано прапрадеду Н. Н. Гончаровой — П. Д. Дорошенко, бывшему гетману Правобережной Украины. Впоследствии по наследству оно досталось И. А. Загряжскому — отцу Н. И. Гончаровой, она получила Ярополец при разделе с сестрами в 1823 г.

⁹ Осиповой П. А.

¹⁰ Талызины — дети тайного советника, сенатора Дмитрия Михайловича Талызина (р. 1760) и Екатерины Ивановны, в первом браке Мордвиновой (1766—1820, *Руммель*. II. С. 468); пасынки П. А. Мансурова, женившегося на их матери: Иван (1799—14 V 1844), действительный статский советник, оренбургский гражданский губернатор (Памятная книжка на 1841 г. С. 290 и *РА*. 1879. III. С. 261); Татьяна (ум. 3 IV 1857, *ПН*), за англичанином фон-Фьюсоном (см.: *Павлицев; Руммель*); Анна, жившая в монастырях (см.: *Руммель*); Прасковья (ум. 5 IV 1864, *ПН*) и Наталья (ум. 12 III 1845, *ПрН*). О сестрах Талызиных см. письма О. С. мужу за 1841 г. (*Псв*. XXIII — XXIV. С. 201 и др.). В записной книжке Н. И. Павлицева 1843 г. помечен петербургский адрес Талызиных — «У Знамения, в доме Марлевича» (*ЛД*).

¹¹ А. И. Мансурова. Уезжала в Берлин с мужем А. П. Мансуровым, назначенным туда на должность военного атташе при русском посольстве. «Мансуров с первым пароходом отправляется через Любек в Берлин», — сообщал К. Я. Булгаков брату 28 июля 1830 г. (*РА*. 1903. XI. С. 417).

¹² Трубецкая Е. А.

¹³ Мансуров П. А.

¹⁴ Ивеличи — имеются в виду графиня Надежда Алексеевна, урожд. Турчанинова (1778—24 I 1850, *ПН*), вдова сенатора, генерал-лейтенанта, графа Марка Константиновича Ивелича (1741 — Бокко ди Катаро — 4 XII 1825, *ПН*) и их дети: Николай (ум. 11 VIII 1875, *ПН*); Константин (13. IX 1799 — 3 III 1837), полковник, состоявший в свите Николая I, в 1834 г. — командир Апшеронского полка, убитый на Кавказе горцами (*Псв*. XII. С. 114), женат на Александре Петровне Языковой (24 IV 1796—11 V 1864, *ПН*), сестре директора Училища правоведения

А. П. Языкова; графиня Александра (14 IX 1796—13 X 1846), замужем за полковником С. П. Языковым, братом директора Училища правоведения (письма О. С. и Н. И. Павлицевых 1841—1850 гг. — *ПД*, ф. 244, оп. 20, № 94); графиня Екатерина Марковна (5 VII 1795—7 V 1838, *ПН*) — приятельница О. С., А. П. Керн, С. М. Дельвиг, А. О. Мусиной-Пушкиной (см. письмо 56, прим. 9). Отец Ивеличей, Марк Константинович был выходяец из Черногории, в русскую службу вступил в 1771 г. (*ПН*). Настоящая его фамилия была, как утверждает П. В. Долгоруков, «Графивелич», которую он разделил на две части, и так получился его графский титул (Долгоруков П. В., кн. Русская родословная книга. СПб., 1854—1857. Ч. 1—4). О М. К. Ивеличе см.: Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. IV. С. 31; *РА*. 1866. С. 1378; Инструкции генерал-поручику Заборовскому; Маевский Н. С. Семейные воспоминания//*ИВ*. 1881. X. С. 332; *Затворницкий*. По указ. И. в 1843 г. жили «в Мошковом пер. около Большой Конюшенной» (Записная книжка Павлицева. *ПД*). [Ивеличи состояли с Пушкиными в родстве через Турчаниновых. — *Прим. В. С.*]

¹⁰ Вейдемейер Т. С.

¹⁶ О страшной пыли на петербургских улицах того времени рассказывает и К. Я. Булгаков в письме к брату от 10 мая 1829 г.: «Вчера был я у Меншикова и шел оттуда, такая поднялась пыль, что я принужден был зайти к м-м Розье и купить очки, какие в дороге употребляются, но все-таки глаза болят» (*РА*. 1903. X. С. 333).

¹⁷ Комаровские — имеются в виду Комаровский Егор Евграфович, граф (28 V 1803—1875) и его жена Софья Владимировна Веневитинова (18 VIII 1808—13 VII 1877), сестра поэта Д. В. Веневитинова. Свадьба их состоялась 9 февр. 1830 г.: «Я из Городища ездил в Москву, чтобы стать свидетелем сего счастливого для семейства и потомства моего события. Мы уже испытываем плоды сего события тем, что приобрели премилую и прелюбезную для нас невестку», — писал отец Е. Е., граф Е. Ф. Комаровский, в своих «Записках» (СПб., 1914. С. 259). Е. Е., живя в Москве, сблизился со славянофилами. «Многие из них, как-то Киреевские, Хомяков, были близкими ему друзьями», — пишет в своих «Записках» его сын, граф Н. Е. Комаровский (М., 1912. С. 13). М. Головин в воспоминаниях, относящихся к 1850-м гг., так характеризует Е. Е.: «Комаровский, Ег[ор] Ев[графович], когда-то воспитывался в иезуитском коллегииуме и сохранил нетронутую с юных лет какую-то премилую смесь чисто теоретического славянофильства с французской культурой XVIII в. По-русски он не знал почти совсем...» (Головин М. Мои воспоминания. Т. 1. С. 65). Другой современник К., князь В. П. Мещерский, сообщает: «Я (...) никогда не встречал подобного ему образованного и начитанного человека. Своим образованием он воспользовался, чтобы лично воспитать и обучить всех своих детей (...) и в то же время он успевал, как цензор иностранной печати, прочитывать массу книг, и,

невзирая на старость, он все читал с увлечением юноши, и отчетливо помнил все то многое и разнообразное, что читал» (Мещерский В. П., кн. Мои воспоминания. СПб., 1897. Ч. 1. С. 323). По свидетельству Л. Н. Павлищева, Е. Е. был шурином С. Д. Комовского — товарища Пушкина по Лицею (Павлищев. С. 72). С Пушкиными К. были в свойстве через Веневитиновых. К. постоянно бывали у О. С. в 40-х, 50-х и 60-х годах, и она ездила к ним с сыном на их дачу на Охте, где у них была суконная фабрика (письма О. С. к мужу — ПД, ф. 221, оп. 2, № 6). Письмо, написанное К. и А. Н. Веневитиновой С. Л. Пушкину 8 апр. 1837 г. с подробностями о кончине Пушкина, см.: Псв. VIII. С. 66. Рассказ К. о его разговоре с Пушкиным о польских делах см.: РА. 1879. С. 385. О К. см.: РА. 1896. VII. С. 408; письма его к поэту И. И. Козлову — РА. 1886. I. С. 310; к И. В. Киреевскому — РА. 1896. III. С. 464; статья его «Крымское поручение» — ИВ. 1900. X. С. 136. Графиня мать — Комаровская Елизавета Егоровна, урожд. Цурикова (ум. 15 XII 1847), статс-дама, мать Е. Е. Комаровского и жена графа Евграфа Федотовича Комаровского (1769—13 X 1843). В сватовстве ее в 1802 г. за Е. Ф. Комаровского принимал участие дед Н. Н. Гончаровой — А. Н. Гончаров (Комаровский Е. Ф. Записки. СПб., 1914. С. 19, 120). Граф Е. Ф. Комаровский «премудрый», как называли его современники, «царедворец и служилый человек», в молодости офицер Измайловского полка, принимал участие в Итальянских походах Суворова; в 1801-м был генерал-адъютантом Александра I, в 1802-м — начальником петербургской полиции. Приезжавший в Петербург в 1803 г. австрийский эрцгерцог-палатин, к свите которого Е. Ф. был приставлен, пожаловал ему титул «графа Священной Римской империи». В 1816 г. Е. Ф. произведен в генерал-лейтенанты, в 1825 г. участвовал в подавлении восстания декабристов. Е. Ф. был знаком с Карамзиным (ОА. Т. 1. С. 650), бывал в доме отца Герцена, И. А. Яковлева (Пассек Т. П. Из дальних лет. М., 1963. Т. 1. С. 217, 231). Об Е. Ф. см.: Волконский С. Г. Записки декабриста. СПб., 1902. С. 151. 448; Бутурлин. 1897. Кн. 2. № 6. С. 199; Барсуков. Кн. 1. С. 325; Затворницкий. По указ.; Русские портреты. Т. 1. № 164 и 103.

¹⁸ Комаровский Алексей Евграфович, граф (ум. 20-II 1895, МН) — брат Е. Е. Комаровского.

¹⁹ Заведение искусственных минеральных вод Ю.-Х. Лодера (немецкого профессора-методика, друга Гёте и Гумбольдта) находилось в Москве на Остоженке. «Надобно сознаться, что все устроено прекрасно, по-моему, лучше, нежели в Карлсбаде, — писал 9 июня 1828 г. А. Я. Булгаков брату, — есть комнаты в доме, галерея с защитой от солнца и дождя, род террасы и, кроме того, обширный сад» (РА. 1901. X. С. 161). О московских минеральных водах см. также: Вигель. Т. II. С. 313.

²⁰ Веневитинова Анна Николаевна (14 I 1782—24 IX 1841), урожд. княжна Оболенская, троюродная сестра С. Л. Пушкина (их бабушки, княгиня А. В. Оболенская и Л. В. Чичерина, — урожд. Приклонские, родные сестры. Псв. XI. С. 120), с 15 апреля 1798 г. — жена Владимира Петровича Веневитинова (10 VII 1777—7 III 1814, МН), гвардии поручика. Их дети: Дмитрий (1805—1827) — поэт, критик; Алексей (2 XII 1806—14 I 1872) — с 1843 г. женатый на графине А. М. Виейлгорской; Софья — см. прим. 18. Внук В. граф Н. Е. Комаровский так рассказывает о ней: «Бабушка моя, Анна Николаевна, рожденная княжна Оболенская, всецело посвятив себя, после смерти мужа, воспитанию детей и управлению имениями в разных губерниях, сумела окружить себя деловыми управляющими и при помощи их сохранить своим детям свободные от долгов имения» (Записки. М., 1912. С. 16). В 1826—1827 гг. Веневитиновы жили в Москве «на Мясницкой против церкви Евпла, в угловом доме». Здесь у них бывал Пушкин и читал «Графа Нулина» и «Бориса Годунова» (см.: Воспоминания С. П. Шевырева о Пушкине // Майков. С. 329; Барсуков. Кн. II. О посещениях Пушкиным дома Веневитиновых см. также: Комаровский Н. Е., гр. Записки. М., 1912. С. 17. Письмо В. и ее сына А. В. Веневитинова к С. Л. Пушкину от 17 марта 1837 г. по поводу гибели Пушкина см.: Псв. VIII. С. 58. О В. см.: Барсуков. Кн. I. С. 186.

²¹ Веневитиновы, как и Комаровские, жили в доме графа М. Ю. Виейлгорского на углу Итальянской и Михайловского сквера, рядом с Михайловским театром (Головин С. Мои воспоминания. Т. I. С. 64). Адрес А. В. и А. М. Веневитиновых 1843 г. помечен Н. И. Павлищевым в его записной книжке: «На Невском, за домом Ртищева, дом Александрова» (ПД).

²² Пушкина В. Л.

²³ Рудольф А. И.

²⁴ Варвара Яковлевна (Плещеева?) — лицо невыясненное. ...и дочь ее — Varbichon — см. письмо 105.

²⁵ Волконский, князь. Знакомый Пушкиных и Т. С. Вейдемейер князь Волконский (притом умерший недавно), но кто именно — установить не удалось.

²⁶ Эрминия (или Эрмини). Именем Эрминии, героини поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим», безнадежно влюбленной в Танкреда, называли в светских кругах (намекая этим на ее отношение к Пушкину) Елизавету Михайловну Хитрову (1783—3 V 1839), урожд. Голенкищеву-Кутузову, дочь фельдмаршала, по первому браку графиню Тизенгаузен, вдову Н. Ф. Хитрова, русского поверенного при тосканском дворе. В числе нескольких друзей Пушкина Х. получила 4 ноября 1836 г. относившийся к Пушкину анонимный пасквиль. Письма ее к Пушкину см. XIV, XV, XVI. Его письма к ней — XIV, XV и: Измайлов Н. В.

Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. Л., 1927. Отзывы Пушкина о ней в письмах к П. А. Вяземскому — XIV и далее. О Х. см.: *Вяземский*. Т. VIII. С. 493; Головкин Ф., гр. Двор и царствование Павла I. СПб., 1912. С. 350; *Бутурлин*. 1897. I. С. 588, 635; II. С. 6, 373; *Письма*. II. С. 249; III. С. 136; *Дневник М.* С. 195; *Дневник С.* С. 151; о салоне Х. см.: Аронсон М. и Рейсер С. Литературные кружки и салоны. Л., 1929. С. 190. Свое дружеское отношение к Пушкину Х. распространяла и на Л. С., покровительствовала ему и любила его общество. Граф М. Д. Бутурлин в своих «Записках» передает анекдот о Х., рассказанный ему Л. С. Пушкиным: «Однажды летом 1830 г. Лев Серг [еевич], находившийся в отпуску, прогуливался с ней в коляске по Петербургским островам, и когда часовые, мимо которых они проезжали, делали на караул при виде офицера, то она, обращаясь к нему, сказала: «Меня, кажется, принимают за великую княгиню?» Забавную эту выходку Лев Серг [еевич] не преминул рассказать своим знакомым...» (РА. 1897. II. С. 373).

²⁷ Малиновский Андрей Васильевич (1804—25 V 1851, в Алушке) — сын первого директора Царскосельского Лицея В. Ф. Малиновского,

младший брат товарища Пушкина И. В. Малиновского; лицеист третьего выпуска, окончил Лицей в 1823 г. с первой золотой медалью. В альбоме директора Лицея Е. А. Энгельгардта имеется его краткая запись «на память» (*Псв.* VII. С. 13). М.— в 1825 г. прапорщик лейб-гвардейской конной артиллерии — был арестован по делу декабристов, но вскоре освобожден и участвовал в турецкой кампании. В 1830 г. болел психическим расстройством и был уволен от службы 31 марта 1830 г. в чине подпоручика, после чего поселился у брата в с. Каменке Харьковского у. (*Декабристы*. С. 110, 282). Вот отзыв о нем декабриста барона А. Е. Розена, женатого на его сестре Анне Васильевне. «Шурин мой, Анд[рей] Вас[ильевич], за несколько дней до нашего приезда (1839) уехал в Крым и не хотел нас опечалить выставкою печальных развалин мужа, которого в 1825 г. все знали по примерной твердости, богатству знаний и по всем задаткам на пользу общества (...) В Каменке он находился под полицейским надзором и в бездействии искал подкрепления жизненных сил в том, что сокращает жизнь преждевременно и жалко» (*Розен*. С. 266). О М. см.: *Гастфрейн*. Т. III. С. 234.

23 Надежда Осиповна:

С. Петербург 25 сего Июля и 26 1830 г.

Я получила твои оба письма зараз в тот самый день, как ушло мое. Спасибо, мой добрый друг, что так быстро дала о себе добрые вести, я воздаю благодарения Богу, что дорога не слишком тебя утомила, я так опасалась для тебя усталости и ветра. Но вот ты наконец в деревне, где здоровье твое, надеюсь, будет становиться все лучше и лучше, где ничто не будет тебе досаждать, как это было во время путешествия. Те же приятности в недалгом будущем ждут и нас, мы уедем, наверное, послезавтра, скоро мы увидимся, дорогая Ольга. Прежде отъезда я хотела бы получить письмо от Леона. Александр недолго останется здесь, свадьба совершится в Сентябре месяце, мы, наверное, сначала поедем в Петербург, а потом в Москву, ибо надо будет сделать еще кое-какие распоряжения. Вот все, что я тебе скажу сегодня, мы следуем сразу за этим письмом. Иду обедать к Трубецким и попрощаться с ними. Сегодня день рожденья Софи Всеволожской. Т а т ь я н а ¹ собирается тебе писать, Агриппина ² уезжает чрез пять дней. Прощай или, вернее, до свиданья, дорогая Олинька, да благословит тебя Бог.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька! Знаешь ли, что твой способ путешествовать и твое умение раздобывать лошадей я нашел очень поучительными. Я почти уверен, что мы уедем в воскресенье и, следственно, увидим тебя самое позднее в Среду, быть может, прежде, чем ты получишь это письмо. Итак, пока целую тебя от всего сердца. Сегодня утром я был у Дельвигов, которым рассказал обо всем, что было

с тобой в дороге. Они того мнения, что эти докуки пойдут тебе даже на пользу.—
Прощай, Душинька. Почтение мое Тригорскому, т. е. г-же Осиповой
и Барышням. До свидания со всеми.

Надежда Осиповна:

Александр был у Эрмини³, а вчера был даже в ее ложе. Я попрощалась с
Трубецкими, которые, как и Дельвиги, вручают себя твоей памяти. Твой брат
тебя целует.

Пвл. ИВ. 88, VI, с. 580.
Врс., с. 776.
Изм., с. 181.

---

¹ Талызина Т. Д.

² Мансурова А. И.

³ Хитрово Е. М.

1831

июнь — сентябрь

1831 год ознаменовался для петербуржцев холерой: холера на все лето разлучила стариков Пушкиных с О. С., и за этот период ими написано дочери тринадцать писем. Н. О. и С. Л. при первой вести об эпидемии перебрались в Павловск, на дачу Флейшмана (это было в конце июня), и оставались там до середины октября. «Мои родители, узнав про холеру, уложили пожитки, собрались и выехали отсюда менее чем в 24 часа,— писала О. С. мужу 3 июля 1831 г. из Петербурга.— Я хотела через два дня присоединиться к ним в Царском, но на другой день их отъезда город был оцеплен со всех сторон, а карантин поставлен в Пулкове» (*Псв.* XV. С. 71). Попытки пробраться сквозь карантин и соединиться с родителями или пожить у Пушкина в Царском Селе, куда он ее звал (письма О. С. мужу от 4 и 18 июня // *Псв.* XV. С. 67 и 69), не привели ни к чему, и О. С. все страшное холерное лето 1831 г. (за исключением нескольких дней в конце сентября, которые она прогостила у родителей, и нескольких дней в двадцатых числах августа, проведенных у брата,— *Лернер*), оставалась в Петербурге у себя на квартире, в Казачьем переулке, в доме Дмитриева. Она жила одна: Н. И. Павлищев 5 марта 1831 г. уехал на службу в Варшаву (назначение состоялось 24 февр.— см.: *Павлищев.* С. 240). Сначала он служил при Временном правлении, затем в интендантстве по сношениям на иностранных языках, где первое время занимал должность управляющего канцелярией генерал-интенданта действующей армии (см.: там же. С. 61). Получил он это место по ходатайству С. Л. перед тайным советником Ф. И. Энгелем (другом С. Л.), под начальством которого Н. И. Павлищев в Варшаве и служил (см.: там же. С. 60). О. С. не последовала за мужем по нездоровью, а главное, потому, что страшилась ехать в чужой город, где положение мужа еще не было прочно.

Л. С. Пушкин, расставшись с родителями 19 июля 1830 г., вернулся после продолжительного отпуска в Нижегородский полк. В апреле 1831 г. он находился в Чугуеве (письмо к нему Пушкина от 6 апр. 1831 г.—

XIV, 159), 20 мая перевелся в чине поручика в действующую армию в Финляндский драгунский полк, в составе которого принял участие в военных действиях против поляков (*Майков*. С. 38).

Пушкин 18 февраля 1831 г. обвенчался в Москве с Н. Н. Гончаровой, 15 мая переехал в Петербург, 25-го — в Царское Село на дачу Китаевой, где прожил до начала октября (*Лернер*).

24 Надежда Осиповна:

Павловское ¹ 22 сего Июня 1831 г.

Это второе письмо, мой добрый друг, что я пишу тебе; первое было отослано по почте, это — пойдет с оказией. Граф Комаровский, который уезжает завтра, пожелал его доставить. Вот мы и оцеплены со всех сторон, без утешения и надежды на добрые вести; твоих жду с нетерпением, быть может, ты уже нам писала, но прежде, чем были установлены карантинны, здесь попросту отсылали из Пулкова всех, кто приезжал из Петербурга или отсюда, так что до сей поры не было никакого сообщения. Я поздравляю себя, что успела приехать раньше всего этого и уже устроиться в Павловском в очень хорошеньком доме у городских ворот; совершенная деревня, мы окружены деревьями и лесом, пыли никакой, у нас 8 комнат, Павел Федорович ² дал нам кое-какие мебели; нам очень было бы хорошо и мы довольно были бы спокойны, если бы ты была с нами или у твоего брата, который тоже очень раздосадован, что ты в Петербурге. Во имя Бога, напиши нам, я жду твоего письма с нетерпением невыразимым. Если первое твое затерялось на почте, не отчаивайся, дорогой друг, и продолжай нам писать, как писала, никогда не могла я пожаловаться на твою лень. В качестве новости сообщу тебе, что м-ль Шевич ³ не умерла, ей гораздо лучше, и она уже гуляет. Все дома в Царском Селе заняты, для Княгини Трубецкой ⁴ дома нет, я иду ей это сообщить, а г-жа Княгинина ⁵, которую мы встретили по дороге сюда, должна теперь выдержать карантинны, дабы въехать в дом, который она сняла. Вчера я провела свой день рожденья у Александра ⁶, не имея возможности принять их у нас, ибо мы перебрались лишь за сутки перед этим. Сегодня мы первый раз обедаем у себя. На сей момент это все, что я могу тебе сказать, будучи счастлива хотя бы уверенностью, что письмо мое до тебя дойдет. Целую тебя очень нежно, да сохранит тебя Бог и да осыплет тебя своими благословениями.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька!

Вот мы и в Павловском, сожалея единственно, что тебя нет с нами или около нас. — У нас нет никаких известий о том, что делается в Петербурге, но я не сомневаюсь, что ты нам дашь знать о себе, как только это будет возможно. — Здесь несколько похоже на Ревель, и на мой взгляд лучше, чем в Царском Селе. — Не так великолепно, но куда более по-сельски. Мы окружены местами для прогулок, не только по саду, но и по Лесу, который на дороге отсюда

в Ц а р с к о е. — Все это очень утешило бы меня в том, что я не в деревне, но тебя мне недостает и не будет никогда и нигде. — Однако, без прощанья, дорогая Оленька, мы не очень отдалены, и я уверен, что при малейшей возможности ты к нам присоединишься. — Натали была бы в восторге, если бы ты была у нее и с ней, как и Александр. — Я передал ему твое письмо. Он хотел тебе ответить, но сообщение с Петербургом оказалось на несколько дней прерванным. — Целую тебя тысячу раз и благословляю. — Прощай, Ду шин ь к а, да хранит тебя Небо! Прощай, мой добрый друг! Будь здорова. Будь спокойна. Пиши нам, как ты всегда это делала.

Надежда Осиповна:

Вскрываю письмо, чтобы сказать тебе, что горничная девушка г-жи Кушелевой⁷ находится здесь и просит меня сообщить ей об этом; если ты ее увидишь, скажи ей, что бедняжка не знает, как ей воротиться в Петербург, отсюда никого не выпускают, но я надеюсь, что это долго не продлится.

Адрес рукой Надежды Осиповны:

Ольге Сергеевне Павлищевой в Казачьем переулке в доме купца Дмитриева близ Семеновского Моста.

Почтовая помета: 46 1831

Врс., с. 778.

¹ Павловское — Павловск, городок Петербургской губ. в 25 верстах от Петербурга и трех — от Царского Села.

² Малиновский Павел Федорович (1766—9 IX 1832), действительный статский советник, — младший брат А. Ф. Малиновского, знаменитого археографа, и В. Ф. Малиновского — первого директора Царского лесного Лицея. По словам декабриста барона А. Е. Розена (женатого на дочери В. Ф.), М., начав службу при фельдмаршале Салтыкове и находясь в милости у Екатерины II и Потемкина, быстро вывышался в чинах и закончил карьеру на посту директора Ассигнационного банка. Выйдя в отставку, М. стал душеприказчиком графа Н. П. Шереметева и опекуном его единственного сына графа Д. Н. Шереметева, после совершеннолетия которого, в 1824 г., переселился от Шереметевых в собственный дом в Петербурге на Шестилавочной, а лето проводил на подаренной ему Шереметевым даче Белозерке между Царским Селом и Павловском, где и умер 9 сентября 1832 г. от холеры, совершенно один (Записки декабриста. СПб., 1907. С. 38). М., старинный друг С. Л., вместе с И. А. Ганнибалом был поручителем при венчании Н. О. и С. Л. в Суйдинской церкви 28 сентября 1796 г. (*Ульянский*. С. 17), и в его доме произошло примирение О. С. с родителями после ее брака (там же. С. 118).

³ М-ль Шевич — имеется в виду Александра Ивановна, фрейлина (Памятная книга на 1841 г. С. 200; 9 VI 1807—6 IV 1860, *ПН*), или ее сестра Любовь Ивановна (6 I 1806—8 IX 1866, *ПН*) — дочери (Александра — падчерица) Марии Христофоровны Шевич (14 II 1784—16 XI 1841, *ПН*), уржд. баронессы Бенкендорф, сестры шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа (Долгоруков П., кн. Рос-

сийская родословная книга. СПб., 1855. Т. II. С. 252 и: Родословная Бенкендорфов // *РА*. 1895. IV. С. 499), вдовы Ивана Егоровича Шевича, командира лейб-гвардии гусарского «Шевичева» полка, генерал-лейтенанта, убитого под Лейпцигом в 1813 г. Третья сестра Варвара Ивановна (1802—1828) была замужем за А. П. Бутеневым (письмо К. Я. Булгакова к брату — *РА*. 1903. IX. С. 118). Из трех сыновей М. Х. Шевич двое были убиты под Бородином (Муравьев-Карский Н. Н. Записки // *РА*. 1885. Кн. 3. № 11. С. 339), третий, Сергей, состоявший при великом князе Михаиле Павловиче (*Греч*. С. 417), женился впоследствии на графине Лидии Дмитриевне Блудовой. Об отце Шевичей, «храбром и буйном генерале», см.: *Свербева*. Т. I С. 19; Гангелов А. С. Воспоминания декабриста. М., 1888, С. 226; Державин Г. Р. Записки // Сочинения. Т. VI. СПб., 1876. С. 467; письма кн. А. Х. Витгенштейна жене // *РА*. 1913. III. С. 373; Булгарин Ф. Воспоминания. СПб., 1848. Ч. 5. С. 297. О М. Х. и ее семье: письма имп. Марии Федоровны к М. А. Нарышкиной // *РС*. 1877. XX. С. 703; *Бутурлин*. 1897. Кн. I. № 3. С. 412; *Розен*. С. 15; Лялков Ф. И. Воспоминания // *РА*. 1878. Кн. 2. № 6. С. 250. В 1825 г., 10—11 июля, князь П. А. Вяземский писал жене из Ревеля: «Вчера я был на плясовом вечере у Шевичевой, сестры Бенкендорфа» (*ОА*. Т. V. Вып. I. С. 55). В Ревеле или раньше познакомились Пушкины с Ш. — неизвестно, но в Ревеле они уже были дружны (см. письмо 117). М. Х. называла С. Л. «rège Goriot»* (*Псв*. XVII—XVIII. С. 187). Дружба О. С. с барышнями Ш. тянулась всю жизнь. А. И., хоть и «bien laide» (ужасная

* Отец Горно (*франц.*).

дурнушка, как отзывалась о ней Н. О.), была умна и добра (письмо А. О. Россета А. О. Смирновой // РА. 1896. II. С. 888). Интересный отзыв о ней есть в «Записках» Смирновой (с. 235): «Вечером (у Карамзиных.— Л. С.) играли в jeux d'esprit и писали на клочках бумаги ответы. Александрина Шевич, всегда скромная и молчаливая, лучше всех отвечала. На вопрос пресловутого Комаровского, с кем приятнее прогулка, она отвечала: „C'est la bête, avec la quelle on la fait“» («Смотря по животному, с которым ее свершаешь» — франц.). А. И. и ее сестру, горбатенькую Л. И., О. С. постоянно поминает в письмах к мужу и сыну 40-х, 50-х и 60-х гг. Л. И. умерла 8 сентября 1866 г. 25 сентября О. С. пишет сыну: «...заходила к Шевичевой, а Шевичевой уже нет, две недели как ее похоронили, пожалела я не о ней, страданий у нее больше не будет, — но грустно мне, что еще меньше одной осталось у меня добрых сочувствующих мне старых подруг моих; ей глаза закрыли и племянник, который у нее

жил, и Лид[ия] Дм[итриевна], по крайней мере не одна на руках прислуги — все это я узнала от швейцара...» (ПД, ф. 221, оп. 2, № 6). Племянник, о котором говорит О. С., — С. С. Шевич, сын С. И. Шевича и графини Л. Д. Блудовой, женился на невесте Лассалья, баронессе Деннигес, по первому браку княгине Раковиц, уехал в Америку и навсегда порвал с родиной (Головин К. Мои воспоминания. Т. I. С. 208, 319).

⁴ Трубецкая Е. А.

⁵ Княжнина В. А.

⁶ Н. О. родилась 21 июня 1775 г.

⁷ Кушелева Анна Дмитриевна (27 XI 1807? — 1 II 1854, ПН). К., красивая женщина (к ней был несколько неравнодушен Н. И. Павлишев, как выясняется из писем к нему О. С.), была несчастлива в браке и долго вела со своим мужем какой-то процесс, закончившийся, по-видимому, в ее пользу. О К. см. письма О. С. к мужу от 1831, 1835 и 1836 гг. (Псв. XV. С. 44 и др.; XVII—XVIII. С. 197; XXIII—XXIV, С. 200).

25 Надежда Осиповна:

Среда утром 8 сего Июля
[1831 г. Павловск]

Только что проснулась и получила твое письмо, мой добрый друг; мне очень грустно, что ты в затруднениях и волнениях, да успокоит тебя Господь; я бы предпочла, чтобы ты была у Анны Николаевны¹, раз не можешь поехать в Таицы² к г-же Кушелевой³. Пребывания в Петербурге — вот чего я всего более для тебя опасуюсь; что до лошадей, так это меньшая из наших забот; пока ты не в безопасности, у меня не станет духу выезжать⁴. — Двор сегодня приезжает в Царское⁵, мы сделаем все возможное, чтобы получить у Волконского этот пропуск⁶. Карантинов нет больше нигде, за исключением того, что в Камеенке⁷, и еще не знаю где около Царского и Павловского, потому что здесь поселится Царская семья. Я пишу только словечко, надо поскорее послать на почту, дабы это письмо до тебя дошло. Мы будем освобождены послезавтра, но пусть наше заключение тебя не тревожит, мой добрый друг. Мы от него не страдаем, все приходят повидать нас к окну, солдаты носят нам провизию и исполняют наши комиссии, передают наши письма и записки. Мы гуляем по нашему садику, балкон очень приятен, ибо дом наш угловой. Если бы ты была с нами, я даже и не думала бы об этом. Прощай, старайся быть спокойной и не ропщи, Господь Бог все устроит к лучшему, милосердие Его бесконечно.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька, мы с нетерпением ждали твоего письма, чтобы узнать, где ты находишься, ибо нам сказали, что навряд ли ты могла бы к нам сразу воротиться ввиду того, что пропуск кн. Волк[онского] совершенно необходим. — Двор приедет сюда, мы сделаем невозможное, чтоб его иметь. — Не беспокойся, прошу тебя, ни о лошадях, ни о нашем заключении, которое будет кончено, когда ты получишь наше письмо; а что до лошадей, то чем дольше ты будешь ими поль-

зоваться, тем лучше.— Я совсем был бы спокоен, если б ты поехала к Анне Николаевне или к г-же Кушелевой. Что же до повестки, то оставь ее у себя, мой добрый друг.— Я наведу справки и пошлю тебе доверенность для получения денег, из коих 200 р. ты возьмешь себе.— Смерть Усольцова⁸ весьма огорчает меня. Он мне был нужен, и потом у него остались важные мои бумаги. Впрочем, я напишу об этом Семену Исак[овичу]⁹.— Прощай, моя дорогая Олинька; будь спокойна на наш счет.— Прошу Бога, чтобы Он сохранил тебя здоровой и невредимой, спокойной телом и духом, береги свое здоровье, которое нам драгоценно. Пиши нам так же исправно, как всегда. Целую тебя тысячу раз.

¹ Фурман А. Н.

² Таицы — мыза Софийского у. Петербургской губ., в 16-ти верстах от Царского Села, славящаяся знаменитыми ключами. Мыза Большие Таицы (ныне просто Тайцы) была пожалована Петром I адмиралу Ивану Михайловичу Головину, прапрадеду А. С. Пушкина по линии отца, С. Л., чьей бабушкой была дочь адмирала Евдокия Ивановна, вышедшая замуж за Александра Петровича Пушкина. Брат Е. И. Пушкиной Александр Иванович Головин, также адмирал, продал свои владения по частям: Б. Таицы с «деревеньками» А. Г. Демидову, а М. Таицы «с деревеньками» А. П. Ганнибалу. Демидов построил себе великолепный дом по проекту архитектора И. Е. Старова, сохранившийся и поныне. М. Таицы затерялись, и к настоящему времени в этой деревеньке нет никаких следов усадьбы, которая некогда принадлежала уже сыну Арапа Петра Великого Исаку Абрамовичу Ганнибалу. Что же касается Суйды, Кобриня и т. д., то они куплены А. П. Ганнибалом в 1759 г. у капитан-поручика Семеновского полка Федора Алексеича Апраксина, внука П. М. Апраксина, первого владельца времен Петра I. Елицы «с деревеньками» принадлежали брату последнего, знаменитому генерал-адмиралу Федору Матвеевичу Апраксину, потом отошли в казну, в 1754 г. подарены были полковнику Д. А. Симонову. Лишь в 1762 г. у него их приобрел А. П. Ганнибал. Устранению давних ошибок способствовала публикация Н. К. Телетовой «Ганнибалы — предки А. С. Пушкина» // Белые ночи. Л., 1978. С. 260.— *Прим. В. С.*

³ Кушелева А. Д. 4 авг. 1831 г. О. С. писала мужу: «Кушелева твоя провела месяц в Таицах, вчера возвратилась, а сегодня была у меня. Муж, к несчастью, жив: дело оставалось за холерой» (*Псв. XV. С. 80*).

⁴ В первых числах июля с О. С. случилось следующее приключение. Решившись соединиться с родителями, она поехала в Павловск и,

чтобы избежать карантина, сделала объезд. Благополучно прибыв ночью к месту назначения, она отправила извозчика, но, не зная, где живут родители, глухой ночью постучалась к Е. А. Архаровой. Ее приезд наделал переполох — Архарова перепугалась ужасно, С. Л. был в отчаянии. Весть о приезде О. С. дошла до властей, и через два часа она с полицией была изгнана из Павловска, чтобы выдержать карантин; но так как «карантин» ограничивался «кордоном», от которого всех приехавших отправляли обратно, то она уже утром вернулась в Петербург, но отнеслась к нему юмористически. «Мое злосчастное приключение не преминуло оживить болтовню салонов Павловска. Г-жа Архарова особенно — уж она-то потешилась, эта старая трусиха», — писала она мужу 9 дек. 1831 г. (*Псв. XV. С. 75*). С. Л. и Н. О., в результате ее незаконного приезда, подверглись домашнему заключению на 14 дней (там же. С. 78).

⁵ Двор переехал в Царское Село 10 июля.

⁶ Волконский Петр Михайлович, светлейший князь (1776—1852), генерал-фельдмаршал, основатель и начальник Генерального штаба, с 1826 по 1852 г. — министр двора и уделов. Женат был на сестре декабриста князя С. Г. Волконского княжне Софье Григорьевне (1785—1868). См.: *Декабристы*. С. 43. О. С. получила пропуск от В., но проникнуть в Павловск все-таки не могла; 24 июля она писала мужу: «Я несколько раз пыталась соединиться с родителями (<...> билет этот у меня есть, я приезжала три раза и всегда зря. До сих пор там только люди, связанные со двором, и я решила дожидаться конца холеры, чтобы пуститься в путь» (*Псв. XV. С. 77*).

⁷ Каменка — деревня в восьми верстах от Царского Села.

⁸ Усольцов А. М.

⁹ Ганнибал С. И.

26 *Надежда Осиповна:**Среда вечером [8 июля 1831 г. Павловск]*

Сегодня утром я так спешила отослать письмо на почту, дабы не заставлять тебя томиться по моему ответу на твои письма от субботы, воскресенья и вторника, что не могла сказать тебе, что хотела, мой добрый друг; я все надеялась, что ты не воротишься в Петербург, а поедешь в Таицы или к Колонистам¹, которые так близко от Пулкова, где ты могла бы ждать пропуска от князя Волконского². Так как граф Толстой³ надзирает многие деревни в окрестностях, то и Каменка в его ведении; он должен был вчера туда поехать и обещался навести о тебе справки — была ли ты у кордона и куда направила свои стопы. Его племянник⁴ взял мое письмо к тебе, он тоже должен был вчера ехать в Пулково. Оно было написано давно, но случай тебе его послать был упущен, и письмо осталось у меня. В нем я подробно описывала тебе свой образ жизни. Не знаю еще, что с тем письмом случилось. Завтра приезжает Двор, и я надеюсь получить этот пропуск чрез Жуковского⁵. Я знаю, что карантин больше нет, за исключением того, что в Царском, однако кордон существует до сих пор, вот почему здесь еще нет Натальи Кирилловны⁶. Говорят, что болезнь в Ораниенбауме. Во имя Неба не казни и не вини себя, мой добрый друг; направляясь сюда, ты имела доброе намерение, ты ехала единственно, чтобы нас успокоить; не твоя вина, что тебе так плохо посоветовали. Небо справедливо, все устроится, только старайся быть спокойной, поезжай к Анне Николаевне⁷, куда тебе

Лев Иванович Соллогуб.
Миниатюра. 1810-е гг.

Софья Ивановна Соллогуб.
Миниатюра. 1810-е гг.

будут доставлять наши письма. Зная тебя вне Петербурга, я была бы более спокойна, хоть и не каждый день получала бы от тебя вести. Полагаюсь на благость Господню, быть может, скоро ты будешь возле нас. Не волнуйся из-за лошадей, ты можешь их отослать, если они тебя затрудняют; справишься, как отправляют людей, кажется, нужен пропуск от полиции. Тем временем, почему бы тебе ими не пользоваться и не задержать их, пока они не смогут привезти тебя обратно или доставить, куда бы ты хотела. Не понимаю, каким образом все наши письма пришли к тебе вдруг, это странно. Носил их на почту не Дмитрий⁸; первое было подано слугой твоего брата, второе Федором, а все прочие были отправлены Прокором⁹. Дай Бог, чтобы это и утреннее пришли к тебе прежде, чем какая-нибудь несчастная задержка успеет дать тебе повод к беспокойству. Я только что принимала визиты у окна — это были г-жа Архарова¹⁰ со своими двумя дочерьми и двумя зятьями¹¹ и княгиня Хованская¹². Они говорят, что завтра в Каменке будет установлен карантин и, чтобы приехать сюда и его выдержать, нужно дозволение самого Императора: что такой ордер послан для Натальи Кирилловны и графини Моден¹³. Навряд ли можно будет подобный ордер получить для тебя, мой добрый друг, но я очень хотела бы знать, что ты вдали от Петербурга; пока ты там, я буду беспокоиться. Не могла бы ты, дорогая Ольга, присоединиться в Таицах к г-же Кушелевой, а пока поезжай к Ан[не] Ник[олаевне] — это все лучше, чем в городе. Г-жа Осипова пишет мне, что холера у нас в Островском уезде; не будь этого, я бы почувствовала соблазн ехать в Михайловское, где бы ты к нам присоединилась. Теперь это невозможно, я об этом более не помышляю. Если бы ты была в Таицах, я могла бы время от времени получать от тебя вести (ведь Анна Дмитр[иевна]¹⁴ несомненно пишет по почте) и, повторяю тебе, была бы более спокойна, чем получая их ежедневно из Петербурга.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька!

Я тебе писал сегодня утром, и вот еще словечко, которое, впрочем, будет повторением того, что я тебе уже говорил. — Это — беречь себя елико возможно, души и нѣка, и не тревожиться насчет лошадей. — Пока оставь их у себя, дабы по времени и месту ими пользоваться. Что меня более всего заботит — это твое здоровье. Лишь бы ты хорошо себя чувствовала, а там все чрез несколько дней может устроиться и принять другой оборот. — Мы еще ничего не знаем о способе, каким можно будет добраться сюда. Я уже писал о тебе Жуковскому прежде твоего появления у нас. Ответа я не имел. Подождем, что он нам скажет. — На днях я пошлю тебе доверенность на получение денег, но пусть это тебя не задерживает в Петербурге. Во имя Неба, дай кому-нибудь распоряжение, тебе ее доставят, или пусть она остается, пока ты ее не потребуешь на Почте. Признаюсь, очень хотел бы знать, что ты или с кузиной моей Фурман, где тебе будет очень хорошо, или с г-жой Кушелевой и Анной Ивановной¹⁵. Прощай, мой добрый друг. Христос с тобой и Ангел Хранитель. Да ниспошлет тебе Господь все Свои благословенья и да приведет тебя к нам или соединит нас где-нибудь. Целую тебя тысячу и тысячу раз.

Ты мне писала, что посылаешь мне два письма, видимо ты их оставила; не слышком тороплюсь их прочесть, я думаю, что они из деревни.

Приписка:

Если это письмо от г-жи Осиповой, а другое от Павла Кириллова¹⁶, то мы их получили.

¹ Немецкая колония Средняя Рогатка. Основана при Екатерине II.

² Волконский П. М.

³ Толстой Петр Алексеевич, граф (1769—1844), петербургский военный губернатор, генерал от инфантерии, председатель Департамента военных дел в Гос. совете, русский посол в Париже при Наполеоне в 1807—1808 гг. Женат был на княжне М. А. Голицыной (1772—1826). Т., «старик заслуженный, уважаемый государем, прямодушный и правдолюбивый, был недоступен ни проискам, ни лести (...) Его называли Баярдом, рыцарем без страха и упрека» (Толстой М. В. Мои воспоминания // *РА*. 1881. Кн. 2. № 3. С. 123). О Т. см.: Посольство гр. П. А. Толстого в Париж // Сборник Императорского Российского исторического общества. Т. LXXXIX (Ред. Н. К. Шильдера. СПб., 1894); Петерсен В. К. Исторические силуэты. Гр. П. А. Толстой у Наполеона // *ИВ*. 1894. XII. С. 787.

⁴ Толстой Константин Петрович, граф (12 II 1780—29 V 1870, *ПН*), — внучатый племянник графа П. А. Толстого, брат знаменитого художника вице-президента Академии художеств графа Ф. П. Толстого. Образование получил в Шляхетском кадетском корпусе, откуда был выпущен офицером в Фридрихсгамский полк, участвовал в шведской кампании и начале французской, получил золотую шпагу «За храбрость». Будучи ранен в ногу, 26-ти лет был выпущен в отставку и служил в Ассигнационном банке. Женат был первым браком на Хлюстиной, вторым (с 1816 г.) — на Анне Алексеевне Перовой (дочери графа А. К. Разумовского). В 1817 г. у них родился сын, граф Алексей Константинович, будущий поэт и драматург. Через год после его рождения супруги разошлись и с тех пор жили врозь. О Т. см.: Каменская М. Ф. Воспоминания // *ИВ*. 1894. Т. 55. № 1. С. 37; № 2. С. 304; Т. 57. № 9. С. 637; Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1928. С. 166; Lirodelle André. Le poète Alexis Tolstoy. Paris, 1912. P. 4—7; Толстой А. К. Собр. соч. 1908. Изд. Маркса. Т. IV. С. 14 и далее.

⁵ Жуковский Василий Андреевич (29 I 1783—7 IV 1852) — поэт, давнишний друг С. Л., Жуковский был воспитателем наследника и прибыл в Царское Село вместе со двором.

⁶ Загряжская Наталья Кирилловна (5 IX 1747—19 III 1837), дочь графа К. Г. Разумовского, гетмана Малороссии, замужем за Н. А. Загряжским, двоюродная бабушка Н. Н. Пушкиной, статс-дама. О. З. см.: *Дневник М. С. 58; Дневник С. С. 180; Вяземский*. С. 184; Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т V; Из записок дамы // *РА*. 1882. I. С. 117; Сафонович В. И. Воспоминания // *РА*. 1903. Кн. 1. № 4. С. 492; Репнина В. Н., княжна. Рассказ // *РА*. 1888. I. С. 30; Письма Тургенева А. И. Булгаковым. М., 1939. С. 215; Письма М. А. Волковой к В. И. Лан-

ской // *РА*. 1872. II. С. 2381; Волконский С. Г. Записки декабриста. СПб., 1902. С. 68; *Русские портреты*. Т. I. № 58; т. V. № 123; *Майков*. С. 397; *Письма*. II. С. 448.

⁷ Фурман А. Н.

⁸ Дмитрий Васильев, крепостной слуга Пушкиных. По ревизской сказке села Михайловского ему в 1833 г. 27 лет (*Ульянский*).

⁹ Прохор. В Болдине был крепостной Прохор Романов, сданный в ноябре 1833 г. в солдаты (см.: *Щеголев*). У Н. О. был поваренок Прошка, которому в 1829 г. было двенадцать лет и который исполнял также должность форейтора (см.: *Павлицев*).

¹⁰ Архарова Екатерина Александровна (12 VII 1755—25 V 1836), урожд. Римская-Корсакова, дочь А. В. Римского-Корсакова и М. С. Волконской, вдова Ивана Петровича Архарова (13 V 1744—4 II 1815), генерала от инфантерии, начальника Московского гарнизона, хлебосольного барина и сурового командира еще более суровых «архаровцев». С. П. Жихарев был в восхищении от И. П. и его семейства: «Что за добрейшее семейство! радушно, приветливо, ласково, а о гостеприимстве нечего и толковать» (Записки современника. М.; Л., 1955. С. 214). «Говорят, что он (И. П. Архаров) со всеми таков, и чем мало-значительнее человек, тем больше старается обласкать его» (там же. С. 10). П. А. Вяземский так помянул И. П.: «Ив[ан] Петр[ович] Архаров, последний бургграф (burgrave) московского барства и гостеприимства, сгоревшего вместе с Москвою в 1812 г., имел своего рода угощение. Встреча почтенных и любящих гостей, говорил он: „Чем почтить мне дорогого гостя? Прикажи только, и я для тебя зажарю любимую дочь мою“» (с. 370). А. (во всех воспоминаниях фигурирующая почему-то только в виде «старухи»), кавалерственная дама ордена Св. Екатерины, «женщина редкого ума и высоких нравственных правил» (*РА*. 1867. С. 1029), была второй женой И. П. (первым браком он был женат на Щепотьевой). А., добродушная, но строгая блюстительница старины, имеет много общего со своими знаменитыми ровесниками Н. К. Загряжской и Н. П. Голицыной, с которой Пушкин писал свою «Пиковую даму», с тою разницей, что в ней больше комических черт. «Кто плакал по Иване Златоусте Архарове? Кат[ерина] Алекс[андровна] от огорченья вдруг потеряла аппетит и кроме говядины, телятины и баранины и прочих мясов ничего кушать не может», — писал о ней приятель ее мужа, граф Ф. В. Ростопчин Д. П. Киселеву 23 февр. 1815 г. (*РА*. 1863. С. 822). Об А. и И. П. см.: Соллогуб В. А., гр. Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 150, 190; Янькова Е. П. Рассказы бабушки, записанные Д. Д. Благово. СПб., 1885. По указ.; Выдержки из записок А. Я. Булгакова // *РА*. 1867. II. С. 1370; Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 165; Авенариус В. П. В. Л. Пушкин // *ИВ*. 1882. III. С. 611; Рассказы

И. П. Архарова, записанные Карабановым // *РС*. 1872. VI. С. 91; Еропкин В. М. Из воспоминаний // *РА*. 1878. Кн. 1. № 2. С. 175; Соллогуб В. А. Старушка. (Повесть). А. в виде злой 90-летней старухи со злой москвой, накрашенная, в зеленых перьях,— пошла в роман Мережковского «Александр I». А. и ее мужу посвящена книга Ф. В. Каржавина «Фокус-покус, или Собрание любопытных, редких, удивительных и забавных ручных искусств, новое издание с прибавлением многих полезных хитростей и редких составов» (см.: *РС*. 1875. XII. С. 293. Дуров Н. П. Сочинения и переводы Ф. В. Каржавина). Портреты А. см.: *Русские портреты*. Т. I. № 9 и 59; И. П.— № 61. Некролог А. помещен в «Северной пчеле» (1836. № 123, 2 июня).

¹¹ Дочери Е. А. Архаровой: А. И. Васильчикова и С. И. Соллогуб. Васильчикова Александра Ивановна (2 II 1795—2 VII 1855, *МН*), урожд. Архарова, фрейлина императрицы Марии Федоровны. Летом 1831 г. на даче В. в Павловске, в качестве воспитателя ее слабоумного сына Василия, жил Гоголь (Соллогуб В. А., гр. Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 270—273). Характеристику В. (относящуюся к 1850-м гг.) дает Б. Н. Чичерин: «Старик Алексей Вас [ильевич] держал себя смиренно; всем заправляла его жена Ал[ександра] Ив[ановна] (...) женщина бойкая и дородная, настоящая старая московская барыня хорошего тона. Ее звали «тетушка Добродетель» и рассказывали о чрезмерной заботливости, с которой она старалась отдалить от детей все, что носило на себе хотя бы отдаленную тень неблагонадежности или неблагопристойности» (Москва сороковых годов. Вст. ст. и прим. С. В. Бахрушина // Записи прошлого. Воспоминания и письма под ред. С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского. М., 1929. С. 109). Васильчикову кто-то назвал «Jeanne d'Arc замужем», — писал А. И. Тургенев князю П. А. Вяземскому 11 окт. 1845 г. (*ОА*. Т. IV. С. 329). Н. О. подарила В. письмо Пушкина от 3 мая 1830 г., уведомляющее родителей о согласии Николая I на его брак с Н. Н. Гончаровой. Пушкин тешно просил вернуть это письмо, предлагая взамен несколько автографов. В. в числе нескольких других лиц получила 4 ноября 1836 г. подметное письмо с пасквилом на Пушкина. Рассказ ее об обстоятельствах, предшествовавших дуэли Пушкина, см.: *Рассказы о Пушкине*. С. 38; Письма к сестре М. И. Постниковой // *РА*. 1867. С. 1028. О В. см.: *РА*. 1865. С. 1208 и 1224; *Павлицев*. С. 338; Записки неизвестной // *РВ*. 1881. X. С. 734, 736; *Русские портреты*. Т. III. № 207; Соллогуб В. А. Воспоминания. М.: Л., 1931. Некролог В. помещен в «Московских ведомостях» (1855. № 53). Муж В., Алексей Васильевич (19 IX 1776 — 18 IV 1854, *ПН*), действительный тайный советник, сенатор,— племянник Н. К. Загряжской и екатерининского фаворита А. С. Васильчикова, внук гетмана К. Г. Разумовского — участвовал в 1805 г. в китайском посольстве графа Ю. А. Головкина (*Вигель*. Т. I. С. 226). Сестра его Татьяна Васильевна была замужем за московским генерал-губернатором князем Д. В. Голицыным. У А. М.

и А. В. были две дочери (графиня Баранова и княгиня Черкасская) и сыновья: Василий, Петр (1829—1898) и Александр (1832—1890) — директор Эрмитажа, автор труда «Семейство Разумовских» (СПб., 1880). Соллогуб Софья Ивановна, графиня (13 III 1791—30 VII 1854, *МН*), урожд. Архарова, фрейлина императрицы Марии Федоровны. Ее муж — граф Александр Иванович Соллогуб 22 XI 1787—16 IV 1843, *МН*), тайный советник, камергер и церемониймейстер. Брат его Лев Иванович был женат на княжне Анне Михайловне Горчаковой, сестре будущего канцлера князя А. М. Горчакова, товарища Пушкина по Лицею. Семейная жизнь графини С. И. Соллогуб сложилась несчастливо. По словам ее приятельницы М. А. Волковой, какие-то друзья «развратили» ее мужа, «который, будучи недалежного ума, быть может, не вдался бы в излишества, если бы эти господа не увлекли его...» (письма М. А. Волковой к В. И. Ланской 1812 г. // *РА*. 1872. II. С. 2374 и сл.). Дети С. И. и А. И. (см. письмо 118): Владимир (8 VIII 1813—5VII 1882), писатель, и Лев (р. 18 V 1812); сын последнего, Федор Львович,— друг и корреспондент Вл. Соловьева, автор мистерии в стихах «Соловьев в Фиваиде». О С. И. и А. И. см.: Соллогуб В. А., гр. Воспоминания. М.; Л. 1931; Соколов П. П. Воспоминания. Л., 1930. С. 249; *Русские портреты*. Т. I. № 75 и 76; письмо гр. М. Ю. Внелгорского В. А. Жуковскому // *РА*. 1902. VII. С. 449; *РА*. 1867. С. 1020; *Письма*. III. С. 542; Гоголь Н. В. Письма // Под ред. Шенрока. СПб., 1901. Т. II. С. 407.

¹² Хованская, княгиня — по всей вероятности, Екатерина Александровна (10 XI 1780—16 IV 1826), урожд. Наумова, по первому браку Аплечеева,— родственница Е. А. Архаровой. Она была вдовой князя Сергея Михайловича Хованского (3 X 1767—29 III 1817), действительного статского советника, в 1798 г.— владимирского губернатора и в 1808-м — симбирского гражданского губернатора. От Аплечеева у нее была дочь Варвара Алексеевна, от Хованского — дочери Мария и София и сыновья: Юрий, Сергей, Александр (Белокуров С. А. Из собрания актов князей Хованских. М., 1913. С. 7—8).

¹³ Моден (Раймонд де) Елизавета Николаевна, графиня (1773—8 III 1852), урожд. Салтыкова, внучка знаменитой Салтычихи (см. родосл. Салтыковых и Вановых // *РС*. 1874. V. С. 347), кавалерственная дама меньшого креста ордена Св. Екатерины, жена гофмаршала и обер-егермейстера, графа Гавриила Людвиг Франциска Раймонда Мормуарона де Модена (17 X 1774—11 V 1833), французского эмигранта, с 1793 г. состоявшего на русской службе. О М. см.: Дисброо. Петербургская жизнь в 1825—1827 гг. // *РС*. 1904. I. С. 201. О Моден; *Смирнова*. С. 203; Волконский С. Г. Записки. Изд. 2-е. СПб., 1902. С. 63; Эйлер А. X. Записки. Сообщ. А. А. Эйлера // *РА*. 1880. Кн. 2 № 11. С. 333; письма К. Я. Булгакова брату // *РА*. 1903. X. С. 329; 1904. II. С. 257; Куракина Н. И., кн. Дневник. М., 1903. С. 49, 80, 410; Письмо цесаревича Александра Николаевича к К. К. Мердеру // *РС*. 1886. VI; *ОА*. III. С. 604;

Имп. Александра Федоровна в своих воспоминаниях // *РС*. 1896. Т. 88. № 10. С. 46; *Русские портреты*. Т. IV. № 92.

¹⁴ Кушелева А. Д.

¹⁵ Рудольф А. И.

¹⁶ Кириллов Павел, крепостной с. Михайловского, брат садовника Архипа Кириллова. По

ревизской сказке 1883 г. ему 47 лет, у него жена Авдотья (*Ульянский*). Мать няни Пушкина Арины Родионовны была Лукерья Кириллова. Возможно, Павел и Архип Кирилловы — ее родственники, потому что всю семью Арины Родионовны М. А. Пушкина вывезла из Кобрина в Михайловское.

27 Сергей Львович:

9 Июля Павловское 1831 г.

Дорогая Олинька!

Сию секунду я получил записку от Жуковско^{го}, которой он уведомляет меня, что достал тебе от кн. Волконского¹ разрешение приехать к нам, выдержав карантин в Каменке. Это единственный, установленный для безопасности Царского Села, хотя все прочие в империи сняты. Мама посылает тебе письмо Жуковского в оригинале². Для получения его * тебе должно обратиться к г-ну Булгакову³, если он еще тебе его не доставил. — Целую тебя от всего сердца и от всей души. Дай-то Бог, чтоб больше не было недоразумений. Мы тебе вчера писали насчет этого разрешения. Теперь нужно возблагодарить Небо. — Что до поестки, то я до сей поры не мог послать тебе доверенность, так как мы еще оцеплены и я не мог написать ее по форме. На всякий случай посылаю тебе написанную на простой бумаге. Не знаю, выдадут ли тебе по ней деньги. Впрочем, не жди ее, я предпочитаю знать, что ты в карантине, чем чтобы ты ее получила.

Прощай, душинька. Если денег не выдадут, ты можешь просить, чтоб их послали сюда в Царское на мое имя **, — впрочем, если тебе этого некому поручить, сама на почту не ходи, я боюсь стечения народа. — Не думай об этом!

Надежда Осиповна:

Вопреки всем трудностям, какие существуют для получения пропуска от Волконского, я думаю, что ты его уже имеешь чрез Булгакова благодаря Жуковскому, который только приехал, и вот что он пишет Папá. Надеюсь, что Булгаков тебя нашел, если нет; ты можешь ему послать прилагаемое к сему письмо. Итак, до свиданья, дорогая Ольга, да сохрани тебя Небо и да приведет тебя к нам. Я спокойна, хоть до сих пор и в заключении, — беспокоюсь я только о тебе. Слава Богу, это кончилось, скоро мы соединимся и будем вольны выходить гулять где нам вздумается.

Адрес рукой Надежды Осиповны:

Ольге Сергеевне Павлицевой в Казачьем Переулке в Доме купца Дмитрия близ Семеновского Мосту.

Пвл. ИВ. 88. VIII, с. 240.

* То есть разрешения.

** В Павловский, в дом Флейшмана.

¹ Волконский П. М.

² Письмо это не сохранилось.

³ Булгаков Константин Яковлевич (31 XII 1782—29 X 1835) — с 1819 по 1835 г. петербургский почт-директор. С. Л. познакомился с Б. в марте 1820 г. у А. И. Тургенева (РА. 1902. XI. С. 356). 19 мая 1820 г. С. Л. был у Б. и просил переслать А. С. Пушкину денег

через Инзова. «Был у меня брат Василия Львовича, — писал Б. брату. — Ну, и этот потешил не хуже старшего (...) Приехал просить переслать сыну денег через Инзова». В июне 1820 г. генерал Инзов уведомил Б.: «Доставленные от вас тысячу рублей для г. Пушкина я получил, которые отправляю к нему на Кавказские воды...» (РА. 1867. С. 865).

28 Надежда Осиповна:

Павловское 22 сего Июля Среда 1831 г.

Сегодня утром мы получили твое письмо от 20-го, мой добрый друг, думаю, до тебя дошло наше от того же числа, — следовательно, ты должна быть более спокойна. Мы свободны с пятницы утром ¹, я только и делаю, что гуляю, всякий день я бываю у г-жи Архаровой, она сейчас ко мне приедет, чтобы повезти меня в лагерь ², так что письмо это будет кончено только завтра утром. М-ль Самборская ³ благодарит тебя бесконечно за все, что ты имела любезность для нее сделать, и повторяет мне это многократно. Вчера были у меня с визитом Шевичи. В понедельник я была у графини Толстой ⁴. У Наташи страшно болят зубы, и нет никого, кто бы их вырвал. Она вызывает восхищение всего Двора. Императрица хочет, чтобы она к ней пришла, и назначит день, когда ей явиться ⁵. Это досаждаст ей очень, но она вынуждена будет покориться. Знаешь ты, мой добрый друг, что мы можем видаться возле К а м е н к и? Все это делают: надо уговориться о дне и часе свиданья, мы сможем побеседовать, я тебе принесу письмо на случай, если не хватит времени сообщить тебе все, что нужно будет тебе сказать ⁶. Холера, как известно, приходит к концу. Сад Ц а р с к о г о не оцеплен, наоборот, он полон пажей, кадетов, фрейлин с утра до вечера ⁷. Это не то, что в Павловском, где можно гулять целый день, не встретив живой души. А в лесу чувствуешь себя как в далекой деревне. Прогулки эти очень приятны, я уверена, что тебе тут понравится. Не будь этого проклятого карантина, мы бы давно были вместе! Граф Моден ⁸ приезжает сегодня, мы сделаем еще одну попытку получить для тебя у князя Волконского ⁹ этот..... * пропуск — если ты того хочешь; но для этого мы ждем твоего ответа. Говорят, можно вернуть лошадей без кучера. Он должен воротиться в Петербург, а животных передать другому кучеру, который придет за ними из Павловского. Вот что нам сказали.

Четверг утром

Мы идем обедать к Малиновским ¹⁰, где я, быть может, найду еще письмо от тебя, мой добрый друг. Очень хотела бы знать, что ты спокойна; все твои тревожения не ведут ни к чему, ты заболеешь, и мы от того будем в отчаянии; вместо того чтобы мучиться, принимай вещи как они есть. Хоть ты и не можешь быть с нами, но мы, по крайней мере, часто пишем друг другу. Нигде в другом месте мы не имели бы вестей от тебя всякий день, в настоящих обстоятельствах это большое утешение — находиться от тебя лишь в 22-х верстах. И потом, по моему, карантин будет снят, как только в Петербурге больше не станет больных. Меня восхищает мысль, что пока что можно приехать к кордону с тобой пови-даться. Вчера меня прервала г-жа Архарова, она катала меня по Ц а р с к о м у.

* В подлиннике слово вырвано.

Я зашла на минуту к Натали, которая совершала туалет, чтобы идти в сад, где была музыка и детский праздник для М а р и и Н и к о л а е в н ы ¹¹; играли в разные игры, потом был ужин и вечерняя заря ¹². У нас здесь ярмарка, которая длится с 1-го числа этого месяца. Вот на сегодня все, что я могу тебе сказать. У меня нет известий о кн. Трубецкой; спроси Талызиных, что она делает, где она и что думает делать. Как здоровье П а в л а А л е к с а н д р о в и ч а ¹³? Кланяйся от меня всем, кто меня помнит. Целую тебя очень нежно. Да успокоит и да сохрани тебя Небо. Александр и Натали говорят тебе тысячу милых вещей.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька!

Надеюсь, ты получила 300 р., которые я послал тебе 20-го сего месяца. — Я сам отнес их на почту, как и 500 р. для баронессы Дельвиг ¹⁴. — Жду ваших ответов. Мы могли бы видаться в К а м е н к е, дело за тем, чтобы назначить день и приблизительно час, дабы не проехаться понапрасну. Что до лошадей, то, как тебе сказала Мама, их можно нам переслать; но — никакого Исаака ¹⁵: чтоб их взять, надо другого человека. — Я очень рад, что Семен Исаакович ¹⁶ воротился, и написал бы ему, если б знал его адрес. Надеюсь, люди не будут тебе больше докучать. Если решишь отправить лошадей и если у тебя осталось что-либо из тех денег, ты мне их не отсылай. Оставь у себя. Твои поездки взад и вперд достаточно тебе стоили. Прощай, дорогая Олинька. Да хранит тебя Небо. Лишь бы ты хорошо себя чувствовала, все устроится согласно нашим желаниям и согласно Божьей милости. — Мы не знаем, что может послужить к нашему благополучию, и часто то, что нам досаждало, спасает нас от какого-нибудь горя. Целую тебя очень нежно.

Мы очень часто говорим о П а в л е А л е к с а н д р о в и ч е, и я очень желал бы знать, как он себя чувствует.

Врс., с. 778.

¹ «Вам известна история, которая с нами стряслась, проказа Ольги, карантин и т. д., — писал Пушкин П. А. Осиповой 29 июля 1831 г. — Теперь, слава Богу, все кончено. Родители мои уже не под арестом. Холеры больше бояться нечего — она кончится в Петербурге» (XIV, 201). Мы свободны с пятницы утром — пятница в июле 1831 г. приходилась на 17-е, карантин продолжался 14 дней, следовательно, что явствует и из предыдущих писем, О. С. приехала к родителям в ночь с 3 на 4 июля. Таким образом, мы можем точно датировать «проказу Ольги». — *Прим. В. С.*

² Имеется в виду лагерь Первого Кадетского корпуса. Летом 1831 г. кадетские корпуса (Первый, Второй, Павловский) были переведены из Петергофа, где появилась холера, в Царское Село, и в гренадерскую роту Первого Кадетского корпуса поступил кадетом наследник. «В этом году император (...) назначил себя шефом корпуса и приказал старшему сыну своему находиться в рядах гренадер в продолжение лагерного времени и нести одинаковую службу

с кадетами. Поэтому наследник всероссийского престола являлся с пунктуальной точностью (...) на все учения, совершал с кадетами походы, маневрировал с ними, стоял на аванпостах, проводил ночи на бивуаках (...) Это было в июле 1831 г., во время внезапного перемещения кадетского лагеря из Петергофа в Царское Село по случаю появления холеры в первом из этих городов» (Первый Кадетский корпус в 1826—1833 гг. Воспоминания ген. от инфантерии М. Я. Ольшевского // *РС.* 1886. Т. 49. № 1. С. 90).

³ Самборская (или Самбургская) Анна Андреевна (4 IX 1770 — не ранее 1843, *ПН*) — дочь Андрея Афанасьевича Самборского (ум. 5 X 1815), священника русского посольства в Лондоне, протоиерея Софийского собора в Царском Селе, законоучителя и наставника великих князей Александра и Константина Павловичей, затем духовника великой княгини Александры Павловны, сестра жены первого директора Царскосельского Лицея В. Я. Малиновского — Софьи Андреевны. Она жила в доме П. Ф. Мали-

новского (см. письмо 24) и воспитывала шестерых сирот — детей П. Ф. Малиновского, которым заменяла мать. Когда дошла до нее весть об осуждении декабристов, она пустилась из Харькова в Петербург, не останавливаясь для ночлега, чтобы оказать помощь своей племяннице баронессе А. В. Розен, урожд. Малиновской, жене декабриста (см. письмо 76). В 1835 г. она поселилась с другой своей племянницей, М. В. Вольховской (см. письмо 76), в Тифлисе, где бывал у нее А. С. Пушкин; после же смерти Вольховского, в 1843 г., вместе с его вдовой и дочерью переехала в имение Розенов Солдино Ревельской губ. Жизнь ее, как гласит надгробие, была «примером самоотвержения и непрерывных благодеяний» (ПН). О С. см.: *Розен*. Об отце ее, А. А.: Вейдемейер А. Двор и замечательные люди в России. СПб., 1846. Ч. II. С. 2; *Грот*. С. 254; Геце П. П., фон. Из записок. Кн. А. Н. Голицын и его время // *РА*. 1902. Кн. 3. № 9. С. 82; Храповицкий А. В. Дневник. СПб., 1874. С. 571; Письма А. И. Тургенева к Булгаковым. М., 1939. С. 30, 281; Анциферов Н. П. Пригороды Ленинграда. Л., 1946. С. 17.

⁴ Толстая Елена Петровна, графиня, урожд. княжна Долгорукова (*Бутурлин* // *РА*. 1897. Кн. 2. № 5. С. 54), жена графа Дмитрия Варфоломеевича Толстого (1794—1832), который в 1831 г. был начальником холерного кордона между Петербургом и Царским Селом (см.: ПН). Дом его отца, советника придворного департамента графа В. В. Толстого, владельца крепостного театра, в Царском Селе в годы учения Пушкина был «центром лицестов» (*Гастфрейнд*. Т. III. С. 242).

⁵ Н. Н. Пушкина представлялась императрице 4 сентября 1831 г.

⁶ О. С. писала мужу 4 авг. 1831 г.: «Завтра я отправляюсь на свиданья в карантин — понимается — с дражайшими; мы говорим за веревками на расстоянии в сажень...» (*Псв*. XV. С. 80). Карантин охраняется кордоном войск: «Наш батальон (первый батальон л.-гв. Гренадерского полка.—Л. С.) содержал кордон около Царского Села вместе с лейб-гусарами; тут были: кн. Белосельский, Сабуров, Нарышкин. Мы проводили время приятно. Из

дворца нам всегда приносили завтрак, ужин и отличное вино» (Еропкин В. М. Из воспоминаний: Поход 1831 г. Служба в гвардии // *РА*. 1878. Кн. 1. № 2. С. 175).

⁷ «Царское Село может свести с ума; в Петербурге гораздо легче уединиться», — писал Пушкин Е. М. Хитрово в середине сентября 1831 г.

⁸ Раймонд Мормуарон де Моден.

⁹ Волконский П. М.

¹⁰ Малиновский П. Ф. и Самборская А. А.

¹¹ Великая княжна, дочь Николая I (6 VIII 1819—9 II 1876), с 1839 г. — герцогиня Лейхтенбергская.

¹² Заря утренняя и вечерняя (играть зорю) — сигналы барабанным боем или игрою на горне и трубе (иногда с участием полковых оркестров), подаваемые караулами в местах расположения войск, в лагере и на бивуаках. Вечернюю зорю в Царском Селе описал К. С. Сербинович в воспоминаниях о Карамзине: «Слушал зорю с прекрасным ее гимном: „Коль славен наш Господь в Сионе“, о котором Ник[олай] Мих[айлович] говорил мне, что он сочинен московскими масонами, но музыка его, по трогательному голосу, введена в употребление при вечерней заре» (*РС*. 1873. XI. С. 72).

¹³ Мансуров П. А.

¹⁴ Дельвиг С. М. Как видно, С. Л. был должен Дельвигу, скончавшемуся 14 января 1831 г. Пушкин тревожился об этом долге отца. В первой половине февраля он спрашивает у П. А. Плетнева: «Что баронесса? Я писал Хитровой о братьях Дельвига. Спроси у нее, каковы ее дела, и Отец мой заплатил ли долг Дельвигу?» (XIV, 152). Л. Н. Павлищев в «Семейной хронике» отмечает ошибочно, что Пушкин «...поручил Плетневу вручить вдове 4000 р. из долга покойному Сергею Львовича» (с. 238). В действительности П. уплачивал свой, а не отцовский долг. См.: *Письма*. III. С. 186—187.— *Прим. В. С.*

¹⁵ Исаак — кучер Пушкиных, оставшийся у О. С. вместе с лошадьми (см. письмо 25). Об этом И. упоминает Н. И. Павлищев в письмах Пушкину из Михайловского 27 июня и 21 августа 1836 г. (XVI, 132 и 155).

¹⁶ Ганнибал С. И.

29 Надежда Осиповна:

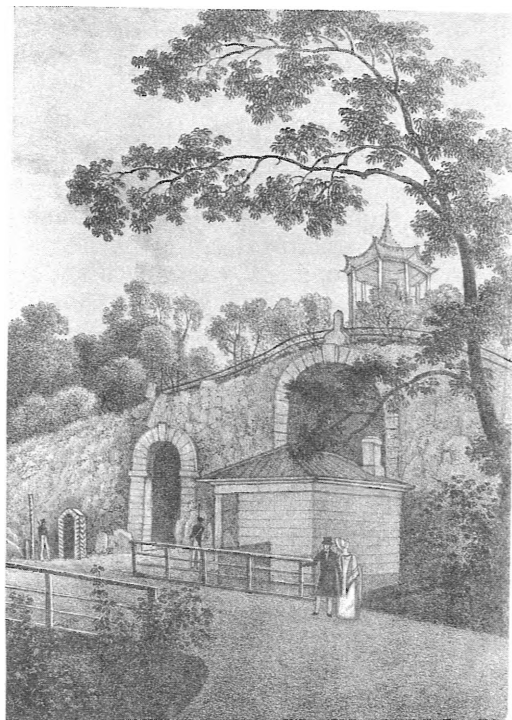
25 сего Июля 1831 г. Павловск

Письмо это уйдет лишь послезавтра, мой добрый друг. До понедельника я надеюсь иметь от тебя вести; после твоего письма, написанного 20-го, мы ничего не получали. Сейчас мы послали к Павлу Федоровичу¹ узнать, нет ли чего. Тем временем я хочу побеседовать с тобой, дабы заговорить свою скуку. Начну с сообщения, что все нам советуют склонить тебя остаться в Петербурге. К счастью, болезнь у нас утихает. Погода, видимо, начинает портиться, затем — трудности попасть в карантин, 14 дней, которые там надо выдержать —

не стоит причинять себе все эти беспокойства и неприятности, чтобы приехать в Павловское, где, быть может, мы не сможем долго оставаться². Весьма возможно, что мы будем вынуждены присоединиться к тебе или отправиться далее. Надо подождать следующего месяца, который решит нашу судьбу. Но, во всяком случае, мы повидаемся прежде, чем действовать и предпринимать путешествие, либо оставаться там, куда нас приведет Провидение. В Острове холера, я жду письма от П р а с к о в ь и А л е к с а н д р о в н ы³. Если болезнь эта подойдет ближе к М и х а й л о в с к о м у, то как туда ехать? У нас есть дела, которые требуют присутствия Папá в Москве, но как предпринять это путешествие, не зная, нет ли там опасности холеры? Мы очень хотели бы повидать в З а р а й с к е⁴ Сонцовых, которые ждут нас с таким нетерпением. В нашем возрасте должно торопиться видеть друг друга, и потом, какое это будет утешение для твоего Отца, так долго разлученного с единственным человеком, оставшимся из его семьи. Их только двое, и вот уже шесть лет, как они не видались⁵. Вот, мой добрый друг, о чем мы не перестаем говорить и размышлять. Убежденные, что Господь все сделает для нашего блага, мы верим, что он благословит наши начинания и внушит нам, как нам поступить. Сколько благодарений должна я воздать Ему за то, что ты здорова, что я могу так часто иметь от тебя вести и даже, если ты того хочешь, видеть тебя у Кордона, как я уже тебе говорила в моем последнем письме.

А вот и твое, которое мне принесли от П а в л а Ф е д о р о в и ч а. Пойду немного погулять; воротясь, я тебе отвечу.

Я в восторге, мой добрый друг, что ты наконец решилась выезжать, я уверена, что тебе нужно развлечение — это лучшее лекарство против нервов. Надеюсь, ты продолжаешь видаться со своими знакомыми на Островах, и я тебе не советую делать шагов для приезда сюда, холера очень сильна в Ижоре⁶, это в 12-ти верстах от Ц а р с к о г о, 20 человек умерли. Если так будет продолжаться, придется, пожалуй, собирать пожитки и бежать в Петербург. Мы видаемся с Александром и Натали, Царское не оцеплено, ниже Сад; но как ни у нас, ни у твоего брата нет лошадей и найти их невозможно, то мы и не видаемся так часто, как бы хотели. Последний раз это удовольствие доставила нам г-жа Архарова; я хожу пешком к Малиновским и возвращаюсь не утомившись, но до них слишком далеко. Александр часто делает этот конец, жена его плохой пешеход, она гуляет лишь по саду⁷. Графиня Толстая⁸ прислала за нами однажды и привезла нас назад, но я не хочу злоупотреблять ее любезностью, ибо муж ее, по своей службе,

Царское Село. Большой каприз.
Акварель. 1810-е гг.

должен совершать много поездок. Когда найдем наемного кучера, мы тебе напишем, мой добрый друг, и назначим день, когда тебе можно будет отправить их с И с а к о м, который останется. Мне нужно узнать, пропустят ли коляску; еще попрошу тебя не забыть распорядиться, чтобы нам послали также новые упряжи. Вот какое-то письмо на твой адрес, по-моему, от Аннет Вульф; мать ее⁹ мне не пишет, мне нужен ее ответ, это мне досаждало. Моя ленивица Княгиня¹⁰ тоже хранит молчание, я сержусь.

Воскресенье утром

Пришла от Обедни, и г-жа Архарова зовет нас обедать и провести у нее день. Эта история повторяется ежедневно, я охотно хожу туда по вечерам, но обедать люблю у себя. Сегодня отнесу ей эту жертву, потому что вчера не видала ее весь день¹¹. М-ль Шевич¹² чувствует себя очень хорошо и все спрашивает о тебе. Мне кажется, у меня страсть к Г о р б у ш к а м, я очень люблю сестру Александрины Шевич¹³, она напоминает мне Натали Талызину¹⁴. Была ты в Парголове, у г-жи Княжниной¹⁵? Знаешь ты что-нибудь об А н н е И в а н о в н е¹⁶ и ее ученице? В Т а и ц а х ли они? Их горничная девушка очень хочет к ним попасть, она очень грустит, даже почти что больна из-за этой неопределенности. Погоды несколько дней как начали меняться, довольно неприятный холодный ветер, но в Саду находишься под прикрытием. Прощай, мой добрый друг, завтра надеюсь иметь от тебя письмо. Целую тебя очень нежно. В качестве новости скажу тебе, что Император и Императрица встретили Натали и Александра; они остановились с ними поговорить, и Императрица сказала Натали, что очень рада с нею познакомиться и тысячу других вещей, очень милых и очень любезных. Вот она и вынуждена появиться при Дворе, совсем против своей воли.

Только что собралась положить перо, чтобы делать туалет, как П а в е л Ф е д о р о в и ч пришел передать нам твое письмо от 24-го. Я на него не отвечаю, तोплюсь, и потом, я сказала тебе все, что знаю.

Сергей Львович:

Письмо, к сему прилагаемое, не от М-ль Вульф, а, конечно, от Алиши¹⁷. Все, что тебе пишет Мама, лишь ежедневный наш разговор, ибо, истинно, в настоящих обстоятельствах нельзя знать, где должно будет решиться провести осень и зиму.— Я говорил Ж у к о в с к о м у насчет дозволения от кн. Волк [онского]¹⁸. Он мне советовал написать ему, но не берется с ним о том говорить. Если решишь приехать, я ему напишу. Когда увидишь В а р в а р у Я к о в л е в н у¹⁹, скажи ей, что я не спешу дать доверенность на свои дела тому Господину, о котором она мне говорит. Нужно, чтоб я, по крайней мере, увидел его и поговорил с ним, это так легко не дается. Впрочем, я об этом писал С е м е н у И с а к о в и ч у, ему, вероятно, я это поручу²⁰. Он его повидает, с ним поговорит и даст мне о том отчет. Прежде всего, наши бумаги, которые у У с о л ь ц е в а, будут распечатаны лишь к концу Августа месяца. К тому времени, может статься, я буду в Петербурге. Прощай, д у ш и н ь к а! Целую тебя очень нежно. Не думай о нашем заключении. Мы о нем давно забыли. Что останется от денег, возьми себе. Пиши нам по-прежнему. Кончаю за неимением места.

Вчера за обедом я говорил о смерти г-жи Витт²¹. Там оказался некий г-н Чернышев²², ее племянник, который очень плакал... Он ничего о том не знал, и это меня опечалило.

Врс., с. 779.

¹ Малиновскому П. Ф.

² «Отец мой горюет у меня в соседстве, в Павловском...» — писал Пушкин князю П. А. Вяземскому 3 июля 1831 г. и 21 июля П. В. Нащокину: «В Ц[арском] Селе также все тихо; но около такая каша, что Боже упаси» (XIV, 187 и 196).

³ Осиповой

⁴ В Зарайском у. Рязанской губ. находилось имение Сонцовых Коровино. Описание Зарайска того времени см.: Раевская Е. И. В память немногих // *РА*. 1888. II. С. 298.

⁵ Сонцова Елизавета Львовна (13 VIII 1776—27 IX 1848, *МН*), урод. Пушкина, сестра С. Л., замужем за М. М. Сонцовым. Е. И. Раевская рассказывает: «В Зарайском уезде, в богатом имении своем проживал с семейством камергер С[онцов] жен[атый] на родной тетке нашего бессмертного поэта Пушкина. Она в 1831 г. была уже пожилой женщиной, но полна претензиями. Позднее о Пушкине не говорила она иначе, как воздымая очи к потолку: „Мой племянник, бедная жертва!“ Неволяно, глядя на нее, бывало, вспомнишь Грибоедова: „Словечка в простоте не скажет, все с ужимкой...“ Дочь у С[онцовых] болела; вся семья переехала в город. Послали за Георгиевским. Входит: правая рука за бортом сюртука. Старая С[онцова] поджидает его в гостиной, лежа на диване в живописной позе и нюхая какие-то соли из флакона. Ломаясь, она начинает распространяться ему о своем материнском чувстве... А в сущности, двум ее дочерям, прелестным девушкам, было жить в родительском доме очень плохое. Врач стоит перед ней, молчит минут пять. Наконец надоело ему слушать пустые речи: „Сударыня, ведите меня к больной!“ — отчеканил он строго и резко. Дочь он вылечил, но мать о нем иначе не говорила, как „это чудовище“» (В память немногих // *РА*. 1888. II. С. 301). П. А. Вяземский в 1825 г. писал жене из Ревеля: «Авось, нальется воды в море, которое высохло, как Сонцова» (*ОА*. V. Вып. 1. С. 69). Л. С. Пушкин видел С. незадолго до ее кончины, 16 сент. 1848 г. О. С. писала мужу: «Леон видел Сонцовых — моя тетка приговорена, смерти ее ожидают каждую минуту» (*ПД*, ф. 244, оп. 20, № 94). «Сговорная» на С. опубликована, см.: *Летописи ГЛМ*. С. 273.

⁶ Ижора — слобода Царскосельского у., «около 8 в. от Павловска и 6 в. от Царского Села» (Еропкин В. М. Из воспоминаний // *РА*. 1878. Кн. 1. № 2. С. 175).

⁷ «Летом 1831 г. в Царском Селе многие ходили нарочно смотреть на Пушкина, как он гуляет под руку с женою, обыкновенно около озера. Она бывала в белом платье, в круглой шляпке, и на плечах свитая по-тогдашнему красная шаль» (Из рассказов А. О. Роскета про Пушкина // *РА*. 1882. № 2. С. 245).

⁸ Толстая Е. П.

⁹ Осипова П. А.

¹⁰ Трубецкая Е. А.

¹¹ П. В. Анненков в черновых заметках для биографии Пушкина, неизвестно на основании каких сведений, говорит, будто Н. О. «подличала перед Архаровой». Слова самой Н. О. вполне опровергают это утверждение Анненкова (приведено в статье Б. Л. Модзалевского «Работы П. В. Анненкова о Пушкине» — см.: *Модзалевский*. С. 341).

¹² Шевич А. И.

¹³ Шевич Л. И.

¹⁴ Тальзина Н.

¹⁵ Княжнина В. А.

¹⁶ Рудольф А. И.

¹⁷ Сонцова О. М.

¹⁸ Волконский П. М.

¹⁹ Лицо невыясненное, возможно Плещеева (см. письмо 22).

²⁰ Ганнибал — С. Л., по-видимому, действительно поручил ведение своих дел С. И. Ганнибалу. Н. М. Сердобин писал 17 нояб. 1831 г. Б. А. Вревскому: «... недавно видел в Ломбарде Пушкина отца <...> Он был с господином, которого я по складу лица принял за Ганнибала, и, кажется, не ошибся» (*Псв*. XXI—XXII. С. 371).

²¹ *Витт* — возможно, имеется в виду Александра Алексеевна, урод. Всеволожская, жена Александра Александровича де Витта (см.: *Лобанов-Ростовский*, Т. 1. С. 124), двоюродная сестра А. В. Всеволожского, женатого на княжне С. И. Трубецкой. Дата ее смерти неизвестна.

²² Лицо неизвестное.

30 Надежда Осиповна:

*Суббота 1-го сего Августа
[1831 г. Павловск] **

Сию минуту отправляю Федора со всеми твоими вещами в Каменку, мой добрый друг, и только что получила твое письмо, в коем ты сообщаешь мне

* В рукописи Л. Слонимской это письмо имело номер 32, но, исходя из определенной нами датировки двух последующих писем, оно должно занять настоящее место. — *Прим. В. С.*

новости из Москвы. Это ужасно. Удивлена, как это пропустили письмо Алиши ¹, я никогда не смею ничего писать по почте и опасаясь твоего неблагоразумия — как это можно говорить так вольно *. Сделай милость, будь сдержаннее. Вчера я узнала, что болезнь в Петербурге усилилась, надеюсь, что это неправда. Во вторник в полдень я приду с Папá к кордону повидаться с тобой, мой добрый друг. Александр пожелал навести справки относительно карантина, я расскажу тебе, что есть нового. Прощай, иду к обедне и уступаю перо твоему отцу, целую тебя очень нежно.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька!

Прошлый раз я не мог прийти повидаться с тобой, но во вторник надеюсь непременно иметь это удовольствие.— Известия Алиши очень прискорбны. Мой зять в последнем своем письме сказал просто, что он очень рад, что покинул Москву, ибо там болезни всевозможные. Полагаю, он говорил об этом дьявольском заговоре ². Господь не допустил, чтобы он удался, и надо надеяться, он защитит нас всегда. Я послал Леону денег, и завтра собираемся еще ему написать. Как у меня сжалось сердце, когда я узнал, что в доме Дмитриева ³ умер г-н Рост ⁴. Даже сейчас подумать об этом не могу без того, чтобы мурашки у меня по коже не побежали, и правда, тут испугаешься и не будучи трусом **. Прощай, дорогая Олинька! Целую тебя очень нежно, и до свидания во вторник.

Рукою Надежды Осиповны:

Ольге Сергеевне Павлицевой

¹ Сонцова О. М.

² Речь идет о деле Н. П. Сунгурова (р. 1805), бывшего студента Московского университета и его товарищей: Ю. П. Кольрейфа, Я. И. Костенецкого, П. А. Антоновича и др., числом 22 человека, обвиненных в сочувствии полякам, стремлении к ниспровержению существующего порядка и введению конституции. Общество это было открыто 17 июня 1831 г. по доносу одного из его членов, студента Полонина. Часть обвиняемых была разжалована в солдаты, часть сослана на каторгу, С. умер в Нерчинске. О деле С. см.: Герцен А. И. Былое и думы. Ч. I. Гл. VI; Пассек Т. П. Из дальних лет. М., 1963. Т. I. С. 422, 448; письмо А. Я. Булгакова к брату // РА. 1902. I. С. 68; РА. 1912. III. С. 481; РА. 1906. I. С. 140; РА, 1887. II. С. 73; РС. 1889. № 7. С. 149.

³ Дмитриев Д. Д.— купец, владелец дома

в Казачьем переулке, где в 1831 г. жила О. С. (Ульянский. С. 63).

⁴ Рост Лаврентий Иванович — старик, живший над квартирой О. С. в доме Дмитриева — «чиновн[ик] 6 кл[асса], ум. 22 июня 1831 г. от холеры» (ЛД, КМ). «За полчаса до смерти был весел и обедал с большим аппетитом»,— писала О. С. о нем мужу 22 июня 1831 г. (Павлицев. С. 252). И 4 августа она же сообщала: «Г-н Рост (...) умер. Как никого близких при нем не было, то люди его обратились ко мне и принесли мне разные бумаги разобрать — между ними очень интересные по-французски» (Лсв. XV. С. 79). Этот Р. был, по-видимому, сыном профессора физики Московского университета И.-И.-Ю. Роста (Долгоруков И. М., кн. Повесть о рождении моем... Пг., 1916. С. 20). Возможно, о нем же говорит в своих «Записках» Свербеев (Т. I. С. 397; т. II. С. 26).

* Совершенно ясно, что в не дошедшем до нас письме О. С. Павлицевой, о котором сообщает Н. О. Пушкина дочери, та перелагала содержание письма Алиши (О. М. Сонцовой), в предыдущем послании родителей отосланной дочери, поскольку оно было адресовано ей. Это также подтверждает место данного письма, как следующего за 29-м от 22 июля.— Прим. В. С.

** В подлиннике игра слов: «A présent même je ne puis y penser sans me sentir la chair de poule, et en verité il ne faut pas être poule pour s'en éfirayer».

31 *Надежда Осиповна:**Понедельник [10 августа 1831 г. Павловск] **

Завтра утром, мой добрый друг, мы отправляем за лошадьми кучера и слугу. Ты пошлешь И с а к а с прилагаемым к сему моим письмом к К а т е р и н е В а с и л ь е в н е С о л о в о й ¹; вот еще словечко А н н е И в а н о в н е ², которое ты передашь ей, когда тебе вздумается. Вчера я видела княгиню Хованскую ³, она очень меня благодарит за письмо, ответ она уже послала с другой оказией. Карантин не скоро будет снят, это известно наверно. После того как в Петербурге не станет ни одного больного, будут ждать еще шесть недель, так решено. В четверг, после нашего свидания, мы были у Александра, они шли обедать к г-же Полуктовой ⁴ с м-ль Россети ⁵ и Жуковским. Мы пробыли у них до обеденного часа и потом отправились к себе, чтобы воротиться в Белозерку ⁶, где провели вечер **. Вчера я провела его у г-жи Архаровой с княгиней Хованской и двумя ее дочерьми, г-жой Сверчковой, рожденной графиней Гурьевой ⁷, княгиней Шаховской ⁸ и несколькими другими из тесного круга. Утром писала письма и гуляла, сейчас еще пойду ходить по саду, погода очень хороша. Как твоё здоровье, мой добрый друг, надеюсь, что окуривание не причинило тебе вреда и ты отдохнула после этого маленького путешествия. Завтра буду ждать твоего письма, чаю и лошадей. Кучер у нас уже есть, я предполагаю совершать поездки в Ц а р с к о е и чаще видать Александра, Натали и графиню Толстую ⁹. Г-жа Шевич покинула Павловское и надолго поселилась в Ц а р с к о м. Постараюсь повидать м-ль Титову ¹⁰, сейчас направлю свои стопы к их даче. Если я ее найду, то сообщу тебе в этом же письме. Скажи мне, как здоровье Софи ¹¹.

*Сергей Львович:**Вторник*

Первая моя забота по пробуждении, моя добрая Олинька,— это пожелать тебе доброго утра и поцеловать тебя очень нежно. Посылаю за лошадьми Прокопа с кучером. Из страха нового заключения я крепко ему наказал не забирать их безо всех предварительных на Кордоне предосторожностей. Вчера Мама́ не нашла дачи м-ль Титовой. Мы зашли очень далеко, а все оказывалось, что не приблизились к ней нисколько, хотя и следовали по указанной нам дороге. Это было похоже на заколдованный Замок и могло бы послужить эпизодом в Романах о Дон Кихоте.— По пути туда со мной произошло забавное приключение, на которое весьма вознегодовал бы Рыцарь Львов и Печального Образа. Мы встретили М-ль П л ю с к о в у ¹², я к ней приблизился, чтобы поздороваться.— Она до того перепугалась, что насилу пришла в себя и едва не упала в обморок на улице.— Дон Кихот, может статься, обернул бы это в свою пользу и ужас сей приписал бы великой к нему любви пригожей Девыцы. Прощай, дорогая Олинька, целую тебя от всего сердца.— Будь здорова, д у ш и н ь к а. Пиши нам. Со стесненным сердцем отказываюсь от свидания с тобой у Кор-

* Дата письма установлена нами по контексту писем 29, 30, 31, 32, а также писем за этот период О. С. мужу.— *Прим. В. С.*

** Речь идет о 6 августа.— *Прим. В. С.*

дона. Прощай. Хотел написать словечко Сем [енну] Исак [овичу]¹³, но я спешу. Посылать более чем время, а у меня 6 важных пакетов, которые нужно послать сдать на почту. Прости.

Врс., с. 779.

¹ Лицо неизвестное, вероятно, родственница Петрово-Соловова.

² Рудольф А. И.

³ Хованская Е. А. — см. письмо 26, прим. 12.

⁴ Полукетова Любовь Федоровна, урожд. княжна Гагарина, сестра княгини В. Ф. Вяземской, с 4 ноября 1817 г. замужем за Борисом Владимировичем Полукетовым (1778—6 X 1834), генерал-лейтенантом, участником наполеоновских войн (*Звенья*. VI. С. 222). В 1837 г. П. жила в Баден-Бадене, и у нее бывал изгнанный из России Дантес. А. Н. Карамзин писал 16 июля (н. с.) 1837 г. Е. А. Карамзиной: «В понедельник был бал у Полукетовой (...) странно было мне смотреть на Дантеса, как он с кавалергардскими ухватками предводительствовал мазуркой и котильоном, как в дни былые» (Старина и Новизна. XVII. С. 319). О П. см. письма Кристина к жж. Туркестановой // *РА*. 1883. V. С. 713; письма П. А. Вяземского Пушкину (XIV, 214 и 218) и к жене // *ОА*. V. Вып. 1. II; письма М. А. Волковой к В. И. Ланской // *ВЕ*. 1875. № 8. С. 680; Письма А. И. Тургенева к братьям Булгаковым. М., 1939. По указ.; *Вигель*. Т. II. С. 165.

⁵ Россет Александра Осиповна (6 III 1809—7 VII 1882), дочь французского эмигранта Жозефа де Россета (ум. 1813) и Надежды Ивановны Лорер (1789—1825), сестры декабриста Н. И. Лорера. Фрейлина императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны, с января 1832 г. замужем за камер-юнкером Николаем Михайловичем Смирновым (14 V 1808—4 III 1870). Приятельница Пушкина, Вяземского, Лермонтова, Жуковского, Плетнева, Гоголя, Хомякова, Аксаковых. «Автобиография» А. О. Смирновой издана в Москве в 1931 г. (под ред. Л. В. Крестовой). Письма Р. П. А. Вяземскому // *РА*. 1880. II. С. 292; 1896. 21. С. 288; Смирнов Н. М. Из памятных заметок // *РА*. 1882. Кн. 1. № 2. С. 227. О Р. (Смирновой) см.: *Вяземский*. Т. III. С. 232; *Лорер*; Кошелев А. И. Записки. Берлин, 1884; Головин К. Мои воспоминания. Т. I. С. 205; *ОА*. Т. III. С. 568; *Псв. XXXVIII—XXXIX*. С. 223; Книга воспоминаний о Пушкине / Ред. М. А. Цявловского. М., 1925. С. 157; *Дневник* М. С. 99 и 166; *Письма*. III. С. 227 и др. О салоне Р. (Смирновой) см.: Аронсон М. и Рейсер С. Литературные кружки и салоны. Л., 1929. С. 183. Пушкин посвятил Р. два стихотворения: «От вас узнал я плен Варшавы» (1831) и «В тревоге пестрой и бесплодной» (1832). Ей посвящали стихи также П. А. Вяземский, А. С. Хомяков, Е. П. Ростопчина, В. И. Туманский, М. Ю. Лермонтов и И. П. Мятлев.

⁶ Дача П. Ф. Малиновского.

⁷ Сверчкова Елена Дмитриевна (ум. 6 III 1834), дочь министра финансов графа Д. А. Гурьева, сестра графини М. Д. Нессельро-

де, дипломата А. Д. Гурьева и товарища Пушкина по Лицею К. Д. Гурьева, вдова действительного статского советника, камергера, посланника при Тосканском дворе Алексея Васильевича Сверчкова (1791—16 II 1828, во Флоренции, *ПН*). О С. см.: Долгоруков П. В. Петербургские очерки: Памфлеты эмигранта. 1860—1867. М., 1934. С. 150; Беляев А. П. Воспоминания о С. в пережитом и перечувствованном с 1803 г. // *РС*. 1880. Т. 29. № 9. С. 24; письма братьев Булгаковых // *РА*. 1900. IX. С. 118; 1904. III. С. 412. С. удочерила племянницу канцлера К. В. Нессельроде Марию Нессельроде, впоследствии Калерджи-Муханову, блестящую пианистку, ученицу Шумана, Шопена и Листа, возлюбленную Эжена Сю, который вывел ее в романе «Вечный жид» под именем Адриенны Кардовиль. О ней см. статью «Мария Сверчкова» (*РС*. 1880. IX. С. 188); Велико-светская артистка // *ИВ*. 1910. IX. С. 959; Сабина М. С. Записки // *РА*. 1899—1904.

⁸ Шаховская Софья Алексеевна, княгиня (2 III 1790—28 XI 1878, *ПН*), урожд. графиня Мусина-Пушкина, внучка князя М. Н. Волконского, московского генерал-губернатора при Екатерине II (письма А. Я. Булгакова к брату // *РА*. 1900. II. С. 329; 1901. XI. С. 378), — жена князя Ивана Леонтьевича Шаховского (23 III 1777—20 III 1880), генерал-майора, командира гренадерского корпуса, участника польской кампании 1831 г. (Давыдов Д. Записки // *РС*. 1872. V—VI), впоследствии генерала от инфантерии, члена Государственного совета и председателя генерал-аудиторната (Памятная книжка на 1841 г. СПб., 1840. С. 134). С Ш. был в дружбе П. А. Вяземский, посвятивший ей стихотворение (*Звенья*. VI. С. 209). Сын С. А. и И. Л. Шаховских Александр был женат на графине Анне Михайловне Вильгоровской (дочери графа Вильгоровского и герцогини Луизы Бирон) — единственной женщине, в которую влюблен был Гоголь (Соллогуб В. А., гр. Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 293). О Шаховских см.: Комаровский Н. Е., гр. Записки. М., 1912. С. 66.

⁹ Толстая Е. П.

¹⁰ Титова Анна Алексеевна (4 III 1794—10 VIII 1858, *ПН*), дочь генерал-майора А. Н. Титова и Елизаветы Алексеевны Турчаниновой (оба умерли в 1827 г.). По матери Т. приходилась племянницей графине Н. А. Ивелич, двоюродной сестрой графине Е. М. Ивелич и свойственницей баронессе С. М. Дельвиц, с которой была дружна, как и с А. О. Мусиной-Пушкиной. Н. О. и С. Л. Пушкины были тесно связаны с родителями Т. (*Павлицев*. С. 172). Т. воспитывалась и провела жизнь в артистическом окружении. Отец ее был композитором, оперы его («Ям», «Девшник», «Посиделки», «Легковерные», «Татьяна Прекрасная», «Нур-зыхад» и «Кирилловы») с успехом ставились

в Петербурге и в Париже. Дядя ее С. Н. Титов — известный скрипач, альтист и виолончелист. Его жена Елизавета Ивановна, урожд. Домашнева, была писательницей. В доме Титовых бывали композитор Даниель Штейбельт (автор оперы «Ромео и Юлия»), Н. С. Семенова, В. А. Самойлов, Сандунова, Колосова, Огюст и др. Брат Т. — Н. А. Титов (1800—1875), генерал-майор, композитор-любитель, «дедушка русского романса», «друг и соревнователь Глинки», автор многочисленных вальсов, кадрилией, романсов и маршей. О Т. см.: Воспоминания // Древняя и новая Россия. 1878. № 12. С. 265. В 1835 г. Т. вышла замуж за офицера Образцового полка, стоявшего в Павловске, — Сергея Михайловича Измайлова, свойственника Пушкинных: родная тетка С. М. Измайлова Анна Васильевна (1754—1827) была замужем за Николаем Львовичем Пушкиным, братом С. Л. (Псв. XVII. С. 166).

¹¹ Окунева С. А.

¹² Плюскова Наталья Яковлевна (ок. 1780—23 I 1845, ПН), фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны. Происхождение Плюсковой загадочно, говорили, что по матери она правнучка императрицы Елизаветы Петровны (РА. 1900. I. С. 382; 1902. VII. С. 438). П. была приятельницей Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. И. Тургенева, Д. В. Дашкова, князя П. А. Вяземского. Пушкин знал П. с лицейских времен (Записки И. И. Пушкина о дружеских связях его с Пушкиным // Майков. С. 63). Ей посвящено стихотворение «К Н. Я. П.» (1818). О П. см.: ОА. I. С. 585; РА. 1868. С. 593, 658, 1425; РА. 1869. С. 646, 648; РА. 1906. I. С. 129; РА. 1910. II. С. 467; Державин Г. Р. Соч. СПб., 1876. Т. II. С. 378. Письма Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 387.

¹³ Ганнбалу — см. письмо 10, прим. 4.

32 Надежда Осиповна:

Понедельник утром [17 августа 1831 г. Павловск] *

Вчера в полночь, воротясь от г-жи Архаровой, я имела удовольствие найти на своем столе твое письмо, мой добрый друг. Оно пробыло в пути три дня. И в Москву съездить не дольше — это непростительно. Отец твой уже очень беспокоился. Если наши письма идут к тебе столь же медленно, не начни беспокоиться в свой черед. Истинно, я всех разумнее. Зная исправность этой почты, я терпеливо жду вестей из Петербурга, не без ропота, конечно, — это очень неприятно, — но я и не предаюсь черным мыслям, как это было в начале болезни. Слава Богу, она, видимо, приходит к концу. Срок карантина сократили, он длится лишь 8 дней, но снят он будет не так скоро. И с а к тебе вздор говорит, будто его окуривали, — ведь он через заставы не должен был проходить. Все было поручено Крестьянину, а потом их получили Кучер с Прошкой. И с а к преспокойно сидел в Каменке и пьянствовал, не имея сил двинуться, вот почему он не мог показаться тебе, я в том уверена. Спасибо, мой добрый

Граф Дмитрий Петрович Бутурлин.
Портрет неизв. худ. 1830-е гг.

* Дата письма установлена нами по контексту писем родителей к дочери и ее мужу за июль — август 1831 г. — Прим. В. С.

друг, за все усилия, кои прилагаешь, чтобы найти для нас квартиру, но не утруждай себя чересчур. Мы не торопимся покинуть Павловское, погода великолепна, и потом говорят, что воздух заразен для тех, кто возвращается из местностей, где холеры не было. Мне очень грустно, что Софи¹ все хуже и хуже, да ей и не жить, если она не желает себя беречь. Очень хотела бы я еще повидать ее. А н н а И в а н о в н а² неподражаема. Как это не знать, что есть почта в Ц а р с к о е, как не спросить, каким образом ты мне отправляешь письма? Что до нашего свидания у кордона, то я предпочитаю знать, что ты здорова в Петербурге, нежели видать тебя с головной болью, вызванной этими окуриваниями. Надеюсь, ты, как и я, пользуешься хорошей погодой, — я неумоима. Вчера ходила все утро, а с 5 часов после обеда и до 8 мы с г-жой Архаровой катались в линии по парку Павловского и в Ц а р с к о м С е л е, где ежедневно собираются слушать музыку. Там мы встретили Александра и его жену, они были с г-жой П о л у е к т о в о й³ и М-ль Россетти⁴. Сегодня они у нас обедают. А утром мы большим обществом идем завтракать здесь на ферме. Завтра утром еду в Ц а р с к о е нанести визиты графине Толстой⁵, г-жам Шевич⁶ и Веневитиновой⁷, вечером пьем чай у П а в л а Ф е д о р о в и ч а⁸ с М-ль Кочетовой⁹. Так как письмо это будет отослано лишь завтра и я должна одеваться, чтобы не опоздать на нашу увеселительную прогулку, то сейчас покидаю тебя, завтра добавлю несколько строк.

Вторник

Здравствуй, дорогая Ольга, иду отправлять письмо на почту, имею время добавить одно лишь слово — просьбу удовлетворить мое любопытство. Здесь ходят слухи насчет скандальной истории с Эрмини¹⁰, не можешь ли ты узнать, что такое. Это произошло в Строгановом саду¹¹, никто не захотел рассказать этого ни Натали, ни Александру, им так же любопытно, как и мне. Раз ты мне ничего об этом не говоришь, видно, ты еще не знала. Вчера я сказала тебе, что мы идем большим обществом, это большое общество ограничилось г-жой Архаровой и ее двумя дочерьми, княгиней Шаховской¹² и детьми — вот и все. Прощай, уступаю перо твоему Отцу, который говорит — п о р а, п о р а.

Сергей Львович:

Более чем п о р а, дорогая Олинька, ибо сейчас 10 часов с половиной. Письма принимают лишь до полудня, а мы в пяти верстах от почты, куда слуга должен идти пешком. — Так что, по справедливости, у меня есть время лишь поцеловать тебя и поблагодарить за письмо, так как я и впрямь начал беспокоиться, зная исправность, с какой ты нам пишешь. — В том, что произошло с Эрмини на берегах Черной речки, видимо, есть нечто темное и подозрительное. Полагаю, это должно быть последнее приключение пятидесятипятилетней женщины*. Вот и все. Прощай, Д у ш и н ь к а. Тот дом, план которого ты нам послала, очень бы нам подошел, но я не хотел бы зря платить за лишний месяц; если дело обстоит так, что нужно взять его сейчас же и заплатить всю сумму зараз, то в настоящий момент это для меня невозможно. Прощай. Замечаю, что мне не хватает ни бумаги, ни времени.

Врс., с. 779.

Изм., с. 183.

---

* В подлиннике «du louche et du noir» — перефразировка заглавия романа Стендаля «Le rouge et le noir» («Красное и черное») (вышел в начале ноября 1830 г.), как и «dernière aventure d'une femme de cinquante cinq ans» — перефразировка заглавия романа Бальзака «La femme de 30 ans» («Тридцатилетняя женщина»).

¹ Окунева С. А.² Рудольф А. И.³ Полуектова Л. Ф.⁴ Россет А. О.⁵ Толстая Е. П.⁶ Шевич М. X. и ее дочери.⁷ Веневитинова А. Н.⁸ Малиновского П. Ф.

⁹ Речь может идти о двух Кочетовых. Любовь Иоакимовна — дочь профессора Духовной академии, законоучителя Царскосельского Лицея, автора богословских сочинений, протоиерея Иоакима Семеновича Кочетова (1789—1854), и его жены Марии Тимофеевны, урожд. Вещезеровой. Родная сестра Л. И. Кочетовой О. И. Кочетова — известный художник-гравер. Племянница Л. И. Кочетовой (дочь ее брата Разумника Иоакимовича) З. Р. Александрова-Кочетова — известная певица («русская Патти»), в 1880-х гг. — профессор Петербургской консерватории, была замужем за Вл. И. Немировичем-Данченко. О Л. И. см.: Сабинина М. С. Записки //РА. 1900. V. С. 45. Сабинина — пианистка, ученица Клары Шуман и Листа, двоюродная сестра К. Отзыв Пушкина об отце Л. И., протоиерее, см.: *Дневник М. С. 52*. Кочетова Екатерина Николаевна (ум. III 1867) —

дочь костромского губернатора Н. И. Кочетова, племянница Е. Р. Дашковой, фрейлина при трех императрицах (1803—1841). Знакомая Пушкина. Лето 1831 г. жила в Царском Селе. О Е. Н. см.: XIV, 245; Смирнова А. О. Автобиография. М., 1931. По указ.; *Письма*. III. С. 444.— *Прим. В. С.*

¹⁰ Имеется в виду Е. М. Хитрово. Пушкин писал князю П. А. Вяземскому 14 авг. 1831 г.: «Кстати: Лиза написала было мне письмо в роде духовной: верьте нежности той, которая будет любить вас и за гробом и проч., да и замолкла; я спокойно себе думаю, что она умерла. Что же узнаю? Элиза влюбилась в вояжера Могпау да с ним и кокетничает! Каково! О женщина, женщина! создание слабое и обманчивое...» (XIV, 208). Быть может, «скандальная история», о которой говорит Н. О., связана с этим Могпау (см. об этом эпизоде: Измайлов Н. В. Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. Л., 1927. С. 183).

¹¹ Сад дачи графа Строганова в Петербурге «расположен против Каменноостровского дворца (...) всегда открыт для публики и является местом общей встречи, в особенности по воскресеньям» (Дюмон-Этьен. Дневник //Голос минувшего. 1913. III. С. 86).

¹² Шаховская С. А.

33 Надежда Осиповна:

Павловское 20 сего Августа 1831

Вчера я получила твое письмо от 17-го, мой добрый друг, и завтра отправляю это. Я в восторге, что ты здорова и приятно проводишь время. Так как ты просишь у нас решительного ответа относительно дома у Никольской церкви, то скажу тебе, дорогой друг, что он нам не подходит по многим причинам. Прежде всего, он для нас слишком дорог, и нужно спешить снять его, не глядя, за месяц до нашего приезда; а потом, я не люблю той стороны, я хотела бы квартиру помесячно в Преображенском полку ¹ или в Литейной, приблизительно в этих местах. Но не утомляй себя поисками, это, я знаю, египетский труд: быть может, приехав в Петербург, мы легче найдем дом. Сейчас мы еще не думаем покидать Павловское, погода хороша, нужно ею пользоваться. Вчера утром я совершила чудесную прогулку, но вечером не тронулась из дому по причине проливного дождя и страшного ветра; сегодня ветер продолжается, но дождя нет. Я была в Царском. Графиня Толстая ² благодарит тебя за память и целует, как и Натали, и м-ль Шевич. Все эти дамы, за исключением Графини, готовятся к крестинам, которые состоятся послезавтра, в субботу ³. У нас всякий день курьеры из армии, и вести доходят до нас прежде даже, нежели до печати. От Леона ни единого письма. В Белостоке он или Брестлитовске — все равно он в опасностях; раз, будучи военным, избежать их нельзя, я предпочла бы знать, что он там, где лучше может отличиться ⁴. Тому, что говоришь мне о г-же Корсаковой и Бобринском, — верю с трудом ⁵. Думаю, это такой же вздор, как то, будто в Царском холера, а в Каменке снят карантин. Александр немало

тому посмеялся, он вчера был у нас. Как доходят до тебя наши письма, мой добрый друг? Все так же ли долго они в пути? Твои доставляются на третий день. Папá докучают письмами из Нижегородской деревни, которые мучают и огорчают его. Это огромные пакеты, один неприятнее другого, конца им нет ⁶. Скажи мне, пожалуйста, как лихорадка Фурманов ⁷? и что делает бедная Софи ⁸? Знаешь ли ты что-либо о г-же Энгель и ее дочери ⁹? Где они? Сегодня ночью я видела во сне их всех и г-жу Кн я ж н и н у ¹⁰. Я видела петербургское наводнение. По поводу наводнения вспомнила г-жу Вейдемейер ¹¹, которая ужасно их боится, выдаешь ли ты ее когда-нибудь? Тут одна кузина графини Толстой, которая очень дружна с ее сестрою, просила узнать у тебя обо всем этом семействе. С тех пор, как ей написали, что г-жа Мордвинова ¹² больна, она более не получает ответов на свои письма, что очень ее тревожит. Что еще сказать? Только что прочла «L'ape mort», о котором ты мне столько говорила, это ужасно, как и исповедь того же автора ¹³, какое страшное воображение! Это заставляет содрогаться, я не люблю этого рода, остается такое неприятное впечатление. Прощай, моя добрая, я посвятила тебя в свои прогулки, визиты и чтения, работаю я мало, чтобы продлить удовольствие, ибо как кончу подушку, то делать мне будет нечего, шерсти у меня мало, здесь она дорога и плоха. Прощай еще раз, завтра Пятница, ты мне напишешь, неправда ли? Но получу я твое письмо — я в том уверена — не ранее Понедельника; в ожидании этого удовольствия целую тебя нежно. Я очень рада, что у тебя красивая собачка, какой она масти ¹⁴? Когда я ее увижу, образование ее будет уже почти закончено, иначе говоря — первые начала опрятности, не правда ли? Вот тогда я собак люблю. Р у с л а н здесь гораздо лучше себя чувствует. Он бегаёт весьма проворно и прыгает совсем, как встарь, он помолодел на много лет с той разницей, что больше не воюет ни с собаками, ни с мужчинами и не охотится за перчатками. Письмо г-жи Кушелевой ¹⁵ я передала ее горничной девушке, которая ей уже ответила. Она очень грустна и не знает, что ей делать, она упустила несколько возможностей, все выжидая ответа на письма, которые писала Анне Дмитриевне. Я тому свидетельница, потому что она всегда приходила со мной советоваться, бедняжка.

¹ С Преображенским полком (Литейная часть) были связаны у Н. О. воспоминания молодости: там до замужества она жила с матерью, бывая у Дондуковых, Кожиных, Архаровых, Волконских (см.: Титов А. А. М. Булатов // *РС*. 1887. I. С. 206). В Соляном переулке жили родители Пушкина зиму 1800/1801 г.— это первый петербургский адрес Пушкина. Современный адрес — Соляной, 14. Дом перестроен. — *Прим. В. С.*

² Толстая Е. П.

³ Крестины великого князя Николая Николаевича (27 VII 1831—13 IV 1891) состоялись 22 августа 1831 г. в Царском Селе, в церкви Екатерининского дворца. См. письма К. Я. и А. Я. Булгаковых // *РА*. 1903. XII. С. 571; *РА*. 1902. I. С. 79; Каменская М. В. Воспоминания // *ИВ*. 1894. VII. С. 45; Веригин А. Н. Депутаты новгородского дворянства в Царском Селе в августе 1831 г. // *РС*. 1891. V. С. 512.

⁴ Л. С. Пушкин в чине поручика Финляндского драгунского полка «с 25 августа по 23-е сентября (1831 г.)» принял участие в стычке с поляками под Пултуском, в разбитии мятежников под местечком Ненельске, в поиске отряда генерал-майора Дохтурова на Плонск и

в преследовании остатка польских войск к прусской границе, за что награжден чином штабс-капитана, а за бытность в сражении получил польский знак отличия военного достоинства 4-й степени» (Молодость А. С. Пушкина по рассказам его младшего брата // *Майков*. С. 39).

⁵ В это время знакомых Пушкиным Корсаковых могло быть три: Александра Ивановна Корсакова, урожд. Буткевич,— жена брата лицейского товарища Пушкина, стихотворца и цензора П. А. Корсакова (письма П. А. Корсакова к М. Н. Загоскину // *РС*. 1902. VIII. С. 357); Софья Алексеевна, урожд. Грибоедова, двоюродная сестра писателя и сестра княгини Елизаветы Алексеевны Паскевич,— жена Сергея Алексеевича Корсакова, которую «предание называет прототипом Софьи Фамусовой» (Гершензон М. Грибоедовская Москва // *Голос минувшего*. 1913. XII. С. 5); наконец, Софья Николаевна Корсакова, урожд. Мордвинова,— жена С. Н. Корсакова, героя 1812 г. (Толстой М. В., гр. Воспоминания // *РА*. 1881. II. С. 73). Следов романа между графом А. А. Бобринским и какой-либо Корсаковой в литературе не сохранилось.

⁶ «Управляющий осаждает меня письмами из

Нижнего: этот господин мне поет, что распрощусь с именем, если не внесу уплату в самом скором времени в Опекунский совет», — пишет С. Л. Льву Сергеевичу (*Павлицев*. С. 309). «Мой отец в весьма стесненных обстоятельствах, — писала О. С. мужу 4 сент. 1831 г., — ему затеряли — как говорит управитель — 4000 оброка, которые он ожидал» (*Псв*. XV. С. 88). И в конце сентября: «Отец мой (...) рискует видеть свое имение проданным с молотка и, однако, снимает здесь дом. Он должен казне 175 000 и не может уплатить процентов» (там же. С. 92). См. также: *Летописи ГЛМ*. С. 93, 119 и далее.

⁷ Фурман А. Н. и А. Ф.

⁸ Окунева С. А.

⁹ Энгель Анна Карловна, по первому браку Адамович, жена действительного статского советника, члена Государственного совета Ф. И. Энгеля (ум. 9 III 1837), назначенного в 1831 г. Председателем Временного правления Царства Польского. Энгель был давнишним приятелем С. Л. и по его просьбе устроил Н. И. Павлицева в Варшаве (*Павлицев*. С. 60 и 239). Около 1820 г. Энгель женился (письмо И. Н. Инзова к К. Я. Булгакову от июня 1820 г. // *РА*. 1863. С. 866), и у его жены была дочь от первого брака, Софья Семеновна Адамович, вышедшая замуж за Романа Федоровича Фурмана (1784—1851), служившего также в Варшаве в качестве председателя Комиссии финансов и казначейства в Царстве Польском, впоследствии сенатора. А. К. Энгель и С. С. Фурман, как и О. С., летом 1831 г. жили в Петербурге, тогда как мужья их уже находились в Варшаве (*Псв*. XV. С. 48). 4 авг. 1831 г. О. С. отправила мужу следующее письмо: «Твоя невестка сообщила мне только что прелестную новость; она узнала от своего брата, что вы поссорились с Энгелем (...) Нет, не может этого быть! Если вы больше не при Энгеле, то вас, конечно, назна-

чили консулом, или вице-губернатором, или частным приставом, или соляным приставом. Поссорился с Энгелем!! Вдобавок говорят, что тебе одному не уйдешь с таким начальником» (*Псв*. XV. С. 81).

¹⁰ Княгиня В. А.

¹¹ Вейдемейер Т. С.

¹² Мордвинова Александра Семеновна, урожд. княгиня Херхеулидзева (1802—21 XI 1848), сестра Т. С. Вейдемейер, замужем за статс-секретарем, действительным тайным советником сенатором А. Н. Мордвиновым (5 VI 1792—31 I 1869), по мужу приходившаяся кузиной друзьям Пушкиных Галызиным (письмо 22, прим. 11). После смерти М. Я. Фон-Фока (с 1 сент. 1831 г.) А. Н. Мордвинов стал управляющим III отделением и в этом качестве находился в переписке с Пушкиным (Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором. Л., 1925. С. 6).

¹³ «Мертвый осел, или Гильотинированная женщина» (Paris, 1829) и «Исповедь» (Paris, 1830) — романы Жюль Габриэля Жанена (1804—1874). Первый роман был в библиотеке Пушкина (*Псв*. IX—X. С. 258), и Пушкин находил его одним из замечательнейших современных произведений (письмо его княгине В. Ф. Вяземской — XIV, 81); по вопросу об отношении Пушкина к творчеству Ж. Жанена см.: Томашевский Б. В. Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово. Л., 1927. С. 224 и 226; письмо князя П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу 25 апр. 1830 // *ОА*. III. С. 193 и 546; и *Лернер*. Рассказы. С. 184.

¹⁴ Это Жанно, умерший вскоре от холеры (*Псв*. XV. С. 56 и 81). По поводу пристрастия О. С. к собакам Пушкин писал ей 27 июля 1821 г. из Кишинева: «Какие твои любимые собаки? Позабыла ли ты трагическую смерть Омфалы и Бизара? (XIII. 31).

¹⁵ Кушелева А. Д.

34 Надежда Осиповна:

Пятница 4 сего Сентября [1831 г. Павловск]

Вчера я получила письмо твое от 1-го, мой добрый друг. Я передала деньги бывшей горничной девушке г-жи Молчальницы¹. Надеюсь, наши письма ты получила и будешь в настроении в первый же раз, как станешь мне писать. Письмо г-жи Осиповой от 22 июня. Вот как быстро идут Стр а х о в ы е! Здесь всякую минуту ждут курьера, он должен привезти известие о взятии Варшавы, которую, в случае сопротивления, возьмут приступом². Фельдмаршал кликнул волонтеров, многие молодые люди вызвались на это страшное дело, я уверена, что Леон в их числе, как он бывал столько раз, да хранит его Бог³! Иду обедать к г-же Архаровой, дабы скорее получить вести из армии, ибо княгиня Шаховская⁴ имеет их очень часто от своего мужа; вчера бедная женщина была

вся в слезах, графиня Соллогуб⁵ и я не спокойнее, имея там своих сыновей. Несколько дней как вышло разрешение ездить в Петербург, но на один только день; если там не ночуешь, то не надо выдерживать карантина, который, впрочем, скоро будет снят. Ежели так, то я приеду тебя проведать, мой добрый друг, но ничего не смогу сделать на предмет Домов ввиду малого времени, какое у меня будет на свидание с тобой. Пока целую тебя от всего сердца.

Сергей Львович:

Начну с того, что тоже поцелую тебя от всего сердца, дорогая Олинька, и скажу, что очень раздосадован, что ты неисправно получаешь наши письма.— Сужу о том по себе, надеюсь, однако, что в момент, как тебе пишу, ты наше последнее получила, а это недолго будет в пути. На этот раз тоже попрошу тебя распорядиться передать прилагаемое С е м [е н у] И с [а к о в и ч у]⁶. Это ответ на то, что он мне сегодня пишет. Сказала ли ты моей племяннице⁷, что письмом ее очень нас позабавило? Не далее как вчера я встретил М-ль Титову⁸ на нашей уединенной прогулке, ибо небо было покрыто тучами, и, кажется, только я да она отважились пробежаться по парку. Прости, Душ и н ь к а, никаких особенных новостей не имею тебе сообщить. Мы — в ожидании. Если будем иметь какое-либо известие или получим что от Леона, поспешим дать тебе знать. В случае ежели г-н Никеша найдет дом на 6 месяцев, прошу тебя нам сообщить. Скоро надо будет подумать о нашем возвращении. Целую тебя тысячу и тысячу раз. Видала ли В и ш н е с к и х⁹ с тех пор, как нам писала? Оно точно грустно, что этот бедный Н и к о л [а й] Г а в р и л [о в и ч]¹⁰ намерен, как видно, окружить себя многочисленным семейством; ведь он, мне кажется, и родителей своих еще содержит. Прости, до свидания.

¹ Кушелева А. Д.

² Варшава была взята штурмом 26 августа 1831 г. генералом Толем. Описание штурма Варшавы см.: Филипсон Г. И. Воспоминания // *РА*. 1883. V. С. 139.

³ Л. С. Пушкин участвовал в штурме Варшавы, «явив на приступе чудеса храбрости»; под ним была убита лошадь (*Павлицев*. С. 248).

⁴ Шаховская С. А.

⁵ Соллогуб С. И.

⁶ Ганнибал С. И.

⁷ Сонцова О. М.

⁸ Титова А. А.

⁹ Вишневы — старинные друзья Пушкиных по Москве: Гавриил Федорович, коллежский советник (*КМ*), оставшийся в Москве во время занятия ее французами (К истории 1812 г. // *РА*. 1866. С. 70); жена его Софья Михайловна (ум. 8 I 1847, *МН*) и их дети: Федор, Николай, Вера, Елизавета, Мария, Степан и Прасковья. О. С. упоминает Вишневских в письме к тцу

от 27 апр. 1837 г. (*Псв*. XII. С. 112) и в письмах к мужу 1840-х и 1850-х гг. (*ПД*, ф. 224, оп. 20, № 94). См. также письмо 75, прим. 6.

¹⁰ Вишневы Николай Гаврилович (ум. 1866), сын Г. Ф. и С. М. Вишневских (прим. 9), в 1850-х гг. — председатель Рязанской казенной палаты, женат на Прасковье Федотовне N (ум. 1867) (*ПД*, *КМ*). «Г-жа Вишневская, красавица, которую вы находили дурнушкой и которая и правда сейчас очень подурнела, но все ж очень хороша <...> — писала О. С. мужу 22 нояб. 1835 г. — У мужа ее место в 4000, у них очень хорошая квартира за 700 у Аничкова моста и, видимо, достаток во всем — а все оттого, что у них порядок и экономия, несмотря на троих детей» (*Псв*. XVII—XVIII. С. 192). Дружба О. С. с В., который был советником в ее делах, и его семьей продолжалась до его кончины. С детьми В. в годы пребывания в Училище правоведения дружил сын О. С. — Лев Николаевич (*ПД*, ф. 221, оп. 2, № 6).

35 *Надежда Осиповна:**Среда утром [9 сентября 1831 г. Павловск] **

Этот негодный Лейбаум (а не Вульфферд, как я его назвала, словом, хозяин того дома, который, как мне думалось, я сняла) поставил нас в такое затруднение, что мы вынуждены послать *П р о ш к у* с письмом к тебе, и еще к г-же *К н я ж н и н о й*¹ и к *В а р в а р е Я к о в л е в н е*². Вообрази наше разочарование, мой добрый друг; едва я воротилась, как докладывают нам г-на Лейбаума, который, уже не застав меня у тебя, ринулся как сумасшедший вслед за мной в Павловск, чтобы от имени своего отца принести нам отказ и возвратить задаток и сказать, что они получили из деревни известие, будто сестра его заболела и мать, для лечения, везет ее обратно в Петербург. В то же время он порекомендовал нам другой дом, адрес прилагаю. Он, кажется, не дорог, но на краю города, я бы предпочла дом Мадатова³, если б уступили мне его на шесть месяцев. Пишу на этот предмет *В а р в а р е Я к о в л е в н е*, но так или иначе по возвращении *П р о ш к и* мы должны будем ехать сами, или Папа поедет совершать все эти походы один, а я пока отдохну. Мне кажется, это все выдумки Лейбаума, болезнь его дочери — попросту увертка, но не могу постичь, какова причина, почему нас вдруг не захотели после того, как были со мной так обходительны и любезны! — Прощай, мой добрый друг, целую тебя нежно. Читала ты два письма, которые Папа послал мне отсюда по почте?

Сергей Львович:

Я вовсе не верю роману г-на Лейбаума. Поразмыслив, он пожелал оставить дом за собой, но я нахожу, что это с его стороны весьма скверная шутка, и очень досадую, что не наговорил дерзостей г-ну его сыну. Женщину не заставляют бегать даром. Мама могла бы еще остаться у тебя и найти другой дом. Но что делать, душ и н ь к а! Не вздумай сама идти смотреть квартиру по прилагаемой записке. Теперь это тебя утомит, но попроси об этом *В а р в а р у Я к о в л е в н у*. Она не далеко от тебя, в конце *С е м е н о в с к о г о* полка, возле улицы, которая ведет к Московской заставе. Цена очень приличная. Прощай, целую тебя очень нежно, мы спешим. Прошу тебя как можно скорее доставить письмо г-же *К н я ж н и н о й*, дабы мы без промедления имели ее ответ. Пора возвращаться в город и особенно решить насчет дома.

Рукою Сергея Львовича:

Ольге Сергеевне Павлищевой

¹ Княжнина В. А.² Лицо невыясненное (Плещеева? — см. письмо 22, прим. 24).³ Мадатов — владелец дома в Грязной ул. у Владимирской церкви (см. письмо 1, прим. 18). Родители хотели бы снять именно эту квартиру. — *Прим. В. С.** Дата письма установлена нами из контекста писем 34, 35, 36.— *Прим. В. С.*

Пятница 25 сего Сентября [1831 г. Павловск]

Пишу только затем, чтобы сказать тебе, мой добрый друг, что в Воскресенье к тебе приеду, ибо Папá никогда никакого дома без меня не решится взять. И так, ему нет надобности ездить в Петербург, пока все не будет кончено. Я могу заключить контракт на свое имя, это все равно, или же его для этого вызвать. Я удивлена, что Линбаум¹ нам говорил и пишет положительно, будто квартира, которую он нам рекомендует, стоит 1500 рублей, а оказалось еще 1000 лишних. Первой моей заботой по приезде будет дать ему об этом знать, может статься, уступят, а пока я возобновлю свои походы. Прощай или, вернее, до свиданья, поздно, я тороплюсь. Очень благодарю эту добрую В а р в а р у Я к о в л е в н у за все ее попечения обо мне.

Сергей Львович:

Здравствуй, дорогая Олинька!

Дома эти — египетский труд. Мне казалось, что после холеры будет гораздо меньше любителей Петербурга. Прощай, до свиданья, надеюсь, однако, что на сей раз Мамá не встретит другого Лейбаума. Целую тебя очень нежно. — Александр хотел сегодня ехать в Пет[ербург]. — А вот м-ль Аннет², которая делает тебе реверанс.

¹ В письме 35 — Лейбаум, владелец дома.

² Титова А. А.

1832

октябрь — декабрь

За 1832 г. сохранилось 7 писем Н. О. и С. Л. Пушкиных к дочери.

Первоначально старики Пушкины предполагали провести зиму 1831/32 г. в Москве, и О. С., отчаявшись в возвращении Н. И. Павлицева из Варшавы, думала ехать вместе с ними. «Мои родители на эту зиму собираются в Москву, — писала она мужу 17 мая 1831 г., — я чувствую некоторый соблазн ехать с ними, потому что здесь, с вашей дурацкой Польшей, я, конечно, не увижу вас долго, а может быть, и никогда» (*Псв.* XV. С. 64). Однако план этот не осуществился — зиму 1831/32 г. Пушкины прожили в Петербурге. Александр Сергеевич приглашал О. С. к себе, но она отказалась: «Мы — добрые друзья с Александром, и особенно с его женой, но я не хочу жить с ним, потому что их образ жизни противоречит моим привычкам» (там же. С. 89). О. С. решила остаться с родителями. «Я к ним переезжаю <...>» — писала она мужу и 6 окт. сообщала: «Родители мои сняли на год дом у Синего Моста» (там же. С. 95). Это был дом Вульфберта, у Синего моста (*Летописи ГЛМ.* С. 107). Там они прожили вместе до 22 июня 1832 г., когда старики Пушкины уехали на лето в Михайловское, а О. С. (которая собиралась, погостив у родителей в деревне, прямо из Псковской губернии отправиться в Варшаву) вынуждена была по болезни остаться на время в Петербурге. Дата их отъезда устанавливается благодаря неопубликованному письму О. С. А. П. Керн 23 июня 1832 г.: «Мой добрый друг, родители мои вчера уехали в деревню <...> Третьего дня был день рождения Мама́, но не это помешало мне вас навестить, а кое-что другое — это ужасная боль в ноге <...> я не могу сделать ни шагу, меня возят как Троицу — вещь для меня нестерпимая...» (*ПД*, ф. 244, оп. 20, № 50). В середине июля она была еще в Петербурге и в письме к мужу 15-го числа вспоминала, чего стоило ей решение расстаться с родителями и ехать в Варшаву: «Отец обливает меня слезами <...> Мать твердит, что не может привыкнуть к моему намерению жить с тобой <...> Сцен было много» (*Псв.* XV. С. 133). Выехала О. С. из Петербурга только после 15 сентября, в Михайловском прожила до 6 октября и в Варшаву прибыла числа 10—11-го.

«На этих днях приехала из Петербурга давно ожидаемая Ольга Серг [еевна] Павлищева. Я чрезвычайно обрадовался ее приезду...» — записал 13 окт. 1832 г. А. Н. Вульф в своем дневнике (*Майков*. С. 185).

Несомненно, часть писем Н. О. и С. Л. за 1832 г. утрачена, ибо трудно предположить, чтобы они не писали ей, оставив ее больную в городе, с конца июня до 20-х чисел сентября, когда она наконец соединилась с ними. Сами они прожили в Михайловском до 11 декабря, когда отправились в Москву, приехав туда 17 декабря 1832 г.

Л. С., вступив в Варшаву с русскими войсками, сначала поселился на одной квартире с Н. И. Павлищевым (*Павлищев*. С. 248), а затем с графом М. Д. Бутурлиным (*Бутурлин*. 1897. II. С. 372). Осенью 1832 г., будучи в отпуске, он подал прошение об отставке, но оно затерялось в ордонансгаузе *, и Л. С. выключен был из службы за неявку в полк; после долгих хлопот ему удалось реабилитироваться, и, по ходатайству фельдмаршала И. Ф. Паскевича, 17 декабря 1832 г. он получил формальную отставку с чином капитана. В Варшаве он вел беспорядочную жизнь, проводя время в карточной игре и кутежах, проигрывая громадные суммы. Эта жизнь продолжалась два года, и только 5 октября 1833 г. он наконец покинул Варшаву и уехал в Петербург (см.: А. Н. Вульф и его дневник//*Майков*. С. 204).

Пушкин возвратился из Царского Села в Петербург около 20 октября и поселился в Галерной улице в доме Брискорн (см.: Широкий В. Ф. Пушкин в Петербурге. Л., 1937. С. 115). В мае 1832 г. переехал на Фурштаттскую в дом Е. П. Алымовой (там же. С. 121), и здесь, 19 мая, родилась у него дочь Мария. «Моя невестка разрешилась и, на мою беду, живет в Фурштаттской», — писала Ольга Сергеевна А. П. Керн 29 мая 1832 г. и 23 июня: «...не знаю, душа, когда я к тебе попаду, у брата жена больна, опять в постеле с нарывами на груди, и я не была с самих Крестин. Хороша золовка, передо всеми виновата, и никто не верит, чтоб я была больна» (*ПД*, ф. 224, оп. 20, № 50). В середине сентября Пушкин уехал в Москву, откуда вернулся после 10 октября; в начале декабря снова переехал на новую квартиру — на угол Большой Морской и Гороховой, в дом Жадимеровского, где жил до второй половины мая 1833 г. — до переезда на Черную речку, на дачу Миллера.

37 Надежда Осиповна:

Михайловское 17 сего Октября [1832 г.]

Мы имели утешение получить два твои письма, мой добрый друг, одно из Динабурга, другое — из Бреста, как и записку, доверенную тобой Извозчику, — она была нам передана на другой день при нашем пробуждении. Кузина моя имела любезность для нашего успокоения послать еще верхового на первую станцию. Он и твоя записка одновременно прибыли в Сухопольцово ¹, где мы оставались до 29-го. Дома ждал меня печальный сюрприз — я нашла письмо, написанное Папá Па в л у Ф е д о р о в и ч у ²; оно было нам возвращено по причине его смерти. Можешь вообразить, как это меня поразило и чего мне стоило объявить твоему Отцу утрату друга, к которому он питал любовь, невыразимую никакими словами. Дружба эта длилась 50 лет. Ничто не может утишить его скорби, я трепещу за его здоровье. Если бы кто-либо из вас троих был с нами, это

* Комендантское управление (с нем.). В королевской Франции ordonnance — королевский указ, имевший особенное значение.— *Прим. В. С.*

большим стало бы ему утешением, но отсутствие всех наших детей еще усугубляет нашу горестъ. Никогда не были мы так одиноки ³. Продолжай давать нам о себе вести, пиши по-прежнему на С и н с к ⁴, в Петербург ехать мы не думаем, мы собираемся по первопутку отправиться отсюда прямо в Москву. Спасибо, мой добрый друг, за все подробности твоего путешествия; сколько утомлений и докуч ты испытала, мне даже думать тяжело. К счастью, был у тебя этот добрый, этот превосходный кондуктор; Папá написал Боголюбову ⁵, чтобы его поблагодарить. Теперь ты в Варшаве, и я немного вздохнула, но в продолжение твоего путешествия ни минуты не имела покоя. Надеюсь, Леон сейчас с тобою, после твоего отъезда я получила еще одно письмо от него. — Г-жа Осипова еще не воротилась, была у меня г-жа Шушерина, добрые Тимофеевы нас не оставляют, как и Крес[тина] Сем[еновна] ⁶. Александрина Осипова ⁷ нас часто навещает. Эфрозина ⁸ не решается выезжать из-за плохих дорог, она брюхата. Я была у нее на Новоселье, ее новый дом очень красив ⁹. Вот про нас и все. Погода недурна, бывали даже очень хорошие дни, но я ими не пользуюсь, моя сыпь еще не совсем прошла, я сижу дома — работая, думая о вас, мои Дети, перечитывая письма твои и Леона. Знаешь ты, что П а в е л Ф е д о р о в и ч умер от холеры? У нас она уже в Порхове ¹⁰, вот новое беспокойство. Прощай, мой добрый друг, будь здорова, будь счастлива, целую тебя нежно, ты поцелуешь от меня Леона. Прости.

Сергей Львович:

Тысяча благодарностей, дорогой и добрый друг, за два твои письма и записку с первой станции. — Они очень нам были нужны. Г-жа Меландер ¹¹, видя наше беспокойство, послала туда верхового. Записка твоя прибыла ранее. Мама́ обо

Синск. Церковь Иоанна Предтечи.
Картина К. А. Берхмана. 1890-е гг.

всем тебе написала, мой добрый друг, мне почти нечего тебе сказать, разве что надеюсь — Леон с тобой. Хотя я и горячо желал бы его видеть, но я не сетую, что он сейчас в Варшаве. Надеюсь, ты там устроилась и Н и к о л а й И в а н о в и ч подумал обо всем, чтобы сделать это пребывание, по крайней мере, покойным. Одна статья из газеты от 10 октября нового стиля меня весьма удивила. — Там, под рубрикой «Варшава» говорится, что хотя погода не слишком хороша, однако количество больных и смертей намного сокращается. Что это значит? Итак, смертность была необычайная... — Но да сохранит тебя Бог, дорогая Олинька! Надеюсь, ты благополучно прибыла. — Этот добрый кондуктор. — Люблю его от всего сердца. Без него как бы ты совершила путешествие?

¹ Именье Островского у. Псковской губ., принадлежавшее двоюродной сестре Н. О. — Екатерине Исааковне Меландер.

² П. Ф. Малиновский умер 9 сентября 1832 г. на своей мызе Белозерке от холеры. Е. А. Энгельгардт сообщил 22 сентября В. Д. Вольховскому: «Дядя Малиновский на прошедшей неделе умер от холеры, до которой допился (...) Это бы не беда, да то плохо, что не сделал духовной, и потому все его наследство идет брату в Москве, который и без того богат, а нашим (т. е. его племянникам.—Л. С.) ничего» (*Гастфрейнд*. Т. III. С. 308).

³ Получение известия о смерти П. Ф. Малиновского совпало с приглашением, которое старики Пушкины получили от Е. Н. Вревской. Н. О. писала ей 8 окт.: «Вы так добры, любезная моя Евпраксея Николаевна, что я не смею отказаться от вашего приглашения, хотя, признаюсь, это стоит мне маленькой жертвы. Мой муж лишился только что своего близкого друга, г-на Малиновского, эта печальная весть так его поразила, что я опасася за его здоровье, у него нет сил выехать из дому, и он поручает мне засвидетельствовать перед вами свое огорчение, что не в состоянии вас посетить, и если б не кузина моя Кристина Сем(еювна), которая любезно согласилась побыть с ним завтра, я не смогла бы оставить его одного...» (*ПД*, ф. 244, оп. 20, № 47).

⁴ Синск — почтовая станция на границе Опочечного и Островского уездов, в 26-ти верстах от Острова и 80-ти от Опочки. «Перегонов пять за Псковом была почтовая станция Синская на берегу реки Великой» (Муравьев-Карский Н. Н. *Записки* / *РА*. 1885. Кн. 3. № 9. С. 37).

⁵ Боголюбов Варфоломей Филиппович (1785—III 1842), чиновник Министерства иностранных дел, мальтийский кавалер, в 1830-х гг. служил по почтовому ведомству, благодаря чему мог предоставить О. С. некоторые удобства в ее путешествии. «Г-н Боголюбов раздобыл прекрасного курьера у г-на Булгакова; он заботится обо всем и избавляет меня от порчи крови», — писала она мужу из Пскова (*Псв*. XV. С. 136). Б., сын экономы Смоленского монастыря в царствование Екатерины II и дядя будущего известного художника, вращался в высшем обществе Петербурга и Москвы, несмотря на прочно установившуюся за ним репутацию пройдохи, вора и шпиона; был знаком и с Пушкиным. О Б. см.: Куликов Н. И. А. С. Пушкин и П. В. Нащокин // *РС*. 1881. № 8. С. 606; *Греч*. С. 566;

Жихарев С. П. *Записки современника*. Л., 1955. По указ.; *Дневник И. С. Тургенева*. Пг., 1921. Т. III. С. 481; *Письма А. И. Тургенева к Булгаковым*. М., 1939. По указ.; переписка братьев Булгаковых // *РА*. 1900. II. С. 357; XII. С. 571; 1903. II. С. 204; 1901. I. С. 53; III. С. 406; *ОА*. Т. II. С. 167.; письмо И. И. Дмитриева к А. И. Тургеневу // *РА*. 1867. С. 1078; *РА*. 1864, С. 1081; Васильчиков А. А. *Семейство Разумовских*. СПб., 1880. Т. IV. С. 347; Чулков Г. *Жизнь Пушкина*. М., 1938. С. 291; Цявловский М. А. *Письма Пушкина к Пушкину*. М., 1925. С. 19.

⁶ Неелова Х. С.

⁷ Осипова Александра Ивановна, падчерица П. А. Осиповой (ум. 1864, *Лернер*. С. 422); с 5 февраля 1833 г. замужем за псковским полицмейстером, полковником Петром Николаевичем Беклешовым (*Псв*. XXI—XXII. С. 290). Пушкин был влюблен в А. И. Осипову и посвятил ей стихотворение «Признание» (1824); известны также два письма его к ней (1829 и 1835). Об О. см.: Вульф А. Н. *Дневник* // *Псв*. XXI—XXII; Гофман М. Л. Из пушкинских мест // *Псв*. XIX. С. 107; письмо Ал. Н. Вульфа к А. Н. Вульф // *Псв*. I. С. 105; *Письма*. II. С. 66 и 166; Гarris. Уголок Пушкина. Пг., 1923. С. 46.

⁸ Эфрозина, или Зина, — Вревская Евпраксея Николаевна, баронесса, урож. Вульф (12 X 1809—22 III 1883), младшая дочь П. А. Осиповой от Н. И. Вульфа. Пушкин посвятил ей стихотворения «Если жизнь тебя обманет», «Вот, Зина, вам совет» и XXXII строфу V главы «Евгения Онегина»; Н. М. Языков — стихотворение «Я помню вас...» (*Псв*. I. С. 120). В 1866 г. В. посетила в Петербурге О. С., которая 18 дек. написала сыну: «Была у меня также Вревская, которая приезжала к дочери своей Лодыженской, эта последняя была при смерти вследствие несчастливых родов — вот еще друг, с которым я разлучена, она целовала мне руки, плача горючими слезами, — так близко к сердцу принимает она мое тяжелое положение...» (*ПД*, ф. 221, оп. 2, № 6). О В. см.: Вульф А. Н. *Дневник* // *Псв*. XXI—XXII; Вересаев В. Пушкин и Евпраксея Вульф // «Новый мир». 1927. № 1. С. 185; Модзалевский Б. Л. Поездка в Тригорское в 1902 г. // *Псв*. I. С. 7; Семейский В. И. К биографии Пушкина // *PВ*. 1869. XI. С. 91; Гофман М. Л. Из Вревского архива // *Псв*. XXI—XXII. С. 413; Гофман М. Л. Из пушкинских мест // *Псв*. XIX. С. 105; отзывы Пушкина о В.:

Письма. I и III. По указ.; Заметка Е. Н. Вревской о Пушкине//РВ. 1869, № 11. С. 89.

⁹ Новый дом в Голубово. «9 окт. приехали к нам на новоселье Глаубичи, Над[ежда] Ос[иповна] Пушкина и Ал[ександра] Ив[ановна] Осипова» (из дневника Б. А. Вревского. 1832//Псв. XXI—XXII. С. 372). Через месяц Пушкины снова были в гостях у Вревских: «9 ноября. Приехали к нам Пушкины, Ал. Ив. и девицы Тимофеевы. После обеда играли в бостон (...) 10-го после завтрака Над[ежда] Ос[иповна] с девицами Тимофеевыми и Ал[ександра] Ив[ановна] поехали к Алекс[андру] Адам[овичу] [Глаубичу], Серг[ей] Льв[ович] остался с нами обедать» (там же).

¹⁰ Уездный город Псковской губ.

¹¹ Меландер Екатерина Исааковна (до 1800—1841), урожд. Ганнибал, двоюродная сестра Н. О., дочь Исаака Абрамовича Ганнибала (1747—1804) и Анны Андреевны, урожд. Чихачевой (ок. 1757—1841), сестра Семена Исааковича и Павла Исааковича Ганнибалов, замужем первым браком за Семеном Иларионовичем Мягковым (1787/88 — до 1832), вторым — за шведом Иваном Карловичем Меландером (1792—1862), островским предводителем дворянства в 1850—1852 гг. (Спк. С. 150; Телегова Н. К. Род Ганнибалов. Рукопись.—Прим. В. С.). О ней см.: Модзалевский. С. 60; Модзалевский Б. Л. Родословная Ганнибалов. С. 9; Псв, XII. С. 30; XV. С. 159, 161.

38 Сергей Львович:

24 Октября. Михайло[вское]. [1832 г.]

Дорогая Олинька!

Вчера получили письмо от Леона от 2 Октября — это канун дня, когда ты нам писала, однако твое пришло много раньше. — Надеюсь, ты устроилась и уже несколько попривыкла к своему новому образу жизни. Леон говорит, что у тебя очень хорошенькая квартира, а это пункт важный. Дай-то Бог, дорогой и добрый друг, чтобы ты в ней проводила дни счастливые и покойные. — Это моя каждодневная молитва, и, надеюсь, Бог ее услышит.

Все эти дни у нас были гости. Г-н и г-жа Ш у ш е р и н ы с некоей девицей З м е е в о й ¹ и г-ном Ланским ² ночевали у нас две ночи. Г-н Ш у ш е р и н, как и в былые времена, изображал больного и задавал мне прелестнейшие вопросы. М-ль З м е е в а прославилась двумя или тремя приключениями, как говорят злые языки, а г-н Л а н с к о й — добрый малый, довольно молчаливый, но весьма приветливый и предупредительный. — В самый день их отъезда нагрянул Р о к о т о в. Он совершил паломничество в Монастырь ³ и приехал отдохнуть в М и х а й л о в с к о е. Он был очень весел и, к великому моему удивлению, в 24 часа, помноженные на два, лишь два раза сказал: простите мою откровенность. — Не возвещает ли это какой-либо великой перемены? Позавчера у нас обедал В р е в с к и й ⁴, вчера г-жа Г л а у б и ч ⁵. — Вот наша повесть. — Что до возвращения в город, мы не знаем даже, когда это будет возможно. Но я полагаю, и хотел бы устроиться таким образом, чтобы съездить прежде в Москву, где присутствие мое необходимо, а не отправляться в Петербург, несмотря на дела, какие могут у меня там быть. Соображения экономии заставляют нас ехать прямо отсюда. Это избавит нас от расходов лишнего путешествия и пребывания в Петербурге, как бы коротко оно ни было. Прощай, д у ш и н ь к а, целую тебя от всего сердца и благословляю от всей души. С живейшим нетерпением жду от тебя вестей из Варшавы. Этот добрый кондуктор. Не увижу ли я его по его возвращении? Прости.

Надежда Осиповна:

Вот ты наконец в Варшаве, дорогая Ольга. Ты уже должна была получить наше письмо в ответ на твое последнее с дороги. Надеюсь, после утомления и всех неприятностей путешествия в это время года, ты вновь обрела покой и счастье. Я в восторге, что Леон в Варшаве. Воображаю вашу встречу и радость свидания в чужом городе. Твоему брату не терпится его покинуть, я надеюсь вскоре его обнять. Он мне расскажет о тебе, мой добрый друг, это для меня будет двойное утешение. Мы остаемся в М и х а й л о в с к о м до зимы. Г-жа Осипова все в Петербурге, я живо чувствую ее отсутствие. Не говорю тебе о нашем проведении времени — Отец твой сообщает тебе подробности; он забыл упомянуть Т и м о ф е е в ы х, их, которые любят нас так искренно и которые так часто у нас бывают. Моя кузина ⁶ 15 дней как в О л у ф е р о в е. Я не выдаю ее по причине плохих дорог, плохой погоды, гостей и моей сыпи. Прощай, мой добрый друг, у меня сердце кровью обливается, как подумаю о расстоянии, которое нас разделяет, — это простительно матери при первой разлуке. Быть может, я привыкну к этой грустной мысли, однако в моем возрасте и имея только одну дочь оно трудно.

¹ Змеева (или Змиева) — вероятно, одна из четырех дочерей богатого псковского и тверского (Бежецкого у.) помещика, поручика в отставке, Филиппа Васильевича Змеева и его жены Анны Михайловны, урожд. Богданович (ЛД, КМ). В июле 1812 г. Ф. В. Змеев поступил в Псковское ополчение (*Псковские дворяне*. С. 36). Дочери его — Мария, Анна, Дарья, Елизавета. Змеевы (Змиевы) — обширное семейство. Знакомый Пушкина Ф. М. Лодыгин, родственник П. А. Осиповой, был женат на Н. И. Змеевой (Лодыгин Ф. М. *Дневник*. Рукопись. Собрание Г. Н. Дубинина. Москва). Знакомый с одним из Змеевых А. Н. Вульф так характеризует его домашнюю обстановку: «Г-н Павлов <...> помог нам занять у его приятеля г-на Змиева 1000 руб. Этот весьма достаточный человек почти совершенно спился. Обед, который он давал в честь женитьбы своего друга, был единственный в своем роде. К несчастью, я должен был его вытерпеть вполне. Все чувства мои страдали: слух от этого оркестра, составленного из дворни, игравшей на инструментах, которые валялись в кладовых со смерти его матери, некогда поддерживавшей блеск дома, и от пушечных выстрелов, которые вторили здоровью (они были так неловко поставлены близ окон столовой залы, что от выстрелов вылетело много стекол из окон); вкус — от мерзкого обеда; обоняние — от спиртом насыщенного дыхания соседей — судейских чиновников и разного уезд-

ного сброду; осязание — от нечистоты, и зрение, наконец, от женских и мужских уродов, составлявших наше общество. Если бы не тысяча руб., то ни за что я бы минуты не пробыл в этой мерзости. Чтобы получить отвращение от пьянства, нужно только взглянуть на г. Змиева и его образ жизни» (Вульф А. Н. *Дневники* (Любовный быт пушкинской эпохи). М., 1929. С. 203, 204).

² Ланской — кто-нибудь из многочисленных Ланских, псковских помещиков, владельцев вотчины Велье, родственников екатерининского фаворита А. Д. Ланского, Кушелевых (письмо 24) и Брылкиных (письмо 10) См. также письмо 7.

³ Святогорский — см. письмо 1.

⁴ Вревский Борис Александрович, барон (29 XI 1805—17 XII 1888), один из сыновей князя А. Б. Куракина, которым тот не мог передать своей фамилии (Долгоруков П., В. кн. *Российская родословная книга*. Ч. III. С. 334; М^{пне} Vigée Le Brun «Souvenirs». Paris. 1869. II. P. 65). В., товарищ Л. С. Пушкина по Благородному пансиону (*Письма*. I. С. 353), 8 июля 1831 г. женился на Е. Н. Вульф (см. письмо 37). О В. см.: *Письма*. III. С. 312. Письма В. к С. Л. — *Псв*. VIII. С. 40; переписка с другими лицами — Гофман М. Л. Из Вревского архива//*Псв*. XXI—XXII).

⁵ Глаубич Е. Я.

⁶ Неелова К. С.

39 Сергей Львович:

28 Октября 1832 г. [Михайловское]

Дорогая Олинька!

Твое письмо, помеченное Варшавой, доставило нам величайшее удовольствие. Я очень и очень счастлив, что ты доехала благополучно, квартира же твоя, судя по плану, который ты нам послала, так удобна, что я никогда не пожелал

бы иметь более обширную. Странно было бы, если бы по воле случая ты жила в той, которую я занимал 18 лет назад¹. У той тоже был балкон, нам не так было просторно, ибо нас было трое в двух комнатах. Мы получили все твои письма с дороги, кроме того лишь, что было послано с Курьером.— Полагаю, ты адресовала его в Петербург.— Досадую, что не видел этого доброго человека, я бы поблагодарил его еще раз.— Я вижу вас отсюда, мои дорогие дети, и как бы участвую в вашем разговоре и нахожусь втроем с тобой и Леоном.— Правда, я точно присутствовал при вашей встрече, так живо я ее себе представляю. Подробности, какие нам даешь о волокитствах Леона, меня заставили улыбнуться.— Я отсюда вижу эту «сепаратку»*. В той стороне ими хоть пруд пруди.

Завтра мы едем к Ш у ш е р и н ы м — по правде, это тяжкая повинность — не знаю, что бы я дал, чтоб от этого избавиться, но оно необходимо. Надо признаться, что эти путешествия к соседям за сорок верст, по этой погоде, весьма неприятны.— Прощай, ду ш и н ь к а, целую тебя тысячу и тысячу раз.— Вот несколько слов Капитану.

Мой дорогой Леон!

Очень благодарю тебя за приписку к письму Олиньки, продолжай, мой добрый друг, нам писать. Нас просишь писать тебе мало, а любить тебя много. Писать больше не могу, но любить больше, чем люблю, невозможно! Со всем тем я в восторге, что ты к приезду Олиньки еще находился в Варшаве.— Еще раз целую вас обоих.

Если я как бы выказал сомнение в том, в Коллегии ли еще Н и к о л а й И в а н о в и ч², — то это потому, что г-н А с к а р х а н о в³, который наводил о том справки и который там служит, уверил меня, как дважды два, что его там больше нет, — и при этом сожалел о нем, как о добром товарище.

Надежда Осиповна:

Целую тебя очень нежно, мой добрый друг, как и Леона. Я в восторге от мысли, что вы вместе, и после твоего письма я постоянно переносюсь в Варшаву, хожу по твоим комнатам, останавливаюсь перед твоим балконом, но это в мыслях только, в действительности никогда не буду я иметь этой радости; что делать, нужно покоряться своей судьбе, твои письма составят мое утешение. Это третье, что мы адресуем в Варшаву, сегодня я не пишу Леону, писав ему недавно. У нас тоже была хорошая погода, я ею не пользуюсь из-за своей сыпи. Г-жа Осипова не едет, сегодня день ее ангела, Александрина⁴ обедает у нас. Мы будем говорить о тебе, дорогая Ольга, я покажу ей план твоего дома; она очень хотела бы жить в доме Беклешова⁵, но мне думается, что свадьбы не будет ранее января⁶. Что до замужества графини Б.⁷, то для меня это не новость, я знала об этом прежде родов Натали.

¹ В 1814 г. С. Л. служил в Варшаве в качестве нач. Комиссариатской комиссии резервной армии (Анненков. С. 6). В варшавский период своей жизни С. Л. вступил в масонскую ложу «Северного Щита» (Модзалевский. С. 32).

² Н. И. Павлищев в январе 1832 г. был назна-

чен управляющим канцелярней генерал-интенданта действующей армии по сношениям на иностранных языках (Лсв. XV. С. 111).

³ Сослуживец Н. И. Павлищева.

⁴ Осипова А. И.

⁵ Беклешов Петр Николаевич (ум. не ранее

* Separatka (польск.) — женщина, не разведенная официально, но живущая врозь с мужем.

1858 г.), подполковник, в 1831—1833 гг.— псковский полицмейстер, сын коллежского ассесора Н. И. Беклешова и его жены Елизаветы Ивановны урожд. Бибиковой (*Лобанов-Ростовский*. Т. I. С. 45). Женился на А. И. Осиповой 5 февраля 1833 г. «Сестра Анна пишет о предстоящем замужестве Саши,— записал в дневнике А. Н. Вульф.— Дай Бог ей скорее выйти, а ему, господину псковскому полицмейстеру Беклешову, дай в ней добрую жену» (*Майков*. С. 182). Брак А. И. Осиповой был очень несчастлив. Об этом свидетельствует ее сестра Мария Ивановна в письме к А. Н. Вульфу от 16 нояб. 1843 г.: «На днях, т[о] е[сть] три дни назад, отправилась Сашинька с детьми и супругом в свою деревню. Она прожила здесь пять дней. Эти пять дней я прожила с нею. Этого короткого времени достаточно было, чтобы понять весь ужас ее существования. Он с нею иначе не говорит, как бранясь так, как бы бранился самый злой мужик. Дети, разумеется, ее ни во что не ставят, это решительно ад. Вот уверяют, что хорошее воспитание не нужно для супруже-

ского счастья: стал ли бы благовоспитанный человек браниться, как ямщик?» (*Псв.* XXI—XXII. С. 290). [Традиционно считается, что Б. якобы был знаком с Пушкиным: в 1826 г., в имении Назимовых, он «скрепил» стихи Пушкина Великопольскому подписью (*Письма*. II). В то же время в комментариях к письмам Пушкина лишь предположительно указано имя П. Н. как «скрепившего» стихи. Еще А. М. Гордин (см.: «Здесь жил Пушкин». Л., 1965. С. 342) высказал утверждение, что этим лицом следует считать его брата, Василия Николаевича Беклешова, товарища по полку И. Е. Великопольского, принадлежавшего к числу знакомых поэта в Пскове. Таким образом, само знакомство П. Н. с Пушкиным сомнительно.— *Прим. В. С.*]

⁶ «Болезнь Анны удерживала их еще 4 февраля в Петербурге, так что мать вынуждена была послать свое благословение на бракосочетание Саши с Беклешовым для того, чтобы не отсрочивать до святой недели свадьбы»,— записал А. Н. Вульф в дневнике (*Майков*. С. 186).

⁷ Лицо невыясненное.

40 Надежда Осиповна:

Остров 27 сего Ноября 1832 г.

Здесь мы имели сладостное утешение получить твое письмо. Мы в Острове с 24, со дня Ангела моей кузины¹, у нее было множество гостей, танцевали с 5 часов вечера до 3 часов утра. Завтра возвращаемся в Михайловское через Врев², где проведем два дня. Ты очень хорошо сделала, мой добрый друг, что адресовала письмо свое в С и н с к, ибо в Петербург мы не едем, мы едем в Москву, как я тебе сказала в последнем своем письме. Я очень рада, что ты здорова и приятно проводишь время. Я так мало эгоистична, когда дело идет о вас, что, несмотря на радость, какую получила бы от свиданья с Леоном, мне приятно, что он в Варшаве, раз оба вы довольны, ибо я уверена, что Леон счастлив быть с тобой, мой добрый друг. Сонцовы ждут нас с нетерпением, твоя кузина пишет тебе, не зная твоего адреса, она просит нас переслать тебе ее письмо. Что поделяет г-жа Гарлинская³? Полагаю, она с тобою в Переписке. Продолжай давать о себе вести, ты знаешь, как они мне нужны, подробности, которые ты нам сообщаем, так интересны, бесконечно тебе за них благодарна. Много писать сегодня не могу,— находясь не дома, не имею ни минуты для себя. Целую тебя, как и Леона, надеюсь, письма мои до вас дошли. Моя кузина велит сказать тебе тысячу милых вещей, Мари Т и м о ф е е в а⁴ вручает себя твоей памяти, она приехала со мною.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька!

Я сам ездил в Остров за твоим письмом, очень благодарю тебя за него, и впредь за все, что нам напишешь, ибо уверен, что будешь исправно давать нам о себе вести. Ты прекрасно поступила, что не адресовала письма своего

Александрю для доставления нам — я не получил от него ни слова, хотя Натали нам говорила, что он мне писал, — не знаю, куда адресует он свои письма. — Твои подробные рассказы забавляют и интересуют меня очень, я очень доволен, что ты с Леоном, — несмотря на мое нетерпение вновь его увидеть. — Поверишь ли, что ты одна даешь нам о себе вести? Никто нам не пишет — кузен Ганнибал⁵ как будто вовсе нас позабыл. Письмо Алиши⁶ дойдет до тебя с большим опозданием, оно около месяца было в дороге до Михайловского. — Теперь они должны находиться в Москве, но мы еще не знаем их адреса. — Ты говоришь мне о Лазенках⁷, которые у тебя по соседству, но ведь это за городом, если это там, где жил когда-то Людовик XVIII. — Это очаровательное место, интересное по своим воспоминаниям. — Видала ты Дворец, там есть хорошие картины. — Прощай, душинька! Поцелуй Леона. Перецелуйте друг друга за меня.

Не знаю, статья может, визит к Маршалыше⁸ и был бы нужен. — Это ни к чему тебя не обяжет, но может быть полезно по последствиям. — Как знать? Хотя бы для того, чтобы Леону пораньше получить отпуск. И потом, я уверен, она тебя спросит, как и почему ты в Варшаве: и это могло бы на что-либо послужить. — Тоже, я уверен, она вспомнит, что знала тебя совсем маленькой. Впрочем, ты на месте. Тебе лучше знать, как поступить. Прощайте, мои дорогие дети. — Целую вас от всего сердца. — Г-жа Осипова все в Петербурге. Когда вернется — неизвестно. Она была больна.

¹ Меландер Е. И.

² Врев — в древности один из пригородов Пскова. В XIX в. — владение баронов Вревских.

³ Гарлинская, урожд. Ушакова, в 1832 г. вдова, жительница Киева. После самоубийства мужа (поляка, прикосновенного к декабрьскому восстанию) она в России бывала наездами и теперь, снова возвращаясь за границу, звала с собой О. С. «Она ни хороша, ни дурна, — писала о ней О. С. мужу 11 февр. 1832 г., — но очень приятна, ей 30 лет, и у нее 4 барышни, причем старшая, которой 11 лет, — ангел красоты. Эта особа очень сентиментальная и очень экзальтированная, и она буквально вспылала ко мне нежной страстью. Она подарила мне свой портрет» (*Псв.* XV. С. 116 и др.). Когда в 1834 г. О. С. забеременела, А. Н. Вульф писала по этому поводу Н. Н. Пушкиной: «Кажется, она покорно последовала советам своей подруги Харлинской, которая перед отъездом самым сентиментальным образом умоляла ее любить своего мужа и быть доброй женой» (*Лернер. Рассказы.* С. 22).

⁴ Тимофеева М. П.

⁵ Ганнибал С. И.

⁶ Сонцова О. М.

⁷ Лазенки — загородный дворец в Варшаве, в Лазенковском парке, построен в 1784 г. королем Станиславом-Августом, по плану Мерлини, в итальянском вкусе.

⁸ Паскевич-Эриванская, графиня, княгиня Варшавская Елизавета Алексеевна (1795 — 30 IV 1856), урожд. Грибоедова, жена фельд-маршала графа И. Ф. Паскевича, дочь А. Ф. Грибоедова и княжны Александры Сергеевны Одоевской (*Лобанов-Ростовский.* Т. I. С. 166) — двоюродная сестра А. С. Грибоедова. Ее мать была в дальнем родстве с Пушкиными. О дружеском расположении П. к О. С. см. письмо последней к отцу от 13 янв. 1837 г. (*Псв.* XII. С. 96). «Пишу вам это, — заключает свое письмо О. С., — потому что ее светлость Елизавета Алексеевна здесь ни больше ни меньше как ее величество Александра Федоровна в Петербурге, из чего следует, что это внимание совершенно особенное». О П. см.: *Павлицев.* С. 61, и др.; Берже Ад. П. Хозров Мирза // *РС.* 1879. VI. С. 336 и др.

41 Сергей Львович:

Михайловское 7 декабря 1832 г.

Дорогая Олинька, мы уже некоторое время не имеем вестей от тебя и от Леона, — полагаю потому, что вы попросту не знаете, куда нам адресовать ваши письма, — ибо ты так исправна, мой добрый друг! Я уверен, что ты нам писала.

Не сомневаюсь и в дорогом Леоне. Я никогда не забуду, как он нам написал в минуту, когда, правда, вполне было бы простительно этого не делать, — накануне сражения! Но письма ваши гуляют, и я в беспокойстве. Г-жа Осипова не воротилась, — на днях она послала о себе нам весточку и сообщает, что сын ее¹ и Леон получили отставку². — Это действительно правда? Зима у нас вполне и вполне установилась, и мы не замедлим покинуть Михайловское, чтобы ехать в Москву — не знаю, что меня там ждет, но я увижу Сонцовых и надеюсь положить предел домогательствам кредиторов моего покойного брата³. Вести об Александре я получаю лишь косвенно. Он нам писал, но письма до нас не доходят. Он болел ревматизмом ноги, а Натали опять брюхата.

Жду твоего письма с нетерпением, твои подробные рассказы, полные истины, очень меня забавляют. Я отсюда вижу действующих в них лиц. Прощай, дорогая Олинька! Целую тебя очень нежно, как и Леона, — я хотел писать ему особо и сделаю это — пока поздравляю тебя — и себя тоже поздравляю — с днем твоего рождения⁴. Пусть в этот раз и всегда следуют за ним дни безоблачные и пусть ты будешь совершенно счастлива и спокойна. Прости!

Надежда Осиповна:

Тщетно жду от тебя вестей, мой добрый друг, но мне кажется, ты думаешь, что мы уже в Москве, я писала тебе из Острова ровно 8 дней назад. Сейчас мы накануне отъезда, кузина моя⁵ и Тимофеевы находятся у нас, чтобы с нами попрощаться, мы рассчитываем уехать 11-го. Не знаю, где мы будем жить, — но как я страшусь слишком долго не иметь от тебя вестей, то прошу тебя, дорогая Ольга, первое же свое письмо адресовать на имя Малиновского, Алексея Федоровича на Мясницкой улице в собственном доме для доставления Н. О. П. Скоро будет день твоего рождения, первый, который проведу я вдали от тебя! Что делать, надо покориться этой тягостной разлуке. Да будет этот день, как и все дни твоей жизни, таким для тебя счастливым, как я того желаю. Продолжай писать нам так же исправно, дорогой друг, ты знаешь, что это единственное мое утешение. Г-жа Осипова все в Петербурге, она мне пишет, что Леон получил отставку. Когда я его увижу? Не смею даже надеяться насладиться этим счастьем, мне кажется, моя судьба всегда быть вдали от моих Детей. Папá опять страдает своим кашлем, вчера он едва не задохнулся, надеюсь, что путешествие и воздух будут ему благоприятны, он привык ходить, здесь это для него невозможно с той поры, как снег до колен. Прощай, дорогой, добрый друг, да благословит тебя Небо.

¹ Вульф Алексей Николаевич (17 XII 1805 — 17 IV 1881), старший сын П. А. Осиповой от первого брака, приятель А. С. и Л. С. Пушкиных и поэта Н. М. Языкова. В 1832 г. находился в Варшаве, в составе Александрийского принца Оранского гусарского полка в чине поручика. О В. см.: А. Н. Вульф и его дневник // *Майков; Псв.* XXI—XXII. С. 147; письма Пушкина к нему — XIII и *Письма.* II; Некролог В.—Голос. 1881. № 111. В письмах О. С. 1841 г. (*ПД.* ф. 244, оп. 20, № 94) встречается несколько упоминаний В., свидетельствующих о продолжении между ними дружеских отношений.

² «Маминька пишет Над[ежде] Ос[иповне]: наши сыновья вышли в отставку — ваш капитаном, а мой поручиком. Ей это кажется всего обиднее», — сообщает Е. Н. Вревская мужу 11 дек. 1832 г. (*Псв.* XXI—XXII. С. 372). П. А. Осипова несколько поспешила с сообщением: Л. С. Пушкин получил отставку 17 декабря 1832 г., а А. Н. Вульф — лишь 22 июля 1833 г.

³ О кредиторах В. Л. Пушкина см.: *ЛН.* 16—18. С. 612 и *Летописи ГЛМ.* С. 99.

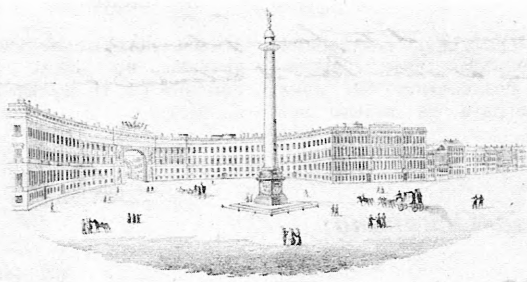
⁴ О. С. родилась 20 декабря 1797 г.

⁵ Меландер Е. И.

42 Надежда Осиповна:

[9 декабря 1832 г. Михайловское]

Дорогие мои дети Ольга и Леон, не имею времени написать каждому из вас особо, будучи в большой спешке: мы уезжаем послезавтра, я тороплюсь уложить вещи. Уже отослав свои письма на почту, мы имели удовлетворение получить ваши, я благодарю Бога, что вы здоровы, мои добрые друзья, твое положение, дорогой Леон, нас очень огорчает, но все может устроиться, будь вполне уверен, что мы сделаем все возможное, чтобы послать тебе денежную помощь¹, и я надеюсь, что тебе не будет надобности искать места в Варшаве, быть таким образом с тобой разлученной сокрушает мне сердце; что это в нашем возрасте за существование — проводить последние дни нашей жизни вдали от всех наших Детей! Отец твой, я хорошо это знаю, не перенесет этого горя, он так слаб, так страдает, последние несколько недель его кашель возобновился с такой силой, что малейший пустяк вызывает страшный приступ, на днях он едва не задохнулся, я не знала, что делать. Единственное его лекарство — это получить от вас вести и писать вам — вот когда он чувствует облегчение. Посуди же, мой друг, сколько пользы принесет ему радость вновь тебя увидеть, и способны ли мы на жертвы, чтобы доставить себе это сладостное утешение! Твои письма, дорогая Ольга, составляют нашу отраду; благодаря подробностям, коими они наполнены, я отсюда вижу всех этих людей, я возле тебя, я разделяю

82
 Mes chers Enfants Olga et Léon, je n'ai pas le temps de vous écrire à chacun une lettre si j'en ai tant écrit, mais j'attends après demain je me dépêche d'emballer mes effets, c'est après avoir expédié nos lettres à la poste que nous aurons la satisfaction de recevoir les vôtres, je rends grâce à Dieu que vous vous portiez bien mes chers amis, la position de Léon nous chagrine beaucoup, mais tout peut s'arranger — soit bien persuadé que nous ferons notre possible de l'aider du secours pecuniaire et j'espère que tu n'auras pas besoin de te placer à Varsovie cette idée d'ailleurs n'est pas...

Автограф письма родителей Пушкина.

твои чувства, и, читая их, я менее грустна, чем обычно. Пишу на этой бумаге, дабы ты мысленно перенеслась в Петербург, это доставит тебе удовольствие*. Прощай, уступаю перо вашему Отцу и возвращаюсь к своей работе.

Сергей Львович:

Дорогие мои дети: вот общее письмо вам обоим. И его-то написать едва есть у меня время. Целую вас, и спешу, дорогой Леон, сказать тебе, что нет ничего, что я бы не сделал, ни хлопот, ни шагов, пред которыми бы я остановился, лишь сколько для меня возможно более и скорее облегчить твои затруднения; — не смею безусловно назначить сумму, какую я тебе вышлю, не зная ее сам, но можешь быть уверен, что я откажу себе во всем, вплоть до необходимого. — В настоящую минуту у меня есть деньги ровно на подставы до Москвы. — Мои доходы сюда не поступают. — Последний раз я получил триста рублей, которые странствовали более месяца. Во имя Неба, мой добрый друг! Не лишай меня совершенно надежды увидеть тебя еще раз. — Это сокрушает мне сердце. — Прощайте, мои друзья. Я знаю, что слишком мало написал Олинке, но она не будет на меня в обиде. — Я слишком занят и слишком озабочен. — Если б я имел что заложить, то сделал бы это немедленно, но, к несчастью, у меня нет ничего. — Надо искать другого пути. Словом, чего бы это ни стоило, как всегда, полагайся на меня.

Надежда Осиповна:

и на меня тоже, мой друг, ты знаешь, как я деятельна, когда коснется до моих детей.

Михайловское 9 сего Декабря 1832 г.

¹ «Лев — все тот же, свою скуку мыкающий в Саксонском саду и Розмайтостях и, к несчастью, в совершенном безденежье. Он имел неосновательность проиграть не только все

деньги, которые получил от отца и занял от других, но даже более, чему трудно помочь» (А. Н. Вульф и его дневник//*Майков*. С. 201).

43 ** Надежда Осиповна:

Москва, 19 декабря 1832 г.

Тороплюсь сказать тебе, мой добрый друг, что мы только что очень счастливо завершили свое путешествие, мы в Москве с 17-го, — сегодня третий день; никого еще не видали, кроме наших, ты можешь вообразить наше свиданье, радость и слезы обоюдные. Я нашла Алишу¹ весьма изменившейся, она очень худа и больна, эта лихорадка до сих пор ее не оставила, сестра моя² тоже хворает, да и муж³ ее не может похвалиться добрым здоровьем. Изю всей семьи единственная Катинька⁴ чувствует себя хорошо. Завтра день твоего рождения, мы у них обедаем, ради нас они приглашают Евгения Баратынского⁵ и его жену⁶. Сегодня утром Папа был у Малиновских, он нашел все семейство утопающим в Блаженстве, их дочь⁷ выходит за князя Долгорукова⁸, брата того самого⁹, ко-

* В верхней части первой страницы письма гравюра: вид Дворцовой площади в Петербурге.

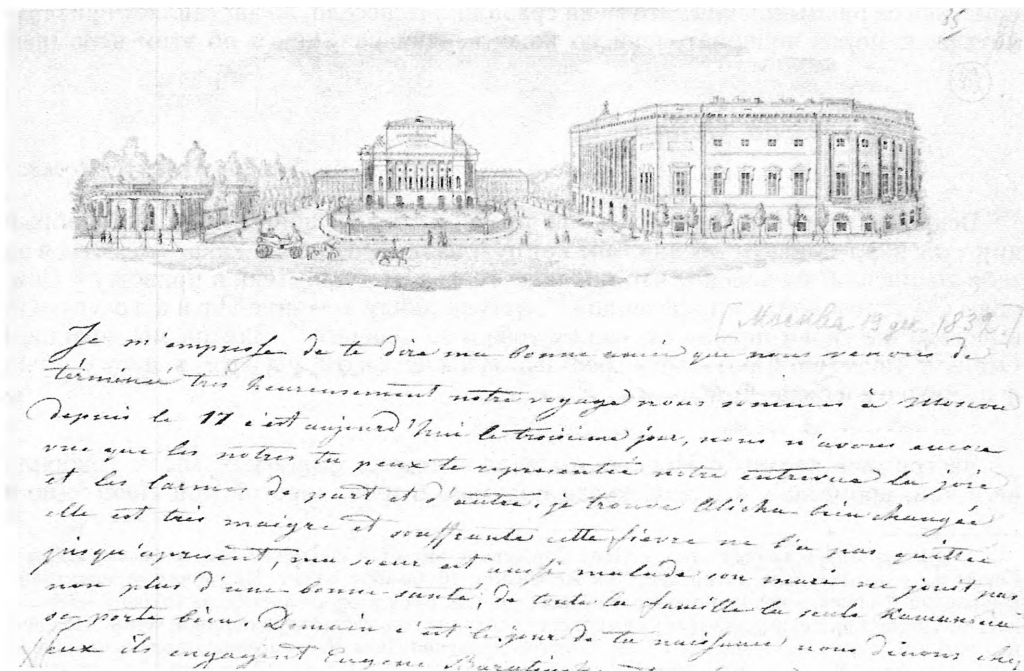
** На первой странице письма гравюра: вид Александринского театра и Публичной библиотеки в Петербурге.

торый в Петербурге женится на графине А п р а к с и н о й ¹⁰, словом, за сына министра. Завтра пойду их поздравить, это утешение, которое Бог, после смерти брата, посылает А л е к с е ю Ф е д о р о в и ч у. Знаешь ты, что О с и п В а с и л ь е в и ч ¹¹ умер в деревне, так удачно перед тем женившись? Что еще скажу тебе, мой добрый друг? Я писала тебе из М и х а й л о в с к о г о 9-го, думаю, что это письмо ты получишь раньше, ибо Псковская Почта отвратительна, и надеюсь, наша переписка теперь пойдет на лад. Вчера мы весь день говорили о тебе, кузина ¹² твоя тебя обожает и тоже хочет тебе писать. Она взяла у меня твой адрес, я показала ей несколько твоих писем, которые она прочла с превеликим удовольствием, она говорит, что так привыкла часто получать от тебя вести, что это лишение приводит ее в совершенное уныние. Они занимают очень красивый дом на Арбате, владелец коего некий Дураков (выделено в оригинале.— Л. С.) — смешно, правда? Прощай, дорогая Олинька, жду письма твоего с нетерпением, не могу писать тебе более, мы идем обедать к Сонцовым, я тороплюсь. Хотела бы и Леону сказать словечко, ибо завтра не буду иметь времени. Целую тебя со всей нежностью моего сердца и желаю тебе какого только можно счастья. Когда увидишь г-жу Фурман ¹³, скажи ей от меня много всяких любезных вещей. Я отлично помню г-жу Самборскую ¹⁴, видала я и маленькую Рачинскую с мужем ¹⁵ у В а р в а р ы А л е к с а н д р [о в н ы] ¹⁶.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька, день твоего рождения всегда будет для меня днем торжественным, и я поздравляю себя с моей дорогой И м я н и н н и ц е й.— Едва приехав, почти не имею о чем тебе рассказать, разве только о своей привязанности

Автограф письма родителей Пушкина.

к тебе, о своей любви, о молитвах о твоём счастье, кои не перестаю возносить. Я еще почти никого не видал — Мама́ рассказала тебе о моем визите к Малиновским, сегодня вечером снова иду туда, ибо я не видел А л е к с е я Ф е д о р о в и ч а. Сию минуту присылали за нами Сонцовы, но раньше, чем к ним ехать, мы должны зайти поглядеть одну квартиру, которая сдается. Нам прескверно в нашем трактире, носящем пышное название — О т е л ь д'А н г л е т е р.— Целую вас очень нежно, дети мои, и умоляю Леона верить, что первые же деньги, какие получу и коих жду со дня на день, я разделю с ним, а затем и с тобой. Я очень несчастлив, что потерял, так сказать, надежду снова его увидеть.

Все семейство Сонцовых не пользуется тем здоровьем, какого бы я им желал, но не говори Алише, что мы нашли ее так изменившейся. Это ее встревожит, что, без сомнения, есть и без того.— Я еще никому не имел времени написать, даже Александру, и впереди у меня столько затруднений, что, по правде, не знаю, с чего начать, чтобы из них выпутаться. Прощай, Д у ш и н ь к а! Целую тебя от всего сердца и от всей души. Не только Алиша читала твои письма. Моя сестра, М [а т в е й] М [и х а й л о в и ч], К а т и н ь к а, все провели вечер, читая их и перечитывая.— Сегодня мы понесем им письма Леона, который очень любим всем семейством.

Ужасное событие только что произошло в Твери: молодой Ш и ш к о в, прелестный поэт, коему Александр некогда посвятил послание, ударом кинжала был заколот на улице г-ном Ч е р н о в ы м, который уже убил на дуэли Н о в о с и л ь ц о в а ¹⁷.— Этот г-н Ч е р н о в в присутствии Ш и ш к о в а злословил насчет его жены. Тот, возмущенный мерзостями, которые Ч е р н о в позволил себе при нем говорить о его жене, кончил тем, что дал ему пощечину. Г-н Ч е р н о в потребовал, чтобы Ш и ш к о в немедленно, со всеми оказавшимися здесь свидетелями, шел к нему.— Все пошли, думая, разумеется, что эта несчастная история должна кончиться дуэлем не на живот, а на смерть, но Ч е р н о в, не дойдя до своей квартиры, кидается на Ш и ш к о в а и убивает его несколькими ударами... и сам идет предать себя в руки Губернатора как убийца... Я воздерживаюсь от размышлений. Это меня сразило... Невесело, но заставляет призадуматься, и мороз подирает меня по коже всякий раз, как я об этом вспомню.

Надежда Осиповна:

20 сего Декабря [1832 г. Москва]

Вскрываю свое письмо, чтобы еще раз поцеловать тебя сегодня, мой добрый друг; мы воротились от обедни, мне нет нужды говорить тебе, какие молитвы я за тебя возносила, ты знаешь, что я желаю твоего счастья. День я провожу у Сонцовых, а утром пойду к нареченной ¹⁸, оттуда зайду к кухне П р и к л о н с к о й; в первом же своем письме расскажу тебе о ее дочерях ¹⁹. Завтра мы покидаем О т е л ь д'А н г л е т е р, и вот наш адрес: на Н и к и т с к о й у л и ц е в д о м е г р а ф а В о р о н ц о в а - Д а ш к о в а ²⁰.

За три дня, что мы в Москве, мы видали только Сонцовых, мы не говорили ни о чем, кроме вас, я плачу, когда подумаю о тебе, дорогой мой Леон *, но я

* Письмо Надежды Осиповны к Льву Сергеевичу является продолжением ее письма к Ольге Сергеевне и должно быть датировано тем же числом, 20 декабря 1832 г. На словах «в доме графа Воронцова-Дашкова» кончается оборот первого листка. Верх второго листка, на котором написано письмо к Льву Сергеевичу, срезан; у самого среза сохранились следы карандашной черты. Под нею, над письмом Надежды Осиповны к Льву Сергеевичу, рукой Льва Николаевича Павлищева написано: *31 декабря 1832 г.* Эта дата неверна, так как они приехали в Москву 17-го, а письмо начинается словами: *За три дня, что мы в Москве...*

не хочу и помыслить, что эта разлука будет продолжительна, Господь же наказывает нас превыше наших сил, и я чувствую, что больше не смогу выносить твоего отсутствия, я нуждаюсь в тебе, как в воздухе, которым дышу, надеюсь на милость Господню, несомненно, мы еще увидимся и, быть может, ранее, чем я думаю. Пока что пиши нам, мой добрый друг, не лишай меня этого утешения. Я только и делаю, что читаю да перечитываю твои письма. Александр болел, маленькая тоже, Натали брюхата. Г-жа Осипова еще не приезжала, когда мы покинули М и х а й л о в с к о е. Свадьба Александрины²¹ состоится 7 или 8 Января, я думаю, что Вульф²² к этому дню приедет в Т р и г о р с к о е. А мы будем на Свадьбе Екатерины Малиновской, которая выходит за Долгорукова. Гончаровых²³ я еще не видала, думаю, пойти туда завтра. Вот все, что сейчас имею время тебе сказать, мы идем обедать к моей сестре²⁴, которая любит тебя очень, как и все ее семейство. Получили вы наше последнее письмо из Деревни, дорогие мои дети? Это дойдет до тебя раньше, я почти уверена. Жду твоего с нетерпением и целую тебя так же нежно, как люблю.

Сергей Львович:

Мой дорогой Леон! В письме моем к Олинке я сказал почти все, что имел тебе сказать. Мне остается лишь пожелать вам доброго года — пусть он для вас будет очень счастливым, тогда таким же он будет для меня. — Будьте здоровы и прощайте! Пишите нам на адрес Сонцовых М а т в [е ю] М и х [а й л о в и ч у] Сонцову в доме Дуракова, Д [л я] Д [о с т а в л е н и я] С. Л. Пушкину.

На отдельном, сложенном конвертом, чистом листе рукою Надежды Осиповны:

Льву Сергеевичу Пушкину

Пвл. ИВ. 88. IX, с. 474.
Врс., с. 781.

¹ Сонцова О. М.

² Сонцова Е. Л.

³ Сонцов М. М.

⁴ Сонцова Екатерина Матвеевна (ум. 4 I 1864, МН) — младшая дочь Н. М. и Е. Л. Сонцовых. О ней и ее сестре см. письмо 2, прим. 14 и письмо 29, прим. 5.

⁵ Баратынский Евгений Абрамович, поэт (19 II 1800 — 29 VI 1844).

⁶ Баратынская Анастасия Львовна (26 X 1804 — 15 III 1860), урожд. Энгельгардт, дочь генерал-майора Л. Н. Энгельгардта (автора «Записок») и его жены Екатерины Петровны, урожд. Татищевой. С 10 мая 1826 г. — жена Е. А. Баратынского. О. С. соединяла с Б. самая тесная дружба, продолжавшаяся до смерти последней. О. С. иначе не называла ее, как «мой лучший друг», «мой прекрасный друг». «Любящая сестра не могла бы иметь больше нежности, чем она мне выказывает», — писала О. С. мужу 2 мая 1850 г. (ЛД, ф. 244. оп. 20, № 94). В 1850 г., когда сын О. С. Лев, помещенный в Училище правоведения, болел scarlatinой и самые близкие друзья избегали

общаться с О. С. — одна Б. продолжала принимать ее у себя и «только укусом руки просила умывать» (там же). Первые годы пребывания в училище Л. Н. Павлищев был в Петербурге один (родители жили в Варшаве, О. С. только наезжала к сыну) и воскресные дни проводил в доме Н. Н. Пушкиной-Ланской. Однако там ему казалось скучно, и он упросил родителей отпускать его к Баратынским. По этому поводу сохранилось любопытное письмо С. А. Соболевского к О. С. и Н. И. Павлищевым (май 1851), дающее понятие о Б. и ее семье после смерти Е. А. Баратынского: «Кстати о Левушке, не могу не сказать вам своего мнения о здешнем его положении, сколь бы сие ни противело Ольгу Сергеевну. Мне очень жаль, что он на праздниках берется не по-прежнему к Ланским, а потеперешнему к Баратынской. Во-первых, это было принято Н. Николаевной в роде будирования по случаю наследственных дел, в кои она не только ничем не виновата, но даже поступает с особенным благородством. — Во-вторых, потому, что и теперь и впоследствии знакомство с Ланскими и с теми, кто с ними знаком, полезнее для Левушки связей по Баратынской.

Если Левушке теперь может быть веселее у сих последних, то это потому только, что тут меньше стеснения. Что же касается до самих хозяев, то вот мое беспристрастное мнение. Маминька не в своем уме — сын старший, который обещал быть порядочным, сделался суший cretin, какой-то недоделаш. Старшая дочь, которая тому назад пять лет мне очень нравилась, — преобразовалась в какую-то львицу, по образцу львиц русских повестей и романов. Даже Плетнев, который столько хлопотал и о сыне и о всей семье, — махнул руками; и если от них отступились и отступаются прежние знакомые, то это вовсе не от интриг Софьи Львовны, а от того только, что нет возможности переносить столько сальности и скуки, сколько у них и около них» (ПД, ф. 244, оп. 20, № 85). Это письмо не убедило О. С. «...ты остаешься на поруках Наст[асьи] Льв[овны], которая тебя так расхваливала, что я почувствовала себя совершенно счастливой, — писала она сыну. — Продолжай, мой ангел, выказывать благодарность Наст. Льв. и следовать всем советам лучшего друга твоей матери». О. Б. см.: Чичерин Б. Н. Воспоминания // РА. 1890. IV. С. 508; Кичеев П. Еще несколько слов о Баратынском // РА. 1868. С. 868, 872; Модзалевский. С. 270; Павлицев. С. 56, 191; Гофман М. Л. Биографический очерк Е. А. Баратынского // Баратынский Е. А. Соч. СПб., 1914. Т. I. С. XIV—XV; Письма. II. С. 159.

⁷ Малиновская Е. А.

⁸ Долгоруков Ростислав Алексеевич, князь (31 I 1805—1849), штабс-ротмистр лейб-гвардии уланского полка (Власьев. Т. I. Ч. III. С. 126), сын министра юстиции (1827—1829), члена Государственного совета князя А. А. Долгорукова. Приятель М. Ю. Лермонтова. О. Д. рассказывает в своих «Записках» Е. А. Хвостова: «В эту зиму (1829) я очень сдружилась с моим cousin, кн. Ростисл[авом] Долгорукиком. Он ухаживал за миленькой и хорошенькой Ольгой Б., и в то же самое время, как надеялся на взаимность и уже объяснялся с нею, она неожиданно для всех и для себя, кажется, дала слово шестидесятилетнему ген[ерал]-адъютанту. Бедный Ростислав очень грустил, поверял мне свои мысли, чувства, жажду мщения и раз зашел так далеко, что предложил жениться на мне, лишь бы доказать Ольге, что и он не думает больше о ней. Я расхохоталась, поблагодарив его за завидную роль, которую он в своей запальчивости возлагал на меня; он тоже расхохотался, поцеловал у меня руку, и мы навсегда остались друзьями (...) Раз он обедал у нас и не сел играть с теткой в карты, отговорясь тем, что едет во французский театр, и уселся подле меня у рабочего столика. Несколько раз тетка напоминала ему, что пора ехать в театр. «Я не хочу видеть первую пьесу, — отвечал он, — я ее давно знаю». — Что дают? — спросила я. — Мюю тетку Аврору и Ложную Агнессу. Ясно, если я поеду, то уж не ради тетки, а, конечно, ради племянницы» (игра слов: Agnes (Агнеса) — la piéce (племянница). — Л. С.). Тетка вспылита и очень грозно возразила: однако ж, можно быть поуч-

тивее к хозяйке дома» (СПб., 1870. С. 68). О. Д. см.: Бутурлин. 1897. II. С. 569.

⁹ Долгоруков Сергей Алексеевич, князь (2 IX 1809 — 16 IX 1891), статс-секретарь, член Государственного совета.

¹⁰ Апраксина Мария Александровна, графиня (19 XII 1816 — 2 V 1892, ПН), кавалерственная дама ордена Св. Екатерины 2-й степени, двоюродная племянница своего мужа, князя С. А. Долгорукова. Одна из первых красавиц Петербурга, была принята в интимном кружке Аничкова двора (Корф М. А., гр. Записки // РС. 1899. Т. 99. С. 8). О помолвке Долгорукова и Апраксиной см.: Блудова Л. Д., гр. Воспоминания // РА. 1878. II. С. 354.

¹¹ Малиновский Осип Васильевич (1806—1832), брат А. В. Малиновского (см. письмо 22, прим. 28) и И. В. Малиновского — товарища Пушкина по Лицею; ученик X курса Благородного пансиона Царскосельского Лицея, окончил в 1828 г. двенадцатый классом. Е. А. Энгельгардт в письме к В. Д. Вольховскому от 22 сент. 1832 г. сообщил, что И. В. Малиновский, в августе этого года, «прискакал» в Петербург «в надежде остановить еще дурака брата Осиньку, но нашел его уже женатого на какой-то попольячке, которая, кроме довольно дурной репутации, ничего не имеет. Это совершенное сумасшествие!» В письме же от 24 нояб. 1832 г. Энгельгардт извещает Вольховского: «Иван угорючил брата с ним поехать (в Харьк[овскую] губ.) для прискания себе там места; они поехали, молодая жена осталась здесь и спустя один месяц получила извещение о смерти своего мужа, который умер от гнилой нервной лихорадки» (Гастфрейнд. Т. III. С. 236).

¹² Сонцова О. М.

¹³ Фурман С. С.

¹⁴ Самборская (или Самбургская) — по всей вероятности, жена начальника канцелярии фельдмаршала И. Ф. Паскевича — Ивана Фомича Самбургского. См. о нем рассказ Н. С. Лескова «Русский демократ в Польше» из цикла «Праведники».

¹⁵ Рачинская — вероятно, жена упоминаемого в письме 111 Платона Ивановича Рачинского, не оставившего по себе других известных нам следов, кроме подписки в 1818 г. на второе издание «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина; этот же П. И. был в 1841 г. почетным попечителем смоленской губернской гимназии (ПД, КМ). В начале 1830-х гг. Рачинский находился в Варшаве, что видно из письма О. С. к мужу от 20 нояб. 1835 г. из Петербурга: «На проспекте я встречала любезного Рачинского (...) он подошел ко мне, чтобы разграничить Варшаву и ее жителей. „Меня удивляет, что вы на них жалуетесь“, — ответила я, и это было все, что я ему сказала; он в молчании проводил меня с сотню шагов... в медвежьей ужасной шубе и в седых бакенбардах» (Псв. XVII—XVIII. С. 201). К Рачинским — родне Баратынских П. И., насколько нам известно, отношения не имеет.

¹⁶ Княжна В. А.

¹⁷ С. Л. спутал: поэт и переводчик Александр

Ардальонович Шишков (1799—1832), которому Пушкин посвятил послание «Шалун, увенчанный Эратой и Венерой» (1816), племянник известного адмирала и писателя А. С. Шишкова, убит был в Твери 27 сентября 1832 г. не К. П. Черновым (в 1825 г. застрелившим на дуэли флигель-адъютанта В. Д. Новосильцова), а его братом А. П. Черновым. К. П. Чернов умер от ран в один день с Новосильцовым, убийца же Шишкова был сослан в Сибирь. О гибели Шишкова см.: *Дневник М.* С. 242 и *Письма*. I. С. 198; III. С. 513. О дуэли В. Д. Новосильцова с К. П. Черновым см.: Бартенев П. И. *Девятнадцатый век*. М., 1872. Т. I. С. 312; *ОА*. V. Вып. I. С. 100, 148; Шениг Н. И. *Воспоминания* // *РА*. 1880. III. С. 321; *Декабристы*. С. 129; Чистович А. Я. И. В. Буяльский // *РА*. 1876. III. С. 603; переписка братьев Булгаковых // *РА*. 1900. XI. С. 330; 1901 — по указ.; 1903. VI. С. 201; Герцен А. *Былое и думы*. Ч. I. Гл. 1; *Русские портреты*. Т. II. № 83 и 84.

¹⁸ Малиновской А. Е.

¹⁹ Приклонская Анна Дмитриевна (ум. 16 VII 1840, *МН*), урожд. Измайлова, родственница Пушкиных по брату С. Л. Николаю Львовичу, который был женат на А. В. Измайловой (*Псв.* XVII—XVIII. С. 166), жена камер-

гера и писателя, тверского помещика Павла Николаевича Приклонского (около 1770 — после 1825 г.), в свою очередь родственника Пушкиных через бабушку С. Л. Лукню Васильевну Приклонскую (*Модзалевский*. С. 31). П. Н. посвящено стихотворение В. Л. Пушкина «Любезный родственник, поэт и камергер» (*Соч.*, ред. В. И. Сантова, СПб., 1893. С. 74). О П. Н. см.: *ОА*. II. С. 568; Жихарев С. П. *Записки современника*. М.; Л., 1955. С. 227, 255; *Затворницкий*. V. С. 438; *Русский биографический словарь*. СПб., 1905; *Письма*. III. С. 386; *Летописи ГЛМ*. С. 222 и далее. Дочери Приклонских, о которых упоминает Н. О., — Марианна (ум. 1842) и Эмилия (ум. 1843).

²⁰ Дом графа Ивана Иларионовича Воронцова-Дашкова (1790—1854), женатого на А. К. Нарышкиной (1817—1856); ранее принадлежал княгине Е. Р. Воронцовой (*РС*. 1873. VIII. С. 94); впоследствии в нем помещалась Московская консерватория.

²¹ Осиповой А. И.

²² Вульф Алексей Николаевич.

²³ Родители Н. Н. Пушкиной Н. И. и Н. А. Гончаровы.

²⁴ Так называет Н. О. свою золовку — Е. Л. Сонцову.

1833

январь — декабрь

За 1833 г. сохранилось 33 письма Н. О. и С. Л. Пушкиных к дочери. Старики Пушкины зиму 1833 г. прожили в Москве, 6 мая приехали в Петербург, где оставались до 28 июня, поселившись первоначально в Отель де Пари, а затем в доме Устинова на Фонтанке. В июне, 28-го числа, отправились в Михайловское, куда прибыли 4 июля; 22 ноября возвратились в Петербург и снова остановились в Отель де Пари, а потом сняли квартиру в Гагаринской улице Пустого рынка, в доме Ефремова.

О. С. жила в Варшаве с Н. И. Павлищевым, который занимал место управляющего канцелярией генерал-интенданта действующей армии по сношениям на иностранных языках (*Псв.* XV. С. 111).

Л. С. Пушкин, получив 17 декабря 1832 г. отставку с чином капитана, жил в Варшаве частным человеком, входя в долги, до 5 октября 1833 г. «Сегодня уехал или уезжает мой добрый приятель Лев Пушкин,— записал 17 октября (по н. ст.) в своем дневнике А. Н. Вульф.— Судьба сжалилась над ним в особе Аничкова, который увозит его в Петербург <...> Он жил здесь два года для того, чтобы быть исключенным из службы за неявкою в полк (ходатайством фельдмаршала переменили выключку в отставку) и чтобы нажить несколько тысяч долгу, которого, вероятно, он никогда не уплатит. Счастье его, что он еще нашел приятеля, который его вывез из этого неприятного положения, в котором он бедствовал» (*Майков.* С. 204). В Петербург Лев Сергеевич прибыл в середине октября 1833 г. Александр Сергеевич с семьей зиму 1833 г. жил в Петербурге в доме Жадимеровского на Большой Морской, во второй половине мая перебрался на Черную речку на дачу Миллера, где 6 июля родился старший сын — Александр. В августе Пушкины переехали в дом Оливье на Пантелеймоновской улице, и 17-го числа Пушкин выехал в Оренбургскую губ. для собирания материалов по истории Пугачевского бунта. С 1 октября до середины ноября Пушкин прожил в Болдине (так называемая вторая Болдинская очень), где были написаны «Медный всадник», «Пиковая дама», «История Пугачева», «Сказка о мертвой царевне» и «Сказка о рыбаке

и рыбе». В середине ноября Пушкин приехал в Москву, 20 ноября — в Петербург. 31 декабря 1833 г. Николай I подписал указ придворной конторы о назначении его камер-юнкером.

44 Сергей Львович:

23 января 1833. Москва

Мой добрый друг!

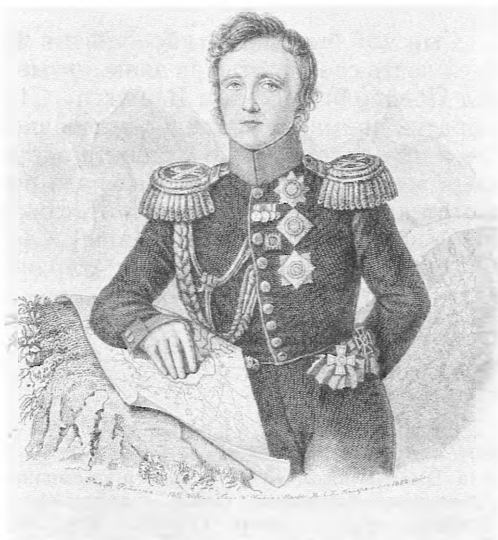
С этим же курьером я пишу князю Паскевичу, так что он получит мое письмо в то же время, как ты получишь это. Я написал ему по-русски, полагаю, это более приличествует моему возрасту и положению. Посылаю тебе список моего письма, оно коротко и написано в том духе, как ты мне сказал. — Я встретил здесь князя Щербатова¹, его адъютанта, которому прочитал его на память. Он нашел, что этого вполне достаточно. — Дай-то Бог, мой добрый друг, чтоб оно имело успех, — я просил Его вдохновить меня, и думаю, это лучший шаг к тому, чтобы избавить тебя от ложного положения, в коем ты находишься².

Нам очень не доставало ваших писем, добрые мои друзья. — Беспокойства наши стали невыносимы, к тому же мы оба хворали. — Слухи, которые ходили здесь, вовсе были неутешительны. — Говорилось о дуэли, а кончили тем, что сказали, мой добрый друг, будто ты пал жертвой³, — словом, письма ваши пришли как раз вовремя.

По совету Щербатова я написал Князю также и по почте. Он меня уверил, что так вернее... Итак, мой дорогой Лсон, я сделал все, что, как мне казалось, я должен был сделать, — молю Бога благословить мое предприятие и вдохновить меня. — Меня обнадеживают, что все должно устроиться, но полагаю необходимым, чтобы ты вернулся на службу.

Целую вас обоих очень нежно, Олинька не будет на меня в обиде, что на сей раз не пишу ей особого письма. — Посылаю тебе, мой дорогой друг, еще 500 р. золотом, это все, что могу, и, надеюсь, Олинька на меня не рассердится, что в этот раз ничего ей не посылаю. — Ожидая твоего ответа насчет 1000 р., которые я отправил тебе около месяца назад⁴. — Прощайте, мои добрые друзья. — Целую вас от всего сердца и от всей души, но с сердцем несколько стесненным. — Дай-то Бог, чтоб это было, как говорят русские, предвестником радости.

Баратынский здоров, как и жена его⁵, которая много говорила со

Иван Федорович Паскевич.
Гравюра Н. И. Уткина.
1832 г.

мною о тебе, дорогая Олинька, она усердно меня просит тебе сказать, что ничего бы так не хотела, как письма от тебя, она очень тебя любит. — Они ведут жизнь самую что ни на есть мещанскую — обедают в полдень, ложатся спать в 9 часов вечера, и вся их жизнь идет по этой мерке. — Но они по-прежнему очень любезны и очень сердечны. Прости!

Надежда Осиповна:

Наконец мы получили ваши письма, дорогие мои дети, это было вовремя, ибо мы были в отчаянии, не зная, что думать и на каком предположении остановиться. Это проклятая Почта Псковская доставила нам все эти беспокойства; ваше письмо, пространствовав несколько недель, до сих пор еще до нас не дошло, Бог ведает, что с ним случилось, однако последнее, адресованное Малиновскому, было в дороге лишь 14 дней, надеюсь теперь, что наша переписка пойдет на лад, и я буду более спокойна. Что сказать нам сегодня? Приезд наш сюда не из самых счастливых, мы испытываем одни тяготы, горести да болезни, выдаю я только Сонцовых, Приклонских⁶ и г-жу Яковлеву⁷, это люди, которые более всех принимают участие в наших горестях. Бедная Алиша⁸ все страждет, она такая добрая душа, также и Катинька⁹, они любят нас так искренно, я всякий день имею тому доказательства. Алиша с нетерпением ожидает от тебя вестей, мой добрый друг. Когда дойдет это письмо, ты уже побываешь у Маршалши¹⁰. Жду от этого визита какого-нибудь добра для Леона, быть может, она с тобой о нем поговорит. Мне очень отрадно, что ты встретила в Варшаве столько знакомых, дай-то Бог, чтобы ты обрела там счастье и здоровье и чтобы твое пребывание там было более благополучно, нежели пребывание твоего бедного брата. Я возношу искренние мольбы о вашем благоденствии и целую вас от всего сердца.

Сергей Львович:

Вот список письма моего к Князю:

Сын мой бывший штабс-капитан Финляндского Драгунского полка Пушкин имел честь совершить три знаменитые похода, в рядах, покрывших себя славою под Предводительством В[ашего] С[иятельства] в Персии, Турции и Польше. Обратив внимание Ваше, С[ветлейший] К[нязь], он получил все чины за отличие и три ордена. — По слабости здоровья, находясь в невозможности продолжать военную службу, он два раза подавал просьбу о увольнении его от оной, к статским делам, но вместо отставки он исключен из списков.

Осмеливаюсь просить В[аше] С[иятельство] о неоставлении его покровительством Вашим, дабы он мог усердием и старанием своим в какой-либо другой службе загладить пятно, нанесенное сим исключением прежним его заслугам.

Это принятая форма.

Пвл. Ив. 88. X, с. 28, 31.
Врс., с. 782.

¹ Щербатов Сергей Александрович (27 V 1804 — 12 IV 1872), московский знакомый Пушкина. В семье потомков Щ. хранился экземпляр «Кавказского пленника» (1822) с автографом Пушкина «Другу моему Сергею» (см. сб. «В честь гр. П. С. Уваровой». М., 1916. С. X). С декабря 1827 г. Щ. — поручик лейб-гвардии Конноегерского полка, адъютант И. Ф. Паскевича, с 1837 г. — отставной полковник. О Щ. см.: *Власьев*. т. I, ч. III. С. 296. — *Прим. В. С.*

² Письмо С. Л. к Паскевичу не понадобилось: Л. С. уже был реабилитирован и 17 декабря 1832 г. получил отставку с чином капитана.

³ Никаких следов дуэли Л. С. в Варшаве с кем-либо не сохранилось.

⁴ Посылку этой тысячи рублей С. Л. сопроводил следующим письмом Л. С.: «Передай от меня, мой милый и храбрый капитан, искреннюю признательность добрейшему Николаю Ивановичу (...), (он) делает все, что может, с целью

выручить тебя из денежных затруднений (...) Пишешь, что он, ради уплаты твоего долга, сам признался у своего приятеля (...) но и я не намерен оставаться у него за тебя в долгу, а потому высылаю тебе, мой храбрый, тысячу рублей» (Павлицев. С. 309).

⁵ О семейной жизни Баратынских см.: *Модзалевский*. С. 270 и Белоусов И. Писательские гнезда. М., 1930. С. 138.

⁶ Приклонская А. Д.

⁷ Яковлева — по всей вероятности, Праксovia Ивановна, урожд. Давыдова (*Лобанов-Ростовский*. Т. II. С. 460), жена Павла Лукьяновича Яковлева (5 I 1796 — 9 VI 1835), литератора, переводчика французских комедий, брата лицейского товарища Пушкина Михаила Лукьяновича Яковлева (19 IX 1798 — 4 I 1868). В 1830 г. П. Л. служил в Москве в Межевой канцелярии; брат его (женатый первым браком на Маргарите Васильевне Куломзиной, вторым — на Надежде Ивановне Игнатьевой) жил в это время с семьей в Петербурге, и вряд ли речь идет о его жене. Двое же других Яковле-

вых — московский литератор Платон Степанович, приятель В. Л. Пушкина и Е. А. Архаровой, и московский богач и оригинал Иван Алексеевич Яковлев (которому Пушкин в 1829 г. задолжал 6000 р.) — женаты не были. П. Л., женившийся в 1827 г. на П. И. Давыдовой, так рекомендовал ее своему дяде, баснописцу А. Е. Измайлову: «Зовут ее Праксovia Ивановна, от роду имеет 26 лет, чернотростная смуглянка и славная бабенка, между прочим. Она очень вас любит, дядюшка, вот-те Христос! Приданого за ней взял я несколько миллионов добродетелей и несколько сот тысяч прелестей» (*Гастфрейд*. Т. II. С. 265). К этой характеристике как нельзя более подходит эпитет «*charmantе femme*» («очаровательная женщина»), которым в одном из последующих писем награждает Я. Надежда Осиповна. О П. Л. см. статью И. Медведевой (*Звенья*. VI. 1935. С. 101); *Письма*. III. С. 126.

⁸ Сонцова О. М.

⁹ Сонцова Е. М.

¹⁰ Паскевич Е. А., княгиня.

45 Сергей Львович:

1 февраля. Москва. 1833

Мой дорогой Леон!

Кажется, я писал тебе, что письмо свое Князю я отправил в Петербург, узнав из разговоров, что он там находится.— Письмо это я сопроводил другим к г-ну Беклемишеву¹, несколько более обстоятельным, прося его доставить первое Маршалу.— Сегодня мне только что утвердительно сообщили еще новость — что он в Берлине, а может быть, и в Вене.— Будучи на месте, мой добрый друг, ты должен быть осведомлен, и я жду от тебя вестей с величайшим нетерпением.— Я еще не получил ответа о 1000 р., которые послал тебе², и потом еще о 5-стах.— На сие последнее письмо иметь ответа еще не могу, но что до первой посылки, то надеюсь получить его на этих днях.— По моему расчету, Князь должен был покинуть Варшаву гораздо прежде, нежели я получил твое письмо, в коем ты просишь меня ему написать.— Я не промешкал ни минуты. Бог даст, все кончится благополучно и ты воротись на службу, как того хочешь. Мне тяжело знать тебя выключенным после трех славных войн.— Тем временем целую тебя от всего сердца, мой добрый друг, как и Олиньку. Пишите нам, дорогие друзья, вы не можете или, вернее, можете составить себе понятие, каким утешением являются для нас ваши письма.

Пока не буду знать наверное, что мое письмо дошло или может дойти до Маршала, я не смею предпринять никакого иного шага.

Надежда Осиповна:

С тех пор что мы в Москве, мы получили от вас только одно письмо, мои дорогие Дети, это очень меня огорчает, я лишь о вас и думаю и не могу постичь этой

Граф Захар Григорьевич Чернышев.
Портрет худ. И. Смирновского.
1821 г.

медлительности почты повсюду, где бы мы ни находились, ибо не в силах приписать этого вашей нерадивости в то время, когда мы более всего в вестях нуждаемся. Особенно ты, дорогая Ольга, на редкость была исправна и вот месяц как нам не пишешь. Дай-то Бог, чтоб вы были здоровы. Здесь у всех гриппа, мы тоже хворали, горе и беспокойства, испытываемые нами беспрестанно, не могут возвратить нам здоровья. У меня сердце не лежит ни к чему, выхожу я мало. Видаю одних Сонцовых, г-жу Яковлеву³ и Приклонских⁴. До сей поры не могли откопать г-жу Дорохову⁵ и Батуриных, наконец после многих поисков я добралась до них; первая живет со своей дочерью и зятем, я их видала вчера, ты можешь вообразить, какую радость они выказали, вновь увидав меня; они так пылки, нет нужды рассказывать вам, сколько мы о вас говорили, мои добрые друзья. Старая Батурина совсем больна, она тоже со своими детьми, сын ее все тот же, Маргерит постарела, маленькая ее очень хорошенькая, мальчиков я не

видала, оба они в пансионе⁶. Вчера мы обедали у *Надежды Осиповны Корнильевой*⁷. Бедный князь Юрий Труб[ецкой]⁸ шесть недель тому назад сломал себе ногу, он еще в постели, я навестила его у его тещи, которая меня расспрашивала о тебе, так же как и Юрий. Все интересуются Леоном. Свадьба Долгоруких⁹ состоялась, они переселяются на житье в Петербург. Здесь был Иван Малиновский¹⁰, он к нам заходил, сейчас он уже в Петербурге; говорила я вам, что брат его Осип умер¹¹? Захар¹² прощен и приедет сюда. Бедной Александрин Муравьевой¹³ нет более в живых, она умерла в ноябре месяце, свекровь ее в отчаянии. Вот, на сегодня и довольно. Прощайте, Дети мои, да защитит вас Небо.

Сергей Львович:

Не хочу складывать письма, не поцеловав тебя, моя добрая Олинька, и не сказав тебе, что с нетерпением жду от тебя вестей. Мамá тебе говорит, что Захар Ч[ернышев] прощен, это правда, однако с некоторым ограничением.— Он более не имеет титула Графа, ему дозволено, как мне сказали, воротиться в Россию, и он получил отставку с чином Офицера.— Пиши нам, дорогой друг. Я так люблю твои письма и описания подробностей твоего житья-бытья и людей, коих выдаешь.— Позавчера был я первый раз на французском спектакле Московском.— Давали три водевиля, и играли достаточно плохо, чтоб не сказать более. Есть у них одна Мадмуазель Дю-Парк, которая сходит здесь за прекрасный талант, а поет совершенно как Софья Христиановна¹⁴.— Прощай, душ и нъ ка, еще раз целую вас очень нежно. Тысячу и тысячу дней добрых, как говорит г-жа Хитрова¹⁵.

¹ Беклемишев Николай Петрович (20 IV 1814—13 II 1894), адъютант Паскевича, «сын шталмейстера двора его вел. Петра Никифоровича Беклемишева», «штабс-ротмистр Харьковского белого уланского полка, носивший аксельбант Военной Академии» (Бурнашев В. П. // *РА*. 1872. II. С. 1817), сосед Пушкиных по Кистеневу Нижегородской губ. (у него в 1812 г. было прикуплено П. Л. Пушкиным 60 сажен земли — *Шеголев*. С. 260; *Летописи ГМЛ*. С. 125). Женат был на Н. Зыбиной (письмо 14). В 1840-х гг. служил на Кавказе, но был уволен вследствие охлаждения между ним и князем М. С. Воронцовым и переведен в Оренбург на должность командующего Башкиро-Мещеряньским войском. «Записки» Н. П. Беклемишева о Кавказе см.: Шукинский сборник. М., 1903. II. С. 20; стихотворение его «Безнадежность» — «Сын отечества». 1839. Т. X. С. 8. О Б. см.: Дондуков-Корсаков А. М., кн. Мои воспоминания // *Старина и Новизна*. СПб., 1903. Кн. 6. С. 129.

² См. письмо 44, прим. 4.

³ Очевидно, Яковлева П. И.

⁴ Приклонская А. Д.

⁵ Дорохова Евдокия Яковлевна, урожд. Протасова — родня Н. М. Карамзину и В. А. Жуковскому: ее тетка Елизавета Ивановна Протасова — первая жена Н. М. Карамзина; ее дядя Андрей Иванович Протасов — был женат на Екатерине Афанасьевне Буниной, единокровной сестре В. А. Жуковского, их дочь Мария Андреевна Протасова (в замужестве Мейер) — первая любовь В. А. Жуковского. Д., в первом браке Маркова, вдова героя 1812 г. генерал-лейтенанта Ивана Семеновича Дорохова (1762—1815), мать приятеля Пушкина, дуэлиста Руфина Ивановича Дорохова (1801—1852), упоминаемого им в «Путешествии в Арзрум» (гл. V) и послужившего Л. Н. Толстому (наряду с Фигнером) прототипом Долохова в «Войне и мире». Дочери Дороховой: Елизавета Ивановна (6 IX 1803 — 3 IV 1836), замужем за князем Дмитрием Петровичем Кропоткиным (1800 — 2 VI 1837, *ПД*, *КМ*), капитаном; см. о ней письмо князя П. А. Вяземского Пушкину от 4 авг. 1825 г. (XIII, 201); Екатерина Ивановна, в первом браке за Федором Герасимовичем Батуриным (убит в 1825), четвероюродным братом О. С., во втором — за Михаилом Федоровичем Загрязским (Загоскин С. М. Воспоминания // *Ив*. 1900. II. С. 491; см. также: *Модзалевский*. С. 158); падчерица Дороховой Александра Ивановна (ум. 21 XII 1875, *МН*) — дочь И. С. Дорохова от первого брака с Н. А. Шарاپовой, замужем за Александром Ефремовичем Мухиным (ум. 26 X 1861), писателем, отставным штабс-капитаном, сыном известного московского медика профессора Е. О. Мухина (*Бутурлин* // *РА*. 1897. II. С. 433; III. С. 44). О знакомстве Пушкиных с Дороховыми см. письмо князя П. А. Вяземского жене из Ревеля от 22 июля 1825 г. (*ОА*. V. Вып. 1. С. 64 и др.). В то время Д. жила с Екатериной

Ивановной и ее вторым мужем М. Ф. Загрязским. — *Прим. В. С.*

⁶ Старая Батурина — Батурина Анна Николаевна, урожденная Замыцкая (1760—1839). Через Ржевских троюродная сестра Н. Д. — *Прим. В. С.*

⁷ Корнильева Надежда Осиповна (?—6 II 1875, *МН*), жена (с 1826 г.) Василия Дмитриевича Корнильева (23 X 1793 — 18 II 1851), управляющего имениями князей И. Н. и Е. А. Трубецких и жившего в Москве в их доме на Покровке. В. Д., человек незаурядный и очень привлекательный, был в приятельских отношениях с семьями Пушкиных, Веневитиновых, Трубецких, Дельвигов, Баратынских, князем Вяземским, И. И. Дмитриевым и другими лицами, принадлежавшими к интеллектуальной верхушке Москвы и Петербурга. Курсив в письме Н. О. находит себе объяснение в сообщении двоюродного брата А. А. Дельвига: «Упомяну об одном из любимых рассказов Дельвига про Корнильева. Последний перед своей женитьбой извещал Дельвига письмом из Москвы, что он женится на Надежде Осиповне, без обозначения фамилии невесты, и что он об этом сам известит Сергея Львовича (Пушкина, отца поэта). Жена Сергея Львовича была также Надежда Осиповна, и выходило по смыслу письма, что будто бы Корнильев женится на ней» (*Дельвиг*. С. 190). На это *qui pro quo* и намекает Н. О. В. Д. Корнильев был доверенным лицом С. Л. и О. С. в делах опеки по разделу Михайловского после смерти А. С. Пушкина (письма О. С. к мужу 40-х и 50-х гг. — *ПД*, ф. 244, оп. 20, № 94). О Корнильеве см.: *Модзалевский*. С. 421; Попова Е. И. *Дневник*. СПб., 1911. По указ.; Снегирев И. М. *Дневник* // *РА*. 1903. По указ. В. Д. Корнильев — дядя знаменитого химика Д. И. Менделеева.

⁸ Трубецкой Юрий Иванович, князь (письмо 11, прим. 6). Т. был женат с 19 апреля 1825 г. на княжне Варваре Ивановне Прозоровской, обладательнице «5 тыс. душ» (*Барсуков*. Кн. I. С. 229).

⁹ См. письмо 43.

¹⁰ Малиновский Иван Васильевич (1796 — 10 II 1873), товарищ Пушкина по Лицею, сын первого директора Лицея В. Ф. Малиновского; племянник упоминающихся в письмах А. Ф. и П. Ф. Малиновских и брат А. В. и О. В. Малиновских и баронессы А. В. Розен. В 1834 г., 23 февраля, И. В. Малиновский женился на сестре своего лицейского товарища И. И. Пушкина Марии Ивановне. Вторым браком (был женат уже в 1838 г.) — на Екатерине Федосьевне Зинкевич. По выходе из Лицея поступил на военную службу, но скоро покинул ее и поселился в своем имении Каменка Изюмского у. Харьковской губ. С 1832 по 1852 г. постоянно избирался изюмским предводителем дворянства. О М. см.: Грот. СПб., 1887. С. 92; Кобеко Д. Императорский Царскосельский Лицей, его наставники и питомцы 1811—1843 гг. СПб., 1911; *Гастфрейнд*. Т. III; *Розен*. По указ.: *Модза-*

левский Б. Л. Празднование лицейских годовщины при Пушкине и после него // *Псв.* XIII. С. 86.

¹¹ См. письмо 43.

¹² Чернышев Захар Григорьевич, граф (1797—1862), кавалергард, декабрист, член Южного общества, в 1826 г. сосланный на каторгу в Сибирь, где пробыл пять лет и был переведен рядовым на Кавказ; в 1832 г. получил отставку, и ему было передано родовое имение Чернышевых в Орловской губ. [Ч.— родственник Пушкиных через Квашниных-Самариных и графов Воронцовых. Ч. и его сестра Александра, в замужестве Муравьева, приходились А. С. Пушкину четвероюродными братом и сестрой. Родство по линии Ржевских было известно даже современникам Пушкиных. М. В. Юзефович писал: «...я звал к себе его (Пушкина.— В. С.) родственника Захара Чернышева...» (Юзефович М. В. Памяти Пушкина // *РА.* 1880. III. С. 444). См.: Телетова. С. 51, 167.— *Прим. В. С.*] Женат был (с 1834 г.) на Екатерине Алексеевне Тепловой; в начале 1850-х гг. ему был разрешен въезд в Москву, а в 1856 г., по общей амнистии декабристам,— возвращен титул графа с правом выезда за границу. Ч. умер в Риме. О Ч. см.: *Лорер.* По указ.; *Розен.* По указ.; Юзефович М. В. Памяти Пушкина // *РА.* 1880. III. С. 436, 444; Шениг Н. И. Воспоминания // *РА.* 1880. III. С. 289; Гангблов А. С. Воспоминания. М., 1888. С. 89 и др.; *Бутурлин* // *РА.* 1897. Кн. 2. № 5. С. 50; Жиркевич И. С. Записки // *РС.* 1875. Т. 13. № 8. С. 573; Юннер Г. Еще о декабристе З. Г. Чернышеве // *РА.* 1903. II. С. 284; Муравьев-Карский Н. Н. Записки // *РА.* 1894 и

1895; Малиновская Н. О декабристе гр. З. Г. Чернышеве // *РА.* 1903. I. С. 142; Короленко В. Г. Последний луч // *Русское богатство.* 1901. I; *Декабристы.* С. 195, 336; *Енциклопед.* С. 104; *Русские портреты.* Т. III. № 123.

¹³ Муравьева Александра Григорьевна, урожд. графиня Чернышева (1804—22 XI 1832), сестра графа З. Г. Чернышева, с 22 февраля 1823 г.— жена декабриста, члена Северного общества, Никиты Михайловича Муравьева (19 VII 1795—28 IV 1843 в Урике),— скончалась от родов на Петровском заводе 22 ноября 1832 г. Накануне отъезда ее в Сибирь Пушкин передал ей на вечеру у княгини З. А. Волконской стихотворение «Во глубине сибирских руд». О. М. см.: Пушин И. И. Записки о Пушкине // *Майков.* С. 84; *Лорер.* С. 139, 155; Беляев А. П. Воспоминания // *РС.* 1881. XII. С. 681; Волконская М. Н., кн. Записки. Чита, 1956. По указ.; Басаргин Н. В. Записки. Пг., 1917. По указ.; *Розен.* С. 306; Якушкин И. Д. Из записок декабриста // *РА.* 1870. IX. С. 1626 и 1633; Анненкова П. Е. Воспоминания. М., 1932. С. 115; Раевская Е. А. Из памятной книги // *РА.* 1883. II. С. 302; Жиркевич И. С. Записки // *РС.* 1876. X. С. 265; *Бутурлин.* 1897. I. С. 241; II. С. 39, 73; Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. 3-е изд. М., 1898. С. 27; Штрайх С. Я. Роман Медокс. М., 1929. По указ.; Штрайх С. Я. Из быта декабристов // *Русское прошлое.* 1923. № 1; *Декабристы.* С. 120.

¹⁴ Дюпаре Арисия, актриса французского театра в Москве. Софья Христиановна — лицо неизвестное.— *Прим. В. С.*

¹⁵ Хитрово Е. М.

46 Сергей Львович:

Москва, 9 февраля 1833

Дорогая Олинька!

Позавчера г-н Ушаков¹ зашел отдать нам твое письмо.— Как и можешь вообразить, мы были в восторге видеть человека, который, так сказать, проводил с вами жизнь, дорогие мои дети.— Признаюсь, однако, он меня несколько напугал, сказав, что ты была нездорова.— Я знаю, что в подобных случаях всегда скрывают, по меньшей мере, половину истины.— К счастью, письмо твое нас несколько ободрило.— Вчера мы получили то, что от 22-го, в коем ты рассказываешь нам о своей болезни.— Дорогая Олинька! — Как я умею ценить заботливость, с какой ты постоянно стараешься нас успокоить.— Я отсюда вижу, как ты страдала и, несмотря на то, писала нам, дабы не причинить тревог...— Это заставляет меня проливать слезы умиления.— Дай Бог, чтобы ты совсем выздоровела — хотя бы и от одного пива с перцем.— Признаем, однако, что и докторские пивки принесли много пользы. Верю охотно, что ты сама почувствовала в них необходимость, но, во имя Неба, ничего от нас не тай и не раскaiвайся, что слишком много говорила нам о своей болезни.— Я предпочитаю знать, что есть на самом деле, чем давать волю своему воображению, которое, как тебе известно, никогда не бывает розового цвета. Жду писем от Леона. Как мне сказал

г-н Ушаков, он хотел писать нам по почте. — Если он полагает, что она расторопна, то очень ошибается, и путешественники приезжают много быстрее — не знаю отчего, но это правда. Письмо мое Князю должно было до него дойти, а Беклемишев², по письму, которое я ему адресовал, не преминет подкрепить его словом. Прощай, дорогая и добрая Оленька! Да услышит Бог мои каждодневные молитвы о твоём счастье и здоровии. — Целую тебя, благословляю и прижимаю к своему сердцу. — На сей раз я не пишу Леону, я жду его письма и известий ему для сообщения. — Надеюсь получить благоприятные. — Целую вас, дорогие мои дети, очень нежно.

Надежда Осиповна:

Ты можешь вообразить, с каким удовольствием мы приняли Ушакова и как мы засыпали его вопросами, — будучи уверена в его приязни к нам, я не опасалась быть докучливой. Он обещал вскоре снова прийти, я жду его с нетерпением, ибо не имела времени спросить и половины того, что мне хочется о вас знать, дорогие мои дети. Признаюсь тебе, мой добрый друг, твоя болезнь меня напугала, опасаясь и выздоровления, ибо в этом состоянии нужно много осторожности. Мы давно, дорогая Ольга, получили твоё письмо на адрес Малиновского³ (мне кажется, мы на него ответили), как и письмо от 20 декабря, адресованное в Михайловское. Сегодня я мало пишу тебе, на Масляной письма отправляют пораньше, их принимают лишь до полудня. Алиша⁴ тоже хотела тебе написать. Вчера мы были на французском спектакле, французские актёры здесь много лучше петербургских, я два раза ходила в Театр с твоими кузинами, сестра моя не выходит, своих дочерей она доверяет мне, сегодня я веду их на костюмированный бал. Я уверена, что Алиша пишет тебе длинное письмо, кончая свое, целую тебя от глубины души; поцелуй за меня Леона, скажи ему, что я надеюсь скоро сообщить ему добрые вести и что я более спокойна на его счёт. Да осыплет вас Господь своими благословениями и да дарует вам счастье, здоровье и радость.

¹ Ушаков Николай Иванович (1802—1861) — военный писатель и историк, офицер морского пехотного полка, адъютант И. Ф. Паскевича, «закадычный приятель» Л. С. Пушкина (*Павлицhev. С. 25*). Бутурлин в своих «Записках» сообщает: «Лев Серг [еевич] ввел меня в общество, собиравшееся у толстого остряка, полковника Черевина (...) посетителями были Очкин, крупный чиновник гражданской канцелярии фельдмаршала, полковник Главного штаба Голямин, Александрийского гусарского полка поручик Вульф, офицер морского пехотного полка Ушаков, фельдмаршальский адъютант Мельников и князь Львов. Все они в совокупности (со включением Льва Сергеевича) составляли плеяду остряков-бонмотистов (...) Лев Серг [еевич], вышеупомянутый морского пехотного полка Ушаков и я каждодневно почти обедали втроем и долго засиживались во французском ресторане „Шово“» (*РА. 1897. II. С. 374*). Этот У. через

тверских Ушаковых был в дальнем родстве с Вульфами. «Они — родня моей родне, и у сына их я служил три года в эскадроне», — записал А. Н. Вульф в своём дневнике (*Майков. С. 209*). У. в чине генерала отличился в Крымскую войну под начальством Паскевича (Шильдер Н. Фельдмаршал Паскевич в Крымскую войну 1854—56 гг. // *РС. 1875. Т. XIII. С. 528*). Закончил свою служебную карьеру У. в Варшаве при графе Берге. Умер в чине генерал-лейтенанта в 1861 г. в своём имении Новики Полтавской губ. (*РС. 1891. VII. С. 195*). [В библиотеке Пушкина сохранилась книга У. «История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах. В 2-х ч.» (СПб., 1836) с дарственной надписью: «1 мая 1836 г. С. Петербург». *Псв. IX—X. С. 109.— Прим. В. С.*]

² Беклемишев Н. П.

³ Малиновского А. Ф.

⁴ Сонцова О. М.

Москва, 20 сего февраля 1833

Дорогая Ольга, после твоего письма, принесенного Ушаковым ¹, у меня нет никаких вестей из Варшавы, дни мои проходят в ожидании их, в расчетах, когда ты должна получить наши и сколько времени они могут быть в пути. Очень оно грустно — такое прохождение времени — когда все ожидания тщетны. Как ни стараюсь я себя успокоить, оно невозможно, ибо я знаю, как тяжело ты переболела, и едва только начала оправляться, когда Ушаков уехал из Варшавы. Леон нам тоже не пишет, это вовсе не утешительно. Да хранит Вас Небо, дорогие мои дети, и да пошлет мне сладостное утешение поскорей получить от вас весть.

Аполлон Васильевич Галафеев.
Акварель Е. И. Висковатой
по рис. Д. П. Палена.
1830-е гг.

На этих днях мы имели приятную неожиданность — мы видели Галафеева ², который, проведя четыре месяца в Петербурге, возвращается в Киев. Не зная нашего адреса, он сумел тотчас же нас сыскать. Вообрази мою радость и мое изумление, когда я увидела его входящим к Сонцовым с твоим отцом, который встретил его, возвращаясь домой, и поспешил его к нам привести. Я истинно была счастлива вновь видеть человека, который так чистосердечно к нам привязан, с которым я могла говорить о своих детях, видя участие, с коим он это принимает. Мне жаль, что я не долго буду утешена этой радостью, он спешит к своей жене ³. Я не нашла в нем никакой перемены, ни физической, ни моральной. К великому моему сожалению, я больше не выдаю вашего Ушакова, а для меня всегда праздник говорить о вас, да и Сонцовой нас просили его им представить, но, что поделать, он потерян для них, как и для нас. Алиша ⁴ тебе писала, мой добрый друг, кажется мне, дней восемь назад. Мы ждем твоих ответов на наши письма. Как новость сообщу тебе, что г-жа Сонцова оставалась в Петербурге до конца Января месяца — так мне сказал Ганнибал ⁵, — ибо нам она тоже больше не пишет. Можно подумать, что все дали зарок нам не отвечать. Оно

очень прискорбно, но в этом я еще могу утешиться, одно лишь твоё молчанье, дорогая Ольга, меня сокрушает. Я уверена, что тебе приятно с нами беседовать, ты мне всегда исправно пишешь, когда здорова, да ты делала это, даже будучи больна. Прощай, дорогая и добрейшая Ольга, береги своё здоровье, я молюсь о твоём счастье. Да благословит тебя Господь. Прижимаю тебя к своему сердцу, поцелуй за меня Леона.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька, после письма с г-ном Ушаковым я всякий день ждал от тебя вестей. — Зная твою исправность, я уверен, что ты нам писала, но нам почему-то не подаются твои письма. — После первого своего визита — хоть я и поспешил его ему отдать — г-н Ушаков к нам более не приходил. Мама говорила тебе о неожиданном приезде Г а л а ф е е в а. — Поистине, это прекраснейший человек, к тому же исполнен желанья всегда быть нам полезным. — Он мне сказал, что единственно отказ Леона помешал тому, что желаемую им отставку он не получил в то время, как я ему писал, но что прошло, то прошло. — Суть в настоящем. — Как я пишу вам обоим вместе, то скажу вам, что князь Варшавский⁶ давно должен был получить мое письмо, сопровождаемое другим г-ну Б е к л е м и ш е в у⁷. — Мне сказали, что Князь, возможно, не захочет вмешаться в это дело, ввиду того что Леон принадлежал к Армии Сакена⁸. Надеюсь, я имею некоторые причины надеяться, что все, однако, устроится. Все военные полагают, что Леон после того будет еще год оставаться в службе, прежде чем перейти в гражданскую. — Впрочем, это будет зависеть от тебя, мой дорогой Леон. Быть может, ты уже видал Князя П а с к е в и ч а и обо всем этом знаешь более меня. — Как я не получаю от тебя известий, то мне трудно сказать тебе на сей предмет что-либо положительное.

Не знаю, мой добрый друг, получил ли ты деньги, которые я тебе еще послал. Что до 1000 р.⁹, то это Олинька нам дала о них знать. Г-н Ушаков говорил, что ты собирался писать нам по почте, но мы не имели утешения получить это письмо. Я два раза заходил на дом к г-ну Ушакову — я просил передать ему просьбу прийти к нам, но он не приходил. Видимо, он уехал в Тверь, куда намерен был съездить. — Прощайте, дорогая Олинька, дорогой Леон, — пишите нам. — Что до меня, то как только буду знать что-либо по твоему делу, не премину тебе о том сообщить, но, говоря по правде, я томлюсь по срочке от тебя. — Целую вас обоих очень нежно. — Александр тоже нам не пишет. — На протяжении девяти месяцев мы получили лишь два письма, да к тому же это были ответы на наши. — Прощайте еще раз, дорогие мои дети. Ответьте нам на это письмо на адрес Матвея Михайловича Сонцова на Арбат в доме Дуракова. Если нас здесь уже не будет, он всегда нам доставит ваше письмо.

¹ Ушаков Н. И.

² Галафеев Аполлон Васильевич (1793—1853), генерал-лейтенант, в 1841 г. — начальник 20-й пехотной дивизии (Памятная книжка на 1841 г. СПб., 1840. С. 153), боевой генерал, участник кавказских войн, где под его начальством служил Лермонтов; в 1850 г. — комендант Севастополя. К этому времени относится следующая его характеристика: «Был в Севастополе комендантом генерал Ап. Вас. Галафеев, старый кавказец, вдовец, и у него была дочь (ныне умершая), которую он хотел веселить, поэтому жил открыто, задавал обеды и устраивал пикники; хотел быть строгим с молодежью, но это ему никогда не удавалось, потому что он по натуре был очень добрый человек» (Одинцов В. П. Воспоминания // ИВ. 1900. XI. С. 498). В 1830-х гг. Галафеев с женой жил в Киеве, на Подоле, в доме Потапова, и у них, проездом в Варшаву, думала остановиться О. С. (Псв. XV. С. 118, пись-

мо к мужу от 16 марта 1832 г.). В 1840-х гг. Галафеевы жили в Петербурге, и в записной книжке Н. И. Павлищева помечен их адрес: «У Обуховск[ого] просп[екта] на углу 1-ой роты Изм[айловского] полка» (ПД). О Г. см.: Висковатов П. А. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891; Козубский С. К биографии Лермонтова // РА. 1893. Кн. 3. № 11; Беляев А. П. Воспоминания о пережитом и перечувствованном с 1803 г. // РС. 1881. Т. 30. № 10. С. 268; Зиссерман А. Критические заметки. Лермонтов на Кавказе // РА. 1885. У. С. 79; Дондуков-Корсаков А. М., кн. Мои воспоминания // Старина и Новизна. Ч. II. СПб., 1903. Кн. 6. С. 48; Затворницкий. III. Отд. IV. С. 389; Акты Кавказской археологической комиссии. Т. IX. С. XVII; Ениколопов И. К. Лермонтов на Кавказе. Тбилиси, 1940. С. 64; о портрете его: РС. 1887. II. С. 510.

³ Галафеева Адель N (ум. до 1850 г.) — жена генерал-лейтенанта А. В. Галафеева, прия-

тельница О. С., приглашавшая ее в 1832 г. к себе в Киев. «Я истратила 80 рублей Адель Галафеевой, которые она послала мне, чтобы купить ей шерсти», — сообщила О. С. мужу в сент. 1831 г. (*Псв.* XV. С. 92). В 1841 г., 27 марта, она писала Н. И. Павлишеву из Петербурга: «Отвечайте мне в Петербург на имя Папá в Гостинице Демут под номером 39 <...> он просил меня остановиться у него, а у меня богатый выбор — Клюпфели, моя невестка и г-жа Галафеева просят меня о том же...» (*ПД*, ф. 244, оп. 20, № 94). О. Г. (подарки ее О. С.) см. также: *Псв.* XII. С. 86.

⁴ Сонцова О. М.

⁵ Ганнибал С. И.

⁶ Паскевич И. Ф.

⁷ Беклемишев Н. П.

⁸ Фон дер Остен-Сакен Дмитрий Ерофеевич, барон (последнее граф) (1790—1881), генерал-майор, начальник штаба Отдельного кавказского корпуса. Со времени турецкой войны О.-С.

был в дурных отношениях с Паскевичем (Шильдер Н. Фельдмаршал Паскевич в Крымскую войну 1854—55 гг. // *РС.* 1875. Т. XIII. С. 606), чем объясняется сомнение С. Л. в согласии Паскевича принять участие в судьбе Л. С., принадлежавшего к армии Сакена. Через О.-С. (лично знавшего Пушкина) Паскевич в 1829 г. отдал распоряжение о тайном надзоре за Пушкиным тифлисскому губернатору С. С. Стрекалову (Донесение Остен-Сакена С. С. Стрекалову от 12 мая 1829 г. // *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.* Тифлис, 1878. Т. VII. С. 954). Пушкин упоминает об О.-С. в III гл. «Путешествия в Арзрум». О.-С. был женат на А. И. Ушаковой. Об О.-С. см.: Фет А. Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 262; Пушкин М. И. Встреча с А. С. Пушкиным за Кавказом // *Майков.* С. 388; *Лорер.* По указ.; Остен-Сакен Д. Е. Н. Н. Муравьев в 1828—1856 гг. // *РС.* 1884. XII. С. 535.

⁹ См. письмо 44, прим. 4.

48* Сергей Львович:

Москва. Марта 9, 1833

Дорогая Олинька, вчера вечером мы получили письмо от Леона с несколькими строчками карандашом от тебя, которые успокоили нас в отношении твоего состояния, но я опасаясь, не ухудшило ли это твоей глазной болезни¹. — Во имя Неба, береги себя, дорогой и добрый друг! — Ты очень хорошо делаешь, что доверилась умелой повивальной бабке, но не следует отвергать и помощь докторов. — Я более чем когда-либо верю в предчувствия и надеюсь вскоре достигнуть второго зрения. Из чисел вижу, что когда ты всего опаснее была больна, я испытывал тоску, думая о тебе (это истина!) — невыразимую. — Вчера, за несколько часов перед тем, как получил ваше письмо, дорогие мои дети, у меня было стеснение сердца необычайное... Наконец ты вне опасности. Да восславится Небо! —

Несмотря на суровость зимы, Весна здесь несколько дней как начала заявлять о себе. Полагают, что для саней дороги негодны, что снегу нет; все это поставило нас в весьма затруднительное положение, экипажи у нас только зимние, да и к тому же тот, в котором мы приехали, принадлежит барону Бревскому². — Не знаю, как нам быть с отъездом. Г-жа Веневитинова³, при-

* В рукописи Л. Слонимской это письмо имеет номер 49, а следующее — 48, и она предполагала, что между ними было еще одно письмо, до нас не дошедшее. Однако при более внимательном прочтении писем 48-го и 49-го становится ясно, что никаких других между ними не было. Первые строчки следующего письма Н. О. (49, по Слонимской — 48): «Дорогая Ольга, лишь несколько дней тому назад я ответила на ваше письмо от 18 февраля...» — как раз и сообщает об отправлении настоящего письма (см. его начало: «Вчера вечером мы получили письмо Леона с несколькими строчками карандашом от тебя...») На этом основании производится перемена этих писем местами. Кроме того, в письме 49-м (по нашей нумерации) С. Л. уже поздравляет дочь с Пасхой, а в письме от 9 марта он пишет: «В моем последнем письме я говорил тебе, мой добрый друг, что Военный Министр сам сказал это Александру». Но в письме 49-м об этом нет ни слова. Очевидно, что недостает письма между 20 февраля (47-м) и 9 марта (48-м). — *Прим. В. С.*

ехавшая в Москву повидаться с дочерью⁴, возвращается в этих днях в Петербург.— Мы поступим, глядя, как она.— Но я забываю, дорогая Олинька, когда пишу тебе, что болезнь глаз не позволяет тебе читать длинные письма.— Надеюсь и молю Предвечного, чтобы в момент, когда получишь это, ты была бы совершенно здорова.— Прощайте же, дорогие мои дети,— на сей раз я не пишу Леону особого письма.— Спешу только сказать ему, что получил еще известия от Чичерина⁵, и он меня оповещает, что дело Леона почти совершенно устроено, и очень хорошо.— В моем последнем письме я говорил тебе, мой добрый друг, что Военный Министр⁶ сам сказал это Александру.— Когда узнаю, как именно, не замедлю тебе сообщить. Могу сказать только, что поистине это превосходный человек, очень нас любящий.

Надежда Осиповна:

Сегодня утром, дорогие мои Дети, я получила Ваше письмо. Наконец тревоги мои на твой счет, дорогая Ольга, кончены, ибо признаюсь, после твоего письма, полученного чрез Ушакова⁷, я ни минуты не могла быть спокойна. Письмо Леона, которое мы получили несколько дней спустя, нимало меня не ободрило, я не увидела ни строчки от тебя, мой дорогой друг. Я была уверена, что ты очень больна. Но все, слава Богу, кончилось; пожалуйста, береги себя, да хранит тебя Небо и да возвратит тебе здоровье. Не знаю, в Варшаве ли еще Леон, мне думается, он уже в Петербурге⁸, где мы не замедлим с ним соединиться. У меня сердце бьется, как помыслию о радости, какую испытаю, когда увижу его вновь. Целую тебя очень нежно.

Адрес рукою Сергея Львовича:

Его Высокоблагородию Милостивому Государю Николаю Ивановичу Павлищеву. Служащему при Г-не Генерал-Интенданте Погодине для доставления Ольге Сергеевне Павлищевой.

Почт. помета: 45.9.38

Штемпеля: Москва 1833 Март

Lalećie 4 Ap[rel]

¹ К концу жизни О. С. ослепла.

² Вревский Б. А.

³ Веневитинова А. Н.

⁴ Комаровская С. В., графиня.

⁵ Чичерин Петр Александрович (10 II 1778—27 XII 1848), генерал-адъютант, начальник легкой гвардейской кавалерийской дивизии, с 20 декабря 1830 г.—командир сводного кавалерийского корпуса на театре военных действий в Польше. В 1833 г. Ч. состоял при военном министре графе А. И. Чернышеве. Был

женат на княжне А. А. Куракиной, по первому браку Салтыковой. Ч.—родственник С. Л. по матери (О. В. Пушкиной, урожд. Чичериной). О Ч. см.: *Бутурлин*. 1897. I. С. 441 и III. С. 304; Куракин Н. И., кн. *Дневник*. М., 1903. С. 436; Гангеблов А. С. *Воспоминания*. М., 1888. С. 57; *Письма*. III. С. 133.

⁶ Чернышев Александр Иванович, граф (1786—1857), военный министр в 1827—1852 гг., впоследствии светлейший князь.

⁷ Ушаков Н. И.

[12—14 марта 1833. Москва]

Вот тебе, дорогая Олинька, маленькое пасхальное яичко — это 500 р., которые я тебе посылаю. Очень мне было горестно, что я не сделал этого до сей поры и что на этот раз не шлю тебе более. Положение Леона, не терпевшее отлагательства в помощи, послужит мне извинением перед тобой. — Я знаю твое доброе сердце и чувство дружбы, тобою к нему питаемое. Я очень мало напишу вам, дорогие мои дети, и вовсе не напишу Леону особо. — Я все ожидаю результата моих писем о нем и молю Бога о благополучии всех нас. Надеюсь, мой добрый друг, что ты совершенно оправилась, что у вас Весна, что ты уже наслаждаешься ярким солнцем и возобновила свои прогулки в Л а з е н ь к и ¹. — Здесь зима уходит на глазах, и давно; только и разговору что о плохих дорогах, так что пасхальную неделю мы проводим в Москве.

Сестра моя и зять ² приняли большое участие, мой дорогой друг, в происшедшем с тобою несчастном случае ³. У Алиши ⁴ были слезы на глазах. — Она очень тебя любит. Обе кузины ⁵ поручили мне сказать Леону, что очень помнят его дружбу, однако любимыми себя не почитают, и его память доставила им большое удовольствие, — да и мне тоже, ибо, по правде, мне очень прискорбно было бы ничего им от его имени не сказать. — Прощайте, дорогие дети и друзья! Целую вас от всего сердца, говоря вам Х р и с т о с в о с к р е с е! Будьте так счастливы, как я того ежеминутно желаю, ибо не бывает такого мгновенья, когда бы я о вас не думал, ни дня, когда не просил бы Всевышнего о вашем благоденствии!

Надежда Осиповна:

Дорогая Ольга, лишь несколько дней тому я ответила на ваше письмо от 18 февраля; медленность почты меня приводит в отчаяние, особенно когда ты нездорова, но полагаюсь на милость Господню и с первым же курьером жду удовлетворительных известий. На этих днях, будучи у г-жи Малиновской ⁶, я познакомилась с одним молодым князем Оболенским ⁷, который вас знает, он мне много рассказывал о тебе и Леоне, он приехал из Варшавы и успокоил меня насчет твоего здоровья.

¹ «Вчера с Ольгой Сергеевной ходил я гулять в Лазенки и Бельведер», — записал А. Н. Вульф в своем дневнике 27 октября 1832 г. (Майков. С. 186).

² Е. Л. и М. М. Сонцовы.

³ У О. С. был вторичный выкидыш, материнство давалось ей нелегко. Еще в июле 1832 г., решившись взять приемыша, она откровенно говорила мужу: «Что до вас, мой добрый друг, то поступайте, как хотите, я не хочу вас обманывать. Я слишком боюсь заболеть снова и, само собой, сделаю все, чтоб этого не случилось» (Псв. XV. С. 130). А. Н. Вульф 14 мая писал сестре: «Если Ольга Серг[еевна] и намеревалась с мужем жить по-братски, то можно ли было предполагать, что он для этого ее вывезет из Петербурга в Варшаву, чтобы сидеть против нее и любоваться? Таких идеалов не

должно искать в этом мире; впрочем, слух, который до тебя дошел, мне не кажется невероятным» (Псв. I. С. 100).

⁴ Сонцова О. М.

⁵ О. М. и Е. М. Сонцовы.

⁶ Малиновская А. П. Н. О. была у нее 10 марта в пятницу. См. письмо 51. — Прим. В. С.

⁷ Оболенский Михаил Андреевич, князь (1806—1873), археограф, гофмейстер. «Служа офицером в польскую войну, он стал известен Паскевичу и заведовал секретною его канцелярией. По рекомендации фельдмаршала он был назначен в 1833 г. в Моск(овский) Архив Мин(истерства) иностранных дел и с 1839 г. был управляющим, а с 1866 г. директором его по кончину 12 января 1873 г. в Петербурге» (Некролог умерших в 1873 г. // РА. 1875. 12. С. 463. Тут же перечисление его трудов).

50 *Сергей Львович:*

[16 марта 1833. Москва] *

Дорогая Олинька!

Вчера вечером, воротясь от моей сестры¹, мы получили твое письмо, и сейчас, проснувшись, перечитали его в постели.— Боюсь, не слишком ли ты много писала и не повредило ли это тебе. Я ничего так не опасаюсь, как болезней глаз.— На сей раз я, кажется, согласен с тобой насчет докторов. Что за мысль давать столько лекарства женщине и бросать кровь из ног, не будучи уверены в ее состоянии? — Не нужно принадлежать к факультету, чтобы предвидеть последствия сего.— Я послал тебе, душинька, пасхальное яичко — 500 р., хочу, чтоб ты весело провела праздники и была бы совсем здорова; что до нас, то из-за дорог мы проводим их в Москве.— То, что говоришь мне об Ушакове², прелестно.— Этого характера недоставало Ла Брюйеру³, и проект о науках восхитителен.

Я очень огорчен, что Леон не любит ни Петербурга, ни Москвы, ни Варшавы, это не дает мне надежды его увидеть, однако он, быть может, хорошо бы сделал, если б приехал в столицу, ибо так или иначе, но ему будет нужно самому предпринять шаги; я же, почитая устроить для него к лучшему, могу в том не успеть.— Это мне не мешает, мои добрые дети, поцеловать вас обоих и пожелать вам веселиться елико возможно более.— Сегодня почтовый день, уступаю перо Мамá. Ты очень меня позабавила рассказом о г-же Гарлинской⁴, вижу, что письма свои она пишет, как журнал, наподобие г-жи де Сталь⁵, неправда ли? — Я еще раз был у Ушакова.— Он уехал в Тверь. Получил ли Леон вторую мою посланную ему 1000 р.? — Прощайте, мои добрые друзья! Счастливого праздника, желаю вам его от всего сердца, но мне — мне очень грустно, что никого из вас нет со мной.— Да что поделаешь?

Надежда Осиповна:

Только что получили мы твое письмо от 26-го, мой добрый друг; оно доставило нам величайшее удовольствие, боюсь только, не злоупотребила ли ты разрешением врача. Удивляюсь его невежеству, как можно бросать кровь из ног! По правде, это дает мне прескверное представление о варшавских врачах. Но, слава Богу, все кончено, надеюсь, в настоящее время ты хорошо себя чувствуешь, весенний воздух возвратит тебе здоровье. Желаю тебе счастливых праздников, это первый раз, когда мы проведем их далеко от всех вас, дорогие мои Дети. Оно очень грустно, ибо без вас для меня нет красных дней. Отвращение, питаемое Леоном ко всем городам, где он был бы к нам ближе, очень меня огорчает и приводит в совершенное уныние. Значит, я осуждена никогда более его не увидеть? Не будем больше об этом говорить, вся моя надежда на Божье Милосердие. Ежели ничего не знаешь об Александре, то скажу тебе, что они все трое здоровы; в Петербурге, как и здесь, все болели гриппою, которую прозвали внучатой племянницей Холеры. Натали первую неделю поста больная пролежала в постели, ей тоже бросали кровь, но на Масляной и всю зиму она много веселилась, на балу Уделов она появилась

* Датировка письма произведена нами на основе расчета сроков прохождения почты между Варшавой и Москвой, а также исходя из контекста ближайших писем.— *Прим. В. С.*

в костюме Жрицы Солнца и имела успех. Император и Императрица подошли к ней, похвалили ее костюм, и Император объявил ее Царицей Бала. Натали подробно нам о том писала; я не рассказываю об этом бале, ибо, несомненно, в Варшаве о нем знают. Здесь много концертов, на бульваре Гулянья. О Лиз Чирковой⁶ я не говорила тебе потому, что она недавно как воротилась из Пензы; она все та же, такая же добрая, такая же ласковая, интересуется тобой душой и сердцем. В прошлом моем письме я назвала тебе всех, кто с Лиз Чирковой составляет хор. Вчера я ходила навещать бедную Анну Ивановну⁷, она все ухаживает за своей теткой, эта последняя так слаба, так больна; она меня спрашивала, как ты, и когда я ей рассказала о происшедшем с тобой несчастном случае⁸, она принялась плакать, как дитя. Мне досадно, что Ушаков в Твери, он потешил бы меня своими чудачествами, но завтра мне предстоит удовольствие — я увижу этого князя Оболенского⁹, он мне еще расскажет о вас, мои Дети. Я чувствую привязанность ко всем, кто приезжает из Варшавы, города, который я ненавижу с тех пор, как вас туда завлекла судьба. Прощай, дорогая Ольга, целую тебя, заранее говорю тебе Христос воскрес в предположении, что письмо это придет как раз ко дню Пасхи; целую Леона. Кузины очень чувствительны к его памяти, Алиша¹⁰ с нетерпением ждет твоего письма.

Пвл. ИВ. 88. X, с. 29.
Врс., с. 782.

¹ Сонцова Е. Л.

² См. письмо 46, прим. 1. Ушаков Н. И.

³ Жан де Ла Брюйер (1645—1696), знаменитый французский моралист, автор «Характеров»; первое издание вышло в 1687 г. под заглавием «Les Caractères de Théophraste, traduits du grec, avec les Caractères ou les Moeurs de ce Siècle». На русский язык «Характеры» переведены были в 1812 г. Н. Ильным.

⁴ См. письмо 40, прим. 3.

⁵ С. Л. имеет в виду, вероятно, не м-м де Сталь (Анну Луизу Жермену Неккер), а баронессу Жанну Маргариту Сталь (ум. 1750), французскую писательницу, автора отмеченных тонкой наблюдательностью «Mémoires» (Paris, 1775) и «Lettres» (Paris, 1806). Ее «Oeuvres complètes» изданы в Париже в 1821 г.

⁶ Чиркова Елизавета Николаевна (ум. 12 VI 1862) — дочь генерала от инфантерии,

сибирского помещика Николая Александровича Чиркова и Елизаветы Петровны, урожд. Татишевой, сестра жены партизана Дениса Васильевича Давыдова (Мертваго Д. Б. Записки // РА. 1867. С. 42 и 158) — также приятельницы О. С. (Павлицев. С. 430), и двоюродная сестра А. Л. Баратынской (Энгельгардт Л. Н. Записки. М., 1860. С. 174). Ее брат Никанор Николаевич Чирков — товарищ по Благородному пансиону Л. С. Пушкина, М. И. Глинки, Н. И. Павлицева и С. А. Соболевского. О ее родителях см: ОА. Т. I. С. 563; Дополнения к Запискам Д. Б. Мертваго // РА. 1868. С. 124; Д. В. Давыдов по неизданным письмам и воспоминаниям // РС. 1891. VIII. С. 369 и далее.

⁷ Рудольф А. И.

⁸ См. письмо 49, прим. 3.

⁹ Оболенский М. А.

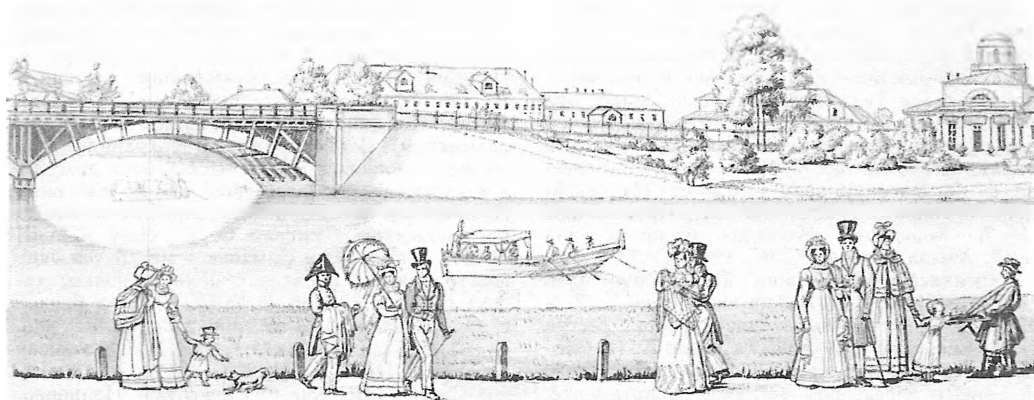
¹⁰ Сонцова О. М.

51 Надежда Осиповна:

31 сего Марта Москва 1833 г.

Вчера, к великому моему удовлетворению, мы получили твое письмо от 10-го, и я решаюсь предаться уверенности, что ты совершенно оправилась, мой добрый друг, но до сей поры я все была в тревоге; и точно, у меня очень мало бывает спокойных минут с тех пор, как я разлучена со всеми вами, Дети мои. Вот уже подходят праздники, это письмо уйдет лишь на второй день Пасхи, ежели его вообще примут на почте. «Христос воскресе», дорогие друзья, целую вас очень нежно, тебя и ленивца Леона, в течение недели, однако, надеюсь иметь от него вести. Мы говели с нашими, Алиша заметно поправляется, она прямо-таки счастлива, что получила твое письмо, она пере-

дала мне его содержание, я очень рада, что тебе нравится в Варшаве, а вот и весна, которая сделает твое пребывание там еще более приятным. Продолжай адресовать свои письма в Москву, как только будем на отъезде, мы тебе скажем. Мы поедem в Петербург, а оттуда в Михайловское, где наши добрые соседки ждут нас с нетерпением, особенно г-жа Осипова и Тимофеевы. Я давно знаю, что Мари¹ вышла замуж, я тебе о том не сообщала, думая, что вы в переписке. Эту новость сказала мне г-жа Боборыкина², которая узнала об этом от Катерины Лукьяновны³; говорят, она сделала хорошую партию, я позабыла фамилию мужа. Это человек благовоспитанный, из хорошей семьи и достаточно богатый. Он постоянно живет в Петербурге. Г-жа Стерич только что приехала в Москву, потеряв сына⁴. Бедная женщина в отчаянии. Авдотья Евгеньевна⁵ все время при ней. Знаешь ты, что Аннет Вульф очень была больна, 21 день жизнь ее была в опасности. Эта-то болезнь и задержала их так долго в Петербурге, в Тригорском они с Февраля. Свадьба Александрины⁶ состоялась до их приезда, ибо уже была почти Масляная, и г-жа Осипова разрешила им венчаться без нее. Обряд совершился, кажется, во Вреве. Что еще скажу тебе? Вчера у обедни я видала Баратынских, которые причащались. Они о тебе спрашивали, и Настази⁷ поручила мне сказать тебе тысячу милых вещей. Скажи г-же Окуневой⁸, что я очень тронута ее памятью, я очень рада за тебя, что она в Варшаве, долго она там пробудет? Что поделявает ее сестра? И Фурманы⁹, ты мне ничего о них не говоришь. Не знаю, что случилось с нашими Фурманами, Анна Николаевна¹⁰ мне не пишет. Натали родит в июле. Брат ее Дмитрий¹¹ навещает нас всякий раз, как он здесь, ибо, управляя делами семьи, он всегда в разъездах, то в Нижнем,

Прогулка на Островах.
Литография. 1820-е гг.

то в Калуге; он должен бывать и в Москве, ибо после смерти Деда он служит в Архивах. Я мало кого выдаю, довольствуюсь обществом Сонцовых, г-жи Яковлевой¹², по пятницам бываю у Малиновских¹³, мне даже не любопытно взглянуть на пасхальные гулянья, чтоб от них избавиться, я не купила Шляпки, а на Бульваре и ноги моей не было. У меня одна радость на свете, Дети мои,— это получать ваши письма. У тебя пристрастие к Черной Речке,— так вот, скажу тебе новость, мой добрый друг: там будут пить искусственные Воды, наподобие московских¹⁴, это начнется в Мае, как мне сказал Булдаков¹⁵. Сегодня я обедала у Сонцовых, было много народу, за столом я сидела возле Настази Баратынской, я очень ее насмешила, рассказав ей твою историю с девочкой, которую ты хотела удочерить¹⁶; но что странно, так это что несколько лет назад с ней случилось то же самое, это было до ее замужества, и маленькая была некрасивая, дерзкая, точно как твоя. Г-жа Баратынская тебя любит по-прежнему, она говорит, что это не она бросила писать.— Катинька¹⁷ передает тебе тысячу нежностей, она говорит, что сестра ее ни за что не хочет в своих письмах написать о ней; сколько она ее о том ни просит, та отвечает — и, Катинька, скучно, я не люблю чужие комиссии выполнять. Я говорила тебе, что у Эола ничего нет, оказалось у него двести Крестьян, да маленький капитал, он очень стеснен в своих обстоятельствах, он будет жить с Отцом своей жены, свадьба совершится в Вязьме, в Июне месяце, потом они воротятся в Москву¹⁸. Я удивлена, что Мари тебе не пишет и не сообщила о своем замужестве. Подарки, полученные ею, хороши, я поздравляю ее с ними, но это последние, какие она получит от г-на Мятлева¹⁹, ибо он только что умер.

¹ Гаевская Мария Ефимовна (12 III 1805—26 V 1884), урожд. Веселовская, дочь духовника О. С.

² Боборыкина Авдогья (Евдокия) Евгеньевна (25 XI 1766—15 XII 1843), урожд. Кашкина, дочь генерал-аншефа, генерал-губернатора тульского и калужского Евгения Петровича Кашкина и Екатерины Ивановны, урожд. Сафоновой, с 1791 г. замужем за тайным советником, тульским вице-губернатором Лукьяном Ивановичем Боборыкиным — тетка П. А. Осиповой. «Овдовев, Е. Е. Боборыкина проживала в Москве, под Новинским, в доме Перских (...) Собою она была, по словам ее правнука, очень дурна, черна и желта» (Кашкин Н. Н. Родословные разведки. СПб., 1913. Т. II. С. 528). «Тетушка Авдогья Евгеньевна Боборыкина,— рассказывает ее внучка,— пользовалась уважением в нашей семье; она была женщина умная, очень самостоятельная, даже резкая. В своей семье она была главою и владычествовала над мужем своим» (Сабанеева Е. А. Воспоминания о былом: Из семейной хроники. 1770—1838 гг./ Предисловие Д. А. Корсакова. Редакция и примечания Б. Л. Модзалевского. СПб., 1914. С. 93).

³ Симанская Екатерина Лукьяновна (ум. 16 IX 1875), урожд. Боборыкина, дочь Е. Е. и Л. И. Боборыкиных, двоюродная сестра П. А. Осиповой и декабриста князя Е. П. Оболенского; замужем за псковским помещиком, отставным директором морского департамента, статским советником Львом Александровичем Симанским (1787—1842) (Кашкин Н. Н. Родословные разведки. СПб., 1913. Т. II. С. 528). «Обедал вчера у отставного директора морского

департамента, г-на С [иманского],— рассказывает А. В. Никитенко.— На этот раз и здесь царствовала убийственная скука, которая большею частью всегда царствует в так называемых «хороших обществах». Я пришел к г-ну С [иманскому] в три часа. Об обеде еще и не думали. Екатерина Лукьяновна была уже в гостинной. Она встретила меня с восторгом. Из уст ее полилась река сладких речей с обычными ей декламаторскими восклицаниями. Она принадлежит к числу тех широковещательных, впрочем неглупых дам, которые болтают обо всем: о погоде, шляпках, философии, французской революции, о делах Бельгии, о Дибиче, польской войне и проч. Я достался ей на жертву почти на полчаса и в это время вынес целый град восклицаний» (Никитенко. I. С. 103). С., ее сестры — Пелагея Лукьяновна (вышедшая за князя В. И. Друцкого-Соколинского) и Софья Лукьяновна (впоследствии замужем за Д. Е. Баратынским) до конца жизни сохранили дружеские отношения с О. С. «Собирается дождик, и я надеюсь увидеть вечером добрую Катерину Лукьяновну, которая всегда приходит ко мне по понедельникам,— писала О. С. сыну в сент. 1866 г.— (...) Г-жа Симанская на другой день своего приезда провела у меня несколько часов» (ПД, ф. 221, оп. 2, № 6). С. была близка с О. С. вплоть до ее кончины (Павлищев. С. 83). О С. см. письма О. С. к Н. И. Павлищеву за 1836 г. (Псв. XXIII—XXIV).

⁴ Стерич (Штерич) Серафима Ивановна, урожд. Борноволоксова (18 IV 1778—12 X 1848, ПН), вдова статского советника, тульская помещица (Леонтьев М. Записки // РА. 1913. XI. С. 607), родственница Симанских и

П. А. Осиповой. Сын ее Евгений Петрович (20 II 1809—12 III 1833), камер-юнкер, талантливый пианист и композитор, воспитанник А. В. Никитенко, друг и «меценат» Глинки — скончался от чахотки в Петербурге 12 марта 1833 г. «...Серафима Ивановна — говорит М. И. Глинка, — женщина еще не старая, но совершенно поседевшая от смерти обожаемого сына» (*Записки*. С. 217). Романы Е. П. Штерича вошли в «Лирический альбом», изданный в 1829 г. М. И. Глинкой и Н. И. Павлищевым. Глинка посвятил Штеричу «Вариации» на тему «Анны Болейн» Доницетти. О С. И. и Е. П. Штерич см.: *Бутурлин*. 1897; Соллогуб В. А., гр. Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 203 и др.; Глинка М. И. *Записки*. М.; Л., 1930. По указ.; *Никитенко*. По указ.

⁵ Боборыкина.

⁶ Осиповой А. И.

⁷ Баратынская А. Л.

⁸ Окунева Софья Богдановна, урожд. баронесса Будберг (о ее отце см.: письмо 52, прим. 6), жена четвероюродного брата Н. О. Николая Александровича Окунева (1788—1850), генерал-майора свиты Его Величества, впоследствии попечителя Варшавского учебного округа (Памятная книжка на 1841 г. С. 129), военного писателя. О нем О. С. писала мужу 26 окт. 1831 г.: «Адъютант Окунев — родной брат Соф [ьи] Александровны (см. письмо 3, прим. 4), однако это не мешает тому, чтоб он не посмеялся от всего сердца, если вам вздумается прибегнуть к его протекции. Он с нами почти не знаком, а родня — седьмая вода на киселе...» (*Псв*. XV. С. 104). В 1836 г., 15 нояб., она сообщила отцу: «Я видела г-жу Окуневу, я у нее была, она больна; муж ее издал еще один ученый военный труд — он нестерпим со своими текущими фразами и высоким мнением о самом себе, жена его, такая добрая и простая, в миллион раз умнее его» (*Псв*. XII. С. 37).

⁹ Фурман Р. Ф. и С. С.

¹⁰ Фурман А. Ф. и А. Н.

¹¹ Гончаров Дмитрий Николаевич (1 V 1808—1859) — старший брат Н. Н. Пушкиной, камер-юнкер, наследник гончаровского майората; женат с 1835 г. на княжне Елизавете Евгеньевне Назаровой. После смерти своего деда А. Н. Гончарова 8 сентября 1832 г. взял на себя управление имениями, чем и объясняются его разъезды. О Г. см.: *Письма*. II. С. 452 и III. С. 546 и 607.

¹² Яковлева П. И.

¹³ У А. Ф. и А. П. Малиновских.

¹⁴ Описание заведения Петербургских минеральных вод, помещавшегося в Новой Деревне у Строганова моста и впоследствии приобретенного кондитером И. И. Излером и превратившегося в кафешантан, см.: Соколов П. П. Воспоминания / Ред., вст. ст. и прим. Э. Голлербаха. Л., 1930. С. 222. В 1834 г., как рассказывает В. П. Бурнашев, «на Петербургских водах в Новой Деревне (...) гулянье было в выс-

шей степени комильфотное» (Воспоминания Петербургского старожила // *РВ*. 1872. IX. с. 576). О Петербургских минеральных водах и посещениях их Пушкиным с женою в 1835 г. см.: Колмаков М. Н. Очерки и воспоминания // *РС*. 1891. VI. С. 670.

¹⁵ Булдаков Николай Михайлович (1802—9 I 1849), воспитанник Московского университета, симбирский губернатор, женат на Варваре Александровне, урожд. Кокошкиной (?—1842), которая первым браком была за графом П. А. Клейнмихелем, двоюродным братом баронессы С. М. Дельвиц; после развода с Клейнмихелем она продолжала бывать у Дельвигов, где Пушкины, вероятно, и познакомились с ее вторым мужем. О Б. и его жене см.: *Дельвиц*. С. 124; *РА*. 1903. I. С. 149; *Былое*. 1922. № 18. С. 5; Штейнгель В. И. *Записки*//*ИВ*. 1900. VI. С. 817. Некролог Б.— «Московские ведомости». 1849. № 15. С. 145. Б. не был чужд литературной деятельности: в альманахе «Каллиопа» (1816. С. 115) был напечатан его перевод Виланда «Как жить на свете».

¹⁶ В 1832 г., 8 июня, О. С. писала мужу: «Признаюсь вам, что мне хочется удочерить трехлетнюю сиротку, из хорошей семьи. Воспитание этого ребенка доставило бы мне радость, и я сумела бы внушить к себе любовь» (*Псв*. XV. С. 130).

¹⁷ Сонцова Е. М.— см. письмо 43, прим. 4.

¹⁸ Под именем Эола Н. О. подразумевает одного из князей Трубецких (см. письмо 53) — по всей вероятности, Алексея Ивановича (25 IV 1806—12 XII 1855, *МН*), сына Ивана Дмитриевича (ум. 1. III 1827; троюродный брат С. Л.) и Екатерины Александровны (ум. 20 X 1831), урожд. Мансуровой, Трубецких (см. письмо 2, прим. 3). Старший его брат Юрий (см. письмо 11, прим. 3 и письмо 45, прим. 8) был уже женат; младший, Николай (1807—1874), женился лишь в 1837 г. Прозвище Эол дано было Трубецкому, надо думать, за «порханье из дома в дом» — подобно прозвищу Зефир, данному в Москве за то же качество одному из Раевских (*Вяземский*. Т. VIII. С. 467; письмо А. Я. Булгакова к брату 28 I 1829 // *РА*. 1901. XI. С. 289).

¹⁹ Мятлев Петр Васильевич (13 XII 1756—15 II 1833), тайный советник, сенатор, советник правления Банков, женат на графине Прасковье Ивановне Салтыковой (1772—11 XII 1859), отец известного стихотворца, каламбуриста, автора «Сенсаций и замечаний г-жи Курдюковой...», приятеля Пушкина, П. А. Вяземского, В. А. Жуковского — Ивана Петровича Мятлева (28 I 1796—13 II 1844). О М. см.: *Дневник* А. В. Храповицкого. СПб., 1874. С. 543; Из старых бумаг Остафьевского Архива // *РС*. 1866. С. 240; Головина В. Н., гр. *Записки*. СПб., 1900. С. 55. Мария Ефимовна Веселовская была воспитанницей П. В. Мятлева.— *Прим. В. С.*

1 сего Апреля 1833 г. Москва

Вот два дня кряду, что я беседую с тобой, мой добрый друг, у меня не будет времени ни завтра, ни в понедельник. Эту ночь мы будем у заутрени и у малой обедни с Сонцовыми, день проведем у них, а в понедельник они будут у нас. Погода отвратительная, снег идет, как в середине зимы, и воздух холодный, боюсь, как бы реки еще долго нас здесь не задержали. Мне представляется, что в Петербурге я буду ближе к тебе, раз смогу чаще иметь от тебя известия по Экстра-почте. Но как приеду в Михайловское, то снова станет точно как в Москве. С нетерпением ожидаю участи бедного моего Леона, что он там ни говори, а я не могу не мучиться, я совершенно несчастна от мысли, что он в этом положении, я, которая гордилась его подвигами; значит, так уж положено, чтобы мне ни в чем не было радости, но довольно Иеремиад, мой добрый друг, дай Бог, чтобы ты приятно провела праздники. Я думаю, в Варшаве погода лучше, есть у вас Качели и гулянья? Папа не помнит. Что у вас с квартирой? Оставили вы ее за собой или у вас другая? По Плану она показалась мне такой удобной. Нам здесь не так хорошо, и хозяйка дома женщина очень капризная, вечная история с дровами, она почти не топит комнат, сколько мы ни повышаем цену.— Прощай, мой добрый друг, целую тебя очень нежно, твоя кухня¹ тоже тебе пишет. Надеюсь вскоре получить от вас вести.

Сергей Львович:

Хоть это письмо и уйдет только в понедельник, дорогая и добрая Олинька, но я пишу тебе сегодня из опасения не успеть сделать этого завтра, в день Пасхи.— Целую вас обоих очень нежно и желаю вам какого только можно счастья.— Ради Бога, мой добрый друг, не огорчайся мыслью, что я очень стеснен.— Напротив, я гораздо более спокоен с тех пор, как послал тебе это пасхальное яичко, и надеюсь не ограничиться такой безделицей.— Разве вы не предмет первого моего попечения, и не свое ли благополучие я упрочиваю, содействуя вашему? — Твое последнее письмо доставило мне большое удовольствие, уверив меня в твоём выздоровлении.— Береги свои глаза, теперь я сознаю, что это весьма меня встревожило. Надеюсь, Леон получил тысячу рублей, что я послал ему для г-на Плещеева².— Прочие тысячи лежат у меня на сердце, ибо не знаю точно, когда смогу их ему переслать, но он может быть уверен, что я приложу все старания, чтобы уплатить этому достойному человеку.— Мама рассказывает тебе о нашем московском образе жизни, я прибавлю, что за 4 почти месяца, что мы здесь, я еще не разыскал множества людей, старинных своих знакомых, и не видел и десятой части города.— Если б не было здесь Сонцовых, г-на Малиновского³ и Дмитриева⁴, то я оказался бы совершенно чужестранцем. Вручите меня памяти г-на и г-жи Окуневых⁵.— Я никогда не забуду гостеприимства и приветливости г-на Будберга⁶, как и их благорасположения.— Прощайте, добрые мои друзья.— Целую вас еще раз, и тысячу раз, Христос воскрес!

Весьма часто я грежу наяву, что будто едет Леон, и мне предстоит счастье поцеловать его в действительности, а потом — je redeviens Gros Jean comte devant⁷.

¹ Сонцова О. М., Алиша.

² Плещеев Александр Павлович (1793—4 VII 1867), воспитанник 2-го Кадетского корпуса, артиллерист, полковник, командир 5-й кон-

ной артиллерийской бригады, в 1839 г.— генерал-майор, варшавский приятель Л. С. «Л [ев] С [ергеевич] должен Плещееву 2000 руб. ассигнациями и 30 червонцев,— писал

Н. И. Павлищев Пушкину 26 апр. 1834 г. — Долг этот каким-то образом принял Аничков на себя, в надежде получить деньги от Л[ьва] С[ергеевича] в Петербурге. Денег он не получил, а между тем Плещеев, по случаю сдачи своей роты попавши в трудное положение, требует платежа от него. Чем это кончится, не знаю; но вышла большая путаница» (XV. 132). Повидимому, Л. С. из посланной отцом тысячи ничего не отдал П. Долг впоследствии оплатил Пушкин (см. письмо его к брату со счетом долгов от конца апреля 1835 г. — XVI, XX). Письмо П. Пушкину от 5 июля 1835 г. — см.: ЛН. 16—18. С. 582 и XVI, 37; от 3 окт. 1836 г. — XVI, 163; также: Шляпкин И. А. Из незданных бумаг Пушкина. СПб., 1903. С. 284. О П. см.: Бутурлин 1897. II С. 386; Павлищев. С. 309; Щеголев. С. 138.

³ Малиновского А. Ф.

⁴ Дмитриев Иван Иванович (10 X 1760—

3 X 1837) — известный поэт и баснописец, старинный друг С. Л. и В. Л. Пушкиных, Н. М. Карамзина, П. А. Вяземского.

⁵ Окунев Н. А. и его жена С. Б.

⁶ Будберг Богдан Васильевич, барон (ум. в 1832 г.), отец С. Б. Окуневой, камергер, эстляндский губернатор, живший в Ревеле в 1820-х гг., когда там три лета подряд (1825—1827) проводили Пушкины (см. письмо кн. П. А. Вяземского жене от 6 июля 1825 г. // ОА. V. Вып. 1. С. 54).

⁷ Gros Jean comme devant — французская поговорка, обозначающая разметавшегося человека, увидевшего себя у разбитого корыта. Использована Рабле (персонаж Gros Jean, простофиля, в «Гаргантюа и Пантагрюэле»), Лафонтеном в басне «Молочница» и др. См. также письмо товарища Пушкина, Илличевского, к Фуссу из Лицея от 5 окт. 1814 г. (Грот. С. 78).

53 Сергей Львович:

17 апреля 1833 Москва

Дорогая Олинька и дорогой Леон! Пишу вам обоим вместе, и обоим же благодарю за письма, которые доставили мне удовольствие бесконечное, в чем вы, я уверен, не сомневаетесь. — Князь Паскевич выехал из Петербурга 8-го сего месяца, итак, он давно в Варшаве, и в момент, когда я пишу тебе, желания твои, с Божьей помощью, уже, надеюсь, исполнились. — Вверяю себя в том Божественной благодати. — Что до меня, то моя надежда вновь тебя увидеть уменьшается с каждым днем. Иногда, признаюсь тебе, мне думалось, что ты едешь или что я узнаю, что ты в Петербурге, и буду иметь счастье тебя там застать... Да свершится Его воля!..

Подробности твоего разговора у польской дамы на тему о врачах, дорогая Олинька, очень меня позабавили, — давай нам их и впредь. — Мы читаем твои письма, или, вернее, ваши письма, с таким удовольствием и интересом, что я ни с чем не могу сравнить этой радости. — Она равна горю, какое я испытываю, не имея никаких известий от Александра, он не пишет нам вовсе и не отвечает на наши письма. — Что поделаешь? — Я льщу себя надеждою, что этим молчанием я обязан великой его лени, но это лишь весьма слабое утешение, если вообще утешение. Мама́ расскажет вам обо всем, что с нами было. — Я ограничусь сообщением, что нас навестил здесь граф И велич¹, что я был у него, что он сказал мне, что мать его и сестры будут жить в нашей квартире у Синего мосту, что вчера мы были на французском спектакле, который, в скобках, вовсе не плох, что я видел там много старых знакомых, между прочими — де Бэсса², новоиспеченного богача. — Он составил себе большое состояние, купил имение в 30 верстах от Москвы и очень счастлив. — Пока прощайте, мои добрые друзья, уступаю перо Мама́ и сберегаю ей удовольствие рассказать вам обо всем попространнее. — Кончаю, мой дорогой Леон, говоря тебе, что я чувствительно тронут поступком Николая

И в а н о в и ч а ³, но что мне очень затруднительно уплатить г-ну П л е щ е е в у ⁴ в скором времени, как я надеялся. Мой управитель мне пишет, что он получил приказ Нижегородского управления сдать Болдино в опеку, ежели я немедля не уплачу 1960 р. в Опекунский Совет ⁵. В настоящий момент это ставит меня в большое затруднение.— Я отдал ему на этот счет свои распоряжения, я написал в Петербург. Когда получите мое письмо, быть может, все будет устроено, но ожидание конца всему этому весьма неприятно.— Целую вас очень нежно, добрые друзья мои и правда люблю вас так, как более любить не можно.

Надежда Осиповна:

Насколько ваши письма мне приятны, настолько медлительность почты выводит меня из терпения. Продолжай, однако, писать нам в дом Д у р а к о в а, как будем в Петербурге, вы тотчас о том узнаете, мои дорогие друзья, отъезд наш еще не назначен. В ожидании его мы продолжаем вести тот же образ жизни, вчера на французском спектакле я встретила людей, коих не видела 25 лет, сосед наш по Захарову, Бэсс, к великому моему удивлению, нас узнал, кажется, он был очень рад с нами свидеться, он спрашивал о вас и рассказал о себе; у него дочь на выданье и два сына, многих он потерял, его Маргерит, по его словам, по-прежнему хороша. Это одна новость, а вот скажу вам другую, которая, без сомнения, вам будет интересна, Эол Трубецкой ⁶ женится на девице Лопухиной ⁷, молодой, красивой, любезной, за которой дают 5 сот крестьян, у Отца ее их три тысячи, а у жениха, кажется, почти что ничего, однако очень красивый экипаж, слуга в парадной ливрее, сам он, очень элегантный, на днях пришел утром к Сонцовым сообщить им о своем счастье; много этих счастливых по Москве, только и слышишь, что о свадьбах, о них говорят подолгу, а вот о несчастных походя только, минуту пожалуют, да и позабудут. Такова будет вскоре участь семейства Сушковых ⁸, друг наш Мишель умер, он оставил жену свою и детей в весьма плачевном положении, кроме горя, что его потеряла, Анна Петровна с шестью детьми имеют лишь 4 тысячи доходу; письмо, которое она пишет кухне своей, П р а с к о в ь е В а с и л ь е в н е Сушковой ⁹, разрывает сердце; я уверена, что эта новость вас огорчит, мои добрые друзья, это был человек, любивший нас очень искренно, я очень о нем сожалею. Мало остается у нас людей, кои были бы так к нам привязаны, как был друг наш Мишель. Через несколько дней после его смерти некий кн. Голицын явился просить руки его третьей дочери Софи, которой нет еще 15 лет, и вот она невеста ¹⁰. Дай Бог, чтоб она была счастлива и чтобы ее благополучие послужило утешением ее несчастной Матери. Ты меня спрашиваешь, дорогая Ольга, о г-же Стерич ¹¹, мне кажется, я тебе о ней уже говорила, она в Москве, страдание ее невыразимо, г-жа Боборыкина ¹² всякий день с нею, эта последняя вездесуща: ее видят то на спектакле, то на бале, на всех гуляньях, свадьбах, похоронах. Она только что потеряла одну племянницу, другую выдала замуж, и всегда сияющая и болтушка, какой ты ее видела повсюду и во всех обстоятельствах ее жизни. Что еще скажу тебе? Алиша несколько дней тому написала тебе большое письмо на 10 страницах, она, верно, говорит тебе о твоих старых подругах, и мне ничего не остается тебе о них сказать. Это от вас, мои дорогие Дети, я буду ждать новостей, князь Паскевич наконец выехал из Петербурга, его приезд решит твою участь, мой дорогой Леон, которую я вручаю Божественному Провидению. Что до радости когда-нибудь тебя увидеть — то я на то ни надеяться не смею, ни вовсе потерять надежды, да совершится Господня воля, я прошу Его дать мне силу покорно переносить горе, причиняемое вашим отсутствием, дражайшие мои Дети, и вселить в меня уверенность, что вы счастливы вдали от нас. Для меня же без

вас все — пустыня. — Ваши письма есть и всегда будут моим утешением. Прощайте, целую вас нежно. Вчера я видала Булдакова¹³, который два дня как приехал из Петербурга и возвращается туда через 5. Он сказал мне, что графиня Ивелич здорова, что она более не занимает дома у Синего Моста, что дела ее кончены благодаря Соломирского¹⁴, она, слава Богу, успокоилась. Булдаков, в самый день своего отъезда, видел Александра в Английском клубе, значит, он здоров. Сегодня мы идем обедать к Сонцовым, у них будут гости, зайду к г-же Яковлевой¹⁵, она больная лежит в постели, болезнь ее меня тревожит, да хранит ее Бог... Неужто мне предстоит потерять эту прелестную женщину, которая столько являет доказательств искренней приязни. Тысячу приветов от меня г-же Окуневой¹⁶.

Сергей Львович:

Р. С. Мамá позабыла рассказать тебе про князя Голицына, который женится на М-ль Сушковой; ему 50 лет, он вдов, у него двое детей, которые старше своей будущей мачехи, и он был сумасшедшим. К тому же состояние его весьма расстроено.

¹ Ивелич, граф — имеется в виду либо Николай Маркович Ивелич (ум. 18 VIII 1875), сын графов М. К. и Н. А. Ивеличей (письмо 22, прим. 15), либо его брат граф Константин Маркович, полковник лейб-гвардии саперного батальона, флигель-адъютант, состоявший в свите Николая I, с 1834 г. — командир Апшеронского полка. Граф К. М. Ивелич был убит на Кавказе горцами в начале 1837 г. Женат был на Александре Петровне Языковой. О нем см.: Титов Н. А. Воспоминания // Древняя и Новая Россия. 1878. № 12. С. 269; Маевский Н. С. Семейные воспоминания // ИВ. 1881. X. С. 332; Павлицев. С. 334; РА. 1876. II. С. 383; РС. 1907. IX. С. 648; Псв. XII. С. 114.

² Бэсс, де, — не Georges ли это de Besse — «химик, пожалованный многими российскими орденами за выдающиеся заслуги, оказанные им русской промышленности, род. в Cateau (Nord), умер в Париже 3 XII 1851 г., 73 лет?» (Вел. Кн. Николай Михайлович. Русский некрополь в чужих краях. Пг., 1915).

³ Н. И. Павлицев помог деньгами Л. С. — см. письмо 44, прим. 4.

⁴ Плещеев А. П.

⁵ Опекунский совет при Воспитательном доме основан был Екатериной II; при нем была учреждена так называемая «сохранная казна» (ломбард, где складывались имущества и недвижимость) и «ссудная казна». Председателем Московского опекунского совета, помещавшегося на Солянке, против дома князя А. П. Оболенского, был в 1830-х гг. князь С. М. Голицын. Петербургский опекунский совет находился на углу Миллионной и Аптекарского переулка, закладные «билеты» (квитанции) Опекунского совета назывались «пеликанки», потому что пеликан как эмблема изображен был на всех бумагах Опекунского совета. См.: Пятков-

ский А. П. Санкт-Петербургский воспитательный дом под управлением И. И. Бецкого // РС. 1875. XII. С. 157; Оболенский Д. Д., кн. Воспоминания // РА. 1895. III. С. 368; РА. 1886. IV. С. 536.

⁶ Трубецкой А. И. — см. письмо 51, прим. 18.

⁷ На ком женился князь А. И. Трубецкой, выяснить не удалось. Девица Лопухина, предполагавшаяся его невеста, — возможно, Вера Лопухина, сестра приятеля Лермонтова Леонида Лопухина, «обладателя 5000 душ», о котором рассказывает в своих «Записках» Е. А. Хвостова (СПб., 1870. С. 130, 139).

⁸ Сушковы: Михаил Николаевич Сушков (1782—22 II 1833, в Симферополе), статский советник, оренбургский вице-губернатор в 1820-х гг. (Сиверс А. Род Тургеневых // Генеалогические разведки. СПб., 1913. Т. I. С. 34); жена его Анна Петровна, урожд. Тургенева (1795—30 IV 1885), двоюродная сестра Н. И. и А. И. Тургеневых; их дочери: Прасковья (ум. в 1833) и Софья (р. 1818). С отцом М. Н., сенатором Николаем Михайловичем (1747—1814), и его семьей Пушкины знакомы были с конца XVIII в. (см.: К. П. П. А. С. Пушкин 1799—1809 // РС. 1879. VI. С. 373). Сестра М. Н. — С. Н., в замужестве Панчулидзева (1800—1848), по предположению исследователей является героиней «Послания к Юдину» (Лернер Н. Ранняя любовь Пушкина // Псв. XIV. С. 11). Двоюродный брат М. Н. Николай Васильевич Сушков — писатель, в 1840-х гг. издавал альманах «Раут». Двоюродные племянницы его — Е. А. Хвостова, автор «Записок» о М. Ю. Лермонтове, и поэтесса графиня Е. П. Ростопчина. О М. Н. см.: ОА. Т. II. С. 508; Павлицева О. С. Воспоминания // Летописи ГЛМ. С. 452. О его жене А. П.: Дневник Н. И. Тургенева. Под ред.

Тарасова. Т. III. С. 469; Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. По указ.

⁹ Сушкова Прасковья Васильевна, двоюродная сестра М. Н. Сушкова, старая девица. Ее племянница и воспитанница Е. А. Хвостова рассказывает о ней: «Прасковья Васильевна была страстная охотница играть в карты; каждый день в первом часу уезжала она в гости, возвращаясь часа в два ночи, спала до одиннадцати часов; перед отъездом зайдет к бабушке поздороваться и рассказать, что видела, с кем играла, а мне задала урок (с ней я дошла до французских фраз, которые она сама мне писала в тетрадку), затем спрашивается с нами, да и была такова до другого дня. В молодости своей она очень много читала, у нее были два огромные шкафа с книгами...» (Хвостова Е. А. Записки. СПб., 1870. С. 36).

¹⁰ По-видимому, свадьба не состоялась. Ни у Е. Серчевского (Записки о роде князей Голицыных. СПб., 1853), ни у князя Н. Н. Голицына (Род князей Голицыных. СПб., 1892) никаких указаний на этот брак нет.

¹¹ Стерич (Штерич) С. И.

¹² Боборыкина Е. Е.

¹³ Булдаков Н. М.

¹⁴ Соломирский Павел Дмитриевич (1801—1861) — гусар, приятель Пушкина, с 1835 г. женатый на Е. А. Булгаковой (брат его Владимир Дмитриевич в это время — с 1831 по 1835 г. — находился с русской миссией в Бурят-Монголии и на границе Китая). Братья Соломирские были внебрачными детьми дипломата Д. П. Татищева и Натальи Алексеевны Колтовской (см. письмо 76, прим. 13), сестры графини Н. А. Ивелич. Н. А. Колтовская и Н. А. Ивелич были сонаследницами богатейших Турчапиновских медных рудников, взятых при Александре I под опеку казны. Вмешательство С. было необходимо, очевидно, для примирения их взаимно враждебных интересов. О С. см.: письмо К. Я. Булгакова брату//РА. 1904. IV. С. 571; Письма А. И. Тургенева Булгаковым. М., 1939. По указ.; ОА. Вып. III. С. 267, 580; Письма. III. С. 614.

¹⁵ Яковлева П. И.

¹⁶ Окунева С. Б.

54 Надежда Осиповна:

Москва, 27 сего Апреля 1833 г.

Это последнее письмо, которое ты получишь отсюда, дорогой друг, — мы на этой неделе едем в Петербург; до нашего отъезда я надеюсь еще получить от тебя весть, это было бы утешением, мне очень грустно расставаться с нашими и со всеми, кто изъявляет ко мне столько дружеских чувств. Без тебя, дражайшая моя Ольга, мы будем очень одиноки в Петербурге, я буду окружена лишь печальными воспоминаниями, я хотела бы елико возможно раньше воротиться в Михайловское, но как это сделать, когда надо устроить дела, ждать лошадей из деревни, отправить людей, повидаться с детьми после одиннадцатимесячной разлуки, обнять еще незнакому внучку, которая делает мне гримасу и которую я хотела бы к себе приучить. Как видишь, у нас хватит времени тебе писать и получать твои письма, — по экстра-почте они будут приходить к нам на 9-й день, эта мысль меня восхищает. Что делает Леон? Меня мучит неопределенность его участи, Маршал в Варшаве, какая-то будет нам от этого польза? Я очень мало пишу тебе сегодня, тороплюсь, перед отъездом столько дел. Надеюсь, ты здорова, мой добрый друг; если погода у вас так же хороша, как здесь, то ты, несомненно, ею пользуешься, у нас 20 градусов, все зелено, Кремлевский Сад великолепен, и все дамы прогуливаются на воздухе, чуть двигаясь, разодетые в пух и прах — потому я не гуляю вовсе. Прежде всего, мне некогда; заниматься делом я могу лишь по утрам, в два часа я выхожу, потом иду обедать к Сонцовым или к же Яковлево¹, а иногда на обеды званные, вечером тоже куда-нибудь, играю и возвращаюсь только чтобы лечь спать. Я как покойница г-жа Офросимова², с той разницей, что этот образ жизни мне не по душе, и когда-нибудь он да кончится. Прощай, целую тебя очень нежно, сжимаю Леона в своих объятиях и люблю вас обоих, как и сказать невозможно. Письма ваши будете адресовать в С. Петербург, у Красного моста, в доме Жадимировского Александру Сергеевичу Пушкину.

Сергей Львович:

Вот мы и на отъезде, дорогие друзья, но, по правде, не знаю, радоваться ли мне этому.— Признаюсь вам, что если б была у нас коляска, которая перенесла бы нас прямо в Михайловское, и если б не было у меня этих несчастных дел с Опекунским Советом, я не хотел бы возвращаться в Петербург; я буду там одинок более чем когда-либо, не имея вас с нами и потеряв Павла Федоровича³, который один знал меня хорошо и которого я уверен был найти во всех обстоятельствах и перипетиях жизни готовым разделить мои горести и мою радость.— Александр на протяжении 11 месяцев написал мне два раза и не ответил на 4 или 5 писем, которые я послал ему с Мая.— Не думаю, чтобы он был в восторге вновь нас увидеть.— После этого вы можете составить себе представление об образе жизни, ожидающем меня в том краю.— Прощайте, мои дорогие друзья, жду ваших вестей. Если б хотя бы я имел утешение знать, что Леон более не выключен, что он получил чего желал, что ты, дорогая Олинка, спокойна и здорова, я почитал бы себя счастливым. Прощайте, целую вас.

Надежда Осиповна:

Мы только что получили письмо твое от 7-го, мой добрый друг, я ждала его завтра, оно доставило мне много удовольствия, а когда напишет нам Леон?

Врс., с. 782.

¹ Яковлева П. Н.

² Офросимова Анастасия Дмитриевна, урожд. Лобкова (19 VII 1753—3 I 1826), жена генерал-майора Павла Афанасьевича Офросимова. О. послужила прообразом Марии Дмитриевны Ахросимовой в «Войне и мире» Л. Н. Толстого и Хлестовой в «Горе от ума» А. С. Грибоедова. С. П. Жихарев в «Записках современника» (М.; Л., 1955. С. 126) рассказывает, что в 1805 г. О. («Набатова», как звал ее А. Я. Булгаков) имела в гвардии четырех сы-

новой, «а между тем гоголь-гоголем, разъезжает себе по знакомым да уговаривает их не дурачиться». Это-то сходство — «разъезжанье по знакомым» — и усмотрела Н. О. между собой и О. Об О. см.: ОА. Т. I. С. 562; *Вяземский*. Т. VIII. С. 219; Письма А. И. Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 127; Снегирев И. М. *Дневник // РА*. 1902. VIII. С. 557; *Свербеев*. Т. I. С. 121, 260.

³ Малиновского П. Ф.

55 Сергей Львович:

С. Петербург 8 Мая 1833

Мой дорогой Леон!

Мы здесь с позавчера и в четыре дня доехали из Москвы на Дилижансе.— Это не помешало мне вчера же пойти к Чичерину¹, дабы о тебе справиться.— На сей раз он совершенно оправдал мнение, какое я имел о его дружеском расположении.— Граф Чернышев, военный министр, по его просьбе очень тобой заинтересовался.— Чичерин передал ему мое письмо, и ты уволен по желанию от службы. Я условлюсь с Чичериным и пойду с ним благодарить Министра, он и сообщит мне все подробности.—

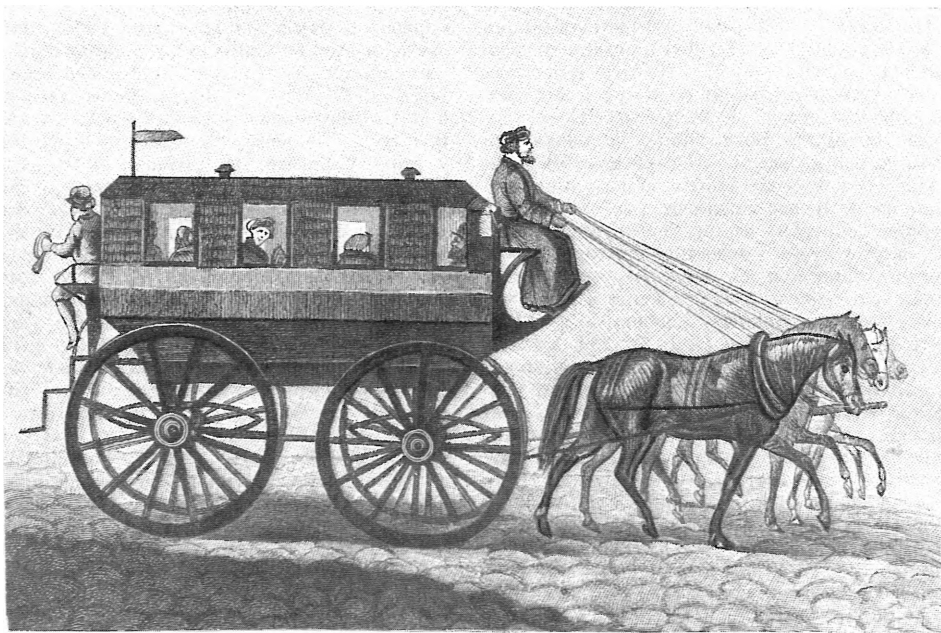
Теперь для тебя не будет затруднения перейти на службу к Маршалу князю Варшавскому. Если он захочет уважить мое письмо... Если нет, мой добрый друг, нужно будет приехать в Петербург, где, безо всякого сомнения, ты найдешь место. Таково суждение всех, кто тебя любит и желает твоего счастья.

Пора бы мне обратиться со словом и к Олинке, но я всегда пишу вам обоим вместе. Мамá хотела, мой добрый друг, рассказать тебе о нашем путешествии, которое было очень быстро, невзирая на 12 убийственных часов, проведенных в Твери. Благодаря некоей барыне Храповицкой², деревня коей оказалась совсем недалеко от места, где сломалось колесо Дилижанса,— в 10 верстах от города,— мы не прошли этого расстояния пешком.— Было 6 часов утра, но мы застали Барыню эту вымытой, причесанной, одетой, нарумяненной и набеленной, однако же очень приветливой... Приехав в субботу в 7 часов вечера, остановились в Отель де Пари³ в тех же комнатах, которые занимали 3 или 4 года назад.— Нам хотелось бы оставаться здесь елико возможно меньше и скорее ехать в М и х а й л о в с к о е. Александр и Натали пришли тотчас же; их маленькая очень была больна, но, благодаря Бога, со вчерашнего дня совершенно избавилась от болезни и, право, хороша, как Ангелок⁴. Хотел бы я, дорогая Олинька, чтоб ты ее увидела, ты почувствуешь соблазн нарисовать ее портрет, ибо ничто, как она, не напоминает Ангелов, писанных Рафаэлем.— Прощайте, мои добрые друзья, мы дадим вам наш адрес, пока пишете на адрес Александра.— Мы пробудем здесь достаточно, чтобы иметь счастье получить ваши письма. У меня дела и пока никакого способа совершить путешествие.— Целую вас от всего сердца и так же благословляю.

Надежда Осиповна:

Ты не можешь и вообразить, дорогая Ольга, как я одинока без тебя в Петербурге, как никогда чувствую я боль разлуки; в этой комнате всякое место напоминает мне минуты, которые я проводила с тобой, мой добрый друг. Я почти никого еще не видала, вчера я заходила к г-же Новосильцовой рассказать ей о ее дочери⁵ и была у г-жи Княжьиной⁶, она вся сияет, выдает Веру за некоего князя Хованского⁷, свадьба совершится в Июле, они будут всегда жить с нею, это брак по склонности, они год как влюблены. Оттуда отправилась я к Соловым⁸, а вечер свой закончила у моей Архарет⁹. М-ль Кочетова¹⁰ уже в Павловском, не знаю, где найти Вишне-ских, очень хотела бы повидать Талызиных, Софи Всеволожскую, Ивеличей, чтобы поговорить о тебе, дорогой друг. В последнем моем письме я позабыла тебе сказать, что Лиз Черткова¹¹, рожденная Чернышева, поручила мне тебя поцеловать, уверить тебя в ее дружбе, сказать тебе, что она с удовольствием вспоминает время, когда мы так часто бывали вместе; у Лиз трое детей, она потеряла четвертого, я нашла, что она очень изменилась, бледна и худа, она очень дружит с Александрин Левашевой¹², они неразлучны. Не буду говорить тебе о нашем отъезде из Москвы, ты можешь вообразить горечь расставанья со своими. Сестра моя¹³ не имела духу с нами проститься, как и г-жа Яковлева¹⁴, мы уехали во вторник, а они думали, что в четверг, Алиша и Катинька много плакали накануне; дабы несколько утешить Алишу, я поехала с нею 1-го Мая на гулянье¹⁵. Давно не видала я столько экипажей, народ был очень одушевлен, было несколько павильонов, наполненных публикой и цветами, и музыка раздавалась со всех сторон. Это напомнило мне доброе старое время, когда я веселилась душой и сердцем. Доехали мы очень быстро, я была в восторге, что снова вижу наших, маленькая хороша, как Ангел, и очень мила, чувствую, что

полюблю ее до безумия и буду баловать, как все бабушки. Я немного ревную ее к Тетке. Натали должна родить в июле. Мы видаемся всякий день, они живут в двух шагах от Отель де Пари. Сегодня я там проведу день (не в отеле, а у твоего брата). Завтра собираюсь в походы, пойду искать домов, надо найти квартиру помесечно, и я надеюсь недолго оставаться в городе, *деревня приятна* в это время года. *Что вы подслышиваете, мои добрые друзья?* Теперь мы за твою участь поспокойнее, мой дорогой Леон, жду от тебя известий с нетерпением, здесь все тобой интересуются, брат твой полагает, что ежели ты хочешь заняться поисками какого-либо места, то непременно должен приехать в Петербург, и я нахожу, что он прав. Теперь возвращаюсь к нашему путешествию, к несчастью, случившемуся с коляской, и к барыне Храповицкой. В твердом убеждении, что дилижанс¹⁶ не может сломаться, я пустилась в путь, надеясь ехать день и ночь и спать спокойно. Вообрази же мой испуг: только лишь я задремала, как вдруг чувствую, что я едва что не на земле и коляска вот-вот перекинется, но, к счастью, мы без труда вышли через дверцу. Дождя не было, однако ветер ужасный, идти не было возможности, надо было держать шляпу и плащ и бежать таким способом 12 верст. Папá был в отчаянии, я раздумывала, как бы облегчить этот тяжкий путь, и спрашиваю у какой-то крестьянки, нет ли на дороге господского жилья, она называет мне эту г-жу Храповицкую, которая в 7 верстах от Твери; я живо посылаю к ней слугу на лошади просить ее сжалиться над нами. Она зовет нас к чаю, а тем временем приказывает запретить коляску и приступает к туалету; посуды, каково было мое изумление, когда я увидела 30-летнюю женщину, разряженную, как на бал, но в 6 часов утра; платье из гроденапля, причесана в три этажа, были

Дилижанс.
Гравюра. 1830-е гг.

тут косы, букли, ленты, громадный гребень. Я начала с извинений, что обеспокоила ее в такую рань, а она мне отвечает, что встала уже в 4, ибо совсем больна, и в самом деле, она пахла Гофманскими каплями, как аптека, она мне говорит, я мучуся спазмами и Гистерикой. Кусая губы, чтобы не рассмеяться, я рекомендовала ей разные средства, ты знаешь, как я это люблю; если б нужны были ей пиявки, я в ту же минуту готова была бы ей их поставить, как я уже делала это покойной Дарье Герасимовне¹⁷; наконец, эта добрая и смешная г-жа Храповицкая угощает нас чаем и кофе и отправляет в Тверь, где мы провели весь день, я — скучая у окна, а Папа — то и дело выбегая навстречу дилижансу, который не показывался, а Папа только зря уставал; напрасно говорила я ему, что его беготня не приблизит дилижанса, который надо тащить 12 верст Бог знает как; он не хотел слушать моих резонов и к концу дня не мог сделать более ни шагу, он так был слаб, что едва говорил, но, несколько отдохнув за ночь на первой станции после Твери¹⁸, совершенно поправился.

¹ Чичерин П. А.

² Храповицкая Екатерина Григорьевна, урожд. Оболенская, помещица Тверского у., молодая вдова подполковника Павла Алексеевича Храповицкого (1765 — после 1825) с тремя детьми. В середине 1830-х гг. вышла замуж вторично за инженер-капитана Ивана Львовича Садовского. См.: Чернявский М. Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии. М., 1869. С. 202, 167 (Приложение); *Руммель Т. П. — Прим. В. С.*

³ Отель де Пари — помешался на Малой Морской. Пушкин свое письмо С. А. Соболевскому от 9 сент. 1834 г. адресовал так: «С. А. Соболевскому. В Париже (что в П. Б. на Малой Морской)» (XV, 189).

⁴ Пушкина Мария Александровна (19 V 1832—23 II (7 III) 1919), старшая дочь Пушкина, крестница С. Л. Пушкин в письмах к жене постоянно говорит о дочери и беспокоится о ее здоровье: «А Маша-то? Что ее золотуха...?», «Ради Бога, Машу не пичкай ни сливками, ни мазью...», «Что-то моя беззубая Пускина? Уж эти мне зубы!», «Она умная девочка, но я от нее покамест ума не требую, а требую здоровья» и т. д. В феврале 1841 г. О. С. писала мужу: «Невестка моя хороша, как никогда. — Старшая ее дочь на меня очень похожа и от меня не отходит, когда я прихожу. Я тоже очень люблю эту девочку и начинаю верить в голос крови» (ПД, ф. 244, оп. 20, № 94). В 1852 г., 6 декабря, П. была пожалована фрейлиной. К этому приблизительно времени относится запись о ней С. М. Загоскина: «Я предсталась (...) Марии Александровне Пушкиной, к которой влекло меня уже то, что она была сестрою Н. А. Дубельт, т[о] е[сть] дочерью Ал[ександра] Серг[еевича] Пушкина. Хотя она и не отличалась никакой красотой и даже не имела ничего схожего с лицом своего отца, но умные, выразительные глаза и простота в обращении со всеми невольно привлекали к ней молодежь» (Воспоминания // ИВ. 1900. VII. С. 53). О ней же, сообщая об одном бале, говорит граф А. К. Толстой в письме к С. А. Бахметье-

вой от 8 февр. 1853 г. из Петербурга: «Была там маленькая Пушкина, которую ты любишь; она была в светло-голубом платье; позабыл детали ее наряда, хотя, глядя на них, дал себе слово тебе их пересказать» (Lirondelle André. Le comte Alexis Tolstoy. Paris, 1912. P. 84). В 1860 г., 6 апреля, П. вышла за генерал-майора Леонида Николаевича Гартунга (1834—13 X 1887, застрелился). По поводу ее свадьбы А. И. Колзакова писала А. Н. Вульффу 27 февр. 1860 г.: «Видно, что неурожай на женихов; потому это говорю, что достоверно знаю, что Нат[алья] Ник[олаевна] более году, как старалась устроить дело, а какой тут бенефис, кроме замужества, — не понимаю (...) Если бы Ал[ександр] Серг[еевич] увидел свой портрет в рамке из портретов своей семьи и вновь в нее вступивших и вступающих с их папьянками, то страшно бы перекошило...» (Псв. I. С. 176). Взаимное расположение П. и О. С. сохранилось до конца жизни последней. В 1866 г., 15 нояб., она писала сыну: «Были у меня Гартунги, но Леонид опять уезжает по делам службы, а Маша остается до февраля, добрая баба и меня любит, обещает бывать часто...» И 24 дек. того же года (по поводу огорчения сына, что у него нет детей): «Чем огорчаться, возьми пример с Гартунга, который всеяет себя крестным знаменисм, говоря, что очень рад, что его жена не делает его отцом, а жена его хочочет» (ПД, ф. 221, оп. 2, № 6). О Л. Н. Гартунге см.: Достоевский Ф. М. Дневник писателя // Полн. собр. соч. Т. 26. Л., 1984. С. 45; Валувев П. А., гр. Дневник. Пг., 1919. С. 18; Оболенский Д. Д., кн. Воспоминания // РА. 1895. III. С. 369; Савелов Л. М. Родословная книга дворян Московской губ. М., 1910. Т. I. С. 320; Псв. I. С. 176. Некоторые внешние черты М. А. Гартунг послужили Л. Н. Толстому для создания образа Анны Карениной.

⁵ Новосильцева Анастасия Павловна (13 IX 1789—21 VIII 183?), узаконенная дочь П. А. Мансурова (письмо 4, прим. 5), первая жена кавалергарда Петра Петровича Новосильцева (9 XII 1797—27 IX 1869), адъютанта князя

В. Д. Голицына. Дочь Новосильцевых — Екатерина Петровна (1825—1858), жена князя Николая Сергеевича Вяземского.

⁶ Княжнина В. А.

⁷ Княжнина Вера Александровна (24 XII 1816—9 V 1887), дочь А. Я. и В. А. Княжнинных, в июле 1833 г. вышла за князя Алексея Петровича Хованского (р. 27 II 1808), титулярного советника, в 1849 г.— петрозаводского полицеймейстера. Князь А. П. Хованский был сыном коллежского советника князя П. А. Хованского, женатого на Екатерине Пекен (Белокуров С. А. Из собрания актов кн. Хованских. М., 1913. С. 11). О К. имеется следующее свидетельство А. В. Никитенко, относящееся к 1831 г.: «Вечер провел у Полонова, где девица Княжнина доставила всем живое эстетическое удовольствие своими прелестными танцами. Какое благородство, какая грация, непринужденность во всех ее движениях! Все другие барышни угасли перед ней, как звезды перед солнцем» (*Никитенко*. Т. I. С. 97). О К. и ее детях см. также «Сборник памяти А. П. Философовой» (Пг., 1915. Т. I. С. 481).

⁸ Петрово-Соловово.

⁹ Архарова Е. А.

¹⁰ Кочетова Е. Н.

¹¹ Черткова Елизавета Григорьевна (1805—25 V 1858), урожд. графиня Чернышева, сестра декабриста графа З. Г. Чернышева и А. Г. Муравьевой (письмо 45, прим. 12 и 13), четвероюродная сестра О. С.— с 9 мая 1828 г. жена Александра Дмитриевича Черткова (19 VI 1789—10 XI 1858), тайного советника, с 1843 г.— московского предводителя дворянства, известного собирателя древностей, нумизмата, создателя знаменитой Чертковской библиотеки. Дочь Чертковых Екатерина Александровна постоянно посещала О. С. в старости, писала под ее диктовку и исполняла при ней роль чтицы (письма к сыну 1866 г.— *ПД*, ф. 221, оп. 2, № 6; наст. изд., письмо 4, прим. 1). О Е. Г. см.: *Бутурлин*. 1897. II. С. 74; Герцен А. И. Былое и думы. Ч. I, гл. VI; Пассек Т. П. Из дальних лет: Воспоминания. М., 1963. Т. II. С. 297 и др.; Загоскин С. М. Воспоминания // *ИБ*. 1900. II. С. 521; *РА*. 1901. VI. С. 192; *РА*. 1902. VII. С. 443; *Русские портреты*. Т. III. № 124. Об А. Д. см.: Барнев П. И. А. Д. Чертков и его библиотека // *РА*. 1863. С. 2; *РА*. 1867. С. 314; Мурзакевич Н. Н. Записки // *РС*. 1887. IV. С. 133; *Русские портреты*. Т. III. № 130.

¹² Левашева Александра Николаевна, урожд.

Левашева, вдова умершего 16 сентября 1832 г. в Царстве Польском командира Иркутского гусарского полка, полковника Никиты Федоровича Левашева (род. 15 IX 1799), в первом браке за князем Григорием Яковлевичем Голицыным (12 XII 1791 — 8 I 1821). Близкий друг дочерей княгини Е. А. Трубецкой, постоянно гостившая у них в Знаменском. По современному свидетельству, Л. была одной из образованнейших женщин тогдашнего московского общества, «предмет особого поклонения Погодина». О ней см.: *Барсуков*. Т. I. С. 58 и далее; *Псв*. XXIII—XXIV. С. 209; *Бутурлин*. 1897. II. С. 194, 384; *Павлицев*. С. 371.

¹³ Сонцова Е. Л.

¹⁴ Яковлева П. И.

¹⁵ Первомайское гулянье в Сокольниках: «Со времен кн. Дм[итрия] Вл[адимировича] Голицына, известного главнокомандующего Москвы 1820-х гг., Сокольническому гулянью 1 мая было присвоено значение официального народного гулянья: для популярности начальника столицы разбивалась широкая, богатая палатка в одном из лучших уголков тогдашнего Сокольнического леса (...) Своим парадным проездом князь главнокомандующий перед вечером открывал Сокольническое катанье: за его коляской от самой Тверской следовала непрерывная цепь шельгских экипажей, принадлежавших высшей московской администрации и аристократии (...) После обильной закуски на вольном воздухе князь и его гости снова рассаживались по экипажам и объезжали вокруг Ширяева поля, загроможденного балаганами, качелями, торговыми шатрами и прочими принадлежностями широкого русского народного гулянья. Многолюдство в этот день доходило по всем Сокольникам до тесноты, а по местам до давки» (*Покровский Д. А. Очерки Москвы//ИБ*. 1894. IX. С. 733).

¹⁶ Общество дилижансов было основано в Петербурге в 1824—1825 гг. (Пржецлавский О. А. Воспоминания//*РС*. 1874. III. С. 471). Содержателем дилижансов между Петербургом и Москвой был Серапин, подчиненный почт-директора К. Я. Булгакова. По прибытии в Петербург дилижансы останавливались у Симеоновского моста, где находилась контора (Ленц В. В. Приключения лифляндца в Петербурге//*РА*. 1878. IV. С. 436).

¹⁷ По всей вероятности, Шелгунова, соседка Пушкиных по Михайловскому, владелица сельца Дериглазова (см. письмо 16).

¹⁸ Первая станция после Твери в сторону Петербурга — с. Медное.

Петербурге 23 сего Мая 1833 г.

Сию минуту мы получили из Москвы твое письмо, моя добрая Ольга, и весьма кстати: сегодня День Рождения твоего Отца ¹, он был очень грустен и все утро только о тебе и говорил; это первый раз в нашей жизни, что мы в этот день не вместе, исключая года, когда он был в Варшаве ², городе, который я ненавижу, который всегда разлучает меня со всем, что мне дороже всего на Свете. Александр пришел нас поздравить и звать к обеду, и при нем, дорогой друг, мы имели удовлетворение получить твое письмо. Он просит сказать Леону, что дело его устроилось, что все кончено, что он может быть спокоен, но не должен дожидаться, пока пошлют ему Адъютанта с этим известием в Варшаву, ему достаточно знать, что он по желанию уволен от службы, это вполне достоверно, Чернышев ³ сказал это Александру, Чернин ⁴ повторил моему мужу, и, дабы в том увериться, Леон должен бы приехать сюда. Приказ утвержден, чего ему еще, в Петербурге все о том знают, сомнений больше нет, и мы совершенно спокойны. Теперь он может хлопотать о переходе в гражданскую службу. Мы готовы действовать, если это нужно и если Леон того хочет. Я надеюсь на Божью благодать, все будет хорошо, и он ничего не потеряет, я так благодарна Чернину, это ему мы обязаны, он же не потерял ни минуты; лишь только получив письмо Папá, он бросился прочесть его графу Чернышеву, сей последний, приняв участие в грустном положении, в коем тогда находился бедный наш Леон, немедленно поспешил поговорить о том с Его Величеством. Когда Александр на другой день пришел в канцелярию Министра, все уже было кончено, ему не явилось надобности идти к Графу, который несколько дней спустя, увидя его на одном балу, подошел к нему поговорить с ним об этом лично и просил его передать нам эту приятную новость. Мне помнится, мы сразу же написали Леону, и я надеялась, что он более не сомневается. По приезде сюда мы еще писали вам, мои дорогие Дети, и все о том же. Сегодня письмо мое будет коротко, я тороплюсь, мы едем обедать к Александру, а вечером перебираемся, — мы покидаем Париж ⁵, дабы переехать на Фонтанку близ Семеновского Мосту в дом Устинова. Очень хорошенькая квартира во втором этаже, как мы надеемся вскоре уехать, то сняли ее помесечно. В Воскресенье я обедала у графини Ивелич, был день рождения ее старшего сына ⁶, я видала там Зубова ⁷ и Соломирских ⁸. Катрин ⁹ долго говорила со мной о тебе и о Леоне, я люблю ее за ее привязанность к тебе, но надо признаться, что более смешной быть невозможно. Когда долго ее не видишь, она кажется вовсе сумасшедшей, я не могла оторвать от нее глаз; если бы была у меня моя былая веселость, я бы посмеялась от всего сердца. Г-жа Симанская ¹⁰ перебралась на ту же дачу, но я успела повидать ее прежде. Она рассказала мне, что Мари Гавеская ¹¹ совсем другая стала, она очень весела, очень элегантна, разговорчива, очень счастлива, мужа своего она знает 15 лет, он цензор, и г-жа Симанская находит, что из Марии Евангельской она превратилась в Марию Ветреницу. Клюпфели с сентября обоснуются в Петербурге. Я давно не имела вестей от г-жи Осиповой ¹², Эфрозина должна родить в течение этого месяца, она только что потеряла своего первого Ребенка ¹³, воображаю ее горе.

Сергей Львович:

Да, дорогая Олинька, первая моя мысль по пробуждении была о тебе. — Я был уверен, что ко дню моего рождения ты постараешься дать о себе весть,

и в самом деле Матвей Михайлович¹⁴ только что переслал нам твое письмо, которое прибыло как раз вовремя, чтобы утешить меня в твое отсутствие.— Вам должно быть известно, мои добрые друзья, что в настоящий момент мы в Петербурге, но когда получите это письмо, вы снова не будете знать, где мы находимся, и, по правде, я и сам того не ведаю.— У нас нет еще экипажей, и Бог знает, позволят ли мои средства уехать в деревню так рано.— Мама рассказала тебе все новости и все подробности нашего посещения Ивеличей.— Они в весьма тонких обстоятельствах, и, право, Катрин кажется мне несколько помешанной. Хоть она и не заговаривается, однако манеры более странны, чем когда-либо, к тому веселость, несовместная с положением, в коем она и мать ее находятся.— Г-жа Языкова¹⁵ тоже всякую минуту делает пируэты и антраша, хохочет беспрестанно, хотя уже год как не имеет известий о своем муже, который, видимо, и не заботится их ей давать.

Маленькая Мари пришла меня поздравить, она ко мне привязалась, и я иногда ношу ее на руках. Как я вспоминаю время, когда тебя я так носил, и, правда, мне представляется, будто это было вчера. Прощай, Душинька. Целую тебя тысячу и тысячу раз, как и Леона. Очень хотел бы видеть его здесь.— Прости!

Р. S. Мими¹⁶, само собой, взяли дачу на Черной Речке и находятся там, кажется мне, со вчерашнего дня. Они повезли серсо и прочие невинные игры, но надо признаться, похудели и состарились, как нельзя более.

Надежда Осиповна:

Как я не кончила своего письма, то снова беру перо, чтобы сообщить тебе еще кое-какие новости, если только это тебя интересует. Сперва скажу тебе, что завтра будет странная Свадьба: старый Обресков¹⁷ женится на молодой вдове, у коей трое дочерей и сын; это сюрприз, который старый дурак преподносит своим Детям, едущим повидаться с ним из-за границы. И еще Свадьба: Бургоен¹⁸ женился в Париже. Это в его отсутствие устроила его мать; он, как верный влюбленный, прежде чем жениться на француженке и дабы знать, чего держаться,— обратился к одной Русской, прося у нее дозволения заехать в Берлин; но, получив малоутешительный ответ, отправился прямо к себе на Родину, и вот Роман кончен и письмо мое тоже. Целую тебя, как и Леона.

Сергей Львович:

Р. S. Руслан очень болен, не знаю, путешествие ли его на почтовых тому причиной, но он 8 дней как не ест, очень кашляет и так слаб, что едва может дотащиться, чтобы лечь у моих ног. Я всякий день жду, что потеряю его*. Врс., с. 783.

¹ С. Л. родился 23 мая 1767 г.

² С. Л. служил в Варшаве в 1814 г.

³ Чернышев А. И., граф, военный министр.

⁴ Чичерин П. А.

⁵ Отель де Пари.

⁶ Ивелич Н. А. и ее сын Ивелич Н. М.

⁷ Зубов Алексей Николаевич (24 II 1798 — 3 XII 1864), тайный советник, камергер, племян-

ник графини Н. А. Ивелич, сын ее сестры Анны Алексеевны (12 XII 1780 — 18 VI 1849), женатый на Александре Александровне Эйлер (27 VI 1808 — 8 I 1870), правнучке знаменитого математика Леонарда Эйлера и внучке директора Сестрорецкого оружейного завода (Письма Екатерины II к Гримму//*ПА*. 1878. № 9. С. 120). О З. см.: *Псв.* IV. С. 84; *Вигель*. Т. II. С. 150.

* Слово «Руслан» написано еще два раза в конце письма — в рассеянии.

⁸ Семья сестры Ивелич Н. А.— см. письмо 53, прим. 14.

⁹ Ивелич Екатерина Марковна (5 VII 1795—7 V 1838), приятельница О. С. и баронессы С. М. Дельвиг. Пушкин звал ее «милою кузиной» (*Майков*. С. 248; *Письма*. I. С. 369), Н. О.— «племянницей». «Целую мою племянницу — графа», — писала она А. П. Керн из Ревеля 22 авг. 1827 г. (*ПД*, ф. 244, оп. 20, № 48). Таким образом, Пушкины «считались родством» с Ивеличами через Турчаниновых.— *Прим. В. С. Прозвище «Граф» И. заслужила за свои мужские манеры и привычку курить табак, что придавало ей сходство с «гренадером самого дурного тона»; однако это впечатление сглаживалось благодаря ее уму, блестящему остроумию и «благородной страсти к поэзии». «Ивеличева за деньги переписывает ноты и нанимает ложу всякий раз, как дают Фенеллу», — писала О. С. мужу 9 нояб. 1835 г. (*Псв*. XVII—XVIII. С. 190). Об И. см.: *Модзалевский*. С. 13 и далее; Маевский Н. С. Семейные воспоминания // *ИВ*. 1881. X. С. 333; Каратыгина А. М. Мое знакомство с Пушкиным // *РС*. 1880. VII. С. 565; *Майков*. С. 248; *Псв*. XVII—XVIII. С. 168; *Письма*. I. С. 104; 369; III. С. 454; Вересаев В. В. Спутники Пушкина. М., 1937. Т. I.*

¹⁰ Симанская Е. Л.

¹¹ Гаевская Мария Ефимовна. К М. Е. был прежде обращен экспромт О. С.:

Скажи нам, что с тобой, претрида? *
Не узнают тебя друзья...
Грустна ты, словно паинкида,
И молчалива, как кутья...

¹² П. А. Осипова писала Н. О. 19 мая 1833 г. (ее пометка в календаре // *Псв*. I. С. 142).

¹³ Эфрозина, баронесса Е. Н. Вревская, разрешила 6 VI 1833 г. дочерью Марией (*Псв*. I. С. 143), впоследствии замужем за Григорием Федоровичем Карповым (*Модзалевский* Б. Л. Поездка в Тригорское в 1902 г. // *Псв*. I. С. 5). Ребенок, которого Е. Н. Вревская потеряла, — ее старший сын, Александр, погребен во Вреве (там же. С. 7).

¹⁴ Сонцов М. М.

¹⁵ Языкова Александра Марковна (14 IX 1796—13 X 1846), урожд. графиня Ивелич, сестра Е. М. Ивелич (см. прим. 9), замужем за полковником Александром Петровичем Языковым. В 1831 г. А. П., в чине капитана Преображенского полка, участвовал в Польской кампании, был тяжело ранен при взятии Варшавы (*Псв*. XV. С. 97) и в 1833 г., по-видимому, находился еще в Царстве Польском. В 1841 г. А. В. был назначен рижским полицеймейстером, а в 1849-м — директором Училища правоведения, где под его начальством учился сын О. С. Л. Н. Павлищев. «Знаешь, я очень рада была узнать, — писала О. С. сыну из Варшавы 24 дек. 1849 г., — что князь Голицын замещен г-ном Языковым, не только потому, что это человек почтенный во всех отношениях, но и потому, что я знаю его лично с давних пор (...) скажи ему, что я поручила тебе напомнить ему о нашей

доброй дружбе» (*ПД*, ф. 221, оп. 2, № 6). Об А. П. см.: Мещерский В. П., кн. Воспоминания. СПб., 1897. Т. I. Гл. II. С. 56; Арсеньев К. К. Воспоминания об Училище Правоведения // *РС*. 1886. IV. С. 199.

¹⁶ Сестры Занден, прозванные Пушкинными мими-биби, — см. письмо 7, прим. 2.

¹⁷ Обресков Михаил Алексеевич (8 X 1764—25 XI 1842), генерал-крюгскомиссар, с 1828 г.— тайный советник, директор Департамента внешней торговли, сенатор. Первым браком был женат на Екатерине Александровне Талызиной (4 XI 1772—19. VI 1803). «Страсть его (...) к женскому полу и желание ему нравиться (...) начинали его делать смешным, — пишет Ф. Ф. Вигель. — Он был небольшого роста, тонок, строен и чрезвычайно легко танцевал; искусственная белизна его лица спорила с искусственной чернотой его волос, и яркий искусственный румянец покрывал его щеки (...) так было все пропорционально, так все хорошо пригнано, где дополнено, где убавлено; везде шнурование, там винт, там пружина; и в этой броне, в которой выступал он против спокойствия женских сердец (...) тот, который всю жизнь прельщениями и деньгами соблазнял невинность (...) На старости же лет пал безоружен в сети, расставленные распутницей, которая без большого искусства умела превратить их в брачные узы. Мгновенно прежний мир исчез перед ним: знакомые, родные, даже дети его оставили. Сим последний должен был он отдать родовое имение первой жены, а награбленное скоро похитила у него вторая» (*Вигель*. Т. I. С. 215). Вторая жена О. — вдова с тремя детьми, Наталья Федоровна Зеланд (1813—1875) (у Никитенко ее зовут Анна Львовна, 1803—1853). «Вчера был на великолепном обеде у прекрасной вдовы, полковницы А. Л. Зеланд (...) г-жа Зеланд сияла красотой и радушием...» — записал в своем дневнике 30 янв. 1833 г. А. В. Никитенко и 11 февраля: «На балу присутствовал также жених престелной г-жи Зеланд, действительный тайный советник М. А. Обресков: это старик лет семидесяти. Чета, достойная кисти Жанена» (*Никитенко*. Т. I. С. 126). П. А. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу так отозвался на эту свадьбу: «М. А. Обресков женился на какой-то вдове полковнице, которая, впрочем, перешла все чины, или в которую — — —; такова, по крайней мере, слава о ней» (*ОА*. III. С. 235). Дети О., о которых говорит Н. О.: сын его Александр Михайлович (1793—1885), сенатор, дипломат, резидент в Штутгарте, и его жена Наталья Львовна, урожд. Соллогуб. Об О. см.: Комаровский Е. Ф., гр. Записки. СПб., 1914. С. 66 и далее; Долгорукий И. М., кн. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. Изд. 2-е. М., 1890 (Приложение к *РА*); Свербеев Т. I. С. 19, 238; *РС*. 1872. V. С. 244; *РС*. 1873. VII. С. 112; *РА*. 1905. III. С. 411; *РА*. 1896. II. С. 404; *ОА*. V. Вып. I. С. 53, 58.

¹⁸ Бургоен Шарль Пауль, барон (1791—1864), сенатор и пэр Франции, блестящий дипломат, мемуарист и писатель, с 1828 г.— поверенный в делах франц. посольства при Рус-

* дочь священника (от франц. «prêtre»).

ском дворе, с 1830 по 1831 г. замещавший посла, герцога Мортемара. Б. покинул Россию в июне 1832 г. вследствие разногласий с Николаем I по польскому вопросу. В 1843 г. в Мюнхене, будучи французским посланником при Баварском дворе, Б. сблизился с Ф. И. Тютчевым, с которым встретился на дипломатической службе. В 1849 г. он издал во Франции отдельной брошюрой статью Тютчева «Россия и революция».

Б.— автор «Воспоминаний современной истории. Эпизоды военные и политические» (Париж, 1864). Русский перевод (в извлечениях) напечатан в «Военном сборнике» 1866 г. О Б. см.: Аксаков И. С. Биография Ф. И. Тютчева. М., 1866. С. 26; *Смирнова*. С. 198; Чулков Г. Жизнь Пушкина. М., 1938. С. 222; Измайлов Н. В. Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. Л., 1927. С. 43. *Письма*. III. С. 201.

57 Надежда Осиповна:

Петербург 28 сего Мая 1833 г.

К великому моему удивлению и утешению, мы только что получили ответ на наше письмо, писанное уже из Петербурга; быстрота почты поощряет меня к переписке, тогда как в Москве это составляло мое горе; я писала тебе и в то же время думала, что нужно ждать месяц, чтобы получить твой ответ. Ты все говоришь нам о деле Леона, но что ты хочешь, чтоб я тебе сказала? Папá опять пошел к Ч и ч е р и н у ¹, как только вернется, он сообщит вам его ответ, дорогие мои Дети, дай только Бог, чтобы он застал его дома. Александр вовсе не поговорил с Маршалом ²; зайдя раз утром к нему и не застав его, он более туда не возвращался, потом он видал его на одном вечере, где Князь обратился к нему с несколькими словами, но Александр не счел уместным говорить с ним о своем брате. Говорил с ним Беклемишев ³, передавая ему письмо, которое Папá ему тогда написал. Маршал ответил, что ничего не может сделать, раз Леон не в его корпусе. Теперь, когда он, получив отставку, более не у Сакена ⁴, я уверена, что Маршал не откажется прийти ему на помощь, ибо он, видимо, им заинтересовался, и Леон плохо делает, что не идет ему представиться. Князь Щ е р б а т о в ⁵ должен быть в Варшаве, я полагаю, что он моего мнения, он любит Леона и подаст ему добрый совет, быв Адъютантом Маршала. Чрез М а т в е я М и х а й л о в и ч а ⁶ мы получили одно только письмо от тебя, мой добрый друг, но ни слова от твоего брата, почему он нам не пишет в то время, как мы мучаемся за него день и ночь; право, это заслуживает строчки от него, хотя бы за все усилия, какие мы прилагаем, особенно Отец ваш, который только и делает, что бегаёт, справляется и говорит о нем, после чего приходит совершенно усталый, едва волоча ноги. Наградой нам одни ваши письма, добрые мои друзья. Твои и исправность, с коей часто даешь о себе вести, дражайшая моя Ольга, составляют наше утешение. Я счастлива знать, что ты в Варшаве веселишься, у нас погода тоже очень хороша, я более чем когда-либо вздыхаю по М и х а й л о в с к о м, соседки наши ждут нас с нетерпением. Г-жа Осипова во Пскове по причине родов Эфросины ⁷, которая только что дала жизнь дочери и потеряла сына, умершего от кровавого удара; за час или два до смерти он был совершенно здоров, он был так толст, я всегда говорила, что ему не жить, эта полнота не была натуральна. Вчера я была у г-жи К н я ж и н о й ⁸, я поздравила ее, как и Веру ⁹, от имени твоего. Свадьба будет через месяц. Невесте 24 Декабря исполнилось 16 лет, между нею и нашим Платоном ¹⁰ был год разницы, ему исполнилось бы 15. М-ль Ц е б р и к о в а ¹¹ утверждает, что Рачинская ¹² тебе неправду говорит, будто она с ней в переписке, она только однажды писала

ей с оказией, теперь она в хлопотах, как и Тетка ее, они делают покупки, переменяют Дом, готовят приданое, а Вера тем временем старается усвоить все приемы замужней женщины, это ужасно смешно, можно подумать, что она комедию играет. Сегодня я обедаю у Ивеличей, откуда пошлю на поиски квартиры М-ль Витовтовой¹³.

Сего 29-го

Вчера я провела день у Ивеличей, там не было никого. Але к [с а н д р а] Марк [о в н а]¹⁴ не прыгала; менее веселая, она была более любезной. Катрин¹⁵ дивится твоему молчанию. По ее словам, она 15 дней как написала тебе. Сегодня мы едем к Вишневым на Кушелевскую дачу, где я найду и г-жу Симанскую¹⁶, которая занимает прошлогоднюю квартиру; надо признаться, этим бедным Вишневым выпадает испытание за испытанием, только что возвращен им сын, как они накануне утраты дочери их Лермонтовой¹⁷; после плеврита у нее скоротечная чахотка, и я не знаю, жива ли она еще в настоящий момент; они перевезли ее к себе на Дачу в чайнии, что воздух принесет ей несколько пользы, но надежды нет более никакой. Я колебалась, сообщать ли тебе эту печальную новость, но, если не от меня, ты узнала бы об этом от другой. Что делать, я знаю, как это тебя огорчит. К счастью, она не оставляет детей. Федор Гаврилович¹⁸ тоже хворает, говорят, он удивительно как похудел и постарел. Сегодня увижу я их всех и завтра расскажу тебе, ибо почта уйдет только послезавтра.

30-го

Тщетно разыскивали мы вчера Вишневских, там путают фамилию Кушелевых с Безбородко¹⁹, один говорит Безб [о р о д к о], другой Кушел [е в], наконец мы приняли решение оставаться у Симанских, гулять и беседовать о тебе, мой добрый друг. Сегодня я еду на Черную Речку к Софи Всеволожской, которая родила Дочь²⁰, и к Мими-биби, которые только что сделали то же самое. Г-жа Брок²¹ страдала за троих сестер, но ребенок принадлежит им всем четверым, Об щ и й Р е б е н о к; они говорят: Б о г д а р о в а л н а м д о ч ь, новость эту они сообщают всем своим знакомым, тем даже, кого Анна Карловна не знает или у кого не бывает. Мне любопытно на них посмотреть. Потом я найду к Талызиным, которые занимают прошлогоднюю дачу. Прощай, дорогая Ольга, целую тебя очень нежно, как и Леона.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька, на сей раз ответ твой пришел очень быстро. По твоему письму я еще раз ходил к Чичерину. Он был в Петергофе с Великим Князем²². Сегодня пойду снова, если не застану, оставляю ему письмо и попрошу мне ответить, дабы в оригинале переслать этот ответ Леону, но не думаю, чтобы он сказал иначе, нежели написал мне.— «Je reviens à mes toutons»²³: это Галафеев²⁴ более чем кто-либо другой может дать указания правдивые и верные, как поступить Леону.— Он состоит при Маршале Сакене и очень дружен с Генералом Красовским²⁵, начальником Штаба при его Армии. Это отсюда следовало бы получить свидетельство об отставке Леона и аттестат, но я не смею писать Галафееву, раз Леон однажды от того отказался. Сегодня я тебе только об этом деле и говорю, ибо оно слишком лежит у меня на сердце. Мне думается, что Леону очень просто теперь пойти к Князю Паскевичу.— Что до полка, то он никаким образом с ним не связан, и ему не о чем с ним трактовать. Участь Вишневских раздирает мне сердце и душу.— Я мельком видел их по приезду и зашел к ним в момент, когда они перебирались. Вообрази, Софья Михайловна поцеловала мне руку,

которую я не успел убрать, вовсе того не ожидая.— Истинно, они сокрушают мне сердце. Прощайте, мои дорогие дети. Целую вас от всего сердца.

Р. С. Ты говоришь мне о Театре на открытом воздухе, я видел такой в Л а з е н к а х. Он существовал еще со времен короля и был построен по образцу Театров Древности. Что до садов Саксонского и К р а с и н с к о г о, то вижу их отсюда, но надеюсь, что они украсились, в мое время они ничего собой не представляли. Письмо Леона разбило мне сердце.— Я только что написал Ч и ч е р и н у.

Надежда Осиповна:

Наконец-то я была у Ми, они утверждают, что у ребенка нос Феликса, а голова и волосы Николасы²⁶. Я вполне права, говоря, что общий ребенок, умура, да и только.

Врс., с. 783.

¹ Чичерину П. А.

² Паскевичем И. Ф.

³ Беклемишев Н. П.

⁴ Остен-Сакен, фон дер, Д. Е.

⁵ Щербатов С. А., князь.

⁶ Сонцов М. М.

⁷ Вревская Е. Н.

⁸ Княжнина В. А.

⁹ Дочь В. А. Княжнинной — см. письмо 55.

¹⁰ Пушкин Платон Сергеевич (14 XI 1817—16 X 1819), сын С. Л. и Н. О. Пушкиных. Выпись из метрической книги Покровско-Коломенской церкви в Петербурге о рождениях за 1817 г. гласит: «Числа 14 ноября мес[яца] ст[атского] сов[етника] С. Л. Пушкина сын Платон; молился и крестил священник Алексей Сперанский 25 числа. Восприемники означенного г-на Пушкина сын его Лев Пушкин и вдова капитанша Марья Алексеевна Гонимбал» (*Ульянский*. С. 112).

¹¹ Цебрикова Наталья Романовна, дочь действительного статского советника, члена Российской Академии Романа Максимовича Цебрикова (1 X 1763—1817), сестра декабристов Романа и Николая Цебриковых, племянница В. А. Княжнинной. В 1834 г. Ц. вышла за известного педагога П. И. Алимпиева. 7 нояб. 1866 г. О. С. написала сыну: «Была у меня Алимпиева, я ее два года не видала, она жила в Москве и теперь снова поселилась здесь, но так далеко от меня, в Коломне, что редко придется мне ее видеть,— это одна осталась у меня подруга молодости моей — Симанскую и Вейдемейер я знала гораздо после, и обе они уже были замужем...» (*ПД*, ф. 221, оп. 2. № 6).

¹² См. письмо 43, прим. 15.

¹³ Витовтова Александра Александровна (ум. 25 III 1860), дочь статс-секретаря Александра I Александра Александровича Витовтова (24 V 1770—1 X 1840), сестра командира гвардейского пехотного корпуса генерал-адъютанта П. А. Витовтова, бывшая смолянка, фрейлина.

Упоминается в письмах О. С. к мужу за 1835 г. (*Псв*. XVII—XVIII. С. 166 и др.). Об ее отце см.: *РА*. 1900. II. С. 184; Панаев В. И. Воспоминания // *ВЕ*. 1867. С. 238; Мельникова А. Воспоминания о давно минувшем и недавно былом. М., 1898. С. 5; Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 366; Комаровский Е. Ф., гр. Записки. СПб., 1914. С. 112; Знакомство Пушкина с семейством Ушаковых // *Майков*. С. 357; *Греч*. С. 321 и др.; Письма Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 92, 97 и др.

¹⁴ Языкова А. М.

¹⁵ Ивелич Е. М., графиня.

¹⁶ Симанская Е. Л.

¹⁷ Лермонтова Прасковья Гавриловна (? — 24 V 1833), урожд. Вишневская, жена инженера генерал-майора Николаевича Лермонтова (I VII 1796—10 VI 1872), шестилетнего брата М. Ю. Лермонтова. В 1831 г. О. С. постоянно бывала у Лермонтовых, и через них Н. И. Павлищев пересылал ей деньги из Варшавы (письма ее к мужу 1831 и 1832 гг. // *Псв*. XV. С. 59 и далее). В 1835 г. В. Н. Лермонтов женился вторым браком на фрейлине Е. Л. Дубенской. О П. Г. см.: Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1934. Т. I. С. 156. О В. Н.: *Дельвиц*. С. 110 и далее.

¹⁸ Вишневский Федор Гаврилович (1798 или 1799—23 IV 1865), старший сын Г. Ф. и С. М. Вишневских (письмо 34, прим. 12); лейтенант гвардейского экипажа, с 1822 по 1825 г. находился в кругосветном плавании под командой адмирала Лазарева. Декабрист, член Северного общества, осужденный по XI разряду и разжалованный в солдаты. В 1833 г., за выслугой, переведен был в 15-й флотский экипаж и находился в Петербурге. О В. см.: Завалишин Д. И. Декабристы в Чите и на Петровском заводе // *РС*. 1881. X. С. 423. *Декабристы*. С. 39.

¹⁹ Так называемая Кушелевка (или Безбо-

родкин сад) — местность в Петербурге на Большой Охте, против Смольного, — принадлежала некогда князю А. А. Безбородко, а затем адмиралу Г. Г. Кушелеву, женатому на княгине Л. И. Безбородко. «Это была дачная местность лучшего петербургского общества и в саду устраивались гулянья» (Записки старой смолянки. СПб., 1898. С. 376). Н. В. Кукольник сочинил на Кушелевку следующий экспромт:

Дача Безбородки,
Подлая земля:
Ни вина, ни водки
В ней найти нельзя.

(Арсеньев И. А. Воспоминания // *ИВ*. 1887. II. С. 356). О Кушелевке см. также: *ОА*. Т. II. С. 490 и роман А. Ф. Писемского «Тысяча душ». Т. 2. Ч. 3. В саду Безбородко бил источник минеральной воды («Полюстрово»), которым и пользовались гуляющие. — *Прим.* В. С. ²⁰ У С. И. Всеволожской родилась дочь Екатерина (2 IV 1833—14 X 1906).

²¹ Брок Анна Карловна (7 IX 1800—26 V 1846, *ПН*), урожд. Занден (одна из сестер Ми-би), жена Петра Федоровича Брока (20 VIII 1805—30 I 1875), чиновника Министерства финансов, в 1852—1858 гг. — министра финансов, тайного советника, члена Государственного совета. Дочь Броков Анастасия Петровна (26 V 1833—14 II 1874). Вторым браком Брок был женат на Амалии Христиановне Бек (4 VII 1815—2 III 1891). О П. Ф. см.: Голубев П. Н. Записки //

РА. 1896. V. С. 88; Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 32, 41; Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: Дневник. М., 1929. Т. II. С. 78; *Никитенко*. По указ.; Дюгамель А. О. Автобиография // *РА*. 1885: X. С. 197; Сафонович В. И. Воспоминания // *РА*. 1903. V. С. 103; Долгооруков П. В., кн. Петербургские очерки. М., 1934. По указ.; Из записок сенатора К. Н. Лебедева // *РА*. 1910. IV. С. 618; упоминается в сатирических стихах А. К. Толстого «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (1868).

²² Великий князь Михаил Павлович (21 I 1798—28 VIII 1849). О П. А. Чичерине см. письмо 48, прим. 5.

²³ Измененная фраза из анонимного французского фарса XV в. «Господин Пьер Патлен»: «Вернемся к нашим баранам».

²⁴ Галафеев А. В.

²⁵ Красовский Афанасий Иванович (1777—1843), генерал-лейтенант, впоследствии генерал от инфантерии, в 1827 г. — командир 20-й Кавказской дивизии, в 1828 г., на войне против турок, командовал 3-м корпусом; принудил к сдаче Силистрию. В Польскую войну занял Краков. См. о нем: Давыдов Д. Воспоминания // *РС*. 1872. V—VI и *РА*. 1880. XI. С. 790. Его статья о кн. М. Д. Горчакове: там же. С. 783.

²⁶ Мужья двух других сестер Занден: А. К. Ноден и Е. К. Лодыженской.

58 Сергей Львович:

7 Июня [1833 г.] С. Петербурге

К письму этому, мой дорогой Леон, я прилагаю полученное вчера от Ч и е р н а ¹. — Не премину послать тебе и то, которое он обещает, когда будет иметь все сведения о твоей отставке. — Ты увидишь, что он этим всегда и живо интересовался и что Военный Министр в ней принял участие. — Я делал и делаю все, что могу, дабы улучшить твое положение, которое меня огорчает гораздо более, нежели ты, быть может, думаешь. Мы все еще в Петербурге, вовсе против своего желанья; ждем экипажей и денег на отъезд, — затраты, сделанные мной на путешествие в Москву и из Москвы, — здесь — платеж в Опекунский Совет и за прочие статьи в настоящий момент истощили мои средства. — Доходы мои не неисчерпаемы, впрочем, в это время года они у всех в положении застоя. — Я надеюсь, дорогие мои дети, оставить вам достаточно для жизни независимой. Что же до моих внуков, ты мне позволишь, дорогой друг, не столько заботиться об их участи, это уже не моим будет делом. Утешает меня то, что мне не только не приходится упрекать себя в том, чтобы я расстроил свое состояние ради чего-либо предосудительного, но даже и не ради прихотей, я всегда от них воздерживался.

Прощай! — Поверь, что я не желал бы ничего лучшего, как знать тебя в Болдине ревизирующим этого негодяя Управителя ², но когда же это я увижу тебя, мой добрый друг! Судя по твоим письмам, я не смею на то надеяться. — Желание отдалиться всегда в них проглядывает. Где бы ты ни был, мой добрый друг, мои молитвы, как и мои благословения, повсюду тебя будут сопровождать,

но сказать, что твое отсутствие меня не печалит очень, значило бы солгать. Прости. Целую тебя очень нежно и от всего сердца.

Сергей П.

Дорогая Олинька, целую тебя также и от всей души,— благодаря тебя очень за твои письма, которые составляют наше утешение: я ожидаю их с величайшим нетерпением и читаю их *con amore* и *con dolce serriso* *. Продолжай нам писать, рассказывай о своих прогулках и о людях, коих выдаешь. Не забудь благодарить от меня Генерала Окунева и его жену³.— Я никогда не забуду, как г-н Окунев в изъявил желание видеть Леона в Варшаве, и видеть часто.— Он очень ему был бы полезен.— Прощай, мой дорогой друг! Да хранит тебя Небо!— На этих днях я видел Боголюбова⁴. Он очень вами интересуется и обещал зайти ко мне — право, это добрый малый, несмотря на его репутацию. Христос с тобою.

Надежда Осиповна:

Мы все еще в Петербурге, Бог знает, когда уедем, погода несколько дней как хорошая, я много раз была на Островах, Талызины и Софи Всеволожская каждый раз передают тебе тысячу милый вещей. Павел Алек[сандрович]⁵ находится в том же состоянии слабости, как был при тебе. Г-жа Вейдемейер⁶ целует тебя, дорогая Ольга, и просит сказать, что хоть она и не пишет, но любит тебя от всего сердца, что ты не нуждаешься в письменных ее уверениях, письма ее не могут тебя интересовать,— вращаясь совершенно в другом обществе, как может она говорить тебе о людях, кои тебе неизвестны. Достаточно, чтобы ты знала, что вдали, как и вблизи, она питает к тебе приязнь искреннюю и постоянную. Вот письмо от Катрин Ивел[ич]. Я твою комиссию выполнила, к М-ль Витовтовой⁷ посылала. Она мне велела передать, что скоро к нам придет. Я в восторге от нашей квартиры, это в большом доме Устинова, она невысоко, и окна выходят на Фонтанку⁸; очень хотела бы иметь такую же на эту зиму,— ежели вообще есть для меня приятное в твое отсутствие, мой добрый друг. Я не могу привыкнуть к этой дурацкой разлуке, и особенно к грустной мысли, быть может, никогда более тебя не увидать; в моем возрасте и при моих горестях простиительно так думать.— Твои письма составляют мое утешение, я вижу, что ты здорова, приятно проводишь время, дай Бог, чтобы всегда так продолжалось. Письмо Леона меня опечалило, мое желание — знать, что вы благополучны, Дети мои, но когда оно совсем наоборот, это еще умножает мою скорбь. Прощай, да осыплет вас Небо своими благословениями. Целую вас с нежностью.

Пвл. ИВ. 88, X, с. 36.

¹ Чичерин П. А.

² Калашникова М. И.

³ Окунев Н. А. и его жена С. Б.

⁴ См. письмо 37, прим. 5. Боголюбов В. Ф.

⁵ Мансуров П. А.

⁶ См. письмо 21, прим. 6. Вейдемейер Т. С.

⁷ Витовтова А. А.

⁸ У Семеновского моста. Современный адрес — наб. Фонтанки, 92.

* с любовью и блаженной улыбкой (*итал.*).

С. Петербург 17 сего Июня [1833 г.]

Наконец-то лошади прибыли¹, и вот мы на отъезде, к величайшему моему удовлетворению, ибо мне не терпится вновь увидеть Луга наши и Сады,— пребывание в городе в это время года невыносимо. Теперь свои письма ты адресуй прямо в Новоржев, в Псковскую губернию в Новоржев, почта через Синск ничего не стоит, отступаюсь от нее навек. Быть может, сегодня еще я буду иметь удовольствие получить от тебя весть, дражайшая моя Ольга, это придаст мне бодрости в пути. Г-жа Осипова в настоящий момент во Пскове, Эфрозина только что родила дочь Марию². Мы не станем дожидаться родов Натали, которые будут через три недели, она здорова, много гуляет, ездит на Острова, на Спектакли, собирается тебе писать всякий раз, как я ей передаю твои письма, но так ничего и не делает. Маленькая очень мила³, никого она так не любит, как своего деда, он оттого, разумеется, в восторге, я не ревную, ибо она и меня любит, когда его не видит. Время от времени я езжу на Черную Речку, где все говорю о тебе, мой добрый друг. Павел Алекс [андрович]⁴ так слаб, как никогда, прошлый раз он меня не узнал. Гриппину с мужем⁵ и сестрою ждут в Августе месяце, сейчас они в Спа. Ми-би на сей раз очень хорошо устроились, интересная Аннетинька-кормилица⁶, и ее душат заботами; ей не позволили прежде трех недель выходить из комнаты, которую топили по этой жаре и так ее изнурили, что у нее вид покойницы, тогда как Софи Всевол [ожская], которая родила в то же время, здорова совершенно, обедает в саду, гуляет, где ей хочется. Бедная Аннетинька все терпеливо сносит, не говоря ни слова; показывает свои большие зубы и предоставляет болтать своим сестрам, у которых нет другого предмета для разговора, как роды Аннет, — даже Целомудренная Александрина⁷ не затыкает ушей. Ивеличи живут в доме Гронман на Фонтанке. Катрин⁸ снова пленилась Александрой Осиповной Пушкиной⁹, они неразлучны, Александрина Зубова¹⁰ здесь, но она о ней и не вспоминает. Александра Марковна¹¹ сдружилась с г-жой Смирновой, женою игрока¹², женщиной, на мой взгляд, весьма пустой. Старая Графиня¹³ то и дело велит себе ставить пивки, она утверждает, что ей это на пользу, а я нахожу, что она очень изменилась. Ее невестка¹⁴ еще похудела, это ее не красит, она ждет своего мужа, который постоянно в разъездах, а балованное дитя — дорогой Николая¹⁵ — постоянно наказан, вот более 8 дней как он под арестом, и Графиня в отчаянии. М-ль Неймич просит тебя ее не забывать, она часто нас навещает, но М-ль Витовтовой¹⁶ я еще не видала, она обещала ко мне зайти. Сегодня я обедаю у г-жи Новосильцовой, дочь ее Катерина Петровна¹⁷ мне время от времени пишет, всякий раз она меня спрашивает о тебе, она очень была больна и потому до сей поры оставалась в Москве, завтра она едет в деревню. Моя Архарет¹⁸ в Павловском, привыкши часто ее видеть, я без нее ощущаю пустоту. Что еще скажу тебе? Я забываю, что надо посылать на почту, поздно. Прощай, дорогой друг, будь здорова, поцелуй за меня Леона, прижимаю вас к своему сердцу. Тысячу милых вещей от меня всему семейству Окуневых, никогда не забуду я приязни, оказанной ими во время нашего пребывания в Ревеле; кстати, Папа на днях встретил Матью Ефимовну¹⁹, он тебе о ней расскажет, уступаю ему перо.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька!

Особенного я тебе ничего не скажу про Марию Евангельскую²⁰, разве только что она весьма подурнела, очень рада была меня видеть, в течение четверти часа посреди улицы держала меня за руку и представила мне так называемых своих детей, из коих старшему лет 8—9, но Мамá забыла тебе рассказать, что неделю назад мы едва не погорели.— В доме занялся пожар, нас разбудили в 3 часа ночи. Полиция уже была на дворе, и все жильцы перебирались, караульные солдаты, под предлогом спасенья, сновали по коридорам и галереям и тащили что могли.— Наш чердак сгорел, но у нас ничего не поггло, и полиция так хорошо работала, что дом остался цел.— Мамá босиком и в капоте выбежала на улицу.— Перепуганная горничная девушка все запаковала, и я едва мог разыскать чем покрыть Мамá. Наконец в 7 часов все более или менее пришло в порядок, и мы пили чай.

Сегодня утром пришли лошади, но коляска требует кое-какой починки.— Я так тороплюсь покинуть Петербург, что в несколько дней отсрочка мне досаждаст.— Экипажи так запаздывали прибытием, что у нас было время съесть деньги, предназначенные на дорогу и т. д. и т. п.

Чи черин²¹ на маневрах — вот почему у меня нет обещанного им ответа, но я не уеду из города, не побывав в Канцелярии Военного Министра, ибо полагаю, что там наконец я смогу узнать ультиматум по делу Леона. Истинно, это отравляет мне все удовольствия, если я их имею. Целую вас обоих очень нежно, надеюсь, ты получила письмо от Алиши²², я ей послал твое. Что до Натали, то она не пишет и, верно, никогда не напишет.— Прощайте, мои дорогие Дети.— Говорил я тебе Олинька, что видал Б о г о л ю б о в а²³, который очень тобой интересуется? — Чувствую, что люблю его за это более, чем полагал себя способным его любить.— Будьте счастливы, дети мои, пишите нам, нам правда нужны ваши письма, и бывают дни, когда я очень стар и слаб духом.

У нас прекраснейшая на свете погода.— Недавно был я на Черной Речке; я встретил там трех Мими, я спросил, которая же из них кормит новорожденного... Они мне ответили, что мамаша, но что она возьмет кормилицу.

Пвл. ИВ. 88. X, с. 37.

¹ П. А. Осипова писала Пушкину из Тригорского 28 июня 1833 г.: «Лошади из Михайловского уже давно высланы в распоряжение ваших родителей.— По моим расчетам они неделю тому назад прибыли или должны были быть по назначению,— почему же их все нет? Я начинаю беспокоиться» (XV, 65).

² См. письмо 56, прим. 13.

³ Пушкина М. А.

⁴ Мансуров П. А.

⁵ Мансурова А. И., Мансуров А. П.

⁶ Брок А. К.— одна из сестер Ми-би.

⁷ Занден Александра Карловна, сестра А. К. Брок, А. К. Ноден и Е. К. Лодыженской — Ми-би.

⁸ Ивелич Е. М.

⁹ Мусина-Пушкина Александра Осиповна (ум. 14 IX 1871 г., 75-ти лет, в Женеве), урожд. Ришар, по первому браку Геннингс, двоюрод-

ная сестра С. М. Дельвиг — дочь ее дяди Осипа Францевича Ришара (см.: *Дельвиг* С. 124); замужем за лейб-гусаром генерал-майором Федором Матвеевичем Мусиным-Пушкиным. М.-П. была приятельницей О. С., Дороховых и А. П. Керн. «С г-жой Пушкиной я в добрых отношениях, но мужа ее почти не знаю», — писала О. С. мужу 18 янв. 1836 г. (*Псв.* XXIII—XXIV. С. 206). С. М. Дельвиг называет ее «олицетворенным легкомыслием», но при этом «очень доброй особой». «...Она ежеминутно делает новые знакомства, которые очень мне не нравятся,— рассказывает С. М. Дельвиг подруге.— Она, между прочим, сошлась с одной графиней Ивелич, которая больше походит на гранадера самого дурного тона, чем на барышню» (*Модзалевский*. С. 141). М.-П. была очень красива и прекрасно пела. В ее доме бывали композиторы А. С. Даргомыжский и Н. А. Титов.

«Редко слышал я, кто бы так хорошо пел романсы, как г-жа Геннингс, урожденная Ришар (...), — писал в своих Воспоминаниях Н. А. Титов. — В те годы еще мало пели русские романсы, а потому г-жа Геннингс пела все романсы французские. Романс «*Conçois-tu mes douleurs*» * пела она восхитительно...» (Древняя и Новая Россия. 1878. № 12. С. 274). О М.-П. см. также в письмах О. С. к мужу за 1835 г. (Псв. XVII—XVIII. С. 167) и *Модзалевский*. С. 135 и далее.

¹⁰ Зубова А. А.

¹¹ Языкова — сестра Ивелич Е. М.

¹² Смирнова — по-видимому, жена того самого игрока Смирнова, которого упоминает в своем дневнике Пушкин (запись 2 апр. 1834 г.). Не о нем ли, ведем крупную игру, «богатом и весьма скупом человеке, Михаиле Александровиче Смирнове», говорит в своих воспоминаниях барон А. И. Дельвиг?

¹³ Ивелич Н. А., графиня.

¹⁴ Ивелич Александра Петровна, графиня (24 IV 1796—11 V 1864, ПН), урожд. Языкова, жена графа К. М. Ивелича, сестра директора Училища правопедения А. П. Языкова, женатого на ее золовке графине А. М. Ивелич. После

смерти мужа (в 1837 г.) А. П. жила с братом А. П. Языковым, сначала в Риге, потом в Петербурге, где навещала учившегося в Училище правопедения сына О. С. Льва Николаевича. «Графиня Ивелич всегда была очень расположена ко мне (...) напомни ей о нашей бывлой дружбе и спроси, как она поживает, — писала О. С. сыну 24 дек. 1849 г. — Поблагодари ее за то, что она передала через тебя, я очень рада, что она будет жить со своим братом» (ПД, ф. 221, оп. 2, № 6). Об И. см.: *Павлицев*. С. 259 и *Письма*. III. С. 454.

¹⁵ Ивелич Николай Маркович, граф.

¹⁶ Витовтовой А. А.

¹⁷ Новосильцева Е. А. Ее дочь — Новосильцева Е. П.

¹⁸ Архарова Е. А.

¹⁹ ²⁰ Гаевскую М. Е. «Так называемые свои дети» — Виктор Павлович Гаевский (1826—1888), литератор, пушкинист, и Софья Павловна Гаевская (1827—1906), в замужестве Старк, — дети П. И. Гаевского от первого брака. Общие дети — Варвара и Александра. — *Прим. В. С.*

²¹ Чичерин А. П.

²² Сонцова О. М.

²³ Боголюбов В. Ф.

60** Надежда Осиповна:

24 сего Июня [1833 г. Петербург]

Мой муж в день своего рождения куда был меня счастливее, он получил весть от вас, дети мои, а я 21-го не имела этого сладостного утешения¹. Зато и была я грустнее, чем когда-либо. Дабы несколько утешиться, я провела день в Павловском, хотя подышала деревенским воздухом, но там было почти так же душно, как в Петербурге, у нас до 40 градусов на солнце и 30 в тени. Мы рассчитываем уехать 27-го, надо было чинить коляску. Я всякий день жду от тебя письма, мой добрый друг, твое последнее помечено 30-м Мая, ты, верно, думаешь, что мы уже в М и х а й л о в с к о м, где, быть может, мы найдем письмо из Варшавы. Дорогая Ольга, это моя единственная радость и любимое мое чтение. Александр и Натали на Ч е р н о й Р е ч к е, они взяли дачу Миллера², что прошлого года занимали Маркеловы³, она очень красива, сад большой и дом очень большой, в 15 комнат с верхом. Натали здорова, она очень довольна своим новым жилищем, тем более что это в двух шагах от ее Тетки⁴, которая живет на ферме⁵ с Н а т а л ь е й К и р и л л о в н о й⁶. Вчера был день рождения Агриппины Мансуровой, я обедала у Софи Всеволожской, один только сад разделяет их с нашим, так это близко. Они собираются жить по-соседски, и Софи была вчера со мною у них. Я навестила Ми, которые по-прежнему сияют. Путешествие это мы совершили водой, воротились в полночь, погода была великолепна после маленькой грозы, которая пронеслась, пока мы были на Ч е р н о й Р е ч к е. Позавчера у нас обедала кузина моя Фурман с мужем, ты и вообразить не можешь, какая она стала грустная и худая, он всегда в скверном расположении, досаждаст ей непрестанно, он даже высекает ее раз, у нее по всему телу были черные пятна; он полагает, что жену можно

* «Представишь ли мои страданья» (франц.).

** Вверху первой страницы гравюра: вид Большого театра в Петербурге.

убить, как индюшку, что муж имеет на то полное право. Не знаю, как у ней хватает духу одной оставаться с ним в деревне в этом большом доме. Она плачет и не делает ни шагу⁷. Я тоже, прощаясь с ней, лила слезы. Право, я опасюсь, как бы он ее не убил, у ней нет никого, дяди нет в Петербурге, брат в Варшаве. Скажи это Софье Семеновне⁸, но что она может сделать, будучи так далеко? Анне Николаевне хотелось, чтобы при ней жила одна дама, с которой она познакомилась, которая ее очень любит и из дружбы хотела с нею жить, но он и слушать не хочет, он сказал: «Я вас обеих безменом в голову ударю — вот и будет конец». После этого кто станет подвергать опасности свою жизнь и увлекать к гибели другую? Какое грустное положение! Она со мной много говорила о тебе, мой добрый друг, ей очень хотелось бы получить от тебя весточку, если ты доставишь ей это удовольствие, это будет доброе дело. Она дала мне свой адрес, вот он: Егоровыкоб. Андрею Агафоновичу Иванову в доме Гагаринского на Фонтанке близ Калинкина мосту для доставления А. Н. Ф. Наконец, заходила ко мне вчера м-ль Витовтова⁹, но немного опоздала, мы были на Черной Речке; она велела мне передать, что перебирается в деревню, не знаю, куда. Г-жа Пушкина Александра Осиповна¹⁰, поручила передать тебе множество приятных вещей, уж не говоря о Катрин Ивелич, та только о тебе и говорит, прошлый раз, повторяя, как ей тяжело твое отсутствие, она всплакнула, это так меня тронуло, что я заключила ее в свои объятия. Сегодня я к ним иду обедать, меня гнетет тоска, которая меня теперь не оставляет, я вижу, что остаток своих старческих дней я обречена провести вдали от вас, дражайшие мои Дети. Очень оно тяжело так проводить жизнь.

Пвл. ИВ. 88. X, с. 37.
Врс., с. 783.

¹ Н. О. родилась 21 июня.

² Миллер Федор Иванович — метр-дотель Александра I и Николая I. «В пушкинское время крупный дачный участок на Черной Речке принадлежал метр-дотелю Александру I Миллеру. Он выстроил на этом участке ряд дачных домиков и сдавал их на лето» (Широкий В. Ф. Пушкин в Петербурге. Л., 1937. С. 130). «Дача Миллера находилась на набережной Черной Речки, на углу Языкова пер., на территории нынешнего участка № 55» (там же. С. 134). О. М. см.: Турге-

Le 24 Juin.

Mon mari a été bien plus heureux qu'on
le croit de son mariage et a eu de son mariage
mes enfans, et moi je n'ai plus eu d'autre
bonne satisfaction le 21 août j'ai fait plus
triste que jamais pour ma consolation au
peu j'ai préféré toute la journée à
Petersbourg au moins j'ai respiré l'air
de la campagne et moi c'est tout ce que
j'attendais qu'à Petersbourg, nous avons
jusqu'à 40 degrés au soleil et 30 au soir
une corruption par là le 24 il y avait des
réparations à faire à l'endroit des
les jours j'attends avec elle de tout, mais
bonne amie tu devrais l'attendre le 30
Moi, je pense tout au moins suppose-je
à Muzakinskaya où nous sommes
peut-être une lettre à venir
c'est ma seule joie et ma lecture
favorite. Abonnement et Natalis sont à
la copieuse Perche. Les uns qui la compagne
de Mollie que les neiges ont fait.

Автограф
письма родителей Пушкина.

нев Н. И. Дневники и письма за 1816—1824 гг. Пг., 1921. Т. III. С. 356; Шениг Н. И. Воспоминания // РА. 1880. III. С. 286; письма Е. Я. Булгакова брату // РА. 1903. I. С. 83; Тарасов Д. К. Император Александр I. Пг., 1915. С. 148 и далее; Письма. Т. III. С. 589 и др.

³ Маркеловы — родственники упоминаемой в письме 76-м М. И. Жадимеровской. В письмах мужу за 1835 г. по поводу болезни матери О. С. несколько раз называет некоего Маркелова, по-видимому, врача: «Гр. Толстой был

у него, чтобы рассказать о ходе болезни, и г-н Маркелов с большой предупредительностью и сердечностью послал ей свои пастильки <...> Пастильки Маркелова ее воскресили <...> Маркелов нашел двигатель натуры — так или иначе, он существо мистическое и таинственное, и пастильки его оказывают чудесное действие» (*Псв. XVII—XVIII. С. 182 и др.*). О том же Маркелове и по тому же поводу читаем в письме О. С. к А. П. Керн от конца окт. 1835 г.: «Мой добрый друг, мама была больна при смерти, и врачи не подавали ей никакой надежды на выздоровление, но теперь ей день ото дня лучше, хоть она и в постели. Это благодаря знаменитым пастилкам Маркелова, о которых вы, вероятно, слышали» («Милостивой государыне Анне Петровне Керн в 14 линии в доме Шастунова» — *ПД, ф. 244, оп. 20, № 50*).

⁴ Тетка — имеется в виду Загряжская Екатерина Ивановна (14 III 1779—18 VIII 1842), фрейлина императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны, тетка Н. Н. Пушкиной, единокровная сестра ее матери. О З. см.: *Дневник М. С. 141; Дневник С. С. 278; Письма Т. П. С. 449; Шеголев П. Е. Дуэль и смерть*

Пушкина. Пг. 1916. С. 74; *Рассказы о Пушкине. С. 110.*

⁵ Ферма, о которой говорит Н. О., находилась на Черной речке за дачей Строгановых. «Прусский принц будет жить на ферме, за дачею Строгановых, где жили летом Кочубей и Загряжская...» — писал К. Я. Булгаков брату 23 мая 1834 г. (*РА. 1904. III. С. 420*).

⁶ Загряжская Н. К. Она постоянно проводила лето на Черной речке. О жизни ее там в 1810 г. см.: *Записки С. Г. Волконского (декабриста). СПб., 1902. С. 68.*

⁷ О муже А. Н. Фурман, Антоне Федоровиче Фурман, рассказывает его племянник Ф. А. Оом: «Второй сын деда моего, Антон Фурман, воспитанник Горного корпуса, служил по тому же ведомству на Урале и обер-бергмейстером вышел в отставку. Несчастливый в браке, он овдовел и под конец жизни страдал умопомешательством, главною причиною которого были неприятности, причиненные этому честному и благородному человеку бывшим его начальником, Мельниковым» (*Воспоминания. РА. 1896. Кн. 2. № 6. С. 220*).

⁸ Фурман С. С.

⁹ Витовтова А. А.

¹⁰ Мусина-Пушкина А. О.

61* *Надежда Осиповна:*

Вечер 27-го [Июня 1833 г. Петербург]

Я не хочу покинуть Петербург, не сказав тебе словечка, дорогая Ольга; мы уезжаем завтра рано утром, мне так грустно, что от тебя нет никаких вестей, надеюсь, ты нам уже написала, твое письмо, наверно, ждет нас в М и х а й л о в с к о м. Если ошибаюсь, я буду в отчаянии. Дело Леона очень хорошо подвигается, тот адъютант, которого видел Папá и который так им интересуется, — некий барон Розен¹; он уверен, что Леон получит отставку в той форме, как хочет, дай Бог, чтоб он был доволен, я молюсь о вашем счастье, мои дорогие друзья, и целую вас очень нежно, пишите мне, адресуйте свои письма в Новоржев, эта почта лучше С и н с к о й. Александр и Натали вас целуют, она скоро родит, а он несколько недель спустя поедет в деревню, их маленькая прелестна, они очень хорошо устроились на Черной Речке. Что еще сказать тебе? Свадьба Веры К н я ж и н и н о й² состоится чрез 15 дней, м-ль Цебрикова³ тебя целует, я заходила к этим Дамам, но застала только эту последнюю, она долго говорила со мной о тебе, мой добрый друг, Катрин Ивел [ич] умоляет тебя ей написать. Прощайте, Дети мои, будьте счастливы, подавайте о себе вести.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька!

Я часто пишу тебе и Леону, но сам чувствую, что пишу вам мало, у меня столько хлопот и возни из-за нашего путешествия, что это заняло у меня

* Вверху первой страницы гравюра: памятник Петру I в Петербурге.

все время.— Скажу тебе, мой дорогой Леон, что адъютант, о котором я говорил тебе в моем последнем письме⁴,— Барон Розен, друг и сотрудник покойного Дельвига.— Он мне обещал написать тебе, как только дело твое будет кончено.— Инспекторский Департамент писал тебе в Варшаву, и Розен сказал мне, что тем лучше и что ты не замедлишь получить формальную отставку.

Дорогая Олинька, прошу тебя сказать Николаю Ивановичу, что слуга его Мартын пришел сегодня просить у меня паспорта, как якобы мне принадлежащий; я никоим образом не могу этого сделать — я ему посоветовал обратиться скорей уж к Павлу Ивановичу⁵, но тот тоже ему отказал. Прощайте, мои хорошие друзья, целую вас от всего сердца. Сейчас полночь, мы уезжаем в 5 часов утра. Я напишу вам из Острова.

Я твердо жду от вас известий к 21-му, я знаю исправность Олиньки, и ты тоже, мой добрый друг, никогда не пропускал этого дня, не написав нам.

Надежда Осиповна:

Наконец-то нашли мы превосходного Управителя для Болдина⁶, скоро ждем его, но не говори то Петрушке⁷.

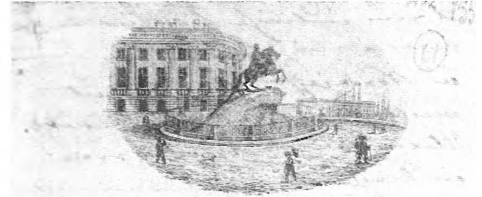
Адрес рукою Надежды Осиповны:

Его Высокоблагородию Николаю Ивановичу Павлищеву в Варшаве. Служащему при Генерал Интенданте Погодине для доставления Ольге Сергеевне Павлищевой.

Штемпели: С. Петербург 28 Июня 1833, Warszawa 15/7.

Врс., с. 783.

¹ Розен Егор (Георгий) Федорович, барон (16 XII 1800—23 III 1860), с 1831 по 1834 г. состоял при дежурном генерале Главного штаба П. А. Клейнмихеле. Писатель и поэт, сотрудник Дельвига по «Северным цветам» и «Литературной газете». Письма его к Пушкину и Пушкина к нему — XIV, XV, XVI и Письма. III. О нем см.: Дневник М. С. 120. Дневник С. С. 339; Письма. III. С. 315, 425; Майков С. 225; Бурнашев В. П. Воспоминания // РА. 1872. II. С. 1814; Каменская М. Ф. Воспоминания // ИВ. 1894. IX. С. 643; Панаев И. И. Литературные воспомина-

Le 27 Juin

*Je ne saurais pas quitter Pétersbourg sans
te dire un mot chère Olym, nous
partons demain ce grand matin, je
sens toute triste de n'avoir point de
tes nouvelles, j'espère que tu auras
ce jour écrit ta lettre nous attend
à Muzeminskow assurément. si
je me trompe j'en serai désolé.
L'affaire de Léon va très bien et
aide camp que Papa a vu et
qui s'entretient tant à lui est un
Baron Rosen, il est son grand
ami sa démission de la même
mont il désire, bien sûr que il
soit content, j'en suis sûr
pour votre bonheur mes chers*

Автограф
письма родителей Пушкина.

ния. Л., 1928. С. 101 и далее; Никитенко. Т. I. С. 234; Глинка М. И. Записки. М.; Л., 1930. С. 154, 156 и далее; Брюсов В. Я. Письма Пушкина и Пушкину. Новые материалы. М., 1903; Вересаев В. В. Спутники Пушкина. М., 1937. Т. II. С. 307; Лернер. Рассказы. С. 199; Лернер. С. 421.

² См. письмо 55.

³ Цебрикова Н. Р.

⁴ Письмо не сохранилось.

⁵ Павлищев Павел Иванович (1795—1863) — старший брат Н. И. Павлищева, служил в кон-

ноегерском, затем в лейб-драгунском полку; в 1841 г.— генерал-лейтенант, командир 1-й драгунской бригады (Памятная книжка на 1841 г. СПб., 1840. С. 146). Был женат на Анне Федоровне Офросимовой (ум. 10 II 1897 в Орле). О П. см.: *Псв.* XII. С. 112; XV. С. 83; *Павлищев.* С. 41 и др.; Щеголев П. Е. А. С. Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг. // *Псв.* XI. С. 12. П. и его детей часто упоминает О. С. в письмах к мужу и последний — в письмах к сыну 1840-х гг. «Недавно зашла к Вишневским, — пишет О. С. 15 февр. 1841 г., — видала там брата вашей невестки, Офросимова, — юноша лет 22-х в усах и в отставке, — мы много говорили о Павле Ивановиче, о вас, о его детях; один из его сыновей очень вас напоминает, это Коля, он носит ваше имя, — маленькая говорит только по-французски, ни слова по-русски, это смешно» (*ПД*, ф. 244, оп. 20, № 94). «Приятно мне, что Павлищенко тебя навестили, — писал Н. И. Павлищев сыну 3 авг. 1841 г., когда тот жил у Ланских, — однако, с ведома ли Натальи Николаевны, и каким образом? Прошу написать: так как ты старше, то прошу смотреть, чтоб не шумели и вели себя чинно. О Маше Пушкиной жалею, что должна только смотреть на выборгские крендели» (*ПД*, ф. 221, оп. 2, № 6).

⁶ Пеньковский Иосиф Матвеевич (ум. 1885 или 1886), белорусский дворянин. Официальная доверенность на управление Болдином была выдана ему С. Л. лишь 25 сентября 1833 г., в Новоржеве. До службы у Пушкиных был в течение шести лет управителем у их родственников, Меландеров (XV, 161). Письма Пушкина к П. см.: XV, XVI. О П.: *Письма.* III. С. 307, 659; *Дневник* М. С. 210; *Щеголев.* С. 109, 116;

письмо С. Л. Пеньковскому // *РА.* 1890. III. С. 438; *Летописи ГЛМ.* С. 117; *Лернер.* С. 322; *Псв.* XVII—XVIII. С. 163.

⁷ Петрушка — Петр Михайлов, сын болдинского управителя М. И. Калашникова, род. в 1813 г. (см.: *Ульянский.* С. 65). Петрушка был отдан в услужение О. С. и с 1828 г. жил у нее в Петербурге (там же). Уезжая в 1832 г. в Варшаву, О. С. взяла его с собой (*Псв.* XV. С. 122). В 1836 г., 22 октября, Н. И. Павлищев писал Пушкину: «...с Петрушкой я не знаю, что делать. Спился к кругу. Я хотел было отправить его по пересылке в деревню для отдачи в рекруты: но раздумал — ожидая ваших приказаний; а между тем дал ему паспорт для проживания здесь в Варшаве. Мнение мое — отдать его в солдаты; он не очень боится солдатчины» (XVI, 175). В 1837 г., 31 окт., Н. И. Павлищев снова пишет о Петрушке, но уже С. Л.: «Петрушку я долго страшал солдатчиной за пьянство и грубости, и решился исполнить это с тех пор в особенности, как он осмелился ударить няньку, когда она держала Лелю на руках. Решимость мою ускорило и другое обстоятельство: участие его в значительном воровстве с одним негодяем, хозяин которого хотел преследовать его судом. За воровство доставалось ему быть солдатом; чтобы не лишиться квитанции, я поспешил забрать ему лоб. Петрушка не стоит ни алтына, а квитанция стоит тысячу рублей. Он имел целые шесть месяцев предварить в том своего родителя. Я же не предвараю вас потому, что вам негодно было участвовать в делах Михайловского» (черновик — *ПД*, ф. 244, оп. 20, № 89). Подтверждение этой репрессии против Петрушки см.: *Щеголев.* С. 154.

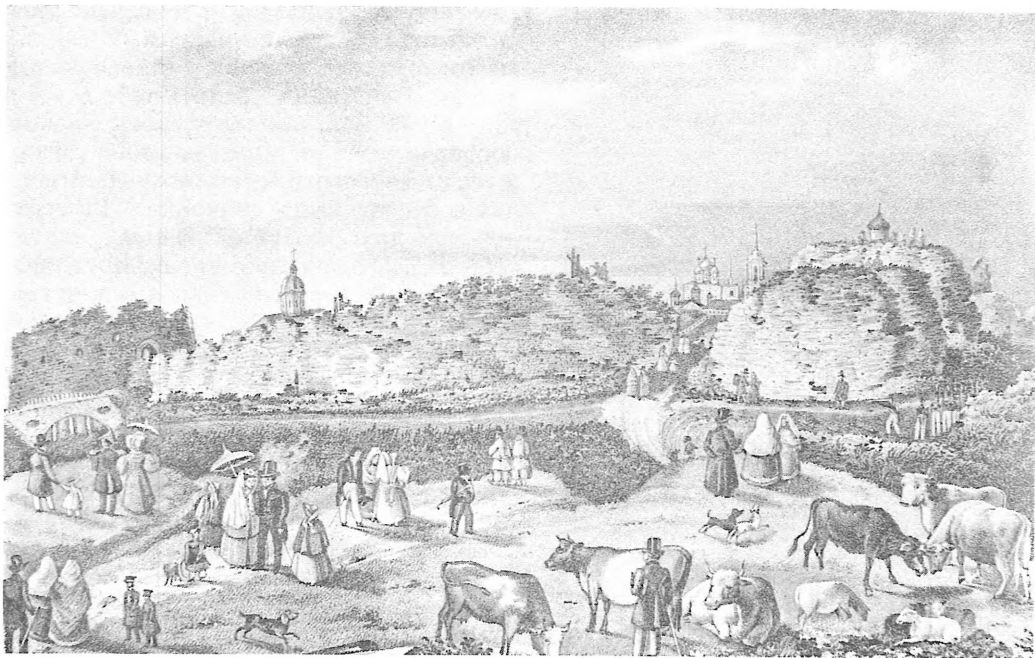
62 Надежда Осиповна:

Михайловское 14 сего Июля 1833 г.

Мы 10 дней как приехали, и 10-го я имела сладостное утешение получить письмо твое от 21-го, мой добрый друг. Мне переслала его из Петербурга Катрин Ивелич. Теперь наша переписка пойдет Бог весть как, ты знаешь, как Почта здесь отвратительна, быть может, этот год мы более будем ею довольны, посылая через Новоржев. На сей раз мы путешествовали на манер Рокотова, иначе говоря, делали визиты направо и налево; в первый день мы завтракали в Луге с кузинами моими Крестинной Семеновной, ее сестрой¹ и кузеном Павлом Исаковичем², который там у себя, и Дамы эти приехали к нему на день его Ангела. На другой день мы уже были во Пскове и пили чай у Александрин Беклешовой³, час спустя беседовали у Эфросины⁴, куда пришел повидать нас губернатор⁵, это была пятница; а в субботу приехали в Остров, потом, задолго до обеденного часа в Сухопольцово к Катерине Исаковне⁶, где провели три дня, а по дороге в Михайловское обедали у Эфросины во Вреве, куда она только что приехала из Пскова. Катерина Исаковна так и сияет, она выдает дочку за полковника Кирьякова⁷, командира полка, стоящего в Острове, она делает превосходную партию, ему 33 года, он обожает Полиньку, имеет состояние, у него

превосходный характер, он очень любим всеми офицерами, его Невеста влюблена в него, как можно быть влюбленной в 16 лет, т. е. до безумия, свадьба будет в Сентябре, где я тоже буду играть Роль, я буду М а т ь п о с а ж е н н а я Жениха, невестинной будет собственная ее Тетка, М а в р а Л а р и о н о в н а Бибикова ⁸, Аннет Вульф радуется поездке на Свадьбу, как празднику; ежели П р а с к о в ь я А л е к с а н д р о в н а ⁹ не сберется, то доверит ее мне. В ожидании этого удовольствия я наслаждаюсь тем, что доставляет мне их соседство, мы видаемся почти всякий день, твои именины мы весь день провели вместе, обедали под моей любимой Липой. Еще у нас были Тимофеевы и Рокотов. М-ль Пушина ¹⁰ приехала после обеда, она положительно в восторге от М и х а й л о в с к о г о, все обошла, всем любовалась, ей нравится наше общество, чего же более нам от нее желать? Тимофеевы ждут сестру свою Татьяну с Анной Андреевной Самбурской, ее племянницей и маленьким Энни ¹¹. Я буду очень рада их видеть. Шушу ¹², наверное, не замедлит явиться, тогда у меня больше не будет ни минуты для себя, зато я и тороплюсь приготовить тебе это письмо, которое уйдет лишь чрез несколько дней. Я еще не знаю, который день почтовый на Варшаву. Знаешь ли ты, дорогой друг, что молчание Леона тревожит нас тем более, что ты не говоришь нам о нем ни слова. Несколько успокаивает нас визит к Княгине ¹³, который ты собиралась сделать в тот день, как писала нам, несомненно, ты бы не решилась выйти, ежели с братом твоим случилась бы какая неприятность или ежели бы он был болен.— Я не смею слишком предаваться надежде быть эту зиму с тобой, моя добрая Ольга, последнее время я всегда бываю обманута в малейших своих желаниях, я более не строю воздушных замков, я предостав-

Псков с юго-западной стороны.

Литография П. А. Александрова по рис. И. С. Иванова. 1837 г.

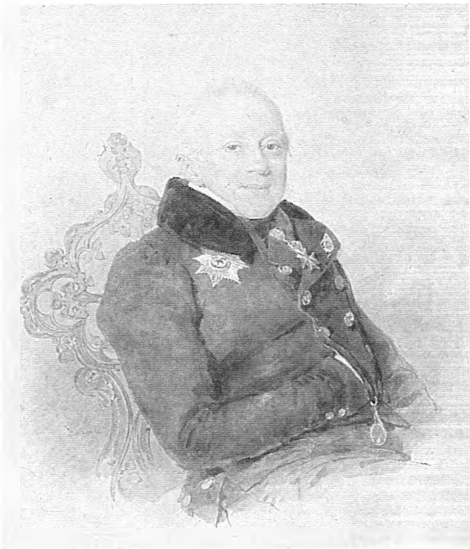
ляю событиям являться, не ожидая их; если случится со мною что-либо приятное, я возблагодарю Всевышнего, если же Он посылает мне горести, я прошу Его дать мне силы и покорность их перенести. Я молюсь о вашем счастье, мои дети; когда нельзя мне быть тому свидетельницей, как это дано матерям более счастливым, чем я, то я желала бы хоть быть в нем убежденной, и эта уверенность смягчила бы мучения разлуки, с которой я никак не могу свыкнуться. Прощайте, мои добрые друзья, да защитит вас Небо, целую вас со всей нежностью моего сердца, поцелуйте друг друга за меня, и оба накрепко скажите себе, что у вас нет лучшего друга на свете, чем мать ваша, которой хочется жить для того только, чтобы вам это доказать.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька. Нет нужды толковать, сколько меня утешило письмо твое в тех тревогах, которые я испытывал на ваш счет! — Все, что ты в нем говоришь, трогает меня и проникает в глубину моей души. — Дай-то Бог, чтобы все устроилось к твоему счастью и благополучию. — С нетерпением жду, что ты мне скажешь о своем свидании с Княгиней Паскевич. — Независимо от того, что я давно желал, чтобы ты сделала этот визит, он меня несколько ободрил и относительно молчания Леона, про которого ты тоже не рассказываешь. Быть может, письмо это затерялось. — В то время как я ждал вестей от вас, дорогие дети, мне из Москвы писал тоже Матвей Михайлович¹⁴, и вообще, дорогая Ольга, его письмо 10 дней задержалось на петербургской почте. — Одно можно сказать, это весьма странно. Не говорю тебе о нашем пребывании в Михайловском. Погода прекрасна, сады очень хорошо содержатся. Что я посадил — все пошло в рост. — Уже одно это может сделать их приятными. Одни только почты приводят меня в отчаяние — они прямо на это созданы. — Дорогая Олинька, верь, что ничто так не лежит у меня на сердце, как твоя судьба, которую я желал бы упрочить и сделать твое

положение столько независимым, сколько то позволят мои обстоятельства. Я надеюсь, что смогу послать тебе в этом году более, нежели ты в своем письме обозначила, я с удовольствием откажусь от многого, без чего могу обойтись, лишь бы ты была спокойна. Прощай, дорогой друг, добрая Олинька, целую тебя от всего сердца и прошу Бога ниспослать тебе все Его благословения так же, как и Леону. — Не знаю, получил ли он письмо от меня, в которое я вложил ответ от Чичерина¹⁵. С той поры я несколько раз бывал в инспекторском Департаменте и жду здесь известия о полной его отставке. — Барон Розен¹⁶ обещал мне дать знать о том тотчас же и взял мой адрес. Целую вас еще раз.

Я думаю, Натали родила накануне или в день твоего Ангела, дорогая Олинька. — Прежде всего, ей был тогда примерно срок, а потом, я видел ее во сне. — Что до писем от Александра, то я их не жду, — однако, я попросил его послать мне уведомительную карточку.

Алексей Никитич Пешуров.
Акварель П. Ф. Соколова.
1830-е гг.

¹ Двоюродные сестры Н. О. Христина Семеновна (см.: письмо 1, прим. 17) и Екатерина Семеновна Нееловы, дочери генерал-майора Семена Степановича Неелова, зятя Абрама Петровича Ганнибала (Телетова Н. К. Род Ганнибалов. Рукопись).— *Прим. В. С.*

² Ганнибал Павел Исаакович (1776—1841), брат С. И. Ганнибала (письмо 10, прим. 4 и письмо 29, прим. 20), и Е. И. Меландер (письмо 37, прим. 11) — двоюродный брат Н. О. Женат был на Варваре Тихоновне Ланге (ум. 21 VI 1866 — *Модзалевский Б. Л. Родословная Ганнибалов. С. 8*). В молодости служил на флоте, а в октябре 1826 г., в чине подполковника, вследствие доноса был обвинен в «причастности» к делу 14 декабря и сослан сначала в Сольвычегодск, затем в Соловецкий монастырь, где в невыносимо тяжелых условиях провел несколько лет. Затем поселен был в Луге, близ поместий своих родных. Умер в страшной бедности (Гордин А. Пушкин в Михайловском. Л., 1939. С. 24). Л. Н. Павлишев в «Семейной хронике» (с. 21) приводит два экспромта Г., обращенных к Пушкину:

Кто-то в двери постучал,
Подполковник Ганнибал,
Право слово, Ганнибал,
Пожалуйста, Ганнибал,
Сделай милость, Ганнибал,
Свет Исакыч Ганнибал,
Тыфу ты пропасть, Ганнибал! —

и второй, сочиненный по случаю вызова Г. Пушкиным на дуэль из-за девицы Лошаковой,—

Хоть ты, Саша, среди бала
Вызвал Павла Ганнибала,
Но ей-Богу, Ганнибал
Ссорой не подгадит Бал!

Известен портрет П. И. Ганнибала работы неизвестного художника. На нем «Пав[ел] Ис[аакович] представлен в гусарском красном мундире; он был слегка смуглым и отличался сильно курчавыми волосами (на голове и баках) и несколько приплюснутым носом, походя тем немного на А. С. Пушкина» (Анучин Д. Н. А. С. Пушкин: Антропологический эскиз. М., 1899. С. 31). О Г. см.: *Псв. XII. С. 81*; статью Блинова // *РС. 1899. V. С. 353*; *Псковские дворяне. С. 36*; *Донесения фон Фока Бенкендорфу: Толки и настроения умов в СПб. 1826 г., по донесениям тайного надзора // РС. 1881. X. С. 322 и XI. С. 551*; *Павлищев. С. 21*; *Дела и дни. 1920, № 1. С. 260*.

³ Беклешова А. И. (урожд. Осипова).

⁴ Вревская Е. Н.

⁵ Пешуров Алексей Никитич (29 IV 1779—2 IX 1849), тайный советник, сенатор, опочечий предводитель дворянства в 1822—1829 гг., псковский гражданский губернатор в 1830—1839 гг. Женат на Елизавете Христофоровне Комнено, владелица села Лямоново Опочеч-

кого у., дядя товарища Пушкина по Лицею князя А. М. Горчакова, знакомый А. И. Тургенева и А. О. Геннинге (см. письмо 59, прим. 9). Письмо П. к С. Л. по поводу смерти Пушкина см.: *Псв. VIII. С. 74*. О П. см.: *Псв. VI. С. 102, 114*; *Письма. Т. I. С. 354, 488*; *Модзалевский Б. Л. К биографии канцлера кн. А. М. Горчакова. М., 1907; РА. 1883. XI. С. 205; Софийский. С. 90*; *Снк. Вып. 1. С. 151*; *Соколов П. П. Воспоминания // ИВ. 1910. VIII. С. 383*; *Модзалевский. С. 152*; *Вересаев В. В. Спутники Пушкина. М., 1937. Т. I. С. 386*.

⁶ Меландер Е. И.

⁷ Кирьяков Василий Яковлевич (1800—29 V 1862 в Острове, *Псв. XII. С. 80*). Генерал-лейтенант. Окончил Училище колонновожатых (Муравьев Н. Н. Записки // *РА. 1885. IX. С. 19*), в Крымскую кампанию во время Альминского боя командовал левым флангом (Щербачев Г. Д. Воспоминания // *РА. 1890. II. С. 250 и далее*). К. оказал ряд дружеских услуг О. С. и ее мужу. «Кирьяков прекрасный человек,— писала О. С. отцу 14 сент. 1836 г. из Острова,— моему мужу он друг, он и на сей раз это доказал,— как он вошел в наше положение!» (*Псв. XII. С. 80*). «Я приехал сюда с 1000 руб., данных мне Кириаковым в счет запроданной ржи»,— сообщил Н. И. Павлишев Пушкину 22 окт. 1836 г. из Варшавы (XVI, 175). О К. см. также: *Павлищев. С. 325*; в беллетристике: *Сергеев-Ценский С. Н. Севастопольская страда. [К. в августе 1833 г. женился на племяннице Н. О. Аполлиарии Семеновне Мягковой (Польинке; р. 1817), дочери Семена Иларионовича Мягкова и Екатерины Исааковны, урожденной Ганнибал, во втором браке Меландер (Телетова Н. К. Род Ганнибалов. Рукопись).— Прим. В. С.]*

⁸ Бибикова Мавра Иларионовна, урожд. Мягкова — сестра отца невесты, Семена Иларионовича Мягкова (Телетова Н. К. Род Ганнибалов. Рукопись).— *Прим. В. С.*

⁹ Осипова П. А.

¹⁰ Одна из сестер Пушиных (см. письмо 11).

¹¹ Племянница А. А. Самборской — Мария Васильевна Вольховская, урожд. Малиновская (см. письмо 76). У нее воспитывался сын ее сестры баронессы А. В. Розен, жены декабриста барона А. Е. Розена (письмо 75) — Энни, Евгений Андреевич Розен, о котором говорит Н. О. Е. А. Розен родился 19 V 1826 г. в Петербурге, когда отец его сидел в Петропавловской крепости. В 1830 г. его мать уехала к мужу в Сибирь, а его оставила на попечение сестры, М. В. Вольховской, и тетки, А. А. Самборской, которые в 1833 г. возили его из Харьковской губ. в Эстляндию прощаться с умирающим дедом, старым бароном Е. А. Розеном, и были проездом в Псковской губ. Е. А. увиделся с родителями впервые в Тифлисе в 1837 г., когда отец его был переведен рядовым на Кавказ. В 1840 г. Е. А. поступил в Училище правоведения, но курса не кончил и определился в уланский

гвардейский полк. Выйдя по болезни в отставку, управлял имением матери в Харьковской губ., где женился и где родился у него сын Вячеслав. Об Е. А. см.: *Розен; Гастфрейнд*. Т. I. С. 155, 185; Т. III. С. 249 и др.

¹² Шушеринь.
¹³ Паскевич Е. А.
¹⁴ Сонцов М. М.
¹⁵ Чичерин П. А.
¹⁶ Розен Е. Ф.

63 *Сергей Львович:*

15 июля 1833 г. [Михайловское]

Дорогая Олинька!

Вот небольшое дополнение к письму, которое мы отправили тебе утром.— Мы только что получили от Александра известие о рождении сына, тоже Александра¹.— Натали и ребенок здоровы.— Рекомендую тебе твоего племянника и Леону тоже.— Жду от него словечка, дабы увериться в его добром самочувствии и отставке.— Прощайте, дорогие дети, целую вас очень нежно и только о вас и думаю.

Надежда Осиповна:

Натали родила сына 6-го сего Месяца, спешу вас о том уведомить, мои дорогие друзья. Не имею времени сказать вам более, письма отправляют, я очень тороплюсь. Целую вас очень нежно, дорогие мои Дети, и люблю вас со всей силой моей души.

¹Пушкин Александр Александрович (6 VII 1833—19 VII 1914), старший сын Пушкина, служил в конногвардейском полку, впоследствии — командир Нарвского гусарского полка, почетный опекун. Женат был на Софье Александровне Ланской и затем на Марии Але-

ксандровне Павловой. Об А. А. Пушкине см.: *Письма*. Т. III. С. 591; *Звенья*. I. С. 481. Некролог — *Псв*. XIX. С. VII. А. А. Пушкин постоянно бывал у О. С. в 1860-х гг. (письма О. С. к сыну — *ПД*, ф. 221, оп. 2, № 6).

64 *Сергей Львович:*

Августа 11. Михайловское 1833

Дорогая и добрая Олинька!

Мы очень исправно получили твое письмо от 17 июля, как и все, что ты адресовала нам в Новоржев. Это лучшая почта нашей Псковской губернии. Пишите, мои дорогие дети, нам так и впредь. Что до письма, адресованного тобой Александру, то, само собою, оно до нас не дошло.— Катрин Ивелич — лучшая пересылщица писем, какую можно найти в этом лучшем из миров. Она писала нам, отсылая твое письмо, и с тех пор написала еще одно, очень любезное, но в котором говорит, что Натали все еще больна¹.— У нас известий нет.— Бог даст, все пойдет хорошо, и, признаюсь, я с живейшим нетерпением жду ответа от Александра.

Твое письмо нас очень позабавило, дорогая Олинька, и замечания Леона о твоём с этой дамой паломничестве очень смешны, и весьма легко могли осуществиться, но, видимо, старец, у которого вы должны были остановиться, — истинный Алоизий и доживет до ста лет. — В отместку очень хотел бы описать тебе обед 28 Июля у Шелгуновых², за которым последовал бал, начавшийся в три часа пополудни. — Ежели ты помнишь какие-либо Романы Поль де Кока³, то ничто не даст тебе более верного представления. Он составился из всех шелгуновских карапузов, Акулины Герасимовны, которая танцевала французские кадрили и все танцы, Наталии Ивановны и домашнего Outchitel, который, как оказывается, был учеником Огюста⁴. Посреди всего этого он пляшет, словно иступленный, словно Канатный Плясун, и беснуется, как Чертенюк, однако с приятностью и грацией и фокусами и колечками вокруг этих Дам — ну, просто умора. Он не знает ни одного языка и сказал мне, что отец его — française*, а мать Autrichien**, сам он родился в России, а жизнь провел в Лондоне. — При этом — одежда денди, но утрированная до невозможности. — Все это прыгало под звуки скрипки Бахуса, который едва не накануне пришел из Луги пешком, неся на себе всю свою поклажу. — Впрочем, Шелгуновы, право, люди добрые, а особливо Хозяйка дома, которая довольно изрядно играет на Клавесине и, так сказать, изобразила собой Оркестр.

Я, какжется, писал тебе, как и Леону, что Военный Министр приказал ускорить дело Леона. — Он очень был разгневан, что оно затянулось, и запросы его были необходимой формальностью. — Надеюсь, мой добрый друг, что в настоящий момент все кончилось сходно твоим желаниям. Повсюду и на всех поприщах, какие ты пожелаешь избрать, тебе будут сопутствовать мои молитвы, счастлив буду, ежели смогу каким бы то ни было способом содействовать успеху твоих начинаний. — Верь, дорогая Олинька, что я далек от того, чтобы быть равнодушным ко всему счастливому, что может случиться с Николаем Ивановичем, и, ежели новое место, им занимаемое, вам выгодно, я искренно тому радуюсь⁵.

Прощайте, дорогие и возлюбленные! Будьте довольны, спокойны, здоровы и продолжайте давать нам о себе вести. Первые, которых жду, очень меня интересуют. Участь Леона будет решена, целую вас тысячу раз. — Говорил я тебе, дорогая Олинька, что добрый Руслан⁶ умер после продолжительной болезни. — Я похоронил его в саду, под большой березой. Хотел бы поставить там памятник, но соседи скажут, что это религиозный акт, и кто знает, не бросят ли в меня камень. — Г-жа Росина⁷, которая любит собак, как мы их любим, почувствовала ко мне состраданье. — Она рассказала о моей потере г-же Сумороцкой⁸, которая тотчас же прислала мне маленькую сучку той же породы, трехмесячную, очень хорошенькую, но которая никогда не заставит меня забыть Руслана, с коим она имеет какое-то семейное сходство.

Надежда Осиповна:

Не теряй охоту писать нам, мой дорогой друг, мы очень исправно получаем ваши письма, правда, несколько медленно; то, что от 17-го Июля, дошло до нас вчера, но лучше поздно, чем никогда, и вот я постоянно в сладостном ожидании; вам нет надобности адресовать ни в Михайловское, ни в Зуево как

* française — француженка вместо français — француз.

** Autrichien — австриец вместо autrichienne — австриячка.

сделал Леон, а прямо в Новоржев, как пишет нам Катрин. Г-жа Осипова тоже почувствовала соблазн перевести свою почту на этот город, быть может, на днях она решится. Вот уж пять дней как мы не видались из-за дождей, в промежутках хорошо, но не знаешь, какой момент выбрать, чтобы совершить это маленькое путешествие. Ты не можешь вообразить, мой добрый друг, сколько у нас воды, вся лужайка против балкона затоплена, остров исчез, пруд огромный⁹. Я не смею поехать к Шушу¹⁰ из-за плохих дорог. Н [а т а л и я] Н и к [о л а е в н а] такая же храбрая, как я, вот мы и не видаемся, но поддерживаем переписку, которая мне только скучна. Кстати о скуке. Догадался ли Леон, что Паломничество, о котором идет речь, заставит тебя ее испытать? Я много смеялась, читая эту часть письма, узнаешь Леона в этих чудаческих фантазиях. Спасибо, дорогая Ольга, за новости; та, что тебя касается, меня порадовала, раз ты желала этого места для своего мужа. Я в восторге, что в конце концов участь моего дорогого Леона будет решена. М-ль Пульхерию¹¹ я поздравляю и желаю ей всевозможного счастья.

Вручаем себя памяти г-на и г-жи Окуневых¹².

Как могла ты подумать, моя добрая Ольга, что я тебе упрекаю; я не могу нахвалиться исправностью, с какой ты мне подаешь о себе вести, это мне доказывает твою привязанность; это ваша любовь, дорогие мои Дети, заставляет меня любить жизнь, и надежда еще насладиться вашим присутствием дает мне до сей поры силу переносить горе разлуки с вами, дражайшие мои друзья.

¹ Н. Н. Пушкина болела грудницей. См. письмо к ней Пушкина от второй половины августа из Торжка (XV, 72) и *Письма*. III. С. 630.

² П. А. Осипова писала Пушкину 24 июня 1834 г.: «В числе перемен, происшедших в наших краях, извещаю вас, что соседи наши Шелгуновы живут открытым домом — хороший повар, танцы, музыка; в настоящую минуту ваш отец с матерью и еще человек 40 обедают у них (...) Прошайте, я тоже еду к Шелгуновым...» (XV, 164).

³ Поль де Кок (1794—1871) — известный французский писатель, автор мелодрам, водевилей и более пятидесяти романов. Самые известные из них: «Мой сосед Раймонд», «Густав, или Негодник», «Жоржетта», «Мусташ», «Сестра Анна», «Парижские нравы», «Рогоносец».

⁴ Огюст (Август Леонтьевич Пуаро, ок. 1780—1844) — знаменитый французский танцовщик конца XVIII и начала XIX в.: танцевал во всех столицах Европы, в Россию эмигрировал после Французской революции и преподавал танцы великим князьям, а также в Смольном институте, в Петербургском университете, Училище правоведения и Дворянском полку. Ему приписывается фраза: «Сколько мыслей в менюэте!» Об Огюсте см.: *Греч*. С. 199; Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 285 и др.; Титов Н. А. Воспоминания // Древняя и Новая

Россия. 1878. № 12. С. 276; *Вигель*. Т. I. С. 102; Т. II. С. 85, 250; Записки старой смолянки. СПб., 1898. С. 236; Эшероль Александрина. Судьба одной дворянской семьи во время террора. СПб., 1882. С. 27.

⁵ По свидетельству Л. Н. Павлищева (*Псв*. XV. С. 11), Н. И. Павлищев, занимающий должность управляющего канцелярией генерал-интенданта действующей армии, был в 1834 г. назначен помощником статс-секретаря Государственного совета Царства Польского. Видимо, назначение это состоялось полугодием раньше.

⁶ Любимая собака С. Л.

⁷ Вероятно, жена Росихина К. Н.

⁸ Вероятно, жена Сумороцкого В. М.

⁹ Михайловское спустя 30 лет: «Вокруг домика небольшой садик (...) сад зарос непролазно; ниспровергнутые ударами молнии либо порывами вихря столетние деревья заграждают тенистые аллеи; высохший пруд, с островками посередине, печально подымает с болотистого дна своего кучи латушника, терновника и громаднейшей крапивы (...) Все уныло, мрачно, глухо, но, если хотите, поэтично...» (Семевский М. И. К биографии Пушкина // *ПВ*. 1869. XI. С. 105).

¹⁰ Шушерин.

¹¹ Лицо неизвестное.

¹² Окунев Н. А. и его жена С. Б.

65 Надежда Осипова:

Михайловское 24 сего Августа 1833

Завтра мы едем в Остров, чтобы присутствовать на Свадьбе Полинки¹, где я буду посаженной матерью; погода и дороги ужасны, но надо через это прой-

ти, ты знаешь, мой добрый друг, как я боюсь плохих дорог, ты понимаешь мою тревогу. Аннет Вульф, которая почти так же храбра, сопровождает нас с опаской, однако надежда потанцевать и повеселиться на свадьбе придает ей отвагу, которой мне недостает. Это письмо уедет со мною, чтобы быть отосланным 28-го; мне думается, оно дойдет до тебя быстрее, нежели из Новоржева; если будет время, я прибавлю еще несколько строк, дабы рассказать тебе обо всех увеселениях, ожидающих нас у кузины, но навряд найду я там место, ибо, будучи посаженой Матерью, я едва буду держаться на ногах, дом так будет полон, что мы едва сможем двигаться, и разъезды взад и вперед из С у х о п о л ь ц о в а в Остров, обеды и балы займут у меня все время. Я заранее радуюсь удовольствию воротиться в М и х а й л о в с к о е и, к полному своему удовлетворению, найти там, быть может, письмо от вас, дражайшие мои Дети. Аннет хотела тебе писать, но она вся в приготовлениях к нашему путешествию, шьет себе платья и уборы, чтобы явиться красивой на всех этих празднествах, она напишет тебе по возвращении. В качестве новости скажу тебе, что бедная г-жа Керн² только что потеряла свою маленькую Олинку, она поручила Аннет сообщить тебе про ее горе, будучи уверена, что ты пожалеешь свою крестницу; но что может ее утешить, так это смерть ее Мужа, не знаю, верно ли это, но это известие дошло до нас недавно, она, быть может, еще не знает. Медленность почты меня приводит в отчаяние, пусть это не мешает писать нам по-прежнему, я пишу как всегда, и мгновения, когда я беседую с вами, добрые мои друзья, приближает меня к вам хотя бы в мыслях. Со времени твоего паломничества, дорогая Ольга, или, вернее, намерения его совершить, я ничего не знаю, что у вас делается, я довольствуюсь ежедневным перечитыванием ваших писем, это мое единственное утешение. Время от времени я езжу повидаться с обитателями Тригорского, П р а с к о в ья А л е к с [а н д р о в н а] почти не покидает постели, она постоянно больна³, старая гувернантка помирает, посылали за доктором, дом грустный и пустой, со всех сторон слышится шум ветра и дождя. На днях я совершила небольшую поездку к соседкам нашим Тимоф [еевым] и м-ль Пущиной⁴, они так добры, так рады меня видеть, что для меня удовольствие бывать у них и видеть их у нас. В мое отсутствие в М и х а й л о в с к о е приезжали Шушу⁵; к великому разочарованию Папа, они пробыли с ним сутки, а затем последовали далее, по обыкновению — из гостей в гости, пообещав вскоре воротиться, хотя я еще и не бывала у них со своего приезда. Я достаточно люблю г-жу Шушу, но боюсь моста через К а р у з у⁶, который непременно надо проехать, чтобы попасть в Р у г о д и в о. Бедный сосед наш Р о к о т о в очень плох, он решил принимать гомеопатическое лекарство, которое отправит его на тот свет. С тех пор как Александр писал нам, что его жена разрешилась, у меня нет никаких вестей из Петербурга, исключая письмо барона Розена⁷, которое доставило нам большое удовольствие в отношении Леона. Дай Бог, чтобы он был удовлетворен. Прощайте, дорогие друзья, будьте здоровы, пишите нам по-прежнему на Новоржев, тамошняя почта лучше С и н с к о й, куда П р а с к о в ья А л е к [с а н д р о в н а] по плохому здоровью часто забывает посылать, письма теряются, неделями валяясь в Тригорском и в Синске. Прощайте еще раз, уступаю перо вашему Отцу, который тоже спешит побеседовать с вами. Целую вас тысячу раз и прижимаю к своему сердцу.

Сергей Львович:

Я хотел, мой дорогой Леон, послать тебе письмо Барона Розена, но как он намеревался доставить тебе чрез Н и к о л а я И в а н о в и ч а касающийся тебя

приказ, лишь только он выйдет, — то посылать более не вижу надобности, и в момент, когда получите это письмо, дорогие мои дети, ты все уже будешь знать. — Самое существенное из того, что он мне говорит, это что ты, благодаря сведениям, полученным из Варшавы, совершенно оправдан и не замедлишь получить тобою желаемое. Он очень добрый малый, этот Розен, записка его весьма любезна, в то же время он обещает послать ко мне копию Приказа.

Мамá вполне права, что я был раздосадован приездом Шушериных. — Вообрази, дорогая Олинька, что несчастье это на меня обрушилось в ту минуту, как я собирался сесть за совсем крохотный обед, изготовленный в половине третьего на меня одного; и, не довольствуясь тем, что приехали на десяти лошадях, они привозят мне г-на Ланского⁸ и еще какого-то Неуча, которого я никогда не видел и которого они называют, кажется, г-ном Дельфини⁹. — Все это у меня нечует и, к'счастью, на другой день уезжает в восемь часов утра — я был на ногах с пяти. — Празднества в Сухопольцове тоже утомляют меня наперед, но утешаюсь тем, что ежели Мамá заставят остаться дольше, чем нам того хочется, — я уеду с М-ль Вульф. — Так мы сговорились. — Нет худа без добра (чуть было не сказал — добра без худа). Дурная погода и дожди прибавили столько вод, что у нас в саду образовалось два великолепных водопада, так что у нас там три пруда и маленькая речка. — Вот эпитафья Руслана:

Ci-git Rouslan, mon campagnon fidèle,
Des vrais amis il fut le vrai modèle,
Il m'aima pour moi seul, jamais n'exigea rien,
Passe sans t'étonner: Rouslan n'était qu'un chien! *

Прощайте, добрейшие мои друзья, целую вас от всего сердца и от всей души! — Эту ночь я видел тебя во сне, дорогая Олинька, но сон этот был тревожный. — Я плакал и пробудился внезапно. Впрочем, все это только следствие моих мыслей во время бодрствования. Надеюсь, это не дурное предзнаменование.

Говорил я тебе, что у меня есть маленькая сучка Руслановой породы, которую я зову Зарема¹⁰. — Она хорошенькая, но очень жива, вскакивает ко мне на стол, лижет меня, кусает, царапает и рвет мне халаты, сюртук и платки.

Пвл. ИВ. 88. IV. с. 44.
Мдз. Псв. XIV, с. 13 **.

¹ О свадьбе А. С. Мягковой с В. Я. Кирьяковым см. письмо 62, прим. 7.

² Керн Анна Петровна (11 II 1800—27 V 1879), уржд. Полторацкая, племянница П. А. Осиповой, замужем за дивизионным генералом Ермолаем Федоровичем Керном (1765—1841); вторым браком — за Александром Васильевичем Марковым-Виноградским (1820—28 I 1879). Дочь К., Ольга Ермолаевна (1826—1833), крестница О. С. «Нежно целую мою маленькую крестницу», — писала О. С. К. 13—15 сент. 1827 г. из Ревеля (ЛД, ф. 244,

оп. 20, № 50). «Что поделяваете, дорогая Анна Петровна? Как ваше здоровье и здоровье вашего ребенка?» — спрашивала через несколько дней Н. О. (ЛД, ф. 244, оп. 20, № 48). В своих «Воспоминаниях» К. сообщала: Пушкин «ласкал мою маленькую дочь Ольгу, забавляясь, что она на вопрос: «Как тебя зовут?», отвечала: „Воля!“» (Майков. С. 255). Ольга упоминается еще в 1829 г. баронессой С. М. Дельвиг (Модзалевский. С. 233). К. и О. С. до старости оставались подругами, и К. со своим вторым мужем постоянно навещала

* Л. Н. Павлицев приводит в «Семейной хронике» (с. 135) русскую эпитафию Руслана, написанную Сергеем Львовичем:

Лежит здесь мой Руслан, мой друг, мой верный пес!
Был честности для всех разительным примером,
Жил только для меня, со смертью же унес
Все чувства добрые: он не был лицемером,
Ни вором, пьяницей, развратным тож гулякой;
И что ж мудреного? был только он собакой!

** Модзалевский Б. Л. // Псв. Вып. XIV. С. 13.

О. С. «Виноградский неизбежный читал свои поэтические произведения, которые совсем не дурны», — писала О. С. сыну 19 мая 1857 г. (ПД, ф. 221, оп. 2, № 6). Известие о намерении К. напечатать воспоминания о Пушкине О. С. встретила с неудовольствием: «Виноградская издает историю об Александре Сергеевиче и хочет у меня просить позволения ее напечатать — а мне до этого дела нет. Так много и без нее о нем ввали, что несколько глупостей и выдумок лишних дела не изменят {...} лишь бы моего имени она туда не приплела — вот все, о чем я ее попрошу» (письмо сыну от 28 сент. 1864 г. — там же). «Воспоминания» были напечатаны в «Семейных вечерах» (1864 г., № 10). В конце декабря 1866 г. старые подруги расстались навсегда. 12 дек. О. С. писала сыну: «Я тебе говорила, кажется, что старые Виноградские жили в агрономической школе в 10 верстах отсюда, но время от времени они сюда приезжали и заходили ко мне всякий раз; мне так всегда было приятно видеть эту добрую Анну Петровну, а теперь они устраиваются на жительство в окрестностях Твери, в деревне Львовых. Эта новость так меня огорчила, что наслу я удержала слезы, когда мне сказал об этом Александр; она придет ко мне для того лишь, чтоб попрощаться, — и наверняка уж нам не свидеться — он в отставке получает полный пенсион 2000 рублей, слава Богу, что обеспечены, вот что значит протекция, без нее куда плохо бедным людям». 18 дек.: «У меня была Виноградская и обещала еще побывать на днях, чтоб проститься, лучше бы не приезжала, она меня так любит, что грустно думать, что мы с ней больше, вероятно, не увидимся...» И 24-го: «20-го г-жа Виноградская приезжала со мной попрощаться и сидела до моего обеда, я дала ей прочесть твое письмо, в котором ты говоришь такие приятные ей вещи, это доставило ей большое удовольствие, и она хотела писать тебе, чтобы тебя поблагодарить; как добры они все со мной, мои старые подруги,

душа моя всегда с ними отдыхает, потому что я знаю, что они меня любят» (там же). В 1870 г. К. с мужем и сыном Александром жила в Киеве, в семье актера и антрепренера В. Д. Рокотова, племянника И. М. Рокотова (письмо 6, прим. 1) — ее старого псковского знакомого и поклонника (Алтаев Ал. Памятные встречи. Л., 1946. С. 20 и далее). В семье дочери О. С. долго хранилась подаренная ей К. белая с голубым фарфоровая ваза. О К. см.: Модзалевский Б. Л. Анна Петровна Керн. Л., 1924; А. Н. Вульф и его дневник // *Майков. Письма*. Т. I. С. 467; т. II. С. 276. Письма Пушкина к ней и ее письма к нему — XIII.

³ П. А. Осипова (письмо 5, прим. 6) постоянно болела после смерти своего сына Михаила Николаевича Вульфа (1808—20 V 1832).

⁴ Одна из сестер Пушиных (см. письмо 11, прим. 1).

⁵ Шушерины.

⁶ Речка Каруза протекает через владения Ганнибалов, за с. Петровским, приток р. Сороти. — *Прим. В. С.*

⁷ Розен Е. Ф.

⁸ Кто именно из Ланских имеется в виду, сказать трудно.

⁹ Дельфини — по всей вероятности, какой-либо родственник Николая Егоровича Дельфина (ум. 1892), статского советника, предводителя дворянства в Западном крае, женатого на двоюродной племяннице Н. О. Евгении Петровне Ганнибал (1820—1909) — дочери Петра Исааковича Ганнибала, сестре А. П. Глаубич (*Модзалевский Б. Л. Родословная Ганнибалов*. С. 10).

¹⁰ «Вы спрашиваете, помнит ли вас Лоло? — писала О. С. отцу 7 авг. 1836 г. — А как же? Не только вас; он рассказывает о Зареме, как вы ее ласкали, как она приходила лизать вам руки...» И 3 фев. 1837 г.: «Лоло очень хорошо вас помнит, и ваш лорнет, и Зарему...» (*Псв. XII*. С. 77 и 102).

66 Надежда Осиповна:

Михайловское 4 Сего Сентября 1833 г.

Десять дней погуляв на Свадьбе К и р ь я к о в ы х ¹, мы с сегодняшнего утра снова в М и х а й л о в с к о м, где я имела сладостное утешение найти письмо от тебя, добрая и дрожайшая моя Ольга. Отвечаю тебе тотчас же, г-жа Осипова ² посылает во Псков, и я спешу отправить это письмо, будучи уверена, что оно дойдет до тебя скорее, нежели чрез Остров или Новоржев. Успокойся, мы получили все твои письма, мой добрый друг, — исключая того лишь, что ты адресовала Александру, который сам хранит глубокое молчание; со времени родов жены его, мы не знаем, здоровы ли они. Не удивляйся, что дополнение к моему письму от

14-го дошло до тебя прежде самого письма *, дело в том, что тоже случилась оказия отправить его прежде, нежели само письмо послано было из Новоржева. Надеюсь, ты получила наши, в которых я говорила тебе про наши почты столько, что более не хочу повторять одно и то же, теперь ты знаешь, почему мы пишем чрез Новоржев. Ты и вообразить не можешь, какой мы образ жизни вели в Острове, это были сплошные разъезды туда и сюда, балы, обеды, которым конца не было. Я в жизни не видала более счастливых новобрачных, К и р ь я к о в обожает Полиньку, которая не только стала менее дурна, но она сейчас красивая женщина, почти такая же высокая, как Натали, прекрасно сложена, приятный цвет лица и очаровательная физиономия; это совсем не тот человек, которого ты знала. Что до мужа, то ему 33 года и по виду ему нельзя дать больше. Мне некогда описывать тебе подробности всех празднеств, ибо П р а с к [о в ь я] А л е к с [а н д р о в н а] очень торопится отправить своего почтаря; мы застали ее больной в постели, Аннет ³ много веселилась на Свадьбе, она тоже хочет писать тебе сегодня; она с нетерпением ждет своего брата ⁴, который приедет, вероятно, в октябре месяце. Леон-ленивец, как это спать до полудня и не найти минуту, чтобы нам написать. Надеюсь на днях получить от тебя еще весточку, мой добрый друг, я в восторге, что ты здорова, что за фантазия глотать без толку эту мерзкую Воду. Ты мне не говоришь, продолжаешь ли ты пить Аверину травку ⁵. Расскажи мне немного о своем паломничестве, мне любопытно, как ты его совершила. Прощайте, дорогая Ольга и дорогой Леон, целую вас очень нежно, я думаю только о вас.

Сергей Львович:

Ты видишь, дорогая Олинька, что мне есть время лишь поблагодарить тебя за твое доброе и любезное письмо, которое я и перечитывал с неизменным чувством живейшего умиления.— Что бы там ни говорили, а я более чем убежден, что письма дорогих нам людей всегда являются доказательством их привязанности, а молчание — явным доказательством обратного.— Мама забыла сказать тебе, что во время всех этих свадебных празднеств мы побывали в Острове на спектакле бродячих Актеров и давалась пародия на «Мещанина во дворянстве» ⁶. Ты можешь вообразить, что это было и каковы были аксессуары.— Кончаю на полуслове. Г-жа Осипова торопится отправить своего почтаря во П с к о в.— Сберегаю себе удовольствие в первом же письме сообщить тебе подробности о комедии и Актерах, пока целую вас очень нежно. Прощай, дорогая Олинька. Жду от Барона Розена ⁷ решительных известий по делу Леона.

¹ См. письмо 62, прим. 7.

² См. письмо 5, прим. 6.

³ А. Н. Вульф — см. письмо 13, прим. 2.

⁴ Алексея Николаевича Вульфа — см. письмо 41, прим. 1, 2.

⁵ Излюбленное лечебное средство О. С., завещанное ею ее детям как «очищающее кровь». Эта «травка» покупалась в Петербурге в лавке Аверина на Галерной. Продававший (и, очевидно,

но, «открывший») ее Аверин был, по всей вероятности, сын петербургского купца Федора Ивановича Аверина (ум. 14 VII 1784, ПН). В доме Аверина на Галерной жил в 1843 г. барон М. А. Корф (ЛД, записная книжка Н. И. Павлищева).

⁶ Комедия Мольера.

⁷ Розен Г. Ф.

* Письмо от 14 августа и дополнение к нему не сохранились.

67 *Надежда Осиповна:**Михайловское 27 сего Сентября 1833*

Все твои письма и на Синск, и на Новоржев равно доходят до меня, мой добрый друг, не приходи в уныние,— пропало лишь то, что ты адресовала Александру. Раз они все время меняют квартиры, то найти их трудно; когда они были на Черной Речке, все их люди находились при них, дом был доверен дворнику Жадимировских, который, без сомнения, затерял твое письмо. Натали наконец нам написала, она сообщает, что у нее были нарывы, она здорова, равно как и Дети. Александр месяц как в Нижнем и воротится лишь в начале Ноября. Она снова перебралась, она живет теперь на Пантелеймоновской улице в доме Оливье. Это совсем близко от Кочубеев¹. У меня тоже нет больше переписки с Петербургом, Соловье² время от времени шлют мне о себе весточку, и Катрин Ивел [ич] написала мне два раза, вот и все. Благодаря Прасковье Алекс [андровне]³ мы здесь читаем газету, Вревские дают нам книги, и в деревне это большая отрада; погода в течение месяца была постоянно хороша, я пользовалась ею для поездок по соседству. Вчера мы воротились от Шушериных, обедали мы у Рокотова, который вобьет себе что-нибудь в голову и давай разыгрывать ветреного юношу; например, заехал за нами из Стехнова, чтобы отвезти нас в Ругодиво, уселся на козлы с кучером и 30 верст катил с нами таким манером. Он мне надоел своей болтовней до такой степени, что я всегда делаю все, что он хочет, лишь бы от него отвязаться. Наобещает тысячу вещей и ничего не исполнит. Словом, он стал хуже, чем когда-либо, мне кажется, это Гомеопатическое лекарство, которое он вздумал принимать, вконец убило ту каплю рассудка, какая у него была. Оно действует ему на нервы, и он стал слаб телом и духом. Знаешь ли ты, что в нашей округе помешались на танцах, мы рассказывали тебе о Шелгуновых и их знаменитом наставнике. Так вот, у Шушериных есть гувернантка-полька, которая только и делает, что танцует, правда, это в лучшем вкусе, и Наташа сделала большие успехи, но все-таки видишь одни лишь прыжки и скачки, у них живут еще две молоденькие барышни, потом Миночка и соседи, но я предпочитаю танцы Шелгуновых. Вообрази, Акулина Герасимовна, Наталья Ивановна, Надежда Андреевна — все танцуют французские кадрили, это со смеху помереть, и карапузики — принадлежащие семейству ребятишки — восхитительны. Музыкантом у них слуга Крестины Семеновны⁴, Бахус, который, чтобы исправлять эту должность, пешком пришел туда из Луги. Ты меня спрашиваешь, что подельывает кузина⁵, я забыла сказать тебе, что она нам больше не соседка, она продала Олуферово и переселилась на житье в Лугу. Я часто выдаю Тимофеевых⁶, третья сестра, Татьяна Петровна, здесь два месяца, она приехала одна, Анна Андреевна⁷ вынуждена была выбрать другую дорогу, у нее 18 лошадей, и ей бы не получить было столько в Опочке и на многих наших других станциях, и потому она отправилась прямо в Ревель, где проводит зиму. Надеюсь, ты получила письмо Аннет⁸, она поспешила тебе написать, как только я передала ей твое письмо, в котором ты изъявляешь желание возобновить вашу переписку. Они со дня на день ждут Алексиса⁹, я тоже очень рада буду его видеть, тем более что он расскажет мне о вас, дорогие мои Дети. Я так привыкла к тому, что желания мои не исполняются, что не смею надеяться видеть Леона, я уже не предаюсь мыслям розового цвета, как в былое время, старость и лишения в самом дорогом совершенно меня от них излечили. Ты мне не

говоришь, дорогая Ольга, нашли ли вы новую квартиру и довольна ли ты ею; я очень рада, что ты здорова, Алексис пишет сестре, что ты пополнела и к тебе вернулась твоя веселость, я благодарю за это Бога¹⁰. Мне не хотелось первой сообщить тебе о смерти г-жи Лермонтовой¹¹, я была уверена, что тебе очень будет ее жаль. Мы еще были в Петербурге, и когда я писала тебе, что ей так плохо, она уже не существовала. Она умерла на даче Кушелевых, совсем рядом с дачей своих несчастных родителей, она скончалась на руках Лиз¹², муж ее неутешен, он хочет купить домик, где она кончила жизнь. У меня сердце разрывалось, глядя, как обливается слезами Софья Михайловна¹³, все семейство в отчаянии от этой утраты, лишь то их утешает, что сын их Федор¹⁴ с ними. Не знаю, какой это Лермонтов умер, я о том не слыхала. Так ты в переписке с М-ль Витовтовой¹⁵? И она снова сошла с ума? Это мне было бы больно, она такой добрый человек, и какое горе для отца. Есть у тебя вести о добром твоём друге, г-же Гарлинской, что она поделывает? Что варшавские Фурманы¹⁶, выдаешь ли ты их? Вручи меня их памяти, тысячу любезностей от меня Окуневым¹⁷, пожалуйста. Все наши соседки просят меня тебе о них напомнить и уверить тебя в их дружбе. Завтра я еду к М-ль Пушиной¹⁸, которая чрез несколько дней уезжает в Петербург. По возвращении буду ждать к ярмарке¹⁹ гостей из Острова и Ругодива. Не знаю, сколько времени мы еще будем в Михайловском, ты по-прежнему давай нам вести о вас, мои хорошие друзья, если, как ты мне говоришь, Леон вдруг уедет с Аничковым²⁰, то письмо это уже не застанет его в Варшаве. Целую тебя очень нежно, да благословит тебя Господь.

Сергей Львович:

Вот и мой черед, дорогая Олинька, благодарить тебя за твое письмо.— Они исправно до нас доходят чрез двадцать дней — не знаю, мои хорошие друзья, получили ли вы уже то, в которое я вложил оригинал письма Барона Розена²¹ с сообщением о полученной Леоном отставке.— Там сказано, со всеми присвоенными ему правами. Натали нам пишет, что Чичерин²² посылал ей сказать, что Леон получил по сему случаю чин.— Надо сознаться, это очень лестно, и г-н Дмитриев, или Дмитрияк²³, как его зовут, остался с носом.

Мама, рассказывая про танцы Шелгуновых, позабыла упомянуть, что первую роль в них играет домашний учитель.— Он один танцует балетные антре, разные соло, венгерки и матлоты под бурные аплодисменты всего общества.— Это так смешно, что можно лопнуть со смеху, как бы мало ни был к тому расположен.— Кроме того, он горланит итальянские арии, гадает — это он делает в Петербурге за деньги — и в довершение своих достоинств как наставника не знает ни одного языка; по-французски говорит так, что его не поймешь, то же по-немецки, по-итальянски, — не знаю, что и сказать, и по-английски ужасающим образом.— Со всем тем, одежда денди и раскланивается, выделявая менуэтные па.— Самое удивительное, что все семейство видит, что он всего лишь канатный плясун, и — держит его.— Г-н Шелгунов в восторге, что имеет у себя на жаловании так называемого француза.

Говорил я тебе про маленькую сучку, что г-жа Росихина²⁴ добыла для меня у г-жи Сумороцкой²⁵? Она Руслановой масти, и пятна точно как у него, за исключением желтого цвета, которого у нее нет. Ростом она несколько поболее Душиньки, но у нее вся его грация и его хвост.— Ушки — прелесть. Вот ее портрет, но ее чары не утешат меня в утрате доброго моего Руслана, коего ум и привязанность ко мне были не собачьи, но существа высшего.— Не смейся надо мной. Когда я думаю о нем, то становлюсь совершенно Пифагорейцем²⁶.

Прощай, дорогая и добрая Олинька, да сохранит тебя Небо в добром здравии! — Целую вас очень нежно и надеюсь вскоре получить вести от вас обоих.

Р. С. Алиша²⁷ получила твое письмо, и ты не можешь вообразить, сколько все семейство благодарно тебе за память. — Матвей Михайл [ович]²⁸ и моя сестра говорят мне об этом в своем письме с интересом и чувствительнейшим и живейшим.

¹ Кочубей Виктор Павлович, князь (11 XI 1768—3 V 1834), председатель Государственного совета и Кабинета министров, с 21 VI 1834 г. — канцлер; его жена — Мария Васильевна, урожд. Васильчикова (1779—1844). В доме Кочубеев жила Н. К. Загряжская, двоюродная бабушка Н. Н. Пушкиной. Современный адрес — наб. Фонтанки, 16.

² Петрово-Соловово.

³ Осипова П. А.

^{4,5} Неелова Х. (Крестина) С.

⁶ См. письмо 7, прим. 3.

⁷ Самборская А. А.

⁸ Вульф А. Н.

⁹ Вульфа А. Н.

¹⁰ В октябре 1832 г. А. Н. Вульф записал в дневнике: «Она (Ольга Сергеевна) не переменялась, сколько замечаю; мила и забавна, как была прежде до своей болезни (...) Ольга мила, как всегда...» (Майков. С. 185).

¹¹ См. письмо 57, прим. 17.

¹² Вишневская Елизавета Гавриловна (13 III 1801 — 24 VI 1886), сестра П. Г. Лермонтовой. Вскоре после смерти сестры В. поступила компаньонкой к какой-то даме и уехала с нею в провинцию. «Вы говорите мне о Вишневских, — писала О. С. отцу 27 апр. 1837 г. — (...) я довольно часто имею вести о сестре их Лиз из писем моего деверя; еще и сегодня мы получили...» (Псв. XII. С. 112). О В. и ее сестрах см.: Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1934. Т. I. С. 156.

¹³ Вишневская С. М.

¹⁴ Вишневский Ф. Г. — см. письмо 57, прим. 21.

¹⁵ Витовтова А. А.

¹⁶ Фурманы Р. Ф. и С. С.

¹⁷ Окунев Н. А. и его жена С. Б.

¹⁸ Пушина Е. С.

¹⁹ Осенняя ярмарка в Святых Горах бывала 1 октября (см. письмо 89), весенняя — в 9-ю пятницу по Пасхе. О Святогорских ярмарках см.: Софийский. С. 202; Иоанн игумен. Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии. Псков, 1899. С. 111.

²⁰ Аничков Владимир Иванович (6 VIII 1812—20 VIII 1863), адъютант И. Ф. Паскевича, впоследствии генерал-лейтенант, варшавский обер-полицейстер, атаман Забайкальского казачьего войска (Псв. XII. С. 82). Приятель Л. С. Пушкина и А. Н. Вульфа. А. бывал у

О. С., которая звала его «le long nez» (любопытный); он постоянно упоминается в письмах ее к мужу (1835 г. // Псв. XXIII—XXIV) и к отцу в 1836 г. (Павлищев. Из семейных воспоминаний // РА. 1890. IX. С. 167). Хорошо знавший А. граф М. Д. Бутурлин характеризует его как человека «осторожного», «убегавшего всякий раз, когда в его присутствии не стеснялись высказывать политические мнения и порицать высшее начальство. Это пугало чопорного и пекущегося о своей карьере и великосветского положении Аничкова, — говорит Бутурлин, — нам же он казался бесцветным и скучным своей гоньбой за сильными мира сего и чересчур коммифотными французскими фразами, в которых часто упоминалось «о тетушке моей, маркизе Вильро». Сознаю, что он потешал нас своим пламенным русским патриотизмом, выразившимся не иначе, как на изящнейшем парижском наречии» (РА. 1897. II. С. 377). Об А. см. также в письмах Николая I Паскевичу за 1846 г. (РА. 1897). Л. С. уехал из Варшавы действительно с Аничковым. А. Н. Вульф записал 17 октября (н. ст.) 1833 г.: «Сегодня уехал или уезжает мой добрый приятель Лев Пушкин. Судьба сжалилась над ним в виде особы Аничкова, который увозит его в Петербург» (Майков. С. 204). А. связан был с Л. С. денежными делами: он принял на себя долг Л. С. Плещееву (см. письмо Н. И. Павлищева Пушкину от 26 апр. 1834 г. — XV, 132). А. был представителем С. Л. на крестинах сына О. С. Льва Николаевича (Павлищев. С. 372). В 1843 г. А. жил в Петербурге, «У Николы Морского, в доме Ильина» (Записная книжка Н. И. Павлищева — ПД).

²¹ Розен Е. Ф.

²² Чичерин П. А.

²³ Лицо неизвестное.

²⁴ Росихин К. Н.

²⁵ Сумароцкий В. М.

²⁶ Пифагорейцы — последователи греческого философа-метафизика Пифагора (VI в. до н. э.), верившие в переселение душ. Их учение восходит к философу Эмпедоклу, полагавшему, что, убивая и съедая тело животного, человек, может быть, убивает свою мать в ее новом воплощении (Эмпедокл. Об очищениях // Зелинский Ф. Ф. Древнегреческая литература эпохи независимости. Образы. Пг., 1920. С. 76). — Прим. В. С.

²⁷ Сонцова О. М.

²⁸ Сонцов М. М.

Тригорское 13 сего Октября 1833 г.

Сию минуту воротились мы из Врева, я, мой муж и Аннет ¹ провели вчерашний день, день рождения Эфросины ², с нею.

Мне только что подали твое письмо от 17-го, мой добрый друг, оно доставило мне большое удовольствие; хоть я уже знала, что Леон получил отставку и чин, но эта новость, исходя от тебя, мне еще более приятна; я сержусь, что наш капитан давно нам не пишет. Аннет ждет твоего ответа. Теперь, надеюсь, ты получила мои подробные описания малейших совершаемых мною поездок (я непрестанно тебе их сообщаю) и всего, что со мною случается. Что меня приводит в отчаяние, так это медленность почты, но я утешаюсь уверенностью, что рано или поздно мои письма до тебя доходят. Сегодня я мало тебе напишу, мне хочется до ночи попасть в Михайловское. П[расковья] А[лександровна] ³ завтра утром посылает почтаря в Синск, она тебя целует, как и Аннет, они с часу на час ждут Алексиса ⁴, потому и не пишут ему больше. Прощайте, мои добрые Друзья, о нашем отъезде я вам еще не говорю, ибо мы не знаем, когда мы уедем. Александр в Болдине, куда мы только что отправили нового Управителя ⁵, дабы заместить Мишеля ⁶. Вот все мои новости. Целую вас очень нежно, так же нежно, как люблю.

Сергей Львович:

Сию минуту получили твое дорогое письмо, добрая Олинька.— Оно несколько лишних дней пролежало в Н о в о р ж е в е. Я неделю не посылал в эту дыру, и вчера, пока мы были во Вреве, его принес Федор. Мы пишем тебе от П р а с к о в ь и Александровны, которая завтра утром посылает почтаря в Синск. Надеюсь, ты, Душинька, здорова, как и Леон; что до меня, то я очень озабочен тем, что до сей минуты не мог послать вам сколько-нибудь денег.— Это меня гнетет и действует на мой сон. Мы из Газеты знали, что Его Величество не уступил желаниям Варшавских господ, и ответ его, полный достоинства, мне очень понравился ⁷.

Я не сомневаюсь, что участие Маршала много способствовало почетной отставке, полученной Леоном, но и Военный Министр кое-что тут значил, ибо подобные милости все проходят по его представлениям. Письмо Барона Розена ⁸, извещающее меня об его отставке,— от 23 Августа, а первое, в коем он говорил мне, что дело уже устроено и что он поздравляет меня заранее,— от 10 Апреля. Я хотел бы, чтобы Леон испросил у Маршала аудиенцию, дабы его поблагодарить.— Право, это не было бы излишне.— Прощайте, дорогие дети, нужно сейчас уехать из Тригорского.— Целую вас от всего сердца.— Да хранит вас Небо и да дарует вам все возможное счастье.

Адрес рукою Сергея Львовича:

Его Высокоблагородию Николаю Ивановичу Павлищеву в Варшаве Помощнику Статс-Секретаря в Государственном Совете для доставления Ольге Сергеевне Павлищевой.

¹ Вульф А. Н.

² Вревская Е. Н.

³ Осипова П. А.

⁴ Вульф Ал. Н.

⁵ Пеньковский И. М.

⁶ Калашников М. И.

⁷ После подавления польского восстания в 1832 г. был обнародован особый статус, упразднявший Польшу как государственную единицу и низводивший ее до положения русской провин-

ции. Поляки же требовали права на самоуправление и особые надежды в этом смысле возлагали на проезд Николая I в конце сентября 1833 г. из-за границы, ожидая, что это право будет им даровано. Но Николай I, назначив на 23 сентября смотр войскам в Модлине, вступить в Варшаву отказался. А. Н. Вульф, находившийся в это время в Варшаве, в записи в дневнике от 12 (24) сентября 1833 г. так изложил создавшееся положение: «Вчерашний *Курьер Варшавский* возвестил жителям кичливой Варшавы, что «напаяснейший цесарж и круль» прибыл 10-го (22-го) числа в Модлин (...) Это известие следовало бы, по-моему, напечатать не просто как о

приехавшем каком-либо шляхтиче, а огненными буквами: так важно должно быть это событие для жителей сего царства; Варшаве же всей, всей следовало бы к нему выйти с повинною головою — от первого сенатора царства до последней обитательницы улицы Фурманской. Верно бы это умилило его грозное чело. Рассказывают, что в Калище встретил народ его с коленопреклонением, что, принимая генералитет, он был с ним чрезвычайно ласков, но про Варшаву сказал он Панкратьеву, что она „не стоит того, чтобы ему в ней быть“» (*Майков*. С. 202).

⁸ Розен Е. Ф.

69 Надежда Осиповна:

21 сего Октября [1833 г. Михайловское]

Я очень недовольна письмом, которое написала тебе тогда из Тригорского, мой добрый друг, я спешила, как горемыка, почтарь уезжал в Синск, мне не хотелось, чтобы меня ждали, я писала в комнате Праско[вьи] Алекс[андровны] ¹, где все время ходили взад и вперед, меня отрывали всякую минуту. Вчера у нас была Аннет ², она только что получила письмо от Алексиса ³, которое повергло ее в печаль, у него лихорадка; вместо того чтобы ехать сюда, он не выходит из комнаты. Мать ее постоянно больна, Эфрозина ⁴ опять брюхата и хворая, Александрин Беклешова ⁵ должна родить в будущем месяце, все это очень тревожно, когда мы уедем, она совсем растеряется, она говорит, что я единственное ее утешение; надо сознаться, что со времени замужества двух ее сестер она ведет очень грустный образ жизни. Все ее общество составляют только две ее младшие да старая гувернантка ⁶. Если мать ее не больна, так занята хозяйством и целыми днями говорит со Старостой, после чего так устанет, что еще пуще расхворается и несколько дней должна лежать в постели. Погода у нас великолепная, я много хожу; хотя сад лишен листвы, я с удовольствием в нем гуляю, сегодня я жду Тимофеевых, которые проведут у нас несколько дней, я навестила их на прошлой неделе, это всего полтора часа пути или того меньше. М-ль Пущина ⁷ уже в Петербурге, как мы будем счастливы, когда сможем послать вам денег, мои добрые друзья, и как мы несчастны, зная, что не могли сделать этого до сих пор. Папá в отчаянии, а я в ожидании; новый Управитель ⁸ должен скоро быть в Болдине, я надеюсь, он постарается собрать нам что нужно, чтобы нас успокоить, и с первых шагов хорошо себя зарекомендовать. Ты мне не говоришь, дорогая Ольга, другая ли у вас квартира и довольна ли ты ею. Я получаю все твои письма, и четыре, написанные после предполагавшегося паломничества, до меня дошли, но с задержкой. Я надеюсь, что на Новоржевской почте есть письмо, но как мы своих на этой неделе туда не будем посылать, то пишу тебе чрез Синск. Аннет тоже ждет от тебя ответа, мой добрый друг. Г-жа Окунева ⁹, разумеется, позвала тебя на свадьбу, и ты мне о ней расскажешь. Что до отказа Е[го] В[еличества] вступить в Варшаву, то мы знали об этом из Газеты ¹⁰; какой афронт для этих гадких Поляков, я в восторге. Продолжай по мере свершения событий сообщать мне подробности твоего времяпрепровождения, ничто не может доставить мне столько удовольствия; что делает

Леон, какое общество он посещает, я знаю твое, и когда читаю твои письма, то переношусь в Варшаву, я отсюда вижу всех этих людей, ты мне не говоришь больше о Фурманах¹¹, где они? Я не знаю, что делается в Петербурге, у меня предчувствие, что старый Мансуров¹² более не существует. Неизвестно, когда средства позволят нам покинуть Михайловское, пока что пиши нам по-прежнему на Новоржев. Прощайте, мои добрые друзья, будьте здоровы, да защитит вас Небо и да сделает вас такими счастливыми, как я того желаю.

Сергей Львович:

Мама не преувеличила, дорогая Олинька, говоря тебе, что я в отчаянии, не посылая вам денег. — Очень опасаясь, как бы перемена Управителя не причинила задержки, которая заставит меня окончательно потерять голову. — Я написал Александру, который находится в Болдине. — Если он прочтет мое письмо, то, быть может, приложит старания, чтобы эти господа возможно скорее покончили между собой. — Две тысячи рублей достойного господина Плещеева¹³ не дают мне ни минуты покою, и когда подумаю, как мало я дал тебе в этом году, право, у меня голова идет кругом. — Чем меньше ты требуешь, тем больше разрывается мое сердце. — Дорогая Олинька, не сердись на меня! Я сделаю невозможное, дабы тебя успокоить, и откажу себе во всем, чтобы знать, что ты спокойна и счастлива. — Прощай, сегодняшнее мое письмо невесело, но как мне говорить вам о другом, когда я весь день только об этом и думаю и ночью вижу это во сне. — Целую тебя от всего сердца тысячу раз, как и Леона, мне еще неизвестны подробности его отставки, я знаю, что с чином. — Чин этот военный? Жду вестей от Розена¹⁴.

¹ Осипова П. А.

² Вульф А. Н.

³ Вульф Ал. Н.

⁴ Вревская Е. Н.

⁵ Беклешова А. И.

⁶ Младшие — Мария и Екатерина. В описанной ситуации Анна Николаевна бывала не раз. «Анна осталась одна в Тригорском; бедной, должно быть, скучненько: что делать!» — записал в дневнике А. Н. Вульф 26 июня 1832 г. (Майков. С. 182).

⁷ Одна из сестер Пушиных.

⁸ Пеньковский И. М.

⁹ Окунева С. Б.

¹⁰ См. письмо 68, прим. 8.

¹¹ Фурман Р. Ф. и С. С.

¹² Мансуров П. А., умер в сентябре 1834 г.

¹³ Плещеев А. П.

¹⁴ Розен Е. Ф.

70 Надежда Осиповна:

Михайловское 1-го сего Ноября [1833 г.]

Когда получишь это письмо, мы, может быть, уже будем в Петербурге, мой добрый друг; Леон там с 14 или 15, он написал нам спустя два дня после своего приезда, ты можешь вообразить мое нетерпение, мои треволнения, что не можем уехать тотчас же. Для путешествия нужны средства, мы ждем хотя чего-нибудь из Болдина, где произошла смена правления, я надеюсь, что преемник Мишеля¹ проявит усердие в этом первом шаге. — Пока что я как на иголках. — Ты не можешь себе представить, как я была удивлена, когда увидела письмо Леона, помеченное Петербургом; то, что из Варшавы от 1-го Октября, — пришло нам одновременно, вместе с твоим, дражайшая моя Ольга; очень я тронута твоим нежным попечением о нас. Да вознаградит тебя Небо.

Я понимаю, какую пустоту ты должна чувствовать без твоего брата, он нам

пишет, что тоже очень одинок без нас в Петербурге и думает скоро приехать в Михайловское, ежели мы не поспешим с отъездом. Александр совершил путешествие в Казань, Леон полагает, что сейчас он в Болдине. Натали здорова, но она мне не пишет и даже не пересылает писем, которые шлют на ее адрес. Леон говорит, что есть письмо от кузины моей Тимофеевой², ты знаешь, как я ее люблю, я давно не имела от нее вестей, и эта нерадивость моей снохи очень меня огорчает.— Все перечит моим желанием, я лишена решительно всего, что меня интересует. Твои письма составляют мое утешение, только не адресуй их Натали; пока я не послала тебе нашего адреса, адрес Катрин Ивелич куда вернее, и так мы писали Леону. Аннет³ в отчаянии, что брат ее все в Варшаве больной и без денег, тогда как сумма, посланная ему матерью, странствует, до него не доходя, а я ей в утешение твержу, что он счастлив, что есть у него деньги, которые странствуют, ибо когда-нибудь они да дойдут. Бедная Аннет, чтобы убить время, поехала во Псков с Бароном Вревским⁴, своим зятем, где думает пробыть 10 дней. Там сейчас очень веселятся, балы, домашние спектакли у губернатора⁵ и очаровательное общество, что до меня, то я жажду лишь общества Леона, сколько мы будем говорить о тебе, моя добрая и дорогая Ольга; графиня Ивелич мне пишет, что она не надеется видеть тебя этой зимой в Петербурге, я никогда не смела на то надеяться, мне ли даны в жизни красивые дни, я едва могу насчитать несколько мгновений. Прощай,— вот слово, которое я осуждена твердить всему, что мне всего дороже на свете.— Спокойной же ночи, мой добрый друг, чтобы не повторять это гадкое слово, которое я ненавижу,— зачем не могу я сказать до свиданья! Надеюсь, Леон написал тебе, несмотря на свою лень; он утверждает, что он скучает, что он мизантроп, но это не мешает ему бегать по балам; через три часа после приезда он был на маленьком балу у Вяземских⁶, а на другой день на вечере у г-жи Карамзиной⁷. Ты видишь, как я плохо пишу; несмотря на очки, вечером я не могу начертить и строчки.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька!

Мне нет нужды распространяться, сколько удовольствия нам доставило твое письмо.— Также не буду повторять и того, что уже сказал тебе в своем последнем.— Это слишком походило бы на того бесстыдного Должника, который все ходил к своему заимодавцу говорить о своем долге и, однако, ему не платил.— Я томлюсь по Леону тем более, что он уже говорит нам о своем желании удалиться из отчины.— Я удивляюсь, однако, как может он злоупотреблять так нашими средствами и даже тем, на что может рассчитывать.— Эти места представляются по большим протекциям или же молодым людям, которые дали доказательства своих талантов в карьере дипломатической, как он дал их в карьере военной.— Притом, как смогу я содержать его в чужой стране? — Там, где первоначально он никакого не будет иметь содержания, тогда как, устроившись в Петербурге, он получит оклад, который не был бы ему лишним.— Я уж не говорю о той жертве, которую он, по-видимому, считает нас обязанными принести, то есть навсегда запереться в деревне, дабы иметь возможность выполнять все свои обязательства,— но довольно об этом. Замечаю, что я только и говорю тебе, что о своих затруднениях, тогда как должен был бы говорить о своей привязанности, о твоей, которой знаю всю цену; счастливым, счастливейшим буду, когда смогу за нее отблагодарить! Целую тебя миллион раз.— У меня сердце сжимается,

когда подумаю, что сегодня 1-е ноября. — Леон 15 дней как в Петерб [урге], а я его еще не видел.

Пвл. ИВ. 88. X, с. 41.

¹ Калашников М. И.

² Тимофеева Прасковья Артемьевна (1786 — 25 VII 1842), урожд. Воронцова, дочь гр. Артемия Ивановича Воронцова (1748—1813) (крестного отца Пушкина) и его жены Прасковьи Федоровны, урожд. Квашниной-Самариной, троюродной сестры и подруги Н. О., владелица родового имения Воронцовых в Тамбовской губ., знаменитого села Воронцово. В 1813 г., чтобы спасти имение от продажи, П. А. вышла за сына откупщика Александра Ульяновича Тимофеева (ок. 1765—1832). Дети ее: Евгений (1818—1861), Артемий (ум. 1862), Аделаида (ум. 1847) — за князем Н. Г. Голицыным. Елизавета — за Андреем Евграфовичем Кикиным, вторично — за Константином Аркадьевичем Болдыревым, Надежда — за Василием Артамоновичем Гаврищенко. Т. присутствовала при последних днях и кончине Н. О. (*Павлицев*. С. 414). О Т. см.: *Бутурлин*. 1897. I. С. 223 и далее; дополнения — *РА*. 1901. X. С. 225; письма Кристина к кн. Туркестановой//*РА*. 1882. Т. II. С. 456.

³ Вульф А. Н.

⁴ Вревский Б. А.

⁵ Пешуров А. Н.

⁶ Вяземский Петр Андреевич, князь (12 VII 1792 — 10 XI 1878), друг Пушкина, поэт, писатель, критик, член общества «Арзамас»; жена его — княгиня Вера Федоровна (6 IX 1790—8 VII 1886), урожд. княжна Гагарина. Впоследствии камергер и товарищ министра народного просвещения, В. 21 октября 1832 г. был назначен вице-директором Департамента внешней торговли и жил в Петербурге. Познакомившись с О. С.

в 1825 г. в Ревеле, В. посвятил ей стансы «Нас случай свел, но не слепцом меня...» (напечатано в «Северных цветах на 1825 г.»). Нежная дружба, связывающая В. и О. С., нашла себе отражение в письмах его к жене (*ОА*. Т. V.). О. С. летом 1826 г. писала Пушкину: «Я люблю его чуть не до обожания; этого князя Вяземского» (XIII, 290). Письмо В. к О. С. по поводу ссоры Пушкина с отцом — см.: *Псв*. I. С. 79. В. косвенно участвовал в хлопотах в пользу О. С. при разделе Михайловского после смерти Пушкина (черновик письма Н. И. Павлицева к В. от 1837 г. — *ПД*, ф. 244, оп. 20, № 90). Принимавший участие в тех же хлопотах С. А. Соболевский, которого О. С. просила предстательствовать за нее перед отцом, писал ей из Петербурга 14 июля 1838 г.: «Чуть-чуть всего не испортил Вяземский, сказав, что видел приезжего из Варшавы, уполномоченного вами изложить отцу ваше стесненное положение...» (*ПД*, ф. 244, оп. 20, № 85).

⁷ Карамзина Екатерина Андреевна (16 XI 1780 — 1 IX 1851), вдова историографа Н. М. Карамзина, единокровная сестра князя П. А. Вяземского, до замужества носила фамилию Кольвановой, по месту рождения в Ревеле (Колывани). «Вечера ее были единственные в Петербурге, где не играли в карты и где говорили по-русски» (Кошелев А. И. Записки. Берлин, 1884. С. 30). О К. и ее салоне см.: Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания: *Дневник*. М., 1928. С. 69; *Смирнова*. С. 190 и др.; В. Б. Накануне Крымской войны // *ИВ*. 1887. V. С. 465; *Рассказы о Пушкине*. С. 530 Аронсон М. и Рейсер С. Литературные кружки и салоны. Л., 1929. С. 162.

71 Сергей Львович:

11 Ноября 1833. С. Михайловское

Дорогая и добрая Олинька!

Пишу тебе еще раз от почтенной Прасковьи Александровны¹. Мы приехали сюда после полудня, чтобы с нею попрощаться, — в тот самый момент, как Алексис Николеевич² воротился из Варшавы. — Можешь вообразить, рады ли мы были с ним свидеться и поговорить о тебе, но, признаюсь, как ни был я счастлив обнять его, у меня сердце сжималось при мысли о тебе. — Он успокоил меня насчет твоего здоровья.

У нас суббота, во вторник надеемся пуститься в дорогу в Петербург. — Но что за дорога, Бог мой! — она должна быть ужасна. — Сегодня весь день лил дождь,

и г-н Вульф сам потратил 10 дней на то, чтобы добраться досюда, и 3 дня, чтобы проехать в телеге 250 верст. — Что мы будем делать с четырехместной коляской, нагруженной сверху донизу! Мы едем чрез Остров и Псков, это самое верное.

Благодаря любезному предложению Прасковьи Александровны ты можешь располагать как собственностью суммой в 500 р., находящейся у Николая Ивановича и принадлежащей Алексису Николаевичу. Мы так устроились, дабы избежать возврата этих денег и неудобства для меня посылать тебе лишь по приезде моем в Петербург, а я заплачу за нее в Опекунский Совет. Она тоже напишет об этом словечко Николаю Ивановичу.

Прощай, дорогая и добрая Олинька, целую тебя от всего сердца и ежедневно молю Всемогущего сохранить тебя спокойной, счастливой и здоровой. — Пьешь ли ты еще чай Аверина и употребляешь ли его мазь?

Вульф весьма удивил нас, сказав, что Александр в Оренбурге. Что ему делать в этой стране гуннов и герулов? — Лучше уж съездить взглянуть на что-либо менее грубое. Прости, Душинька, еще раз.

Надежда Осиповна:

Так уж предначертано, чтобы я завидовала доле Праск[овьи] Алекс[андровны], сын ее с нею, а мой хоть и приехал месяц назад, но еще далеко, мы не могли полететь в Петербург, как мне хотелось, и едва сможем мы выехать 15-го, рискуя застрять на скверных дорогах. Аннет³ сопровождает нас до Острова, города, который она обожает; вообрази, она была там 8 сего месяца и, несмотря на дороги и слякоть ужасающие, возвращается туда с удовольствием, отрываясь от объятий брата, который только что приехал и которого она так долго не видела и ждала с таким нетерпением; и вот она счастлива, что может уехать и вновь увидеть этот нежно любимый город. Сегодня она не отвечает на твое письмо, она напишет по возвращении. Я получила твое, добрейшая моя Ольга, помеченное 14-м. Целую тебя миллион раз, я с Алексисом только о тебе и говорю, мы обнялись с ним, как бедняки какие-нибудь. Обнимаю тебя с материнской нежностью.

То, что я сказала тебе про Аннет, об ее обожании города Острова, — всего лишь маленькая шутка, я прочла ей мое письмо, она смеялась, однако убеждена, что я верю, будто ей хочется совершить это путешествие единственно ради меня, я умею ценить эту жертву, ибо, несомненно, в Острове она никого, кроме меня, не увидит и пробудет там всего лишь два дня.

Приписка:

Все наши планы рухнули, Аннет остается в Тригорском, на одной неделе 7 пятниц.

Пвл. ИВ. 88. X, с. 41.

¹ Осипова.

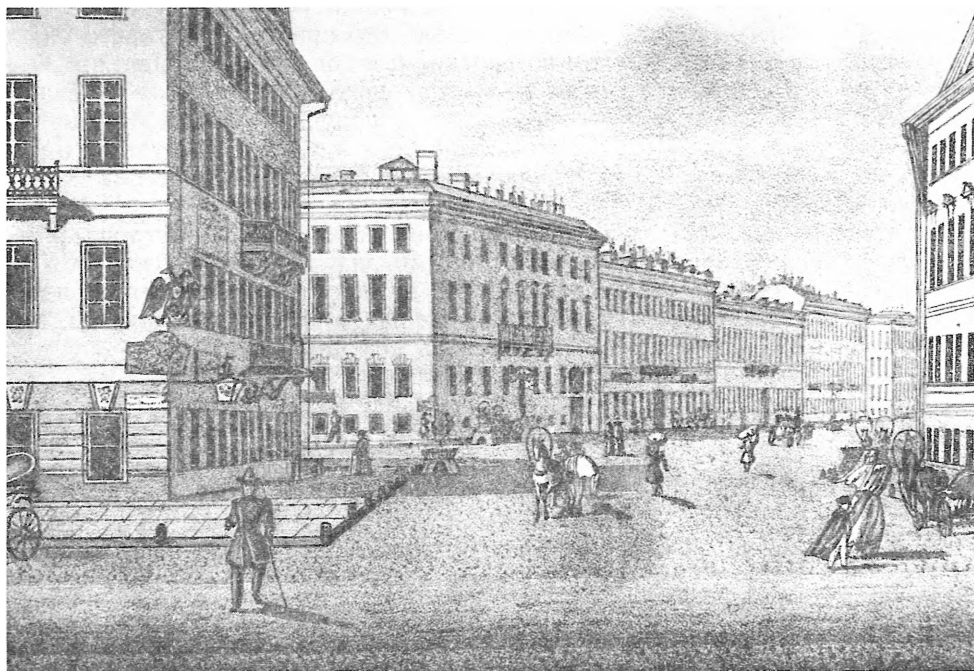
² Ал. Н. Вульф получил 22 июля 1833 г. отставку с чином штаб-ротмистра; Вульф на службу более не возвращался и всю остальную жизнь прожил в своих имениях частным человеком. Приехав в Тригорское, он 23 ноября 1833 г. записал в своем дневнике: «Я застал еще здесь

отцов Пушкиных, собиравшихся в путь ко Льву в Петербург, и которые радовались моему приезду, как радуются приезду родного. Провожал их до Врева — баронское владение Евпраксии» (Майков. С. 206).

³ Вульф А. Н.

24 сего Ноября [1833 г. Петербург]

Вот мы наконец и в Петербурге, дорогая Ольга, приехали позавчера вечером по ужасающей дороге; нет надобности говорить тебе, что, когда я вновь увидела Леона, сжала его в своих объятиях, — страхи, усталость, все было забыто; Александр уже был в Петербурге за два дня до нас, но я удовлетворена лишь наполовину, будучи вдаль от тебя; тебя мне недостает повсюду, и все мгновенья радости отравлены мыслью, что я не могу разделить их с тобой, мой добрый друг. Утешает меня надежда когда-нибудь обнять и тебя, вчера мы много говорили о тебе, твой брат меня уверяет, что ты счастлива, здорова и приедешь нас повидать. Знаешь ли ты, что Александр был в К а з а н и и Оренбурге? Я нашла его несколько похудевшим, что до Леона, то он все тот же, Натали у нас еще не была, мне не терпится посмотреть на детей. Я только что узнала, что Пашет Т и м о ф е е в а ¹ здесь, она ждет меня с нетерпением, сию минуту к ней посылаю. Я еще никого не видела, мы опять в Отель де Пари и в поисках домов; говорят, что занимаемый Александром очень красив; верю охотно: ежели платишь 4 тысячи 800 руб [лей], то можно весьма хорошо устроиться. Надеюсь, ты получила наше последнее письмо, написанное накануне отъезда. Алексис и Аннет ² проводили нас до Врева, она и сестра ее плакали, прощаясь с нами; в Острове у Кирьяковых мы пробыли более суток; я провела их с моей кузиной ³, которая приехала из С у х о п о л ь ц о в а. В дороге мы настигли все Посольство и присоединились к Послу, так что нас принимали за турок ⁴; несмотря на страх перед дорогами, я хохотала как сумасшедшая, глядя на усердие, с каким нас разглядывали крестьяне, и спрашивали, много ли нас еще? Сегодня день Св.

Петербург. Гостиница «Париж» (в глубине).
Фрагмент панорамы Невского проспекта В. С. Садовникова. 1830-е гг.

Катерины, я в восторге, что мой приезд избавляет меня от беготни по И м е н и н и ц а м, погода отвратительная, я довольствуюсь рассылкой поздравлений и извещений о своем приезде. Я никого еще не видала, кроме Соболевского⁵, который стал очень красивый молодой человек, очень хорошо сложен, манеры очень изящны, он делает прекрасное впечатление; нужно сознаться, что путешествия его много образовали, я от него в полном восхищении, он вчера два раза был у нас. Леон посещает свет и балы, почти всякий день он у Вяземского, он еще не знает, в которую из его дочерей он более влюблен, но ухаживает за обеими и находит их прелестными⁶. Однажды, сидя за ужином рядом с м-ль Цебрик [овой]⁷ он объяснился ей в любви, она приняла это всерьез и очень была этим польщена. Как новость, скажу тебе, что сюда собирается М а т в е й М и х а й л о в и ч С о н ц о в, он назначен к министру юстиции, я очень рада, что мы все будем вместе, он приедет по санному пути, который не замедлит установиться, ежели снег будет идти, как сегодня. Что еще скажу тебе? на сей момент ничего, но прибавлю несколько слов, отсылая завтра это письмо. Я жду Леона, сейчас полдень, и Господин капитан спит здесь меньше, чем в Варшаве; у бедного мальчика все эти дни была лихорадка, но он всякий раз выходил после пароксизма, однажды вечером он пришел на бал к Вяземским весь в поту, он себя не бережет, и я за него страдаю.

25 ноября

Я только что проснулась, мой добрый друг, и начинаю свой день, мысленно обнимая тебя от всего сердца. Вчера я видела Натали, она очень хороша, хотя похудела, они все трое ехали на большой вечер к Фикельмон⁸. Леон очень был элегантен и весь раздушенный⁹.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька!

Мамá написала тебе большое письмо со всеми подробностями нашего путешествия. Мне прибавить к этому нечего, перехожу к более спешному. Получила ты, Ду ш и н ь к а, письмо мое из М и х а й л о в с к о г о, в котором г-жа Осипова и я дали тебе право взять себе деньги Алексиса¹⁰? — я ровно столько же плачу за П р а с к [о в ь ю] А л е к [с а н д р о в н у] в Ломбард. — Ответь мне на это, впрочем, разве я должен тебя об этом просить, ты всегда так исправно нам пишешь, и Господь мне свидетельствует, сколько письма твои меня утешают во всех моих горестях. Мы нашли Леона очень веселым, он утверждает, что ненавидит Петербург, и в то же время поспевает на все балы, спектакли, гулянья и повсюду; признаюсь, я не очень-то верю этому отвращению к столичной жизни. — Александр воротился из Б о л д и н а за два дня до нашего приезда. Я нашел его похудевшим, а Натали похудела необычайно, настолько, что это меня тревожит. — Леон сказал нам, что тебе очень хорошо в Варшаве и покойно, это меня очень порадовало. Да благословит и сохранит тебя Господь. — Целую тебя миллион раз, надеюсь, что, хоть мы отделились от тебя более чем на 500 верст, переписка наша будет от этого лишь более исправной и более оживленной. Прости, Ду ш и н ь к а!

Надежда Осиповна:

Я надеюсь послать тебе вскоре наш адрес, мы спешим перебраться, пока адресуй письма Катрин Ивелич, я ни ее и никого еще не видала, но м-ль Кочетова¹¹ хочет непременно сегодня прийти, кузина моя Тимофеева больна, я не могу ее навестить, люди наши только что прибыли, нужно их отправить, дабы не кормить столько лошадей, и потом у меня нет ни шляпы, ни чепца. Я должна написать гроду писем во все концы.

Врс., с. 784

¹ Тимофеева П. А.

² Вульф Ал. Н. и А. Н.

³ Меландер Е. И.

⁴ Турецкий посол Мушир-Ахмет-Паша был в Петербург 22 ноября 1833 г., чтобы передать императору Николаю I благодарность султана за помощь, оказанную Россией Турции в тяжелых обстоятельствах, связанных с восстанием египетского правителя Мегмета-паши. «Турецкий посол вчера часу во втором приехал (...) Увидим, что за диво дивное», — писал К. Я. Булгаков брату 23 нояб. 1833 г. (РА. 1904. II. С. 278).

⁵ Соболевский Сергей Александрович (10 IX 1803 — 6 X 1870), друг Пушкина, товарищ Л. С. по Благородному пансиону, эпиграмматист, библиофил. С октября 1828 г. по июнь 1833 г. жил за границей, где посетил Париж, Лондон, Брюссель, Италию. «Там обогащал он себя запасом наблюдений, знакомств с замечательными людьми века и там же положил начало своей знаменитой библиотеки» (РА. 1870. С. 2140). В 1830 г. И. В. Киреевский писал из Мюнхена: «Наконец (...) удостоились мы приложиться к явленному образу Соболевского, художю, стройного, тонкого, живого, прямоходящего, тихоговорящего и пр.» (Барсуков Н. И. Письма М. П. Погодина к С. П. Шевыреву // РА. 1882. V. С. 102). А. Н. Вульф записал в дневнике: «Соболевский по возвращении своем из чужих краев стал сноснее, чем он был прежде» (Майков. С. 208). В Петербург С. приехал 5 сентября 1833 г. С. был в приятельских отношениях с Н. И. Павлищевым, с которым его связывали книжные интересы (обмен редкими изданиями), и с О. С., в семейных и имущественных делах которой он принимал непосредственное участие, выступая в качестве ее поверенного перед опекой. Об этом свидетельствуют 4 его письма к О. С. и Н. И. Павлищевым 1838, 1850, 1851 и 1868 гг. (ПД, ф. 244, оп. 20, № 85). Имя его постоянно мелькает в письмах О. С. мужу 1841 г. (ПД, ф. 244, оп. 20, № 94). «Очень рада приезде Соболевского, — писала О. С. мужу 20 мая 1850 г., — письмо его ко мне меня рассмешило — удивительно любезный и счастливый человек!» В 1844 г., проездом за границу, С. посетил Павлищевых в Варшаве и, когда там жил с мая 1850 г. по март 1851 г., ежедневно у них бывал. В 1850 г., 29 нояб., О. С. сообщила сыну: «Надя [дочь О. С.] (...) в надежде, что Соболевский скоро поедет в Петербург, тебе опять рисует тетрадку карикатур, которую с ним пришлет. Знаешь ли, что он усыновил Арапа, не иначе называет его как Арап Сергеевич и находит, что

он очень на маменьку на свою похож, все это чрезвычайно сердит твою сестру, которая всякий раз ему отвечает (что случается 20 раз на день): разве я собачка? разве у меня есть хвост? На что г-н Соболевский неизменно говорит — вы не собачка, но что до хвоста, то мне кажется, он у вас есть...» (ПД, ф. 221, оп. 20, № 6). Отклик на эту тему находим в письме С. к Н. И. Павлищеву от мая 1851 г. из Петербурга (ПД, ф. 244, оп. 20, № 85): «Что до моей невесты (бывшей), то я от нее отрекаюсь за жестокое отчуждение возлюбленного нашего сына в Сухие руки...» (так Соболевский называл жену Н. О. Сухозанета, которой дочь О. С. подарила свою собачку). О С. см.: Мещерский А. В., кн. Из мой старины // РА. 1900. VI. С. 256; Бутурлин. 1897. II. С. 548; Березин-Ширяев Я. Ф. Мое знакомство и переписка с С. А. Соболевским // РА. 1878. III; Кошелев А. И. Записки. Берлин, 1884. С. 39; Глинка М. И. Записки. М.; Л., 1930. По указ.; Вигель. Ч. II. С. 295; Арсеньев И. А. Воспоминания // ИВ. 1887. III. С. 561; Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1929. С. 61 и далее; Чичерин Б. Н. Воспоминания. М., 1929. Т. 1. С. 56; Сайтов В. И. Сборник статей в честь Д. Ф. Кобеко. СПб., 1913; Толстой А. К. Собр. соч. Изд. Маркса. Т. IV. С. 22; Псв. XVIII—XVIII. С. 194; Барсуков. Кн. II. С. 48 и др.; Письма. II. С. 194; III. С. 646; Дневник М. С. 94; Дневник С. С. 268; Каллаш В. В. С. А. Соболевский. Эпиграммы и экспромты. М., 1912; Соболевский С. А. Таинственные приметы в жизни Пушкина // РА. 1870. VII. С. 1377. Некролог его, написанный П. И. Бартеневым // РА. 1870. II. С. 2140.

⁶ Дочери князя П. А. Вяземского, о которых идет речь, — вероятно, Мария (1813—1849) и Прасковья (1817—1835).

⁷ Цебрикова Н. Р.

⁸ Фикельмон Карл Людвиг, граф (23 III 1777 — 8 IV 1857), австрийский посланник, и его жена, Дарья Федоровна (14 X 1804 — 7 (19) IV 1863), урожд. графиня Тизенгаузен, дочь Е. М. Хитрово от первого брака, внучка фельдмаршала князя М. И. Кутузова. Д. Ф. — прототип героини незавершенной повести Пушкина «Мы проводили вечер на даче». Князь Вяземский посвятил ей «Notturmo», ее воспел И. И. Козлов. Письма Ф. князю П. А. Вяземскому — РА. 1884. II. С. 418. О Ф. см.: Рассказы о Пушкине. С. 36 и др.; Гроссман Л. П. Устная новелла Пушкина // Этюды о Пушкине. М., 1923. С. 79; Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. Л., 1927. С. 72; Дневник М. С. 36; Дневник С. С. 100; Письма. II. С. 418; ОА. Вып. II. С. 484.

⁹ «Брат во фраке и очень благопристойен», — писал Пушкин П. В. Нащокину 24 нояб. 1833 г. (XV, 96).

¹⁰ Вульф Ал. Н.

¹¹ Кочетова Е. Н.

73 Надежда Осиповна:

Петербурге, 9 сего Декабря [1833 г.]

Пишу тебе отсюда второе письмо, мой добрый друг, мы получили твое от 22 Ноября, оно лишь 8 дней было в пути; после Псковской почты я просто счастлива, что могу с тобой переписываться с большей быстротой. Не отвечала тебе тотчас же по причине хлопот по переборке, теперь мы совсем близко от Александра: у Пустого рынку близ гимназии в доме Ефремова в Гагаринской улице. Дом очень красивый, очень чистый, мы во втором этаже, у нас 7 комнат, платим две тысячи в год, ибо не могли найти квартиры помесечно или по полугодиям. Леон будет жить с нами, его комната самая красивая, но наши мебели, которые были доверены Никите¹, вовсе испорчены, есть столы и бюро, похожие на китайскую головоломку, ты не можешь и вообразить, что это такое. Но я слишком много говорю тебе об этой неприятности, покончим с этим. Скажу тебе, что я в двух шагах от Талызиных, Павел Александрович² все в прежнем положении, сегодня я иду обедать к Софи Всеволожской, где их, наверно, увижу. Вчера я была у Ивеличевой, Катрин³ сегодня утром тебе тоже напишет. Все твои добрые знакомки спрашивают меня, как ты; в Николин день я видала Александрин Политковскую⁴, я удивлю тебя, сказав, где мы встретились, — вообрази, мой добрый друг, мне пришла фантазия отправиться на хоры поглядеть на бал⁵, я простояла на ногах с 5 часов до полуночи, вышла я с утра, сначала чтобы поглядеть на новые платья придворных дам; вы несомненно уже знаете, что носят Коконики, а поверх Сарафанов бархатные плащи, это очень красиво⁶, я ходила посмотреть на них к моей Архарет⁷, куда дочь ее, Васильчикова⁸, г-жа Обрескова⁹ и ее сестра Графиня Соллогуб¹⁰ приехали показаться доброй старухе. Что до новостей, то, думаю, в Варшаве их уже знают из Газеты. Визитов я еще не делала, все откладываю со дня на день, но придется чрез это пройти, слава Богу, у меня их немного. Ты получишь это письмо, дорогая Ольга, быть может, в день своего рождения, должна ли я повторять то, чего желаю тебе с первого момента твоего существования, да будут услышаны Предвечным мои молитвы о твоём счастье. Не имею времени писать тебе более, почта отсюда довольно далеко, я боюсь опоздать, Папа тоже хочет сказать тебе словечко, целую тебя тысячу раз.

Сергей Львович:

Начинаю, дорогая Олинька, с пожелания всего возможного в этом мире счастья. Молю Предвечного даровать мне милость, сколько будет в моих силах, сему счастью способствовать. Я лишь о тебе и думаю и ценю всю нежность твоего чувства. У нас, правда, хорошая квартира, но желание оставить ее Весною, дабы возможно скорее воротиться в деревню, и этот контракт, заключенный на год, лишь к тому приводят, что она мне кажется очень дорогой.

Говорил я тебе, что в Отель де Пари, где мы пристали, я встретил Антона Чичерина¹¹. — Он воротился из своих долгих странствий. — Из конца в конец

он изъездил Европу и всю Грецию. Теперь он возвращается в Италию, дабы посетить Египет и Палестину. Он изучает древнегреческий, нанял учителя и старается, как 18-летний юноша, ему давно перевалило за пятьдесят. Он мне признался, что ему стыдно, он чувствует, что это смешно, но то, что он видел, вселяет в него желание видеть и знать еще больше. Впрочем, беседовать с ним весьма интересно. Вот все здешние новости, какие могу тебе рассказать, я не был нигде. Вчера Генерал Раевский¹², друг Леона и Александра, предложил мне билет на французский спектакль. Иду туда сегодня вечером. Надо сказать тебе, что со времени твоего отъезда построено два театра¹³, о которых говорят, что они великолепны, но я их еще не видел. Я жду здесь Матвея Михайловича¹⁴, Александр сказал нам, что он назначен к Министру юстиции, но мы очень давно не имеем от них вестей, если бы они приехали всем семейством, это было бы для меня большой помощью и утешением, ибо, между нами, я достаточно одинок и несколько одичал. Наши добрые деревенские соседи, с их прямоотой и доброй дружбой, их предупредительностью и любовью, отвратили меня от пустых и ничтожных разговоров хорошего общества.

Прощай, дорогая и добрая Олинька, целую тебя от всего сердца и от всей души! Будь счастлива, и очень счастлива. Ты так того заслуживаешь, зато Господь и услышит мои молитвы.

Адрес рукою Сергея Львовича:

Его Высокоблагородию Николаю Ивановичу Павлищеву в Варшаве Помощнику Статс-Секретаря в Государственном Совете для доставления Ольге Сергеевне Павлищевой.

Штемпеля и пометы: С. Петербург 9 Дека [бря] 1833
Weywery 31 Dezemb. 89. 30.

Надежда Львовна Соллогуб.
Акварель П. Ф. Соколова.
1831 г.

Наталья Львовна Соллогуб.
Акварель П. Ф. Соколова.
1831 г.

¹ Козлов Никита Тимофеевич (р. 1779) — по должности в доме Пушкиных — «лампочник» (Павлищева О. С. Воспоминания//*Летописи ГЛМ*. С. 451); камердинер («дыдка») Пушкина, — он сопровождал его в ссылку 1820 г. и отвозил его тело, как и тело Н. О., в Святогорский монастырь. К., болдинский крестьянин, хотя и находился в услужении у Александра Сергеевича, но принадлежал С. Л. (там же. С. 65). После смерти С. Л. О. С. писала мужу 13 сент. 1848 г. о К.: «Люди моего отца жалуются на Нат[алью] Ник[олаевну], она не хотела даже давать им их содержания, пока не придет Леон, — старый слуга меня тронул, он пришел, рыдая, целовать мои руки. Что до Гаврилы (сын Калашникова. — Л. С.), то он открыл великолепный сапожный магазин на Невском, двое управляющих и несколько рабочих у него в услужении — противно! (...) Повар моего отца Сашка пришел просить моей протекции перед Леоном, чтобы при разделе он достался ему, а не Нат[алье] Ник[олаевне]» (ПД, ф. 244, оп. 20, № 94). И 29 апр. 1850 г. она сообщала: «Слуги г-жи Ланской не знают, где Никита Тимофеев — его больше не видно...» (там же). О К. см.: Павлищев. С. 100; Письмо А. И. Тургенева А. И. Нефедьевой//*Псв*. VI. С. 71; Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1928. С. 158; Давыдов В. Н. Квартира А. С. Пушкина в Петербурге в январе 1837 г.//*РС*. 1887. IV. С. 162.

² Мансуров П. А.

³ Ивелич Е. М.

⁴ Политковская — вероятно, Александра Николаевна, дочь упоминающейся ниже Екатерины Ал. Политковской (кузины Гарлиной — см. письмо 40, прим. 4) и ее мужа Николая Романовича Политковского (ум. 17 VII 1831, от холеры), действительного статского советника, управляющего Департамента Министерства финансов. О Н. Р. см.: Голубев П. И. Записки//*РА*. 1896. V. С. 51; Сафонович В. И.//*РА*. 1903. III. С. 340.

⁵ Бал в Зимнем дворце 6 декабря 1833 г. «Какой великолепный был бал в белой зале! — писал К. Я. Булгаков брату. — Турки глаза растарщили (...) Посол (...) танцевал польский с императрицею, ужинал за ее столом с австрийским послом и штатс-дамами (...) Бал начался в 9 часов и с ужином продолжался до двух (...) Давно я не видел двор столь блистательным...» (*РА*. 1904. II. С. 280).

⁶ На выходе и на бале 6 декабря 1833 г. фрейлины были в русских платьях: «Утром вчера несколько дам было в новых костюмах; красавица еще более украшает, а дурным не к лицу. Описать не умею; род сарафана, на котором русское платье с особенными рукавами, на голове кокошник с длинным вуалем или фатою, у девушки повязки бархатные, шелковые, парчовые или с другими украшениями, или просто...»,

«(...) положительно всякая будет знать, что ей носить» (из писем К. Я. Булгакова брату//*РА*. 1904. I. С. 280, 411). Н. О. писала Е. Н. Вревской 20 дек. 1833 г.: «Прошу верить, дорогая Эфронина, что я давно принялась бегать по вашим поручениям; тогда все продавицы мод заняты были работой над этими русскими платьями (...) которые вскружили голову всему Петербургу...» (ПД, ф. 244, оп. 20, № 47). О фрейлинских платьях см.: письмо цесаревича Александра Николаевича К. К. Мердеру от 9 дек. 1833 г.//*РС*. 1886. VI. С. 542; *Дневник М.* С. 44 и далее; *Дневник С.* С. 35 и др.

⁷ Архарова Е. А.

⁸ Васильчикова А. И.

⁹ Обрескова Наталья Львовна, урожд. графиня Соллогуб, дочь кавалергарда Льва Ивановича Соллогуба и его жены Анны Михайловны, урожд. княжны Горчаковой, племянница лицейского товарища Пушкина князя А. М. Горчакова, с 1828 г. замужем за Александром Михайловичем Обресковым (1790 — 26 VIII 1885), русским посланником в Турине; по отзыву А. И. Кошелева — «прелестная» женщина (Записки. Берлин, 1884. С. 22). О ней см.: письмо К. Я. Булгакова брату от 23 апр. 1828 г.//*РА*. 1903. IX. С. 120; Соллогуб В. А., гр. Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 251.

¹⁰ Сестер у Н. Л. Обресковой, урожд. графини Соллогуб, было три: Надежда — за А. Н. Свистуновым, Елена — за генерал-майором В. В. Энгельгардом и Вера — за русским консулом в Любеке П. И. Паншиным (Панчулидзева С. А. Биографии кавалергардов. СПб., 1908). Речь идет, вероятно, о графине Надежде Львовне (1815—1903), фрейлине Великой княгини Елены Павловны, в 1836 г. вышедшей в Штутгарте за Алексея Николаевича Свистунова (1808—1872). Н. Л. увлеклся Пушкином. См. о ней: *Дневник М.* С. 363 и письма Пушкина (XV, По указ.).

¹¹ Чичерин Антон Александрович, камергер, статский советник (1780 — 17 VIII 1871), брат П. А. Чичерина (см. письмо 49, прим. 5). «Всемирный путешественник» — называл его А. И. Тургенев (Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским. Пг., 1921. Т. I. С. 117 и далее).

¹² Раевский Н. Н.

¹³ Александринский театр, построенный по проекту К. Росси, открыт был в 1832 г.; Михайловский театр — по проекту Росси и А. П. Брюллова — 8 ноября 1833 г. В январе 1836 г. Ольга Сергеевна была в Михайловском театре на первом представлении драмы В. Гюго «Анджело, тиран Падуанский». Она писала мужу: «Это было в Мих[айловском] театре; нельзя себе представить ничего более изящного, более совершенно-прекрасного, чем эта зала...» (*Псв*. XXIII—XXIV. С. 205).

¹⁴ Сонцов М. М.

21 сего Декабря 1833 [Петербург]

Вчера был день твоего рождения, мой добрый друг. Мы провели его по-семейному, твои братья, Натали, даже маленькая Маша¹ пришли нас поздравить; этот день, как и все дни моей жизни, я думаю о тебе и тебя благословляю, я надеялась получить от тебя письмо, которое несколько утешило бы меня в твоём отсутствии, но давно уже я лишена этой радости. Все меня о тебе расспрашивают, на днях утром у г-жи Кушелевой² встретила Боголюбова³, мы много говорили о тебе, дорогая Ольга, мне приятно было его видеть, он так тобой интересуется. Вчера с нами обедала Софи Неймич. Она без места, и положение её плачевно. Я ещё не всех своих знакомых видела; оставив всех лошадей в деревне, я елико возможно реже нанимаю коляску, по вечерам часто езжу в санях, г-жа Архарова недалеко, и я совершаю эту поездку почти всякий день. Натали много выезжает, в высшем свете столько балов⁴, город полон иностранцев, Послов и Принцев Крови. Так как Театров четыре⁵, то ежедневно есть спектакль. Леон тоже много выезжает, он толстеет, ибо мало ходит и спит до полудня, хоть и утверждает, что у него бессонница. Он всегда весел, говоря в то же время, что скучает. Что ты подельываешь, мой добрый друг? Ты меня приучила исправно получать от тебя вести, мне очень грустно, когда я их лишена, надеюсь их на этой неделе иметь, быть может, ты ещё не получила нашего адреса, я съезжу завтра к Катрин Ивелич узнать, нет ли письма на её имя. Погода отвратительная, снег идет всякий день, время от времени дождь, ходить нет возможности, однако твой отец, как всегда, совершает свою утреннюю прогулку. Г-жа Осипова заваливает меня поручениями, я составила реестр всему, что должна купить ей к праздникам, вышло 17 предметов⁶. Я совсем сбилась с ног, утра у меня отняты, я только и делаю, что бегаю по лавкам, отсылаю ящики, это невыносимо, медленность почты выводит меня из терпения — не Варшавской, но Псковской. Горбушка⁷ попросила меня послать тебе прилагаемому при сем записку об этой девице Амели⁸. С каким нетерпением ждем мы твоего письма, и каково будет наше беспокойство, если мы не получим его в течение недели. Твой Отец уже видит во сне, что ты очень больна, что ему говорят, будто тебе хуже. Да сохранит тебя Небо, дорогая моя Ольга, целую тебя миллион раз, я хотела сказать — до свиданья, не предчувствие ли это?

Сергей Львович:

Сию минуту я воротился, дорогая Олинька, из Опекунского Совета, где я был по делу г-жи Осиповой. Не знаю, взяла ли ты себе те 500 р., о коих я говорил тебе с согласия Праск[овьи] Алекс[андровны] и по её просьбе, ибо я вношу за неё эти деньги в Ломбард.— Сколько я думаю о тебе, дорогой друг! Как провела ты день своего рождения? Мне помнится, ты не очень-то его любила. Леон полагает, что у тебя была м-ль Ребиндер и сестра её⁹, которую он находит очень любезной. От всего сердца желаю тебе, добрых праздников и счастливого нового года.— Да начнешь ты и кончишь его сходно своим желаниям — у меня предчувствие, что Николай Иванович получит какую-нибудь награду. Хотел бы иметь возможность поздравить его, как и тебя.— Прощай, дорогая и добрая Олинька, не сердись на меня, ежели письмо мое кратко. Поздно, Мамá рассказала тебе о нашем семейном обеде, не скажу, чтоб я был очень весел, мне недоставало письма от тебя.— Все-таки хоть что-то да было бы. Между тем, целую тебя от всего сердца.— У меня нет вестей и от Сонцовых.— Писала тебе Алиша¹⁰? Прости.

Надежда Осиповна:

С невыразимым удовольствием получили только что письмо твое от 13-го, но как я должна сию минуту отправлять наше, то отвечу тебе со следующего почтою.

¹ Пушкина М. А.

² Кушелева А. Д.

³ Боголюбов В. Ф.

⁴ Н. О. писала Е. Н. Вревской 26 дек. 1833 г.: «Натали много выезжает, танцует ежедневно. Вчера я провела день по-семейному, все мои дети у нас обедали. Только и разговору что о праздниках, балах и спектаклях, я не приму в них никакого участия, в моем возрасте довольствуются рассказами» (ПД, ф. 244, оп. 20, № 47; частично: Семевский М. И. К биографии Пушкина // ПВ. 1869. XI. С. 90).

⁵ Театры: Большой, Александринский, Михайловский, Немецкий.

⁶ Н. О. писала Е. Н. Вревской 20 и 26 дек. 1833 г. и 4 янв. 1834 г. об этих поручениях: «Я отправляю ящик Праск[овье] Ал[ександровне]» — и перечисляет разные «шубки», «шерстяные платья», «уборы», «шляпы», которые она отправила к Новому году для Е. Н. Вревской и А. Н. Вульф (ПД, ф. 244, оп. 20, № 47).

⁷ Талызина Т. Д.

⁸ Лицо неизвестное.

⁹ Возможно, это дочь графа Роберта Генриха (Романа) Ивановича Ребиндера (1777—1841), эстляндского помещика и статс-секретаря по делам Финляндии (1811—1841) — сестра Н. Р. Ребиндера, в 1834 г. служившего в Департаменте внешней торговли при князе П. А. Вяземском, бывшего впоследствии кяхтинским градоначальником и женившегося на дочери декабриста князя С. П. Трубецкого Александре Сергеевне. С этой Ребиндер О. С. могла познакомиться в 1826 г. в Ревеле (жившая там А. А. Воейкова посвятила Ребиндер несколько теплых строк в своем письме к И. И. Козлову — см.: Соловьев Н. В. История одной жизни. Пг., 1916. Ч. II. С. 24). Однако О. С. могла быть знакома и с другими Ребиндер: сестрами Николая Григорьевича Ребиндера и с сестрами генерала Александра Максимовича Ребиндера, женившегося на лицейской знакомой Пушкина Софье Велю.

¹⁰ Сонцова О. М.

75 Надежда Осиповна:

27 сего Декабря [1833 г. Петербург]

Дорогая Ольга, сколько удовольствия доставило мне твое письмо от 12-го! Твои описания так хороши, портреты людей твоего общества так живы, что я могу считать себя принадлежащей к их числу, я вдруг мысленно переносюсь в Варшаву, я вижу себя на балу, я смеюсь над реверансами г-жи Фурман и важным видом, который она на себя напускает, несмотря на свои манеры торговли морковью¹. Я очень хорошо помню г-жу Панютину², люблю Ребиндеров³, сердилась немножко на г-жу Окуневу⁴, но теперь примирилась с нею. Если ты не пошлешь мне плана своей новой квартиры, я не буду знать, где мне пристроиться, когда я переносусь к тебе; то место в Новом Свете⁵ мне так близко, так было знакомо, что я могла пробежаться по всем твоим комнатам, а здесь нужно, чтобы ты меня водила. Ты спрашиваешь о Витовтовых, не знаю, что с ними случилось, никто мне ничего не мог сказать. Однажды я была у Софьи и Михайловны Вишневской⁶, она живет на четвертом этаже, я устала до такой степени, что у меня захватило дыхание. Лиз⁷ была у меня несколько дней назад, она писала тебе по поводу одной очень интересной особы. Г-жа Вейдемейер⁸ говорит тебе тысячу милых вещей, г-жа Княжнина⁹ в двух шагах от нас, как и Талызины. Татьяна¹⁰ все собирается тебе писать, но она вся в заботах о старике, который постоянно дремлет, а ему не позволяют спать, эти дамы только и делают, что будят его всякую минуту¹¹. Они тоже поочередно

все перехворали, их очень жаль, и ведут они образ жизни весьма грустный. Моя Архарет¹² не может без меня жить, потому я почти всякий день у нее. Недавно приехала г-жа Яковлева¹³, чтобы несколько недель пожить с матерью. Она привезла нам вести от Сонцовых, Матвей Михайлович скоро приедет в Петербург с Алишей, эта последняя счастлива, что будет возле нас, мне думается, однако, что путешествие это огорчает мою сестру; хотя разлука и не будет продолжительна, но она не любит быть далеко от своих. Александр удивлен, что ты не отвечаешь ему на его деловое письмо. Леон говорит, что не пишет тебе потому, что не имеет привычки писать кому бы то ни было. Оба они, как и Натали, поручают мне тебя поцеловать. Кузина моя Тимофеева¹⁴, к великому моему сожалению, уедет 15 января, когда увижу ее, я ей передам, что ты о ней говоришь, она очень тебя любит, и ей это будет приятно. Фурманы¹⁵ все в деревне, он обезумел совершенно, я боюсь туда ехать одна. И потом, на праздниках эта поездка обойдется мне слишком дорого, если же я пошлю ей сказать, что мы здесь, она приедет с ним, что вовсе не будет приятно твоему Отцу, у него разболются нервы. Я более недели не видала Ивеличевых, на праздниках я не хочу нанимать коляски, у графини тоже нет экипажа. Чаще всего выдаю я Новосильцовых и Архаровых, там я узнаю все, что делается в городе, я вижу там много народу, я не стесняюсь, будучи своей благодарной приязни, какую ко мне питают. М-ль Кочетова¹⁶ тоже часто бывает в этих двух домах, она меня всегда о тебе спрашивает. Я только что получила письмо из Тригорского от Прасковьи Александровны¹⁷, у нее все еще лихорадка, Аннет¹⁸ и Эфрозина¹⁹ во Пскове, Александрин Беклешова²⁰ родила дочь. Я еще не кончила покупок для этих дам и очень от них устала. У нас зима настоящая, холодно так, что по Проспекту не гуляют, а бегом бегают, будто дети, играющие в какие-нибудь невинные игры. Леон утверждает, что у него водянка, и, чтобы она прошла, он начал много ходить. Прощай, мой добрый друг, целую тебя очень нежно.

¹ Фурман С. С.

² Панютина Надежда Евграфовна, урожд. Мерлина, жена Федора Сергеевича Панютина, нижегородского помещика, адъютанта Паскевича, впоследствии генерал-лейтенанта, варшавского генерал-губернатора в 1850-х гг. (*ИВ*. 1888. XII. С. 119). О Ф. С. см.: *Дневник бар. Л. П. Николаи//РС*. 1887. XX. С. 105; письма Каллерджи-Мухановой//*ИВ*. 1910. IX. С. 970; Докудовский В. А. *Дневник//Рязань*, 1903. С. 326; Загоскин С. М. *Воспоминания//ИВ*. 1900. V. С. 462; *РС*. 1872. VI. С. 427; *РА*. 1886. II. С. 222.

³ См. письмо 74, прим. 9.

⁴ Окунева С. Б.

⁵ Улица в Варшаве.

⁶ См. письмо 34, прим. 9. Процветавшие в XVIII в. и бедствовавшие в 1830-х гг. Вишневские не подозревали, что спустя несколько лет колесо фортуны вновь начнет поворачиваться в их сторону; дочь их Вера Гавриловна, вышедшая за князя М. М. Долгорукого, произведет на свет их внучку Екатерину, которая станетmorganaticкой женой Александра II — знаменитой княгиней Юрьевской, а их правнучка — дочь Юрьевской и Александра II — светлейшая княгиня Ольга Александровна выйдет за графа Георга Николаевича Меренберга, внука Пушкина и правнука С. Л. и Н. О. (*Власьев*. Т. I. Ч. III. С. 155 и др.). Князь М. М. Долгорукий, женившийся на В. Г. Вишневской, купил имене

Бутурлиных Тепловку. «Этот князь Долгорукий, — рассказывает М. Д. Бутурлин, — имел в 40 гг. роскошную дачу в подмосковном Петровском парке, а жена его известна была тогда под прозвищем „княгиня-делец“» (*РА*. 1897. II. С. 569).

⁷ Вишневская Е. Г.

⁸ Вейдемейер Т. С.

⁹ Княгиня В. А.

¹⁰ Талызина Т. Д.

¹¹ Мансуров П. А.

¹² Архарова Е. А.

¹³ Яковлева П. И.

¹⁴ Тимофеева П. А.

¹⁵ Фурманы А. Ф. и А. Н.

¹⁶ Кочетова Е. Н.

¹⁷ Осипова П. А.

¹⁸ Вульф А. Н.

¹⁹ Вревская Е. Н.

²⁰ А. И. Беклешова 9 декабря 1833 г. разрешилась дочерью Елизаветой, бывшей впоследствии за Наседкиным (см.: *Заметки П. А. Осиповой в календарях//Псв*. I. С. 143). Н. О. писала Е. Н. Вревской 26 дек. 1833 г.: «Дорогая и любезная баронесса, наконец-то я имела удовольствие получить письмо вашей мамá с доброй вестью о счастливом разрешении Александрины, поздравьте ее от меня и поцелуйте ее дитя, Петру Ник[олаевичу] кланяюсь» (*ПД*, ф. 244, оп. 20, № 47).

76 Надежда Осиповна:

28 сего декабря [1833 г. Петербург]

Мы только что получили письмо твое от 20-го, мой добрый друг, оно доставило нам величайшее удовольствие, как и все, что приходит от тебя, когда ты здорова и когда сообщаешь мне подробности, тебя касающиеся; я очень рада, что ты выезжаешь, жду вестей о костюмированном бале, почему ты не захотела одеться неаполитанской крестьянкой, ты так была бы хороша, у тебя итальянское лицо, я такой тебя вижу отсюда. На Новый год я мысленно буду на этом бале, сомневаюсь, чтобы г-жа Фурман¹ была аванжна в перуанском костюме, как и г-жа Панютина² с г-жой Окуновой³ испанками. Не рассказываю тебе обо всех праздниках, которые уже начинаются и продлятся до Крещенья, да нет им и причины кончиться — во всю зиму в Петербурге только и делают, что танцуют⁴. Вчера при Дворе были живые картины, составленные из детей всех возрастов, Великие Княжны, кроме Марьи Николаевны, были в их числе с маленькими Князьями Великого Князя Михаила⁵. Константин Николаевич⁶ тоже играл роль, это был сюрприз, приготовленный Императрицей для Великой Княгини Елены Павловны⁷, ты, наверное, прочтешь об этом в Газете, потому я и не сообщаю тебе подробностей⁸. Я мирно провожу праздники, первый день до восьми часов мы провели в семейном кругу, потом Натали и Александр с Леоном пошли к ним пить чай. Весь следующий день я была у моей Архарет⁹, вчера и сегодня дома, сейчас полдень, Папа гуляет, солнце яркое, но холодно, и я пошла побеседовать с тобой, мой Друг, пока я одна. Это письмо уйдет лишь послезавтра. Надеюсь, ты получила все наши, мне помнится, я дала тебе адрес в Гагаринской улице против Гимназии у Пустого Рынка в Доме Ефремова, это совсем близко от Галезиных. Вчера была у меня Дурнушка¹⁰, старику¹¹ снова лучше, истинно, этот Блум¹² делает чудеса — к нему вернулся весь его рассудок и исчезла сонливость, которой опасались всего более. Но он слаб, едва ходит. Катрин Ивелич и мать ее все еще у г-жи Колтовской¹³, которая умирает, сестры помирились, это графиня сделала первый шаг. Муж Александрин Языковой здесь и живет в Отель де Пари¹⁴, жена навещает его всякий день, графиня не хочет его видеть и не говорит о нем. Александра Петровна Ивелич в Москве и скоро должна воротиться с мужем своим¹⁵, который все на больших дорогах, г-жа Языкова Анна Васильевна¹⁶ здесь и живет в доме Косиковского¹⁷. Знаешь ты, что умерла Александрин Ховен, рожденная Зелинская¹⁸? Граф Толстой, Константин¹⁹, путешествовал несколько месяцев, советовался с врачами, но они не принесли ему никакой пользы; он воротился со своим мучительным тиком и недостающими тремя зубами, которые вырвали ему совсем здоровые, дабы прошла эта болезнь, а излечение он нашел в Петербурге. Это попросту масло, которое он, ложась, втирает в щеку, нужно, чтоб масло было немного теплее, вот и все; с тех пор, как он его употребляет, боли прекратились. Я все забываю сказать тебе, что м-ль Цебрикова²⁰ поручила тебе передать тысячу нежностей; она сильно похудела, но это ей к лицу. Вера²¹ брюхата, она в восхищении от своего мужа, который вовсе не восхитителен. Ми-би²² прекрасно устроились, комнаты у них очень просторные и очень теплые, обставлены со вкусом, они завели субботы. Броки²³ на Исаакиевской площади, у них тоже хорошая квартира за тысячу рублей с небольшим, это очень дешево. Их маленькая составляет утеху всего семейства, они говорят о ней непрерывно, кроме

матери, довольствующейся улыбками и показыванием своих больших зубов. Г-жа Лодыженская²⁴ состарилась удивительно, и все они худы. Но денша²⁵ только и делает, что Бог весть зачем глотает пилюли, ежели затем, чтобы потолстеть, то напрасная забота. Они помешаны на моде, я хочу заставить их курить табак, убедив их, что в высшем свете все Дамы курят, и правда, у Фикельмон²⁶ они курят сигареты²⁷, а я ми-би скажу, что толстые трубки. И вот они закричат: Катинька, Настинька, Анинька, слышите, мода курить, и Настинька скажет: «Николаса, купи трубки непременно». И вот все эти прекрасные комнаты наполнятся дымом, я хохочу заранее. Эта мысль вчера пришла мне в голову, сообщаю ее тебе, будучи уверена, что это несколько тебя позабавит.

Сего 29-го

Я только что проснулась, ничем я не могу начать своего дня лучше, как беседой с тобой, дорогая Ольга; это письмо уйдет завтра, сегодня я провожу день у г-жи Архаровой, вчера Леон оставался с нами до 10 часов, кончать свой вечер он пошел к Жуковскому. Он был очень весел и заставил нас посмеяться, я и не заметила, как прошло время. Скажи мне что-нибудь о некоем Марокини²⁸, твой брат поручил мне спросить тебя о нем. Леон ухаживает за княжной Марией Вяземской²⁹, которая похожа на своего отца, но красивее его, она очень дружна с Натали. Г-жа Потемкина выходит за Мейндорфа³⁰. Мантейфель³¹ здесь и больше не думает об А. В. Пашкевич, которую я никогда не встречаю, говорят, она очень постарела³². Жадимировские, Мария Ивановна³³ с дочерьми, путешествуют по Италии и повсюду, сестра доброго твоего друга, г-жа Фрейганг³⁴, здесь. Что еще скажу тебе? Хоть ты и любишь сплетни, но я их боюсь, потому и не смею доставить тебе удовольствия, а однако есть одна, которая бы тебя позабавила, но умолкаю, хоть она у меня уже на кончике языка; не хочу, чтоб это дошло до Варшавы. Лучше поговорю с тобой о погоде, как это делают твои добрые Подруги, у нас славные морозы и солнце; хотя Леон утверждает, что это намек на солнце, но я довольна каким есть, вчера было 16 градусов, это не пугает турок, они разгуливают по Проспекту и с виду как будто не мерзнут, вчера Папá видел одного, читавшего в лавке французскую газету. Кстати, о лавке, он был у Аверина, который говорит, что послал тебе траву, — вот ты и довольна. Знаешь ты, что Марья Васильевна Малиновская выходит за Вальховского, сейчас она в Ревеле со своей Теткой³⁵, Иван Васильевич³⁶, брат ее, на праздники поехал к ним, Жених в Тифлисе, не знаю, когда будет свадьба, она делает прекрасную партию, она вполне ее заслуживает; эта новость очень меня обрадовала, родители в восторге от этого брака, какое счастье для Анны Андреевны видеть свою племянницу так хорошо устроенной. Розены в Кургане, у Анны Васильевны там уже двое сыновей³⁷. Я сказала тебе все, что знаю. Прощай, целую тебя очень нежно.

Пвл. ИВ. XI. С. 312.

¹ Фурман С. С.

² Панютина Н. Е.

³ Окунева С. Б.

⁴ О балах 1833 г. см.: *Дневник М.; Дневник С.* и наст. изд., письмо 74, прим. 6.

⁵ Великий князь Михаил Павлович.

⁶ Великий князь Константин Николаевич (9 IX 1827 — 13 I 1892).

⁷ Жена Великого князя Михаила Павловича (1806—1873).

⁸ Н. О. рассказала об этом празднике Е. Н. Вревской в письме от 26 дек. 1833 г.: «Императрица готовит сюрприз Елене Павловне, бу-

дут живые картины, составленные из детей всех возрастов от В. кн. Ольги до маленького В. кн. Константина и нескольких детей из города; будет четыре картины, три — представляющие русские крестьянские игры, а четвертая — сон Иакова. Говорят, что лестница с ангелами очень красива, всякий день идут репетиции. Три маленькие княжны Вел. князя Михаила тоже, конечно, принимают участие» (ЛД, ф. 244, оп. 20, № 47).

⁹ Архарова Е. А.

¹⁰ Талызина Т. Д.

¹¹ Мансуров П. А.

¹² Блум фон, Герман (21 IV 1776—2 VI 1854) — известный врач, действительный статский советник, служивший в различных учреждениях ведомства императрицы Марии. О нем см.: Тургенев Н. И. Дневник и письма. Пг., 1921. Т. III. С. 320, 506; Сафонович В. И. Записки//РА. 1903. IV. С. 526.

¹³ Колтовская Наталья Алексеевна (1773 — 2 I 1834), уржд. Турчанинова, сестра графини Н. А. Ивелич (см. письмо 22, прим. 14) мать братьев Соломирских (см. письмо 53, прим. 14), вдова обер-бергмейстера Николая Тимофеевича Колтовского, владельца унаследованных от отца богатейших золотых и меднорудных промыслов Сысертского завода. В молодости красавица К. была любовницей Павла I, в нее влюблен был Г. Р. Державин. В 1830-х гг. это была еще «высокая, бойкая старушка, сохранившая черты прежней красоты» (ОА. II. С. 541). «Примирение сестер», о котором говорит Н. О., состоялось после долгих распрей на почве раздела громадного турчаниновского наследства между тремя сыновьями и пятью дочерьми — Титовой, Кошкиной, Ивелич, Зубовой и Колтовской. «После них слиток золота разлетелся на кусочки и блески, за которые третье поколение по сю пору грызется и режется» (Вигель. Ч. II. С. 150). К. Я. Булгаков 5 янв. 1834 г. сообщил брату: «Третьего или четвертого дня умерла наша старейшая знакомая Наталья Алексеевна Колтовская. Она была в ссоре с детьми, но примирилась перед кончиною» (РА. 1904. III. С. 407). О К. см.: РС. 1873. VII. С. 626; Титов Н. А. Воспоминания//Древняя и Новая Россия. 1878. 12. С. 265; Тарасов Д. К. Император Александр I. Пг., 1915. С. 132; Письма А. И. Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 75, 84; Тургенев Н. И. Дневник. Пг., 1921. Т. III. С. 499; Державин Г. Р. Записки//Соч. Т. VI. СПб., 1876. По указ. Панаев В. И. Воспоминания//ВЕ. 1867.

¹⁴ Языков А. П.

¹⁵ Ивелич К. М., граф.

¹⁶ Языкова Анна Васильевна, уржд. графиня Мантейфель; мать графини Александры Петровны Ивелич (письмо 59) и А. П. Языкова, женатого на графине А. И. Ивелич (письмо 56). Об Я. см.: Псв. XV. С. 80, 97.

¹⁷ Дом Косиковского на Невском пр. у Полицейского моста принадлежал ранее князю Куракину и стоял на месте деревянного Летнего дворца, в котором скончалась императрица Елизавета Петровна. Об этом доме и его владельцах см.: Булгарин Ф. Воспоминания. СПб., 1846. Ч. I. С. 193; ч. II. С. 86; Вейдемейер А. Двор и замечательные люди в России. СПб., 1846. С. 6; Пыляев М. И. Старый Петербург. СПб., 1903. С. 205; Никитенко Т. I. С. 456; Юнге Е. Ф. Воспоминания. М., [1914]. С. 360; Головин К. Мои воспоминания. Т. I. С. 205 и др.

¹⁸ Ховен Александра Н, баронесса, уржд. Зеллинская — по всей вероятности, жена бывшего лицеиста, офицера лейб-гвардии гренадерского полка Ивана Романовича Ховена, сына тифлис-

ского губернатора Романа Ивановича Ховена. Об И. Р. см.: Грот. С. 54; Лицейский памятник с надписью «Genio loci»//РС. 1873. VIII. С. 1000; Еропкин В. М. Из воспоминаний//РА. 1878. I. С. 175. Статьи И. Р. «Мое знакомство с декабристами», «Знакомство с К. П. Брюлловым» и «Из прошлого»//Древняя и Новая Россия. 1877. II. С. 221; III. С. 309; XI. С. 278.

¹⁹ Толстой К. П., граф.

²⁰ Цебрикова Н. Р.

²¹ Хованская В. А., княгиня, уржд. Княжнина.

²² Прозвище сестер Занден — Брок А. К., Лодыженская Е. К., Ноден А. К., Занден Е. К., — очень часто встречающееся в письмах Н. О.

²³ Брок А. К. — одна из сестер Занден.

²⁴ Лодыженская Екатерина Карловна (27 II 1789 — 6 V 1859), уржд. Занден, одна из сестер Ми-би.

²⁵ Ноден Анастасия Карловна (1793 — 7 VII 1874, ПН), уржд. Занден, одна из сестер Ми-би, жена Н. Я. Нодена (6 XI 1780 — 19 XI 1863), действительного статского советника, служившего в Конюшенной конторе. О. С. до конца жизни поддерживала знакомство с А. К. Ноден. «Настья Карл[овна] переезжает в дом приятельницы своей Прянишниковой, — писала О. С. сыну 13 окт. 1866 г., — все жалуется на судьбу свою, и, когда я была у ней на днях, она мне сказала, естли б ви били на моем месте, ви би еще больше грустили, — а она здорова и зряча, как в 20, — Броки и его дети на руках ее носят, занимает и театр ее, где бывает, и наряды, и общество — а почему она так несчастлива? В сущности, не от того, что умер 84-летний муж и что лилилась экипажа и 12 комнат даровых, но до-сточно считать себя несчастной, чтобы ею быть». И 15 окт.: «Вечером г-жа Ноден пила у меня чай; само собой, сотовала на свое положение, на то, что вынуждена сама укладывать свои пожитки и что только две девушки у нее в услужении» (ПД, ф. 221, оп. 2, № 6). Нодены жили в казенной квартире на Большой Конюшенной (Записная книжка Н. И. Павличева за 1843 г. — ПД).

²⁶ Фикельмон Е. М.

²⁷ Не «сигары», а сигареты — «трабукосы», как их тогда называли. Это были «толстые пахитосы в маисовой соломе, вроде нынешних папиров, явившихся в Петербурге только в конце сороковых годов» (Бурнашев В. П. Воспоминания//РА. 1872. II. С. 1772).

²⁸ Лицо неизвестное.

²⁹ Вяземская Мария Петровна, княгиня (1813 — II 1849), дочь князя П. А. Вяземского, с 22 мая 1836 г. замужем за Петром Александровичем Валуевым (1815—1880), впоследствии графом, с 1861 г. — министром внутренних дел. См. о ней: ОА. По указ.; Бутурлин. 1900. XI. С. 402; Мещерский А. В., кн. Из моей старины//РА. 1900. XII. С. 601; Смирнова. С. 189; Модзалевский. С. 374; Письма. III. По указ.

³⁰ Потемкина Ольга Федоровна (ум. 21 V 1852; Сын отчества, 1852. Кн. 6), урожд. Брискорн, дочь Федора Максимовича Брискорна (1759 — после 1817), тайного советника, секретаря Павла I, при Александре I — сенатора (*Греч. По указ.*), и Ольги Константиновны Н. в первом браке Струковой; двоюродная сестра приятеля князя П. А. Вяземского и А. И. Тургенева — дипломата В. И. Фрейганга, вдова генерала Потемкина (*РА. 1872. II. С. 1781*); во втором браке (с 25 января 1834 г.) — за бароном Егором Федоровичем Мейндорфом (1792 — 26 X 1879), генерал-лейтенантом и генерал-адъютантом, героем 1812 г. и Гроховской битвы 1831 г., впоследствии шталмейстером. Пушкин был знаком с Мейндорфами и был у них на балу в декабре 1836 г. (*Соч. А. С. Пушкина / Ред. П. А. Ефремова. СПб., 1905. Т. VIII. С. 586*). Об О. Ф. и Е. Ф. Мейндорф см.: *Бутурлин. 1897. III. С. 52*; Муравьев-Карский Н. Н. Записки // *РА. 1885. IX. С. 15, 18; X. С. 232, 252; Никитенко. Т. III. С. 12; Чичерин Б. Я. Воспоминания. М., 1929. Т. II. С. 139*.

³¹ Мантейфель — по-видимому, граф Григорий Андреевич (1795—18..), полковник кавалергардского полка, в 1825 г. — адъютант Милорадовича, ревельский знакомый князя П. А. Вяземского и Пушкиных, которого князь Вяземский в письме к жене 1825 г. называет «умным и добрым малым» (*ОА. V. Вып. 1. С. 71, 142*). О М. см.: Панчулидзева С. А. История кавалергардов. СПб., 1908.

³² Пашкевич (Паскевич) А. В. — приятельница О. С., А. О. Мусиной-Пушкиной и Жадимеровских (*Псв. XV. С. 62*); часто упоминается в письмах О. С. к мужу 1831 г. «Что до прекрасной Пашкевич — то ее я вижу редко, она часто бывает лишь в тех домах, где уверена встретить свой предмет» (там же. С. 102), то есть, надо думать, графа Мантейфеля, о котором говорит Н. О. В сент. 1835 г. О. С. писала мужу: «Кстати, Александр вовсе не находит ее переменившейся и ухаживает за ней, совершенно как встарь». И в ноябре: «Аннет Паскевич уже не хороша, потому что сильно постарела...» (*Псв. XVII—XVIII. С. 168 и 172*). Последнее известие о П. относится к лету 1843 г., когда Н. И. Павлищев был в Петербурге и О. С. писала ему из Варшавы: «Очень забавно, что ты удивляешься, что твои сверстники поселили и что Анна В. Паскевичева постарела — поверь мне, что никого не удивляет наша седина» (*ПД, ф. 244, оп. 20, № 94*).

³³ Жадимеровская Мария Ивановна, урожд. Маркелова (см. письмо 60) (2 VII 1795 — 16 VIII 1845, *ПН*), жена Егора Алексеевича Жадимеровского (1784—1836), домовладельца, почетного гражданина, брата Петра Алексеевича Ж. (1781—1844), в доме которого на Б. Морской жил в 1832—1833 гг. Пушкин. М. И. владела домом на набережной Мойки, 16 (современный адрес). — *Прим. В. С.*

³⁴ Фрейганг — урожд. Ушакова, сестра Гарлинской (см. письмо 40). По всей вероятности, жена либо А. И. Фрейганга, цензора, либо его брата П. И. Фрейганга, жандармского генерала (Палибин Н. Фрейганги // *РС. 1887. IV.*

С. 243) — двоюродных братьев баронессы О. Ф. Мейндорф (см. прим. 35) и родных братьев русского консула в Венеции Ф. И. Фрейганга, женатого на Кудрявской (*РС. 1880. VII. С. 593*), знакомого князя П. А. Вяземского (т. X. С. 78.) и товарища по Геттингену А. И. Тургенева (*Дневник и письма Н. И. Тургенева. СПб., 1911. С. 450*). Мать этих Фрейгангов Екатерина Максимовна, урожд. Брискорн, — сестра отца баронессы О. Ф. Мейндорф.

³⁵ Малиновская Мария Васильевна (1809 — 9 IX 1899) — дочь первого директора Царскосельского Лицея В. Ф. Малиновского; сестра товарища Пушкина И. В. Малиновского (письмо 45, прим. 10); 23 февраля 1834 г. в Ревеле вышла замуж за Владимира Дмитриевича Вольховского (1798—7 III 1841), также лицеиста, члена Союза благоденствия, в 1834 г. — начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса. Е. А. Энгельгардт 5 нояб. 1833 г. писал В. Д. Вольховскому по поводу его предстоящей женитьбы: «Доброе дело, брат Суворчик <...>, выбор твой хорош во всяком отношении <...>, она роду-племени доброго <...>, выросла в тишине, привыкла отказывать себе во всем, что может называться прихотью; она одарена талантами необыкновенными, и — лицейского поля ягодка! Что же тут еще прибавить?» (*Гастфрейд. Т. I. С. 103*). Племянники М. — С. И. и В. А. Штакеншнейдеры — так ее характеризуют: «Это была чудная личность, всеми глубоко уважаемая, кто ее знал. Великолепно образованная, умная, сердечная, последние три года она не вынесла всего горя, выпавшего на ее долю, и лишилась рассудка. — Она вышла замуж за Вл[адимира] Дм[итриевича] по любви, но только семь лет была очень счастлива: он умер в цвет лет от тифа. Она осталась красавицею-вдовой; свои великолепные косы обстригла и положила в гроб мужа. Надела старческий чепчик и 58 лет прожила безупречною вдовою. Как свет ни зол, но об этой святой женщине никогда никто не мог ничего сказать...» (там же. С. 179). «Мар[ия] Вас[ильевна], вдова В. Д. Вольховского, которого его однокурсник Пушкин называл «Суворочкой», жива до сих пор. Своими устными преданиями и грудой письменных памятников Мар[ия] Вас[ильевна] и поныне поддерживает в семье лицейский дух. Бывать у нее на поклоне 19 октября и в этот день рассматривать лицейские реликвии считается обязательным <...>, у нее много рукописей и даже детских рисунков Пушкина» (там же. С. 187). М. воспитала своего племянника Евгения, сына декабриста барона А. Е. Розена (письмо 28, прим. 15). Тетка, о которой говорит Н. О., — А. А. Самборская (письмо 28, прим. 4). О М. см.: *Розен. С. 212* и др. О В. Д. Вольховском: *Гастфрейд. Т. I. С. 1*; Кобеко Д. Императорский Царскосельский Лицей, его наставники и питомцы. СПб., 1911. С. 439 и по указ.; *Грот, Майков. С. 69, 386; Розен. С. 231* и далее; Сафонович В. И. Воспоминания // *РА. 1903. II. С. 178*; Автобиограф. рассказы бывшего кавказского офицера // *РА. 1881. II. С. 246; Декабристы. С. 44; Ениколопов. С. 99, 101, 128; Чулков Г. Жизнь Пушкина. М., 1938. С. 34; Псв. XIII. С. 53. Письмо Пушкина к*

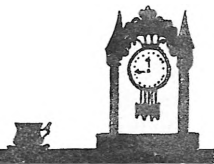

В. Д. Вольховскому от 22 июля 1835 г.— XVI, 42.

³⁶ Малиновский И. В.

³⁷ Розен Андрей Евгеньевич, барон (3 XI 1800 — 18 IV 1884) — декабрист, член Северного общества, осужденный по V разряду на десять лет каторги в Читу, летом 1832 г. был переведен на поселение в г. Курган Тобольской губ.; в 1837 г. — рядовым на Кавказ. В 1839 г. уволен по болезни со службы и переселился в Эстляндию, в родовое имение Солдино, умер в Харьковской губ., Изюмского уезда селе Каменке, принадлежавшем его жене. Его «Записки декабриста», напечатанные на русском языке в 1870 г. в Германии, в России появились лишь в 1907 г. в сокращении. О Р. см.: *РА*. 1902. IV. С. 743; 1883. III. С. XXXIX; Кобеко Д. Императорский Царскосельский Лицей, его наставники и питомцы. СПб., 1911. С. 440; *Гастфрейнд*. Т. III. С. 131; Волконский С. Г. Записки. СПб., 1902. По указ.; *Лорер*. С. 145, 172 и др.; Завалишин Д. И. Записки//*РС*. 1881. Т. 32. № 10. С. 424; *Майков*. С. 385; Басаргин Н. В. Записки. Пг., 1917. С. 73 и далее; Комаровский Е. Ф., гр. Записки.

СПб., 1914. По указ.; Докудовский В. А. Дневник. Рязань, 1903. С. 373; *Декабристы*. Жена А. Е. Анна Васильевна, урожд. Малиновская (р. 22 XII 1799), — старшая сестра М. В. Малиновской (см. прим. 35); вышла замуж 19 апреля 1825 г. Первый сын Розенов Евгений (см. письмо 62) родился, когда его отец находился в крепости. В 1830 г., оставив ребенка на руках сестры, А. В. отправилась к мужу в Читу и встретилась с ним на походе из Читы в Петровский завод 27 августа 1830 г. По словам княгини М. Н. Волконской, «эта была отличная женщина, несколько методичная» (*Записки*. Чита, 1956. С. 98). Сыновья, родившиеся в Сибири, — Василий и Кондратий, названный так в честь Рылеева. Об А. В. см.: *Розен*. По указ.; *Гастфрейнд*. Т. III. С. 236 и далее; Басаргин Н. В. Записки. Пг., 1917. С. 134, 137; Якушкин И. Д. Из записок декабриста//*РА*. 1870. IX. С. 1613; *Лорер*. С. 141 и по указ.; *Пса*. XIII. С. 51; письма ее к Е. А. Энгельгардту (личные и писанные за И. И. Пушина) — *Гастфрейнд*. Т. III. С. 131.

1834

январь — декабрь

В 1834 г. Н. О. и С. Л. написали дочери 27 писем. Зиму 1834 г. они провели в Петербурге на Гагаринской улице у Пустого рынка в доме Ефремова. В Михайловское выехали 11 июня (см. письмо Пушкина жене 11 июня 1834 г.— XV, 158), куда прибыли (с заездами в Псков и во Врев) 15-го числа. Из Михайловского отправились обратно в Петербург 10 декабря, снова заехали во Врев и 15 декабря были в Петербурге, где остановились у Демута. Н. О. была уже серьезно больна, и болезнь помешала ей переехать на квартиру (на Моховой в доме Кельберга), которую снял С. Л. Окончательное устройство на этой квартире на зиму 1835 г. состоялось лишь 2 января 1835 г.

О. С. весь 1834 г. прожила с мужем в Варшаве, где Н. И. Павлищев занимал должность статс-секретаря Государственного совета. 8 октября у них родился сын Лев.

Л. С. жил в Петербурге, первоначально в доме Энгельгардта, а с 28 апреля — вместе с родителями. 14 апреля он поступил чиновником по особым поручениям в Министерство внутренних дел, надеясь через барона Г. В. Розена, у которого хлопотал за него В. Д. Вольховский, получить перевод в Грузию (*Гастфрейнд*. Т. I. С. 147). Перевод этот не состоялся, и 30 июля 1834 г. Л. С. вышел в отставку по прошению (*Майков*. С. 39), решив самостоятельно ехать в Грузию и в Тифлисе лично хлопотать о новом вступлении в военную службу. В середине августа Л. С. находился уже в Москве, откуда в скором времени двинулся дальше в сопровождении А. Н. Раевского, с которым они вместе доехали до Харькова. Здесь Л. С. задержался надолго, и 1 января 1835 г. застало его еще в этом городе.

Пушкин с семьей жил также в Петербурге, в доме Оливье на Пантелеймоновской улице (современный адрес — ул. Пестеля, д. 5); 15 апреля Н. Н. с детьми уехала к родителям в имение Полотняный Завод Калужской губ. В августе, 10-го числа, Пушкин переехал в дом Баташова на Французской наб. (Пушкин пишет: на Дворцовой набережной), 16—17-го выехал в Москву (где провел несколько часов), отсюда — в Полотняный Завод;

9 сентября снова был в Москве, 13 сентября — в Болдине, 14 октября возвратился в Петербург. Н. Н. приехала несколько раньше вместе с сестрами — А. Н. и Е. Н. Гончаровыми, которые поселились у Пушкиных.

77 Надежда Осиповна:

12 сего Января 1834 [Петербург]

Мы получили твое письмо от 2-го Января, мой добрый друг, благодарю тебя за все подробности костюмированного бала, я рада, что ты много танцуешь, это доказывает, что ты совсем здорова; дивлюсь, почему Аверина травка до тебя до сих пор не дошла, впрочем, это, быть может, к лучшему: лекарства, чтоб они приносили пользу, надо принимать пореже, но мне думается, что ты в ней более не нуждаешься, ты могла бы подождать до весны. Я всю ночь видела тебя во сне, дорогая Ольга, мы сидели за столом, ты была возле меня, у меня сжалось сердце, когда я проснулась, и иллюзия эта оказалась нарушенной; верно, сон этот никогда не сбудется, вот я совсем и опечалилась, прибегаю к перу, — беседуя с тобой, я хочу разогнать эти черные мысли. Иду обедать к Талызиным, сегодня именины Т а т ь я н ы, а утром пойду пить шоколад к г-же Вейдемейер¹, она более недели тому просила меня не забыть 12-го. Она пришла с г-жой Сушковой², женой Мишеля, которая здесь определяет сына, она очень несчастна с 6-ю детьми, 50-ю тысячами долга и 4-мя тысячами дохода — вот все ее достояние. — Ты говоришь мне о м-ль Витовтовой³, я, право, не знаю, как ее разыскать, она в деревне с Отцом, в 15 верстах отсюда. Я спрашивала Софи Всеволожскую об А л е к с а н д р е А л е к с а н д [р о в и ч е]⁴, она говорит, что не видала его целую вечность и не знает, что с ним случилось. Катрин⁵ тебя целует и велит сказать тебе, что ты ленивица. Ее Тетка, К о л т о в с к а я⁶, померла, графиня три недели за ней ухаживала, она помирила ее с сыновьями и закрыла ей глаза. Г-жа Я к о в л е в а⁷ уже на отъезде, она завтра обедает у нас, моя кузина Тимофеева⁸ тоже скоро уедет, что очень меня печалит. Сонцовы, кажется, не приедут. Знаешь ты, что Александр — камер-юнкер, к большому удовольствию Натали; она будет представлена ко двору, вот она и на всех балах; Александр весьма озадачен, этот год ему хотелось поберечь средства и уехать в деревню⁹.

Воскресенье 14 Января

Письмо это пролежит у меня до 17-го, хоть я хотела приготовить его заранее. Вообрази, в тот день, как я должна его отослать, у меня все утро ни минуты не было для себя, один за другим являлись всякие докучники, час отправки прошел, и вот мне приходится ждать Среды. Вчера у нас обедали г-жа Я к о в л е в а со своей приятельницей и детьми, а также М-ль Неймич, Леон и Веневитинов¹⁰. Вечером у меня была кузина Тимофеева, мы с ней пошли повидать г-жу Малиновскую¹¹, которая с дочерью только что приехала из Ц а р с к о г о С е л а и уезжала чрез несколько часов. Она там уже 12 дней. Натали сегодня представляется. 12-го я была у и м е н и н н и ц. У Т а т ь я н ы С е м е н о в н ы¹² было около пятидесяти человек, три ее маленькие комнатки были битком набиты. Потом я пошла обедать к К р и к у ш к е¹³, мы с ней много говорили о тебе, мой добрый друг, я ей сказала, что ты танцевала до трех часов, она очень рада, что ты здоро-

ва и очень хотела бы тебя видеть. Я очень люблю все это семейство, они проявляют ко мне столько приязни. Мы теперь соседки, только улицу пройти. В этой стороне мы снимаем впервые, весной здесь должно быть приятно, и Сад, и Нева — мои любимые прогулки. И потом, по соседству у меня г-жа Княжнина¹⁴, г-жа Кожина¹⁵, Щербинины¹⁶, г-жа Сушкова и г-жа Вейдемейер, да и Архарет¹⁷ моя недалеко, так что я отправляюсь к ней в любой час дня и всяким способом: в коляске, в санях, пешком; я так привыкла к этой доброй старушке, что хожу к ней будто к близкой родственнице.

Сего 16

Еще раз возвращаюсь к тебе, мой добрый друг, чтобы кончить письмо, которое становится дневником; вчера я очень приятно провела день дома — с трех часов и до полуночи. У нас были г-жа Сушкова с двумя детьми, г-жа Княжнина, г-жа Вейдемейер, М-ль Неймич, Леон и Соболевский. Все были очень веселы и очень любезны. Сегодня выйду на воздух, несмотря на сильный мороз; я обедаю у Новосильцовых, Катерина Петровна¹⁸ уезжает 20-го и меня звала. Вчера я получила письмо от Прасковьи Александровны¹⁹, твое, видимо, доставило ей большое удовольствие, она пишет мне из Пскова, где провела 15 дней со своими детьми, она еще не успела тебе ответить. Она так сильно привыкла к одиночеству, что радуется возвращению в Тригорское, думаю, что Аннет²⁰ уезжала из города с иным чувством, нежели ее Мать. Прощай, дорогая Ольга, целую тебя от глубины сердца.

Сергей Львович:

Не стану повторять тебе, дорогая Олинька, сколько письма твои дороги мне и драгоценны. — Говорят, не следует высказывать любовь в письмах, обращенных к своим друзьям, но я не могу заставить себя не выражать своей. — Мамá осведомила тебя обо всем, что мы делаем эти дни, что же буду делать в дальнейшем, не знаю того вовсе, — я живу со дня на день и всегда равно. С часу пополудни и до обеда я гуляю²¹, я на днях еще был у Аверина. Меня уверяют, что трава была тебе послана тотчас же по получении от тебя денег. — Вот новость, какую Мамá не успела тебе сообщить. Натали представлялась позавчера, в Воскресенье, но как это совершилось, мы того не знаем, вчера она приходила, но нас не застала, хоть мы и соседи, да живем не по-соседски. Прощай, дорогая Олинька, целую тебя от всего сердца и от всей души.

Врсл. с. 784.

¹ Вейдемейер Т. С.

² Сушкова А. П.

³ Витовтова А. А.

⁴ Отец А. А. Витовтовой.

⁵ Ивелич Е. М.

⁶ Колтовская Н. А.

⁷ Яковлева П. И.

⁸ Тимофеева П. А.

⁹ 4 янв. 1834 г. Н. О. писала баронессе Е. Н. Вревской: «В качестве новости сообщу вам, что Александр назначен камер-юнкером, Натали в восторге, потому что это дает ей доступ ко двору. Пока что она всякий день где-нибудь пляшет» (Семевский М. И. К биографии Пушкина // *РВ*. 1869. Ноябрь. С. 90).

¹⁰ См. письмо 22, прим. 21. Алексей Владимирович Веневитинов — брат поэта Д. В. Веневитинова, который был на год старше Алексея. Они четвероюродные братья Пушкина. — *Прим. В. С.*

Впоследствии сенатор и обер-шенк; состоял в опеке при разделе Михайловского и в качестве защитника интересов О. С. постоянно упоминается ею в письмах к мужу 1840-х гг. (*ЛД*, ф. 244, оп. 20, № 94). О В. см.: *РА*. 1884. III. С. 239; Комаровский Н. Е., гр. Записки. М., 1912. С. 40; IV; Головин М. Мои воспоминания. Т. I. С. 17 и далее; *Письма*. II. С. 374; III. С. 320.

¹¹ Малиновская А. П.

¹² Вейдемейер Т. С.

¹³ Талызина Т. Д.

¹⁴ Княжнина В. А.

¹⁵ Кожина Екатерина Михайловна (11 V 1777 — 1 XI 1834), урожд. княгиня Волконская, сестра министра двора князя П. М. Волконского, вдова Сергея Алексеевича Кожина, убитого под Фридландом (2 VI 1807) шефа лейб-кирасирского Его Величества полка, генерал-майора, подруга молодости Н. О. Дружба эта передана

Н. О., надо думать, «по наследству» от ее матери М. А. Ганнибал, которая, несомненно, была связана знакомством по Пскову с родителями С. А. — правителем псковского наместничества Алексеем Николаевичем Кожинным и его женою Марьей Дмитриевной, урожд. Философовой (*Румель*. Т. I. С. 385). К. была приятельницей Е. А. Архаровой и княгини М. В. Дондуковой-Корсаковой (см. письмо 8, прим. 14), у которых с давних времен встречалась с Н. О. О. К. см.: Титов А. А. М. Булатов // *РС*. 1887. I. С. 208. О ее муже С. А. К.: Комаровский Е. Ф., гр. Записки. СПб., 1914, С. 94; Волконский С. Г., кн. Записки. СПб., 1902, С. 15 и др.

¹⁶ Щербинины — Михаил Андреевич (1798—1841), приятель Пушкина, участник литературного общества «Зеленая лампа», женатый с 1821 г. на сестре П. П. Каверина Елизавете Павловне (см. о нем: Шениг Н. И. Воспоминания // *РА*. 1880. III. С. 288), и брат его Александр Андреевич (28 VI 1790 — 19 XI 1876) —

свитский офицер, впоследствии гофмейстер, автор записки о дуэли Пушкина (*Псв*. XV. С. 39). Возможно также, что речь идет о Григории Александровиче Щербинине, женатом на Елизавете Ивановне Вейдемейер (14 XII 1787 — 24 XI 1871, *ПН*), сестре мужа Т. С. Вейдемейер (см. письмо 21).

¹⁷ Архарова Е. А.

¹⁸ Новосильцевы.

¹⁹ П. А. Осипова пометила в календаре 7 января 1834 г.: «Писала из Острова к Над[ежде] Ос[иповне]» (*Псв*. I. С. 144).

²⁰ Вульф. А. Н.

²¹ Н. М. Колмаков, рассказывая о гуляющей по Невскому публике, вспоминает: «Тут же почасту гулял и отец Пушкина, Сергей Львович. Красноватое его лицо и, кажись, рябоватое было далеко не привлекательно, но то замечательно, что я никогда не встречал его вместе с сыном» (Колмаков Н. М. Очерки и воспоминания с 1816 г. // *РС*. 1891. Т. 70. № 6. С. 665).

78 Надежда Осиповна:

26 сего Января [1834 г. Петербург]

Как я уже все тебе сказала в моем большом письме от 17-го, мой добрый друг, то сегодня пишу лишь из опасения, как бы не заставить тебя беспокоиться из-за моего молчания. Спасибо, дорогая Ольга, за подробности Детского бала, которые очень меня позабавили; я отсюда вижу всех этих маленьких танцоров, а особливо Шотландца, такого неловкого, такого большого и такого унылого. Кстати, о большом и толстом, — Роткирх¹ женится на племяннице Веймарна², но этот весь сияет. Любовь³ выдала дочь свою Машу за г-на Лемана⁴ и живет с нею здесь в Морском корпусе. Григорий Соловой⁵ — жених одной княжны Гагариной⁵. Вчера была свадьба вдовы Потемкиной⁶. Как новость скажу тебе, что представление Натали ко двору огромный имело успех, только о ней и говорят, на балу у Бобринского⁷ Император танцевал с нею Французскую кадрили и за ужином сидел возле нее. Говорят, на балу в Анничковом дворце она была прелестна. И вот наш Александр превратился в камер-юнкера, никогда того не думав; он, которому хотелось на несколько месяцев уехать с женой в деревню в надежде сберечь средства, видит себя вовлеченным в расходы. Вчера я отослала ему твое письмо, мой добрый друг. Леон ленив, как никогда, спит до двух часов, разумеется, у него никогда нет времени написать. Сегодня у нас обедает кузина моя Тимофеева, она уезжает чрез несколько дней, определив своего Эжена, — он премилый мальчик⁸. Она меня всякий раз о тебе спрашивает и очень тебя любит. Г-жа Яковлева⁹ тоже уедет 30 сего месяца. — О приезде Сонцовых больше не слышно, мне думается, они не приедут. Что еще скажу тебе? Мы ведем все тот же образ жизни, я часто езжу к моей Архарет¹⁰ и г-же Новосильцовой¹¹, время от времени выдаю других своих знакомых, завтра проведу день у Ивеличевых, а послезавтра пойду прощаться с г-жой Яковлевой. — Ми-би¹² со своей манерой модничать смешны более чем когда-либо, я редко их выдаю, они мне надоели. — Анничков¹³ скоро будет

в Варшаве, на днях утром он приходил с нами проститься, прощаясь и я с тобой, целуя тебя очень нежно. Дорогая Ольга, твои письма составляют мое утешение, мою радость. Почтовые дни во время этой грустной разлуки самые счастливые в моей жизни.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька, позавчера мы получили твое письмо с подробностями детского бала. Поистине, оно очень меня позабавило и заняло. Господин Шотландец, должно быть, был восхитителен в своей юбочке и без штанишек, ибо таков и есть истинный каледонский костюм. Дамы со своими лорнетками, наверное, видели более, нежели им должно. В свое время я, помнится, присутствовал на детском спектакле у г-на Энгеля¹⁴, и маленькая Фурман¹⁵ изображала Девственницу из Solency¹⁶. — Это было достаточно скверно, но танцы детей на сцене были прелестны. Кстати, о спектаклях: здесь у Немцев дают *Немую*¹⁷, оперу, которая производит фурор, все жалуется, что нельзя достать входной билет, ежели только не позаботишься заранее. — Декорации и костюмы стоят около ста тысяч рублей. — Я еще не был, я боюсь толпы, и потом, это тянется так долго, что домой возвращаются лишь после полуночи.

На днях моя маленькая сучка мне сделала сюрприз, к которому, однако, я некоторое время уже готовился. — Мы считали ее совершенной дитятей, а она вместо того приносит десять щенят, и все довольно хорошенькие. Она подцепила их в дороге, возвращаясь из М и х а й л о в с к о г о.

Врс., с. 786.

¹ Роткирх Владимир Иванович, фон (20 V 1809 — 11 XII 1889, ПН) — двоюродный племянник Н. О., троюродный брат О. С., внук Софьи Абрамовны Ганнибал (1759—1802), вышедшей за Адольфа Рейнгольда (Адама Карповича) фон Роткирха (*Модзалевский*. С. 61). Р. наследовал главное поместье отца своего Ивана Адамовича (1783—1832) и деда Адама Карповича (1746—1797), пожалованное последнему в 1797 г. Павлом I, — мызу Новопятницкое, близ Ямбурга. Старшей сестре Ивана Адамовича Надежде Адамовне Шемиот досталась Кайбола — деревня, также расположенная неподалеку от Ямбурга (ныне от усадьбы сохранился парк). — Н. О. с семьей ездила туда в 1827 г., на возвратном пути из Ревеля. Она писала Анне Петровне Керн 22 авг. 1827 г.: «Мы остаемся здесь еще до 14, и потом я поеду навестить моих кузин в окрестностях Нарвы» (ПД, ф. 244, оп. 20, № 48). Одновременно писала А. П. Керн и О. С.: «Мы проведем несколько дней у тетки моей Шемиот; как подумаю об этом свидании, у меня сердце замирает, и оттого мне хочется продлить наше пребывание здесь — вы знаете, кажется, что дочь ее Софи не существует более, и мама хочет непременно ко дню ее имени быть в Кайболе» (там же). [Упоминаемая Софи — София Павловна (р. 12 XII 1798), дочь полковника Павла Леонтьевича Шемиота (1769—1859) и Надежды Адамовны, урожд. Роткирх (1782—1856), жена Александра Федоровича Веймарна (1791—1882), впоследствии обер-прокурора Сената, действительного тайного советника и кавалера ордена Андрея Первозванного. Она скон-

чалась не ранее апреля 1827 г., произведя на свет четвертого младенца. Вдовец Веймарн женился на сестре ее Ольге Павловне Шемиот (29 XII 1802—19 I 1879), от которой имел еще четверых детей (Телетова Н. К. Родословная Ганнибалов. Рукопись). — *Прим. В. С.*] В 1812 г. в окрестностях Луги жил помещик Роткирх (несомненно из родственных Ганнибалам), упоминаемый Н. Н. Муравьевым-Карским в его «Записках»: «...без рук и без ног от рождения, с лапками по 6 пальцев вместо того и другого, но умен, приятен, образован» (РА. 1885. IX. С. 34). Вспомним у Пушкина в «Мариин Шонинг» — «фрау Ротберх»: не ассоциация ли с фамилией тетки его Роткирх?

² Владимир Иванович Роткирх женился на племяннице Александра Федоровича Веймарна (см. предыд. прим.), дочери его сестры Доротеи, в замужестве Ферсман (Verstmann), — Розалии Федоровне (28 VIII 1809—4 XI 1906). Брак их был бездетным. Поместье Новопятницкое было передано его родственникам Лелонгам, владевшим им до 1917 г. См.: Телетова Н. К. Родословная Ганнибалов. Рукопись. — *Прим. В. С.* Н. И. Павлищев поддерживал знакомство с А. Ф. Веймарном и женой его Ольгой Павловной, адрес которых («на Гр[еческом] пр[оспекте] в собственном доме») помечен в его записной книжке 1843 г. (ПД). В бумагах В. А. Жуковского, касающихся Пушкина, найдено было отношение штаба Отдельного гвардейского корпуса за подписью его брата Петра Федоровича Веймарна — об отправлении Жуковскому 16 605 р., собранных в Отдельном

гвардейском корпусе по подписке на посмертное Собрание сочинений Пушкина (*Псв.* XII. С. 37). А. П. Веймарн имел пятнадцать (!) братьев и сестер. О В. см.: Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей. Изд. 2-е. Т. 1—2. Пг., 1915—1918; Филипсон Г. И. Воспоминания // *РА.* 1883. V. С. 152; *Розен.* С. 13.

³ Бибикина Любовь Адамовна (7 X 1785—11 II 1855, *ПН*), урожд. Роткирх, двоюродная сестра Н. О.; в первом браке — за Бельгардом, во втором — за коллежским советником Бибиковым (по всей вероятности, братом Петра Ивановича Бибикина, которого родители Пушкина называют кузеном), тетка В. И. Роткирха (см. прим. 1). О Бельгардах (французские эмигранты) см.: Очерк жизни и деятельности генерал-лейтенанта А. А. Бельгарда // *РС.* 1900. Т. 103. С. 139.

⁴ Леман — имя и отчество не установлены. Упоминаемые в письме 76-м О. Ф. Потемкина и Фрейганги были в родстве с Леманом: тетка их Мария Максимовна, урожд. Брискорн, была за Леманом, бывшим управляющим князя Г. А. Потемкина (*Греч.* По указ.). В «Записках» Н. Н. Муравьева-Карского говорится об адъютанте генерала Сипягина Лемане (*РА.* 1886. С. 137) — по всей вероятности, Павле Михайловиче, декабристе (*Декабристы.* С. 100).

⁵ Соловой — Петрово-Соловово Григорий Федорович (2 X 1806—3 V 1879), кавалергард, с 1847 г. — камергер, 21 февраля 1834 г. женился на княжне Наталье Андреевне Гагарина (1787—1828), участника Шведской кампании, с 1826 г. — шталмейстера, и Екатерины Сергеевны, урожд. княжны Меншиковой (1794—1835). О П. С. и его жене см.: Панчулидзева С. А. Биографии кавалергардов. СПб., 1908; *Бутурлин.* 1901. XI. С. 402; Мещерский А. В., кн. Из моей старины // *РА.* 1901. III. С. 494; Чичерин Б. Н. Воспоминания. М., 1929. Т. I. С. 98.

⁶ Потемкина О. Ф.

⁷ Бобринский.

⁸ См. письмо 70, прим. 2. Сын Прасковьи

Артемьевны Тимофеевой Евгений Александрович Тимофеев (1818—1861) окончил Артиллерийское училище в Петербурге, куда определить его в 1834 г. приезжала мать (*Бутурлин.* 1897. I. С. 417).

⁹ Яковлева П. И.

¹⁰ Архарова Е. А.

¹¹ Новосильцева Е. А.

¹² Сестры Занден: Брок А. К., Лодыженская Е. К., Ноден А. К., Занден А. К.

¹³ Аничков В. И.

¹⁴ Энгель Ф. И.

¹⁵ Фурман С. С.

¹⁶ «La Rosière de Salency»* — трехактная пасторальная комедия в стихах Masson de Bezaу (музыка А.-Э.-М. Гретри, 1741—1813) и одноименные балет Новерра и пьеса Мадам Жанлис написаны были на тему французского предания о девице Саланси, которую за ее непорочность награждают венком из роз. Чрезвычайно популярная, комедия Masson de Bezaу была переделана в живые картины и в этом виде постоянно ставилась в конце XVIII и начале XIX в. при дворе и в высшем обществе Франции и России. См.: Пыляев М. И. Старый Петербург; письма М. А. Волковой и В. И. Ланской // *ВЕ.* 1875. № 8. С. 687; Соллогуб В. А. Воспитанница. (Повесть); Jules et Edmond de Goncourt. La femme au XVIII siècle. Paris, 1882. P. 440) и др.

¹⁷ «Немая из Портичи, или Фенелла» — опера знаменитого французского композитора Д.-Ф.-Э. Обера (1782—1871), написана была в 1828 г., с центральной партией Немой, исполняемой балериной. «На театре очень часто играют La muette de Portici, под названием «Фенелла», — записал 21 января 1834 г. в своем дневнике П. Г. Дивов. — Публика берет билеты с боя; одни стремятся видеть эту оперу из простого любопытства, другие из любви к музыке и прекрасным декорациям...» (*РС.* 1900. Т. 103. С. 187). «Anette Керн переводит Занда, — сообщила О. С. мужу 9 ноября 1835 г., — а Ивеличева переписывает ноты и на эти деньги нанимает ложу всякий раз, как дают Фенеллу» (*Псв.* XVII—XVIII. С. 190).

* «Избранница из Саланси» (франц.).

13 сего февраля [1834 г. Петербург]

Я не ответила на два твои письма, мой добрый друг, писав тебе накануне. Энгельгардта¹ я еще не видела, к великому моему сожалению, он пришел, когда нас не было дома, мне не терпится с ним познакомиться. Я получила твой план и очень тебе за него благодарна, Леон и Алексис Вульф, который провел здесь несколько дней, направляясь в Тверь, с удовольствием узнали комнаты, где они некогда были счастливы и соперники. Вчера приехала г-жа Осипова и Аннет² и живут у нас; я так рада была их снова увидеть, что не расстанусь с ними ни на минуту и сейчас пользуюсь их отсутствием, чтобы побеседовать с тобой; они пошли к г-же Бегичевой³. Соболевский⁴ не женится; он хочет тебе писать — благодарить тебя за твое к нему участие. Вот письмо от Катрин⁵, Аннет тебе напишет в субботу. Сонцовы не едут и, мало того, давно нам не пишут. Г-жа Яковлева⁶ уже в Москве. Кузина моя Тимофеева⁷ тоже уехала. Александр на отъезде, а в первых днях первой недели поста собирается и Натали, она навестит в деревне своих родителей и останется там до Августа. Александра сделали камер-юнкером, не спросив на то его согласия, это была нечаянность, от которой он не может опомниться. Никогда он того не желал.— Его жена теперь на всех балах, она была в Аничковом. Она много танцует, к счастью для себя не будучи брюхатой.— Дети очаровательны, мальчик хорошеет удивительно. Мари⁸ не меняется, но она слабенькая, едва ходит, у нее нет ни одного зуба. Она напоминает мою маленькую Софи⁹, не думаю, чтобы она долго прожила. Сашка¹⁰ большой любимец папы и всех, но мама, бабушка и я,— мы за Машу. Вишневские¹¹ уезжают послезавтра в Кострому к дочери своей Телепневой¹², которая зовет их к себе на житье, Лиз¹³ остается здесь, она определилась компаньонкой к г-же Шишкиной¹⁴, своей родственнице, за тысячу рублей. Сегодня пойду проститься с Софьей Михайловной, и проститься, вероятно, навеки, я никогда не буду в Костроме, а она больше не придет в Петербург. С тех пор как стала стара, я не люблю разлук.

Сего 14

Вчера меня прервала г-жа Сушкова¹⁵, которая пришла с нами обедать, вечером я прощалась с Вишневскими, мы, разумеется, поплакали с Софьей Михайловной; дай-то Бог, чтобы ей было спокойно последние дни ее жизни! Она поручила передать тебе тысячу нежностей, мой добрый друг, все семейство очень тебя любит, Лермонтов тоже там был, я нашла его весьма изменившимся, он бледен, худ и стар¹⁶. Только что получили письмо от Сонцовых, они больше не думают сюда ехать, это все нас они ждут. Вчера Леон представлялся Маршалу¹⁷, который принял его ласково и сказал ему, что во всех случаях, когда это будет нужно, он может на него рассчитывать и чтобы он обращался прямо к нему. Вот все мои новости, дорогой друг, я тороплюсь, времени мало, мы только что отпили чай с нашими добрыми соседками, потом до сей минуты проболтали, и вот я должна оставить перо. Будь здорова, целую тебя от всего сердца.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька!

Позавчера мы имели удовольствие получить твое письмо почти в тот самый момент, как приехали в Петербург и остановились у нас наши дорогие Тригорские соседки. Как и можешь вообразить, это очень нам было приятно.— Сейчас Мамá пьет с ними чай. Аннет, видимо, очень рада, что оказалась здесь, а я в восторге, что нахожусь под одной кровлей с людьми, в приязни коих мне сомневаться не дозволено, несмотря на мое большое недоверие к людскому роду, который весьма часто представляется мне плохим родом*. Ты скажешь, что это *мизантропия*, согласен, но вряд ли я не прав.

Вчера мы попрощались с Вишневыми.— Они завтра уезжают в Кострому по настоящему приглашению дочери их Марьи Гавр[иловны], у которой они устроятся, дабы у ней кончить дни свои. Она и муж ее давно склоняли их к этому решению. Они им строят дом и хотят избавиться от всех расходов, будучи счастливы, как они говорят в своем письме, что не имеют детей, дабы г-н и г-жа Вишневские, в свой черед, могли стать их детьми.— Лиз определилась компаньонкой и через месяц уезжает в Рязань. Отец один на все это делает гримасу и не может привыкнуть к мысли жить в деревне, невзирая на свое несчастное положение в Петербурге.— Дом твой очень удобен, и план его очень хорошо нарисован.— Леон и Вульф тотчас его узнали.— Этот круглый двор с железной решеткой, должно быть, очень красив.— Не нахожу, чтоб это было так далеко, улица Медова прилегает к Краковскому Предместью, а потом начинается Новый Свет. Дом очень хорош.

Прощай, дорогая, добрая и возлюбленная Олинька.— Целую тебя от всего сердца. Софья Михайловна мне поручила сказать тебе, что она очень тебя любит и что ты ее Душинька.— Эти дни Леон почти непрерывно был у нас и с нами.— Вчера он являлся Князю Паскевичу, который принял его как нельзя лучше, наговорив ему тысячу приятных вещей и предлагая свое заступничество всегда и повсюду, ежели когда-либо он в нем будет нуждаться.— Право, это очень лестно.— Прощай еще раз.

Пвл. ИВ. 88. X, с. 47.
Врс., с. 787.

¹ Энгельгардт — очевидно приехавший из Варшавы приятель Л. С. и Павлищевых. М. И. Глинка, вращавшийся в одном кругу с Павлищевыми и Л. С., упоминает Василия Павловича Энгельгардта (племянника Василия Васильевича Энгельгардта, которому Л. С. задолжал 1330 р., — см. XVI, 19), правоведа любителя музыки (Глинка М. И. Записки. М.; Л., 1930. По указ.). Возможно, речь идет о нем. В 1857 г. в Петербурге О. С. посещала Алекс[андра] Энгельгардт — не жена ли В. П. Энгельгардта? (ПД, ф. 221, оп. 2, № 6).

² Вульф А. Н.

³ Бегичева Екатерина Николаевна (26 XII

1774—19 I 1840), урожд. Вындомская, двоюродная сестра П. А. Осиповой. Дочери ее: Екатерина Ивановна, Анна Ивановна (ум. 1879) — впоследствии за адмиралом П. А. Колзиковым, и Павла Ивановна — за Я. А. Дашковым (мать известного собирателя П. Я. Дашкова). О Бегичевых см.: Вульф А. Н. Дневник // Псв. XXI—XXII. По указ. Письма А. И. Колзакова к А. Н. Вульфу // Псв. I. С. 159.

⁴ О неудавшейся женитьбе («кажется, на кн. Трубецкой») и холодном приеме, оказанном С. А. Соболевскому в свете, см.: Павлищев. С. 184.

⁵ Ивелич Е. М.

* Непереводимая игра слов: «...malgré ma grande méfiance du genre humain, qui fort souvent me paraît être un mauvais genre».

⁶ Яковлева П. И.

⁷ Тимофеева П. А.

⁸ Пушкина М. А.

⁹ Пушкина Софья Сергеевна (6 I 1809—12 IX 1810) — дочь Л. С. и Н. О. (Романюк С. К. Пушкины в Москве // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1982. С. 12).— *Прим. В. С.*

¹⁰ Пушкин А. А. «Что ты про Машу ничего не пишешь? — спрашивал Пушкин жену 2 окт. 1835 г.— Ведь я, хоть Сашка и любимец мой, а все люблю ее затея» (XVI, 53).

¹¹ Вишневецкие Г. Ф. и С. М.

¹² Телепнева Мария Гавриловна (2 IX 1798—

19 VIII 1854, МН), урожд. Вишневецкая. Муж ее — не брат ли Елены Сергеевны Телепневой, умершей в Праге в 1828 г. и в 1826 г. встречавшейся с Пушкиным у Ушаковых в Москве (отрывок из дневника — *Псв.* V. С. 119)? И. М. Снегирев в «Дневнике» (РА. 1902. Кн. 2. № 6—8. С. 564 и др.) упоминает также некоего переводчика Телепнева (Москва, 1825 г.).

¹³ Вишневецкая Е. Г.

¹⁴ Лицо неизвестное.

¹⁵ Сушкова А. П.

¹⁶ Лермонтов В. Н.

¹⁷ Паскевич И. Ф.

80 Надежда Осиповна:

3 сего Марта [1834 г. Петербург]

Я давно не писала тебе, дорогая Ольга, я даже не ответила на твое письмо от 15 Февраля, боюсь, не встревожило ли это тебя. Приезд г-жи Осиповой, или, вернее, болезнь ее дочери, которая расхворалась, едва приехав, отняли у меня все время. Особенно утра проходили в беготне, и когда я садилась тебе писать, то час отправки на почту уже истекал, я откладывала до будущей, и вот получилось, что 15 дней я не сказала тебе ни слова. Теперь Аннет¹ поправилась, у нее была нервная лихорадка. Она начала выходить, вчера утром мы были на спектакле, давали Фенеллу, которая здесь производит фурор. Масленая очень шумная, всякий день утром и вечером бал, спектакль — с Понедельника до Воскресенья²; Натали на всех балах, всегда хороша, элегантна, везде принята с лаской; она всякий день возвращается в 4 или 5 часов утра, обедает в 8, встает из-за стола, чтобы взяться за туалет и мчаться на бал; но она распрощается с этими удовольствиями, чрез две недели она едет в деревню к матери, где думает остаться шесть месяцев. Г-жа Осипова тоже скоро нас покинет — в конце первой недели поста.— Г-жа Керн³ несколько раз приходила к нам повидаться с этими дамами, она передает тебе тысячу нежностей, знаешь ты, что Нетти Вульф вышла замуж⁴, говорят, за человека очень порядочного и со средстами, она приедет в Петербург, дабы здесь поселиться. Что еще скажу тебе, мой добрый Друг? Выходы мои ограничиваются домами госпож Архаровой и Новосильцовой⁵, у меня нет экипажа, а часто нанимать я не хочу. Вчера я первый раз была на спектакле. Весна идет быстрыми шагами, мне хотелось бы пораньше уехать в Михайловское. Леону хочется прогуляться вокруг Света, а пока что он прогуливается по проспекту; он и Александр пристрастились к Соболевскому, они неразлучны, сей последний отпускает бороду, что делает его очень смешным и привлекает к нему все взоры. Зато и бывает он только в обществе холостяков⁶, из женщин его принимают лишь Княгиня Вяземская⁷, Ольга Одоевская⁸ и Софи Всеволожская. С тех пор как у нас Прасков[ья] Алек[сандровна], я редко выдаю Катрин Ивелич. Вообрази, мы не видели Энгельгардта⁹, не знаем, где он живет, и Папа́ никогда его не встречает, Леон пообещал его к нам привести, но ничего не сделал. Прощай, дорогая Ольга, пора отсылать письмо, будь здорова, веселись, будь счастлива сколько я того желаю, да хранит тебя Бог.

Сергей Львович:

Дорогая и возлюбленная Оленька!

Не кончить письмо свое поцелуем, а начать его им я хочу, и к тому же — самым нежным. — Мамá сейчас тебе все рассказала, что мы делаем, и я, ежели это возможно, еще более одинок и более домосед, чем она. — Г-жа Осипова оживила бы нас своим присутствием, но болезнь Анны Никол[аевны], которая достаточно была серьезна, омрачила это свидание; к счастью, ей лучше, хоть она и не совсем от нее отделалась. — Только что чрез некоего банкира я получил письмо от какого-то Гутта не то Готта¹⁰ из Варшавы, так намеранное, что не понять ни слова, кроме того, однако, что это кредитор Леона, которому тот должен более 400 флоринов за вина. — Мне невозможно уплатить ему в настоящий момент, и признаюсь, предмет и свойство сего долга меня огорчают, ибо, правда, он прекрасно мог без этого обойтись. Комми банкира, принесший мне письмо этого Гутта, должен прийти снова чрез 8 дней, я постараюсь уплатить немного и не смогу платить иначе как по частям. — Впрочем, молодой человек, который принес письмо, не уполномочен получать здесь деньги. — Нельзя ли послать их тебе? Словом, не знаю, как мне уладить с сим Господином, но уладить надо. —

Прощай, Душинька, будь счастлива и здорова. — Ваша Масленица прошла давно, наша приходит к концу. — Весна идет быстрыми шагами. — Унесла бы она меня отсюда, я так хочу воротиться в деревню, что уж более на то не надеюсь. Я предвижу столько препятствий¹¹.

Пвл. ИВ. 88. X, с. 50.
Врс., с. 787

¹ Вульф А. Н.

² «Ну уж и масленица! — писал К. Я. Булгаков брату 26 февр. 1834 г. — Всякий день балы. Сегодня у Шуваловых, завтра у Лазаревых, и французские артисты дают маскарад в пользу какой-то вдовы, на который также много собираются; в среду у австрийского посла, в пятницу у кн. Волконского, в субботу детский маскарад во дворце, а в воскресенье, говорят, маленький бал в Аничковом дворце, так как кн. Кочубей еще не здоров и не может дать обыкновенного своего танцевального дня» (РА. 1904. III. С. 410). О балах на масленой неделе 1834 г. см.: *Дневник М. С.* 7, 92; письмо Пушкина П. В. Нащокину — XV, 117.

³ Керн А. П.

⁴ Нетти (Netty) Вульф — Вульф Анна Ивановна (1799 — 26 IX 1835), племянница П. А. Осиповой по первому мужу, дочь И. И. Вульфа (1776 — 1860), женатого на Надежде Гавриловне Борзовой. 7 февраля 1834 г. вышла за Василия Ивановича (Федора Вильгельма) Трувеллера, поручика Корпуса инженеров путей сообщения, через полтора года скончалась от родов, произведя на свет дочь Анну, впоследствии Черемиснову (ум. 21 X

1908). Пушкин увлекался В., поминал ее в письмах к брату, А. П. Керн, П. А. Осиповой и А. Н. Вульфу и написал ей шутивное стихотворение «За Netty сердцем я летаю...» (1828). О В. см.: Колосов В. А. С. Пушкин в Тверской губернии в 1827 г. Тверь, 1888. С. 28; Вульф А. Н. *Дневник // Псв. XXI—XXII*; его же письма к сестре // Там же; Письма Ан. Н. Вульф // *Псв. XXII; Письма. II*. С. 66. О В. И. Трувеллере см.: письма А. Н. Вульф к Е. Н. Вревской. 1835 и 1836 гг. // *Псв. XXII*. С. 319 и 329.

⁵ Новосильцева Е. А., которая жила в собственном доме на Миллионной, а Архарова и Пушкины на Гагаринской. — *Прим. В. С.*

⁶ Соболевский — см. письмо 72, прим. 5. Пушкин писал жене 14 июля 1834 г.: «Лев Сергеевич очень себя ду[рно] * ведет (...) Соболевский им руководствует, и что уж они делают, то Господь ведает. Оба довольно пусты» (XV, 181). Причина, почему Соболевский мог показаться только в обществе холостяков, заключается в запрещении в николаевское время дворянам носить бороду, каковая у Соболев-

* В оригинале прорвано.

ского была (моду эту он вывез из Франции). Комический эпизод встречи Соболевского, Пушкина и графа В. А. Соллогуба на Невском с Николаем I (причем Соболевскому пришлось скрыться в подворотню) рассказывает граф В. А. Соллогуб (Пережитые дни // Соллогуб В. А., гр. Во поминания. М.; Л., 1931. С. 565).

⁷ Вяземская В. Ф.

⁸ Одоевская Ольга Степановна, княгиня (11 I 1797—18 V 1872, МН), урожд. Ланская, сестра будущего министра внутренних дел Сергея Степановича Ланского,— с 1829 г. жена князя Владимира Федоровича Одоевского (30 VII 1804—27 II 1869), известного писателя, философа, музыканта и ученого, впоследствии сенатора и директора Румянцева музея. Об О. см.: Загоскин С. М. Воспоминания // ИВ. 1900. VIII. С. 425; Ленц В. В. Приключения лифляндца в Петербурге // РА. 1878. I. С. 440; Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1928. С. 142; Долгоруков П. В. Петербургские очерки: Pamфлеты эмигранта. М., 1934. С. 325, 425. О салоне О. С. и В. Ф. Одоевских: Аронсон М. и Рейсер С. Литературные кружки и салоны. Л., 1929. С. 171.

⁹ Энгельгардт — кто точно, неизвестно.

¹⁰ ...какого-то Гутта не то Готта — имеется в виду Гут, содержатель винного погреба на Медовой улице (Бутурлин. 1897. Кн. 2. № 7. С. 384). «Уезжая из Варшавы в начале 1834 г., Лев Серг(еевич) угостил на прощанье зесь Финляндский драгунский полк в ресторане не-

когого Гута, вследствие чего получился знаменитый Гутовский долг капитана, очень беспокоивший Ал[ександра] Серг[еевича]» (Павлищев Л. Н. Семейная хроника // РС. 1896. IX. С. 562). Пушкин писал Л. С. 3 июня 1836 г.: «Из мелочных не заплачен долг Гута, и некоторые другие, которые ты знаешь...» (XVI, 124). Долг Гуту не был заплачен до конца 1840-х гг. О. С. писала мужу 16 сент. 1848 г. из Петербурга: «Брат тебя просит прислать счет того, что он должен Гуту, он был уверен, что он ему заплатил или что заплатил Александр. Он весь вспыхнул, как узнал про этот долг, с первой почтой пришли Рахунек Гута» (ПД, ф. 244, оп. 20, № 94).

¹¹ Пушкин писал в конце марта 1834 г. П. В. Нащокину: «Обстоятельства мои затруднились еще вот по какому случаю: на днях отец мой посылает за мною. Прихожу — нахожу его в слезах, мать в пост(ел)е. [в оригинале порвано] — весь дом в ужасном беспокойстве. Что такое? именьце описывают. — Надо скорее заплатить долг. — Уж долг заплачен. Вот и письмо управителя. — О чем же горе? — Жить нечем до октября. — Поезжайте в деревню. — Не с чем. [Курсив Пушкина]. — Что делать? Надо взять именьце в руки, а отцу назначить содержание. Новые долги, новые хлопоты. А надобно: я желал бы и успокоить старость отца, и устроить дела брата Льва...» (XV, 117). «В прошлом году именьце описывали 5 раз!» — сообщала О. С. мужу 12 сент. 1835 г. (Псв. XVII—XVIII. С. 165).

81 Надежда Осиповна:

Петербург 9 сего Марта [1834 г.]

Вчера я получила твое письмо от 28 Февраля, дорогая Ольга, я писала тебе восемь дней назад. Вот и масленая кончилась, никогда не бывала она столь шумной, все наши прекрасные Дамы изнемогают от усталости. В воскресенье вечером на последнем балу при дворе Натали сделалось дурно после двух туров Мазурки; едва поспела она удалиться в уборную Императрицы, как почувствовала боли такие сильные, что, воротившись домой, выкинула¹. И вот она пластом лежит в постели после того, как прыгала всю зиму и, наконец, всю масленую, будучи два месяца брюхата. Напрасно говорила я, что она брюхата. Тетка ее утверждала противное, и племянница продолжала танцевать. Теперь они удивлены, что я была права. Г-жа Осипова, к великому моему сожалению, уезжает через два дня, но меня утешает надежда вскоре соединиться с нею в деревне. Аннет² совсем выздоровела, они ушли к обеду, а я, чувствуя себя не очень хорошо, осталась дома побеседовать с тобой, мой добрый друг. Аннет тоже тебе сегодня напишет, она, наверное, расскажет тебе про Нетти Трувеллер³, которая здесь. Говорила я тебе, что Иван Малиновский женился на м-ль Пушиной⁴, с которой знаком 20 лет? Анна Андреевна Самборская приехала только что из Ревеля со своими новобрачными Вольховскими⁵. Свадьбы Марьи Васильевны и Ивана Васильевича совершились в один день, теперь все семейство в сборе, они очень счастливы, и Анна Андре-

евна радуется их блаженству; чрез три недели она едет в Тифлис с Вольховскими и маленьким Энни⁶, который прелестен. Как новость скажу тебе, что м-ль Бакунина выходит за г-на Полторацкого⁷, двоюродного брата г-жи Керн, свадьба будет после Пасхи. Ей 40 лет, он немолод, вдов, без детей и с состоянием, говорят, он два года как влюблен.— Вчера Катрин⁸ была у нас; мой добрый друг,— м-ль Неймиц, провела у нас день, она познакомилась с Аннет, которая нашла ее хорошенькой, я этого не скажу, но, правда, у нее нет больше той бледности, которая придавала ей вид мертвой; не знаю, как она живет, эта бедная девушка, имея всего триста рублей дохода. Она без места, занимает маленькую комнатку на Владимирской, обедает у г-жи Чоглоковой⁹, время от времени у нас или у Карамзиных. Вишневы¹⁰ в Костроме, Лиз¹¹ здесь у г-жи Шишкиной¹², я ее еще не видала после отъезда ее родителей; вообрази, г-жа Фурман¹³, зайдя к нам лишь раз и не застав меня дома, более не приходила. Ты права, говоря, что Леон был бы больше польщен памятью Мари¹⁴, нежели г-жи Вольф¹⁵. Алексис Вульф в Тверской деревне, но он будет в Тригорском, все Вревские¹⁶, Сердобины¹⁷, и Шенех¹⁸ собираются во Врев. Г-жа Креницына¹⁹ навсегда покинула деревню, она намерена жить в Петербурге. Все мои новости, но ты-то, ты не сообщашешь мне ту, которая всего более меня интересуется: говорят, ты брюхата²⁰, Нетти сказала это г-же Керн²¹, правда это? Ты обещала ничего от меня не скрывать. Прощай, целую тебя очень нежно.

Сергей Львович:

Мамá рассказала тебе все новости, дорогая Олинька, хорошие и дурные; Натали легче, но еще не совсем это кончилось.— Когда я слышу разговоры о том, что в ней происходит, и когда подумаю, что ты в том же была положении,— меня мороз по коже подирает.— Александр рассеян более чем когда-либо, но я, однако, не премину сказать ему о твоих билетах и взять их.— Это не то чтоб они были ему в тягость, но он более чем забывчив.— Г-жа Осипова уезжает завтра.— Чтобы воротиться, она вынуждена была нанять здесь коляску за 125 р. в неделю,— санного пути более не существует.— Г-н Малиновский, Иван, очень счастлив: он женился на М-ль Пущиной, сестре Лицейского, которая кажется очень доброй, очень приветливой, при осанке и приемах совершенно какой-нибудь Lady или Mistress. Чтобы не сказать, что она определенного возраста, скажу, что она возраста неопределенного, но и он тоже немолод, и они подходят друг другу во всех отношениях. Не могу выразить, с каким удовольствием все семейство новобрачных и Анна Андреевна со мной встретились.— Это весьма меня тронуло, и радость столь дружественного приема посещает меня весьма редко. Прощай, дорогая Олинька, целую тебя от всей души. Как Анна [Ни] [колаевна] просила и ее письмом вложить в наш пакет, то кончаю, ибо он станет слишком толст, и притом, дорогой друг, говорить тебе мне не о чем, кроме как о своей привязанности к тебе.— Сие не новость, но мне приятно это тебе повторять. Прощай, Душинька. Адрес Сонцовых на Остоженке против коммерческого училища в доме Лощаковского.

¹ См. письмо Пушкина к П. В. Нащокину от конца марта 1834 г. (XV, 897).

² Вульф А. Н.

³ Трувеллер А. И.

⁴ См. письмо 45, прим. 10.

⁵ См. письмо 76, прим. 35.

⁶ Розен Е. А.

⁷ Бакунина Екатерина Павловна (9 II 1795—7 XII 1869), дочь действительного камергера П. П. Бакунина (24 V 1766—24 XII 1805), женатого на Екатерине Александровне Саблуковой,—одна из любимейших фрейлин императрицы Елизаветы Алексеевны, сестра товарища Пушкина по Лицею А. П. Бакунина, впоследствии тверского губернатора. В 1834 г., 30 апреля, вышла за Александра Александровича Полторацкого (7 VII 1792—13 III 1855), отставного гвардии офицера и помещика, брата кишиневского приятеля Пушкина М. А. Полторацкого. «Она (Е. П. Бакунина) так счастлива, что плачет от радости»,— писала по поводу предстоящей свадьбы фрейлина А. С. Шереметева (*Лернер. Рассказы*. С. 64). Б., с которой Пушкин познакомился в Царском Селе в лицейские годы, была его первой любовью. О ней говорит он в дневнике 1815 г., ей посвятил романс «К живописцу», положенный на музыку другим лириком — Н. А. Корсаковым, ее имя он включил в так называемый «донжуанский список». Выйдя замуж, Б., талантливая художница (ученица К. П. Брюллова), уехала в деревню — «похоронила себя где-то в деревне», по выражению барона М. А. Корфа (*Псв.* VIII. С. 26). О Б. см.: *Гастфрейнд*. С. 194; *Лернер. Рассказы*. С. 57; Брюсов В. Я. Первая любовь Пушкина (Е. П. Бакунина) // Пушкин. Соч. / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., Т. I. 1908. С. 284; *Майков*. С. 62; Вересаев В. В. Спутники Пушкина. М., 1937. Т. I. С. 103; *Псв.* II. С. 173.

⁸ Ивелич Е. М.— см. письмо 56, прим. 9.

⁹ Чоглокова — возможно, Елизавета Андреевна, урожд. Мартынова, двоюродная сестра знакомых Пушкиным К. Я. и А. Я. Булгаковых (*РА*. 1902. IV. С. 618), дочь академика живописи Андрея Ефимовича Мартынова и сестра известного художника-баталиста А. А. Мартынова. Замужем за Авениром Александровичем Чоглоковым, «человеком весьма добрым и богатым, страстным к портретной живописи» (Имберг А. О. Из записной книжки // *РА*. 1870. II. С. 376). Ч.— по матери двоюродная племянница знаменитого псковича, партизана 1812 г., А. С. Фигнера.

¹⁰ Вишневские Г. Ф. и С. М.

¹¹ Вишневская Е. Г.

¹² Лицо неизвестное.

¹³ Фурман А. Н.

¹⁴ Лицо неизвестное.

¹⁵ Вольф (Вольша, как зовет ее А. Н. Вульф) — варшавская дама, приятельница Л. С. и А. Н. Вульфа. «Он (Л. С.) меня завел здесь и к своей знакомой — г-же Вольф, где я бываю по вечерам; она приняла меня сначала более чем с распростертыми объятиями, но, заметив, что меня одурить ей не удалось, она возвратилась ко Льву и продолжает с ним проде-

лывать разные фарсы» (А. Н. Вульф и его дневник (запись 15 июня 1832 г.) // *Майков*. С. 179 и др.; письмо А. Н. Вульфа к сестре // *Псв.* I. С. 97 и 99). В., возможно, жена варшавского доктора Морица Вольфа, которого в своих «Записках» упоминает М. И. Глинка: «Бывший в то время добрый мой знакомый Кастриното-Сканденберг, хороший музыкант, познакомил меня с доктором Морицом Вольфом, с которым я очень сблизился впоследствии и который постоянно был моим доктором в Варшаве» (М.; Л., 1930. С. 331).

¹⁶ Вревские — барон Б. А. Вревский с женой и его братья Степан, Александр, Павел и Ипполит. Из них известны: барон Павел Александрович (1809—2 VIII 1855), женат первым браком на Марии Сергеевне Ланской (ум. 1845), вторым — на Анастасии Сергеевне Храповицкой (29 XI 1812—16 IX 1889), урожд. княжне Щербатовой (*Власьев*. Т. I. Ч. III. С. 288); генерал-лейтенант, вице-директор канцелярии Военного министерства (*Затворницкий*. Ч. I. С. 633; III. Ч. I. С. 321) — П. А. был убит в Крымской кампании при реке Черной и похоронен на Бахметьевском военном кладбище (Чернопятов В. И. Некрополь Крымского полуострова. М., 1910. С. 85). П. А., ученик П. А. Плетнева, перевел на французский язык отрывок из «Полтавы» и «Клевлетникам России», и переводы его «могут считаться в числе хороших переводов Пушкина на французский язык» (Гофман М. Из Вревского архива // *Псв.* XXI—XXII. С. 357. Переводы см. там же). О П. А. см.: *Бутурлин*. 1897. III. С. 362, 524; Зотов В. Р. Из воспоминаний // *ИВ*. 1890. I. С. 30; барон Ипполит Александрович — командир Навагинского полка, впоследствии генерал-лейтенант, убит в 1858 г. при штурме аула Китурсе (*РА*. 1904. I. С. 149). Был женат на Юлии Петровне Варпаховской (см. о ней: Соллогуб В. А., гр. Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 497). Об И. А. см.: Беляев А. П. Воспоминания о пережитом и перечувствованном с 1803 г. // *РС*. 1881. Т. 32. С. 700; Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе // *РА*. 1885. V. С. 139; Филипсон Г. И. Воспоминания // *РА*. 1883. VI. С. 284. Сестра баронов Вревских Мария Александровна была за Трескиным, начальником штаба войск Кавказской линии, генералом.

¹⁷ Сердобин Михаил Николаевич, барон (16 VIII 1802 — не ранее 1851), единокровный брат баронов Вревских (получил фамилию по месту своего рождения — имению отца, князя А. Б. Куракина — с. Надеждино Сердобского у. Саратовской губ. (*РС*. 1887. XII. С. 618, сообщ. Горбунова), служащий IV отделения собственной его величества канцелярии. С. очень тепло относился к старикам Пушкиным: «Старый Пушкин (...) хочет навсегда поселиться в Михайловском, — если не в этом году, то в будущем. Это доброе у вас будет соседство — чего эта напоминает Филемона и Бавкиду, и это люди чрезвычайно почтенные. Если в один прекрасный день я стану вашим соседом, мне очень приятно будет их посещать, потому что это люди хорошего общества» (*Псв.* XXI—XXII). Письмо

С. к С. Л. по поводу смерти Пушкина — см.: *Псв.* VIII. С. 64; письма его к П. А. Вревскому: *Псв.* XXI—XXII. О С. см.: *РС.* 1883. VIII. С. 339; А. Н. Вульф и его дневник // *Майков.* С. 208; Куракина Н. И., кн. Дневник. М., 1903. С. 36 и др.; *Вигель.* Ч. I. С. 162.

¹⁸ Шенех — Шениг Николай Игнатьевич (16 IX 1797—13 VI 1860), помещик сельца Духова близ Острова и островский предводитель дворянства в 1853—1858 и 1859—1861 гг. (*Спк.* Вып. I. С. 150), масон, полковник Главного штаба, участник Турецкой кампании, товарищ В. Д. Вольховского (письмо 76). Был женат на баронессе Марии Николаевне Сердобинной (*Власьев.* Т. I. Ч. II. С. 328). Одно время Н. И. Шенигом увлекалась М. И. Осипова. «6-го уехал от нас Ник[олай] Игн[атьевич], — писала Е. Н. Вревская А. Н. Вульфу 10 сент. 1836 г. — Он заменил Пушкина в сердце Маши. Она целые три дня плакала об его отъезде и отдаст ему такое преимущество над поэтом, что и сравнивать их не хочет. Я рада этой перемене: Н[иколай] Игн[атьевич] никогда не воспользуется этим благорасположением, что об Пушкине никак нельзя сказать» (*Псв.* XIX. С. 108). Воспоминания Ш.—*РА.* 1880 и 1881 гг. О Ш. см.: А. Н. Вульф и его дневник // *Майков.* С. 216; *Псв.* I. С. 17, 61; VIII. С. 63; *Павлицев.* С. 342; *Бутурлин.* 1897.

Кн. 2. № 7. С. 367; *РА.* 1880. III. С. 326; письма кн. А. Б. Куракина к имп. Марии Федоровне // *РА.* 1868; *РА.* 1901. XI. С. 406; Тарасов Д. К. Император Александр I. Пг., 1915. С. 150; Мережковский Д. С. Александр I. (Роман). (Шениг упоминается с отчеством Иванович). Об отце Ш.— штабс-лекаре И. И. Шениге см.: Долгорукий И. М., кн. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц... М., 1890. 2-е изд. С. 141.

¹⁹ Креницына П. Н.

²⁰ «Не могу в себя прийти от изумления насчет Ольги, но уверены ли вы в этом? — писала А. Н. Вульф Н. Н. Пушкиной 28 июня 1834 г.— Приятно было бы ее увидеть когда-нибудь матерью; кажется, она покорно последовала советам своей подруги Харлинской, которая перед отъездом самым сентиментальным образом умоляла ее любить своего мужа и быть доброй женой» (*Лернер. Рассказы.* С. 22). Ал. Н. Вульф тоже откликнулся на разошедший слух: «Ольга Серг[еевна] немного поздно принялась за материнское дело, и я любопытен знать, один ли Павлицев помогает ей» (письмо к А. Н. Вульф от 30 июня 1834 г. // *Псв.* I. С. 11). «Сестра Ольга Сергеевна выкинула и опять брюхата. Чудеса да и только», — писал Пушкин П. В. Нащокину в конце марта 1834 г. (XV, 118).

²¹ Керн А. П.

82 Надежда Осиповна:

23 сего Марта [1834 г. Петербург]

Вчера, дорогая Ольга, мы получили твое письмо от 15-го. Эпидемия, свирепствующая у вас, сильно меня тревожит, да хранит тебя Бог, воображая, как неприятно быть окруженной больными и не иметь никого для услуг. Косоглазая, и здоровой будучи, всегда была как шальная, какова же она теперь, в болезни! Ты заставляешь меня смеяться, дорогой друг, когда говоришь о твоих добрых друзьях — врачах. Я не очень-то их люблю, но есть исключения, и я скажу тебе, что Спаской¹ только что мне помог. Я хворала и еще не выхожу даже подышать свежим воздухом, но зато через день принимаю ванны, лекарства я глотаю уже три недели, это все эта проклятая желчь меня мучает, я вся была желтая, теперь легче, благодаря Бога и Спаского. Натали тоже на ногах и чрез две недели отправляется в Москву. Погода у нас прекрасная, снегу больше ни капли, что за чудное солнце, завтра надеюсь несколько подышать воздухом, мне позволяют сделать небольшую прогулку в коляске. Я уже два раза играла в вист с г-жами Сушковой² и Княжниной³. Софи Неймиш часто меня навещает и приносит мне книги, которые дает ей Мещерский⁴. Сейчас я читаю *les heures du soir ou livre des femmes*⁵, это очень мило. Я прочла *Marelórico Дюканжа*⁶, *Soeug Appe Поль де Кока* и несколько других романов, итак ты видишь, что я не очень уж слаба, раз поглощаю книги с таким удовольствием.

М-ль Кочетова⁷ и м-ль Пушина⁸ тоже меня навещают, моя добрая Архарет⁹ совсем расхворалась, посылает обо мне справляться. Г-жа Осипова уже во Пскове, она приезжала повидаться с кузинами своими Кашкиными¹⁰, которые были здесь из-за Племянницы их г-жи Грессер, рожденной Кашкиной¹¹. Аннет¹² много выезжала последние дни своего пребывания в Петербурге, она постоянно бывала с г-жей Нетти¹³, А. П. Керн и Бегичевыми¹⁴, после болезни она не похудела. Твоя мысль приехать нас повидать мне улыбается, дорогая Ольга, но я не смею отдаться этой сладостной надежде, я устала всегда надеяться, мысли розового цвета давно меня оставили, я не смею думать о будущем, да исполнится Божья воля.

Скажу тебе новость, которая тебя несомненно порадует: г-жа Княжнина будет жить в Варшаве, зять ее князь Хованский¹⁵ вступает в должность при г-не Головине¹⁶; она не хочет разлучаться со своими детьми и покидает Петербург. Их сопровождает и м-ль Цебрикова¹⁷, тем временем она собирается тебе писать. Вера¹⁸ брюхата, родит она в Варшаве в июне или июле месяце. Я редко выдаю г-жу Симанскую¹⁹, она все у Кашкиных и г-жи Стерич²⁰, Ключфелей я еще не видела, что до Мари, то, полагаю, она в родах²¹. На днях были у нас новобрачные Марья Васильевна Вольховская со своим мужем. Скоро они уезжают в Тифлис, Анна Андреевна²² едет с ними. Этим летом у нас на Черной Речке будут воды²³, «ми»²⁴ уже взяли дачу. Софи Всеволожская ждет сестер своих из Берлина²⁵, они тоже будут жить на даче на Черной речке, Двор будет на Елагином. Вот все новости. Забыла рассказать тебе про Талызиных, которые очень тебя любят; они взяли прошлогоднюю, знакомую тебе дачу на Крестовском. Старик²⁶ все в прежнем положении слабости физической и моральной. Горбушка²⁷ все спрашивает у меня твоего ответа насчет той девицы, забыла, как ее зовут, я этой зимой тебе о ней говорила, речь шла о некоторых о ней справках. Прощай, мой добрый друг, будь здорова. Все твои приятельницы передают тебе тысячу милых вещей. Катрин Ивелич будет играть в комедии, репетиции идут два месяца, Каратыгина²⁸ дает им уроки, это будет совершенство, мне досадно, что я не увижу, ибо спектакль состоится скоро, Бог знает, когда мне можно будет выходить, сегодня вот идет снег после хорошей погоды, которая стояла все эти дни. Прощай, надеюсь, что больные твои выздоровели. Целую тебя очень нежно, вышло длинное письмо, пора отсылать.

Сергей Львович:

24 марта

Дорогая Олинька, Мама сообщила тебе о своем нездоровье. Ей легче, но оно могло стать серьезным, тем более что она скрывала, что чувствует, продолжала выходить, дабы меня не встревожить, а кончила признанием, что хотела бы посоветоваться со Спаским, который, хоть я и не очень верю врачам, однако весьма ей помог и мне тоже.

Сколько утешения доставило мне одно твое желание приехать нас повидать! Подчас я тешу себя мыслью, что ты не стала бы говорить нам об этой поездке, ежели б не имела надежды ее осуществить, но как ты это сделаешь? Я знаю, что это мне должно обеспечить тебе это путешествие, но именно в настоящий момент я нахожусь в наибольшем затруднении — я не знаю, как улажу дела Леона! Я никак не могу заплатить его долгов сейчас и прежде, чем приму надлежащие меры; это требует времени, я уплатил бы проценты за несколько месяцев, ежели только согласятся их принять, но мне неизвестно, до какой суммы доходят его долги.

Я думал частями уплатить долг Гутта²⁹ — теперь не знаю, должен ли я это делать, тогда все падет на мои плечи. Правда, я предупредил комми Гутта, что не смогу расплатиться иначе как внося долг по частям.

Натали едет в Москву. Она очень исхудала. Надеюсь, деревня ей будет благоприятна, как и маленькой, которая еще едва ходит и не говорит.— Дорогая Олинъка! — Мои затруднения не помешают мне, однако, делать все возможное, дабы в ближайшее время выслать тебе что смогу.— Без этого я не сумею быть спокойным, я думаю об этом день и ночь. Прощай, душинъка! Сегодняшнее мое письмо весьма скучно, но я так озабочен все одним и тем же предметом, что не могу выразить никакой иной мысли.— Все они тонут в этой главнейшей.— Целую тебя очень нежно. Да хранит тебя Бог. Да услышит Он мои молитвы о твоём счастье и благоденствии, с коими обращаюсь к Нему всякий день.— Будь здорова. Твои больные очень меня тревожат, быть может, это снова какая-нибудь эпидемия? Не пренебрегай никакой предосторожностью.

¹ Спасской — Спасский Иван Тимофеевич (1795—13 I 1861), действительный статский советник, доктор медицины, профессор Медико-хирургической академии. С. был домашним врачом у Пушкина и лечил его в предсмертной болезни, как и Н. О. О С. см.: А. С. Пушкин. Письма к жене. Л., 1986. По указ; *Псв.* XVII—XVIII. С. 184; *РС.* 1880. VII. С. 331; Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1928. С. 88; Каменская М. Ф. Воспоминания // *ИВ.* 1849. VII. С. 45; Шеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. Изд. 3-е. М.; Л., 1928. По указ.

² Сушкова А. П.

³ Княжнина В. А.

⁴ Мещерский Петр Иванович, князь (26 V 1802—15 IV 1876), гвардейский полковник в отставке, муж Е. Н. Карамзиной (22 IX 1806—10 XI 1867), на которой женился в 1828 г. вторым браком (первая его жена — Екатерина Сергеевна Кагульская, дочь графа С. П. Румянцева). Их сын — редактор и основатель журнала «Гражданин» — князь В. П. Мещерский. О Е. Н. см.: Мещерский В. П., кн. Мои воспоминания. СПб., 1897. Ч. I; статью В. Б. // *ИВ.* 1887. С. 465; *Письма.* III. С. 445; *ОА.* III. С. 600; письмо кн. Е. Н. о смерти Пушкина — *Псв.* VI. С. 94.

⁵ Не спутала ли Н. О. заглавия? Может быть, это «Bibliothèque des dames», упоминаемая Н. В. Гоголем в письме М. П. Косаровскому от 3 окт. 1827 г.: «...я читаю "Bibliothèque des dames"». Очень хорошее издание. Здесь найдете все. Я читаю путешествие во все страны» (Гоголь Н. В. Письма: В 4-х т. Т. I. СПб., 1901).

⁶ Дюканж Виктор Анри Жозеф (1783—1833), французский драматург и романист, автор некогда очень популярных романов («Старец из Кале», «Альберт», «Валентина» и др.) и знаменитой мелодрамы «Тридцать лет, или Жизнь игрока», которая обошла все европейские сцены, в том числе и русскую.

⁷ Кочетова Е. Н.

⁸ Одна из сестер Пушкиных.

⁹ Архарова Е. А.

¹⁰ Кашкины Екатерина Евгеньевна (26 X 1781—19 X 1846) и Елизавета Евгеньевна (17 II 1786—4 XII 1834) — дочери Евгения Петровича Кашкина, генерал-аншефа, генерал-губернатора тульского и калужского, женатого на Екатерине Ивановне, урожд. Сафоновой; сестры А. Е. Боборыкиной, двоюродные сестры (по матери) П. А. Осиповой. А. Н. Вульф записал 19 февраля 1834 г. в своем дневнике: «...представлялся я родственникам и приятельницам матери — господам Кашкиным, на свидание с коими мать теперь поехала...» (*Майков.* С. 208). О К. см.: Кашкин Н. Н. Родословные разведки. СПб., 1912. Т. II. С. 543; Сабанеева Е. А. Воспоминания о былом: Из семейной хроники. 1770—1838. СПб., 1914. По указ.; Раевская Е. И. Воспоминания // *ИВ.* 1898. Т. 74. № 12 и *РА.* 1883. Кн. 2. № 4. Письма Е. Е. Кашкиной к П. А. Осиповой — *Псв.* I. С. 65.

¹¹ Грессер Варвара Николаевна (10 XII 1810—15 II 1839, *ПН*), урожд. Кашкина, племянница Екатерины Евгеньевны и Елизаветы Евгеньевны Кашкиных, дочь их брата, тайного советника Николая Евгеньевича (2 IX 1769—18 V 1827, *МН*) и Анны Гавриловны, урожд. Бахметьевой (1777—30 I 1825); замужем с 1833 г. за Александром Александровичем Грессером, адъютантом великого князя Михаила Павловича. Оставшись в 1827 г. круглой сиротой, она перешла на попечение страстно любившей ее тетки Екатерины Евгеньевны, которая, выдав племянницу замуж, старалась, по совету П. А. Осиповой, содействовать сближению Г. с блиставшей в свете Н. Н. Пушкиной (*Псв.* I. С. 66). Обе тетушки Кашкины приехали в Петербург в декабре 1833 г. ухаживать за больной после неудачных родов Г. «Говорила я вам, — писала Н. О. Е. Н. Вревской 26 дек. 1833 г., — что ваши кузины Кашкины Катер(ина) Евг(еньевна) и Елисавет(а) Евг(еньевна) в Петербурге, племянница их

Грессер разрешилась семимесячным ребенком. Он умер, прожив несколько дней» (*ЛД*, ф. 244, оп. 20, № 47). О Г. см.: Кашкин Н. Н. Родословные разведки. СПб. 1912. Т. II. С. 491 и далее; Сабанеева Е. А. Воспоминания о былом: Из семейной хроники 1770—1838. СПб., 1914. С. 79 и др.

¹² Вульф А. Н.

¹³ Трувеллер А. И.

¹⁴ Бегичева Е. Н. с дочерьми.

¹⁵ Хованский А. П., князь.

¹⁶ Головин Евгений Александрович (1782—1858), генерал от инфантерии, командир лейб-гвардии егерского полка, с 1828 по 1837 г.— варшавский военный губернатор, впоследствии командир Кавказского отдельного корпуса, генерал-губернатор Прибалтийского края, член Государственного совета. Автор нескольких ученых трудов по военным вопросам. Принадлежал к хлыстовской секте Е. Ф. Татариновой (*Вигель*. Т. II. С. 171; Пыляев М. И. Старый Петербург: Рассказы из былой жизни столицы. Изд. 3. СПб., 1903. С. 391. О нем см.: *РВ*. 1892. Кн. 1; письма К. Я. Булгакова к брату//*РА*. 1904, III. С. 409.

¹⁷ Цебрикова Н. Р.

¹⁸ Хованская В. А., княгиня.

¹⁹ Симанская Е. Л.

²⁰ Стерич, или Штерич С. И.

²¹ Гаевская М. Е.

²² Самборская А. А.

²³ См. письмо 51, прим. 14.

²⁴ Ми-би — сестры Занден.

²⁵ Сестра С. И. Всеволожской — А. И. Мансурова с мужем.

²⁶ Мансуров П. А.

²⁷ Тальзина Т. Д.

²⁸ Каратыгина Александра Михайловна (4 II 1802—7 III 1880), урожд. Колосова, известная трагическая актриса, дочь танцовщицы Е. И. Колосовой, с 1827 г.— жена знаменитого трагика В. А. Каратыгина. Знакомство К. с Пушкиными и Ивеличами датируется 1819 г., когда Пушкины жили на Фонтанке близ Калинкина моста в доме Клокачева и на Страстной неделе говели вместе в церкви Театрального училища на Офицерской улице, у Большого театра. Тогда Пушкин написал на К. эпиграмму «Все пленяет нас в Эсфири», очень ее обидевшую, но в 1821 г. посвятил ей стихотворение «Кто мне пришлет ее портрет...» и в 1827 г. посетил ее с П. А. Катениным. Воспоминания ее о знакомстве с Пушкиными: *РС*. 1880. Т. XXIX.

²⁹ См. письмо 80, прим. 10.

83

Надежда Осиповна:

Петербург 6 сего Апреля 1834 г.

Оно правда, что я с нетерпением ждала твоего ответа, мой добрый друг, но не для того, чтобы увериться в твоём положении, ибо в этом я не имела ни малейшего сомнения,— а я хотела знать, как твоё здоровье и не очень ли ты страдаешь от тех недомоганий, которые обычно при беременностях испытывают. У Натали их на этот раз не было, вот почему она не хотела верить, что брюхата; она далека от того, чтобы радоваться этому несчастному случаю, и я надеюсь, что ты не всерьёз хочешь выкинуть,— храни тебя Бог, дорогая Ольга, чего бы я ни дала, чтобы быть возле тебя! Если б только были у меня средства, я бы в Августе примчалась в Варшаву, я бы тоже взяла в дилижансе два места, но не надо о том и думать. Иногда мне является мысль, не могла бы ты с мужем доехать до Острова, а оттуда мы доставили бы вас в Михайловское, выслав за вами свой экипаж. И потом во Пскове есть превосходная повивальная бабка и Бернар — прекрасный акушер, Эфрозина¹ других и знать не хочет, как и Александрин Беклешова². Я была бы твоей сиделкой. Говорю тебе об этом как о вздорном проекте, до тех пор есть еще время, и Господь устроит все к лучшему. Теперь скажу тебе, что я 5 недель хворала, у меня в боку было разлитие желчи, завтра я приму последнюю ванну, это будет 12-я; когда день не ванный, я езжу гулять в коляске. Но на будущей неделе мне можно будет выходить и бросить все лекарства. Погода великолепная, Нева вскрылась 31-го марта. Мы думаем ехать в мае. Натали едет на будущей неделе, они поедут, наверное, всей семьей, Александр будет ее сопровождать. Леон в больших хлопотах, вчера он должен был подать

свое прошение³. Сегодня я его еще не видала, он вновь вступает в службу; он хочет быть статским и ехать в Тифлис, дабы находиться при Розене⁴. Мы будем одни, вдаль от всех вас, мои дорогие Дети. Весьма это грустно, что поделаться! Склоняюсь пред Божиим промыслом.

Я только что провела несколько часов с Леоном, прошение его подано, он надеется вскоре уехать, Александр остается, его жена уедет в Москву с Детьми, как только сможет, ибо она простудилась на прогулке; сейчас она не выходит из комнаты, у нее была горловая жаба, она несколько дней лежала в постели. Сонцовы отложили свою поездку в Петербург до зимы, Алиша тебе, вероятно, писала. В последнем моем письме я сообщила тебе обо всех твоих добрых знакомках, сегодня ничего не могу сказать тебе нового. Я возмущена поведением этого неблагодарного и подлого П е т р у ш к и, следует забрить ему лоб, он не стоит всех хлопот и затруднений, которые вам причиняет. Прощай, мой добрый друг, я только что из Ванны, не могу писать более, уступаю перо Папá.

Сергей Львович:

Мой добрый друг!

Ты не можешь вообразить — или, вернее, можешь, — сколь глубокое участие к положению твоему, в коем ты, видимо, более не сомневаешься, вызвало во мне твое последнее письмо. — Не буду говорить тебе о всех чувствах, которые я испытал и испытываю, думая о тебе, но — полагаюсь на Божественную Благодать, на то, что Всемогущий услышит мои каждодневные молитвы. — Письмо мое сегодня очень будет кратко. — Сейчас более полудня, и я спешу отослать его на Почту — сегодня она отходит на Варшаву, и принимают лишь до двух часов⁵. — Не премину написать тебе елико возможно скорее и очень хотел бы сопроводить письмо свое пасхальным яичком, будучи в отчаянии, что не имею возможности сделать это в настоящий момент. — Мамá написала тебе про Леона; его очень тянет в Грузию, впрочем, это, видимо, достаточно выгодно и в отношении его службы. — Долги его варшавские будут уплачены. Александр берет их на себя, ибо мне это становится весьма затруднительно. Прощай, поговорю с тобой об этом попространнее в первом же письме, сейчас нет времени. — П е т р у ш к а преподлый повеса. — Чувствую, какие хлопоты он вам причиняет. Прощай, Душинька, да хранит тебя Небо и да приведет все к благополучному окончанию. — Тогда я очень рад буду знать тебя матерью и очень счастливым чувствовать буду, получая счастливые вести. — Целую тебя очень нежно. Продолжай нам писать и рассказывай, какие советы подаст тебе Врач. — Да сбережет тебя Господь в полном здравии и спокойствии. Прости!

¹ Вревская Е. Н.

² Беклешова А. И.

³ Прощение о приеме на службу в Министерство внутренних дел.

⁴ Розен Григорий Владимирович, барон (30 IX 1782—6 VIII 1841, *МН*), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, командир Преображенского полка, начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии, в 1831 г. — командир Отдельного Литовского корпуса, в 1832 г. — командир Отдельного Кавказского корпуса. За Л. С.

хлопотали перед ним В. Д. Вольховский и С. Л., но результаты их ходатайства были, видимо, неблагоприятны. «Барон Розен ничего не сделал для Леона, вопреки великолепным своим обещаниям моему отцу, — писала О. С. мужу 12 нояб. 1835 г. — Леон воображает, что ему кто-то повредил...» (*Псв.* XVII—XVIII. С. 165). Подозрение Л. С. было не совсем безосновательно: беспристрастный и честный В. Д. Вольховский, несмотря на все свое благожелательство по отношению к брату лицейского товарища,

счел нужным в письме своем Р. дать Л. С. следующую характеристику: «Осмеливаюсь просить вас о благосклонном отзыве, хотя, впрочем, не полагаю, чтобы из него вышел особенно способный чиновник, но он будет для общества человек приятный, если не слишком предастся безнравственному поведению, к коему, как я слышал, он несколько склонен» (*Гастфрейнд*. Т. I. С. 147). Пушкин, впрочем, отнесся к этому делу иначе. В конце дек. 1836 г. он писал С. Л.: «То, что он писал о генерале Розене, оказалось ни на чем не основанным. Лев обидчив и избалован фамильярностью прежних своих начальников. Генерал Розен никогда не обращался с ним, как с собакой, как он говорил, но как с штабс-капи-

таном, что совсем другое дело» (XVI, 213). О Р.: *Затворницкий*. Т. II. Кн. 2. С. 469; Сафонович В. И. Воспоминания // *РА*. 1903. Кн. 1. № 2. С. 179; переписка братьев Булгаковых // *РА*. 1902. I. С. 112; 1903, XII. С. 575; Титов Н. А. Воспоминания // *Древняя и Новая Россия*. 1878. Т. 3. № 12. С. 276; Записки баронессы П. Г. Розен, в монастыре Митрофаньи // *РС*. 1902; I; Филипсон Г. И. Воспоминания // *РА*. 1883. Кн. 3. № 5. С. 125 и др. *Русские портреты*. Т. V. № 85.

⁵ Варшавская почта отходила из Петербурга по вторникам и субботам, приходила — по воскресеньям и четвергам (Памятная книжка на 1841 г. СПб., 1840. С. 309).

84 Надежда Осиповна:

25 сего Апреля 1834 г. Петербург

Христос Воскресе, дорогой и добрейший друг; мы получили твое письмо в самый день причастия и как раз в момент возвращения из церкви. Ты первая нас поздравила, это внимание с твоей стороны очень нас тронуло, и я очень хотела бы, чтобы наше последнее письмо таким же образом подоспело ко Дню Пасхи,— по моему расчету, оно так и должно быть. В тот день мы обедали всей семьей, мы двое и два твои брата, Натали уже в Москве. Богослужение мы слушали в Конюшенной церкви, где я видела Корфов, Александру Сергеевну и Марью Сергеевну с дочерьми¹; надо было видеть радость, выказанную ими при встрече со мной, истинно, они преисполнили меня благодарности, меня, которая так пред ними виновата. Ольга Сергеевна² всю эту зиму была при смерти, а я ничего о том не знала, я даже не послала сказать им, что приехала из деревни и где мы живем. «Ми-би»³ все три были в белых платьях с кружевными пелеринками на розовом, чепчики с розовыми лентами, ты не можешь вообразить, какими старыми и некрасивыми они выглядели.

Я спрашивала у Марьи Сергеевны про Антуанет⁴, она говорит, что та все странствует, сейчас она в Италии, была во Франции и в Англии, очень счастлива и много веселится. Ежели ты не пишешь более г-же Гарлинской, то в качестве новости скажу тебе, что этой зимой она приедет в Петербург, это сказала мне кузина ее Катерина Александровна Политковская, которая живет в одном с нами доме. Она тебя не знает, но ее кузина столько ей про тебя говорила, что ей очень хотелось бы тебя увидеть. Знаешь ты, дорогая Ольга, что со времени твоего последнего письма у меня составилась в голове другой план; тебе куда легче будет приехать сюда зимой с Ребенком, нежели путешествовать теперь с животом, поверь мне. Господь все устраивает к лучшему, не огорчайся, что тебе не удалось твои проекты, береги себя, будь весела, гуляй, пей Аверин чай, раз он пришелся тебе по вкусу. Время идет быстро, надо надеяться, что мы вскоре увидимся, и одна только негодная почта псковская портит мне кровь. Здоровье мое совершенно поправилось, я болела шесть недель и признаюсь тебе, я плохо себя чувствовала с Декабря месяца. Что еще скажу тебе? Леон подал прошение о переходе на гражданскую службу, чтобы ехать в Тифлис, но он должен еще получить бумаги из полка. Пока он остается здесь.

Несколько недель назад ему пришла фантазия отпустить бороду, это был ужас, у него был вид Черномора из Руслана и Людмилы, но благодаря его друзьям, а особливо Княжне Вяз[емской]⁵, он вчера побрился, дабы в глазах ее казаться более красивым мальчиком. Прощай, вот на сегодня и довольно, целую тебя от глубины сердца, да защитит тебя Бог.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька!

Вот и праздники, желаю тебе счастливейших и чтобы положение твое не мешало тебе наслаждаться хорошей погодой, которая, кажется, и впрямь хочет привести нас весну.— Она так и манит нас уехать в Михайловское, но как подумаю о псковской почте, то мысль эта отравляет все удовольствие, какое там надеюсь вкушать.— Здесь готовятся большие празднества по случаю совершеннолетия Великого Князя наследника⁶, я увижу их лишь в газете.— Давно уж мы не принадлежим к обществу, qui у partipisse*, как говорила М-ль Ханькова⁷. Есть большие повышения и большие награды.— Жуковский получил пожизненную Аренду в 3000 р. серебром, что составляет более 20 000.— Он очень доволен.— Мамá рассказала тебе про Корфов, с ними был тот, которого ты видела совсем маленьким,— Федор⁸, сын Марьи Сергеевны, но он так вырос и возмужал и пел всю обедню таким густым басом, что я от души принимал его за Юлия⁹, либо Фабия, либо Помпея,— брата его; я все спрашивал его, как его супруга и сколько у них деток.— Это был забавный qui pro quo**, частенько со мной случавшийся; потеряв всех из виду и время от времени видя новое поколение, я постоянно путаю их одно с другим.— По правде, вместе с праздниками очень хотел бы вас поздравить с повышением Николая Ивановича. Он получает его по заслугам.— Прощай, дорогой и добрый друг.— Увидимся ежели не летом, то после твоих родов. Господь добр, Он убережет тебя. Прощай еще раз. Целую тебя от чистого сердца и от всей души.

Пвл. ИВ.88.XI, с. 289.

¹ Смирнова Александра Сергеевна (30 III 1789—9 I 1849, ПН) — незамужняя сестра Ольги Сергеевны Корф. Корф Мария Сергеевна (10 II 1775—15 IV 1854, ПН) — сестра предыдущих, замужем тоже за бароном Корфом, Федором Федоровичем (1760—1813), дядей товарища Пушкина Модеста Андреевича Корфа. «Из многочисленных Корфов, проживающих в Петербурге, можно было составить, без всякого преувеличения, изрядную немецкую колонию,— пишет С. М. Загоскин.— Полагаю, что в то время в Петербурге едва ли нашлось бы другое семейство, которое породнилось бы между собою, подобно этим Корфам. Кого из них ни спросишь — все родня между собою, да еще вдвойне» (Воспоминания // ИВ. 1900. VIII. С. 416; Долгоруков П. В. Российская родословная книга. III. С. 36.

² Корф О. С., баронесса.

³ Сестры Занден.

⁴ По всей вероятности, дочь М. С. Корф.

⁵ Вяземская М. П.

⁶ Великий князь Александр Николаевич (17 IV 1818—1 III 1881), будущий император Александр II. «Нынче великий князь присягал; я не был на церемонии, потому что репортуясь больным, да и в самом деле не очень здоров. Кочубей сделан канцлером; множество милостей...» — писал Пушкин жене 22 апр. 1834 г. (XV, 130).

⁷ Ханькова — возможно, Анна Петровна, дочь начальника Балтийского корабельного флота и Кронштадтского порта в 1810-х гг. адмирала Петра Ивановича Ханькова (1743—1812), женатого на Екатерине Петровне Н. П. И. с семьей в 1820-х гг. «жил у Аларчина моста (по соседству с Пушкиными.— Л. С.) (...): часто принимал у себя Александра I и

* Вместо «participere», то есть: участвует (в празднествах,— франц.).

** Недоразумение (франц.).

верил в черные и несчастные дни» (Стогов Эр. И. Записки // *РС*. 1886. X. С. 110). О П. И. см.: Булгарин Ф. Воспоминания. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни: В 6 ч. СПб., 1846—1849. Ч. VI. 1849. С. 131. Головина В. Н., гр. Записки. СПб., 1900. С. 61.

⁸ Корф Федор Федорович, барон (1813—14(26) X 1853, в Париже), сын Ф. Ф. и М. С. Корф, статский советник, в 1834 г.,

совсем «юным» (по определению В. П. Бурнашева) служил в Департаменте внешней торговли Министерства финансов, писатель, редактор «Русского инвалида» (см.: Воспоминания петербургского старожила // *РВ*. 1872. VII. С. 70); *Временник Пушкинской комиссии*. Л., 1977. С. 101—103.

⁹ Корф Юлий Федорович, барон (р. 1807) — брат предыдущего, лицеист выпуска 1823 г. О нем см.: *Псв*. VII. С. 9.

85 Надежда Осиповна:

Петербург 2 сего Мая 1834

Сию секунду получила письмо твое от 26 Апреля, моя добрейшая и дорогая Ольга, оно преисполнило меня радостью, надежда, быть может, скоро сжать тебя в своих объятиях кружит мне голову, но я не смею отдаться совершенно этой сладостной мысли, я вся предаюсь воле Господа, да направит Он и да защитит тебя; если же твоему путешествию Он положит какую-либо преграду, я не огорчусь, будучи уверена, что Он все делает к лучшему. Возношу Ему благодарность за то удовольствие, какое испытываю сейчас, читая твое письмо, это для моего сердца Балзам, в коем оно нуждалось. Уверена ты, дорогой друг, что есть Дилижанс из Варшавы в Петербург? Как только приедешь, нам можно будет собираться в Михайловское, Боже мой, как я буду счастлива быть возле тебя! А зимой, быть может, отвезу тебя сама, вот еще мысль, которая мелькает у меня в голове, но до этого времени так далеко — не останавливаюсь на ней. Мне досадно, что твой муж не может тебя сопровождать. Мне представляется, что ты уже едешь, спешу ответить тебе поскорее, к счастью день почтовый; мы не тронемся ранее конца месяца, нашу коляску переделывают, мы ждем лошадей, это вечная история, как тебе известно. Леон живет с нами, сейчас он спит, он уже при Блудове¹, при особенных поручениях, Александр остается здесь до Августа, он один в этом большом доме. Вот его адрес На Пантелеймоновской улице против церкви, в доме Оливье, У него есть весты от Натали с дороги и из Москвы. Все твои приятельницы согласно кричат: пусть приедет рожать у нас, напишите ей, напишите ей, а громче всех кричит Татьяна Крикушка². Они чрез десять дней ждут Агриппину и Александрин³. С тех пор как у меня тоже есть что-то очень дорогое, чего ждать, я им не завидую. Прощай, мой добрый друг, благословляю тебя, пусть Небо тоже пошлет тебе свои благословения, а мне дарует счастье обнять тебя вскоре. Прощай, не смею писать до свиданья.

Сергей Львович:

Ежели мое письмо тебя тронуло, дорогая Олинька, то твое заставило меня пролить потоки слез умиления и благодарности за все, что ты говоришь в нем утешительного. — Мысль видеть тебя с нами наполнила меня чувством радости, коего не испытывал я очень давно. — Перечитывая твое письмо, я не могу противиться надежде дожидаться твоего приезда. — Да защитит тебя Небо повсюду, как в Варшаве, так и здесь. — Не помню фразы, какая вырвалась у меня в последнем письме, но уверен, что исходила она от сердца, и я чувствовал точно как писал. Прощай, дорогая Олинька, мы хотим, чтоб ответ сей пришел к тебе елико возможно скорее, и я спешу его отослать — сегодня как раз почтовый

день на Варшаву.— 29-го сего месяца здесь был большой праздник, данный петербургским дворянством Его Величеству в доме Нарышкина Д. Л.⁴ Большой бал, большая иллюминация, и шлюпки, освещенные разноцветными фонарями, плавали по волнам Фонтанки под звуки роговой музыки.— Мы ходили смотреть на это из окон г-жи Кушелевой⁵.

Адрес рукой Сергея Львовича:

Его Высокоблагородию Николаю Ивановичу Павлищеву в Варшаве Помощнику Статс-Секретаря в Государственном Совете для доставления Ольге Сергеевне Павлищевой.

Штемпель: Петербург 1834 Май 2. Варшава 19.

¹ Блудов Дмитрий Николаевич (5 IV 1785 — 19 II 1864), с 1842 г.— граф; женат на княжне Анне Андреевне Щербатовой (1777—1848). Приятель А. И. Тургенева, князя П. А. Вяземского и В. Л. Пушкина, Б. вместе с Жуковским и Дашковым основал в 1815 г. литературное общество «Арзамас». В 1826 г. Б. вел делопроизводство верховного суда над декабристами; в 1828 г.— министр народного просвещения, с 1832 по 1839 г.— министр внутренних дел; в 1839 г.— министр юстиции, член Государственного совета. О Б. см.: Ковалевский Е. Гр. Блудов и его время. СПб., 1866; *Розен*. С. 125; *Вигель*. По указ.; *Греч*. По указ.; Долгоруков П. В. Петербургские очерки: Памфлеты эмигранта. М., 1934. С. 239; Сербинович К. С. Воспоминания// *РС*. 1874. XII. С. 261; *Никитенко*. По указ.; Кошелев А. И. Записки. Berlin, 1884. С. 23; *Дневник М. С.* 78; *Дневник С. С.* 234; *Письма*. I. С. 445.

² Талызина Т. Д.

³ Мансурова А. И. и ее сестра Трубецкая Ал. И.

⁴ Нарышкин Дмитрий Львович (30 V 1758 — 31 III 1838), обер-егермейстер, женат на княжне Марии Антоновне Четвертинской (1779—1854), известной своей близостью к императору Александру I. Изобретателем знаменитой в XVIII столетии роговой музыки был предок Н., камергер императрицы Елизаветы Петровны Семен Кириллович Нарышкин. Пушкин писал жене 30 апр. 1834 г.: «Вчера был наконец дворянский бал. С шести часов начался подъезд экипажей. Я пошел бродить по городу и прошел мимо дома Нарышкина. Народу толпилось множество. Полиция с ним шумела. Иллюминацию приготовляли» (XV, 136). Дворянский бал был дан по случаю совершеннолетия наследника (*Дневник М. С.* 167).

⁵ Кушелева А. Д.

86 Надежда Осиповна:

9 Мая 1834 [Петербург]

Письмо твое пришло прежде помянутого Полковника, мой добрый друг, так это я его увижу вместо тебя? И все же жду его с нетерпением, дабы побеседовать с ним о тебе. Повторяю снова: истинно Бог все делает к лучшему. Не надо огорчаться, что не удался какой-то проект, осуществление которого доставило бы тебе, быть может, столько хлопот и неприятностей, что они смутили бы всю радость нашего свидания. Прежде всего, усталость дорожная по такой жаре, эти разъезды туда и обратно сначала с животом, потом с Ребенком. Тревогам эти меня не было бы конца. Я предпочитаю знать, что ты в Варшаве здорова, гуляешь спокойно, имея на случай нужды хорошую повивальную бабку и всю необходимую помощь; ведь однажды был у тебя выкидыш, тебе неусыпно надо себя беречь в этом положении. Ты хорошо делаешь, что ходишь, но движение коляски могло бы быть вредно. Видишь, сколько причин оставаться и как неблагоприятно было бы из-за этого горевать. Одна лишь мерзкая почта псковская, когда я в деревне, составляет мое мучение — вот в чем беда. Если б были у меня средства, я бы к сроку приехала к тебе, дорогой друг, но это невозможно, разве

только Господь доставит мне какую оказию для этого путешествия. Я надеюсь еще получить от тебя письма, пока мы здесь; невзирая на все мое желание быть в М и х а й л о в с к о м, мы не уедем ранее конца месяца, погода превосходная, цветов еще здесь нет, но зелень восхитительна, все перебираются на Ч е р н у ю Р е ч к у, где построили великолепную Галерею для пьющих искусственные воды. По утрам гуляют тоже и в Летнем Саду. Завтра на Марсовом Поле большой парад, как это в нашем соседстве, то я несколько дней только и слышу что флейты да барабаны. Позавчерашний день я провела у Ивеличевых, тогда мы тебя еще ждали, мой добрый друг, Катрин ¹ была на седьмом небе, она целовала меня и прыгала, как дитя; прощаясь, я пообещала дать ей знать о твоём приезде тотчас же по малой почте. Уж не говорю о Т а т ь я н е ², эта в двух шагах и ждет только записки с этой доброй вестью; как они будут разочарованы, но на нет и суда нет. Мы получили письмо от Натали, она в Москве веселилась, на пасхальной неделе она была с сестрами на двух балах, у князя Голицына ³ и в Благородном Собрании. Она познакомилась с Сонцовыми и, кажется, очень довольна из приемом, она представила им своих сестер ⁴, и все три у них обедали. Александр хотел писать твоему мужу ⁵, не знаю, писал ли, по утрам он очень занят, затем идет рассеяться в сад, где гуляет со своей Эрмини ⁶; постоянство молодой особы выдерживает все испытания, и брат твой весьма смешон. Леон, к величайшему моему удовольствию, бороду бреет, много ходит; ложится поздно и спит долго, он занимает лучшую комнату в нашем доме, очень веселую, на солнце, в два окна, стены великолепного зеленого цвета. Г-жа К н я ж и н а ⁷ более не собирается в Варшаву, зять ее устроился здесь, он адъютант какого-то генерала, фамилию забыла. Г-жа Гарлинская не будет ранее зимы. Агриппина Мансурова с Александрин ⁸ приезжают послезавтра. Г-жа Осипова часто мне пишет, все семейство ждет с нетерпением нас, как и Т и м о ф е е в ы ⁹. М-ль Пушчина ¹⁰ остается в Петербурге, я раздосадована, ибо это соседство приятное, и она много выигрывает при коротком знакомстве. Что еще скажу тебе, дорогая Ольга, бумага приходит к концу. Папá скоро вернется — он у Обедни; я воспользовалась его отсутствием, чтобы ответить тебе тотчас же. Целую тебя тысячу и тысячу раз, да защитит тебя Небо. Прощай.

Сергей Львович:

Сию минуту, дорогая Оленька, я воротился, чтобы пожелать тебе доброго дня и здоровья, которым, как говоришь нам, ты пользуешься. — Да хранит тебя Небо. — Не скажу тебе, что отказаться от надежды тебя видеть не было для меня весьма чувствительно, однако доводы, которые ты приводишь, очень справедливы, очень сильны и заслуживают быть принятыми во внимание. — У нас несколько дней хорошая погода, но деревья еще не совершенно зелены, липы голые; несмотря на то, я очень хотел бы перебраться в деревню, чувствую, что я там более был бы здоров. Г-н Б е к л е м и ш е в ¹¹ позавчера сообщил мне о комиссии, которую дал ему г-н П л е щ е в ¹² относительно Леонова долга. — Я знаю все, чем мы обязаны этому достойному и почтенному человеку, но Александр вряд ли сможет послать ему эту сумму прежде, нежели погасит долг Опекунскому совету, хотя, истинно, это самое святое из наших обязательств, и таким мы его почитаем. Прощай, дорогой друг! Целую тебя от всего сердца. Сейчас больше полудня. — Нужно отсылать письмо. — Сегодня экстра-почта, я не хотел бы, чтоб оно осталось до субботы.

Пвл. ИВ. 88. XI, с. 292.

Врс., с. 788.

Изм., с. 181.

¹ Ивелич Е. М.² Талызина Т. Д.

³ Голицын Дмитрий Владимирович, светлейший князь (29 X 1771 — 27 III 1844), московский генерал-губернатор с января 1820 г. по 1844 г. Был женат на княжне Татьяне Васильевне Васильчиковой, сестре председателя Государственного совета князя Илариона Васильевича Васильчикова.

⁴ Гончарова Екатерина Николаевна (1809 — 15 X 1843), с 6 декабря 1834 г. — фрейлина, с 10 января 1837 г. — жена барона Жоржа Геккерна-Дантеса. Гончарова Александра Николаевна (27 VI 1811 — 9 VIII 1891), пожалована во фрейлины в январе 1839 г.; в 1852 г. вышла замуж за австрийского барона Густава Фогель фон-Фризенгофа, вдовца, который первым бра-

ком был женат на незаконной дочери деда Е. Н. Гончаровой И. А. Загряжского, Наталье Ивановне Соколовой (*Рассказы о Пушкине*. С. 134). О сестрах Гончаровых см.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. М.; Л., 1928. По указ.

⁵ Пушкин писал Н. И. Павлищеву 4 мая 1834 г.

⁶ Хитрово Е. М.⁷ Княжнина В. А.⁸ Дочери кн. Е. А. Трубецкой.

⁹ Сестры Тимофеевы — соседи по Михайловскому (см. письмо 7)

¹⁰ Одна из сестер Пушиных, также деревенских соседей (см. письмо 11).

¹¹ Беклемишев Н. П.¹² Плещеев А. П.

87 Надежда Осиповна:

Петербург 25 сего Мая 1834

Дражайшая моя Ольга, мы получили твое письмо, как ты и рассчитывала, точно в день рождения Папá. Это внимание чувствительно нас тронуло, привязанность, которую ты не перестаешь нам выказывать, составляет счастье наших старых дней. Аббас-Кули-Ага ¹ явился к нам несколько часов спустя после твоего письма. Какой интересный человек, как хорошо он изъясняется, мне нравятся его приемы обращения, он мне чрезвычайно по душе. Спасибо, что нам его послала, он долго был в пути, ибо неделю провел в Риге и еще где-то. Леон и Александр очень рады были его видеть, он у нас обедал, были г-жа Веневитинова с сыном ² и братом ³, графиня Ивелич ⁴, М-ль Неймиш и Соболевский. Аббас-Кули нам много о тебе рассказывал, добрый друг, о том, как ты стремилась в Петербург, однако он мне сказал, что от Ковно до Риги нет дилижанса и в этом путешествии ты претерпела бы множество невзгод. Благодарю Бога, что ты в Варшаве и здорова, спокойный всякий день гуляешь, дыша воздухом, наверное более теплым, нежели наш; вообрази, на Островах, куда давно перебрались наши щеголихи, топят печи. Мы не снимаем плащей и зимних ботинок, такого Мая я не припомню, а, однако, все зелено; в Летнем Саду гуляют, я еще туда не ходила, хоть это в двух шагах от нас. Я не люблю ветра, а он никак не перестанет; мне кажется, что я похожа на парусное судно со своим плащом, который надувается и делает меня совсем неуклюжей и смешной. Я время от времени гуляю по улицам и довольствуюсь тем. Предпочла бы сделать это в саду М и х а й л о в с к о г о, где никогда не бывает ветра и который так красив. Но как подумаю о псковской почте, то мысль, что так редко буду получать от тебя известия, дорогая Ольга, отравляет все удовольствие.

Ты мне говоришь о г-же Лохтиной ⁵, радуюсь за тебя этому приятному соседству, и мне будет спокойнее, когда придет срок твоих родов. Во имя Неба береги себя, недостаточно родить, последствия могут быть опасны, ежели не слушаться совета врача и повивальной бабки; особенно — никаких волнений; вижу отсюда, как при малейшем крике Ребенка ты будешь думать, что он болен. Потом, черные мысли надо гнать даже сейчас, должно думать о счастье быть матерью и чтобы никакая докука не мешалась и не огорчала тебя; печалиться нечего, что Господь

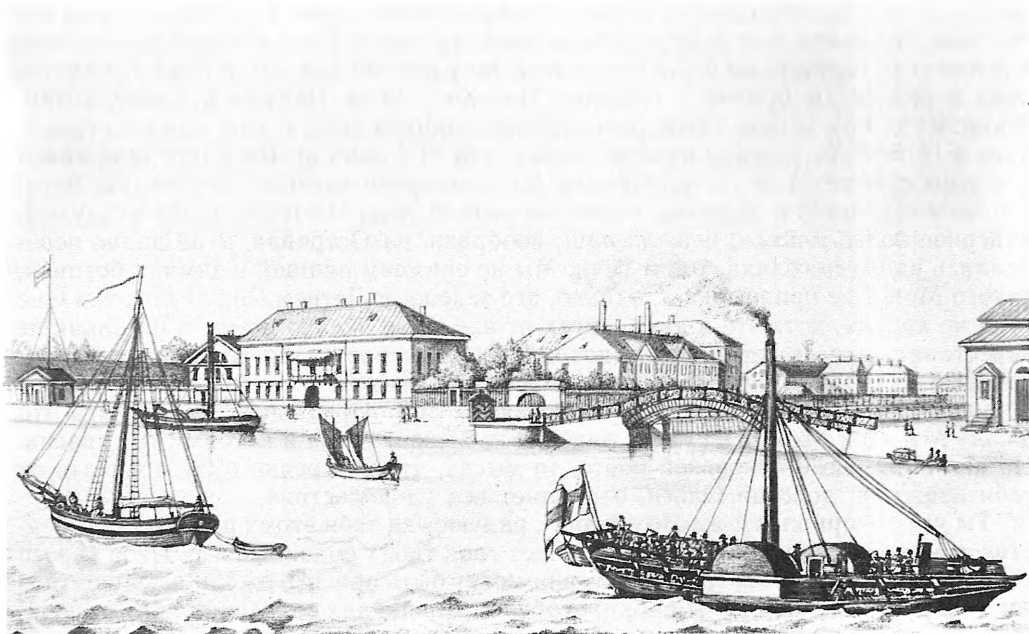
положил преграды твоему путешествию, право, это к лучшему. Знаешь ли, сомнения твоего акушера относительно твоего положения и меня заставляют сомневаться; теперь ты должна чувствовать движения Ребенка, чувствуешь ли ты их и с каких пор? Что до живота, то нет ничего удивительного, что его не видно, ты тонкая и плоская, он не так скоро появится. Что такое этот Гирман ⁶? Графиня Ивелич знает его родных. Прочтя то, что написано внутри твоего пакета, мы узнали, что он умер от удара, она полагает, что это весьма их огорчит, хоть он и очень был стар. Сегодня у меня нет для тебя новостей, иду сейчас к Софи Всеволожской повидать Агриппину и Александрина, которые только что воротились из Берлина ⁷. Завтра, отсылая письмо, я тебе о них расскажу.

Сего 26

Сегодня день рождения Александра, иду к Обедне, он едет в Кронштадт с Мещерскими ⁸, которые отправляются в Италию к Софи Карамзиной ⁹; их провожают все друзья, до завтра они еще будут вместе, я не люблю прощаний, я жалею даже людей, которые мне безразличны. Вчера я не видала Агриппины, они на Крестовском, куда отправились прямо с пироскафа и воротятся завтра. Будь здорова, дорогой друг, целую тебя очень нежно, я тороплюсь.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька, ты можешь себе вообразить удовольствие, какое я испытал, получив твое письмо 23-го, как раз в момент возвращения из церкви.— Утром я был грустен и почти в дурном расположении.— Твое письмо начало сей туман рассеивать, а час спустя Аббас принес нам еще одно письмо от тебя и, выражаясь метафорически, солнце после этого засияло ярко, ярче, чем когда-

Пироскаф на Неве.
Литография. 1820-е гг.

либо, и я развеселился на весь день, который стал для меня точно прекрасным.— Аббас у нас обедал.— Он так общителен, так приветлив, так полон предупредительности, что мы словно старые друзья.— На другой день я нанес ему визит.— Я надеялся сегодня, в день рождения Александра, познакомить его с Вя з е м с к и м ¹⁰, но княгиня М е щ е р с к а я и М-ль К а р а м з и н а, Софи, чрез два часа отплывают в Италию.— Александр сам провожает их до Кронштадта, так что мы не празднуем сей годовщины.— Я поведу его к Вя з е м с к [о му] на днях утром перед отъездом нашим в деревню, куда очень надеюсь уехать.— Одна только почта мне досаждала. Я так исправно привык получать от тебя вести, что не знаю, как сумею перенести неизвестность, в которой относительно твоего здоровья окажусь.— Вспоминаю слова г-жи Севинье, которая, находясь в неведении, писала своей дочери: «Ежели ты больна — ты здорова, а ежели ты здорова — ты больна» ¹¹. Молю Бога, чтобы ты на все лады была здорова и чтобы все пришло к благополучному окончанию. Прощай, Ду шин ь к а, иду к Обедне, а также хочу взглянуть, как отойдет пироскаф. Сегодня большая эмиграция. Целую тебя в обе щеки очень и очень нежно. Пиши нам по-прежнему, рано или поздно письма до нас дойдут.

Пвл. ИВ. 88. XI, с. 294.
Врс., с. 788.

¹ Бакиханов Аббас Кули-ага (3 VII 1794 — 28 XI 1847) — в 1829 г. генерал-майор (КМ, ПД). «Пушкин тогда же (на Кавказе в 1829 г.— Л. С.) свел знакомство с известным азербайджанским поэтом и ученым Аббас Кули-ага Бакихановым, состоявшим при Паскевиче главным переводчиком. Блестящий знаток прошлого Азербайджана, всесторонне образованный, владевший многими восточными языками, Бакиханов заслуженно пользовался известностью ученого. Близкий знакомый Грибоедова, он в турецкую войну выполнял ряд поручений русского правительства. Так, после занятия Ахалцихе и Эрзерума Паскевич поручил ему захватить из книгохранилищ этих городов ценные рукописи и книги и составить им реестр. Бакиханов же замещал в Эрзеруме генерала Вольховского во время его болезни» (Ениколопов. С. 116). В. Д. Вольховский 18 сент. 1837 г. сообщил командиру отдельного Кавказского корпуса барону Г. В. Розену, что Б. возбуждает против него (Розена) неудовольствие. «Аббас-Кули верен нам по расчету,— писал он,— но слывет за большого фанатика» (Гастфрейд. Т. I. С. 277).

² Веневитинова А. Н. и Веневитинов А. В.

³ Оболенский Алексей Николаевич, князь (14 VIII 1788—1852), отставной поручик Брянского пехотного полка, помещик московский и рязанский, женат на княжне Варваре Сергеевне Голицыной (1790—8 VIII 1861) — старший брат А. Н. Веневитиновой. Младший ее брат князь Николай Николаевич (1792 — 17 XI 1857) в 1811 г.— прапорщик егерского полка, участник Бородинского сражения (Власьев. Т. I. Ч. II. С. 295). Об О. см.: Комаровский Н. Е., гр. Записки. М., 1912. С. 13. После смерти А. С. Пушкина и С. Л. Пушкина состоял в опеке по разделу имений.

⁴ Ивелич Н. А., графиня.

⁵ Лохтина Варвара Петровна (ум. 23 IX 1878, ПН), урожд. Домогацкая, внучка офицера лейб-гвардии Измайловского полка Петра Домогацкого, содействовавшего возведению на престол Екатерины II (Бильбасов В. А. История Екатерины II. СПб., 1891. Т. II. С. 464), жена Николая Андреевича Лохтина (Псв. XVII. С. 171), действительного статского советника. В 1830-х гг. Н. А. Лохтин был начальником одного из отделений канцелярии И. Ф. Паскевича в Варшаве. О нем как о человеке очень образованном и умном говорит Н. С. Лесков в рассказе «Русский демократ в Польше» (цикл «Праведники»). О. С. очень подружилась с Л. «Только к г-же Лохтиной хожу я иногда развлечься по вечерам.— писала она отцу 13 янв. 1837 г.,— потому что там я, как дома, в капоте, и могу прилечь на диван, когда мне вздумается; и потом, это особа очень приятная, полная ума и милого остроумия, притом — так же мало любящая свет и наряды, как я» (Псв. XII. С. 98). «Лохтина — сидня», — писала впоследствии О. С. сыну. Конец жизни Л. провела в Петербурге, и здесь продолжалась ее дружба с О. С., в письмах которой к мужу и сыну 50-х и 60-х гг. постоянно мелькает ее имя. «Лохтина привезла мне в подарок на сегодняшний день пару щиплет своего выхованья: мы друг другу подарочки в этом роде делаем. Я также привезла ей варенец выхованья Натальи Никитичны за масло ее. Ее конек — пичкать желудки друзей» (1866). Кроме щиплет, Л. снабжала О. С. и книгами. Так, она дала ей прочесть «Любовниц Наполеонов». «Она ничего не хочет пропустить из того, что там написано, и хочет непременно, чтобы все ужасы про Наполеонов были правдой точка в точку — что до меня, то я верю лишь наполовину...» (письмо сыну 5 сент. 1866 г.— ПД, ф. 221, оп. 2, № 6). Внучка В. П. Лохтиной (по дочери) Варвара

Петровна Мельникова вышла замуж за сына Пушкина — Григория Александровича (*Псв.* XIV. С. 22).

⁶ Лицо неизвестное.

⁷ Всеволожская С. И., Мансурова А. И. и Трубецкая А. И. — дочери княгини Трубецкой Е. А.

⁸ Мещерские П. И. и Е. Н.

⁹ Карамзина Софья Николаевна (5 III 1802 — 4 VII 1856), старшая дочь Н. М. Карамзина от первого брака с Е. И. Протасовой (1767—1802), с 30 августа 1821 г. — фрейлина. «Писал я тебе, что Мещерские отправились в Италию, и что Sophie три дня сряду разливалась, обвиняя себя в жестокосердии и расканваюсь в том, что оставляет Кат [ерину] Андр [еевну] одну? Я провожал их до пироскафа», — писал Пушкин жене 3 июня 1834 г. (XV, 155). Сама К. писала И. И. Дмитриеву 25 мая 1834 г.: «Я еду завтра с Мещерскими на пароходе в чужие края на целый год (...) Мне грустно неизъяснимо... (Письма Н. М. Карамзина к И. Н. Карамзину. СПб., 1866. С. 439). О К. см.: Мещерский В. П., кн. Мои воспоминания. СПб., 1897. Т. I. С. 63; Тютчева А. Ф.

При дворе двух императоров: Воспоминания. — Дневник. М., 1928. С. 71; *Бутурлин.* 1901. XI. С. 408; *Дневник М.* С. 31; *Дневник С.* С. 368; *Письма.* II. С. 392; III. С. 288.

¹⁰ Вяземский П. А., князь.

¹¹ Севинье Мария, де (Marie de Sévigne) (1621—1696), маркиза, французская писательница, прославившаяся своими «Письмами» (первое издание 1726 г.), в которых она довела эпистолярный стиль до степени искусства. Фраза, приблизительно запомнившаяся С. Л., находится в письме к дочери (которая в то время была беременна и жила в Провансе) от 15 нояб. 1671 г., из поместья: «Но, дитя мое, не изумляют ли вас ошибки и противоречия, вызываемые отдаленностью? Я страдаю за вас, когда вы здоровы; а когда будете больны, какое-нибудь письмо от вас возвратит мне радость» («Переписка г-жи де Севинье с семьей и с друзьями»). С. Л. и Н. О., по-видимому, прилежно читали мадам де Севинье: их письма к дочери пестрят мотивами и оборотами, свойственными французской писательнице.

88 Надежда Осиповна:

Петербург 8 сего Июня 1834 г.

Напрасно я эту неделю прождала твоего письма, быть может, оно придет завтра, или же ты, дражайшая моя Ольга, адресовала его уже в деревню, полагая, что мы там. Мы надеемся уехать в Воскресенье, но до сей поры это было невозможно, несмотря на наше нетерпенье покинуть Петербург; задерживали нас наши обстоятельства и, вероятно, еще задержат на несколько дней, это от Александра зависит наш отъезд, все готово, кроме денег, которые он хочет дать нам на дорогу ¹. Леон еще здесь, он недолго пробудет, эта разлука меня печалит, но я не эгоистка. Любя всех вас более жизни, я хочу лишь исполнения ваших желаний, его желание — быть в Тифлисе, мои молитвы о его счастье будут сопровождать его всегда и повсюду. Что ты поделяваешь, мой добрый друг? Погода так хороша, ты, вероятно, ею пользуешься, прогулки тебе полезны. Ты меня избаловала исправностью, с какой даешь о себе вести, вот я совсем и опечалилась, что лишена их сегодня, и чтобы несколько утешиться, принялась тебе писать, дорогой друг. И Катрин Ивелич хотела сказать тебе словечко, однако что-то шлет своего письма. Сегодня я обедаю с ее матерью у г-жи Новосильцовой ². Завтра еду прощаться на Острова, Агриппина ³ уезжает в Берлин в будущий вторник. — Мне очень обидно, что я почти не видала Аббас-Кули-Ага, он раз у нас обедал, потом еще приходил раза два или три, не заставая меня, последний раз он несколько часов присидел с Папá, меня не было Дома — моя Архарет ⁴ отнимала у меня все время, — но вот вчера она уехала в Павловское, где меня заменит при ней м-ль Кочетова ⁵. Наши добрые соседи ждут нас с нетерпением. Эфрозина ⁶ разрешилась сыном Александром ⁷, и так быстро, что повивальная бабка едва успела принять Ребенка. Она во Вреве с Прасковьей Александров[ной] и Аннет ⁸, и там были роды. Я навещала «ми-би» ⁹ на Черной Речке, у них была г-жа Волкова ¹⁰, она поручила передать тебе тысячу нежностей, г-жа Брок ¹¹ брюхата и интересничает, сестры ее за ней ухаживают и находят, что она очаровательна, а маленькая ее —

прелестна. Кстати о маленькой: у Александровой, слава Богу, два зуба.— Как твоя беременность, моя добрая Ольга, я так хочу поскорее получить от тебя весточку, но лишь попаду в Михайловское — с этой проклятой почтой будет истинное мучение. Пиши нам прямо в Новоржев, так вернее, — в Псковскую Губер[нию] в Новоржев, ибо мы каждую неделю посылаем в этот город. Прощай, дорогой, добрый друг, да хранят тебя благословенья Неба, береги себя, не сокрушайся, что отдалена от нас, полагаюсь на Божье милосердие, лишение это продлится недолго. Целую тебя очень нежно, благословляя от глубины сердца. Леон тоже тебя целует.

Сергей Львович:

Мы уезжаем, дорогой друг, в Михайловское, и мне представляется, будто я еще более отдаляюсь от тебя, не надеюсь столь же регулярно получать вести; и это в то время, когда я желал бы иметь их почаще и более подробными! Да хранит тебя Бог! Пусть дарует Он тебе все свое Божественное заступничество, — вот все, что могу тебе сказать. Это точно, будто я расстаюсь с тобой, как тогда в Острове, когда я обнимал тебя в момент, как ты садилась в коляску, чтобы ехать в Варшаву.— Да осыплет тебя Предвечный всеми милостями своими, всеми благословениями. Надеюсь написать тебе из деревни не с таким разбитым сердцем, в настоящий момент могу лишь обнимать тебя, прижимать к своему сердцу и проливать на тебя слезы боли, какую причиняет мне наша разлука. Но надо смириться и уповать на счастливое будущее.

Врс., с. 788.

¹ «Принужден был снарядить в дорогу своих стариков. Теряют меня без милосердия», — писал Пушкин жене 8 июня 1834 г. (XV, 157). И 11 июня: «Сегодня едут мои в деревню, и я их иду проводить, до кареты, не до Царского Села, куда Лев Серг [еевич] ходит пешечком (...) Сейчас простился с отцом и матерью. У него хандра и черные мысли» (там же). П. А. Осиповой 29 июня он писал: «Родители мои не знают, что они на волос от полного разорения. Если б только они решились прожить несколько лет в (Зуеве) Михайловском, дела могли бы поправиться; но этого никогда не будет» (XV, 179).

² Новосильцева Е. А.

³ Мансурова А. И.

⁴ Архарова Е. А.

⁵ Кочетова Е. Н.

⁶ Вревская Е. Н.

⁷ Умер в младенчестве (Модзалевский Б. Л. Поездка в Тригорское в 1902 г. // Псв. I. С. 7).

⁸ Осипова П. А. и Вульф А. Н.

⁹ Сестры Занден.

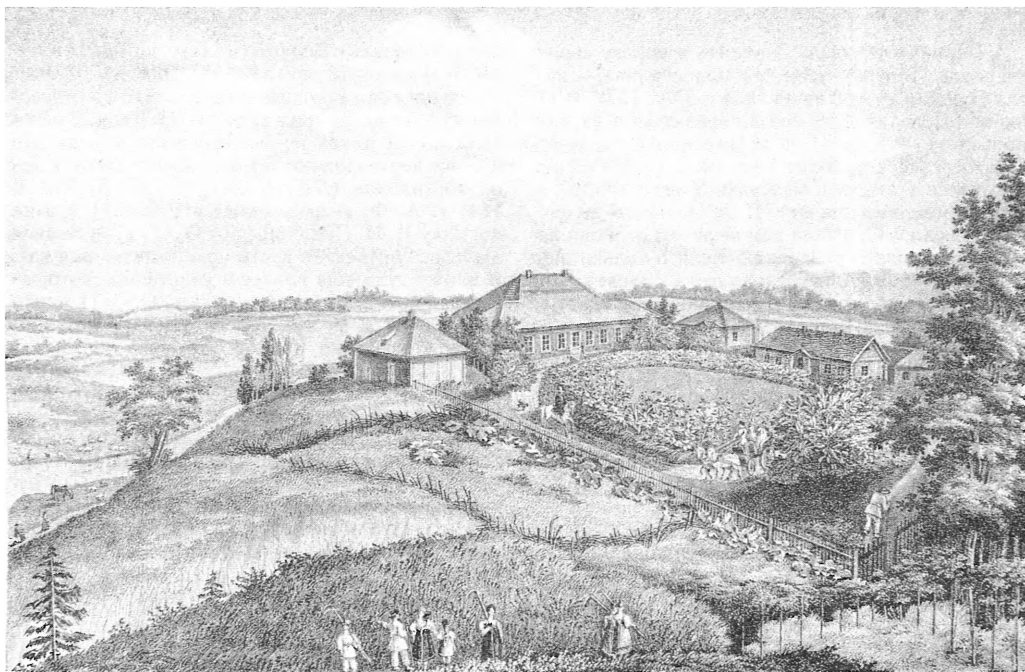
¹⁰ Волкова NN — по-видимому, жена приятеля Н. И. Павлищева, Александра Федоровича Волкова (Павлищев). В 1831 и 1832 гг. О. С.

часто видалась с Волковыми (см. письма ее к мужу от 9 мая и 23 окт. 1831 г. // Псв. XV. С. 92). «Сегодня г-жа Волкова заедет за мной и отвезет меня обратно...» — писала она А. П. Керн 23 июня 1832 г.— Я никак не могла отказать, хотя это и вовсе неосторожно, так как, кроме всего, у меня тортиколи» (ПД, ф. 244, оп. 20, № 50). В 1841 г. А. Ф. Волков ездил в Варшаву и взял посылку Н. И. Павлищеву от О. С.: «Г-н Волков любезно согласился взять мою посылку для вас. Я вложу туда еще платье и костюмчик, которые Натали посылает детям» (письмо О. С. 11 марта 1841 г.— ПД, ф. 244, оп. 20, № 94). По-видимому, это тот же Волков, которого упоминает М. И. Глинка по поводу оркестровой репетиции I акта «Жизни за царя» в Петербурге, в доме Юсупова в 1836 г.: «Хоров (и певческих партий) не исполняли, а кое-где пел я, Бартенева и Волков...» (Записки. М.; Л., 1930. С. 165). Возможно, Н. И. Павлищева связывали с Волковым музыкальные интересы. Адрес А. Ф. Волкова 1843 г. стоит в записной книжке Н. И. Павлищева: «У Симеоновского моста д. Безобразова» (ПД).

¹¹ Брок Е. К.— одна из Ми-би, сестер Занден.

Михайловское 19 сего Июня 1834

Тщетно я ждала от тебя вестей, прежде чем покинуть Петербург, дражайшая моя Ольга. Надеюсь вскоре получить их здесь, думаю, что письмо твое давно в пути и дойдет до меня завтра, вот почему я спешу послать в Новоржев. Вот и возобновились мои мученья с этими проклятыми почтами. Мы очень быстро совершили наше путешествие; уехав из Петербурга в 7 часов вечера, 13-го мы уже были во Пскове, где пили чай, гуляли по улицам, делали визиты, Папá был у Губернатора¹ и моей дорогой г-жи Бибиковой². Следующие сутки мы провели в Острове с Катериной Исаковной³ и Кирьяковыми⁴. Оттуда поехали во Врев, где ночевали, и 15-го были в Тригорском и потом в Михайловском⁵. Не буду рассказывать тебе, с какой радостью встретили нас наши добрые соседи, ты знаешь, как они нас любят. Тимофеевых я еще не видала, они приедут завтра, Александрин Беклешова⁶ тоже в Тригорском, Эфрозина⁷ приезжает сегодня, дабы в 9-ю Пятницу побывать на ярмарке. В этом году она начнется 22-го, есть уже купцы из Москвы, из Нижнего, из Симбирска, это не то, что 1-го Октября, ярмарка предстоит великолепная, погода превосходна. Несмотря на горе, какое я испытала, прощаясь с твоими братьями, мне не жаль, что я здесь. Не так уж долго пришлось бы мне пользоваться их присутствием, рано или поздно надо было бы расстаться. Александр поедет к жене и в Болдино. Леон на отъезде, я не очень плакала, расставаясь с ним, ему следует заняться делом, он был так празднен, так скучал в Петербурге и только думал что об отъезде. Аббас-Кули с нами попрощался, он тоже торопится покинуть Петербург, он едет в Одессу. Все твои приятельницы говорят тебе тысячу

Михайловское.

Литография П. А. Александрова по рис. И. С. Иванова. 1837 г.

милых вещей, Аннет Вульф очень раздосадована, что ты не с нами, а я твержу одно, что Господь Бог все делает к лучшему и награждает тех, кто без ропота покоряется Его воле. Прощай, дорогая Ольга, с нетерпением жду твоего письма, я буду писать тебе, не смущаясь медленностью почты, делай так и ты, мой добрый друг; рассказывай мне о своем здоровье, прогулках и знакомых, я молюсь о твоем счастье, да хранит тебя Небо, а мне да дарует сладостное утешение сжать тебя в своих объятиях.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька!

Вот я наконец и в М и х а й л о в с к о м, и хотя о многом осталось мне поразмыслить, и хотя надежда видеть тебя некоторое время с нами рушилась, и хотя я очень опасаясь неисправности псковской почты,— все же я так рад, что нахожусь в нашем домике и гуляю по нашим садам, которые истинно очень красивы.— Все, что я посадил, принялось, и новые дорожки, которые я провел, хорошо ухожены и весьма приятны.— Не знаю только, смогу ли ездить верхом.— Та маленькая белая, что у меня была, стала стара и начинает спотыкаться, как и все мы, старики.— Это будет для меня большим лишением.— Аббас-Кули распрощался с нами самым нежным образом. Он несколько раз меня обнимал — я уверен, что обязан этим той приязни, какую он питает к тебе и к Леону, но более всего меня радует то, что я сам люблю его от всего сердца.— Он и впрямь очень интересен и свершенно таков, каким ты его нам описала, зато я сразу и почувствовал себя с ним непринужденно.

В четверг рождение Мама́ ⁸, а в пятницу день ярмарки.— Я никогда не бывал здесь в это время, и единственно, что меня удручает,— это предстоящий наплыв соседей. У нас нет способа принять их так, как они это понимают.— Управитель, которого рекомендовал нам Р о к о т о в, ничего нам не оставил.— Однако завтра я пошлю сообщить ему о нашем приезде, хотя и убежден, что он на нас дуется. Прощай, дорогая Олинька, Бог знает, когда дойдет до тебя это письмо.— Мы говорим тебе о хорошей погоде, о ярмарке, а все переменится.— Не будет ярмарки, и дождь будет лить ливнем...— Останется лишь моя привязанность к тебе, и молитвы, которые я обращаю к Небу о твоем счастье, будут все те же. Прости.

Приписка Надежды Осиповны:

Забыла тебе сказать, что Т а т ь я н а ⁹ вовсе не помнит м-ль Домогацкой, ныне Лохтиной ¹⁰, о которой ты мне говоришь в твоем последнем письме.

Адрес рукой Сергея Львовича:

Его Высокоблагородию Николаю Ивановичу Павлицеву в Варшаве, Помощнику Статс-Секретаря Государственного Совета для доставления Ольге Сергеевне Павлицевой.

Штемпеля и пометы: Новоржев 1834 Июнь 21. 128 114 45
Zalesie ¹⁷/₇ Pawliczew w Warszawie.

Врс., с. 788.

¹ Пешуров А. Н.

² Это может быть либо Мавра Иларионовна Бибилова, в девичестве Мягкова (см. письмо 62), либо Маргарита Ивановна Бибилова, урожденная Наумова, вдова Михаила Ивановича

Бибилова, псковского вице-губернатора в 1807—1809 гг. (см. письмо 11).— *Прим. В. С.*

³ Ганнибал Е. И.

⁴ Кирьяковы В. Я. и А. С.

⁵ «Позавчера вечером,— писала П. А. Осипо-

ва Пушкину 17 июня 1834 г., — ваши родители приехали обедать к моей дочери Вревской, а вчера к чаю — ко мне; несмотря на усталость после дороги, они провели у нас весь день» (XV, 161).

⁶ Беклешова А. И.

⁷ Вревская Е. Н., баронесса.

⁸ Н. О. родилась 21 июня.

⁹ Талызина Т. Д.

¹⁰ Лохтина В. П.

90 Надежда Осиповна:

Михайловское 24 сего Июня 1834

Я всегда говорю, что все к лучшему, и как я права, дорогая Ольга; вот неделя, что мы здесь, а уже получили два письма от тебя. Ты раскаивалась, что адресовала первое в Михайловское, полагая, что мы в Петербурге и оно до нас никогда не дойдет, — напротив, оно пришло как раз ко дню моего рождения, его после всех подарков дала мне г-жа Осипова, говоря: самый для вас драгоценный у меня в кармане; подобного я не ждала, зато и бросилась же я ей на шею! Получить от тебя вести, когда отсутствие их уже начало меня мучить, было для меня истинным праздником. Сегодня снова такой же сюрприз: в ту минуту, когда я собиралась идти одеваться, чтобы ехать в Дериглазово¹, я получаю твое письмо, мой добрый друг, помеченное 6 Июня, прибывшее из Петербурга. Вот я и спокойна и благодарю Господа, что ты здорова. Ко мне вернулась моя веселость, и с нею я поехала к Шелгунам², она представила все в лучшем свете (не Шелгуны, а веселость), ибо я нашла хозяев дома и все общество более любезным, чем когда-либо. Я познакомилась с родственницей г-жи Гарлинской, молодой двадцатипятилетней женщиной, очень порядочной; лишь сию минуту она меня оставила: отобедав со мной у Шелгуновых, она поехала в Михайловское, от которого она в восторге. Аннет Вульф хорошо ее знает и, видимо, любит, однако никогда мне о ней не говорила, и вчера на ярмарке я весьма была удивлена, когда она представила мне ее как давнишнюю знакомую. Она вдова и очень сентиментальна. То, что ты говоришь мне про г-жу Фурман³, заставило меня хохотать, вижу ее отсюда, она должна казаться смешной для тех особенно, кто знал ее совсем иною. Я много раз говорила тебе про Анну Николаевну⁴, я тебе сказала, что не видела ее в этом году, а ты все меня про нее спрашиваешь. Надеюсь, ты не поступишь как г-жа Зиновьева⁵ или г-жа Гильфердинг⁶ и в Октябре месяце в свой черед сделаешь меня бабушкой. Тем временем продолжай быть здорова, ходи, береги себя, иначе говоря, не делай неосторожностей. Прощай, очень нежно обнимаю тебя, поздно, уступаю перо Папá.

Сергей Львович:

Можно подумать, дорогая Олинька, что псковские почты дали себе слово изблечить меня в клевете. — С тех пор как я направо и налево говорю, что они самые скверные во всей Империи, мы очень исправно получаем от тебя вести и с достаточной быстротой. — От твоих братьев из Петербурга мы их еще не имели, но из Варшавы два раза. — Ты насмешила меня этой твоей дамой, которая почитала себя беременной и вот возвращается от Маршалыши, не зная, куда девать свой живот и как потеряла его в пути. — Я не хочу, чтобы с тобою так случилось, однако ежели это делается так нечувствительно, то я не стал бы горевать. — Да хранит тебя Господь, дорогой друг, и да совершится Его воля. — Ребенок или два лишь прибавят тебе счастья, а я буду в восторге, что помаленьку оказался дедушкой со всех сторон. — Остается женить Леона, чтобы года через два иметь полдюжины внучат. ..

Ту даму, молодую вдову, о которой говорила тебе Мама́, зовут *Н а т а л ь я Н и к о л а е в н а*⁷, муж ее был убит в последнюю кампанию в Польше во главе своего полка. — Она близкая родственница г-жи Гарлинской и много имеет с нею общего в наружности, особенно в разговоре. — Вот все, что могу я о ней сказать, не забыв ее фамилии. Было бы забавно, если б мы узнали ее от тебя. — Вообрази, у *Ш е л г у н о в ы х* вчера к обеду было пятьдесят человек, считая детей. — Это хороший был сюжет для фламандской картины. Я встретил там некоего г-на *И в а н ч и н а*⁸, состоящего при Коллегии Иностранных дел, старца весьма любезного, образованного и из хорошего общества. — Там была Аннет Вульф со своими маленькими сестрами. Мари⁹ такая же высокая, как она, и обе очень хорошенькие. — Прощай, дорогая Олинька, продолжай нам писать. Знаешь ты, что письма твои прелестны, и я нахожу, что мало женщин пишут как ты. — По поводу женщин, которые хорошо пишут, я вспомнил Алишу¹⁰ и рикшетом путешествие, которое они этой осенью собираются совершить в Петербург. Я не хотел бы, чтоб это было так скоро. Это мне вовсе некстати, ибо я хочу подольше остаться в деревне. Прощай, *Д у ш и н ь к а*. Целую тебя очень нежно.

Моя маленькая сучка настряпала в пути 10 собачонок, одну я привез с собой, она называется Руслан-2¹¹.

Адрес рукой Сергея Львовича:

Его Высокоблагородию Милостивому Государю Николаю Ивановичу Павлицеву в Варшаве. Помощнику Статс-Секретаря в Государственном Совете для доставления Ольге Сергеевне Павлицевой.

Штемпеля и пометы: 45 Zalesie 20/71 6 90 к. Pawliczew w Warszawie.
порто

¹ Поместье Шелгуновых село Дериглазово находилось в полуверсте от Тригорского и было причислено к «приходу погоста Вороницы» (*Смиречанский*. С. 16).

² Шелгуновы.

³ Фурман С. С.

⁴ Фурман А. Н.

⁵ Лицо неизвестное.

⁶ Гильфердинг — Амалия Яковлевна, урожд. Витте, дочь инженер-генерала Якова Яковлевича Витте, замужем за тайным советником Федором Ивановичем Гильфердингом (26 VII 1798 — 5 II 1864; Родословная книга дворян Московской губ./Ред. Л. М. Савелова. Т. I. С. 349, 466). Ф. И. Гильфердинг служил по Министерству иностранных дел и в 1830-х гг. был дирек-

тором дипломатической канцелярии в Царстве Польском при И. Ф. Паскевиче; впоследствии — директор Департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел, сенатор и управляющий архивом Министерства иностранных дел (*РС*. 1872. VI. С. 453).

⁷ Плессовская Наталья Николаевна — вдова полковника.

⁸ Лицо неизвестное.

⁹ Осипова М. И.

¹⁰ Сонцова О. М.

¹¹ О Руслане-2 есть отклик в письме О. С. к С. Л. от 3 февр. 1837 г.: «Лоло очень хорошо помнит вас <...> и ваш Лорнет и Зарему и Руслана...» (*Писв*. XII. С. 102).

91 Надежда Осиповна:

23 сего Июля [1834 г. Михайловское]

Я не могла писать тебе со 2-го сего месяца¹, дорогая Ольга, не имея кого послать в *Н о в о р ж е в*, а как мы получили письмо твое от 23 Июня и я тебе еще не ответила, то опасаясь, как бы это тебя не встревожило. Надеюсь, письма наши доходят до тебя так же быстро, как твои, дорогой друг. Сколько я чувствую твою

исправность! — с тех пор, что мы здесь, мы от тебя одной имеем вести; вообрази, твои братья не подают признаков жизни и, видимо, вовсе не вспоминают о нашем существовании, и если б люди наши не имели переписки с петербургскими, то мы непрестанно были бы в тревогах; так мы, по крайней мере, знаем, что оба они здоровы. Леон живет в нашем доме, Александр в своем, что довольно странно; раз их только двое, не лучше ли им быть вместе,— но они ведь совершенно чудачки. Ты вполне права, дивясь пристрастию Леона к Тифлису, не могу этого постичь, и едва окажется он там, как — уверена — будет недоволен.— Сонцовы тоже нам не пишут, и последнее их письмо было от 16 Мая, это от тебя мы узнали, что они 20 Июня уехали из Москвы; все это неутешительно и отравляет удовольствие, которое мы могли бы получить в деревне. Погода превосходная, жары такие, каких не бывало лет 30, 6 недель ни капли дождя, но вчера, слава Богу, у нас пронеслась славная гроза и дождь проливной, что было благоприятно всей природе. Я все еще продолжаю, по предписанию С п а с к о г о, пить сыровотку. Папа принимает ванны и пьет травку одну, дабы укрепить себе нервы. Я очень рада, что ты не лишаешь себя фруктов, дорогая Ольга, у нас в М и х а й л о в с к о м очень хорошие дыни, и всякий раз, как я ем их, я думаю о тебе, ты их любишь, мне приятно было бы есть их с тобой. Сад наш прелестен, много цветов и три цветника, изобилие цветов на балконе и в комнатах. Когда я гуляю, когда смотрю на все это, я вздыхаю по тебе, мой друг, и, чтоб утешиться в твоём отсутствии, читаю и перечитываю твои письма. С Аннет² мы все говорим о тебе, все наши соседки — г-жа Шуш [ерина]³, Тимоши⁴ и с ними и Рокелор⁵ просят тебя не забывать их, как и Эфрозина⁶. Завтра именины ее мужа, мы туда едем, кажется, будут и Беклешовы. Я была у Шушу⁷, где скучала так, что хоть язык проглоти, я от зевоты чуть не свернула себе челюсть. Что скажу тебе еще? Знаешь, я люблю твою г-жу Лохтину⁸, и мне досадно, что она далеко от тебя. Когда она возвращается? Ребенок г-жи Гильфердинг — диво⁹, и я хочу тебе такого же, но чтоб он был повеселей. Мне думается, это будет девочка, очень хорошенькая, пусть же она своим появлением на свет не заставит тебя много страдать, а я пусть буду иметь счастье обнять вас обеих, Мать и Дитя. Эта мысль привязывает меня к жизни, да ниспошлет Небо свои благословения, я благодарю Бога, что ты здорова. Прощай, прижимаю тебя к своему сердцу.

Сергей Львович:

Как благодарить тебя, дорогая Олинька, за твои письма, ты одна даешь нам ощущение жизни, иначе я сомневался бы, существую ли я еще. Александр и Леон не пишут нам вовсе и даже не отвечают на наши письма, хотя нам интересно было бы знать, едет или нет Леон в Тифлис и что станется со мною осенью¹⁰.— Соседи наши, хоть и превосходные люди, не могут вознаградить нас за это забвение, и их приязнь, впрочем, очень утешительная, не есть компенсация.— Весьма часто я тешу себя мыслью, что братья твои плохо адресовали нам свои ответы, и тогда неисправность п с к о в с к о й почты меня ободряет.— Что делать? Мне следовало бы несколько привыкнуть к их лени и взгляду на вещи и хранить спокойствие, Сонцовы тоже не пишут. Итак, г-н Погодин¹¹ вступает во второй брак.— Я не знал, что первая его жена умерла. Надо признаться, qu'il est heureux *, как говорил покойный Мазарини¹².— Я знал его мальчиком и маленьким писцом в Комиссариате, впрочем, у него есть способности, и ум, и прилежание.

Судя по тому, что ты говоришь нам о маленьком Гильфердинге, я думаю, прости Господи, что это Антихрист, он может служить парой той девочке из Гамбурга, о которой говорилось в Газете.— Ей два года, она очень сведуща в Астроно-

* При неправильном произношении у Мазарини вместо «qu'il est heureux» («как он счастлив» — франц.) получалось «как он ужасен».

мии и разрешила несколько математических задач.— Верь, если хочешь, я рассказываю тебе это как Газетный анекдот.

Напиши мне, дорогая Олинька, продолжаешь ли ты читать и изучать Лафатера¹³ и Сведенборга¹⁴. Я очень хотел бы обладать знанием последнего и подобно ему переноситься повсюду, куда придет охота.— Первый мой полет был бы к тебе, чтобы поцеловать тебя от всего моего сердца.— Рисуешь ли ты иногда? На сей раз я привез в Михайловское твою Маргариту и твоего старика¹⁵, они в гостинной, и между ними портрет моего брата, писанный Алишей¹⁶. Прощай, дорогой, добрый и верный друг. Да хранит тебя Бог.— Вверяю тебя Его благодати.— Он услышит молитвы, которые я обращаю к Нему о твоём счастье и благоденствии.

Пвл. ИВ. 88. XI, 296—97—98.
Врс., с. 788.

¹ Письмо от 2 июля 1834 г. не сохранилось.

² Вульф А. Н.

³ Шушерина Н. Н.

⁴ Тимофеевы.

⁵ Рокелор — под этим именем Н. О., по всей вероятности, подразумевала Рокотова. Роклор Гастон Жан Баптиста (Roquelaure Gaston Jean Baptiste, 1617—1676), маркиз, потом герцог, по прозвищу «l'homme le plus laid en France» («самый уродливый человек Франции»). Знаменит своими шутками. По словам Сен-Симона, шут (bouffon) по профессии. Его «Aventures divertissantes du duc de R.» («Увлечательные приключения герцога de R.») изданы в Кёльне в 1727 г. (есть и другие издания).

⁶ Вревская Е. Н., баронесса.

⁷ Шушерина.

⁸ Лохтина В. П.

⁹ Ребенок, о котором говорит Н. О., — будущий знаменитый славист Александр Федорович Гильфердинг (2 VI 1831 — 20 VI 1872), действительный статский советник, женат на Варваре Францевне Ридель (РС. 1872. VI. С. 697). В некрологе его говорилось: «Мальчик, одаренный необыкновенными способностями, удивлял всех своими успехами, особенно в языках иностранных. Не говоря уже о славянских наречиях и о языках новейших — французском, немецком, английском: ими он владел, как родным, — Ал[ександр] Фед[орович] в совершенстве и весьма рано усвоил себе языки древнегреческий, латинский и впоследствии ознакомился с языком санскритским». Г., друг и издатель Хомякова, умер в Каргополе, заразившись брюшным тифом во время собирания фольклорного материала, «к великому горю науки и всего славянства» (РС, 1872. VI). Собрание сочинений Г. вышло в Петербурге в 1868—1874 гг., в пяти томах. О Г. см.: Путьян П. А., кн. Воспоминания // РС. 1887. I. С. 111; Зиссерман А. Л. Биография фельдмаршала кн. А. И. Барятинского // РА. 1888. I. С. 124; Рудин Д. Д. Босния и Герцеговина // ИВ. 1887. III; РС. 1880. X. С. 431; 1888. III. С. 731; РА. 1896. XI. С. 372. Ему посвящены два стихотворения Ф. И. Тютчева. Письма Хомякова к Гильфердингу: РА. 1878. VII. С. 366.

¹⁰ О стесненном положении С. Л. и денежной его зависимости от А. С. см. письма последнего: П. В. Нащокину — 23—30 марта 1834 г.; Н. И. Павлишеву — 4 мая 1834 г.; Н. Н. Пушкиной — 8 и 11 июня и 28—29 июня 1834 г. (XV).

¹¹ Погодин Василий Васильевич (1790—1863), генерал-интендант Первой армии в Польше в 1831 г., впоследствии сенатор и гофинтендант, — «крючок», как звал его А. Я. Булгаков (РА. 1901. VII. С. 427). Об обеих женах П. см. «Воспоминания» В. И. Панаева (ВЕ. 1867. Т. III—IV; РС. 1822—1893). О неудавшейся жеманности его на кухне сестер Гончаровых О. В. Голынской см. письмо О. С. к С. Л. от 15 нояб. 1836 г. (Псв. XII. С. 88). Дочь П. была замужем за знаменитым шахматистом А. Д. Петровым. О. С. резко отрицательно относилась к П. «В числе наших кредиторов (от большинства которых, мы, слава Богу, избавились), — писала она отцу 3 февр. 1837 г., — был г-н Погодин, который не посовестился подать ко взысканию за тысячу рублей, которые муж у него занял, будучи при нем. Говорю вам это, между прочим, чтобы дать вам представление о деликатности этого прекрасного господина, который лопается от денег; зато и довольна же я, что мой муж больше не при нем» (Псв. XII. С. 101). О П. см.: Берг Н. В. Польское восстание 1863—1864 гг. // РС. 1897. II. С. 230; Глинка М. И. Записки. М.; Л., 1930. С. 80; Свербеев. Т. I. С. 232; Зотов В. Р. Петербург в сороковых годах: Выдержки из автобиографических заметок // ИВ. 1890. Т. 39. № 1. С. 51.

¹² Мазарини Джулио (1602—1661) — кардинал, французский государственный деятель, первый министр при Людовике XIV, отличался — о чем упоминают многие писатели — скверным французским выговором. Его словечко «hoioux» любил цитировать в окружении Пушкина; 16 мая 1835 г. А. А. Катенин писал Пушкину: «Напиши-ко ты Кантату, разумеется сыскав „счастливого сюжет“, как говорил Мазарин» (XVI, 27).

¹³ Лафатер Иоганн Каспер (1741—1801) — известный швейцарский богослов, автор знаменитой «Физиогномики», вышедшей в Лейпциге и Винтертуре в 1772—1778 гг. Французский

десятитомный перевод издания 1820 г. был в библиотеке Пушкина (Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 269). «Надо сказать тебе, — пишет С. М. Дельвиг своей подруге об О. С., — что она бредит сочинением Лафатера об физиономиях, — она много его изучала, — и что ее страсть — распознавать характер всех по чертам лица. Она восхитительна и постоянно заставляет меня смеяться. Первые слова, которые она сказала, увидев Курочкина, были: „Боже мой, как этот человек зол по Лафатеру!“ (Модзалевский. С. 201). «Она увлеклась спиритизмом, занималась столоверчением, изучала хиромантию, физиогномику и френологию;

сочинения Галля и Лафатера стали ее настольными книгами, с помощью которых она, по ее мнению, „безошибочно распознавала характеры людей“» (Лернер. Рассказы. С. 9).

¹⁴ Сведенборг (1688—1772) — шведский ученый-натуралист, впоследствии мистик и теософ, основатель существовавшей в разных странах секты сведенборгчан. Сын О. С. пишет: «Малопомалу мать разочаровалась и в Сведенборге, и в учении спиритов» (см. предсмертное стихотворение ее «Спиритизм» — Павлицев. С. 75, 78).

¹⁵ Воспроизведение рисунков О. С. см.: Пушкин А. С. Собр. соч./Под ред. проф. С. А. Венгерова. СПб., 1907. Т. 1.

¹⁶ Сонцова О. М.

92 Надежда Осиповна:

*1 сего Августа в 10 часов вечера
[1834 г. Михайловское]*

После того, как я писала тебе, дорогая Ольга, мы получили еще одно письмо от тебя. Это уже четвертое с тех пор, что мы здесь, — вот как никогда не следует ни о чем тревожиться заранее. Уезжая из Петербурга, я мучалась мыслью, что буду лишена утешения часто получать от тебя вести, мой добрый друг, а вышло, что варшавская почта в этом году лучшая, она приходит прежде петербургской и московской. Наконец-то твои братья нам пишут. Сегодня мы получили второе письмо от Леона, вообрази, у него не стало терпенья дожидаться, чтоб его послали в Тифлис, он только что испросил отставку, которую получил, и едет в Грузию. Он полагает, что ему легче будет найти службу на месте, он направляется через Москву и, не давая своего адреса, просит нас ему написать. Он спрашивает, как ты. Александр нам раз писал¹, он сильно скучает, хотел бы покинуть Петербург, он говорит, что поездка в Б о л д н о ему необходима, но его задерживают дела. Натали и Дети здоровы, он нам сообщает, что Леон вновь хочет вступить в Грузинскую армию, однако Леон не говорит нам об этом проекте. Эта неизвестность невыносима, и Бог знает, когда мы получим от него вести. Есть у нас письмо и от Сонцовых, они в К о р о в и н е, где, видимо, долго думают сидеть, ибо М а т в е й М и х а й л о в и ч пишет, что будет в деревне в октябре месяце, и сожалеет, что нет у него соседей: не соберется партии в вист — одни умерли, другие разбрелись кто куда. Вот уж не то у нас: мы никогда не бываем одни, сегодня обедал Губернатор², после чего отправился далее во Псков. Аннет Вульф пробыла весь день, вечером в 9 часов мы проводили ее до горы, она в Т р и г о р с к о м одна со своими маленькими сестрами, Мать ее три дня как во Пскове и возвращается послезавтра. Погода очень хороша, жары все длятся, вечера прелестные. Мы много ходим. Завтра совершу маленькую поездку к Тимошам³, вот почему пишу тебе сегодня вечером. Леон мне сообщает новость, которая тебя заинтересует, м-ль Цебрикова⁴ только что вышла замуж за какого-то жалкого учителяшку русского языка. Он говорит, что не знает, по склонности ли эта свадьба, но только уж не по расчету. Прощай, моя дражайшая Ольга, да благословит тебя Бог, прижимаю тебя к своему сердцу, наши соседки очень тебя любят и вручают себя твоей памяти.

Сергей Львович:

Мамá тебе сейчас все рассказала, дорогая Олинька, мне остается лишь признаться, что поспешный отъезд Леона в Тифлис меня весьма огорчает. Он сам стремился служить при г-не Блудове⁵, тот принял его тотчас же, и, едва будучи взят на службу, он вдруг из нетерпения просит отставки. — Не так-то можно продвигаться, я уверен, что Министр очень против него настроен. — Что мне делать, как затаить эту скорбь в своем сердце и не сказать Господу *Да свершится Твоя воля*. Могу сказать, что письма твои более чем когда-либо составляют наше утешение. — Леон бы мог, уж раз решился уехать так далеко — и на время неограниченное! — завернуть к нам в Михайловское и пожить хотя бы две недели. Каковы его виды — не знаю, его надежды! <...> они мне неведомы <...> итак, вверяю его Провидению всегда и всегда. — Оно до сего дня явно ему покровительствует.

Свадьба М-ль Цебриковой, кажется, совершенно романтическая, как и все, что в настоящий момент происходит и пишется. — Кстати, ты никогда не говоришь мне о своем чтении, я знаю, что ты хорошо себе выбираешь книги и у тебя есть вкус. Что до меня, то барон Вревский доставляет нам все новинки. Его братья посылают их Эфрозине⁶, которая так образовалась, что ты ее и не узнаешь. — Она очень хорошо говорит по-французски, так же пишет и много читает. Это превосходный человек, как и Аннет, я бесконечно люблю их обеих. Прощай, моя дорогая и добрейшая Олинька. Да защитит и сохранит тебя Господь. Мне думается, что беременность твоя, наверное, продвинулась более, чем ты, не желая нас тревожить, нам говоришь. Правда это? Целую тебя очень нежно.

Врс., с. 789.

¹ Письмо Пушкина не сохранилось.

² Пешуров А. Н.

³ Тимофеевы.

⁴ Цебрикова Н. Р.

⁵ Блудов Д. Н.

⁶ Вревский Б. А., барон. Эфрозина — Вревская Е. Н., баронесса.

93 Надежда Осиповна:

Михайловское 23 сего Августа 1834 г.

Моя добрая и дражайшая Ольга, вот уж давно мы лишены сладостного утешения получать от тебя вести, последнее твое письмо помечено было 8 июля, и с той поры мы относительно тебя в совершенном неведении, — тебя, которая так исправна была в переписке с нами. Твое молчание создано на то, чтобы нас тревожить, особенно сейчас; срок родов твоих приближается, что ты делаешь, мой добрый друг? Ты уже мать? Ты имеешь счастье целовать свое Дитя? — ибо, сдается мне, ты готовила для нас нежданную радость, говоря, что это будет в Октябре, мое сердце мне подсказывает, что я, наверное, уже бабушка. Всякий день я жду этой счастливой вести, я молюсь Богу о сохранении здоровья твоего и того маленького существа, которому ты дала или дашь жизнь, надеюсь на милость Господню, мои молитвы будут услышаны, и скоро письмо твоего мужа, — ибо не вздумай в первые минуты писать сама — его письмо исполнит нас радостью. Я дала обет тотчас же пойти пешком в Святые Горы, дабы воздать Благодарность Святой Деве и нашему Спасителю за твое счастливое разрешение. Что

меня огорчает, так это что г-жи Лохтиной¹, соседки твоей, нет в Варшаве; она бы за тобой ухаживала, я на это рассчитывала, судя по всему, что ты мне о ней говорила.— Вчера мы получили письмо от Сонцовых, которые тоже жалуются на твое молчание, дорогой друг. Молчание же братьев твоих непозволительно. Вообрази, с тех пор, что мы здесь, Александр писал нам раз, Леон два раза, накануне отъезда в Москву и в Тифлис. Сегодня мы посылаем в Н о в о р ж е в, быть может, найдем вести от них, а может быть, и от тебя, моя добрая Ольга. Погода у нас по-прежнему жаркая, без капли дождя; эта несносная засуха! — вся растительность погибла, скоро озера наши и наша река станут твердой землей, трава — соломой, фрукты — углями, а мы — и прочие жители — истинными неграми². Однако жара не мешает нам делать и принимать визиты, даже г-жа Осипова совершает поездки, она была во Пскове, потом с нами у Шушу³, и только и делает, что ездит во Врев и обратно, невзирая на плохое здоровье. Что до Аннет, то она необыкновенно толстеет⁴, уж не говоря про Эфрозину⁵ — та кормилица, оно так и должно быть. Я часто выдаю Т и м о ф е е в ы х. Все эти дамы очень тебя любят. Прощай, да ниспошлет тебе Небо свои благословения, целую тебя от глубины сердца.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька!

Могу лишь повторить все, что твоя Мамá говорит тебе в своем письме.— Ты знаешь, что у меня бывают предчувствия, которые очень часто оправдываются. В Шотландии, несомненно, я почитался бы обладающим вторым зрением, зато я почти убежден, что ты скрыла от нас настоящий срок своих родов.— Эти дни, а особенно вчера и сегодня утром, я в большом был беспокойстве, и меня волно-

Святогорский Успенский монастырь.
Литография П. А. Александрова по рис. И. С. Иванова. 1837 г.

вала такая же тревога, какую я испытывал бы, если б знал наверное, что сейчас ты разрешаешься от бремени.— Да сбережет и сохранит тебя Господь.— Мы только что получили письмо от Сонцовых, которые, как всегда, говорят нам о тебе и очень любят твои письма.— Они тоже давно их не имели.— Мне думается, нам есть вести от Александра — это будет второй раз с тех пор, как мы уехали из Петербурга.— Что до Леона, то не знаем даже, где он и куда ему писать.— Он сказал, что будет ждать наших писем в Москве и позабыл дать нам свой адрес.

Мамá тебе пишет, что мы из-за жары стали как Негры.— Хотя это и не совсем так, однако же мы очень страдаем и вынуждены желать плохой погоды, как некогда ждали красного дня.— Трава совершенно как солома, и листья осыпаются с начала Июля. Есть несколько деревьев, вовсе обнаженных. Ежели ты по-прежнему любишь собак, то расскажу тебе, что приключилось с моей сучкой.— Из Петербурга она выехала брюхатой, но с недавних пор она уж не такова. Когда и где она опросталась, никто того не видел; она хорошо себя чувствует и пристрастилась к одному песику из потомства покойного Брута, которого мне дали и которого она кормит.— Он почти такой же большой, как она.— Это весьма странно.

Прощай, дорогая и добрая Олинька! С нетерпением жду твоих вестей.— Пусть будут они счастливые и принесут нам утешение знать тебя Матерью и вне опасности. Этого я всякий день прошу у Бога в моих молитвах. Целую тебя очень нежно.

Адрес рукой Сергея Львовича:

Его Высокоблагородию Николаю Ивановичу Павлищеву. В Варшаве. Помощнику Статс-Секретаря в Государственном Совете. Для доставления Ольге Сергеевне Павлищевой.

Штемпеля и пометы: Новоржев 1834 г. Августа 30. 187
Zalesie ²⁵/₉ Pawliczew w Warszawie. 45.

Врс., с. 789.

¹ Лохтина В. П.

² О засухе 1834 г. см.: Отрывки из воспоминаний Бекетова // Шукинский сборник. М., 1903. II. С. 488.

³ Шушерини.

⁴ Вульф А. Н. «Аннет Вульф (...) толста, толста,— это какое-то благословенье Божье; фигура ее состоит из трех шаровидностей: сначала голова, сливающаяся с шеей, потом идут плечи и грудь, затем — зад с животом. Но по-прежнему хохотушка, и остроумна, и доброе дитя»,—

писала О. С. мужу 28 февр. 1836 г. (Псв. XXIII—XXIV. С. 218). И в февр. 1841 г.: «Аннет Вульф толста, как Корсаков,— и всегда весела, словно зяблик; вчера мы обедали вместе у моей невестки, которая хороша, как никогда» (ПД, ф. 244, оп. 20, № 94).

⁵ Вревская Е. Н. Пушкин писал жене 21 сент. 1835 г.: «Вревская очень добрая и милая бабенка, но толста, как Мефодий, наш Псковский архиерей...» (XVI, 49).

94 Надежда Осиповна:

7 сего Сентября 1834 [Михайловское]

Сегодня вечером я жду из Новоржева нашего почтаря, быть может, получу от тебя письмо, мой добрый друг; сейчас я послала в Тригорское спросить у П р а с к [о в ь и] А л е к [с а н д р о в н ы] ¹, нет ли письма на ее имя. Тем временем хочу побеседовать с тобой из опасения быть завтра прерванной какими-нибудь деревенскими обитателями. Как само собой, тебе любопытно знать, что делает Леон, то скажу, что мы только что получили от него весть; он пишет нам

из Москвы прелестное письмо, очень веселое; сообщает нам, что он накануне отъезда — это было 21 Августа. 20 дней он провел в вихре света без мгновенья отдыха, участвуя во всех балах и праздниках, данных принцем Прусским и для него². Он очень был удивлен, встретив на одном из этих вечеров Александра, оказавшегося там мимоездом; пробыв в Москве всего лишь 4 часа, он поехал к Натали, дабы вскоре воротиться с нею в Петербург. Леон счастлив, что едет в Тифлис, цель путешествия, как он говорит, ему улыбается. Некоторое время он поживет в Х а р ь к о в е, спутником его дотуда будет Александр Раевский³, он обещает писать нам с дороги, вот подробности, которые несомненно доставят тебе удовольствие, почему я и спешу их тебе сообщить. У нас ничего нет нового, погода по-прежнему хороша, мы пользуемся ею сколько возможно, от нас только что уехали Тимофеевы, пробыв в М и х а й л о в с к о м два дня и дав обещание вскоре воротиться — даже прежде моих именин. 17-го у нас будет много гостей, есть люди, которых мне очень приятно видеть, но других я с удовольствием бы выпроводила, вот неудобность деревенской жизни; а все этот кривоногий Шушерин, у которого мания являться со всеми своими друзьями, родственниками и знакомыми, которых он поочередно нам представляет. Есть некий Дельфинин⁴, сущий Автомат, с которым он не может разлучиться ни на минуту. Потом Платон Назимов⁵ со своими двумя сестрами, одна очень славная девушка — ты ее знаешь; другую я видала лишь раз, она показалась мне очень пошлой. Весь дом Шушу переберется к нам, затем Рокотов, Глаубичи⁶, наверное, кузина моя Мел а н д е р⁷ с мужем, дочерью и зятем приедут тоже и, возможно, привезут с собой несколько офицеров из полка К и р ь я к о в а⁸. Вообрази всю эту суматоху и мину, которую состроит Папá, и мои собственные развлечения. Одна моя надежда, что не может же погода быть так хороша, а вдруг-да польет дождь ливмя и грязь воспрепятствует приезду всех этих гостей; тогда я ограничусь своими бли-

Александр Николаевич Раевский.
Портрет неизв. худ. 1821 г.

Николай Николаевич Раевский.
Портрет неизв. худ. 1821 г.

жайшими соседками и приятельницами. Как это тоже именины и Надежды Климентьевны⁹, то, надеюсь, она избавит меня от своего присутствия во всех случаях — хорошо ли будет, или плохо. Я напишу тебе после 17-го, как я их провела. Говорила я тебе, что мы были на именинах г-жи Шушериной, было довольно много гостей, ее дочка Натали очень мило танцевала характерные танцы, я очень мило играла в вист, ибо выиграла 40 рублей, игра была по 5 рублей с трех — г-жи Елагиной¹⁰, меня и Владимира Яковлевича Княжнина¹¹; он рассказал мне про Варвару Алекс[андровну]¹², она наконец бабушка, Вера¹³ разрешилась сыном. М-ль Цебрикова вышла за профессора, а не за учительшку русского языка, как говорил Леон¹⁴. Говорят, он умный человек, имеет состояние, давно в нее влюблен, и г-жа Княжнина очень довольна этим браком. Прошлый год, когда он посватался, Наталья Романовна строила разборчивую, но, поразмыслив, смягчилась и теперь очень счастлива. Свадьба была вскоре после нашего отъезда. Из Петербурга нам никто не пишет: вообрази, несколько времени назад я получила по Почте очень красивое платье, т. е. материю, но при подарке ни слова, человек, его пославший, не потрудился мне писать, и я не знаю, кого должна благодарить. Можно подумать, что письмом ко мне боятся себя компрометировать. Вот на сегодня и довольно, дам перу моему отдохнуть до дня, когда смогу отправить Послание это в Варшаву.

9 Сентября

Ни малейшего письма от тебя, дорогой друг, отсылаю это сегодня вечером. Прасковья Александровна сдаст его завтра, в Новоржев мы пошлем лишь через несколько дней.

Я только что была приятно прервана посланцем г-жи Осиповой, принесшим мне твое письмо; оно датировано 19 Августа; не знаю, почему ты не любишь Новоржевской почты, дорогая Ольга, пока что мы только могли ее хвалить. Я писала 2 Июля чрез Прасковью Александровну, которая, отъезжая в ту пору во Псков, взялась отослать мое письмо. Я это прекрасно помню, дивлюсь, как это оно до тебя не дошло, все эти почты отвратительны своей медлительностью и заставляют меня беситься — вот все, что я знаю. — То, что ты говоришь про Леона, очень верно, мы всякий день то же твердим с Папá, дай Бог, чтобы ему никогда не пришлось раскаяться. — Я очень рада, что твоя беременность не причиняет тебе страданий. Жары здесь были точно как у вас, но сейчас мы уже не задыхаемся, погода великолепная, вчера я тотчас после обеда пошла в Тригорское, где мы пили чай в саду под каштанами; весь день мы проводим на воздухе, я много хожу, и не уставая. Не то с Праск[овьей] Алек[сандровной], она двигается как черепаха, и с нею я не могу сделать шагу. Да и вообще наши соседки не умеют ходить, исключая Тимофеевых, которых в этот год я видала не так часто; они провели его в ожидании брата¹⁵, не трогаясь из дому; наконец, сегодня он будет проездом в Петербург. Они свободны и обещают мне приезжать почаще. — Сонцовы мне писали, не сказав ничего о своем путешествии, — а наше зависит от них. Мне думается, Александр не поедет в Болдино ранее Ноября месяца, его проекты меняются, как ветер. Прощай, моя дражайшая Ольга, пойду перечитывать твое письмо, пока Папá кончает это. Целую тебя от всего сердца.

Сергей Львович:

Вот, к великому нашему удовольствию, письмо от тебя, дорогая Олинька. Мама не слишком много места оставила мне для писанья, но как она рассказала

тебе обо всем, то мне остается лишь всегда и всегда говорить о своей к тебе привязанности — истинной и неизменной. — Ты хочешь мальчика. Дочь или сын — он будет желанным гостем, и я заранее его благословлю от всего моего сердца. — Нужно очень быть ловким, чтобы дать тебе адрес Александра * (прости мне этот скверный каламбур). — Я не знаю и никогда не могу знать, где он находится. — В письме из нескольких строк, которое я получил от него в середине Августа, он говорил, что спешит и едет в деревню. — Я написал ему и адресовал свое письмо в дом Гончаровых на Малой Никитской. — Наверное, сейчас это уже не годится. — Леон видел его в Москве в одном стороннем доме и нам сообщает, что он ехал к Натали. — То, что говоришь о Леоне, очень умно. Я есть и был уверен, что от него одного зависело остаться при Маршале. И какую прекрасную карьеру мог он сделать! Теперь же Бог ведает, что с ним станет. Пока что его путешествия весьма дорого обходятся. Прощай, дорогая Олинька. Целую тебя очень нежно. — Я еще не знаю поступка г-жи Лохтиной¹⁶, но я уже очень ей благодарен.

Пвл. ИВ. 88. XI, с. 302, 303.
Врс., с. 789.

¹ Осипова П. А.

² Прусский кронпринц Фридрих-Вильгельм (1795—1861), брат императрицы Александры Федоровны. Прибыл в Россию в середине июня 1834 г., отбыл в конце августа. О пребывании кронпринца в Петербурге см. запись Пушкина в дневнике 19 июня 1834 г. (*Дневник М.* С. 20 и 204). К. Я. Булгаков писал 20 авг. 1834 г. брату в Москву: «Ну, проводили вы прусского принца, повеселили его. Загоскин прав, что не хотел дать спектакля в пост. Довольно принцу было веселья и без этого, а это сделало бы неприятное влияние в городе...» (*РА.* 1904. III. С. 420, 430).

³ Раевский Александр Николаевич (1795—23 X 1868), старший сын генерала Н. Н. Раевского, участник войны 1812 г. Привлекался по делу декабристов, но был вскоре освобожден и назначен камергером. Женат на Е. Н. Киндяковой. Об отношениях Пушкина к Р. см.: Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 151. О Р. см.: *Вигель*. Т. II. По указ. Гершензон М. История молодой России. 2-е изд. М.; Пг., 1923. С. 44. Портрет его: *Русские портреты*. Т. IV. № 132.

⁴ Дельфин — см. письмо 65, прим. 9.

⁵ Назимов Платон Николаевич, флота мичман, новоржевский помещик, сын Николая Борисовича Назимова (ум. до 1804), секунд-майора, новоржевского исправника, и Александры Михайловны N (*Руммель*. Т. II. С. 101). О Назимовых см. письмо 1.

⁶ Глаубич А. А. и Е. Я.

⁷ Меландер Екатерина Исааковна урожд. Ганнибал.

⁸ Кирьяков В. Я.

⁹ Шелгунова Н. К.

¹⁰ Елагина. Кто имеет в виду, установить не удалось. См. письмо 14, прим. 6.

¹¹ Княжнин Владимир Яковлевич (ум. 20 VII 1837, *ПД, КМ*), сын драматурга, новоржевский помещик, владелец села Иваньково, брат

А. Я. Княжнина, мужа В. А. Княжниной. К. занимался литературой и вместе со своим родственником В. Д. Философовым (под псевдонимами «В. Вифосолиф и В. Нинжянк») перевел роман Ж. Санд «Симон» (вышел в 1838 г.). «Ужасный разбор „Симона“ в „Северной Пчеле“ очень и очень поотбил бодрости», — записал в 1839 г. в своем дневнике В. Д. Философов (сборник в память А. П. Философовой. Пг., 1915. Т. I. С. 39 и 43).

¹² Княжнина В. А.

¹³ Хованская В. А., княгиня.

¹⁴ См. письмо 57. Профессор, за которого вышла Н. Р. Цебрикова, — Александр Петрович Алимпиев (1797 — 16 II 1862, *ПН*), сын тверского протоиерея, впоследствии архимандрита Петра Ивановича Алимпиева (Чернявский М. Приложение к генеалогии господ дворян Тверской губ., Тверь, 1869. С. 18). А., «глухой педагог», был преподавателем «древностей» и русского языка и словесности в Петербургском театральном училище и многих других учебных заведениях (Лонгинов М. Ф. Н. Обер // *РС.* 1874. XII. С. 555). О. С. писала 12 сент. 1835 г. мужу об А.: «Он пожал мне руку так искренно, так сердечно, что это расположило меня в его пользу. Это вдовец, отец 4 детей, еще молод, вовсе не дурен собой, однако совершенный профессор. У них хорошая квартира в доме казенной гимназии. Натали сильно похудела, и прыщики ее не прошли; у нее был выкидыш, от которого она не может оправиться. Впрочем, мне кажется, она хорошо сделала, что вышла замуж» (*Псв.* XVII—XVIII. С. 169). В 1843 г. Алимпиевы жили на Б. Мещанской, в доме 2-й гимназии (*ПД*, записная книжка Н. И. Павлищева). Об А. см.: Быков П. М. Н. Вернадская // *Древняя и Новая Россия.* 1877. 7. С. 236; *РС.* 1881. II. С. 375, 419; 1882. I. С. 19; *РА.* 1869. С. 1041.

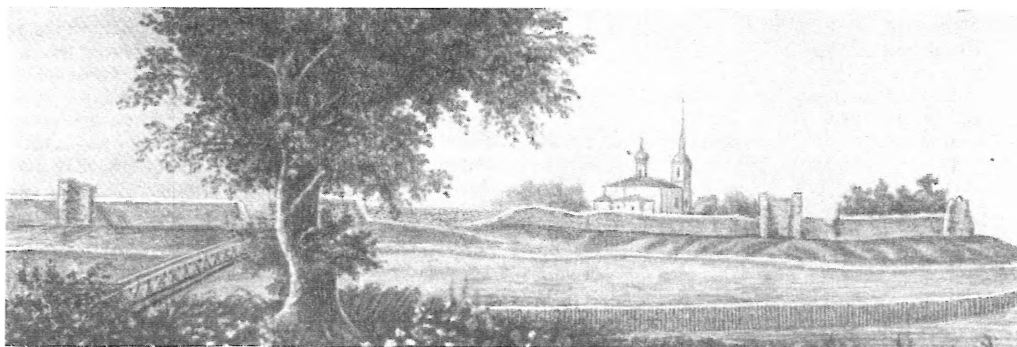
¹⁵ Тимофеев Петр Петрович, статский советник, брат «Тимошей». (*ПД, КМ*).

¹⁶ Лохтина В. П.

* По-французски непереводаемая игра слов, основанная на двойном значении слова *adresse*: ловкость и адрес — «il faut être très adroit pour te donner l'adresse d'Alexandre».

95 *Надежда Осиповна:**Остров 22 сего сентября 1834.*

Со вчерашнего дня мы у Меландеров¹, где я имела удовольствие получить твое письмо от 2-го, дорогой друг. Знаешь ли, что ты совсем сбила меня с толку, изменив маршрут своей корреспонденции, что ты ни говори, а я предпочитаю Новоржевскую почту, и ежели есть письма заблудшие, то наверняка это по милости г-жи Осиповой, которая забывает их отправить, или почтмейстер Синского, который пьяница, тогда как Новоржевский не пьет и очень рачительно передает все, что нам адресовано. Мы весьма исправно получали твои письма на 18-й или 16-й день, теперь оно не так. Ты не угадала, думая, что мы писали тебе, уезжая к Шуш [ериным], ты забыла, мой добрый друг, что мы не проезжаем Новоржева — это в 20 верстах от Ругодиво, но я несколько раз писала тебе после этой поездки, и мое последнее письмо помечено 9 Сентября, надеюсь, ты его получишь. Я сообщила тебе подробности праздников минувших и праздника грядущего, то есть 17-го числа — дня моего ангела. У нас много было гостей, дом наш был полон, как яйцо, к счастью у Кривоногого² хватило ума отправиться ночевать со своим обществом к одному из наших соседей, мне не пришлось хлопотать об их ночлеге. Его жена оставалась у нас до 19, 20-го мы поехали к Эфрозине³, а вчера были уже у моей кузины⁴, которая не могла собраться в Михайловское из-за флюса — он мучает ее уже месяц. Ежели ты решилась писать нам на Новоржев, то уверена, что по возвращении я найду от тебя письмо. Благодарю Господа, что ты здорова, и жду твоего разрешения; упование на Божью милость дает мне надежду обнять тебя и твое Дитя. Будущий год, наверное, выпадут счастливые дни, и эта мысль позволяет мне с большим мужеством переносить нашу долгую разлуку. Сейчас пишу тебе мало, я боюсь упустить почту. Погода великолепная, пойду немного пройтись по городу и нанесу визит г-же Симанской, невестке Катерины Лукьяновны⁵; она добрая женщина, но у нее нет ни образования, ни ума сей последней. Итак, ты наконец написала Катрин Ивелич, а я собираюсь писать Катерине Карловне Лодыженской — попрошу ее прислать мне шерсти, я работаю для нашего монастыря, рукоделье мое остановилось из-за отсутствия шерсти⁶. Прощай, моя добрая Ольга, целую тебя миллион раз.

Остров. Вид крепости.
Акварель 1830-е гг.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька!

Вот в какой счастливый момент нагрянули мы в Остров. Мы нашли здесь письмо от тебя от 8-го. — Если б оно было послано в Т р и г о р с к о е, уверен, мы получили бы его еще через неделю. То, что говоришь о г-не А н и ч к о в е ⁷, мне приятно слышать. Он тоже мне очень нравится, хоть я его и не так хорошо знаю; я нахожу его очень предупредительным и очень любезным — я всегда с удовольствием принимал его у нас. — Мама говорила тебе про день 17-го, но не сказала, что Ш у ш е р и н, по благородной своей привычке, привез нам двух господ, которых я не знаю и знать не желаю. Один — некий г-н Дельфин, который не приносит ни слова и с утра до вечера курит толстую трубку, другой — офицер одного полка, квартирующего в Новоржеве, фамилию его он сам не мог назвать. — Это прямо мания окружать себя приживалами. — Ему кажется, что так он более похож на большого барина. — Не знаю, что сказать тебе про Леона. — Мы написали ему в Х а р ь к о в до востребования, как он хотел. — Теперь я подобным же образом пишу в Тифлис, но не знаю, получит ли он эти письма и где он находится. — И с Александром та же история. В настоящий момент он должен бы быть уже в Петербурге, но один Бог знает, воротился ли он. — Его история бунта П у г а ч е в с к о г о объявлена в Газете ⁸. Те, кто видел кое-какие отрывки, отзываются с большой похвалой. — Вревский ⁹ одалживает мне все новинки — его братья посылают ему их из Петербурга. — Сейчас я читаю Мемуары Капитана Галля ¹⁰. — Это все морские сцены, которые мне весьма надоедают *. — Г-н Сю всегда заставляет меня потеть **, а это в том же роде ¹¹. — Не сердись, дорогая Олинька, что письмо мое кратко. — Почтмейстеры здесь взыскательности невероятной. — Сегодня как раз отходит варшавская почта, и сейчас 11 часов. — В полдень более не принимают. — Мама не сказала тебе, что накануне ее именин мы обедали у г-жи О с и п о в о й со всем семейством П е щ у р о в ы х ¹². — Дамы эти очень любезны и приветливы. — Прощай, Д у ш и н ь к а! Да хранит и защищает тебя Господь. — Зачем зовешь ты сопляком маленького ангела, которого ожидаешь? — А мне так любопытно его поцеловать.

Адрес рукою Сергея Львовича:

Его Высокоблагородию Николаю Ивановичу Павлищеву в Варшаве. Помощнику Статс-Секретаря в Государственном Совете. Для доставления Ольге Сергеевне Павлищевой.

Штемпеля и пометы: Остров, 2. 149. Zalesie ¹³/ю 45.
Pawliczew w Warszawie.

Пвл. ИВ. 88. IX, с. 304.

¹ Меландер И. К. и Е. И.

² Шушерин Н. М.

³ Вревская Е. Н.

⁴ У Е. И. Меландер, владелицы Сухопольцева, под Островом. — *Прим. В. С.*

⁵ Симанская Е. Л. Ее невестка (жена брата ее мужа) — Екатерина Андреевна Симанская, урожд. Чихачева (12 V 1800—15 III 1873). С 1831 г. — жена Симанского Владимира Александровича (6 III 1786—24 IV 1860), островского помещика. — *Прим. В. С.*

⁶ В ноябре Належда Осиповна завершит свое

рукоделие — «пелену налойную» и сделает вклад в Святогорский монастырь. Об этом свидетельствует запись за ноябрь 1834 г. в «Объездном журнале третьеклассного Святогорского мужского монастыря за 1833 и за 1834 годы», обнаруженная сотрудницей Пушкинского государственного заповедника Л. В. Сергеевой: «От опочечкой помещицы Села Михайловского Г-жи Пушкиной пелена налойная вышитая шерстью разноцветной пряжею разными цветами. Посреди вышиты пять крестов оной же пряжею вышиты, поймы вышиты кругом оной же шерстяной пряжею в поймах кресты мелкие» (ГАПО ***).

* По-французски подчеркнуто «fort beauxoir» — неправильное речение, употребляемое С. Л. в шутку.

** По-французски игра слов: «Mr Sue me fait toujours suer».

*** Государственный архив Псковской области.

ф. 39, оп. 1, ед. хр. 4869, л. 12). — *Прим. В. С.*

⁷ Аничков В. И., адъютант И. Ф. Паскевича.
⁸ «История Пугачевского бунта» вышла в последние числа декабря 1834 г. «Я читал Пушкина книжку о Пугачеве, но, признаюсь, ожидал лучшего», — писал брату К. Я. Булгаков 4 февр. 1835 г. (РА. 1904. IV. С. 559).

⁹ Вревский Б. А., барон.
¹⁰ Холл Базиль (Basil Hall, 1788—1844) — английский мореплаватель, исследователь берегов Кореи и островов Лиу-Кну, автор многочисленных научных и литературных трудов. Мемуары, о которых говорит С. Л., это вышедшие во французском переводе в Брюсселе в 1831—1834 гг., в трех томах, под названием «Мемуары и путешествия Базилья Халля». Сочинения Г. имелись в библиотеке Пушкина (Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 244),

отзывы о них есть у П. А. Вяземского (ОА. III) и в «Записках» С. Н. Глинки (СПб., 1895. С. 41). О Г., его личности и сочинениях см. в письмах А. И. Тургенева (который был с ним дружен) к князю П. А. Вяземскому (Переписка А. И. Тургенева и кн. П. А. Вяземского. Пг., 1921. Т. I. С. 235 и далее).

¹¹ Сю Эжен (Eugène Sue, 1804—1857), известный французский писатель, автор знаменитого романа «Вечный жид», а также многочисленных повестей из морского быта, самые известные — «Плик и Плок. Морские сцены» (Paris, 1831), «Атар Гулль», «Саламандра» и др. Об отношении Пушкина к этим повестям см.: Томашевский Б. В. Французская литература в письмах Пушкина и Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. Л., 1927. С. 221.

¹² Семейство псковского губернатора.

96 Сергей Львович:

3 Октября с[ело] Михайл[овское] 1834 г.

Вчера мы снова имели удовольствие получить от тебя весть, письмо твое было помечено 22 Июля, на адресе стояло 3, но какого месяца мы не могли разобрать. — Г-жа Ш у ш е р и н а ¹, которая приехала к нам 1-го и сейчас уезжает, пожелала непременно отослать это, видимо, для того, чтобы попробовать, не дойдет ли оно до тебя прежде других. — Я очень благодарю тебя, дорогой друг, что никогда не преминешь нам написать, и как я более чем уверен, что наши письма тебе приятны, то не хочу упустить этого случая — не х о ч у п р о м и н о в а т ь с е й в е р н о й о к а з и и, как говорят русские. — Все не то с твоими братьями. — Мы лишь понаслышке знаем, что Александр в Петербурге, он живет на новой квартире ². Что до Леона, то, полагаю, что он в Тифлисе, однако я в том не уверен. — Сонцовы в течение Сентября писали нам дважды, Алиша с нетерпением ждет нескольких строк от тебя. Проект М а т в [е я] М и х [а й л о в и ч а] остался неизменным, он приедет в Пет[ербург] по санному пути, он много рассказывает нам о московских пожарах, и есть кварталы, вовсе выгоревшие ³. Еще сообщает нам о событии, случившемся с госпожой Левашевой, Александрин ⁴. Вообрази, на большой Рязанской дороге на нее напали люди, вооруженные с головы до ног. Их было двенадцать. — Главарем был некий Князь Волконский, который с пистолетом в руке вынуждал ее следовать за ним в Церковь, дабы обвенчаться. — Он в нее влюблен, она ему отказала, и он принял это романтическое решение. — По правде, я думаю, что подобные ужасы происходят благодаря целую массу новых романов. — Прощай, дорогой и добрый друг! Целую тебя очень нежно. — Я очень тороплюсь. Не знаю, поспеет ли Мама прибавить словечко. Уезжают, завтракают, а госпожа Меландер ⁵, которая у нас, еще едва проснулась. Мы обедаем у П р а с к [о в ь и] А л е к [с а н д р о в н ы] ⁶, Аннет целует тебя и очень любит, но она ненавидит Т р и г о р с к о е ⁷, и это часто делает ее весьма рассеянной. Чтоб ее похитили вооруженной силой, как рисковала быть похищенной г-жа Левашева, мне думается, она бы не хотела, однако добрая свадьба не была бы для нее лишней. Прощай еще раз. Г-жа Левашева, благодаря слезам и крикам, была отпущена. Утверждают, что она писала об этом Его Величеству.

Надежда Осиповна:

У меня нет времени прочесть, что пишет тебе Папá, что я всегда делаю, дабы не повторять одного и того же. Как госпожа Шушерина спешит сию минуту нас покинуть, то мне приходится, дорогой друг, довольствоваться благодарностью за твое письмо и сообщением, что теперь не осталось ни одного затерянного. Целую тебя тысячу раз.

¹ Шушерина Н. Н.

² В середине августа 1834 г. Пушкин переехал в дом Баташова. — Прим. В. С.

³ О московских пожарах летом 1834 г., когда выгорело дотла Лефортово и Рогожская часть, см.: Пассек Т. П. Из дальних лет. М., 1963. Т. II. С. 27; Герцен А. И. Былое и думы. Ч. II. Гл. VIII; Кошелев А. И. Записки. Берлин, 1884. С. 49; Отрывки из воспоминаний Бекетова // Шукинский сборник. М., 1903. Вып. 2. С. 488.

⁴ См. письмо 55, прим. 12. Никаких следов нападения князя Волконского на А. Н. Левашеву в литературе не сохранилось. Но сохранилось свидетельство не нападения, а безобразной выходки, и не князя Волконского, а знаменитого крепостника генерала Измайлова по отношению к некоей г-же Левашевой — «богатой и родовой», «одной из образованнейших женщин тогдашнего московского общества, с которой был очень дружен П. Я. Чаадаев» (по всей видимости, речь идет именно об Александре Николаевне). Приключение Левашевой состояло в следу-

ющем. Однажды быстро ехавшая ее карета пересекла в поле дорогу собакам генерала Измайлова, гнавшимся за лисой, и лиса ушла. Разгневанный самодур велел остановить карету, несмотря на то что в ней ехала «богатая и родовитая» г-жа Левашева. Дверцы кареты были растворены настежь, и Измайлов велел всем псарям и собакам пройти через карету мимо дамы (Славутинский С. Г. Генерал Измайлови и его дворня // Древняя и Новая Россия. 1876. № 11. С. 262). Возможно, эта история, переходя из уст в уста, приняла характер «похищения».

⁵ Меландер Е. И.

⁶ Осипова П. А.

⁷ А. Н. Вульф — см. письмо 13, прим. 2. В начале апр. 1834 г. она писала сестре: «Ежели бы я могла, я пешком бы на край света убежала бы из Тригорского. Я боюсь, право, что я с ума сойду: не только что тоска и грусть, мне нестерпимые, но на меня даже ужас такой находит, что я спать даже не могу» (Псв. XXI—XXII. С. 316).

97 Надежда Осиповна:

Михайловское 22 сего Октября 1834

Я не писала тебе с 3-го сего месяца, мой добрый друг, все ожидая от тебя письма, но как оно не приходит, то я решила писать сама, чтобы не доставить тебе беспокойства. Срок родов твоих приближается, быть может, ты уже мать, я всякий день молюсь о твоем счастливом разрешении, ежеминутно я жду этой доброй вести, но наша почта выводит меня из терпения, я посылаю в Новоржев, в Остров, и всегда возвращаются с одним ответом нету писем. Александр вовсе нам не пишет, это от наших людей мы знаем, что он переменял квартиру; за четыре месяца, что мы здесь, мы получили 4 строчки, когда он уезжал в Москву, но с той поры нам неизвестно, что с ним случилось; в Б о д н е он или в Петербурге — Бог знает. Натали писала нам в апреле месяце, это было ее первое и последнее письмо, Леон, должно быть, в Тифлисе, я не надеюсь так скоро иметь от него вести, это так далеко, а почта псковская отвратительна. Никто не подает нам признаков жизни, можно подумать, что мы в Китае. Соседство и дружба жителей Тригорского нам в большое утешение. Этот год мы редко выдаем Тимофеевых, они не пользуются добрым здоровьем и по очереди болеют. Погода хорошая, но мне кажется, у нас скоро будет зима, несколько раз шел снег, и заморозки очень сильные, снег не покрыл еще земли, однако это не замедлит случиться. Сонцовы по-прежнему собираются в Петербург, но мне не верится, чтоб они приехали. П р а с к о в њ я А л е к с а н д р о в н а ¹ оставляет Аннет ² с нами, ты можешь вообразить ее нетерпение покинуть деревню, но мы еще об этом не думаем. Повсюду, где бы я ни находилась, это письма твои, дорогая Ольга, де-

лают пребывание мое приятным. Что бы это было, если б я имела счастье находиться с тобою, дражайшее мое Дитя. Прощай, да защитит тебя Небо, целую тебя тысячу раз, благословляя от всего сердца. Аннет тебя целует и очень тебя любит. Письмо это уйдет лишь послезавтра.

Сергей Львович:

Возвращаюсь с прогулки, дорогая Олинька.— Погода — какой только можно желать 22-го Октября, тем не менее дорожки различаешь лишь по снегу, который их покрывает, прочее все покрыто сухими листьями.— Вид сада не весел, но я люблю его и таким.— Мы некоторое время не имеем от тебя вестей.— Я вычисляю и соображаю и прошу Бога о твоём счастливом разрешении. Я очень буду любить своего внука, ведь ты говоришь, что это будет сын,— а я верю твоему второму зрению.— Мама рассказывала тебе о молчании Александра — оно непозволительно.— Что до Леона, то очень хотел бы ему написать, но тоже не знаю, в Тифлисе он или нет.— Он обещал писать нам с дороги. Очень может быть, что письмо его затерялось, ведь Кавказ и Грузия малость подалее Петербурга и сношения с этим краем должны быть несколько более затруднены.

Бревские³ продолжают давать нам книги, как и Газету и заграничное обозрение.— Последнее время и теперь я еще читаю Мемуары Байрона, писанные Муром⁴. Надо признаться, что этот Великий Гений много мелочного имел в характере и, случалось, вел себя как сущий пьяница, каким он и был.— Дабы примириться с ним, мне нужно было его перечитать. Как Поэта я его люблю, но как человека... нимало! Я для того не доволен цивилизован.— Читал я еще Мемуары Базиля Галля⁵, капитана английского корабля, попадаются места очень интересные.— Это, однако, не помешало тому, чтобы на труде сем я нашел замечание Аннет Вульф, очень верное.— Она находит, что сцены на воде отличаются большой сухостью, и это правда. Прощай, дорогая, добрая Олинька. Да благословит тебя Господь и да осыплет всеми своими милостями. Целую тебя очень нежно. Наискорейше дай нам весть, да наилучшую, и я возблагодарю Бога.

¹ Осипова П. А.

² Вульф А. Н.

³ Бревские Б. А. и Е. Н.

⁴ Байрон, лорд, Джордж Нозль Гордон (1788—1824). Биография его была написана Томасом Муром (1779—1852), автором поэмы «Лалла Рук», «Ирландских мелодий» и ряда стихотворений на политические темы. Биография Байрона была переведена на французский язык Mme Louise Belloc под названием «Mémoires de Lord Byron, publiés par Thomas Moore»

(«Мемуары Лорда Байрона, изданные Томасом Муром»). (Paris, 1830). Отметки Пушкина некоторых мест в первом томе дают основание предполагать, что впечатления его от Байрона-человека совпали с впечатлениями С. Л. (Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 182). А. Н. Вульф, читавший эти мемуары в 1833 г., дает в своем дневнике отзыв, обратный отзыву С. Л. (Майков. С. 189).

⁵ См. письмо 95, прим. 10.

98 Сергей Львович:

29 Октября Михайловское [1834 г.]

Дорогая Олинька!

Мы только что получили твое письмо от 1-го Октября. Оно несколько дней пролежало у Новоржевского Почтмейстера.— Одновременно пришло

письмо от Леона, он в Харькове и думает пробыть там еще недели две; оттуда ему хотелось бы съездить прогуляться по Крыму и посмотреть Понт Эвксинский, но он говорит, что отказывается от сего проекта... по счастью! — Он не подозревает, сколько эти путешествия, от коих один ущерб, меня огорчают. — То, что говоришь о К. Ивелич¹, — совершенно справедливо, но сплетни, постоянно распускаемые насчет Александра, мне тошно слышать. — Знаешь ты, что, когда Натали выкинула, сказали, будто это следствие его побоев. — Наконец, сколько молодых женщин уезжают к родителям провести 2 или 3 месяца в деревне, и в этом не видят ничего предосудительного, но ежели что касается до него или до Леона — им ничего не спустят. Что это за трубка, которой ваши врачи зондируют брюхатых женщин? — Это достойно Мольера!² Видимо, в его время этого способа не существовало. Теперь же трубка не трубка, а мы будем ждать вестей о тебе, надеюсь, ты не поступишь, как г-жа Берг³, но да свершится Божья воля, была бы ты здорова. — Пиши нам, дорогая Олинька, ты не можешь, или, вернее, можешь себе представить, сколько твои письма доставляют нам удовольствия. — Прежде всего — они от тебя, а затем — они очень хорошо написаны и мне приятно их читать. — Александр не пишет нам вовсе. — Я не знаю, где он, что делает. Это молчание непростительно во всех отношениях. Я от него в некотором роде завишу, а он более 2-х месяцев оставляет меня в полном неведении моей участи. Прощай, добрый и дорогой друг. Целую тебя от всего сердца, от всей души. Как мне досадно, что Мольер не живет в наше время: вы были бы лучшие друзья на свете, и ты давала бы ему уроки сарказма против факультета.

Надежда Осиповна:

После многих тревог по причине запоздания почты, вот, благодаря Бога, два письма, которые мы получили сию минуту, одно от тебя, дорогая Ольга, другое от Леона, помеченное 16 Сентября. В настоящий момент ты уже должна быть в родах, и я надеюсь скоро получить эту добрую весть. Псковский почтмейстер⁴ сегодня у П р а с к [о в ь и] А л е к с [а н д р о в н ы], он уезжает чрез несколько часов, и я тороплюсь отправить с ним мое письмо в надежде, что так оно скорее до тебя дойдет. Вчера были именины г-жи Осиповой, за столом нас было 18 человек, Эфросина и ее муж⁵, Александрина со своим⁶, Глаубичи⁷, Шелгуновы⁸, г-жа Плессовская⁹ — кузина г-жи Гарлинской и множество других, мало интересных людей. Я была очень скучна и рассеянна, я все думала свою единственную думу, иначе говоря, была в Варшаве, возле тебя, дорогой и добрый друг. Молчание Александра тоже меня тревожит¹⁰, не знаю, что будем делать этой зимой, когда сможем покинуть Михайловское, признаюсь, я не спешу мчаться в Петербург, одна лишь проклятая почта Псковская заставляет меня думать о почте Столичной и внушает желание писать тебе оттуда. Твои письма составляют мое утешение, твоя привязанность — счастье моей жизни. Прощай, пора посылать в Т р и г о р с к о е, целую и благословляю тебя от глубины сердца.

Адрес рукой Сергея Львовича:

Его Высокоблагородию Николаю Ивановичу Павлищеву. В Варшаве. Помощнику Статс-Секретаря в Государственном Совете Для Доставления Ольге Сергеевне Павлищевой.

Штемпеля и пометы: Ноя[бря] 3.45 в/83 $\frac{1-о\ 60}{пор\ 90}$ $\frac{150}{150}$ 3. 1834

Остров. Zalesie ²⁷/11. Pawliczew w Warszawie.

Пвл. ИВ. 88, XI, с. 301.

Врс., с. 790.

Млд. Псв. XIV, с. 17.

¹ Ивелич Е. М.

² Комедии, в которых Мольер (1622—1673) юмористически изображает врачей, — «Мнимый больной», «Господин Пурсоньяк», «Лекарь поневоле». С. Л. мастерски читал комедии Мольера.

³ Берг, урожд. Чиконья (итальянка), по первому браку графиня Аппони, с 1832 г. жена Федора Федоровича Берга (1793—1874), в 1813 г. — генерал-квартирмейстера русских войск в Польше, с 1856 г. — графа, впоследствии фельдмаршала, с 1863 г. — наместника Царства Польского. В. А. Докудовский в дневнике 1867 г. рассказывает о Б. («католичке ревностной»): «Графине Берг, по ее словам, 84 года, и она пользуется совершенным здоровьем: шьет по канве и не знает очков, читает душеспасительные книги и в своем затворничестве развлекается игрой на фортепиано. Она, как объявила одной даме, старше мужа шестью годами. Это древние мифологические Филемон и Бавкида!» (Докудовский В. А. Дневник. Рязань, 1903. С. 94 и далее; *Бутурлин*. 1897. Кн. 1. № 7. С. 379). О Ф. Ф. см.: Берг Н. В. Польское восстание 1863 г. Гл. «Ф. Ф. Берг» // *РС*. 1879. V. С. 76; *Затворничий*. По указ.; Павлищев Н. И. Граф Ф. Ф. Берг

// *ИВ*. 1887. V. С. 334; Николаи Л. П., бар. Дневник // *РС*. 1877. Т. 20; *Свербеев*. Т. II. С. 369; Шениг Н. И. Воспоминания // *РА*. 1880. Кн. 3. № 11/12. С. 302; Селиванов И. В. Записки // *РС*. 1880. XII. С. 854; Кошелев А. И. Записки. Берлин, 1884. С. 147 и след.; Докудовский В. А. Дневник. Рязань, 1903; *Никитенко*. Т. II. С. 363; Т. III. С. 100, 459.

⁴ Темиров И. И.

⁵ Вревские Б. А. и Е. Н.

⁶ Беклешовы П. Н. и А. И.

⁷ Глаубичи А. А. и Е. Я.

⁸ Шелгуновы.

⁹ Плессовская Н. Н.

¹⁰ П. А. Осипова писала Пушкину 1 ноября 1834 г.: «...ваши родители беспокоятся о вас — ибо как же объяснить более чем трехмесячное молчание (<...> Вот письмо вашей матери, которое я прилагаю к моему, ваш Отец слег в постель — и только от беспокойства. — Бога ради, напишите нам, ибо иначе — иначе, право!! ваш отец этого не вынесет, — поспешите же сообщить ему, что вы и все ваши здоровы, — и что вы его не забыли — мысль, которая его мучает и доводит до слез вашу мать» (XV, 198).

99 Сергей Львович:

7 Ноября [1834 г.] Михайловское

Дорогой Николай Иванович, — вчера, к большому нашему удовлетворению, мы получили ваше письмо, известившее нас о счастливом разрешении Олиньки. Да ниспошлет Небо вашему новорожденному все свои благословения. Я смотрю на него как на Ангела мира и надеюсь, он будет утешением ваших старших дней ¹. — Обнимаю вас от всего сердца.

Благодарю тебя, дорогая Олинька, за внука и за *post scriptum* в письме Николай Ивановича. — Надеюсь, Господь услышит наши молитвы о здравии вас обоих, матери и сына. — Когда получишь это письмо, полагаю, ты будешь совершенно здорова. Вчера мы получили письмо от Александра ². — Он воротился из Болдина и занимает квартиру бывшую Вяземского ³ — у Гагаринской пристани на Набережной в доме Баташова. — Не знаю, где Сонцовы и куда адресовать им мое письмо. — Я уверен, что они разделят нашу радость, и очень хотел бы им ее сообщить. — Целую тебя очень и очень нежно, как и маленького Леона. Мы рассчитываем, что вы будете рассказывать нам все подробности, его касающиеся. — Блондин он, брюнет? Есть у него кормилица? Кто был его воспитателем? и пр. и пр., а особенно, совсем ли ты оправилась? Прощай еще раз, и еще раз тысячу благословений тебе и маленькому.

Надежда Осиповна:

Как выразить вам радость, которую я испытала, получив письмо Ваше, мой дорогой Николай Иванович; нужно быть Бабушкой, чтобы понять, что

я чувствовала, читая его; да благословит Небо нашего маленького Леона, которого я люблю уже от всего сердца, да составит он ваше счастье, а я пусть буду иметь сладостное утешение принимать его ласки — вот искренняя молитва, какую вечно буду возносить.

Прижимаю тебя к своему сердцу, дражайшая моя Ольга, и чувствительнейше тебя поздравляю; целуй за меня маленького Леона всякий раз, как он будет у тебя на руках. Благословляю вас обоих и очень благодарю тебя за строки, которые ты, дабы нас успокоить, начертала в темноте, совершая тем неосторожность, ибо не надо утомлять глаз; надеюсь, однако, это не причинит тебе вреда. Жду еще письма от тебя со всеми подробностями, которые так мне дороги. Наконец у нас есть вести от Александра. Натали опять брюхата, сестры ее⁴ с нею и снимают очень красивый дом пополам с ними, он говорит, что это ему удобно в отношении расходов, но несколько стесняет, ибо он не любит менять своих привычек главы дома. У нас уже зима, но не знаю, когда мы сможем уехать. Однако ж я жду этого с нетерпением, не для того, чтобы веселиться в Столице, но чтобы быть защищенной от холода, — вообрази, здесь у нас совсем нет двойных рам; да и переписка наша не будет прерываться, какое счастье часто иметь от тебя вести, псковская почта немало испортила мне крови. Прощай, дорогой друг, надеюсь, это письмо застанет тебя совершенно оправившейся.

Адрес рукой Надежды Осиповны:

Его Высокоблагородию Николаю Ивановичу Павлищеву в Варшаве Помощнику Статс-Секретаря Государственного Совета

Штемпеля и пометы: 45. Ноя [бря] 13 1834. Остров
Zalesie 8/12.96. Pawliczew w Warszawie.

Пвл. ИВ. 88. II, 299—300; IX, 307, 308.

Врс., с. 790.

Мдз. Псв. XIV, с. 19.

¹ Павлищев Лев Николаевич (8 X 1834—7 VII 1915). Получил образование в Императорском Училище правовердения и на юридическом факультете Петербургского университета, по окончании которого служил в Департаменте уделов; с 1865 по 1871 г. состоял в Варшаве при графе Ф. Ф. Берге, редактируя в то же время русский «Варшавский дневник»; с 1876 по 1896 г. был чиновником особых поручений в Главном интендантском управлении. Автор «Семейной хроники», в основу которой частично легли настоящие письма (ИВ. 1888, отдельное издание — М., 1890), и нескольких статей о Пушкине, помещенных в разных изданиях. Женат был первым браком (с 25 октября 1863 г.) на Анастасии Александровне Полянской, дочери А. А. Полянского и графини Рибопьер; вторым — на воспитаннице графини Перовской, Ольге Петровне N (ум. 1916). Брак сына с Полянской не принес радости О. С. В 1866 г. она даже отказалась приехать в Варшаву из-за новости (П. с женой жил в Варшаве у отца). Она писала мужу 12 дек. 1866 г.: «Я боюсь быть в Варшаве более одинокой, чем здесь (...) буду откровенна до конца, это не ваша дама оказалась бы препятствием, я бы о ней и не подумала, поверьте, мой добрый друг, но это моя невестка. Вас я бы не стеснила, но ее бы стеснила — она вовсе меня не любит, чтобы не сказать больше; она это говорила, она мне это доказала, в начале свадьбы она едва не посеяла рознь между мной и

Леоном, до того, что была даже резка со мной...» (ПД, ф. 221, оп. 2, № 6). В сентябре того же года О. С. неожиданно узнала о преступлении, совершенном дедом невестки своей, Полянским; она с возмущением пишет сыну: «...на этой неделе мне доставали читать ужасную историю Деда твоей жены. — Волос дыбом становятся от его злодейства — она напечатана со всеми подробностями в журнале министерства юстиции 1862 г. августа. Это очень любопытно — целый роман — об убийстве им Алтуховой — убийца был настоящим чудовищем, извергнутом преисподней, жестокостью, от которой буквально волосы становятся дыбом, и ни малейшего следа раскаяния даже после приговора — дело это тянулось 11 лет благодаря его состоянию, которое он должен был пожертвовать в надежде скрыть свое преступление, — чтобы оправдаться, он обвинил невинных, которые были осуждены на каторгу, — одним словом, это ужасно! — Не считая убийства, он мучил своих крестьян как инквизитор — удивляет меня, как его жена могла с ним жить и, мало того, во время следствия произвести на свет еще троих детей!» (там же). Жена П. была бездетна, что очень его огорчало, но О. С. утешала сына, приводя в пример разные случаи позднего появления детей: «Г-на Плетнева первенец явился спустя 12 лет после свадьбы, барон Дельвиг через семь лет стал отцом девочки, которая похожа на него как две капли воды (...) и потом, нервы тут ни при чем;

я бы тоже не должна была иметь детей, потому что нервная жена стоит мужа; отец мой очень был нервный, и Александр, но это не помешало тому, чтобы нас было 8 человек детей, а Александр становился отцом каждый год (...) Соломирскому 68 лет, а у него второй сын...» и т. д. Беспокоила О. С. и родня невестки; в декабре 1866 г. она пишет: «...что ваша бабушка, когда от тебя отправится? Боюсь, что до весны, пожалуй, останется.— Александр Сергеевич где-то сказал „уж эти мне друзья!“; а поневоле ты скажешь — „уж эта мне родня!“ и станешь от нее из дому бегать, иначе быть не может» (там же).

По семейным преданиям, П. действительно не был счастлив со своей первой женой. Она умерла в 1880-х гг., погребена в Петербурге, на кладбище Новодевичьего монастыря. Детей он не имел и от второго брака. Последние годы жизни П. со второй женой жил на пенсию в маленьком собственном домике в Петербурге, в Лесном, где и погребен на Богословском кладбище. О нем см. статью в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

² Письмо Пушкина не сохранилось.

³ Вяземский П. А.

⁴ Гончаровы А. Н. и Е. Н.

100 Надежда Осиповна:

14 сего Ноября 1834. Михайловское

Дай, я расцелую тебя, моя Ольга, мой добрый друг, за исправность, с какой нам пишешь, невзирая на состояние слабости, в котором ты находишься. Хоть ты и не хочешь признаться, но я знаю, что ты страдаешь от этих мерзких геморроидов, вещи ужасной в родах. Я сама через это прошла, я еще не забыла. Мне, однако, досадно, что ты больше не кормишь, как кормила до 7-го дня, надо было потерпеть еще дня два или три, и боль бы прошла. Впрочем, не будучи возле тебя, не могу иметь о том мнения. Какое счастье, что ты нашла хорошую кормилицу и что за тобой ухаживает такая превосходная повивальная бабка. Но ты не сказала мне, дорогой друг, кто принимал от купели нашего Леона, не говоришь ты и о г-же Лохтиной¹, это ее приязни я мысленно тебя вверяю; наверное, муж твой за тобой ухаживает, но мужчины так неловки, особенно при первых родах. Ты не угадала, полагая, что письмо твое от 21 Октября будет странствовать, как было с тем, что от 22 Июля, — нет, оно пришло в момент, когда я менее всего его ждала и к большому моему удовольствию, ибо я уж думала, что оно будет получено лишь после нашего отъезда. Мы рассчитываем покинуть Михайловское к 22-го числа 22-го, дабы ко дню Св. Екатерины быть в Острове. Кузина моя² дает большой бал, потом мы несколько дней проведем во Пскове, пообещав Пешуровым³ лишний день побыть с ними и, признаюсь тебе, для того еще, чтобы посоветоваться с Бернаром⁴. Папá уже несколько недель страдает спазмами, говорю тебе об этом, потому что ему уже лучше — иначе мы не сбились бы в дорогу. Но он очень страдал, и, как на беду, у меня была моя сыпь и слабость такая, что я едва волочила ноги и едва могла оказывать ему необходимую помощь. Это усугубляло его страдания, ты знаешь, каков он со своими черными мыслями. Слава Богу, все прошло, твое письмо со счастливой вестью о твоём разрешении способствовало нашему выздоровлению — как это верно, что душевное спокойствие — лучшее лекарство. Я в восторге, что еду в Петербург, потому что наша переписка пойдет успешнее. Рассказывай мне о нашем маленьком Ангеле, знаешь ли ты, что я чувствую к нему больше нежности, нежели к детям Александра? Я непрестанно думаю о нем, хотела бы держать его на руках, целовать. Мне не хочется, чтоб он походил на Леона, надеюсь, он будет более красивым мальчиком. Я начала делать для него одеяльце, но оно может быть кончено лишь в Петербурге. Как обходишься ты без своей горничной

девушки, мой добрый друг? Вот уж это называется заболеть весьма некстати, что с ней такое? А м-ль Крюшь⁵, довольна ты ею? Ее любовник, повар Егор⁶, помер. Что делает Петрушка? Я хотела бы знать, что ты спокойна во всех отношениях. Прощай, дорогой добрый друг, кланяюсь твоему мужу, благословляю тебя и твое Дитя и целую вас обоих, мать и сына, от глубины сердца.

Сергей Львович:

Не знаю, как достаточно благодарить тебя, дорогая Олинька, за то, что еще нам писала,— безо всякого сомнения, это способствовало облегчению моих спазмов. Говоря без обиняков, я в течение многих дней опорожнялся лишь при помощи промывательного и весьма опасался к этому привыкнуть, подобно женщине XVIII века, которые всякое утро проделывали над собой эту унижительную операцию, дабы иметь свежий цвет лица.— Рассказывай нам, Душинька, о маленьком Леоне. Ведь он уже большой мальчик; когда получишь это письмо, ему будет 6 недель, он начнет тебе улыбаться.— Я уверен, что он будет красивее нашего Леона, прежде всего, он будет стройнее, я хотел бы только, чтоб у него был его цвет лица и его волосы. Тем временем целую от всего сердца его, как и тебя и Николая Ивановича.— Прощай, дорогая Олинька, да хранит тебя Бог, надеюсь, ты оправилась от своей слабости и у тебя прошли твои геморроиды, это мучительно, но не опасно. Тебе нужно быть в полном покое.

Я думаю, Душинька, ты хорошо сделаешь, ежели ответ на это письмо пошлешь — в С. Петербург, оставить на почте до востребования.

Ежели напишешь на имя Александра, он может несколько дней о нем не вспомнить и нам его не отдать.

Адрес рукой Сергея Львовича:

Его Высокоблагородию Николаю Ивановичу Павлищеву в Варшаве. Помощнику Статс-Секретаря в Государственном Совете. Д[ля] Д[оставления] Ольге Сергеевне Павлищевой.

Штемпеля и пометы: 45 55/125 Ноя[бря] 17 1834.

Остров Zalesie 15/12. Pawliczew w Warszawie.

Мдз. Псв. XIV, с. 21.

¹ Лохтина В. П.

² Меландер Е. И.

³ Семейство губернатора Пскова.

⁴ «Пушкины просят найти им квартиру во Пскове, куда они хотят приехать 26-го и провести несколько дней, чтобы посоветоваться с Бернардом относительно здоровья Серг[ея] Льв[овича],— писала Е. Н. Вревская мужу 15 нояб. 1834 г. из Голубова.— Если ничего не

помешает, я завтра поеду в Тригорское (...) навестить Пушкиных, которые оба больны» (Из Вревского архива//Псв. XXI—XXII. С. 372).

⁵ Груша — см. письмо 2, прим. 20.

⁶ Возможно, «Егор Федоров, сын Матвеев» — сын Арины Родионовны, крепостной села Михайловского, которому по ревизской сказке 1816 г. числится 21 год (*Ульянский*).

101 Надежда Осиповна:

Михайловское 29 сего Нсября 1834

Сию минуту подали мне твое письмо от 11-го, дорогая Ольга. Будь же наконец справедлива к Новоржевской почте — ни одно письмо, как увидишь из дальнейшего, не пропало. Чрез Опочку я писала тебе для пробы, это была случайность, г-жа Осипова никогда туда не посылает, но в тот раз у нее там были

дела, и я этим воспользовалась. Сколько благодарений должна воздать я Господу за твое счастливое разрешение! Надеюсь, в настоящий момент ты совсем здорова. То, что говоришь мне о своем ребенке, мне очень приятно. Буду ли иметь счастье его поцеловать, мне кажется, эта минута сравнится лишь с той, когда я дала жизнь тебе, дражайший мой Друг. Не гордись, что г-н Леон улыбается прежде шести недель, ты, ко всеобщему удивлению, улыбнулась на 15-й день после рождения. Что бы было, если б знали тогда славную Аверину травку! Мы много смеялись, читая эту часть твоего письма, ибо говорили о том за несколько дней до его получения. Не дашь ли ты травку и твоей Мариторне ¹, я бы предпочла, чтоб ты ее ею потчевала, нежели свое Дитя. Письмо твое очень нас позабавило, ты так хорошо пишешь и так интересно передаешь малейшие подробности, что читать их одно удовольствие. Я рада, что еду в Петербург, потому что чаще буду иметь это сладкое утешение. До сей поры мы все на отъезде; все уложено, но дороги наши почти что непроезжи, даже от нас до Тригорского; однако я попыталась совершить небольшую поездку в Остров ко дню Св. Екатерины. Вообрази, я отправилась в зимнем экипаже, а воротилась в коляске, подвергшись большим опасностям. По счастью, Папá не было со мною. Я чувствую себя лучше, чем он, и могу все переносить с большим мужеством. Мне думается, санный путь не замедлит установиться, и мы скоро сможем уехать. Я провела у моей кузины ² три дня. Праздник был блестящий, танцевали до шести часов утра, я приехала с Эфрозиной и Аннет ³, которые на следующий день отправились во Псков повидаться с кузиной своей Гладковой ⁴, которая только что родила и ждет из Петербурга Мать и сестру. Дамы эти сегодня должны воротиться во Врев, они ждут Алексиса ⁵ из Торжка, Аннет с ним собирается приехать к нам на праздник в Петербург. Что еще скажу тебе, дорогой друг? На почте есть для нас письмо от Александра, досадую, что не могу рассказать тебе, что он пишет, ибо когда получу его письмо, это уже будет отослано. Леон, наверное, в Тифлисе, с нетерпением жду от него вестей. Целую тебя тысячу раз, как и маленького Леона, кланяюсь Николаю Ивановичу.

Думаю, Гурьев ⁶ нас здесь уже не застанет, но это все равно, он заедет к соседкам, и мы увидимся в Петербурге.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька!

На сей раз письмо твое лишь 15 дней было в пути, и, надеюсь, до тебя дошли все наши.— Очень благодарен Николаю Ивановичу, что выбрал меня в Крестные; маленькому Леону не требовалось быть моим крестником, чтобы я любил его от всего сердца, но мне кажется, что так он еще мне ближе ⁷.— Да будут услышаны Предвечным мои молитвы о его сохранении и благоденствии!— Я с большим удовольствием прочел письмо твое, и, серьезно, я нахожу Аверину травку весьма полезной для новорожденного, ежели давать ее пить Мариторне.— Вижу ее отсюда, но на каком языке говорит она с маленьким? Дети понимают и постигают их все.— Не знаю, каким экипажем мы воспользуемся для возвращения в Петербург, очень желал бы, чтоб это были сани.— Последние два или три дня немного морозит и есть крошечный намек на снег. Я гуляю по саду не без опаски повстречать волка, не столько из-за себя, сколько из-за наших собак, которые до самого леса бегают за зайцами, коих великое множество. Как мне досадно, что этот Гурьев не может быть в Острове или Новоржеве ранее середины Декабря, мне очень было бы приятно принять его в Михайловском и побеседовать с ним.— Знает ли он г-жу Осипову? Не

помню, но мне сдается, что он часто встречался с Анной Николаевной.— Они рады будут видеть его в Тригорском, а я в Петербурге, где думаю жить достаточно одиноко. Ты хорошо сделала, Душинька, что написала Алише⁸. Надеюсь, ей всегда доставят твое письмо — я тоже писал им в Зарайск.— Где они теперь — не знаю, я не имел от них вестей месяца два и кончил тем, что адресовал им письмо на имя м-ль Кашкиной⁹, родственницы П[расковьи] А[лександровны]. Прощай, дорогая кума, очень нежно поцелуй моего крестника, очень нежно благословляю вас обоих.

Дорогой Николай Иванович!

Благодарю вас, что выбрали меня крестным отцом маленького Леона.— Да будет молитвы наши услышаны Небом, а он да станет вашим утешением! — Издалека вручаю себя в благорасположение г-жи сестры вашей¹⁰, как ее кум, и обнимаю вас от всего сердца.

Надеюсь, дорогая Олинька, что ты получишь это письмо прежде 20-го или же в самый день; и хоть ты и не любишь дня своего рождения¹¹, но я-то очень его люблю и поздравляю себя с его годовщиной, желая тебе, как и можешь думать, всякого воображимого и невообразимого счастья.— Очень хотел бы послать тебе что-нибудь, но отсюда ничего не могу сделать.

Надежда Осиповна:

Я тоже поздравляю тебя, мой добрый друг, да будет этот день, как и все дни твоей жизни, таким счастливым, как я того желаю. Эту молитву я не перестану возносить к Небу с тех пор, как ты существуешь. Вот уж четвертую годовщину провожу я вдаль от тебя, дорогая Ольга, как я завидую судьбе матерей, которые не разлучены со своими дочерьми! Кузина моя Меландер живет дверь в дверь со своей и надеется никогда с ней на расставаться. П[расковья] А[лександровна] все время проводит с Эфразиной, госпожа Княжнина поселилась в одном доме с Верой¹².— Я же принуждена тебе писать, не смея надеяться когда-нибудь обнять тебя наяву так же нежно, как делаю это в мыслях. Я не видала, как родился твой ребенок, сколько сладких минут у меня похищено судьбой, быть может, я буду вознаграждена во внимание к моему смирению.

Ежели письмо наше в ответ на счастливую весть о твоём разрешении пришло к вам с большим опозданием, сердись за то не на Новоржевскую почту, а на болвана этого Рокотова, который, взявшись его отослать, продержал несколько дней и потом мне его возвратил, придумав какой-то вздор в объяснение, почему не мог отдать его на почту,— так что письмо это везде побывало.

Приписка Сергея Львовича:

Вручаю себя памяти г-на Аничкова¹³.

¹ Мариторна — служанка гостиницы в «Дон Кихоте» Сервантеса. Этим именем Н. О. называет кормилицу внука.

² Меландер Е. И.

³ Вревская Е. Н. и Вульф А. Н.

⁴ Гладкова Екатерина Ивановна (р. 26 VII 1805), урожд. Вульф, дочь И. И. Вульфа и Надежды Гавриловны, урожд. Борзовой, с 1825 г.

замужем за ротмистром Оренбургского уланского полка Яковом Павловичем Гладковым, позже подполковником, сестра А. И. Трувеллер (см. письмо 80, прим. 6). О Г. см.: Вульф А. Н. *Дневник//Псв.* XXI—XXII. С. 87, 93, прим. М. Л. Гофмана — с. 244; *Письма.* II. С. 67, 350.

⁵ Вульф Ал. Н.

⁶ Гурьев — возможно, об этом Гурьеве гово-

рит Сербинович в своих записках о Карамзине: в 1825 г. у Карамзиных бывали «Плещеев, Гурьев, Лев Пушкин» (РС. 1874. III. С. 237).

⁷ Представителем С. Л. на крестинах был В. И. Анничков (см. письмо 67, прим. 26), приятель О. С. и Н. И. Павлищевых (Павлищев. С. 372).

⁸ Сонцова О. М.

⁹ Екатерина Евгеньевна или Елена Евгеньевна Кашкины.

¹⁰ У П. И. Павлищева было три сестры: старшая, Александра, была замужем за Алексеем Петровичем Алексеевым, отставным драгунским полковником, в 1820 г., во время пребывания Пушкина в Бессарабии, — почтмейстером в Кишиневе (Лобанов-Ростовский: Т. I. С. 5). Софья — за Леонтием Ивановичем Слепушкиным. И. П. Липранди, приводя экспромт В. Ф. Раевского:

Жуковский, Батюшков и Пушкин
Парнаса русского левцы:
Пафнутьев, Таушев, Слепушкин —
Шестого корпуса писцы, —

поясняет: «...поручик Слепушкин, впоследствии женатый на Соф[ье] Ив[ановне] Павлищевой, сестре жены почтмейстера Алексеева, — бригадный адъютант П. С. Пушина, ничего более, как добрый малый, знающий свое дело» (Из дневника и воспоминаний//РА. 1865. С. 1449). Анна — за Андреем Ивановичем Гладковым. Кроме того, были две незамужние сестры — Елизавета (ум. 1829) и Мария. Которая из них крестила сына Ольги Сергеевны — неизвестно.

¹¹ О. С. родилась 20 декабря.

¹² Княгиня В. А. и ее дочь Хованская В. А.

¹³ Анничков В. И.

102 Надежда Осиповна:

Михайловское 8 сего Декабря 1834 г.

Наконец у нас вправду зима, и мы, дорогой друг, уезжаем послезавтра. Это письмо я сдам на почту в Острове, где мы на день остановимся у Меландеров. До сей поры дороги были непроезжи. Эфрозина ¹, поехав во Псков, едва не выкинула; она хотела побыть там два дня, а прожила 12, позавчера воротилась, я еще не знаю, как она себя чувствует, Аннет ², которая была с нею, сегодня возвращается в Т р и г о р с к о е и завтра мне расскажет. Вчера мы получили от Леона письмо из Х а р ь к о в а, помеченное 8 Ноября. Он говорит, что его задержали дела немаловажные, а теперь осенняя пора сделала переход через горы почти невозможным; чтобы ехать, он ждет, когда установится зима. Он только и мечтает, что о счастье быть в Тифлисе, дабы забыть там, как он говорит, тягостные впечатления Петербурга, где, не будь нашего присутствия, и ноги бы его не было. Он нас спрашивает о тебе и надеется, что ты ему напишешь, я думаю, что ты это уже сделала. Александр писал нам 18-го ³, он нам ищет квартиру, которая, надеюсь, уже найдена. Ты спрашиваешь, где Вульф ⁴; он будет сюда и скоро по делам уедет в Петербург, Аннет отправится с ним. Г-жа Осипова хворает непрестанно, вечные боли животные, головные или горловые. Г-жа Шушерина больная лежит в постели, нам с Папá лучше, и, надеюсь, путешествие нам будет благоприятно. Я очень плохо пишу сегодня, потому что при свечах и почти не вижу слов, которые вывожу. Прощай, моя добрая Ольга, ты получила, наверное, все письма наши, я напишу тебе тотчас по приезде. От глубины сердца целую тебя с Лоло, тысячу приветов от меня Н и к о л а ю И в а н о в и ч у.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька!

Вот мы и на отъезде, уедем, быть может, завтра, но письмо это будет отправлено лишь из Острова, вероятно во вторник, а у нас сейчас суббота. — Не знаю, где мы будем жить, и я сильно сомневаюсь чтобы Никеша нашел квартиру, кото-

рая бы нам подошла.— По приезде в Петербург мы напишем тебе по экстра-почте.— Главнейшее мое утешение по возвращении в город в том будет, что исправнее буду получать от тебя вести. Мама писала тебе, что Леон все еще в Харькове.— Ради этого не стоило нас покидать, но, в конце концов, ничего не поделаешь, и надо покориться.— Он говорит, что в Петер [бурге] имел тягостные впечатления,— не знаю... раза два или три я видел его в очень плохом духе, однако же порой бывал он и очень весел; почти всякий день на балу, на спектакле, на ужинах и т. д. и т. д.— Дай-то Бог, чтобы в Тифлисе он нашел, чего желает.— Признаюсь, я хотел бы знать, что он на службе, ибо ничего не делать в Грузии, тратить деньги там, куда те даже, кто там служит, едут лишь с отвращением и в чаянии повышений,— было бы нетерпимо и непростительно.— Прощай, дорогая Олинька, да хранит тебя Бог, от всего сердца благословляю маленького Леона и возношу Предвечному молитвы о благоденствии всех Вас.— Я совсем здоров, у меня одни лишь спазмы, но я на диете. Не ем пирожного, а это важная статья в моей скромной жизни.

Надежда Осиповна:

Прежде чем запечатать письмо, я хочу еще раз поцеловать тебя, дорогая Ольга; мы уезжаем чрез несколько часов, обедаем у Эфросины, которая, слава Богу, не выкинула. Вчера я попрощалась с г-жой Осиповой, она очень плакала, Аннет на праздники приедет в Петербург с теткой своей Надеждой Гавриловой⁵. Вообрази, Рокотов у нас со вчерашнего вечера, не в пору гостях у же Татярина, он только и делает, что мелет вздор и мешает нам отдавать приказания и заниматься делами, которых множество.

Адрес рукой Надежды Осиповны:

Его Высокоблагородию Николаю Ивановичу Павлищеву в Варшаве: Помощнику Статс-Секретаря Государственного Совета для доставления Ольге Сергеевне Павлищевой.

Штемпеля и пометы: 45. Остров Декабря 11 Zalesie 5/1.
97.151. 1/60 порто 90. Pawliczew w Warszawie.

Пвл. ИВ. 88. IX, с. 309.
Врс., с. 790.

¹ Вревская Е. Н.

² Вульф А. Н.

³ Письмо Пушкина не сохранилось.

⁴ Вульф Ал. Н.

⁵ Вульф Надежда Гавриловна (14 IX 1776—24 XI 1860), урожд. Борзова, жена И. И. Вуль-

фа, мать А. И. Трувеллер и Е. И. Гладковой. О В. см.: письма А. Н. Вульфа к Пушкину // XIII, 281; к Е. Н. Вревской // Псв. XXI—XXII. С. 322 и 329; Вульф А. Н. Дневник // Там же. С. 64; письмо О. С. мужу 4 окт. 1835 г. // Псв. XVII—XVIII. С. 174; Письма. Т. II. С. 352.

103 Надежда Осиповна:

Петербург 17 сего Декабря [1834 г.]

С позавчерашнего вечера мы в Петербурге, мой добрый друг; мне представляется, будто здесь мы к тебе ближе, ибо я буду иметь удовольствие очень исправно и не проклиная почту, как бывало в деревне, получать от тебя вести.— Ехали мы очень быстро. Добравшись сюда, на несколько дней довольно удобно устроились в трактире Демута, есть на примете дома, которые Папа сейчас пойдет смотреть.— Александр здоров, я не видала еще Натали, ей неможется, и

мне тоже. У меня род лихорадки, которая тянется несколько недель, но С п а к и й уверяет, что это скоро пройдет. У Папá снова были его спазмы. В первый же день путешествия мы должны были более суток провести у Эфрозины¹, во Пскове советовались с Бернармом, и с тех пор ему, слава Богу, легче. Уезжая, я тебе писала, но думаю, это письмо дойдет прежде. Только что узнала, что умер старый Мансуров², когда смогу выйти, зайду к Талызиным. Я потеряла еще одного человека, искренно меня любившего, это г-жу Кожину³. Архарет⁴ моя здорова. В дороге я встретила вдову Стр о й н о в с к у ю⁵, которая сопровождала тело своего мужа до Тульчина. Вот все известные мне новости. Я еще не видала никого, кроме Александра и С п а с к о г о. Знаешь ты, что сестра Натали с 6-го числа фрейлина⁶? От Сонцовых у нас нет никаких вестей, мы не знаем даже, куда адресовать им письма, жду твоего с нетерпением. Брат твой, кажется, видел во сне, будто твой Ребенок черен, как А б р а м П е т р о в и ч⁷, ты говорила мне, что он ни светлый, ни темный, и это более вероятно и более натурально. Прощай, дорогая Ольга, целую тебя от всего сердца, сжимаю Леона в своих объятиях, искренний поклон твоему мужу. Пока не пошлю тебе нашего адреса, пиши по-прежнему на адрес Александра у П р а ч е ш н о г о М о с т у в д о м е Б а т а ш о в а.

Сергей Львович:

Дорогая Оленька!

Вот мы и в Петербурге, и можно надеяться, переписка наша будет более исправна. На сей раз отсылаем письмо по экстра-почте, и я начну его с пожелания хороших праздников и счастливого нового года.— Может статься, это письмо ты получишь прежде писанного прошлый раз из деревни — в нем я поздравлял тебя с годовщиной твоего рождения. Поверишь ли, меня так мало занимает мысль, что я не был здесь в продолжение 6 месяцев, что я не имею ни малейшего желания переступить порог № 1-го в трактире Д е м у т а, где мы остановились. Видел я одного Александра, Натали и двух ее сестер, которые очень любезны, однако далеко уступают Натали в красоте.— Машинька⁸ была в восторге, что снова меня видит.— Она подходила ко мне ласкаться, целовала мне руку, к большому удивлению всех, ибо она дикарка, а меня не видала 10 месяцев.— Надеюсь, маленький Леон тоже со мной подружится, я предвкушаю удовольствие целовать его и носить на руках.— Прощай, дорогой и добрый друг.— Пишу тебе в нашей одной и единственной комнате.— Мамá еще в постели.— Служанки только и делают, что спуют взад и вперед. Все здесь вверх дном, и не знаю, когда переберемся.— Ответь нам на адрес Александра.— Никеша порекомендовал нам квартиру за 1800 р. Я ходил смотреть. Дом подозрительный, гадкий по своей неопрятности и хуже тюрьмы. Очень нежно целую тебя и маленького Леона и от всего сердца приветствую Н и к о л а я И в а н о в и ч а.

Пвл. ИВ. IX, с. 308, 310.
Врс., с. 790.

¹ Вревская Е. Н.

² Мансуров П. А.

³ Кожина Е. М.

⁴ Архарова Е. А.

⁵ Стройновская Екатерина Александровна,

урожд. Буткевич, графиня (6 VIII 1800—19 X 1867), дочь А. Д. Буткевича, командира Белозерского полка, с 1817 или 1818 г. замужем за графом Валерианом Венедиктовичем Стройновским (1759—1834), сенатором Межевого

департамента, экономистом, автором трудов: «Всеобщая экономия народов» и «Об условиях помещиков с крестьянами». В 1836 г. С. вышла вторым браком за Эллидифора Антиоховича Зурова (26 X 1798—19 X 1871), новгородского военного и гражданского губернатора, генерал-майора; Пушкины познакомились со С. в Петербурге в 1818 или 1819 г., когда жили на Фонтанке, у Калинин моста. Пушкин, встречавшийся со С. в церкви Покрова, описал ее в «Домике в Коломне» («гордая» графиня, строфы XX—XXIV). Н. О. Лернер считает, что С. является также одним из прообразов Татьяны (*Лернер. Рассказы*. С. 86). О С. см.: письмо О. С. мужу//*Псв*. XXIII—XXIV. С. 209; Маевский Н. С. Семейные воспоминания//*ИВ*. 1881. X—XI; Лернер Н. О. Гр. Е. А. Стройновская// *Наша старина*. 1917. Вып. I. С. 32; Юдин П. Князья Багратион-Имеретинские//*РА*. 1897. III. С. 306. О первом ее муже, гр. В. В. Стройновском: *ОА*. Т. I. С. 530, 686; *РА*. 1880. II. С. 222; 1903. I. С. 51; о втором, Э. А. Зурове: *Руммель*. Т. I. С. 329; Тарасов Д. К. Воспоминания// *РС*. 1872. VI. С. 133; Шениг Н. И. Воспоминания// *РА*. 1880. III. С. 286; Герцен А. И. Былое и думы; Памятная книжка на 1841 г. СПб., 1840. С. 287; Письма Н. М. Карамзина И. Н. Карамзину. СПб., 1866. С. 236, 299.

⁶ Гончарова Е. Н.

⁷ Ганнибал Абрам Петрович (1696—20 IV 1781) — эфиоп, в России с 1704 г., военный инженер, генерал-аншеф, дед Н. О. О Г. см.: А. С. Пушкин. Арап Петра Великого; *Модзалевский Б. Л. Родословная Ганнибалов*; Ганни-

бал А. С. Ганнибалы//*Псв*. XIX—XX; Лонгинов М. Н. А. П. Ганнибал//*РА*. 1864. II.; Письмо Спафария к боярину Головину//*РА*. 1867. С. 308; Оpatович С. И. Бракоразводное дело А. П. Ганнибала//*РС*. 1877. Т. XVIII. С. 69; Вегнер М. Предки Пушкина. М., 1937; Глинка В. М. Еще раз об изображениях прадеда Пушкина Абрама Ганнибала. Предисловие А. Тартаковского//*Панорама искусств*. М., 1985. № 8; Тартаковский А. Г. Еще раз о «Загадке старого портрета». Письмо в редакцию//*Панорама искусств*. М., 1987. № 10; Файнберг И. Л. Абрам Петрович Ганнибал — прадед Пушкина. М., 1983; Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1884. Гл. 1; Гельбиг Георг, фон. Русские избранники. Берлин. 1900. С. 156; *Модзалевский*. С. 55; Анучин А. Н. А. С. Пушкин. Антропологический эскиз. М., 1899; *Летописи ГЛМ*. С. 463; *Ульянский*. Гл. 1. Со времени, прошедшего с написания этой книги, появились новые труды, посвященные А. П. Ганнибалу и уточняющие факты его биографии: Малеванов Н. А. Прадед поэта// *Звезда*. 1974. № 6; его же — «Петра питомец» А. П. Ганнибал//*Нева*. 1972. № 2; Телетова Н. К. Ганнибалы — предки Пушкина//*Альманах «Белые ночи»*. Л., 1978; ее же — Новое о прадеде Ганнибале//*Забытые родственные связи Пушкина*. Л., 1981. С. 115 (там же опубликованы документы о Г. в Приложении II. С. 170); Леец Г. А. Абрам Петрович Ганнибал. Таллинн, 1980 и 1982.— *Прим. В. С.*

⁸ М. А. Пушкина.

1835

январь — июль

За 1835 г. — последний год жизни Н. О. — старики Пушкины написали дечери 16 писем. Приехав из Михайловского в Петербург 15 декабря 1834 г., они остановились сначала у Демута, а 2 января 1835 г. переехали на Моховую улицу, в дом Кельберга. Н. О. — со временными улучшениями — болела всю зиму, и 20 июня ее, больную, перевезли в Павловск — «в дом крестьянина Удолова, возле Немецкой церкви». Последнее их совместное письмо дочери помечено Павловском, 17 июля: накануне они получили от О. С. весть о выезде ее с сыном из Варшавы. О. С. приехала к родителям в 20-х числах августа и 31-го сообщила мужу: «Я нашла мою мать изменившейся до того, что это превзошло все мои ожидания» (*Псв.* XVII—XVIII. С. 162). Н. О. писала А. П. Керн 16 сентября: «Я на вершине блаженства: со мной моя Ольга и ее дитя, я отдаю им все время» (*ПД*, ф. 244, оп. 20, № 48). Старики Пушкины прожили с дочерью и внуком на даче до начала октября. «Пушкины еще в Павловске», — писал М. Н. Сердобин Б. А. Вревскому 4 октября (*Псв.* XXI—XXII. С. 392). Переезд в Петербург состоялся 6—7 октября: Н. О. поехала искать квартиру, и внезапная слабость заставила ее остановиться у В. А. Княжниной (см. письмо Пушкина П. А. Осиповой — XVI, 57). С. Л. временно поселился у графа К. Н. Толстого, а О. С. с ребенком оставалась еще в Павловске (Модзалевский Б. Л. Празднование лицейских годовщин // *Псв.* XIII. С. 57). Это положение длилось недолго: приехавший из Михайловского 23 октября Пушкин застал мать уже на своей квартире (то же письмо к П. А. Осиповой). В исходе октября О. С. написала А. П. Керн: «Мой добрый друг, мы здесь две недели, мамá была больна при смерти <...> Напишите, когда сможете приехать <...> мы живем на Шестилавочной на углу Графского переулка в доме Кокушкиной, дом деревянный» (*ПД*, ф. 244, оп. 20, № 48). В этом доме Н. О. провела последние месяцы своей жизни. Она скончалась 29 марта 1836 г., в 8 ч. утра, во время пасхальной заутрени. «Ты не поверишь, какой жалкий Серг [ей] Льв [ович], так что на него тяжело смотреть — это теперь тело без души», — писала А. Н. Вульф Е. Н. Вревской

6 мая 1836 г. (*Псв.* XXI—XXII. С. 334). Н. О. погребена на кладбище Святогорского монастыря. Отвозил ее тело Александр Сергеевич (выехал 8 апреля) в сопровождении того же Никиты Козлова, который спустя 9 месяцев положил рядом с телом Н. О. останки самого Пушкина. Погребение состоялось 13 апреля 1836 г. (Из вседневного журнала на 1836 г. бар. Б. А. Вревского// *Псв.* XXI—XXII. С. 395).

Н. И. Павлищев в январе 1835 г. был утвержден в должности помощника статс-секретаря и тем самым переведен с русской службы по Министерству иностранных дел — в польскую, вследствие чего лишился казенной квартиры, и материальное положение его резко ухудшилось (см. письмо его Пушкину от 31 янв. 1835 г.—XVI, 10). Он не мог сопровождать жену в ее путешествии к родителям и приехал в Петербург, по вызову О. С., лишь 29 марта 1836 г., спустя несколько часов после кончины Н. О. (*Павлищев.* С. 415).

Л. С. выехал из Харькова в начале февраля 1835 г. (см. письмо 107), приехал в Тифлис 18 февраля (см. письмо 109). Сразу устроиться на службу ему не удалось вследствие отсутствия барона Г. В. Розена, который возвратился в Тифлис лишь в середине июня. В ожидании Розена Л. С. наслаждался Тифлисом и его обществом, давая обеды и делая новые долги (см. письмо О. С. Н. И. Павлищеву 20 дек. 1835 г.//*Псв.* XVII—XVIII. С. 200). Согласно формуляру, Л. С. был зачислен в чине штабс-капитана по кавалерии в Линейный полк отдельного Кавказского корпуса лишь 13 июля 1836 г. (*Майков.* С. 39). Однако О. С. еще 12 сент. 1835 г. писала мужу: «...Леон снова военный благодаря бар. Розену (...) и сейчас сражается с горцами» (*Псв.* XVII—XVIII. С. 165).

Пушкин в 1835 г. жил с семьей и двумя свояченицами в Петербурге, в доме Баташова. В мае ездил в Тригорское (выехал из Петербурга 5-го, возвратился 15-го); 14 мая родился сын Григорий Александрович. Лето 1835 г. провел с семьей снова на Черной речке, на даче Миллера. В сентябре, 7-го числа, Пушкин выехал в Михайловское, откуда возвратился в Петербург 23 октября (*Лернер*).

104 Надежда Осиповна:

Петербург 4 сего Января 1835

Тебе, дорогой друг, обязана я хорошим началом года: письмо твое пришло в канун его — это уже было посланное до востребования. На другой день, в новый год, я имела сладостную утеху получить от тебя два письма, одно — из Новоржева, другое — в ответ на наше от 18 Дек[абря], которое мы написали два дня спустя после приезда. Целый день я читала их и перечитывала. Пообещав ничего от тебя не скрывать, скажу тебе, что я приехала больная, очень грустно провела я две недели в Трактире, я очень еще слаба, но третьего дни у меня достало силы перебраться, и вот мы на М о х о в о й, в д о м е К л е н б е р г а. Я выдаю лишь тех, кто ко мне приходит, не была нигде, даже в Церкви; это впервые со мной случилось, что я не слушала Обедню на Рождество и в новый год. Завтра начну принимать ванны, которые меня укрепят, как говорит С п а с к о й, он обещает, что скоро мне можно будет выйти на воздух. Здесь все по горло в Праздниках; Натали много выезжает со своими сестрами, однажды она привела ко мне Машу¹, которая так привыкла видеть одних щеголих, что, взглянув на меня, подняла крик, и, воротившись домой, когда у нее спросили, почему она не захотела поцеловать Бабушку, сказала, что у меня плохой

чепец и плохое платье. Саша² я еще не видала. Наконец, после четырех месяцев молчания, у нас есть вести от Сонцовых. Не понимаю, как это пропали все их письма. Сестра³ поручает поздравить тебя по случаю рождения Лоло, они с нетерпением ждут твоего письма. Матвей Михайлович все хворает, врачи советуют ему ехать на Кавказ, и он это исполнит. Аннет Вульф не едет, Катрин Ивелич я не видала, мать ее раз у меня была. Г-жа Княжнина⁴ навещает меня почти всякий день, ее дочь с мужем⁵ и ребенком на месяц поехали в Москву, Наталья Романовна⁶ очень больна после выкидыша. Была у меня Софи Всеволожская, она все такая же добрая, такая же сердечная, она тебя целует и очень интересуется тобою и Лоло. Очень хотела бы повидать Талызиных, они очень грустят, Татьяна в отчаянии, Александр Павлович⁷ много для них сделал. Я видала Вишневских — Лиз, Никола́ и Степана. Вообрази, их родители уехали от Марьи Гавриловны⁸, и вот они снова в Москве бьются как рыба об лед, сын их Федор с ними и хочет вступить в гражданскую службу. Про кого бы еще тебе рассказать? Мисс Гунтлер⁹ тебя приветствует; когда мы были в трактире Демута, она часто меня навещала, она живет по-прежнему наупротив г-жи Рост¹⁰. «Ми-би» тоже меня не забывают. У Аниньки¹¹ две дочки, составляющие счастье трех теток. М-ль Кочетова¹² была у меня с Анной Петровной Малиновской, которая приехала провести праздники у дочери¹³. Г-жа Веневитинова¹⁴ с радостью узнала, что ты мать, теперь ты понимаешь, моя добрая Ольга, как нам дороги дети. Отсюда вижу тебя в треволнениях из-за глаз Леона; благодаря заботам и предосторожностям, которые ты приняла, он наверняка не будет косить, а это часто случается с маленькими детьми; зрение у них еще слабое, взгляд не может

Петербург. Владимирская церковь.
Литография с оригинала Ф. Перро. 1830-е гг.

быть таким, как у взрослого, и, кормя, надо закрывать им глаза, что я всегда делала, и нянька твоя¹⁵ звала тебя З а н а в е с н а я Б а р ы н я.

Не понимаю, почему это вы оба взволновались моими словами, что мне тяжела разлука с тобой, мой дорогой друг, и что я завидую судьбе матерей, которые со своими детьми. Желать тебя видеть — это так естественно, но требовать — зная ваши обстоятельства — было бы безумие. Не вини Александра, ежели до сей поры он ничего вам не выслал; это не его вина и не наша, это долги Леона довели нас совершенно до крайности. Заложив последнее наше добро, Александр заплатил, что должен был твой брат, а это дошло до 18-ти тысяч. Он лишь очень мало мог дать ему на дорогу в Тифлис. В этом месяце он ждет денег из Б о л д и н а и, что сможет сделать для вас, сделает непременно, ибо это лежит у него на сердце. Получилось большое письмо, но это ответ на три. Теперь ты, надеюсь, примирилась с почтами. Прощай, дорогая Ольга, целую тебя очень нежно и молюсь о твоём счастье. Если бы я была обречена не видеть тебя 14 лет, одна эта мысль заставила бы меня умереть с горя.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька, мы весьма исправно получаем твои письма и, как тебе и хотелось, одно получили в канун Нового года. — Само собою, я вам обоим желаю его счастливого. — Мамá мне почти ничего не оставила рассказать тебе в отношении новостей и наших обстоятельств. Не скрою от тебя, что легкомыслие Леона и его забвение наших средств, когда он входил в долги, с которыми никогда не мог бы расплатиться и ради которых я должен был заложить последних оставшихся у меня свободными крестьян, — доставило и еще доставляет мне много горя. Он продолжает делать ненужные траты после того даже, как узнал, что это последний наш ресурс. Это поставило Александра в положение невоз-

Банька Пушкиных (домик няни) в Михайловском.
Рисунок Л. Л. Шребер. 1903 г.

можности давать нам строго необходимое,— но довольно об этом, что сделано, то сделано, единственно, что всего более меня огорчает, это то, что я уверен был, что Александр тебе кое-что выслал; я был в полном неведении суммы долгов Леона, которые я никак не мог предположить столь значительными. Мама писала тебе о желании тебя видеть. Мы никогда не думали требовать, чтобы ты приехала и бросила все. Она лишь выразила желание, а это вполне позволено. Весьма часто желаешь невозможного и запасаясь терпением. Прощай, целую очень нежно тебя, маленького Леона, которого благословляю, и от всего сердца приветствую Никол[а] и Ван[о]вича[а].

Пвл. ИВ. 88. IX, с. 310, 311.

Врс., с. 791.

Мдз. Псв. XIV, с. 24.

¹ Пушкина М. А.

² Пушкин А. А.

³ Сонцова Е. Л.

⁴ Княжнина В. А.

⁵ Хованская В. А., княгиня.

⁶ Цебрикова Н. Р., в замужестве Алимпиева.

⁷ Мансуров Павел Александрович — см. письмо 3, прим. 5, у Н. О. описки. «М-ль Талызина оплакивает своего отца, как оплакивали бы мужа, полного жизни и здоровья, похищенного смертью в цветущем возрасте. Напрасно говорю я ей, что это неразумно — она ничего не признает», — писала О. С. мужу в янв. 1836 г. (Псв. XXIII—XXIV).

⁸ Вишневские Е. Г., Н. Г. и С. Г. и их сестра Тепелнева М. Г., у которой в Калуге поселились было ее родители.

⁹ См. письмо 15, прим. 8.

¹⁰ Рост Елизавета Петровна (5 V 1781—5 II 1859, ПН), урожд. Костлищева, вдова Л. И. Роста.

¹¹ Брок А. К.

¹² Кочетова Е. Н.

¹³ Долгорукая Е. А., княгиня.

¹⁴ Веневитинова А. Н.

¹⁵ Арина Родионовна (10 IV 1758—29 VII 1828), знаменитая няня Пушкина, вынянчившая также и О. С. «Няня заочно у вас, Ольга Сергеевна, ручки целует — голубушки моей», — «приписала» няню в письме Пушкина к сестре от 14—15 авг. 1825 г. из Михайловского (XIII, 209). «Поцелуй няню», — просит О. С. Александра Сергеевича в письме от 31 июля 1826 г. из Ревеля (там же. С. 290). «Александр пишет

две строчки своей сестре, — пишет Н. О. А. П. Керн 16 авг. 1827 г. из Ревеля. — Он в Михайловском, подле нянюшки своей, как вы очень хорошо сказали» (ПД, ф. 244, оп. 20, № 48). Письма А. Р. Пушкину — XIII, 318 и 323. Письма Пушкина об А. Р. — О. С. — там же. С. 127; Л. С. — с. 146; Д. М. Шварцу — с. 129; А. А. Дельвигу — с. 335; Н. Н. Раевскому — с. 197; князю П. А. Вяземскому — с. 279, 304; Н. Н. Пушкиной — XVI, 51. Об А. Р. см.: Павлищева О. С. Воспоминания // *Летописи ГЛМ*. С. 451; письмо А. А. Дельвига Пушкину // XIII, 295; П. А. Вяземского — там же. С. 306; *Павлищев*; Располов А. Воспоминания о Пушкине // *РС*. 1876. II. С. 464; *Смиречанский*. С. 15; Пушин И. И. Записки о Пушкине // *Майков*. С. 78; *Ульянский*; Пушкин А. С. Сказки. Предисл. А. Л. Слонимского. Детгиз, 1936; Лернер Н. О. Арина Родионовна и няня Дубровского // *Псв*. VII. С. 68. Рассказ няни об увозе Пушкина фельдъегерем из Михайловского в 1826 г., записанный М. И. Семева со слов М. И. Осиповой, — *Письма*. II. С. 178. Пушкин посвятил А. Р. стихи: «Зимний вечер» (1825), «Подруга дней моих суровых» (1826), «Вновь я посетил тот уголок земли» (1835). А. Р. — прообраз няни Татьяны в «Евгении Онегине». С ее слов Пушкиным записаны сказки о Балде, царе Салтане, отчисти — о Мертвой царевне. Н. М. Языков посвятил ей стихотворение «Свет Родионовна, забуду ли тебя» (1827) и «На смерть няни Пушкина» (1830).

105 Надежда Осиповна:

25 сего Января [1835 г. Петербург]

Мы получили твое письмо от 17-го, моя добрая Ольга. Не тревожься моею болезнью, я чувствую лишь слабость, но боли никакой, у меня отвращение

к пище и, что забавно, со всеми симптомами беременности, тянется это с Октября месяца. Эти дни меня оживил приезд Аннет и Эфрозины¹, я так рада, что они со мною, последняя уезжает через три дня, но Аннет останется до весны. Алексис² здесь, Гурьев³ не кажет к нам носу. Как новость, скажу тебе, что Барбишон Плещеева⁴ вышла замуж. Были у меня Дашинька Эссе и сестра ее Мухина⁵: Я сержусь на Александра и Натали, зачем преувеличили мою болезнь; пошли мне своего врача, я не боюсь его шпионства и жду его с нетерпением. Он расскажет мне о тебе, дорогой друг, о Лоло. Прощай, целую вас очень нежно, да благословит вас Небо. Мы получили письмо от Леона по-прежнему еще из Харькова, где он помирает со скуки: помечено оно 1 января.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька!

Письмо твое доставило нам большое удовольствие и много принесло пользы Мамá. Она точно такова, как тебе говорит. Это разлитие желчи. У нее нет ни спазмов, ни боли, но она желтая, хотя и несколько менее, нежели была, и слабая. Приезд М-ль Вульф и ее сестры нам бесконечно был приятен. Эти добрые соседки заставляют меня верить в истинную дружбу⁶. Они столько принимают участия во всем, что нас касается, и так интересуются тобой! Мама, сообщив про свадьбу М-ль Плещеевой, не рассказала тебе, что она вышла за Полкового Врача — Военного Лекаря, как ты говоришь, — и такого, сказывают, собой дурного, что рядом с ним она глядит Венерой Медицейской. Гурьев в три недели тому встретил меня на улице, очень, казалось, рад был меня видеть, пообещал прийти на другой день и не явился. Не знаю, что с ним случилось. Эфрозина позавчера была на спектакле с Аннет, я их сопровождал. Это был первый раз, что баронесса Вревская видела балет. Декорации были великолепны и весьма ей понравились, но она нашла, что дамы эти чересчур высоко поднимают ноги и что юбки слишком коротки, что более или менее правда, впрочем, надо признаться, танцуют они очень хорошо, и вкупе это составляет прекрасное зрелище⁷. Прощай, дорогая и добрая Олинька, целую тебя от всего сердца и очень нежно, как и Лоло, которого благословляю. Барон Сердобин⁸ мне сказал, что он прочел в Берлинской Газете, будто Николлай Иванович утверджен в своей должности Помощника Государственного Секретаря; в Русской Газете я этого, однако, не видел⁹. Труд Александра о бунте Пугачева появился. Это весьма сильно по стилю и очень интересно. Журналы не говорят об этом вовсе и даже не упоминают.

Врс., с. 791.

¹ Вульф А. Н. и Вревская Е. Н., баронесса.

² Вульф Ал. Н.

³ См. письмо 101, прим. 9.

⁴ См. письмо 22, прим. 24.

⁵ Эссе Дарья Ивановна и Мухина Александра Ивановна, урожд. Дороховы (см. письмо 45). О Д. И. Эссе собрать сведений, к сожалению, не удалось. Сестра ее А. И. Мухина (ум. 21 XII 1875, МН) была замужем за сыном известного профессора медицины Ефрема Осиповича Мухина от первого брака — Александром Ефимовичем Мухиным (ум. 26 X 1861, МН). Об А. И. и ее семье см.: *Бутурлин*. 1897. Кн. 2. № 7. С. 433. В 1866 г., 3 и 7 сент. О. С. писала сыну: «Г-жа Мухина пила у меня чай...», «Мухина уезжает с дочерью в Париж...»

(ПД, ф. 221, оп. 2, № 6). Третья из сестер Д.— Екатерина Ивановна, в замужестве Батурина. Ее муж Федор Герасимович приходился четвероюродным братом А. С., О. С. и Л. С. Пушкиным, так как его мать Анна Николаевна Замыцкая была дочерью Татьяны Федоровны Квашиной-Самариной, чья родная тетка Сарра Юрьевна Ржевская, в замужестве Пушкина, является бабушкой Н. О. и, таким образом, прабабушкой поэта. Подобным родством безусловно считались (Телетова. Приложение 1. Родословие Ржевских). К этому родству восходят и отношения Н. О. Пушкиной с сестрами Д.— *Прим. В. С.*

⁶ Е. Н. Вревская сообщила мужу 21 янв. 1835 г.: «Над[ежда] Ос[иповна] и Серг[ей]

Льв[ович] приняли меня как нельзя лучше. Не знаю, право, как выразить им мою благодарность» (*Псв.* XXI—XXII. С. 388).

⁷ «Скажу тебе, мое сокровище,— писала 25 янв. 1835 г. Е. Н. Вревская мужу,— что в среду, т. е. 23, мы были в театре, где я видела балет «Кесарь в Египте». Декорации прекрасны; я нахожу только, что танцы очень неблагопристойны» (*Псв.* XXI—XXII. С. 338).

⁸ Сердобин М. Н.

⁹ «Никогда я не был в такой нужде, как теперь,— писал Н. И. Павлищев Пушкину 31 янв. 1835 г.— Исправляя должность Помощника Статс-Секретаря, я числился по Министерству Ин [остранных] Д [ел] и как русский чиновник пользовался казенною квартирою, с отопкой и освещением. Теперь я утвержден в должности и поступил собственно в Польскую службу,— почему лишился права на квартиру. Это делает мне разницы до 2 т. р. в год. Можете представить мое положение» (XVI, 10).

106 Сергей Львович:

9 февраля 1835 г. [Петербург]

Дорогая Олинька, мы получили, к нашему великому удовольствию, от тебя письмо. Оно всего шесть дней было в дороге, и, кроме того, «мими» и «биби»¹ послали нам вчера сказать, что приехал молодой Беклемишев² и привез от тебя поклон — п р и в е т, п о к л о н. Читая твои подробные рассказы о кормилицах Лоло, я припомнил, как покойный Моден³ называл — кажется, Анну Юрьевну⁴ — тревожная мать. Впрочем, то, что ты занята своим дитятей и видеть в тебе нежную Мать — для нас большое утешение. Мамá, слава Богу, легче, она тебе напишет. Эфрозина Вревская⁵ уже в своих владениях, но М-ль Вульф⁶ с нами, это очень меня радует, и я не знаю, как благодарить П р а с к о в ь ю А л е к с а н д р о в н у⁷, что нам ее прислала. От Леона у нас не то две, не то три недели не было вестей, он все время писал нам из Х а р ь к о в а, теперь же не знаем, куда адресовать ему наши письма. Прошедший раз я сделал это на адрес Ю з е ф о в и ч а⁸ в Ч у г у е в е. На последнем письме Леона была эта печать. Что же твой Пара-Корт⁹? Почему он не едет? Нам так было бы приятно его видеть. Г у р ь е в зашел лишь раз и на четверть часа. Прощай, дорогая и добрая Олинька, целую тебя очень нежно и крестника своего тоже, которого благословляю от всего сердца. Да послужит он утешением твоих старых дней и да будет наградой за твою любовь к нам!

Надежда Осиповна:

Мне, слава Богу, легче, но я еще не выхожу даже в Церковь; не тревожся, мой добрый друг, ежели письмо мое покажется тебе коротко, это потому, что я слаба и врач запрещает мне утомляться. Я кончила свои ванны, начинаю понемногу есть и надеюсь, что здоровье ко мне воротится вместе с красными днями¹⁰. Целую и благословляю тебя, как и Лоло. Вот два письма: одно от Катрин¹¹, другое от Аннет.

Анна Николаевна Вульф:

Вот уж более двух недель, дорогая Ольга, как я поселилась у ваших добрых родителей, которые для меня истинные мать и отец. Нежданно, и к моему большому огорчению, я нашла вашу Мамá, больною¹². Но сейчас ей легче,

думаю, благодаря Бога, а не врачей, которым я так же мало верю, как и вы. Вчера я провела вечер с г-жой Симанской¹³, у которой мы много о вас говорили. Как бы хотела я видеть вас и вашего маленького! Вот вы и превратились в нежную и страстную мать, что вижу из ваших писем. В настоящий момент Алексис тоже здесь и вручает себя вашей памяти¹⁴. Будьте здоровы, дорогая Ольга, напишите мне словечко, это доставит мне большое удовольствие.

Сергей Львович:

Ты говорила нам о докторе Лейтоне¹⁵, дорогая Олинька, но он более двух лет живет в Англии и продал все, что здесь имел. Прощай еще раз. Целую тебя.

¹ Сестры Занден.

² Беклемишев Н. П.

³ Моден Раймонд-Мормуарон, де.

⁴ Анна Юрьевна — по всей вероятности, Станкер (ок. 1783 — до 1812), дочь подполковника Юрия Алексеевича Пушкина (1743—1793), женатого с 1778 г. на Надежде Герасимовне Рахманиновой (1745—1831), — двоюродная сестра Н. О., первая жена Антона Станиславовича Станкера (*Анненков*. Приложение). А. С. был поляк, «ничего (по выражению гр. М. Д. Бутурлина), кроме красивой наружности, не имевший». Вторым браком А. С. в 1820-х гг. женился на княжне Козловской. Дети А. Ю.: Дмитрий, Александр (р. 1805), Николай, Анна (р. 1808) (*Бутурлин*. 1897. Кн. 1. № 3. С. 423).

⁵ Вревская Е. Н.

⁶ Вульф А. Н.

⁷ Осипова П. А.

⁸ Юзефович Михаил Владимирович (17 VI 1802—21 V 1889), майор Чугуевского уланского полка, участник Персидской и Турецкой кампаний, поэт и археолог, приятель князя П. А. Вяземского и А. И. Подолинского, Л. С. и А. С. Пушкина, с которым познакомился на Кавказе в 1829 г. В 1839 г. Ю. вышел в отставку, поселился в Киеве и занялся научной деятельностью. Об Ю. см.: Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум, гл. IV; письмо Л. С. Е. Н. Вревской // *Псв*. XXI—XXII, С. 407; Пущин М. И. Встреча с Пушкиным на Кавказе // *Майков*. С. 387; *Лорер*. По указ.; *Никитенко*. По указ.; Кошелев А. И. Записки. Берлин, 1884. С. 225; Мещерский В. П., кн. Воспоминания. СПб., 1897. Т. 1. С. 357; Витте С. Ю., гр. Воспоминания. Изд. «Слово», 1923. С. 60; *Ениколопов*. С. 117; Юзефович М. В. Воспоминания // *РА*. 1880. III; Юзефович М. В. Кому нужна и кому страшна конституция? // *РА*. 1881. III. С. 435.

⁹ Пара-Корт — имеется в виду Порай-Кощиц В. И.

¹⁰ Е. Н. Вревская 25 янв. 1835 г. сообщила мужу о Н.-Ф.: «Здоровье ее очень плохо: доктор требует консилиума, а у них денег нет заплатить врачам» (*Псв*. XXI—XXII. С. 389). Через месяц А. Н. Вульф, гостившая у Пушкиных, написала сестре: «Над[ежда] Ос[иповна] [...] сейчас гораздо слабее, чем когда вы были здесь. Дай Бог, чтоб хоть до лета протянула» (*Псв*. XXI—XXII. С. 319).

¹¹ Письмо Е. М. Ивелич не сохранилось.

¹² 20 февр. и 20 марта 1835 г. А. Н. Вульф писала своей сестре Е. Н. Вревской: «Здоровье Над[ежды] Ос[иповны] отнюдь не лучше [...] Это придает много горечи моей здешней жизни. Вообще, я мало имею удовольствий и более хлопот и неприятностей [...] Я очень раскаиваюсь, что приехала сюда в эту зиму, потому что при этих обстоятельствах я никакого не имею удовольствия» (*Псв*. XXI—XXII. С. 319).

¹³ Симанская Е. Л.

¹⁴ Вульф Ал. Н.

¹⁵ Лейтон (Leighton) Яков Иванович, член Императорской Медико-хирургической академии, лечивший Пушкина в 1818 г. от горячки, — показан как лейб-медик в «Памятной книжке на 1841 г.» (СПб., 1840. С. 191). О. С. говорила, несомненно, о нем, а С. Л. спутал его с его сыном, тоже врачом, практиковавшим в Петербурге до 1833 г. и тогда же уехавшим в Англию (о последнем см.: Стогов Э. И. Посмертные записки // *РС*. 1886. Т. 52. № 10. С. 122). О Л. см.: «Автобиографические записки» Пушкина (XII, 305), а также письмо А. Я. Булгакова брату 7 янв. 1844 г., в котором Булгаков, со слов профессора Х. И. Лодера, называет Лейтона «самым несведущим скотом, не могшим два раза выдержать экзамен» (*РА*. 1900).

107 Надежда Осиповна:

5 сего Марта [1835 г. Петербург]

Теперь, когда я выздоравливаю, я могу сказать тебе, дражайшая моя Ольга, что моя болезнь очень была серьезна; я много беспокойства причинила твоему

отцу, как и Александру; несколько раз созывали консилиум, меня пользуют Раух¹ и Спаской, я больна с Октября месяца, это очень давно; они говорят, что выздоровление мое не может быть быстро, но я, слава Богу, вне опасности, так что ты не беспокойся, мой добрый друг. Я хотела писать тебе чрез Гурьева, который должен был ехать, но не знаю, куда он девался, с масленой и ноги его у нас не было. У меня никаких нет вестей от Леона, он, должно быть, в Тифлисе, из Харькова он выехал в начале февраля, где его задержали дела, потом плохие дороги, наконец, нездоровье. Когда я всего более страдала, твои письма составляли мое утешение, я считала дни, когда их получу. Твой Ребенок прелестен, я вижу его отсюда, и твои тревожения заставляют меня смеяться. Не развлекай его слишком много по ночам, ему нельзя бодрствовать. Ты хорошо делаешь, что даешь ему мою ромовую кашку, но не забывай заставлять его сосать тотчас же, как он покушал. Завтра у меня будет письмо от тебя в ответ на то, к которому Аннет² приписала несколько строк. Сейчас она в Петергофе у кухни своей Нетти³, где останется две недели. Без нее я чувствую пустоту и жду ее с нетерпением. Ты не можешь вообразить, как я худа, но силы ко мне возвращаются, я одна хожу по комнатам и начинаю есть; я не могу слышать запах мяса и рыбы, ем суп, Кисель, желе, спаржу, ненавижу чай и хлеб. У меня нет сил работать, это мне досажает, ибо одеяльце, которое я начала в деревне для Лоло, все лежит в моей рабочей корзинке. Я такая праздная, днем немного читаю, но вечером ничего не могу делать. Вот длинное письмо, прощай, дорогой друг, благословляю тебя, целую нежно тебя и твое Дитя.

Сергей Львович:

Дорогая Оленька!

Теперь я совершенно успокоился относительно состояния Мама́. Выздоровление наступило вполне, и ты можешь не тревожиться. Признаюсь, я пережил очень тягостные минуты, так долго видя ее страждущей. Ныне я возрождаюсь вместе с красными днями и, как прежде, начинаю гулять. М-ль Аннет уехала на две недели, не очень-то зная зачем, а я и того меньше; мать ее пишет ей почти всякий день, я уверен, что о делах, это мне дает надежду, что она воротится раньше, чем думала, что очень мне будет приятно. Право, нам ее недостает. Жду вестей от Леона, — из Тифлиса их не имею. Александр получил от него письмо, писанное, как он говорит, накануне отъезда из Харькова. Думаю, он просил денег, но не знаю, что еще могу сделать, заплатив за него около двадцати тысяч, и вследствие этого нуждаюсь в необходимом... но не будем более о том говорить: уповаю на Всевышнего.

Натали уже не может подыматься на лестницы, по крайней мере Врач ей это запретил. Позавчера она к нам заезжала, она хотела видеть Мама́, но та просила ее остаться в коляске. Мы живем в третьем этаже. Прощай, дорогая Оленька, новостей для тебя не имею, не вижу почти никого — тех лишь, кто к нам приходят. Недавно у нас провела день г-жа Вейдмейер⁴, — обедала и просидела до 9 часов вечера. Она по-прежнему очень тебя любит. Вчера приходила еще Лиз Вишневецкая⁵. Родители в Москве, и старший сын там служит. Будь здорова, Душинька, целую тебя от всего сердца и Лоло от всей души. Да ниспошлет Вам Господь свои милости и благословения.

P. S. Катрин Ивелич ждет твоего ответа. Ее братья уехали в Грузию. Одна из маленьких Языковых помещена в Институт как пенсионерка Е. В. Императрицы. Это выхлопотал для нее Константин Ивелич. М-ль Паскевич больна и, говоря, очень постарела.

Адрес рукою Сергея Львовича:

Его Высокоблагородию Николаю Ивановичу Павлищеву в Варшаве Помощнику Статс-Секретаря в Государственном Совете Для Доставления Ольге Сергеевне Павлищевой.

Штемпель: С. Петербург 5 марта 1835. Warszawa ²⁴/3.

Врс., с. 791.

¹ Раух Егор Иванович (Георг Адольф, 14 VI 1789—30 IV 1864, *ПН*), тайный советник, доктор медицины, лейб-медик. Был среди врачей, лечивших Пушкина в его предсмертной болезни. В окт. 1835 г. Пушкин, рассказывая П. А. Осиповой о состоянии Н. О., сообщил: «Раух и Спасский потеряли всякую надежду» (XVI, 57). Р. был исключен из состава лейб-медиков в 1844 г. после смерти дочери Николая I великой княгини Александры Николаевны, принцессы Гессен-Кассельской. «Раз, во время болезни вел. княгини, император Николай сказал лейб-медику Рауху: — чтобы она была жива! Ты мне отвечаешь за нее. — Нет, ваше величество, она умрет, никакая медицина не

может спасти ее. Когда вел. княгиня действительно умерла, Раух был лишен придворного звания» (Дубельт Л. В. Заметки // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 139). О Р. см. письмо К. Я. Булгакова брату от 10 июня 1835 г. // *РА*. 1904. IV. С. 575.

² Вульф А. Н.

³ Трувеллер А. И. «Надежда Гавр [иловна] и Нетти на будущей неделе уезжают в Петергоф; я очень хотела бы поехать с ними, да не знаю, смогу ли», — писала А. Н. Вульф сестре 20 февр. 1835 г. (*Псв.* XXI—XXII. С. 318).

⁴ Вейдемейер Т. С.

⁵ Вишневская Е. Г.

108 Надежда Осиповна:

11 сего Марта [1835 г. Петербург]

Наконец-то разыскался Г у р ь е в; не видев его с масляной, я полагала, что он в Варшаве, а он разгуливает себе по проспекту. Завтра он едет и берется доставить это письмо. Я писала тебе 5-го, дорогая Ольга, надеюсь, ты теперь поуспокоилась на мой счет. Я вполне выздоравливаю — благодаря Р а у х а. Признаюсь, к С п а с к о м у я имею теперь доверия отнюдь не более, чем ты; по счастью, он сам попросил созвать консилиум, я совестились ему это предложить. Это правда, болезнь моя очень была серьезна, все зло, как они говорят, простекало от затронутой печени; причина моральная, это горести и тревоги, давно мною испытываемые, довели меня до этого состояния; ты не можешь вовсе себе представить, мой добрый друг, как я исхудала и состарилась. На этих днях надеюсь подышать воздухом, вообрази, с 15-го Декабря я не трогалась из комнаты, исключая два или три раза, когда попробовали сводить меня погулять, но это лишь ухудшило мою болезнь и усугубило слабость. Теперь мне недостает только аппетита ¹. Вчера добрая М-ль Кочетова ² так обрадовалась, увидев, что мне легче, что у нее на глазах навернулись слезы. Участие, которое в течение моей болезни проявили ко мне все эти Дамы, было утешением для меня, бедной больной. Ты можешь себе представить отчаяние Папá, на него жалко было смотреть. Г-жа К н я ж н и н а ³ почти всякий день проводит со мной. Аннет ⁴ завтра возвращается из Петергофа, я очень рада, что она рассеялась, она была в Кронштадте, танцевала, Нетти ⁵ водила ее повсюду, погода так хороша. Надеюсь, Лоло тоже гуляет и не спит всякий раз в коляске. Его кузина М а ш а ⁶, которая его старше, тоже всегда это делает, едучи ко мне, хоть путь и не долог. С а ш у ⁷ я не выдаю, у него идут зубы. Натали более не отваживается подыматься на лестницы, я не видала ее с именин Леона, она родит в Мае месяце. Знаешь ли ты, я в бешенстве против твоей кормилицы, как смеет она, дрянная полька, пичкать Дитя своею едой и непрестанно мучать его своим упрямством? Мне очень грустно, дорогая и добрая Ольга, что ничего не могу послать Лоло,

даже одеяльца, которое не в силах кончить, — зрение мое очень еще слабо. Он, наверное, очень хорошенький со своими белокурыми волосами и черными глазами. Не брюхата ли ты снова, сдается мне, что да. Надеюсь, добрый друг, вам оставят квартиру; несомненно, это сделают для твоего мужа, во внимание к его усердию⁸.

У нас нет вестей от Леона, он, должно быть, в Тифлисе, где много на почте найдет наших писем, писанных до востребования. Он пишет Александру; тот до того лаконичен, что из него никогда слова не выжмешь, и рассеян более чем когда-либо. Он сказал мне, что Леон должен был покинуть Харьков в 1-го Февраля, вот все, — тем и удовольствовался. Прощай, целую тебя очень нежно, как и маленького Леона, благословляю вас обоих. Все добрые знакомые говорят тебе тысячу милых вещей.

Сергей Львович:

Г-н Гурьев обещал мне, дорогая Олинька, зайти завтра, во вторник, и взять наше письмо. Он рассчитывает в среду уехать в Варшаву. Он увидит тебя чрез восемь или десять дней и расскажет тебе про нас. Я его о том просил, он славный малый, я люблю его от всего сердца, но его очень трудно поймать, он такая же редкость, как красный денечек, которые, впрочем, последнее время меньшая редкость, чем он. Все это время у нас чудное было солнце: я гуляю, как прежде, это единственный мой выход, и тогда я делаю визиты. Вчера зашел к Мими Нодин⁹ — это были ее именины. Она добрейшая женщина, но, как говорит Вигель, с в а р л и в а я. Сестер ее не было, вероятно, они готовили сюрпризы.

Я не теряю надежды в один прекрасный день увидеть здесь г-жу Осипову¹⁰, она уже нам писала, что хотела приехать из Пскова, но ее задержали дела. Она задумала содержать почтовую станцию, — дело не пошло и причинило ей кое-какой убыток.

Мама тебе говорит, что на меня жалко было смотреть; но как мог я быть иным, глядя на ее страдания, а подчас провидя момент, когда не смог бы доставить ей того, что бы ее успокоило. Да прославится Господь! Ей легче день ото дня, и мне нет надобности тебя в этом уверять, ты увидишь это из ее письма.

Лиз Вишневская¹¹ ищет места. Дай ей Бог успеха. Дама, у которой она прожила год, не заплатив ей, уехала в деревню. Говорил я тебе, что родители ее в Москве? Федор служит там в Ломбарде¹².

Прощай, дорогая Олинька! Очень нежно поцелуй за меня Лоло. Надеюсь, Николая Ивановичу дадут квартиру. Он же русский служащий. Нет ли способа похлопотать о том пред властями? Еще раз прощай, дорогой и добрый друг. Алиша¹³ очень рада будет получить от тебя весть и не преминет тебе написать. Она всякий раз говорит нам об удовольствии, с которым все они читают твои письма, но все семейство достаточно лениво, ничего не скажешь. Вот их адрес. Между Лубянской и Мясницкой в Милютинском переулке в доме Митькова. Что до фамилии нашего домовладельца, то он не Кленберг, а Кельберг, что почти сбивается на одно.

Врс., с. 791.

¹ «Мать у нас умирала; теперь ей легче, но не совсем. Не думаю, чтоб она долго могла жить», — писал Пушкин брату 2 мая 1835 г. и в тот же день Н. И. Павлищеву: «Матушке легче, но ей совсем не так хорошо, как она

думает; лекаря не надеются на совершенное выздоровление» (XIV, 23).

² Кочетова Е. Н.

³ Княжнина В. А.

⁴ Вульф А. Н. «Я в Петергофе, мой ангел,

провела три недели; только три дня как воротилась и то вовсе против воли», — сообщила А. Н. Вульф Е. Н. Вревской 20 марта 1835 г. (*Псв.* XXI—XXII. С. 319).

⁵ Трувеллер А. И.

⁶ Пушкина М. А.

⁷ Пушкин А. А.

⁸ См. письмо 105, прим. 9.

⁹ Нодин (Ноден) А. К.

¹⁰ «Ваша свекровь должна приехать на днях, но не знаю, где она остановится, потому что

старые Пушкины уже в Павловске» (М. Н. Сердобин — Б. А. Вревскому 26 июня 1835 г. // *Псв.* XXI—XXII. С. 391).

¹¹ Вишневская Е. Г.

¹² См. письмо 57, прим. 18. Ф. Г. Вишневский «по представлению почетного опекуна Павла Алексеевича Тучкова определен в Московский опекунский совет — 18 II 1835...» (*Декабристы.* С. 39).

¹³ О. М. Сонцова.

109 Надежда Осиповна:

21 сего Марта [1835 г. Петербург]

Только что получила твое письмо от 18-го, дорогой друг, в ответ на мое от 5-го; с тех пор я написала тебе еще одно письмо подлиннее, но, благодаря Гурьеву, оно все еще с ним в Петербурге. Как он не бывал у нас с Масленой, то я просила Станкера Александра¹ ему его передать, не зная, когда он думает ехать. Я очень рада, дорогая Ольга, что ты успокоилась на мой счет, и мне заметно было легче. Раух хотел уже, чтобы я подышала воздухом, очень медленно и не более четверти часа покатавшись в коляске: господа эти находят, что у меня затронута печень и что болезнь моя происходит скорее от причины моральной; правда, последнее время я испытываю одну лишь печаль и горе², а в моем возрасте этого всего не переносят, как в юности. Не желая более скрывать от тебя своих болезней, скажу тебе, что вот уже восемь дней я терплю жесточайшие муки от задержания мочи; последние два дня мне полегче, но ты и вообразить не можешь — и дай Бог тебе не знать этой болезни — сколько это заставило меня страдать. Это Раух мне помог, я снова начинаю ходить, но я слаба. Погода великолепная, Бог ведает, когда смогу подышать воздухом; если бы ты знала, какая я стала старая и худая, тебе трудно было бы меня узнать. Вообрази волнения Папа. Твои письма составляют наше утешение. Позавчера наконец утешил нас письмом и Леон. Он в Тифлисе с 18-го Февраля, со дня своих именин. Его ждали там четыре наших письма; сообщенное ему нами известие о твоём счастливом разрешении очень его обрадовало. Он, видимо, весел, хотя до сей поры радоваться и нечему. Он не застал Барона Розена³, который здесь, а Вольховский⁴ ничего без него не может решить, он просит нас походатайствовать о нем пред Бароном Розеном, не зная, что у того двухмесячный отпуск и что он остается здесь. Истинно, все это меня мучит, как могу я быть здорова, когда ничего нет утешительного. Врачи говорят, что, чтобы быть здоровой, я должна быть спокойна, — где найти это лекарство! Прощай, мой друг, я устала, целую тебя очень нежно, дай-то Бог, чтоб это письмо застало вас в добром здравии и чтобы Лоло избавился от этого гадкого кашля. Благословляю вас от глубины моего сердца. Аннет⁵ напишет тебе чрез Гурьева. Александр здоров, навещает меня по утрам, у Натали большой флюс. Маша⁶ прелестна, она тоже меня навещает, но Сашу⁷, у которого идут зубы, я не выдаю. Он так часто хворает, что его боятся выводить. Я все забываю тебе сказать, что дом наш — Кельберга.

Сергей Львович:

Восемь или десять дней назад, дорогая Олинька, Гурьев, встретив меня на улице, сказал мне, что едет послезавтра и зайдет взять для тебя письмо. Мы это письмо приготовили. Он не пришел, остается здесь, и Бог знает, когда уедет. Мы решили написать тебе также и по Почте. Мама все тебе рассказала, она столько находит утешения в беседе с тобой и получении твоих писем (...) зато и не прошу тебя продолжать нам писать, ибо уверен — и ты нам это доказываешь, — что никогда не преминешь делать это елико возможно чаще. Надеюсь, кашель Лоло пройдет, как только решительно воротится хорошая погода. Эти дни у нас была зима, как в Январе месяце, зима снова установилась. Сегодня я мало пишу тебе. Сейчас полдень, и пора отсылать письмо. Леон просит нас похлопотать пред Розеном, чтобы тот взял его к себе. Я его вовсе не знаю, и притом, он остается здесь. Леон все свои бумаги оставил в Министерстве Внутренних Дел, уехал, их не затребовав. Как их получить? Бог ведает. Прощай, дорогой и добрый друг. Да хранит тебя Господь. Крепко целую маленького. Бог да благословит его.

¹ Станкер Александр Антонович (р. 1805, ум. молодым), сын А. Ю. Станкер, урожд. Пушкиной (см. письмо 106), — двоюродный племянник Н. О., воспитанник Ришельевского лицея в Одессе, куда был помещен своей теткой графиней Лопухиной и темневной Бутурлиной, на попечение которой остался после смерти матери. С., «даровитый мальчик и изрядный весьма поэт», женившись на дочери статс-секретаря Вилламова, стал быстро делать карьеру, но умер в молодых годах. О. С. см.: *Бутурлин*. 1897. Кн. 1. № 3. С. 423; Кн. 2. № 5. С. 13.

² «Моральная причина» болезни Н. О. заключалась в непрестанной тревоге за Л. С., который

был без службы и, несмотря на то что за него только что заплатили 20 000 долгу, продолжал в Тифлисе делать новые долги и в то же время писал «жалкие» письма, считая, что он в «нищете» (*Псв.* XVII—XVIII. С. 182, 200). «У матери моей разлилась желчь, — писала О. С. мужу 12 сент. 1835 г. — ей то легче, то хуже (...), она думает об одном Леоне...» (там же. С. 165).

³ Розен Г. В.

⁴ Васильевский В. Д.

⁵ Вульф А. Н.

⁶ Пушкина М. А.

⁷ Пушкин А. А.

110 Надежда Осиповна:

1 сего Апреля 1835 г. [Петербург]

Как я начинаю говеть, дорогая Ольга, то, быть может, не буду иметь времени писать тебе на этой неделе. Наконец врачи объявили, что я вне опасности, хотя еще слаба. Теперь прошу у Бога только милости дать мне достаточно силы, чтобы исповедаться в церкви. По счастью, насупротив нас есть Часовня в доме Апраксина¹. Я еще не выходила на воздух по причине сырости и плохих дорог, сейчас погода хороша, и, надеюсь, мне позволят подышать весенним воздухом. Гурьев еще здесь, но мы его не видим, мы посылали тебе с ним большое письмо. Бог знает, когда оно до тебя дойдет. Желаю тебе хороших праздников, дорогой друг, Христос Воскрес, да осыплет тебя Небо своими благословениями. Надеюсь, Лоло здоров и более не кашляет, но ежели кашель не прошел, натри ему грудь салом, смешанным с анисовым маслом, это много ему поможет. С нетерпением жду твоего письма. Г-жа Княжна², которая вчера провела со мною день и придет еще сегодня, просила, как и дочь ее, передать тебе тысячу милых вещей. Я все забываю тебе сказать, что М-ль Цебрикова вышла

за Олимпиева ³. Бедная женщина хворает с тех пор, как был у нее выкидыш, я ее не видала, говорят, она очень еще худа и очень слаба; она начала выходить и вот снова сидит взаперти. Я тоже очень худа, лишь бы только воротилось ко мне здоровье, а это мне все равно. Говорила я тебе, что у нас есть вести от Леона, он пишет нам из Тифлиса. Надеюсь, все устроится по его желаниям. Папá уже предпринял шаги у Генерала Розена ⁴, который здесь. Во время поста было много концертов, гуляний, мы только об этом и слышали. Сестры Натали веселятся, она тоже выезжает, но она на сносях,— родит в начале будущего месяца. Говорят, праздник в Петергофе 1-го Июля будет великолепный, Нетти ⁵ заранее от него в восторге; ее муж там служит, он выстроил красивый дом, который приносит ему хороший доход, у него очень хорошее место, Император его отличает. Аннет Вульф провела у них три недели, сейчас г-жа Трувеллер здесь с матерью своей Надеждой Гавриловной ⁶, которая останется с нею до Ноября месяца. Они воротятся в Петергоф после Пасхальной недели, Аннет хочет их сопровождать. Прощай, моя добрая Ольга, прижимаю тебя к сердцу, Х р и с т о с В о с к р е с.

Сергей Львович:

Дорогая Оленька!

Желаю тебе хороших праздников, пишу тебе тоже сегодня, потому что говею и не знаю, буду ли завтра утром иметь время на писанье. Гурьев еще не уехал — прошло три недели, как он сказал мне, что едет завтра. Мы тебе написали с ним большое письмо, которое неведомо когда до тебя дойдет. Мамá тебе говорит, что я начал хлопотать за Леона пред Розеном, но г-н Розен не знает, когда воротится в Тифлис,— ежели туда воротится. Он, видимо, не столько влюблен в этот край, как Леон ⁷, которому, кажется, несколько времени подождать придется, прежде чем он найдет службу. В а л ь х о в с к и й ⁸, Начальник Генерального Штаба, ничего не мог решить без Генерал-Аншефа. Дай-то Бог, чтоб я послал ему добрые вести ко дню его рождения. Что же до тебя, Ду шин ь к а! — я молю Предвечного, чтобы ты хорошо провела пасхальную неделю и все недели твоей жизни. Надеюсь, твой собственный Леон совсем будет здоров. У вас, должно быть, весна. Прощай! Прости мне мои прегрешения. Ежели имею их против тебя — они все невольные. Будущий раз напишу тебе поболее. Мамá, слава Богу, гораздо легче, хоть она все еще слаба. Она непременно хочет исповедаться в церкви. Прощай, целую вас по-христиански и по-отцовски. Х р и с т о с В о с к р е с е!

Пвл. ИВ. 88. IX, с. 315.

Григорий Владимирович Розен.
Акварель. 1830-е гг.

¹ «Над [езде] Ос [иповне], слава Богу, гораздо лучше и собирается говеть на этой неделе,— сообщала сестре А. Н. Вульф 1 апр. 1835 г.— Если бы были у нее деньги, она совсем хорошо бы себя чувствовала» (*Псв.* XXI—XXII. С. 321). Часовня (в доме гр. Елены Александровны Апраксиной) подворья Черемнецкого Иоанно-Богословского монастыря.— *Прим.* В. С.

² Княжнина В. А.

³ Алимпиев. См. письмо 94, прим. 14.

⁴ Розен Г. В.

⁵ Трувеллер А. И.

⁶ Вульф Н. Г.

⁷ Пушкин в «Путешествии в Арзрум» писал: «Русские не считают себя здешними жителями. Военные, повинуюсь долгу, живут в Грузии, потому что так им велено. Молодые титулярные советники приезжают сюда за чином асессорским, толико вожделенным. Те и другие смотрят на Грузию как на изгнание».

⁸ Вольховский В. Д.

111 Надежда Осиповна:

6 сего Апреля 1835. [Петербург]

Твое письмо от 29 Марта пришло позавчера утром, в день моего причастия. Воротясь из Церкви, я, к великому моему удовольствию, нашла его на моем столе. Ты представить себе не можешь, дорогая Ольга, как я счастлива, что имела силы пойти к обедне,— это первый раз с Октября месяца. Незвизирая на плохую погоду, я чувствую себя все лучше и лучше. Я не надеялась на счастье причаститься в Церкви, не надеялась даже дожить до Пасхи. И вот я воротилась к жизни, побывав на волосок от смерти; все приходят поздравить меня с выздоровлением, у меня остался лишь упорный кашель, небольшая слабость и очень мало аппетита, зрение мое очень еще слабо, я ничего не могу делать, и ежели напишу или почитаю, то весь день должна отдыхать. П а р а - К о ш е ц ¹ еще не явился, не сделает ли он как Гурьев, который два месяца заставил себя ждать для того лишь, чтобы прийти два раза? Я не знаю, в Петербурге ли он еще. Письмо твое к м-ль Пашкевич ² я отослала тотчас же. Ивеличевых я выдаю редко, они так далеко, и у них нет эипажа. Ты хочешь знать, что с Леоном,— спешу сказать тебе, что Папá только что был у Барона Розена ³, который встретил его с распростертыми объятиями. Все устраивается как хочет Леон. Барон сказал Папá, что почитает для себя за удовольствие иметь его при себе, что он даже польщен будет честью видеть около себя кого-либо из его семьи. Он едет в Тифлис 10-го. Я пишу тебе за три дня до почты. Как тогда будет уже Пасхальная неделя, то у меня, раз я не выхожу, все время будут гости; врачи не перестают твердить мне — не Х р а б р и т е с ь. Мне велят ни о чем не думать, иметь мысли розового цвета, как человеку, плавающему в блаженстве. Сегодня я довольна: визит Папá к Розену не был бесплоден, но это ты, моя дражайшая Ольга, вызываешь во мне беспокойство; как я жалею твою казенную квартиру, я только о тебе и думаю, ты лишена всего и не заикнешься мне и словом, мой добрый друг. Как же быть веселой, когда Дети страдают? Я благодарю Бога, что ты здорова и Лоло тоже. Событие, совершившееся в доме, где вы будете жить,— ужасно. Ты не хочешь рассказать мне о другом, еще более ужасном, прошу тебя, скажи, мой добрый друг, мне любопытно. В качестве новости я сообщу тебе, что Лермонтов вдовец, В л а д и м и р Н [и к о л а е в и ч] женился на фрейлине большого двора Дубенской ⁴, молоденькой восемнадцатилетней девушке, у которой 20 тысяч рублей дохода. Он говорит, что никогда не сможет любить ее, как первую свою жену, зато и она, я уверена, не сумеет его обожать, как обожала П р а с к о в ь я Г а в р и л о в н а ⁵. Вчера была у меня бедная Лиз ⁶. Она поместилась компаньонкой к г-же И л ь и н с к о й, Персианке, которой она интересовалась прошедший год ⁷. Помнится, она даже просила у тебя протекции

пред Маршалом для ее мужа; у него была грязная история, он лишен чинов. Они чрез две недели едут в Курск, и навсегда. Барон Боде⁸ здесь по делам, он просил меня вручить его твоей памяти. Граф Константин Толстой⁹ тоже. Кто же этот Платон Рачинский¹⁰, которого я непременно увижу? Еще новость. Помнишь ты Фишет Бартеневу? У нее теперь одиннадцать детей, они едва что не в нищете¹¹. Старшая дочь поет, как Зонтаг¹², Императрица, услышав о ее таланте и печальном положении семьи, вызвала их сюда. Барышня взята ко двору, живет как Королева, она проводит время с Императорской Фамилией, обедает с ними, Императрица не расстается с ней ни на минуту, здесь только и разговору, что о Полин Бартеневой, которая совершенно очарована, ей кажется, что это сон. Говорят, она не хороша, но она производит фурор¹³.

Вот большое письмо, дорогой друг, надеюсь, ты будешь довольна. Христос Воскресе, желаю тебе хорошего праздника и целую тебя, вот я и совсем устала, ибо писала, не передохла ни минуты, но на это у меня будет времени достаточно, я не пойду ни к обеду, ни к утрени.

Сергей Львович:

9 Апреля

Мне почти нечего добавить, дорогая Олинька, Мамá обо всем тебе рассказала; могу лишь подтвердить, что теперь она отменно здорова, к великому удивлению самих Врачей, которые ее пользовали. Единственная вещь и единственное необходимое лекарство, в котором она нуждается,— это большее спокойствие духа, но это не от нас зависит. Надеюсь, мой визит к Барону Розену пойдет Леону на пользу; по крайней мере, нельзя ни принять лучше, ни казаться более расположенным действовать сходно представленной мною просьбе. Твой варшавский врач не является¹⁴ — Гурьев пропал. Ежели он уехал, то сделал это не попрощавшись с нами, ежели все еще здесь, то должен был бы возвратит нам наше письмо, которое мы бы тебе отослали. Во всех случаях, он нами пренебрег, а я-то так рад был вновь с ним свидеться! Желаю тебе хороших праздников, которые уже пройдут, когда ты будешь это читать. У нас со вчерашнего, со дня Пасхи, жестокая зима, и снегу, который не переставал во весь день,— по колено. Я уж говорю, что я очень счастлив, что я не балаганный шут на качелях. Им, должно быть, весьма затруднительно подбирать смешные слова по такой плохой погоде и в их костюме¹⁵. Прощай, дорогая Олинька, не повторяю того, что сказала тебе Мамá, но глубоко это чувствую. Целую Лоло. Да станет он вашим утешением. Кстати, о добрых детях, преданных своим родителям: Степан Вишневский получил место в 2500 р. жалованья, его не искав, ни о чем не ходатайствуя и в ущерб лицам, его домогавшимся. Не есть ли это явное заступничество Провидения? Целую тебя миллион раз. Мне сдается, дорогая Олинька, что трагические события, о которых ты нам рассказала, частью имеют источником своим подражание нынешним романам. Преувеличивают все.

Пвл. ИВ. 88, с. 315.

¹ Пара-Кошец — Порай-Кошиц Владимир Иванович (ум. 1892), доктор медицины, приват-доцент Харьковского университета. В 1830-х гг. служил военным медиком в Варшаве (*Бутурлин*. 1897. Кн. 2. № 7. С. 383); в 1840-х гг. был полковым доктором кирасирского военного ордена полка, стоявшего под Елизаветградом. О нем и его жене см.: Фет А. Ранние годы моей жизни. М., 1893, С. 468 (Парайкошец), а также:

РА. 1872. II. С. 1274; Прейс Н. П. Памяти В. И. Порай-Кошиц. Харьков, 1903.

² Пашкевич А. В.

³ Розен Г. В.

⁴ Дубенская Елизавета Николаевна (19 VII 1812—24 XI 1897, *ПН*), дочь приятеля С. Л.— Николая Алексеевича Дубенского (см. о нем письмо князя П. А. Вяземского Пушкину от 4 авг. 1825 г.—XIII, 201, и ОА. V. Вып. 1. С. 76).

Д., на которой вторым браком весной 1835 г. женился В. Н. Лермонтов, была, как рассказывает О. С., «много хуже его первой жены» (урожд. Вишневской — см. письмо 57), — глупа и апатична и «ничего на свете не любила, кроме размазни» (письмо мужу от 20 дек. 1835 г. // *Псв.* XVII—XVIII. С. 201).

⁵ Его первая жена — урожд. Вишневская.

⁶ Вишневская Е. Г.

⁷ Лицо неизвестное.

⁸ Боде Лев Карлович, барон (20 I 1787—29 IV 1859), президент Московской дворцовой конторы, гофмаршал, женат на Наталье Федоровне Колычевой (7 VI 1790—21 IV 1860). О Б. и его семье см.: *Бутурлин.* 1897. Кн. 2. № 7. С. 439; Кн. 3. № 11. С. 342; *Вяземский.* С. 62; Письма А. С. Грибоедова к С. Н. Бегичеву 1816—1826. М., 1860. С. 31; Снегирев И. М. *Дневник // РА.* 1903. V. С. 84; Загоскин С. М. *Воспоминания // ИВ.* 1900. Т. 80. № 5. С. 403, 408; Толстой М. В. *Мои воспоминания // РА.* 1881. Кн. 2. № 3. С. 129; Солнцев Ф. Г. *Моя жизнь и художественно-археологические труды // РС.* 1876. Т. 16. № 6. С. 279; В. Б. Накануне Крымской войны // *ИВ.* 1887. V. С. 455; Венгеров С. А. *Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых.* Т. V. СПб., 1897. С. 15; Зенгер Т. Г. *Пушкин у Трубецких // Звенья.* 1934. III—IV; *Русские портреты.* Т. II. № 81 и 82.

⁹ Толстой К. П., граф.

¹⁰ См. письмо 43, прим. 15.

¹¹ Бартенева Федосья Ивановна, урожд. Бутурлина (31 I 1790—22 X 1835, *ПН*), жена статского советника, костромского помещика Арсения Ивановича Бартенева (8 IV 1780—21 VII 1861), мать известной певицы, камер-фрейлины Прасковьи Арсеньевны Бартеневой, и сама певица, ученица Мускетти (*ОА.* III. С. 511). У Б. было не 11, а 9 человек детей, и при рассеянном образе жизни, который она вела, ей случалось рожать чуть не в гостях. А. Я. Булгаков рассказывал брату, как однажды она чуть не родила у одного помещика, другой раз — у князя Гагарина. «Я всегда удивлялся, — добавляет он, — как Бартенева, *ou, roug parler plus sogetement* [точнее сказать, — франц.], Фишетка, ни одного ребенка не родила в театре, в церкви, в гостях, на улице. Она вечно брюхата и вечно рыскает» (*РА.* 1901. XI. С. 284). В другом письме А. Я. Булгаков рассказывает об анекдоте, случившемся с Б. в театре, во время представления «Калифа Багдадского»: стрела со сцены залетела в зрительный зал и «попала в Фишеньку Бартеневу (...) Она брюхата и вместо испуга захохотала. Надобно, чтобы с ней случались такие приключения!» (*РА.* 1901. IV. С. 605). О Б. см.: письмо князя П. А. Вяземского А. И. Тургеневу // *ОА.* III. С. 162; Сабанеева Е. А. *Воспоминания о былом: Из семейной хроники.* СПб., 1914. С. 99; Янь-

кова Е. П. *Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово.* СПб., 1885. С. 243.

¹² Зонга Генриетта Гертруда Вальпургис (1805—1854), знаменитая немецкая певица, гастролировавшая в 1830-х гг. в России; впоследствии вышла за графа Росси, сардинского посланника при русском дворе. См. о ней: письмо князя П. А. Вяземского к жене 1830 г. // *Звенья.* VI. С. 302; *Лорер.* С. 115; Baron Charles-Paul de Bourgoing. «Souvenirs», Paris, 1864. P. 487; *Русские портреты.* Т. IV. Поэт И. И. Козлов посвятил ей стихотворение «Вчера ты пела» (Соловьев Н. В. *История одной жизни.* Пг., 1916. Т. II. С. 53).

¹³ Бартенева Прасковья Арсеньевна (13 XI 1811—24 I 1872), камер-фрейлина, известная певица, ученица Глинки. А. Я. Булгаков еще в 1831 г. писал брату: «...сказывают, что берут для житья во дворец Бартеневу, но без фрейлинства (...) Желаю, чтобы бедную Бартеневу взяли; чего ей ждать от такого отца и взбалмошной матери?» (*РА.* 1902. I. С. 145). Взята была во дворец Б. лишь в 1835 г. К. Я. Булгаков 26 февр. 1835 г. сообщил брату: «Говорят, на этой неделе будет дочь Бартеневай перемещена на жительство во дворец. Третьего дня мать с нею представлялась, дочь утром там уже пела, вечером опять и, говорят, восхитила своим прелестным голосом. Пан Михаил Велеурский говорит, что никогда подобного голоса не слышал» (*РА.* 1904. IV. С. 562; см. также письма от 20, 26, 30 марта 1835 г.). О Б. см.: письмо А. Я. Булгакова // *РА.* 1901. XI. С. 365; Муханов В. А. *Из дневных записок // РА.* 1897. Кн. 1. № 1, 2; Кн. 2. № 5; *Бутурлин.* 1897. Кн. 2. № 8. С. 549, 551; 1901. Кн. 3. № 12. С. 443; Грот Н. П. *Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков // РА.* 1902. Кн. 2. № 7. С. 476; Загоскин С. М. *Воспоминания // ИВ.* 1900. Т. 81. № 7. С. 41; Тютчева А. Ф. *При дворе двух императоров. Дневник.* М., 1929. С. 134, 144; Сабанеева Е. А. *Воспоминания о былом: Из семейной хроники.* СПб., 1914. С. 100; *Смирнова.* С. 204; Комаровский Н. Е., гр. *Записки.* М., 1912. С. 55; письма М. А. Волковой к В. И. Ланской // *ВЕ.* 1875. III. С. 235, 237; Ломакин Г. Я. *Автобиографические записки // РС.* 1886. III. С. 655, 657; Глинка М. И. *Записки.* М.; Л., 1930. С. 148 и далее; Маркович Б. *Четверть века назад. (Роман).*

¹⁴ Порай-Кошиц — см. прим. 1.

¹⁵ Балаганы устраивались в Петербурге на масляной и пасхальной неделях на Адмиралтейской площади. Центром был пантомимный театр талантливого комического актера Лемана. Описание петербургских балаганов см.: Соколов П. П. *Воспоминания.* Л., 1930. С. 66, 397. О пожаре балагана Лемана, сгоревшего 2 февраля 1836 г., — Рассказ очевидца // *РА.* 1887. X. С. 219.

22 сего Апреля 1835. [Петербург]

Я жду Кошица¹, как Жиды ждут Мессию; ты полагаешь, что он уже в Петербурге, мой добрый друг, но мне неизвестно, где он. Ежели Гурьев в Варшаве, ему очень затруднительно будет рассказать тебе обо мне, ибо за свое пребывание он посетил нас всего два раза. Твое последнее письмо дошло в 6 дней, эта почта — одно удовольствие, она не заставляет томиться, как псковская, которая составляет мое терзание. Наконец-то, слава Богу, настала у нас хорошая погода, вчера было 14 градусов в тени, я в первый раз, хоть и очень медленно, гуляла перед домом. Но движение коляски вызывает у меня спазмы внизу живота, я больше не хочу пробовать кататься, я буду ходить, я чувствую, что это мне полезно. К тому же мне гораздо легче, я стала понемногу есть хлеб, но не могу слышать никаких запахов — ни мяса, ни молочного, ни рыбы, ни чаю. Аверину травку я охотно буду пить, что же до дегтярной воды — подожду Кошеца, чтобы спросить у него, как ее употребляют. Ты видишь, дорогая Ольга, я не отвергаю твоих лекарств, — но в Юхту не хочу заворачиваться. Твоя нежная забота возвращает мне здоровье, я всегда веселее и обедаю лучше в те дни, когда получаю твои письма, я никогда с ними не расстаюсь, они все на столе перед моим большим креслом, и я всякий день их по нескольку раз перечитываю. Я думаю о Лоло, хотела бы увидеть его во сне, но не имею даже этого удовольствия. Мне кажется, ты хорошо сделаешь, отняв его от груди в Июле месяце, ежели, однако, у него не пойдут зубы и он силен будет и здоров. Ты спрашиваешь меня про Натали. Я редко ее видаю, она здорова, почти всякий день на спектакле, гуляет; она родит в конце Мая месяца. Они занимают очень красивый дом на большой набережной за шесть тысяч семьсот рублей. Это должно быть прекрасно, судить же не могу: с тех пор как я в Петербурге, я вижу лишь дом Кельберга. Вчера была у меня г-жа Симанская², она поручила мне передать тебе тысячу милых вещей, как и г-жа Вейдемейер³; она очень хворала и едва ходит. Как новость скажу тебе, что Вера Бистром, дочь Фелицианы Адамовны⁴, выходит за Аршеневского⁵. У Марии Ефимовны⁶, твоей доброй приятельницы, уже двое детей. Клюпфели здесь, и совсем близко от нас и собираются меня проведать. Я возобновляю свои партии в вист с г-жой Княжиной⁷, г-жой Кушелевой⁸, Александром Станкером⁹ и Семеновым Исаковичем¹⁰, это доказывает, что мне лучше. Архарет¹¹ моя по мне вздыхает и очень зовет приехать к ней в Павловское в Мае месяце. Но хочешь, не хочешь, а надо ехать в Михайловское, средства наши не позволят нам поступить иначе, этот год очень для нас несчастлив, и моя болезнь явилась весьма некстати¹². Спокойствие, предписанное мне врачами, очень от меня далеко. Старость наша очень грустная, последние дни нашей жизни проходят в лишениях и горе, да свершится Божья воля, надо покориться ей, не ропща. Бедный Князь Вяземский только что потерял свою дочь, восемнадцатилетнюю Полин; вся семья в отчаянии, они все возвращаются из Италии, где умерла молодая девушка; тело, кажется, будет перевезено сюда¹³.

Я все забываю тебе сказать, что г-жа Веневитинова¹⁴ мне тысячу раз поручала тебе о ней напомнить, она очень тебя любит, как и все ее семейство. В течение всей моей болезни я имела доказательства их приязни. Графиня Ивелич, Мать¹⁵, больна, сын ее Константин теперь со своей женою в Тифлисе. Недавно получила я письмо от Анны Андреевны Самборской, она мне рассказывает о Леоне, который у них обедал. Она говорит, что ему нравится в этом городе. Очень хотела бы, чтобы он, наконец, был при Розене¹⁶, но тот еще здесь; Папа два раза у него был, он готов сделать все, как хочет Леон, да благо-

словит Господь его доброе расположение и да защитит твоего брата в его начинаниях. Прощай, дорогой и добрый друг, прижимаю тебя и Лоло к своему сердцу, кланяюсь твоему Мужу. Аннет¹⁷ тебе напишет, она бегаёт по лавкам с кузинами своими Бегичевыми¹⁸ — выбирает себе шляпу; её никогда нет дома. Мать её в Тригорском, Алексис¹⁹ в своём имении в Торжке, а Валериан²⁰ вступает в военную службу. Вот все новости, какие сейчас могу тебе рассказать. Говорила я тебе, что Натали и Ольга Соловые²¹ вышли замуж, одна за Ланского²², другая за Кошелева²³. Адрес Сонцовых — близ Мясицкой в Милютинском переулке в доме Митькова. Варвара Яковлевна²⁴ навестила меня несколько дней назад, она хворала всю зиму, и это первый раз, что мы виделись. Дочь её здорова. Мисс Гунтлер с тех пор, как мы в этом доме, к нам не приходила; она более не пользуется добрым здоровьем, у неё страшные глазные боли, и ноги её слабы, она не может много ходить. Мне кажется, я ответила на все твои вопросы и поделилась всеми новостями, — надо сказать тебе последнюю: только что приехал Маршал Паскевич. Императрица²⁵ уезжает в Москву и будет 1-го Мая на гулянье в Сокольниках²⁶. Великая Княгиня с Великим Князем²⁷ и детьми едут на Воды. Император отправится в глубь России²⁸.

Я сказала тебе, что играю в вист. Не вообрази, что сижу по ночам, нет, дорогой друг, будь спокойна: я ложусь в десять часов.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька!

Кошечка нам нейдет, г-н Гурьев почти с нами не видался, а Татаринов²⁹, наверно, в пучине Тартара. Я не видал никого, кто приехал с Маршалом. Ежели г-н Анничков³⁰ в числе приехавших, я уверен, что он зайдет на проведать. Мама написала обо всем, что я мог бы тебе про нас рассказать. Я два раза был у Розена, но он ничего не решил насчет Леона. Он непременно хочет его видеть и с ним поговорить. Как ты выразилась, это большая для него будет удача, ежели он будет принят. Он уехал и оставил в Министерстве Внутренних Дел свои бумаги, касающиеся до службы, так что придется еще *

Врс., с. 791.

¹ Порай-Кошица.

² Симанская Е. А.

³ Вейдемейер Т. С.

⁴ Бистром Вера Романовна, баронесса (25 V 1810—7 III 1840, *ПрН*), двоюродная племянница Н. О., дочь ее двоюродной сестры Фелицаны (Елизаветы) Адамовны Бистром, урожд. Роткирх (11 XII 1790—29 IX 1868, *ПрН*). Брат Б., барон Николай Романович Бистром (1806—1873) в 1840-х гг. служил в Варшаве с Н. И. Павлищевым (Павлищев Л. Н. Из семейной хроники // *РС*. 1896. IX. С. 567).

⁵ Аршеневский Николай Алексеевич, полковник войск гвардии (р. 21 XI 1812 г., убит на

Малаховом кургане 27 августа 1855 г. *Лобанов-Ростовский*. Т. I. С. 26).

⁶ Гаевская М. Е.

⁷ Княжнина В. А.

⁸ Кушелева А. Д.

⁹ Станкер А. А.

¹⁰ Ганнибал С. И.

¹¹ Архарова Е. А.

¹² А. Н. Вульф писала Е. Н. Вревской 4 мая 1835 г.: «Над[ежда] Ос[иповна] не сможет и не захочет ехать это лето в Михайловское» (*Псв*. XXI—XXII. С. 322).

¹³ Вяземская Прасковья Петровна, княжна (21 II 1817 — 11 III 1835, в Риме). Пушкин писал жене в конце июля 1834 г.: «Княгиня

* Окончание письма не сохранилось.

едет в чужие края, дочь ее больна не на шутку; боится чахотки. Дай Бог, чтоб юг ей помог. Сегодня видел во сне, что она умерла, и проснулся в ужасе» (XV, 182). Гоголь во время пребывания в Риме бывал на могиле княжны Вяземской и трогательно писал об этом князю (РС. 1902. II. С. 265). О В. см.: ОА. Т. I—III. По указ.; письмо П. А. Вяземского В. А. Жуковскому // РА. 1900. III; письмо К. Я. Булгакову брату 10 авг. 1834 // РА. 1904. III. С. 427; Письма. III. С. 529; Волконская З. А., кн. Князю П. А. В. На смерть его дочери. (Стихотворение) // РА. 1867. С. 313.

¹⁴ Веневитинова А. Н.

¹⁵ Ивелич Н. А.

¹⁶ Розен Г. В.

¹⁷ Вульф А. Н.

¹⁸ Анна и Павла Ивановны Бегичевы.

¹⁹ Вульф А. Н.

²⁰ Вульф Валериан Николаевич (22 V 1812 — 13 III 1844), младший сын П. А. Осиповой. В 1833 г., 28 июня, она писала Пушкину: «Мой Алексей с нетерпением ждет отпуска, а Валериан, который здесь на каникулах, хочет поступить в университет» (XV, 65). О В. см.: Майков. С. 171.

²¹ Петрово-Соловово.

²² Ланской Александр Петрович (1800—1844), кавалергард, с 1834 г. женат на Наталье Федоровне Петрово-Соловово. О Л. см.: Пачулидзе С. А. Сборник биографий кавалергардов. Т. 1—4. СПб., 1908. На его дочери Софье Александровне Ланской женился старший сын Пушкина Александр Александрович. За его брата Петра Петровича Ланского вышла в 1844 г. Н. Н. Пушкина.

²³ Кошелев Александр Иванович (9 VI 1806 — 12 XI 1883), приятель С. А. Соболевского, А. В. Веневитинова, С. П. Шевырева и И. В. Киреевского; («архивный юноша») — в 1830-х гг. служил по дипломатии; славянофил, друг А. С. Хомякова, издатель (после его смерти) журнала «Русская беседа»; автор «Записок» (Берлин, 1884). Женился на Ольге Федоровне Петрово-Соловово 4 февраля 1835 г. О. Ф. Кошелева — друг Гоголя (Аксакова В. С. Дневник. СПб., 1913. С. 167). О К. см.: Дельвиг. Т. II. С. 101, 105; Барсуков. Кн. II. С. 111; РА. 1883. С. 143; 1884. I. С. 246; 1903. XII. С. 559; Колюпанов Н. П. Биография А. И. Кошелева. М., 1889, 1892. Т. 1, 2. О К. и его жене см. роман С. Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда».

²⁴ Плещеева В. Я.

²⁵ Императрица Александра Федоровна (1 VII 1798 — 20 X 1860), дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма III, с 1 июля 1817 г. жена Николая I.

²⁶ О гулянье в Сокольниках см. письмо 55.

²⁷ Елена Павловна и Михаил Павлович.

²⁸ Николай I (25 VI 1796 — 18 II 1855) летом 1835 г. объехал внутренние губернии России. Маршрут его путешествия см. в письме К. Я. Булгакова брату (РА. 1904. III. С. 435).

²⁹ Татаринов — лицо неизвестное, и имеет ли он какое-либо отношение к Илье Ивановичу Татаринову, кредитору Пушкина (Модзалевский Б. Л. Архив Опеки // Псв. XIII. С. 97, 105), и его сыну Николаю Ивановичу, женатому на двоюродной сестре А. И. Тургенева (ОА. II. С. 568), выяснить не удалось.

³⁰ Аничков В. И.

113 Надежда Осиповна:

7 сего Мая [1835 г. Петербург]

Я получила твое письмо с планом вашего дома, дорогая Ольга, и очень благодарю тебя за это внимание, ты знаешь, что мне может доставить удовольствие, и я умею ценить твое любезное попечение. Эта квартира кажется мне удобной и веселой, жаль, что она не даровая. Я имела о тебе весточку чрез коменданта Варшавы¹, который здесь и был у г-жи Архаровой. Она поспешила завести с ним разговор о тебе и задать ему тысячу вопросов, дабы потом мне рассказать. Ни она, ни я — мы не выходим, однако почти всякий день друг другу шлем Вестовщиков. Не будучи в состоянии переносить движения коляски, я стала ходить пешком, но с 1 Мая у нас ужасная погода: снег идет непрестанно, как зимою, мы топим весь дом, и, кажется, скоро будут ездить в санях. Здоровье мое все лучше и лучше, я начала есть мясо, у меня почти ни к чему нет отвращения, но чай я ненавижу. Как новость, скажу тебе, что Александр третьего дни уехал в Т р и г о р с к о е, он должен воротиться прежде 10 дней к родам Натали. Ты, быть может, подумаешь, что это за делом, — вовсе нет: ради одного лишь удовольствия путешествовать, — и по такой плохой погоде! Мы очень были удивлены, когда он накануне отъезда пришел с нами попрощаться. Его жена очень этим опечалена. Признаться надо, братья твои чудачки порядочные и никогда

чуждачеств своих не оставят. Мы получили письмо от Леона из Тифлиса; он с нетерпением ждет приезда Барона Розена², говорит, что dolci farnienti * чувствительно начинает его тяготить, однако же он в восторге от Тифлиса и рода жизни, какой там ведет, он восхищается прекрасной природой и прекрасным климатом. У них бывают собрания и увеселительные прогулки, есть даже театр³. Письмо его очень весело, он подшучивает над своим возрастом, говорит, что в свои 30 лет он отрекается от любви, что он никогда не женится и не хочет более думать об этом вздоре, он утверждает, что большая часть волос у него поседела и что это придает ему вид вовсе смешной. Говорит он и о тебе, мой добрый друг, и желает тебе многочисленного потомства.

Твой маленький Леон очень меня интересуется. Я очень рада, что вы так близко от садов, столько же для Дитяти, сколько и для тебя; надеюсь, погода у вас лучше. Даже в Москве, как говорят нам Сонцовы, погода прекрасная. Гулянье в Сокольниках было великолепно, они были в Палатке Шиповых⁴. Я думаю, Алиша⁵ расскажет тебе подробности этого праздника. Посылаю тебе письмо Катрин⁶, у м-ль Пашкевич⁷ по-прежнему перебой в сердце. Все твои добрые приятельницы поручают передать тебе тысячу милых вещей. Аннет⁸ тебя целует, она останется здесь до Июля месяца, чтобы посмотреть на Петергофский праздник, не знаю еще, что будет со мною, в Июне мне нужно пить воды. Очень хотела бы поехать в Москву, не за тем, чтобы пить воды, но чтобы повидаться с нашими родными и съездить в Коровино. Перемена воздуха мне будет благоприятна. Это всего лишь проекты, когда хворала, я не строила никаких, теперь это доказывает, что я выздоравливаю или же что я заразилась от твоих братьев страстью к путешествиям. Александр тоже хочет покинуть Петербург. Уж раз в Москве, Папа сможет завернуть с Матвеем Михайловичем⁹ в Болдино. Я разлюбила Петербург и боюсь ехать этот год в Михайловское, быть может, это предчувствие. Впрочем, пусть будет, как захочет Бог, да свершится Его воля. Прощай, дорогой Друг, благословляю тебя от глубины сердца и Лоло тоже. Одеяльце его готово, хотелось бы послать его с оказией — не то — пошлю по почте.

Пвл. ИВ. 88. XII, с. 560.
Врс., с. 792.

¹ Симонич Иван Осипович, граф (1794—1851) — комендант Варшавы, бывший командир Грузинского гренадерского полка, отличившийся в Елисаветпольском сражении и впоследствии посланник при персидском дворе, генерал-лейтенант (*Павлицев*. С. 66). Упомянут Пушкиным в 3-й главе «Путешествия в Арзрум» (VIII, 469).

² Розен Г. В.

³ Описание Тифлиса того времени см.: Дондуков-Корсаков А. М., кн. Воспоминания // Страница и новизна. СПб., 1912. V. С. 205, 211.

⁴ Шиповы — Шипов Сергей Павлович (5 II 1789 (или 1790) — 25 VII (или 23 VIII) 1876, *МН*), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, сенатор, командир лейб-гвардии Семеновского полка в 1820 г., член Союза благоденствия; с 30 ноября 1837 г. — главный директор Комис-

сии внутренних дел и народного просвещения в Варшаве, а затем исполняющий должность варшавского военного губернатора (1838—1840). Женат с 1828 г. на графине Анне Еврафоновне Комаровской (30 III 1806 — 3 III 1872, *МН*), кавалерственной даме ордена Св. Екатерины 2-й степени. Описание альбома А. Е., содержащего автографы Гюго, Языкова, Жуковского, Дмитриева, Ермолова, Крылова, Веллингтона, Гумбольдта, Бальзака и др., в который Пушкин вписал стихотворение «Муза» («В младенчестве моем...» Около 1828), см.: *Псв.* XI. С. 79. А. Е. сохранила дружбу к О. С. до кончины последней, и упоминания о ней постоянно встречаются в письмах О. С. к сыну и мужу 1860-х гг. (*ПД.*, ф. 221, оп. 2, № 6). О А. Е. см.: Соловьев Н. В. История одной жизни. Пг., 1915. Ч. 1. С. 182. О О. С. П.: *Павлицев*. С. 66; *Вигель*. Т. II. С. 325; *Розен*. С. 65;

* Правильно: dolce far niente — сладкое безделье (*ит.*).

Толстой М. В., гр. Воспоминания // *РА*. 1881. II. С. 130; *Никитенко*. Т. I. С. 242; *Гастфрейнд*. Т. III. С. 61; Комаровский Е. Ф., гр. Записки. СПб., 1914. С. 257; *Дельвиг*. По указ.; Завалишин Д. И. С. П. Шипов // *Древняя и новая Россия*. 1878. IV. С. 363; *РА*. 1875. 12. С. 409 и др.; *Декабристы*. С. 201; *Затворницкий*. Т. III. Отд. 4. С. VIII; Некролог С. П. — *Московские ведомости*. 1876. № 205. Воспоминания С. П.—

РА. 1878. VII. С. 144; Шипов С. П. Рассказы и замечания о семеновской истории. Записаны В. Д. Давыдовым // *РА*. 1875. Кн. 3. № 12. С. 421.

⁵ Сонцова О. М.

⁶ Ивелич Е. М.

⁷ Пашкевич А. В.

⁸ Вульф А. Н.

⁹ Сонцов М. М.

114 Сергей Львович:

17 Мая 1835 [Петербург]

Дорогая Олинька!

Наконец-то прибыл г-н Кошец¹. Он был у нас, передал нам твое письмо и очень нас порадовал своим посещением. Это было, кажется, 12-го сего месяца. Я просил его считать наш дом своим. Ничего не сказав в ответ, он отвесил мне множество поклонов и с тех пор еще не бывал, но я непременно к нему пойду. Он остановился у своего брата, который служит и живет в Департаменте Почт, так что найти его не составит труда. 14-го, т. е. во Вторник, в 7 или 8 часов вечера Натали разрешилась мальчиком, которого они называли Григорий² — не совсем мне ясно почему. Александр совершил 10-дневное путешествие в Т р и г о р с к о е — прокатился туда и обратно — пробыл там три дня и воротился в Среду, в 8 часов утра, — Натали родила накануне. Печальные новости рассказал нам он о Михайловском. Люди грабят и творят ужасы. Ты знаешь, как я берег и, смею сказать, украсил сад и все окрестности дома. Я велел также заново отстроить

службы, а ныне... Эти непорядки весьма нас огорчают и не побуждают нас ехать туда этим летом. Не знаю, что с нами будет, лишь бы Господь даровал мне милость не оставаться на лето в Петербурге.

Надеюсь, маленький Лоло совсем оправился, и кормилица более не осмеливается потихоньку давать ему есть. Врач помог ему, правда? — Это должно примирить тебя с факультетом. Знаешь, я начинаю думать, что ты сама становишься ученицей Гиппократ³. Ты, как женщина, искушенная во врачебном искусстве, говорила об усталости, какую должна была испытать Мама́, написав тебе такое длинное письмо: однако она, кажется, не испытала того, чего ты за нее опасалась. Прощай, дорогая Олинька. Уступаю ей перо, целуя тебя тысячу раз, как и Лоло. Благодарю за письмо, я читаю его и перечитываю, и доказательства твоей любви к нам, которые я в нем нахожу, являются для меня великим утешением.

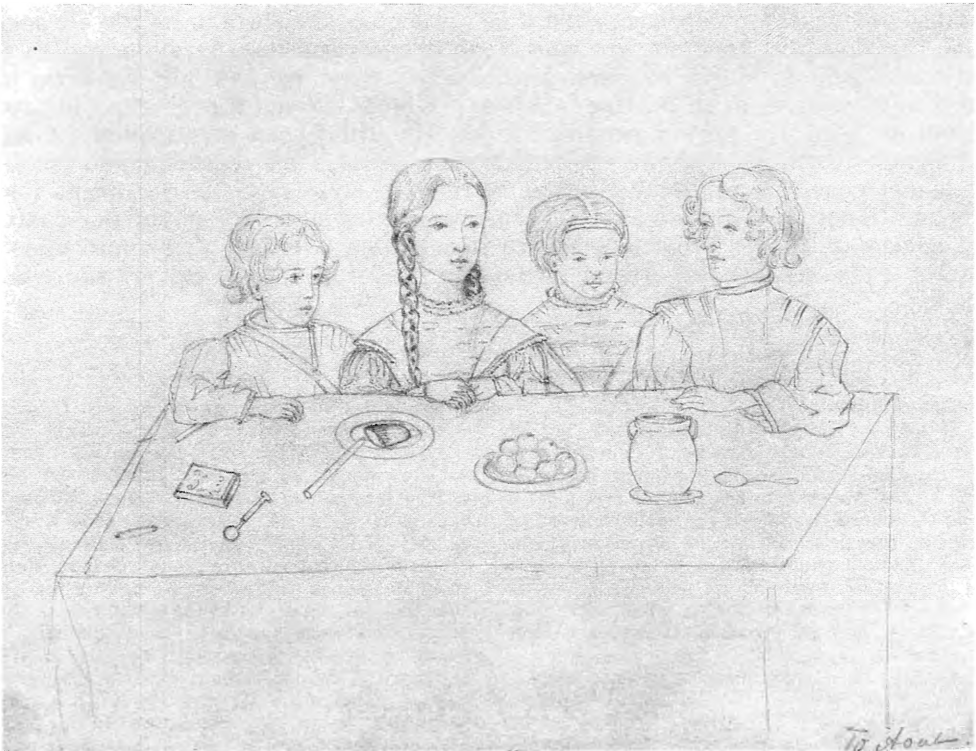
Александр Павлович Неелов.
Портрет неизв. худ. 1830-е гг.

Надежда Осиповна:

Вот он наконец, сей долгожданный Кошец. Он прибежал к нам на другой день своего приезда, я так рада была его видеть, что едва не расцеловала, — что ты и взаправду сделала, увидев Чиркова⁴. Папá не было дома, мы познакомились, его поджидая. Он только о вас и говорил, и его преданность тебе делает его в моих глазах очень интересным. На станции Боровичи он встретил Александра, ехавшего в Тригорское. Как сказал мне Кошец, он очень был озабочен и очень рассеян, — я почти уверена, что брат твой ни слова не слышал из того, что Кошец ему говорил, и, когда я вчера ему о нем рассказала, он страшно был удивлен — он даже не подозревал, что тот едет из Варшавы и знает тебя, — словом, ему очень досадно, что он так холодно с ним обошелся. Наверное, он не сказал ему ни слова, приняв его за любопытного, которых столько на дороге, спешащих завязать знакомство с Александром. Кажется мне, Татаринов⁵ не спешит завязать таковое с нами, Кошец хочет его к нам привезть. Видала ты Гурьева — ты ничего мне о том не пишешь.

Натали разрешилась за несколько часов до приезда Александра, она уже его ждала, однако не знали, как ей о том сказать, и правда, удовольствие его видеть так ее взволновало, что она промучилась весь день. Вообрази, дорогая Ольга, мне невозможно поехать к ней из-за плохой погоды, ты знаешь, что

Дети А. С. Пушкина. Григорий, Мария, Наталия, Александр.
Рисунок Н. И. Фризенгоф. 1841 г.

движение коляски вызывает у меня спазмы, мне очень хотелось бы посмотреть на новорожденного, но что делать! Надо набраться терпения, еще более не терпится мне увидеть тебя с Лоло — тут уж никакое терпение не выдержит, — это меня огорчает, и, признаюсь тебе, когда я думаю обо всех испытываемых мною лишениях, я горько плачу, я такая нервная стала со времени своего выздоровления! Сама тому дивлюсь. Не тревожься, дорогой друг, видя мои длинные письма, писанье вовсе меня не утомляет, я очень покойно сижу в моем большом кресле и пишу на коленях, у меня не болит ни грудь, ни бок. Я почти совсем здорова. Тот раз я говорила тебе о нашем проекте съездить в Москву, но, кажется, мы не сможем его осуществить ранее Сентября месяца, мы думаем взять в Павловском дачу. Я слишком еще слаба, чтобы предпринимать такое длинное путешествие. Прощай, мой друг, целую тебя очень нежно, как и маленького Леона.

Анна Николаевна Вульф:

Я очень рада, дорогая Ольга, что ваша Мама оставила мне немножко места, чтобы написать вам и сказать, с какою радостью я узнала добрые о вас вести от Кош[ица], которого мы так долго ждали. Помнится, Алексис⁶ говорил мне, что это один из ваших поклонников, и очень оно на то похоже, ибо, кажется, он и сейчас вас очень любит. Что же до Т а т а р и н о в а — то он не хочет появиться. Здоровье вашей Мама было бы, я думаю, совсем хорошо, если б у нее меньше было тревог и больше душевного спокойствия. Александр на несколько дней съездил в Тригор[ское] и, воротившись, нашел жену свою разрешившеюся сыном — он говорит, что здесь ему невозможно жить и что ему надобно на несколько лет уехать в деревню, — но я не думаю, чтобы Натали на это согласилась. Г-н Кош[иц] говорит, что ваш Лоло прелестный мальчуган, я хотела бы вас с ним видеть. Нетти наконец беременна, и рада же она, ибо единственно этого не доставало в ее счастье⁷. А [нна] К[ерн] по-прежнему перебивается со дня на день. На днях я видела Катрин Ивел[ич], она неразлучна с г-жой Пушкиной⁸, которая говорит, что теперь у нее больше нет увлечений, но что она сделалась совершенной маленькой распутницей — так сказала мне вчера г-жа Стерич⁹. В этом году у нас вместо весны гадкая осень, и Петербург мне совсем уже наскучил, потому что в деревне все-таки лучше — сейчас уже много зелени, а здесь едва деревья зеленеют. Прощайте, дорогая Ольга, целую вас очень нежно.

Пвл. ИВ. 88. XII, с. 561, 562.

Врс., с. 792.

¹ Порай-Кошиц В. И.

² Пушкин Григорий Александрович (14 V 1835 — 15 VIII 1905). Окончил Пажеский корпус, служил в лейб-гвардии конном полку, в 1862 г. — в Министерстве внутренних дел, с 1875 г. — почетный мировой судья Опочецкого у., статский советник. Женат на Варваре Алексеевне Мельниковой, внучке В. П. Лохтиной (см. письмо 87, прим. 7). О нем см.: Шокальский Ю. Воспоминания // *Псв.* IV. С. 187; *РА.* 1895. XII. С. 500; Вересаев В. Пушкин в жизни. М.: Л., 1932. II. С. 232.

³ Гиппократ — знаменитый греческий врач с острова Коса, жил в IV в., умер в Лариссе, в Фессалии.

⁴ Чирков Никанор Николаевич, брат приятельницы О. С. — Елизаветы Николаевны Чирковой (письмо 50). Упоминается О. С. в письмах к Л. С. 1836—1837 гг. (*Псв.* XII. С. 88, 90).

⁵ См. письмо 112, прим. 29.

⁶ Вульф Ал. Н.

⁷ Трувеллер А. И. — см. письмо 80. Скончалась от родов 26 сентября 1835 г. «В Павловске мы узнали о смерти бедной Нетти», — писала О. С. А. П. Керн в окт. 1835 г. (*ПД.* ф. 244, оп. 20, № 50). Мужу она рассказывала: «У меня из головы не выходит бедная Нетти, которая умерла только что от последствий родов. Она так была счастлива и так хотела быть матерью! Бедная Над[ежда] Гавр[иловна], говорят, неутешна» (*Псв.* XVII—XVIII, с. 174). О смерти Т. см. также письмо М. Н. Сердобина к В. А. Вревскому (*Псв.* XXI—XXII. С. 392) и письма А. Н. Вульф сестре (*Псв.* XXI—XXII. С. 322, 329).

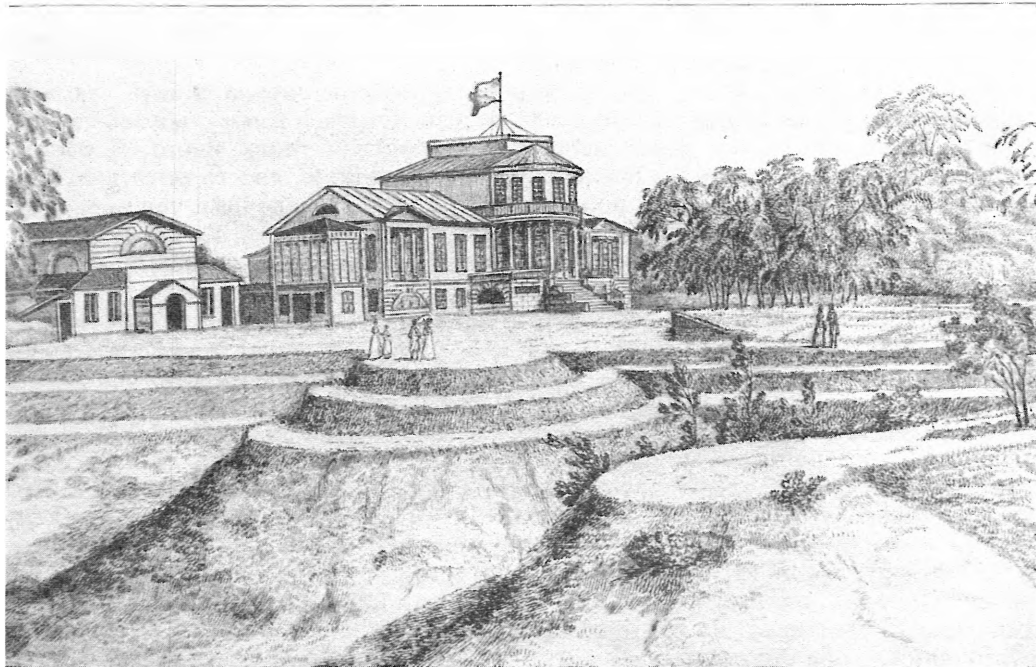
⁸ Мусина-Пушкина А. О.

⁹ Стерич или Штерич С. И.

115 Надежда Осиповна:

8 сего Июня [1835 г. Петербург]

Мне кажется, я очень давно не писала тебе, моя дражайшая Ольга, но после болезни у меня такая плохая память, я забываю числа и дни недели, перепутываю имена, что придает мне в обществе вовсе смешной вид; правда, общество мое ограничивается одним семейством Архаровых, где очень снисходительны к бедной выздоравливающей. Хорошая старуха перебирается в Павловское, и так как без моей жалкой особы она будет почитать себя несчастной, то она заставляет дочь свою Васильчикову¹ бегать в поисках квартиры для нас. Эта последняя уже нашла одну за четыреста рублей за все лето с мебелью, совсем новый дом; я думаю, что нам подойдет, я очень хотела бы уехать отсюда, мне пора начать пить Мариенбадские Воды. Но переезд наш зависит от Александра, нужно, чтобы он дал нам на то средства. Аннет Вульф и г-жа Керн третьего дня отбыли на Пироскафе в Петергоф к Нетти², где думают пробыть восемь дней и веселиться. Двор уже там. Думается мне, что Аннет, воротившись в Тригорское, смертельно будет скучать после рассеянной жизни, какую вела здесь, и время это приближается, — ее Мать ежели не приедет сама, то пришлет за ней число к 15-му этого месяца. Все, что ты говоришь мне о Лоло, мне большое доставляет удовольствие, дорогой Друг: я отсюда вижу это Дитя, такое веселое, такое милое, досадно, если ты его портишь, он станет капризный. Натали мне как-то сказала: — я уверена, что вы будете больше любить Лоло,

Усадьба Всеволожских Рябово под Петербургом.
Офорт. Перв. четв. XIX в.

чем моих детей, говорят, Бабушки больше любят детей дочери, нежели сына; ничего не знаю — я очень люблю М а ш у ³ и Сашу ⁴ и совсем особую нежность питаю к твоему маленькому Леону, — хоть и так издалека. Кстати о Лоло, я должна попросить у него прощения за маленькую кражу, которую я у него совершила, но которую уже возвращаю. Я отдала новорожденному одеяльце, предназначенное для Леона, но в воздаяние вяжу теперь для него другое, покрасивее и побольше, это очень справедливо, и мысль эта заставляет меня работать с большим удовольствием. К о ш е ц ⁵ редко нас навещает; как погода была очень хороша, то думаю, он гуляет на Островах; что до меня, то я по-прежнему хожу, коляска меня утомляет, хоть я и стараюсь к ней несколько привыкнуть. Все забываю сказать тебе, что я пью Аверину травку, раз ты того хочешь. Здоровье мое почти совсем хорошо, аппетит ко мне возвращается, я испытываю отвращение — вот уж 7 месяцев — лишь к чаю. Что еще скажу тебе, мой добрый друг? Талызины на даче, в двух верстах от деревни В с е в о л о ж с к и х, этого столь превозносимого П. М. П о л т о р а ц к и м ⁶ Р я б о в а ⁷, что в 18 верстах от Петербурга. Симанские ⁸ отсюда не двигаются, они живут на Ф у р ш т а т с к о й, это совсем близко от нас. Натали поручила мне тебя поцеловать, на этот раз она слаба; она лишь недавно оставила спальню и не решается ни читать, ни работать, у нее большие проекты по части развлечений, она готовится к Петергофскому празднику, который будет 1-го Июля, она собирается также кататься верхом со своими сестрами на Островах, она хочет взять дачу на Ч е р н о й Р е ч к е, ехать же подалеке, как желал бы ее Муж, она не хочет, — словом, чего хочет женщина, того хочет Бог. Письмо это уйдет лишь 11-го, в почтовый день, до тех пор я, может быть, еще тебе что-нибудь скажу, на сегодня довольно, иду обедать к моей Архарет, Папá обедает у Чичерина, который только что потерял 25-летнего сына ⁹.

Сергей Львович:

Дорогая Олинька!

Вполне согласен с Мамá: мы, правда, давно тебе не писали, и хоть дух мой озабочен, это мне не мешает много и всякий день думать и говорить о тебе и Лоло с каждым, кто хочет меня слушать, — и поверь — таких много. Я был у К о ш е ц а, которого застал в очень элегантном костюме, своего рода голубом сюртуке, вроде венгерки. С тех пор он у нас был, но в неурочный час — между полуднем и нашим обедом, в час моей прогулки и визитов Мамá. Впрочем, он кажется мне весьма добрым малым. Недавно мы получили письмо от Сонцовых — у Алиши ¹⁰ последнее время лихорадка, она говорит, что получила от тебя очень любезное письмо, она еще слаба, но не замедлит тебе ответить. Мы перебираемся в П а в л о в с к о е, и, при невозможности ехать в М и х а й л о в с к о е, для меня и это — счастье. В красную пору Петербург нестерпим, особенно для человека, любящего поля и сады, как я. Наш укралась год от году.

У нас нет писем от Леона, и мы по-прежнему в ожидании известия, что он на службе. Я хочу написать ему отсюда. П а в л о в с к о е недалеко, но доколе не будут знать, что мы там, — письма к нам будут запаздывать. Генерал Е с а к о в ¹¹, только что купивший занимаемый нами дом, мне кажется человеком весьма нелюбезным, и он не потрудится даже дать знать, где мы находимся. Александр не решил, что будет делать этим летом, по крайней мере мы о том не знаем. Прощай, дорогая Олинька! Миллион раз целую тебя от всего сердца, как и своего крестника. Да благословит вас Бог и да ниспошлет вам все радости этого мира — они составят мои.

Адрес рукою Сергея Львовича:

Его Высокоблагородию М. Г. Николаю Ивановичу Павлищеву. В Варшаве

на Краковском Предместье против Коперникова Памятника в Палатах Карся, для доставления Ольге Сергеевне Павлищевой.

Штемпеля и пометы: С. Петербург 11 Июня 1835.
45.89 Warszawa 29/6.

Пвл. ИВ. 88. XII, с. 562.

Врс., с. 792.

¹ Васильчикова А. И.

² Трувеллер А. И.

³ Пушкина М. А.

⁴ Пушкин А. А.

⁵ Порай-Кошиц В. И.

⁶ Полторацкий Петр Маркович (1775—1851), отец А. П. Керн, женат на Екатерине Ивановне Вульф (ум. 1832), сестре первого мужа П. А. Осиповой. Начал службу в лейб-гвардии Семеновском полку, затем был предводителем дворянства Лубенского у. Полтавской губ. О П. см.: *Майков*. С. 252; *Письма*. Т. II. С. 314.

⁷ Рябово — мыза под Петербургом, купленная В. А. Всеволожским у барона Карла Федоровича Клодта. О Рябове см.: *Греч*. С. 58; Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889. С. 63; Вяземский П. А.,

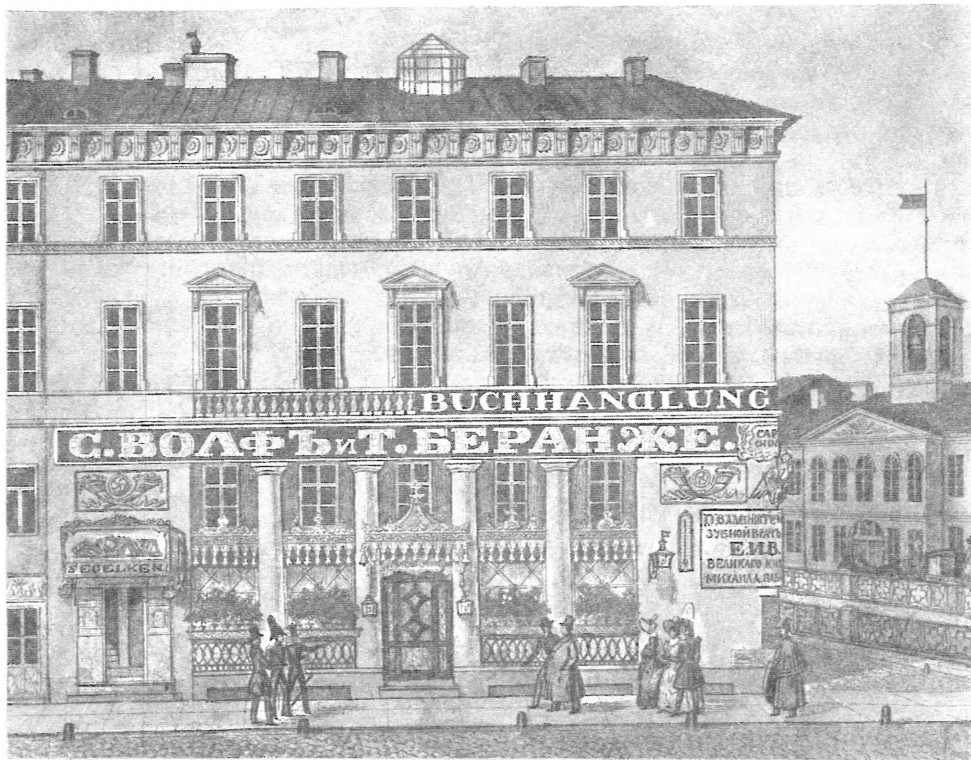
кн. *Письма к жене // Звенья*. VI. С. 263; Каменская М. Ф. Воспоминания // *ИВ*. 1894. V. С. 337; письмо К. Я. Булгакова брату // *РА*. 1903. III. С. 317.

⁸ Симанские Л. А. и Е. Л.

⁹ Чичерин П. А. — см. письмо 49. В мае 1835 г. умер сын Ч. — Александр Петрович (род. ок. 1809), воспитанник Пажеского корпуса, офицер лейб-гвардии кирасирского полка, участник Польской кампании. См. о нем: *Письма*. III. С. 4 и 133.

¹⁰ Сонцова О. М.

¹¹ Есаков — дядя товарища Пушкина по Лицею С. С. Есакова, генерал-лейтенант Дмитрий Семенович Есаков (Модзалевский Б. Л. Семен Семенович Есаков // *Псв*. II. С. 31).

Кондитерская Вольфа и Беранже, справа гостиница Демута.
Акварель. 1810-е гг.

19 сего Июня [1835 г. Петербург]

Сию минуту получила твое письмо, дорогая Ольга, я была уверена, что получу его сегодня, вчера я говорила о том с Ивеличевыми, которые провели у нас весь день с г-жой Княжьиной¹. Катрин² дала мне письмо для тебя, твое доставило мне и радость и горе одновременно: мой добрый друг, зачем эти черные мысли, право, я хорошо себя чувствую, мы завтра едем в Павловское, я век не видала Кошеца³, мой врач находит, что я очень хорошо выгляжу, я много хожу и даже время от времени катаюсь в коляске и по Воде. Я была на Черной Речке, а позавчера на Карповке у г-жи Веневитиновой⁴, где очень приятно провела день. Третьего дни мы получили письмо от Леона от 29 Мая, он ждет Розена⁵ к 15-му сего месяца, будучи по-прежнему в восторге от Тифлиса, который он называет лучшим краем в мире. Он объездил Грузию, провел две недели в имении вдовы Грибоедовой⁶, он говорит, что это были лучшие дни его жизни, что эта женщина прелестна, он снова туда поедет в ожидании Розена, он жаждет служить, он говорит, что начинает подумывать о карьере, хочет продвигаться и воевать.

Твой маленький Леон, должно быть, очарователен, очень нежно целую его в мыслях и тебя тоже, мой добрый друг, я очень тороплюсь, боюсь опоздать на почту, вот наш адрес: Через Царское Село в Павловское в Доме Крестьянина Удолова возле Немецкой Церкви.

Сергей Львович:

Я думаю, дорогая Олинька, ты еще должна была получить от нас письма после того, как писала только что нами полученное. Оно пришло, как ты и думала, за два дня до рождения Мамá. Мы рассчитываем завтра уехать в Павловское и провести там несколько месяцев. Признаюсь, мне жаль Михайловского, но на нет и суда нет. М-ль Вульф⁷ две недели как в Петергофе, и, по правде, это все-таки приводит меня в недоумение. Она прожила у нас пять месяцев и вдруг уезжает, так сказать с нами не попрощавшись. Мать ее должна быть на этих днях. Брат ее Алексис⁸ уже в Петербурге, она это знает и не возвращается. Мы не можем ее ждать, Мамá пора пить воды. Александр на три года едет в деревню, сам не зная куда. Как я надеюсь, что мы сможем, если Бог даст нам жизни, поехать на будущий год в Михайловское, то нам нельзя уступить его Александру на все это время. Лишиться сего последнего утешения вовсе не входит в наш расчет. Прощай, дорогой друг! Целую тебя от всей души, как и Лоло. Да дарует мне Небо милость его увидеть. Отсылать на почту более чем пора. Скажу тебе, как на печати К[атрин] Ивелич — adesso a sempre * тебе.

Пвл. ИВ. 88. XII, с. 564.
Врс., с. 793.

¹ Княжнина В. А.

² Ивелич Е. М.

³ Порай-Кошиц В. И.

⁴ Веңевитинова А. Н.

⁵ Розен Г. В.

⁶ Грибоедова Нина Александровна, урожд.

княжна Чавчавадзе (1812—1857), вдова А. С. Грибоедова, дочь эриванского губернатора князя А. Г. Чавчавадзе, известного грузинского поэта и переводчика. О Г. см.: Кипиани Д. И. Записки // РС. 1886. III. С. 523; Бороздин К. А. Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сва-

* Навеки предан (ит.).

нетия с 1854 по 1861 г. СПб., 1885. С. 14 и след.; письма Л. Л. Альбрандта к Б. Г. Чиляеву // *РА*. 1904. I. С. 138; Берже Ад. Смерть Грибоедова // *РС*. 1872. VI; 1876. VIII. С. 627; *Енциклопов.* С. 26. Письмо Г. к Б. Г. Чиляеву

// *РА*. 1904. I. С. 174. Имение Г., где гостил Л. С., — по всей вероятности, Цинандали в Кахетин.

⁷ Вульф А. Н.

⁸ Вульф Ал. Н.

117 Надежда Осиповна:

Павловское 3 сего Июля 1835

Вчера вечером мы получили твое письмо от 27 Июня, моя дражайшая Ольга. Грустные подробности болезни Лоло сокрушили мое сердце, я молю Бога возвратить ему здоровье и полагаюсь на милость Господню: Он сохранит нам это дорогое Дитя. Понимаю твою тревогу, сколько раз я сама проходила чрез эти испытания, при каждом новом зубе, который у тебя прорезывался, я боялась тебя потерять. Пусть тебя не пугает его худоба, мой добрый друг, ежели он ест и хорошо спит, он скоро пополнеет. С нетерпением буду ждать еще письма от тебя, я боюсь, как бы эти волнения не подействовали на твои нервы. Я в бешенстве на твоего врача, после болезни я невзлюбила их всех — сколько их ни есть. Если б я была возле тебя, я твоему дала бы отпор, я ни за что бы ему не позволила ставить пьявки, они полезны при горловой жабе, при крупе, но кто когда видел, чтобы употребляли это средство против простого кашля? Когда кашель пройдет и ему можно будет брать ванны, следовало бы, чтоб он принимал их с травкой, называемой Черная быльница, это его укрепит. Ты не представляешь себе, сколько сил это дает Детям. Потом, когда у него пойдут зубы, надо будет раз или два натереть ему десны кровью из петушиного гребня, но от петуха черного. Я это посоветовала Натали, и у ее детей зубы идут самым счастливым на свете образом¹. Теперь расскажу о себе, мой добрый друг. Мы в Павловском с 20 Июня, я начала пить свою воду 22-го, она заметно мне помогает, все находят, что я лучше выгляжу, я много могу ходить, и даже движение коляски меня более не утомляет, почти всякий день мы катаемся в лине с г-жой Архаровой. Я встаю в 7 часов, глотаю стакан воды и иду ходить, потом через четверть часа другой, затем третий, к обеду оно производит свое действие, и я свободна на весь день. Я должна продолжать это лечение до 20-го сего месяца. М-ль Шевич, горбатая, пьет те же воды и очень от них поправляется, ее сестра Александрин² вручает себя твоей памяти, она очень тобой интересуется, очень желала бы тебя видеть, она меня спрашивает, такая же ли ты все веселая и хохотушка, как во время оно, — она точно такова, какой была в Ревеле, она сильно располнела, это очень славная девушка, но, надо признаться, очень некрасивая. Она не захотела поехать с матерью на Петергофский праздник, осталась здесь с сестрой и М-ль Любинькой³, тогда как все жители Павловского устремились на этот блестящий праздник. Сегодня начинают возвращаться, не передаю тебе рассказов, уверена, что это тебя не интересует. Погода по-прежнему прекрасная, фейерверк был великолепный, нет, ошибаюсь, это была иллюминация, фейерверка не было. Натали, говорят, была дивно хороша, и правда, после последних родов она стала красива, как никогда, Они обещали приехать нас проведать, но я нимало тому не верю. Аннет Вульф мне пишет, брат ее тоже с нею, они ждут Прасковью

Александровну⁴, которая приедет, чтобы отвезти дочь обратно в Тригорское. Эфросина⁵ должна родить, скоро я получу о том весть; получаемые нами из Москвы не очень утешительны: у Алиши⁶ продолжается ее лихорадка, что много беспокоеств причиняет ее родителям. Письма их грустны, они не знают, когда смогут уехать в Каровино. Я забыла тебе сказать, что есть здесь еще человек, который тоже тебя просит его не забывать,— это Аннет Титова, кузина Катрин Ивелич. Она замужем за офицером Образцового полка, стоящего в Павловском, и живет в двух шагах от нас; она кажется очень счастливой, муж ее — некий г-н Измайлов⁷ — моложе ее и довольно красивый молодой человек. Они очень влюблены друг в друга, она только и говорит, что о своем Серже. Он каждое утро должен в 6 часов ходить в Славянку, она тотчас бежит ему навстречу, чтобы вместе с ним воротиться домой. Что еще скажу тебе, дорожку друг? Я только о тебе и думаю да о твоём ребенке. Тружусь над его одеяльцем, но очень не спеша, чтобы не остаться без работы. Прощай, береги свое здоровье, моя добрая Ольга, надо надеяться, что все пойдет хорошо. Да защитит тебя Небо, целую тебя очень нежно, как и Лоло, желая ему совершенного выздоровления. Не знаю, когда уйдет это письмо, но я поторопилась тебе ответить, не теряя времени. Скажи мне, писал ли тебе Кошиц⁸, он имел это намерение: он был у нас в день нашего отъезда, как и Мисс Гунтлер; она очень нас любит и говорит тебе тысячу милых вещей, она интересуется, какой у тебя Ребенок, и все время спрашивает, не приедешь ли ты как-нибудь в Петербург. Знаешь ли ты, что Александр в Сентябре месяце на три года уезжает в деревню, это решено, он уже получил отпуск, и Натали совершенно тому покорилась.

Сергей Львович:

То, что ты говоришь о своем Лоло, дорогая Олинька, мне стеснило сердце, я целый день был грустен, прочитав твое письмо тотчас, как встал с постели. Воображаю, что ты должна была испытать, видя его лишенным чувств. Вижу, что варшавские врачи стоят петербургских, эти всегда хотят пользоваться своих больных по модной системе и пробуют, какое действие произведут новые лекарства,— сомненья нет, они действуют ощупью, я прошу сказать им это в лицо, могу привести примеры, которых в этом году был очевидцем. Я очень рад, что в красную пору не нахожусь в Петербурге, но не могу сравнить Павловского с Михайловским, хотя мы имеем все основания его хвалить. К нам проявляют много участия и дружеских чувств, особенно г-жа Архарова, которую я люблю от всего сердца. Позавчера она повезла нас в linee в Царское Село, и мы осматривали Арсенал⁹, это действительно очень красиво и очень богато. Оружие всех стран и всех веков, Рыцари XIII и XIV-го, пешие и конные, в натуральную величину, как будто дышащие под своим вооружением; среди них Великий Магистр, совершающий обряд посвящения над рыцарем, который стоит на коленях,— я был всем этим поражен, и право, там можно вообразить себя персонажем из романа Вальтер Скотта¹⁰, но в действительности. Я много думал о тебе. Там есть и батальные картины, очень хорошие, и множество Бриллиантов.

Александр едет, но куда — мне ничего о том не известно, и сам он еще того не знает. Вряд ли приедет он нас навестить, а ежели и сделает это, то молнии подобно, а, однако, нам многое нужно порешить промеж себя прежде, нежели расстаться, быть может, на очень долго,— признаюсь, я не совсем спокоен. Прощай, дорогая и добрая и добрейшая Олинька. Мы чаще имеем вести от тебя, нежели из Петербурга, молю я Бога, чтобы ты дала нам утешительные о Лоло, которого благословляю от всего сердца.

¹ Простонародные средства лечения были в ходу в дворянском кругу того времени. Так, например, в семье декабриста А. М. Муравьева при прорезывании зубов у ребенка употребляли зубы живых мышей; больных — для понижения жара — обкладывали только что убитыми голубями (Штрайх С. Я. Роман Медокс. М., 1929. С. 242 и 290). Чернобыльник (народное название полыни) — лекарственная трава, входившая в набор знахаря Ерофеича (РА. 1902. II. С. 351).

² Шевич Л. И. и А. И.

³ Лицо неизвестное.

⁴ Осипова П. А.

⁵ Вревская Е. Н.

⁶ Сонцова О. М.

⁷ Измайлов С. М.

⁸ Порай-Кошиц В. И.

⁹ Арсенал в Царском Селе был построен Николаем I для коллекции древнего и современного оружия (РС. 1887. I. С. 56).

¹⁰ Вальтер Скотт (1771—1832) — знаменитый шотландский романист, поэт, историк, критик.

118 Надежда Осиповна:

Павловское 12 сего Июля 1835

Вчера был день твоего ангела, дорогая Ольга, я провела его, как провожу все дни моей жизни,— то есть думая о тебе, мой добрый друг, о нашей долгой разлуке; от этого мысли мои мрачны, на сердце у меня тяжело, и лишь слезы его несколько облегчают, но вряд ли это хорошее лекарство против желчи. С последнего твоего письма я все беспокоюсь о твоём ребенке, с нетерпением жду от тебя вестей, они должны прийти 17-го. Вот уже три недели как мы в П а в л о в с к о м, я продолжаю пить воды, все время гуляю, погода до сей поры очень была хороша, но со вчерашнего дня воздух стал холодный. Сегодня день рождения г-жи Архаровой, ей 80 лет; вчера после В с е н о щ н о й так трогательно было видеть эту добрую старуху, окруженную ее детьми, которых она благословляла, и благодарила Бога за счастье, которое он ей посылает и которым она наслаждалась в течение всей своей жизни. Дети г-жи Васильчиковой ¹ прелестны, старшей дочери 12 лет, а самому младшему нет еще трех. С о л о г у б ы толстые и большие, как отец и мать ². Мы весь день проведем у и м е н и н н и ц ы, торжество начинается с часу пополудни. Это несколько утомительно, но что делать, поздравлять ее сбегаются со всех сторон, и это доставляет ей удовольствие. Павловское в этом году переполнено, всякое Воскресенье в Саду музыка. Недавно я была в Ц а р с к о м С е л е у Клюпфелей ³, они очень рады были меня видеть, особенно, кажется, Лулу; они много говорили о тебе, мой добрый друг, и просили вручить себя твоей памяти. Старуха вовсе не изменилась, но во мне они нашли большую перемену, уверяя в то же время, что эта худоба делает меня более стройной,— у Лулу были слезы на глазах. Генерала Л я ж к о ⁴ я не видела, он был в лагере; познакомилась с его женой, которая вовсе мне не нравится. Это рослая женщина, собой ни хороша ни дурна, но серьезная и холодная, как Мисс Гунтлер, когда та в плохом духе. Ей как будто хотелось сказать Е т о ч т о з а ф и г у р, дети, однако же, очень хорошенькие и милые. Я еще не видала графини Толстой ⁵, с нею сестра ее Ватбольская ⁶ со всем своим семейством; у нее воспитывается маленький К у т л е р ⁷, ты знаешь, что мать померла, а муж, после этой утраты, был парализован,— теперь он за границей. Константин Толстой ⁸ часто нас навещает, он проводит лето у своего дяди ⁹, брат его Федор Петрович ¹⁰ на Крестовском. С тех пор, что мы в П а в л о в с к о м, Александр не подает признаков жизни; по слухам я знаю, что они веселятся, были в Петергофе и в Парголово у графини П[олье] ¹¹. Они

сказали г-же Шевич¹², что непременно приедут нас проведать, мы ждали их к 5-му и вчера, но, кажется мне, дождемся после дождичка в четверг. Оно не весело, ибо брат твой забывает, что мы не можем питаться воздухом. Я жду письма от Леона, дабы узнать, какова его судьба, надеюсь, он уже при Бароне Р[озене]¹³, — медленность почты невыносима. Варшавская составляет мое утешение. Сонцовы в Каровине, сестра моя с Катинькой¹⁴ ехали на почтовых, а Алиша¹⁵, по причине своей слабости, потихоньку и с роздыхами со своим отцом; они говорят об этом словно о тысячеверстном путешествии, смешно делается, как подумаешь, что верст всего сто. Вот все, что имею время сказать тебе сегодня, я должна одеваться. Целую тебя, сжимаю Лоло в своих объятиях и благословляю вас от глубины сердца. Говоря о гребне петуха, я забыла сказать тебе, что натирать десны нужно самым гребнем.

Сергей Львович:

В нашем последнем письме мы не поздравили тебя, дорогая Ольга, с днем твоего Ангела, хотя я о том и помнил, — но разве же всякий день и всякую минуту я не желаю тебе всего возможного счастья? — Надеюсь, Лоло совершенно оправился, — и вот одной тревогой меньше. Вчера мы получили письмо от г-жи Осиповой¹⁶, она две недели как в Петербурге и не подумала нас о том уведомить. Она была на Петергофском празднике. Теперь обещает нас проведать, проезжая здесь на обратном пути в Тригорское. Баронесса Вревская¹⁷ очень счастливо разрешилась сыном Николаем¹⁸. Аннет¹⁹ тоже нам пишет, мать и дочь тебя поздравляют. Александр не пишет нам вовсе, как будто бы мы в Кохинхине. Это щемит мне сердце, и я умолкаю. Несколько дней тому я ездил с Измайловыми²⁰ осматривать в Славянке дворец графини Самойловой²¹. Это — сокровище; невозможно представить себе ничего более элегантного в смысле мебели и всевозможных украшений²². Архитектором и декоратором является Брюлов²³. Все ходят смотреть это, точно в Эрмитаж. Ванная комната ее вся розовая, и волшебством цветного стекла, заменяющего окно, все там кажутся светло-розовыми, и сад и Небо чрез это стекло приобретает бесподобную окраску, а воздух кажется воспламененным. Говорят, это напоминает Небо Италии, — признаюсь, у меня от него заболели глаза, и когда я оттуда вышел, мне все, в течение трех или четырех минут, представлялось зеленым.

Вчера день у г-жи Архаровой мне очень был бы приятен, ежели меня не угнетала бы непрестанная тревога, от которой редко могу я отвлечься. Было 4 трапезы — завтрак, обед, закуска и ужин. Я воспользовался лишь одной, то есть обедом, — вечером танцевали: дети — с теми, кто перестал быть таковыми. Госпожа Симанская²⁴ приехала туда из Петербурга, сегодня утром она зайдет к нам. Прощай, дорогая Олинька, целую тебя от всего сердца как и маленького, молю Бога о его сохранении и о твоём счастье.

13 Июля

Врс., с. 794.

¹ Васильчикова А. И. Дети — Василий, Петр, Александр и две дочери.

² Соллогубы А. И. и С. И. Дети — Владимир и Лев.

³ Клюпфель (или Клюпфельд).

⁴ Лицо неизвестное.

⁵ Толстая Е. П.

⁶ Лицо неизвестное.

⁷ Лицо неизвестное.

⁸ Толстой К. П.

⁹ Толстой П. А., граф.

¹⁰ Толстой Федор Петрович, граф (10 II 1783 — 13 IV 1873), известный художник, живописец и медальер, вице-президент Академии художеств; первым браком женат на Анне Федоровне Дудиной (1792—1835), вторым — на Анастасии Ивановне Ивановой (1817 — I XI 1889). О Т. см.: Иордан Ф. И. Записки. М., 1918.

По указ.; Соколов П. П. Воспоминания. Л., 1930. По указ.; Каменская М. Ф. Воспоминания // *ИВ*. 1894. I—XII; Пассек Т. П. Из дальних лет: Воспоминания. М., 1963. Т. II. Гл. 44; Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1928. С. 161; *Греч*. По указ.; Юнге Е. Ф. Воспоминания. М. «Сфинкс», [1914]; *Письма*. I. С. 415; Некролог. Т.—*РА*. 1875. 12. С. 467. Записки Т.—*РС*. 1873. VII.

¹¹ Полье Варвара Петровна, графиня (1 II 1796 — 24 XII 1870), урожд. Шаховская, по первому браку графиня Шувалова, по третьему (с 1836 г.) — княгиня ди Бутера. О П.: *Свербеев*. Т. I. С. 406; т. II. С. 305; Каменская М. Ф. Воспоминания // *ИВ*. 1894. V. С. 352; Панаев В. И. Воспоминания // *ВЕ*. 1867; письма К. Я. Булгакова к брату // *РА*. 1903. VII. С. 444; *Модзалевский*. С. 352; *Дневник* М. С. 10, 111; Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. М.; Л., 1928. С. 325 и др.; *Письма*. II. С. 450; Вересаев В. В. Спутники Пушкина. М., 1937. Т. II; *Русские портреты*. Т. IV. № 90.

¹² Шевич М. Х.

¹³ Розен Г. В.

¹⁴ Сонцова Е. Л. и Сонцова Е. М.

¹⁵ Сонцова О. М.

¹⁶ А. Н. Вульф писала 3 авг. 1835 г. Е. Н. Вревской: «...в Павловском Пушкины нас ждут Бог знает с каких пор. Добрый Серг(ей) Львович уже сам приехал нас проведать на этих днях» (*Псв*. XXI—XXII. С. 328). См. также письмо М. Н. Сердобина Б. А. Вревскому от того же числа (там же).

¹⁷ Вревская Е. Н.

¹⁸ Вревский Николай Борисович, барон (15 VI 1835 — 24 VII 1835). См. о нем: *Псв*. I. С. 7.

¹⁹ Вульф А. Н.

²⁰ Измайловы С. М. и А. А.

²¹ Самойлова Юлия Павловна, графиня (1803—14 III 1875), урожд. графиня фон дер Пален, жена графа Н. А. Самойлова (ум. 1842), во втором браке — Пери, в третьем — графиня Морне. О С. см.: *Бутурлик*. 1897. Кн. 3. № 9. С. 75; 1901, XI. С. 420; письма О. С. к мужу // *Псв*. XVII. С. 171; Бернацкий В. А. Последняя в роде Скавронских // *РС*. 1914. XI—XII; Соколов П. П. Воспоминания. Л., 1930. С. 99, 324; переписка братьев Булгаковых // *РА*. 1901. VII. С. 420; 1903. V. С. 64; VI. С. 170; Гершензон М. Грибоедовская Москва // *Голос минувшего*. 1913. XII. С. 34; *Павлицев*. С. 394; *Русские портреты*. Т. V. № 13.

²² О дворце графини Ю. П. Самойловой в Графской (с 1850 г.—«Царской») Славянке, близ Павловска, построенном А. П. Брюлловым, см.: Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889. С. 17; Бурнашев В. П. Из воспоминаний петербургского старожилы // *РВ*. 1872. Т. 100. № 7. С. 71.

²³ Брюллов Александр Павлович (29 XI 1798 — 9 I 1877) — архитектор, художник; женат на баронессе А. А. Ралль (16 III 1810 — 14 III 1885). О Б. см.: Россет А. О. Рассказы про Пушкина // *РА*. 1882. № 2. С. 246; Иордан Ф. И. Записки. М., 1918. С. 158; Соколов П. П. Воспоминания. Л., 1930. По указ.; *Письма*. III. С. 305 и др.

²⁴ Симанская Е. Л.

119 Надежда Осиповна:

17 сего Июля [1835 г. Павловск]

Вчера мы имели удовольствие получить твое письмо, дражайшая моя Ольга, отвечаю тебе тотчас же, а письмо твоего мужа¹ отсылаю Александру на Черную Речку в дачу Миллера. Благодарю Бога, что Лоло здоров и у него есть зубок. Не могу выразить, что я испытываю после чтения твоего письма: счастье быть с тобою отравлено мыслью о жертвах, которые ты приносишь; ежели бы ты спокойно могла совершить это путешествие, единственной целью которого является свидание с нами, я была бы на вершине счастья, но тебя постигнет горе разлучиться с Мужем, путешествовать одной с Ребенком, сколько лишений для твоего сердца, мое не перестает биться, как подумаю, что через месяц, быть может ранее, я сожму тебя с Лоло в своих объятиях², я уверена, что здоровье ко мне воротится, ты составишь мое утешение. Дом, в котором мы здесь живем, мал и устроен так, что мы не сможем поселиться вместе, но, гуляя сегодня утром после того, как проглотила свой стакан воды, я отправилась на поиски квартирки для тебя, — по счастью, нашлась одна в двух шагах от нас, очень удобная, очень чистая, с мебелью, даже с маленькой кроваткой для Лоло, с садиком для него за 35 р. в месяц; я знаю хозяев, это

честные люди. Приезжай, моя добрая Ольга, да защитит тебя Небо, надеюсь, что после стольких горестей мы будем иметь и счастливые дни³. Прощай, мой друг, на сей раз могу сказать — до свиданья, я боюсь еще отдаться этой сладкой мысли. Целую тебя очень нежно.

Сергей Львович:

Дорогая Оленька!

Как скажу тебе, что я испытал, читая твое письмо! Это было вчера вечером, Мама́ не было дома. Я ждал ее, не ложась, до полуночи, чтобы объявить ей о твоём приезде и первым сообщить ей эту добрую весть. Разумеется, не ценой твоей разлуки с Николаем Ивановичем на столь долгое время хотелось бы нам вкусить счастье нового свиданья с тобой, — но, полагаюсь на Божественную благодать, придет время, когда мы все соединимся. В ожидании радости тебя обнять, придет тебе к своему сердцу я молю Небо благоприятствовать всем вашим начинаниям и благословляю маленького Лоло. Сколько я буду его любить. Сейчас иду отослать письмо Никол[ая] Ивановича Александру. Он вовсе нам не пишет, ни для того даже, чтобы осведомиться о нашем здоровье. Однако он хорошо знал, что Мама́ только начала выздоравливать, когда выехала из Петербурга. Ждем вестей от Леона. Прощай, Душинька, или лучше без прощай. Целую тебя тысячу раз.

Твои письма доходят к нам очень исправно прямо сюда, мы только что получили письмо от Сонцовых из Зарайска на 6-й день.

Врс., с. 794.

¹ Последнее известное письмо этого периода Н. И. Павлищева Пушкину датировано 24 апр. 1835 г. (XVI, 20).

² Л. Н. Павлищев в «Семейной хронике» рассказывает: «Над(ежда) Осиповна непременно хотела видеть и благословить внука. Увидев меня, она, правда весьма не надолго, оживилась, приказала, чтобы я находился в ее комнате безотлучно и чтобы меня, кроме ее и матери, никто не смел ласкать, даже Сергей Львович, которому она говорила: „Не целуй ребенка, он тебя испугается“. Таким образом, как рассказывала мне моя мать, я дневал-ночевал в комнате бабки и был бессознательным свидетелем ее кончины» (Павлищев. С. 63). В сент. 1835 г. О. С. писала мужу: «Александр (...) Лелю моего очень любит и ласкает» (Псв. XVII—

XVIII. С. 193). В дек. 1836 г. отцу: «Лоло (...) из блондина, каким был, сделался почти таким же брюнетом, и сильно похож на портрет Александра из Кавказского Пленника, что у нас есть» (Псв. XII. С. 91) — и ему же: «Знаете ли, он помнит мамá, когда я говорю ему ш у т — как она звала его — он отвечает б а б а и показывает, что она спит далеко» (ПФ, ф. 244, оп. 20, № 94).

³ А. Н. Вульф 3 авг. 1835 г. сообщала Е. Н. Вревской: «Пушкины (...) ждут Ольгу всякой день — и можешь представить, с какой радостью. Я тоже для них очень рада ее приезду: они не будут такие одинокие и покинутые, бедные старики! на этот раз она приезжает к ним надолго» (Псв. XXI—XXII. С. 328).

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Слонимская Лидия Леонидовна — писатель-переводчик, урожденная Кун, правнучка Ольги Сергеевны Павлищевой, родилась 2 ноября 1900 г. в Петербурге.

Ее отец — Леонид Карлович Кун, полковник Генерального штаба, мать — Елена Иосифовна Панэ, внучка сестры Пушкина. По отцу Елена Панэ итальянка, дочь музыканта Иосифа Рафаиловича Панэ, долгое время жившего в России и здесь женившегося на дочери Ольги Сергеевны и Николая Ивановича Павлищевых Надежде Николаевне, которую он и увез к себе на родину, в Италию. Сама Лидия Леонидовна пишет в своем предисловии о ее дальнейшей судьбе. Из четырех их детей — Гумберто (Николая), Ольги, Елены и Нины — последняя всех пережила. Ее письма со сведениями о членах семьи Павлищевых хранятся также в Пушкинском Доме.

Л. Л. Слонимская выросла в Петербурге, вышла замуж за Александра Леонидовича Слонимского (1881—1964), известного литературоведа и писателя. Начиная с первых работ: «Политические взгляды Пушкина» (1904), «Пушкин и декабристское движение» (1908), основной темой А. Л. Слонимского было творчество Пушкина. Наиболее значительный его труд — «Мастерство Пушкина» (1959). По его сценарию был создан фильм «Юность поэта» (1937), а в последние годы жизни он выпустил две повести для детей — «Детство Пушкина» (1960) и «Лицей» (1964), объединенные посмертно в книгу «Юность Пушкина» (1966).

Лидия Леонидовна лишь на год пережила своего мужа. Она умерла в Москве в 1965 г. Почти всю свою жизнь она посвятила переводам классиков мировой литературы — Джека Лондона, Теодора Драйзера, Жюль Верна, Ги де Мопассана и других. Исполняя семейный долг последней в роде, она вскоре после войны приступила к переводу и комментарию писем С. Л. и Н. О. Пушкиных к дочери, издать которые она так и не смогла.

В. Старк

ЛР № 030448
от 10 ноября 1992 г.

Сдано в набор 03.02.92. Подписано в печать 25.06.93. Формат 70×100¹/₁₆. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 30,22. Тираж 15 000 экз. Зак. 3403

Диапозитивы изготовлены в ГПП «Печатный Двор»
197110 Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

Издательство
«Пушкинский Фонд»
С.-Петербург, наб. реки Мойки, д. 12

Отпечатано в С.-Петербургской типографии № 1 ВО «Наука»
199034, С.-Петербург, В-34, 9 линия, 12

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Для заметок

Для заметок
